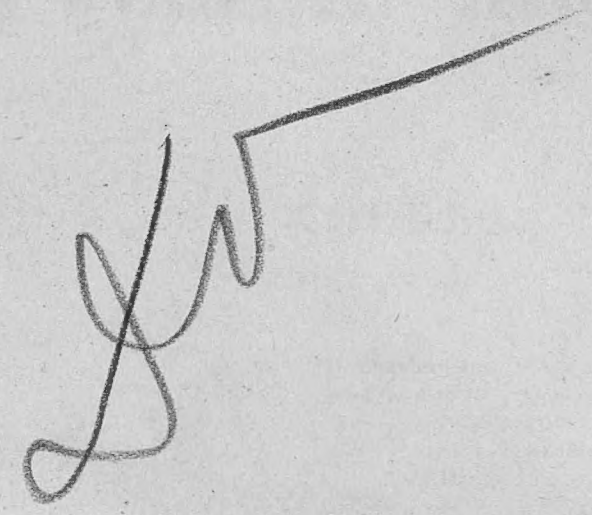
БИБЛІОТЕКА
Историко-литературныхъ и Юридическихъ
Высшихъ Женскихъ Курсовъ
Н. П. РАЕВА.

Шкафъ 1
Полка 3
№ 31
Инв. 94/908



РУССКАЯ БЕСѢДА

1. 3. 31.
94
1908

МОСКВА.

Помяните одно: только кóренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только кóренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?

Окруж. Грам. Москвы. (Акты Арх. Экс. Т. II. стр. 298).

Под. №-1
Жур
ф
56 968

1857.

I.

ВТОРЫЙ ГОДЪ.

КНИГА ПЯТАЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 2 дня 1857 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

БИБЛІОТЕКИ
Историко-Литературныхъ и Юридическихъ Курсовъ
Н. П. Раева.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПО ПРОЧТЕНІИ ПСАЛМА.

Земля трепещетъ: по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ: онъ судитъ міру.
«Израиль, Мой народъ, внимай!
Израиль, ты мнѣ строишь храмы;
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.
Къ чему мнѣ вашихъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды;
Я небо очертилъ рукой:
Хочу, и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ;
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.
Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ.
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины:

А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.
Къ чему куренья? Предо Мною
Земля со всѣхъ своихъ концевъ
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.
Къ чему огни? Не Я ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему:
Ты съ нимъ явись, и примиренный
Я всѣ дары твои приму.
Мнѣ нужно сердце чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ,
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна мнѣ правда на судѣ.

А. Хомяковъ.

ОТВѢТЪ.

Я знаю — въ часъ тоски тревожной
Мой жесткій стихъ тебя смутилъ,
И ты хвалой неосторожной
Мои стремленья оскорбилъ.
Ты міръ души не видишь тайный,
Ты за вседневный принялъ строй
Восторга мигъ необычайный,
Порывъ поэзіи живой.
Нѣтъ! пусть дары ея высоки,
Но даже лучшіе жрецы

Во храмѣ — вѣщіе пророки,
Внѣ храма — жалкіе слѣпцы!
Пускай поэтъ, небесъ избранникъ,
Но, къ долу снидя съ высоты,
Онъ снова узникъ, рабъ и данникъ
Страстей и мелкой суеты!

Такъ, въ громкихъ звукахъ пѣснопѣнья
Сокрыты всѣмъ мои борьбы,
Мои нечистыя влеченья
И сердца тайныя судьбы....
Все то, что жарко ненавидѣлъ,
Всю власть общественнаго зла,
Въ себѣ самомъ я съ дѣтства видѣлъ,
Во мнѣ самомъ она жила! —
И вотъ, тоской объятъ душевной,
Изъ хора всѣхъ доступныхъ музъ,
Я съ музой бодрой, строгой, гнѣвной,
Вступилъ въ воинственный союзъ!

Сурово пѣснь ея звучала,
Ничто не грѣло сердца въ ней,
Ревниво пламень охраняла
Она поэзіи своей.
Не прелесть праздная мечтанья,
Не нѣга сладостныхъ молитвъ,
Но злой порывъ негодованья,
Жестокій судъ, призывы битвъ,
Отвага дерзко молодая
Въ ней вдохновляли пѣсенъ строй, —
И каждый разъ, къ другимъ взывая,
Она глумилась надо мной;
Ко мнѣ, за каждый проблескъ нѣжный,
Былъ обращенъ ея укоръ,
Меня въ стихахъ ея мятежный
Казнилъ такъ часто приговоръ!...
Но никогда, на гибель брата,
Неправдѣ въ честь, во славу зла,

Она наперсницей разврата
Въ моемъ паденьи не была;
Порока темное жилище
Не огласилъ веселый стихъ....
Ее хвали: умнѣй и чище
Она и дѣлъ и чувствъ моихъ!

Но муза строгая нѣмѣетъ,
Тоской смущенная моей.
Мой черствый стихъ души не грѣетъ,
Другаго слова нужно ей!
Въ моихъ строфахъ насмѣшку злую
Читаю я; я слышу въ нихъ
Души разладъ и боль нѣмую
Сердечныхъ судорогъ моихъ.
Но, какъ плащемъ, рядясь борьбою,
Пустой, не давшею плода,
Стою предъ жизнію живою
Безъ животворнаго труда.
Порывъ, упрекъ, негодованья,
Какъ мнѣ наскучилъ вашъ причётъ!
Увы! путь мертвый отрицанья
Плодовъ живыхъ не принесетъ!...

Отвергну ль путь? Рѣшить не смѣю;
Въ стремленьѣ новомъ есть ли толкъ?
Но съ музой гнѣвною моею
Теперь на долго я умолкъ....

И. Аксаковъ.

1837. Москва.

ДОХОДНОЕ МѢСТО.

КОМЕДІЯ

въ V дѣйствіяхъ

А. Н. Островскаго.

ДѢЙСТВІЕ 1-Е.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АРИСТАРХЪ ВЛАДИМІРЫЧЬ, ВЫШНЕВСКІЙ, одряхлѣвшій старикъ съ признаками подагры.
АННА ПАВЛОВНА, ЖЕНА ЕГО, молодая женщина.
ВАСИЛІЙ НИКОЛАИЧЬ, ЖАДОВЪ, молодой человѣкъ, племянникъ его.
АКИМЪ АКИМЫЧЬ, ЮСОВЪ, старый чиновникъ, служащій подъ начальствомъ Вышневскаго.
ОНИСИМЪ ПАНФИЛЫЧЬ, БѢЛОГУБОВЪ, молодой чиновникъ, подчиненный Юсову.
АНТОНЪ, человѣкъ въ домѣ Вышневскаго.
МАЛЬЧИКЪ.

Большая зала въ домѣ Вышневскаго, богато меблированная. На лѣво дверь въ кабинетъ Вышневскаго, на право въ комнаты Анны Павловны; по обѣ стороны на стѣнахъ по зеркалу и подъ ними столики, прямо входная дверь.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Вышневскій *(въ байковомъ сюртукѣ и безъ парика)* и Вышневская *(въ утреннемъ нарядѣ). (Выходятъ изъ половины Вышневской).*

ВЫШНЕВСКІЙ.

Какая неблагодарность! Какая злоба! *(садится.)* Пять лѣтъ вы за мной за мужемъ, и въ пять лѣтъ я не могу ничѣмъ заслужить вашего расположенія. Странно! можетъ быть вы недовольны чѣмъ-нибудь?

ВЫШНЕВСКАЯ.

Нисколько.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Я думаю. Не для васъ ли я купилъ и отдѣлалъ великолѣпно этотъ домъ? Не для васъ ли я выстроилъ въ прошломъ году дачу? Чего у васъ мало? Я думаю, ни у одной купчихи нѣтъ столько брилліантовъ, сколько у васъ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Благодарю васъ. Впрочемъ я ничего отъ васъ не требовала.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Вы не требовали; но я долженъ былъ чѣмъ-нибудь вознаградить васъ за разность въ лѣтахъ. Я думалъ найти въ васъ женщину, способную оцѣнить жертвы, которыя я вамъ принесъ. Я вѣдь не волшебникъ, я не могу построить мраморныя палаты однимъ повелительнымъ движеніемъ руки. На шелкъ, на золото, на соболь, на бархатъ, въ которыя вы окутаны съ головы до ногъ, нужны деньги. Ихъ нужно доставать. А онѣ не всегда легко достаются.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Мнѣ ничего не нужно. Я ужъ говорила вамъ не одинъ разъ объ этомъ.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Но мнѣ нужно же наконецъ покорить ваше сердце. Ваша холодность меня сводитъ съ ума. Я страстный человѣкъ, изъ любви къ женщинѣ я способенъ на все! Я дѣлаюсь горячимъ, неразумнымъ юношей. Я купилъ вамъ въ нынѣшнемъ году подмосковную. Знаете ли, что деньги, на которыя я ее купилъ.... какъ бы это вамъ сказать? .. ну, однимъ словомъ, я рискнулъ болѣе, нежели позволяло благоразуміе. Я могу подлежать отвѣтственности.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Ради Бога, не дѣлайте меня участницею вашихъ поступковъ, если они не совсѣмъ честны. Не оправдывайте ихъ любовью ко мнѣ. Я васъ прошу. Для меня это невыносимо. Впрочемъ я не вѣрю вамъ. Пока вы меня не знали, вы жили и поступали точно также. Я даже передъ своей совѣстью не хочу отвѣчать за ваше поведеніе.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Поведеніе! Поведеніе! Изъ любви къ вамъ я готовъ даже на преступленіе. Чтобы только купить вашу любовь, я готовъ заплатить своимъ безчестіемъ. *(Встаетъ и подходитъ къ Вышневской.)*

ВЫШНЕВСКАЯ.

Аристархъ Владимірычь, я притворяться не могу.

ВЫШНЕВСКІЙ *(беретъ ее за руку.)*

Притворитесь! притворитесь!

ВЫШНЕВСКАЯ *(отвернувшись.)*

Никогда.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Но вѣдь я васъ люблю. *(Дрожа, опускается на колѣна.)* Я васъ люблю!

ВЫШНЕВСКАЯ.

Аристархъ Владимірычь, не унижайтесь! Вамъ одѣваться пора. (*Звонитъ. Вышневскій поднимается. Входитъ Антонъ изъ кабинета.*) Одѣваться Аристарху Владимірычу!

АНТОНЪ.

Пожалуйте, готово-съ. *(уходитъ въ кабинетъ, Вышневскій идетъ за нимъ.)*

ВЫШНЕВСКІЙ *(въ дверяхъ.)*

Змѣя! змѣя! *(уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ II-е.

ВЫШНЕВСКАЯ *одна (сидитъ нѣсколько времени задумавшись. Входитъ мальчикъ, подаетъ письмо и уходитъ.)*

Отъ кого это? *(распечатываетъ и читаетъ.)* Вотъ еще мило! Любовное посланіе. И отъ кого же! Пожилой человѣкъ, жена красавица. Мерзко! оскорбительно! Что дѣлать женщинѣ въ такомъ случаѣ? И какія пошлости написаны! какія глупыя нѣжности! Послать его назадъ? Нѣтъ, лучше показать его кой-кому изъ знакомыхъ, да посмѣяться вмѣстѣ, все таки развлеченіе; фу, какъ гадко! *(Уходитъ. Антонъ выходитъ изъ кабинета и становится у двери.)*

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Антонъ, Юсовъ и *потомъ* Бѣлогубовъ.

ЮСОВЪ *(входя съ портфелемъ.)*

Доложи-ка, Антоша. (*Антонъ уходитъ. Юсовъ поправляется передъ зеркаломъ.*)

АНТОНЪ *(въ дверяхъ.)*

Пожалуйте. (*Юсовъ уходитъ.*)

БѢЛОГУБОВЪ *(входитъ, вынимаетъ изъ кармана гребенку и причесывается.)*

Что, Акимъ Акимычь здѣсь-съ?

АНТОНЪ.

Сей часъ прошли въ кабинетъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

А сами-то какъ сегодня? Ласковы-съ?

АНТОНЪ.

Не знаю. (*Уходитъ. Бѣлогубовъ стоитъ у стола подлѣ зеркала.*)

ЮСОВЪ *(выходя, замѣтно важничаетъ.)*

А, ты здѣсь.

БѢЛОГУБОВЪ.

Здѣсь-съ.

ЮСОВЪ *(просматривая бумагу.)*

Бѣлогубовъ!

БѢЛОГУБОВЪ.

Чего изволите-съ.

ЮСОВЪ.

Вотъ, братецъ ты мой, возьми домой, перепиши это почище. Приказали.

БѢЛОГУБОВЪ.

Мнѣ приказали переписать-съ?

ЮСОВЪ *(садясь.)*

Тебѣ. У него, сказали, почеркъ хорошъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Мнѣ очень пріятно слышать-съ.

ЮСОВЪ.

Такъ ты слушай, братецъ; ты не торопись. Главное, чтобы было почище. Видишь, куда посылать...

БѢЛОГУБОВЪ.

Я вѣдь, Акимъ Акимычь, понимаю-съ. Каллиграфически напишу-съ, всю ночь просижу.

ЮСОВЪ *(вздыхаетъ.)*

Охо-хо-хо! — охо-хо-хо!

БѢЛОГУБОВЪ.

Мнѣ, Акимъ Акимычь, только бы обратили вниманіе.

ЮСОВЪ *(строго.)*

Что ты шутишь этимъ, что-ли?

БѢЛОГУБОВЪ.

Какъ можно-съ.

ЮСОВЪ.

Обратили вниманіе. Легко сказать! Чего еще нужно чиновнику! Чего онъ еще желать можетъ!

БѢЛОГУБОВЪ.

Да-съ.

ЮСОВЪ.

Обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человѣкъ, дышешь; а не обратили, — что ты?

БѢЛОГУБОВЪ.

Ну, что ужъ-съ.

ЮСОВЪ.

Червь.

БѢЛОГУБОВЪ.

Я, кажется, Акимъ Акимычь, стараюсь-съ.

ЮСОВЪ.

Ты? (*Смотритъ на него.*) Ты у меня на хорошемъ замѣчаніи.

БѢЛОГУБОВЪ.

Я, Акимъ Акимычь, даже въ пищѣ себѣ отказываю, чтобъ быть чисто одѣтымъ. Чисто одѣтый чиновникъ вѣдь всегда на виду у начальства-съ. Вотъ извольте посмотрѣть, какъ талія.... (*поворачивается.*)

ЮСОВЪ.

Постой (*оглядываетъ его и нюхаетъ табакъ.*) Талія хорошо.... Да еще Бѣлогубовъ, смотри, пограмотнѣй.

БѢЛОГУБОВЪ.

Вотъ правописаніе-то я, Акимъ Акимычь, плохо-съ.... Такъ что, повѣрите ли, самому обидно.

ЮСОВЪ.

Эка важность правописаніе! Не все вдругъ, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потомъ ужъ съ этого и пиши. Слышишь, что я говорю?

БѢЛОГУБОВЪ.

Ужь попрошу кого нибудь-съ поправить; а то все Жадовъ смѣется-съ.

ЮСОВЪ.

Кто?

БѢЛОГУБОВЪ.

Жадовъ-съ.

ЮСОВЪ (*строго.*)

Да самъ то онъ что такое? Что за птица? Еще смѣется!

БѢЛОГУБОВЪ.

Какъ же-съ, вѣдь надо показать, что ученый-съ.

ЮСОВЪ.

Тьфу! Вотъ что онъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Я даже никакъ не могу опредѣлить его, Акимъ Акимычь, что онъ за человѣкъ-съ.

ЮСОВЪ.

Ничтожество.... (*молчаніе.*) Сей часъ я тамъ былъ (*показывая на кабинетъ*), такъ говорили: (*тихо*) не знаю, что съ племянникомъ дѣлать! Пойми изъ этого.

БѢЛОГУБОВЪ.

А вѣдь какъ о себѣ-то много мечтаетъ-съ.

ЮСОВЪ.

Высоко летаетъ, да гдѣ-то сядетъ! Ужь чего лучше: жилъ здѣсь, на всемъ на готовомъ. Что жъ ты думаешь, благодарность онъ чувствовалъ какую нибудь? Уваженіе отъ него видѣли? Какъ же не такъ. Грубость, вольнодумство.... Вѣдь хоть и родственникъ ему, а все-таки особа... кто же станетъ переносить? ну, вотъ ему и сказали другу милому: поди-ко поживи своимъ разумомъ, на десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, авось поумнѣе будешь.

БѢЛОГУБОВЪ.

Вотъ глупость-то до чего доводитъ-съ, Акимъ Акимычь! Кажется, то есть.... Господи.... этакое счастіе! Поминутно долженъ Бога благодарить. Вѣдь такъ я говорю, Акимъ Акимычь, долженъ онъ Бога благодарить-съ?

ЮСОВЪ.

Еще бы.

БѢЛОГУБОВЪ.

Самъ отъ своего счастія бѣгаетъ. Чего ему еще нужно-съ? Чинъ имѣетъ, въ родствѣ съ такимъ человѣкомъ, содержаніе имѣлъ готовое; кабы захотѣлъ, могъ бы мѣсто имѣть хорошее, съ большимъ доходомъ-съ. Вѣдь Аристархъ Владимірычь ему не отказали бы?

ЮСОВЪ.

Ну, вотъ поди же!

БѢЛОГУБОВЪ.

Мое мнѣніе такое, Акимъ Акимычь, что другой человѣкъ съ чувствомъ, на его мѣстѣ сталъ бы сапоги чистить Аристарху Владимірычу; а онъ еще огорчаетъ такого человѣка.

ЮСОВЪ.

Все гордость да разсужденіе.

БѢЛОГУБОВЪ.

Какое же разсужденіе! Объ чемъ мы можемъ разсуждать? Я, Акимъ Акимычь, никогда....

ЮСОВЪ.

Еще бы ты-то.

БѢЛОГУБОВЪ.

Я никогда-съ.... потому это ни къ чему не ведетъ къ хорошему, окромя непріятности.

ЮСОВЪ.

Какъ же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что въ университетѣ былъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Какая же польза отъ ученья, когда въ человѣкѣ нѣтъ страху.... никакого трепету передъ начальствомъ?

ЮСОВЪ.

Чего?

БѢЛОГУБОВЪ.

Трепету-съ.

ЮСОВЪ.

Ну, да.

БѢЛОГУБОВЪ.

Меня бы, Акимъ Акимычь, столоначальникомъ-съ.

ЮСОВЪ.

У тебя губа-то не дура.

БѢЛОГУБОВЪ.

Я вѣдь больше потому-съ, что у меня теперь невѣста есть-съ. Барышня и отлично образованная-съ. Только безъ мѣста нельзя-съ, кто жъ отдастъ.

ЮСОВЪ.

Что жъ не покажешь?

БѢЛОГУБОВЪ.

Первымъ долгомъ-съ.... хоть нынче же.... какъ вмѣсто родственника-съ.

ЮСОВЪ.

А объ мѣстѣ я доложу. Мы подумаемъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Мнѣ бы ужъ это мѣсто на всю жизнь-съ. Я хоть подписку дамъ, потому выше я не могу-съ. Мнѣ не по способностямъ.

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Тѣже и Жадовъ *(входитъ.)*

ЖАДОВЪ.

Что, дядюшка занятъ?

ЮСОВЪ.

Занятъ.

ЖАДОВЪ

Ахъ, жалко! А мнѣ очень нужно его видѣть.

ЮСОВЪ.

Можно и подождать, у нихъ дѣла-то поважнѣй вашихъ.

ЖАДОВЪ.

Почемъ вы знаете мои дѣла?

ЮСОВЪ *(смотритъ на него и смѣется.)*

Какія у васъ дѣла! Такъ вздоръ какой нибудь.

ЖАДОВЪ.

Съ вами лучше не говорить, Акимъ Акимычь; вы всегда на грубость напрашиваетесь: *(Отходитъ и садится на авансцену.)*

ЮСОВЪ *(Бѣлогубову.)*

Каковъ?

БѢЛОГУБОВЪ *(громко.)*

Не стоитъ вниманія разговаривать-то! Только вамъ на старости лѣтъ себя безпокоить. Прощайте-съ. *(уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Жадовъ и Юсовъ.

ЮСОВЪ *(про себя.)*

Ха, ха, ха! Жили, жили да, слава Богу, дожили. Мальчишки стали носъ поднимать.

ЖАДОВЪ *(оглядывается)*

Что вы тамъ ворчите?

ЮСОВЪ *(продолжаетъ.)*

Дѣлать, что приказано, мы не любимъ, а разсуждать вотъ наше дѣло. Какъ можно намъ въ канцеляріи сидѣть!— Насъ бы всѣхъ министрами сдѣлать! Ну, что жъ дѣлать, ошиблись, извините, пожалуйста, не знали вашихъ талантовъ. Сдѣлаемъ министрами, непремѣнно сдѣлаемъ.... погодите немножко.... завтра же.

ЖАДОВЪ *(про себя.)*

Надоѣлъ!

ЮСОВЪ.

Боже мой! Боже мой! Ни стыда, ни совѣсти. У другаго еще и губы не обсохли, а ужь амбицію показываетъ. Кто я! Не тронь меня! *(Входитъ Антонъ.)*

АНТОНЪ *(Юсову.)*

Пожалуйте къ барину. *(Юсовъ уходитъ въ кабинетъ.)*

ЖАДОВЪ.

Скажи Аннѣ Павловнѣ, что я хочу ихъ видѣть.

АНТОНЪ.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI-е

ЖАДОВЪ *(одинъ.)*

Что этотъ старый хрычъ разворчался! Что я ему сдѣлалъ! Университетскихъ, говоритъ, терпѣть не могу. Да развѣ я виноватъ? Вотъ и служи подъ этакимъ начальствомъ. А впрочемъ, что же онъ мнѣ сдѣлаетъ, коли я буду себя вести хорошо? А вотъ какъ вакансія откроется, такъ, пожалуй, мѣстомъ и обойдутъ. Отъ нихъ станется.

ЯВЛЕНІЕ VII-е

Жадовъ и Вышневская.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Здравствуйте, Василій Николаичъ!

ЖАДОВЪ.

Ахъ, тетенька, здравствуйте! *(Цѣлуетъ у нея руку.)* Я вамъ новость скажу.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Садитесь. *(садятся)*. Что за новость?

ЖАДОВЪ.

Я жениться хочу.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Не рано ли?

ЖАДОВЪ.

Влюбленъ, тетушка, влюбленъ. И какая дѣвушка-то! Совершенство!

ВЫШНЕВСКАЯ.

А богата она?

ЖАДОВЪ.

Нѣтъ, тетушка, у ней ничего нѣтъ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Чѣмъ же вы жить-то будете?

ЖАДОВЪ.

А голова-то, а руки-то на что? Неужели мнѣ весь вѣкъ жить на чужой счетъ? Конечно, другой былъ бы радъ, благо случай есть, а я не могу. Ужъ не говоря про то, что для этого я долженъ, изъ угожденія дядѣ, противорѣчить собственнымъ убѣжденіямъ. А кто жъ будетъ работать-то? Зачѣмъ же насъ учили-то? Дядя совѣтуетъ прежде нажить денегъ, какимъ бы то ни было образомъ, купить домъ, завесть лошадей, а потомъ ужь завести и жену. Могу ли я согласиться съ нимъ! Я полюбилъ дѣвушку, какъ любятъ только въ мои лѣта. Неужели я долженъ отказаться отъ счастія отъ того только, что она не имѣетъ состоянія?

ВЫШНЕВСКАЯ.

Страдаютъ не отъ одной бѣдности, страдаютъ и отъ богатства.

ЖАДОВЪ.

Помните наши разговоры съ дядей? Что ни скажешь, бывало, противъ взятокъ или вообще противъ всякой неправды, у него одинъ отвѣтъ: поди-ко поживи, не то заговоришь. Ну, вотъ я и хочу пожить, да еще и не одинъ, а съ молодой женою.

ВЫШНЕВСКАЯ. *(вздыхая.)*

Да, позавидуешь женщинамъ, которыхъ любятъ такіе люди, какъ вы.

ЖАДОВЪ *(цѣлуя руку.)*

Ужъ какъ я буду трудиться, тетушка! Большаго, вѣроятно, жена отъ меня не потребуетъ. А если и случится даже нѣкоторое время перенести нужду, такъ, вѣроятно, Полина изъ любви ко мнѣ не покажетъ и виду неудовольствія. Но, во всякомъ случаѣ, какъ бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже милліонной доли тѣхъ убѣжденій, которыми я обязанъ воспитанію.

ВЫШНЕВСКАЯ.

За васъ-то можно поручиться; но ваша жена.... молодая женщина! Ей трудно будетъ перенести какой бы то ни было недостатокъ. У насъ очень дурно воспитываютъ дѣвушекъ. Вы, молодые люди, представляете насъ ангелами; а повѣрьте, Василій Николаичъ, что мы хуже мужчинъ. Мы корыстнѣе, пристрастнѣе. — Что дѣлать! нужно признаться: въ насъ чувства чести и строгой справедливости гораздо меньше. Что еще въ насъ не хорошо, такъ это— недостатокъ деликатности. Женщина способна упрекнуть, что̀ рѣдкій развитой мужчина позволитъ себѣ. Самыя обидныя колкости не рѣдки между короткими пріятельницами. Иногда глупый попрекъ женщины тяжелѣе всякой обиды.

ЖАДОВЪ.

Это правда. Но я самъ буду ее воспитывать. Она еще совсѣмъ ребенокъ, изъ нея еще можно сдѣлать всё. Только надобно её поскорѣй вырвать изъ семейства, пока не успѣли ее испортить пошлымъ воспитаніемъ. А какъ сдѣлаютъ ее барышней въ полномъ смыслѣ этого слова, тогда ужъ поздно.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Не смѣю сомнѣваться и не хочу васъ разочаровывать. Было бы неблагородно съ моей стороны охлаждать васъ на первыхъ порахъ. Давайте больше воли вашему сердцу, пока оно еще не зачерствѣло. Не бойтесь бѣдности. Богъ

васъ благословитъ. Повѣрьте, что никто такъ не желаетъ вамъ счастья, какъ я.

ЖАДОВЪ.

Я всегда былъ въ этомъ увѣренъ, тетушка.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Одно меня безпокоитъ: ваша петерпимость. Вы постоянно наживаете себѣ враговъ.

ЖАДОВЪ.

Да, мнѣ всѣ говорятъ, что я петерпимъ, что отъ этого я много терплю. Да развѣ петерпимость недостатокъ? Развѣ лучше равнодушно смотрѣть на Юсовыхъ, Бѣлогубовыхъ и на всѣ мерзости, которыя постоянно кругомъ тебя дѣлаются? Отъ равнодушія не далеко до порока. Кому порокъ не гадокъ, тотъ самъ по немногу втянется.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Я не называю петерпимость недостаткомъ, только знаю по опыту, какъ она неудобна въ жизни. Я видала примѣры.... когда нибудь вы узнаете....

ЖАДОВЪ.

Какъ вы думаете, откажетъ мнѣ дядюшка, или нѣтъ? Я хочу попросить прибавки жалованья. Мнѣ бы теперь очень кстати.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Не знаю. Попросите. *(Входятъ Вышневскій во фракѣ и парикѣ и Юсовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

Тѣже, Вышневскій и Юсовъ.

ВЫШНЕВСКІЙ *(Жадову.)*

А, здравствуй! *(садится.)* Садись! Садись, Акимъ Акимычъ! Ты все лѣнишься, на службу рѣдко ходишь.

ЖАДОВЪ.

Дѣлать нечего. Не даютъ дѣла.

ЮСОВЪ.

Мало ли дѣла у насъ!

ЖАДОВЪ.

Переписывать-то? Нѣтъ ужъ я слуга покорный! На это у васъ есть чиновники способнѣе меня.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Ты все еще не уходился, мой милый. Все проповѣди читаешь. *(Къ женѣ.)* Представьте: читаетъ въ канцеляріи писарямъ мораль, а тѣ, патурально, ничего не понимаютъ, сидятъ, разиня ротъ, выпуча глаза. Смѣшно, любезный!

ЖАДОВЪ.

Какъ я буду молчать, когда на каждомъ шагу вижу мерзости? Я еще не потерялъ вѣру въ человѣка, я думаю, что мои слова произведутъ на нихъ дѣйствіе.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Онѣ ужъ и произвели, ты сталъ посмѣшищемъ всей канцеляріи. Ты ужъ достигъ своей цѣли, успѣлъ сдѣлать такъ, что всѣ съ улыбкой переглядываются и перешептываются, когда ты входишь, и распространяется общій хохотъ, когда ты уйдешь.

ЮСОВЪ.

Да-съ.

ЖАДОВЪ.

Однако, что же смѣшнаго въ моихъ словахъ?

ВЫШНЕВСКІЙ.

Все, мой другъ. Начиная отъ излишняго, нарушающаго приличія увлеченія, до ребяческихъ, непрактическихъ выводовъ. Повѣрь, что каждый писецъ лучше тебя знаетъ жизнь; знаетъ по собственному опыту, что лучше быть сытымъ, чѣмъ голоднымъ философомъ, и твои слова, естественно, кажутся имъ глупыми.

ЖАДОВЪ.

А мнѣ кажется, что они знаютъ только то, что взяточникомъ быть выгоднѣе, нежели честнымъ человѣкомъ.

ЮСОВЪ.

Гмъ, гмъ.....

ВЫШНЕВСКІЙ.

Глупо, мой милый. И дерзко, и глупо.

ЖАДОВЪ.

Позвольте, дядюшка! Для чего же насъ учили, для чего же въ насъ развивали такія понятія, которыхъ нельзя выговорить въ слухъ безъ того, чтобы вы не обвинили въ глупости или дерзости?

ВЫШНЕВСКІЙ.

Не знаю, кто васъ тамъ и чему училъ. Мнѣ кажется, что лучше учить дѣлать дѣло и уважать старшихъ, чѣмъ болтать вздоръ.

ЮСОВЪ.

Да-съ, гораздо-бы лучше.

ЖАДОВЪ.

Извольте, я буду молчать; но разстаться съ моими убѣжденіями я не могу: онѣ для меня единственное утѣшеніе въ жизни.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Да, на чердакѣ, за кускомъ чернаго хлѣба. Славное утѣшеніе! Съ голоду восхвалять свою добродѣтель и ругать товарищей и начальниковъ за то, что они умѣли устроить свою жизнь и живутъ въ довольствѣ, семейно и счастливо.—Прекрасно! тутъ и зависть пособитъ.

ЖАДОВЪ.

Боже мой!

ВЫШНЕВСКАЯ.

Это жестоко.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Пожалуйста, не думай, чтобы ты говорилъ что-нибудь новое. Всегда это было и всегда будетъ. Человѣкъ, который не умѣлъ или не успѣлъ нажить себѣ состояніе, всегда будетъ завидовать человѣку съ состояніемъ—это въ натурѣ человѣка. Оправдать зависть тоже легко. Завидующіе люди обыкновенно говорятъ: я не хочу богатства; я бѣденъ, но благороденъ.

ЮСОВЪ.

Медоточивыя уста!

ВЫШНЕВСКІЙ.

Благородная бѣдность хороша только на театрѣ. А попробуй перенести ее въ жизни. Это, мой другъ, не такъ легко и пріятно, какъ намъ кажется. Ты же привыкъ слушаться только самаго себя, пожалуй, еще женишься. Что тогда будетъ? Вотъ любопытно.

ЖАДОВЪ.

Да, дядюшка, я женюсь и хотѣлъ объ этомъ говорить съ вами.

ВЫШНЕВСКІЙ.

И, вѣроятно, по любви, на бѣдной дѣвушкѣ, а еще, пожалуй, и на дурѣ, которая объ жизни имѣетъ столько же понятія, сколько и ты. Но ужъ навѣрно она образована и поетъ подъ разстроенныя фортепьяно: съ милымъ рай и въ шалашѣ.

ЖАДОВЪ.

Да, она бѣдная дѣвушка.

ВЫШНЕВСКІЙ.

И прекрасно.

ЮСОВЪ.

Для размноженія нищихъ-съ....

ЖАДОВЪ.

Акимъ Акимычь, не оскорбляйте меня. Я вамъ не давалъ на это никакого права. Дядюшка, бракъ дѣло великое, и я думаю, что каждый въ этомъ дѣлѣ долженъ слѣдовать собственному внушенію.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Сдѣлай милость, тебѣ никто и не мѣшаетъ. Только подумалъ ли ты вотъ объ чемъ? Ты, конечно, любишь свою невѣсту?

ЖАДОВЪ.

Разумѣется, люблю.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Что же ты готовишь для нея, какія радости въ жизни? Нищету, всевозможныя лишенія. По моему мнѣнію, кто любитъ женщину, тотъ старается усыпать путь ея, такъ сказать, всѣми наслажденіями.

ЮСОПЪ.

Да-съ.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Вмѣсто шляпокъ тамъ и разныхъ модъ, которыя женщины считаютъ необходимыми, ты будешь ей читать лекціи о добродѣтели. Она, конечно, изъ любви тебя выслушаетъ, а шляпокъ и салоповъ у нея все таки не будетъ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Въ его лѣта еще любовь не покупаютъ.

ЖАДОВЪ.

Тетушка говоритъ правду.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Я согласенъ, покупать любовь тебѣ нѣтъ надобности; но вознаградить ее, отплатить за любовь обязанъ всякій, иначе самая безкорыстная любовь остынетъ. Пойдутъ попреки, сѣтованія на судьбу. Не знаю, каково будетъ тебѣ переносить, когда жена помимутно будетъ раскаяваться въ слухъ, что по неопытности связала свою судьбу съ нищимъ. Однимъ словомъ, ты *обязанъ* составить счастіе женщины, которую ты любишь. А безъ богатства или, по крайней мѣрѣ, довольства нѣтъ счастія для женщины. Ты, можетъ быть, по своему обыкновенію, станешь мнѣ противорѣчить; такъ я тебѣ докажу, что это правда. Оглянись вокругъ себя: какая умная дѣвушка задумается выйти за мужъ за богатаго старика или урода? Какая мать усомнится выдать дочь такимъ образомъ даже противъ ея воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество, и благодаря Бога, что онъ послалъ ея Машенькѣ или Анпушкѣ такое счастье. Каждая мать напередъ увѣрена, что дочь послѣ будетъ благодарить ее. Да и для собственнаго спокойствія, которое тоже что нибудь стоитъ, мужъ долженъ обезпечить жену совершенно въ матеріальномъ отно-

шенiи; тогда даже.... даже если жена и не совсѣмъ счастлива, такъ не имѣетъ права.... не смѣетъ жаловаться. (*съ жаромъ*) Женщинѣ, взятой изъ бѣдности и окруженной попеченiями и роскошью, кто же повѣритъ, что она несчастлива? Спроси у жены, правду ли я говорю.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Ваши слова такъ умны и убѣдительны, что могутъ обойтись и безъ моего согласiя. (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНIЕ IX.

Тѣ же, безъ Вышневской.

ЖАДОВЪ.

Не всѣ же женщины таковы, какъ вы говорите.

ВЫШНЕВСКIЙ.

Почти всѣ. Есть конечно исключенiя; но мудрено, чтобъ на твою долю выпало это исключенiе. Для этого надобно пожить, поискать, а не влюбляться, какъ ты, въ первую встрѣчную. Послушай, я съ тобой буду говорить, какъ родственникъ, потому что мнѣ жаль тебя. Что ты въ самомъ дѣлѣ о себѣ думаешь? Какъ ты будешь жить съ женой безъ средствъ?

ЖАДОВЪ.

Я буду жить трудомъ. Я надѣюсь, что спокойствiе совѣсти можетъ замѣнить для меня земныя блага.

ВЫШНЕВСКIЙ.

Труда твоего мало будетъ для поддержки семейства. Мѣста хорошаго ты не получишь, потому что ты съ своимъ глупымъ характеромъ не съумѣешь ни одного начальника расположить въ свою пользу, а скорѣе вооружишь. Спокойствiе совѣсти тоже не спасетъ тебя отъ голоду. Вотъ видишь, мой другъ, въ обществѣ замѣтно распространяется роскошь; а ваши спартанскiя добродѣтели не живутъ

вмѣстѣ съ роскошью. Мнѣ твоя мать поручила заботиться о тебѣ, и я обязанъ для тебя сдѣлать все, что могу. Вотъ что я тебѣ совѣтую въ послѣдній разъ: укроти немного свой характеръ, брось завиральныя идеи, брось, глупо вѣдь, служи, какъ служатъ всѣ порядочные люди, то есть, гляди на жизнь и на службу практически. Тогда я могу тебѣ помочь и совѣтомъ, и деньгами, и протекціей. Ты ужъ не маленькой, — жениться сбираешься.

ЖАДОВЪ.

Никогда!

ВЫШНЕВСКІЙ.

Какъ это громко: «никогда!» и какъ это глупо вмѣстѣ съ тѣмъ! Я такъ думаю, что ты возмешься за умъ; я довольно видѣлъ такихъ примѣровъ, только смотри, не опоздай. Теперь у тебя есть случай и покровительство, а тогда можетъ не быть: ты испортишь карьеру, товарищи твои уйдутъ впередъ, трудно будетъ тебѣ начинать опять сначала. Я говорю тебѣ, какъ чиновникъ.

ЖАДОВЪ.

Никогда, никогда.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Ну, такъ живи, какъ знаешь, безъ поддержки. На меня ужъ не надѣйся. Мнѣ надоѣло и говорить-то съ тобой.

ЖАДОВЪ.

Боже мой! Поддержка будетъ для меня въ общественномъ мнѣніи.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Да, дожидайся! У насъ общественнаго мнѣнія нѣтъ, мой другъ, и быть не можетъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты понимаешь. Вотъ тебѣ общественное мнѣніе: не пойманъ — не воръ. Какое дѣло обществу, на какіе доходы ты живешь, лишь бы ты жилъ прилично и велъ себя, какъ слѣ-

дуетъ порядочному человѣку. Ну, а если ты будешь ходить безъ сапогъ и читать всѣмъ мораль, такъ ужъ извини, если тебя не примутъ въ порядочныхъ домахъ и будутъ говорить о тебѣ, какъ о пустомъ человѣкѣ. Я служилъ въ губернскихъ городахъ; тамъ короче знаютъ другъ друга, чѣмъ въ столицахъ, знаютъ, что каждый имѣетъ, чѣмъ живетъ, слѣдовательно легче можетъ составиться общественное мнѣніе. Нѣтъ, люди — вездѣ люди. И тамъ смѣялись при мнѣ надъ однимъ чиновникомъ, который жилъ только на жалованье съ большой семьёй, и говорили по городу, что онъ самъ себѣ шьетъ сюртуки. И тамъ весь городъ уважалъ первѣйшаго взяточника за то, что онъ жилъ открыто и у него по два раза въ недѣлю бывали вечера.

ЖАДОВЪ.

Неужели это правда?

ВЫШНЕВСКІЙ.

Поживи, такъ узнаешь. Пойдемъ, Акимъ Акимычь *(встаетъ.)*

ЖАДОВЪ.

Дядюшка!

ВЫШНЕВСКІЙ.

Что такое?

ЖАДОВЪ.

Я получаю очень мало жалованья, мнѣ нечѣмъ жить. Теперь есть вакансія, — позвольте мнѣ занять её, я женюсь....

ВЫШНЕВСКІЙ.

Гмъ.... Для этого мѣста нужно мнѣ не женатаго, а способнаго человѣка. Я не могу по совѣсти дать тебѣ больше жалованья; во первыхъ, ты его не стоишь, а во вторыхъ — ты мой родственникъ, сочтутъ лицепріятіемъ.

ЖАДОВЪ.

Какъ вамъ угодно. Буду жить на тѣ средства, какія имѣю.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Да вотъ еще, мой милый! скажу тебѣ одинъ разъ навсегда: мнѣ твой разговоръ не нравится, выраженья твои рѣзки и непочтительны, и я не вижу никакой надобности для тебя разстроиваться. Не думай, чтобы я считалъ твои мнѣнія оскорбительными — это слишкомъ много чести для тебя, я просто считаю ихъ глупыми. И потому всѣ мои отношенія къ тебѣ, кромѣ начальническихъ, ты можешь считать совершенно конченными.

ЖАДОВЪ.

Такъ я лучше перейду въ другое мѣсто.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Сдѣлай милость. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X-е.

Жадовъ и Юсовъ.

ЮСОВЪ. (*смотря ему въ глаза.*)

Ха, ха, ха, ха....

ЖАДОВЪ.

Чему вы смѣетесь?

ЮСОВЪ.

Ха, ха, ха.... Да какъ же не смѣяться-то. Съ кѣмъ вы спорите? ха, ха, ха! Да на что же это похоже?

ЖАДОВЪ.

Что же тутъ смѣшнаго?

ЮСОВЪ.

Чтожъ, дядюшка-то глупѣе васъ? А, глупѣе? Меньше васъ понимаетъ въ жизни? Да вѣдь это курамъ на смѣхъ. Вѣдь этакъ вы когда нибудь уморите со смѣху. Помилуйте, пощадите: у меня семейство.

ЖАДОВЪ.

Вы этого, Акимъ Акимычь, не понимаете.

ЮСОВЪ.

Понимать-то тутъ нечего. Хоть тысячу человѣкъ приведите, всѣ бы померли со смѣху, глядя на васъ. Этого человѣка вамъ бы слушать надобно было, разиня ротъ, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Вѣдь это комедія, ей Богу, комедія, ха, ха, ха.... Вотъ васъ дядюшка-то и отдѣлали, хе, хе, хе... да еще мало. То ли бы слѣдовало. Будь я на его мѣстѣ.... (*Дѣлаетъ строгую гримасу и уходитъ въ кабинетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI-е.

Жадовъ. (*одинъ, подумавъ.*)

Да, разговаривайте. Не вѣрю я вамъ. Не вѣрю и тому, чтобы честнымъ трудомъ не могъ образованный человѣкъ обезпечить себя съ семействомъ. Не хочу вѣрить и тому, что общество такъ развратно! Это обыкновенная манера стариковъ разочаровывать молодыхъ людей: представлять имъ все въ черномъ свѣтѣ. Людямъ стараго вѣка завидно, что мы такъ весело и съ такой надеждой смотримъ на жизнь. А, дядюшка! я васъ понимаю. Вы теперь всего достигли; и знатности, и денегъ, вамъ не кому завидовать. Вы завидуете только намъ, людямъ съ чистой совѣстью,

съ душевнымъ спокойствіемъ. Этого вы не купите ни за какія деньги. Разсказывайте, что хотите, а я все таки женюсь и буду жить счастливо. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XII-е.

Юсовъ и Вышневскій *(выходятъ изъ кабинета.)*

ВЫШНЕВСКІЙ.

На комъ онъ женится?

ЮСОВЪ.

На Кукушкиной. Дочь вдовы коллежскаго ассессора.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Ты знакомъ съ ней?

ЮСОВЪ.

Такъ-съ, съ мужемъ былъ знакомъ. Бѣлогубовъ на другой сестрѣ жениться хочетъ.

ВЫШНЕВСКІЙ

Ну, Бѣлогубовъ другое дѣло. Во всякомъ случаѣ ты къ ней съѣзди. Растолкуй ей, чтобы она не губила своей дочери, не отдавала за этого дурака. *(Киваетъ головой и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII-е.

ЮСОВЪ *(одинъ.)*

Что это за время такое! Что теперь на свѣтѣ дѣлается, глазамъ своимъ не повѣришь! Какъ жить на свѣтѣ! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговариваетъ-то? Кто споритъ-то? Такъ, ничтожество. Дунулъ на него, фу! *(дуетъ)* вотъ и нѣтъ человѣка. Да еще съ кѣмъ споритъ-то! Съ геніемъ. Аристархъ Владимірычь геній.... геній,

Наполеонъ. Ума необъятнаго, быстрота, смѣлость въ дѣлахъ. Одного не достаетъ: въ законѣ не совсѣмъ твердъ, изъ другаго вѣдомства. Кабы Аристархъ Владимірычь, при его умѣ, да зналъ законы и всѣ порядки такъ, какъ его предшественникъ, ну и конецъ.... конецъ.... и разговаривать нечего. Поѣзжай за нимъ, какъ по желѣзной дорогѣ. Такъ, ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякія угодья, и дома, и деревни съ пустошами. Духъ захватываетъ! *(Уходитъ.)*

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ 2-Е.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ФЕЛИСАТА ГЕРАСИМОВНА КУКУШКИНА, вдова коллежскаго ассессора.

ЮЛИНЬКА, ПОЛИНА } ея дочери.

АКИМЪ АКИМЫЧЬ, ЮСОВЪ.
ВАСИЛІЙ НИКОЛАЙЧЬ, ЖАДОВЪ.
ОНИСИМЪ ПАНФИЛЫЧЬ, БѢЛОГУБОВЪ.
СТЕША, горничная дѣвушка.

Комната въ домѣ Кукушкиной: обыкновенная гостиная въ небогатыхъ домахъ. По срединѣ дверь и налѣво дверь.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Юлинька, Полина (*стоятъ передъ зеркаломъ*) и Стеша (*со щеткой и крыломъ въ рукахъ*).

СТЕША.

Ну вотъ, мои барышни и готовы. Хоть сей часъ женихи наѣзжайте, какъ на выставку выставлены, первый сортъ. Такой форсъ покажемъ — въ носъ бросится. Генералу какому не стыдно показать!

ПОЛИНА.

Ну, Юлинька, по мѣстамъ; сядемъ, какъ умныя барышни сидятъ. Сей часъ маменька будетъ намъ смотръ дѣлать. Товаръ лицемъ продаетъ.

СТЕПА *(отирая пыль)*

Да ужъ какъ ни смотри, все въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, все подшпилено, да подколото.

ЮЛИНЬКА

Она у насъ такой ревизоръ: что-нибудь отыщетъ. *(Садятся.)*

СТЕПА *(останавливается посреди комнаты.)*

Ужъ и въ самомъ дѣлѣ, барышня, вамъ отъ нея житья нѣтъ вовсе. Муштруетъ, муштруетъ, какъ солдатъ на ученьи. Все на вытяжкѣ, да на вытяжкѣ, — только что ноги поднимать не заставляетъ. А ужъ надо мной-то измывается, измывается — одной только чистотой одолѣла. *(Стираетъ пыль.)*

ЮЛИНЬКА.

Нравится тебѣ твой женихъ, Василій Николаичь?

ПОЛИНА.

Ахъ, просто душка! А тебѣ твой Бѣлогубовъ?

ЮЛИНЬКА.

Нѣтъ, дрянь ужасная!

ПОЛИНА.

Зачѣмъ же ты маменькѣ не скажешь?

ЮЛИНЬКА.

Вотъ еще! Сохрани Господи! Я рада радехонька хоть за него выйти, только бы изъ дому-то вырваться.

ПОЛИНА.

Да, правда твоя! Не попадись и мнѣ Василій Николаевичь, кажется, рада бы первому встрѣчному на шею броситься: хоть бы плохенькой какой, только бы изъ бѣды выручилъ, изъ дому взялъ. *(Смѣется..)*

СТЕПА *(нагибаясь подъ диванъ.)*

Ужъ истинно мука мученическая. Вотъ ужъ правду, барышня, говорите.

ПОЛИНА.

Другія дѣвушки плачутъ, Юлинька, какъ замужъ идутъ: какъ же это съ домомъ разстаться! Каждый уголокъ оплачутъ. А мы съ тобой, — хоть за тридевять земель сей часъ, хоть бы какой змѣй-горынычъ унесъ *(смѣется)*.

СТЕША.

Вотъ, не сотри я здѣсь, — такъ будетъ на орѣхи. А кто тутъ увидитъ, кому нужно! *(Стираетъ подъ зеркаломъ.)*

ЮЛИНЬКА.

Ты счастлива, Полина; тебѣ все смѣшно; а я такъ серьезно начинаю подумывать. Выйти замужъ не хитро,— эта наука намъ извѣстна; надобно подумать и о томъ, какъ будешь жить за мужемъ.

ПОЛИНА.

А объ чемъ тутъ думать? ужъ вѣрно не будетъ хуже, чѣмъ дома.

ЮЛИНЬКА.

Не хуже! этого мало. Надобно, чтобъ лучше было. Ужъ коли выйти замужъ, такъ чтобы быть дамой, какъ слѣдуетъ, барыней.

ПОЛИНА.

Оно бы очень хорошо, ужъ чего лучше, да только какъ это сдѣлать? Ты вѣдь у насъ умница: научи!

ЮЛИНЬКА.

Надобно замѣчать изъ разговора, у кого что есть, кто на что надѣется. Коли теперь нѣтъ, такъ въ виду чего не имѣетъ ли. Ужъ сей часъ изъ словъ видно, кто какой человѣкъ. Твой Жадовъ что говоритъ съ тобой, какъ вы одни остаетесь?

ПОЛИНА.

Ну ужъ, Юлинька, вотъ хоть сей часъ голову на отсѣченіе, ничего не понимаю, что онъ говоритъ. Сожметъ руку такъ крѣпко и начнетъ говорить и начнетъ.... чему-то меня учить хочетъ.

ЮЛИНЬКА.

Чему же?

ПОЛИНА.

Ужъ право, Юлинька, не знаю. Что-то очень мудрено. Погоди, можетъ-быть вспомню, только какъ бы не засмѣяться, слова такія смѣшныя! Постой, постой, вспомнила *(передражнивая)*: какое назначеніе женщины въ обществѣ? Про какія-то еще гражданскія добродѣтели говорилъ. Я ужь и не знаю, что это такое. Насъ вѣдь этому не учили?

ЮЛИНЬКА.

Нѣтъ, не учили.

ПОЛИНА.

Онъ, должно быть, въ тѣхъ книгахъ читалъ, которыя намъ не давали. Помнишь.... въ пансіонѣ? Да мы, правда, никакихъ не читали.

ЮЛИНЬКА.

Есть объ чемъ жалѣть! и безъ нихъ тоска смертная! Вотъ бы на гулянье или въ театръ — другое дѣло.

ПОЛИНА.

Да, сестрица, да.

ЮЛИНЬКА.

Ну, Полина, признаться сказать, на твоего надежды мало. Нѣтъ, мой не таковъ.

ПОЛИНА.

Какой же твой?

ЮЛИНЬКА.

Мой Бѣлогубовъ, хоть и противенъ немного, а надежды подаетъ большія. «Вы, говоритъ, полюбите меня-съ. Теперь еще мнѣ жениться не время-съ, а вотъ какъ столоначальникомъ сдѣлаютъ, тогда женюсь.» Я у него спрашивала, что такое столоначальникъ. «Это, говоритъ, первый сортъ-съ.» Должно быть что-нибудь хорошее. «Я, говоритъ, хоть и необразованный человѣкъ, да у меня

много дѣлъ съ купцами-съ; такъ я вамъ буду изъ городу шелковыя и разныя матеріи возить, и насчетъ провіанту все будетъ-съ.» Чтожъ? это очень хорошо, Полина, пускай возитъ. Тутъ и думать нечего, за такого человѣка надо итти.

ПОЛИНА.

А у моего, должно быть, нѣтъ знакомыхъ купцевъ, онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ. Ну, какъ онъ мнѣ не не станетъ привозить ничего?

ЮЛИНЬКА.

Нѣтъ, должно быть, и у твоего есть. Вѣдь онъ служащій, а служащимъ всѣмъ дарятъ, кому что нужно. Кому матеріи разныя, коли женатый; а коли холостой — сукна, трико; у кого лошади — тому овса или сѣна, а то такъ и деньгами. Прошлый разъ Бѣлогубовъ былъ въ жилеткѣ, помнишь, такая пестрая, это ему купецъ подарилъ. Онъ мнѣ самъ сказывалъ.

ПОЛИНА.

Все таки надобно спросить, есть ли у Жадова знакомые купцы? *(Входитъ Кукушкина.)*

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Тѣже и Кукушкина.

КУКУШКИНА.

Какъ себя не похвалить? У меня чистота, у меня порядокъ, у меня все въ струнѣ *(садится)*! А это что! *(указываетъ горничной подъ диванъ.)*

СТЕША.

Да помилуйте, силъ моихъ не хватаетъ, всю поясницу разломило.

КУКУШКИНА.

Какъ ты смѣешь, мерзкая, такъ разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядокъ, у меня по ниточкѣ ходи.

(Горничная подметаетъ и уходитъ.) Юлинька! *(Юлинька встаетъ.)* Я съ вами хочу говорить.

ЮЛИНЬКА.

Что вамъ угодно, маменька?

КУКУШКИНА.

Вы знаете, сударыня, что у меня ни за мной, ни передо мной ничего нѣтъ.

ЮЛИНЬКА.

Знаю, маменька.

КУКУШКИНА.

Пора знать, сударыня! доходовъ у меня нѣтъ ни откуда, одна пенсія. Своди концы съ концами, какъ знаешь. Я себѣ во всемъ отказываю. Поворачиваюсь, какъ воръ на ярмаркѣ, а я еще не старая женщина, могу партію найти. Понимаете вы это?

ЮЛИНЬКА.

Понимаю-съ.

КУКУШКИНА.

Я вамъ дѣлаю модныя платья и разныя бездѣлушки, а для себя перекрашиваю да перекраиваю изъ стараго. Не думаете ли вы, что я наряжаю васъ для вашего удовольствія, для франтовства? Такъ ошибаетесь. Все это дѣлается для того, чтобы выдать васъ замужъ, съ рукъ сбыть. По моему состоянію я васъ могла бы только въ ситцевыхъ да въ затрапезныхъ платьяхъ водить. Если не хотите, или не умѣете себѣ найти жениха, такъ и будетъ. Я для васъ обрывать да обрѣзывать себя по напрасну не намѣрена.

ПОЛИНА.

Мы, маменька, давно это слышали. Вы скажите, въ чемъ дѣло.

КУКУШКИНА.

Ты молчи! Не съ тобой говорятъ. Тебѣ за глупость Богъ счастье далъ, такъ ты и молчи. Какъ бы не дуракъ

этотъ Жадовъ, такъ бы тебѣ вѣкъ горе мыкать, въ дѣвкахъ сидѣть за твое легкомысліе. Кто изъ умныхъ-то тебя возметъ? Кому надо? Хвастаться тебѣ нечѣмъ, тутъ твоего ума ни на волосъ не было; ужъ нельзя сказать, что ты его приворожила, самъ набѣжалъ; самъ въ петлю лѣзетъ, никто его не тянулъ. А Юлинька дѣвушка умная, должна своимъ умомъ себѣ счастье составить. Позвольте узнать, будетъ отъ вашего Бѣлогубова толкъ, или нѣтъ?

ЮЛИНЬКА.

Я, маменька, не знаю.

КУКУШКИНА.

Кто же знаетъ? Вамъ извѣстно, сударыня, что я постороннихъ молодыхъ людей въ домъ не принимаю. Я принимаю только женховъ или тѣхъ, которые могутъ быть женихами. У меня, коли мало-мальски похожъ на жениха, милости просимъ, домъ открытъ, а какъ завилялъ хвостомъ, такъ и поворотъ отъ воротъ. Намъ такихъ не надобно. Я свою репутацію берегу, да и вашу также.

ЮЛИНЬКА.

Что же, маменька, мнѣ дѣлать?

КУКУШКИНА.

Дѣлать то, что приказано. Вы помните одно, что вамъ въ дѣвкахъ оставаться нельзя. Вы должны будете въ кухнѣ жить.

ЮЛИНЬКА.

Я, маменька, дѣлала все, что вы приказали.

КУКУШКИНА.

Что же вы дѣлали? Извольте говорить, я буду слушать васъ.

ЮЛИНЬКА.

Когда онъ пришелъ къ намъ во второй разъ, помните, еще вы его почти насильно привели, я сдѣлала ему глазки.

КУКУШКИНА.

Ну, а онъ что?

ЮЛИНЬКА.

А онъ какъ-то странно сжималъ губы, облизывался. Мнѣ кажется, онъ такъ глупъ, что ничего не понялъ. Нынѣче всякій гимназистъ ловчѣе его.

КУКУШКИНА.

Ужъ я тамъ вашихъ наукъ не знаю, а вижу, что онъ почтителенъ, и есть въ немъ этакое какое-то пріятное искательство къ начальству. Значитъ, онъ пойдетъ далеко. Я это съ разу поняла.

ЮЛИНЬКА.

Когда онъ былъ у насъ въ третій разъ, помните, въ пятницу, я ему стихи читала любовные; онъ тоже, кажется, ничего не понялъ. А ужъ въ четвертый разъ я ему записку написала.

КУКУШКИНА.

Чтоже онъ?

ЮЛИНЬКА.

Онъ пришелъ и говоритъ: «мое сердце никогда отъ васъ не отвращалось, а всегда было, есть и будетъ.» *(Полина хохочетъ.)*

КУКУШКИНА *(грозя ей пальцемъ).*

Что же дальше?

ЮЛИНЬКА.

Говоритъ: «какъ только получу мѣсто столопачальника, такъ буду у вашей маменьки слезно просить руки вашей.»

КУКУШКИНА.

А скоро онъ получитъ?

ЮЛИНЬКА.

Говоритъ, что скоро.

КУКУШКИНА.

Поди, Юлинька, поцѣлуй меня. *(цѣлуетъ ее.)* Выйти замужъ, мой другъ, для дѣвушки велико дѣло. Вы это послѣ поймете. Я вѣдь мать, и мать строгая; съ женихомъ, что хочешь дѣлай, я сквозь пальцы буду смотрѣть, я молчу,

мой другъ, молчу; а ужъ съ посторонними, нѣтъ, шалишь, не позволю. Поди, Юлинька, сядь на свое мѣсто. *(Юлинька садится.)* А выдете, дѣти, замужъ, вотъ вамъ мой совѣтъ: мужьямъ потачки не давайте, такъ ихъ поминутно и точите, чтобъ деньги добывали; а то облѣнятся, потомъ сами плакать будете. Много бы надо было наставленій сдѣлать; но вамъ теперь, дѣвушкамъ, еще всего сказать нельзя; коли случится что, пріѣзжайте прямо ко мнѣ, у меня всегда для васъ пріемъ, никогда запрету нѣтъ. Всѣ средства я знаю и всякій совѣтъ могу дать, даже и по докторской части.

ПОЛИНА.

Маменька, кто-то пріѣхалъ.

ЮЛИНЬКА *(взглянувъ въ окно.)*

Бѣлогубовъ съ какимъ-то старикомъ.

КУКУШКИНА.

Садитесь по мѣстамъ. Юлинька, спусти немного мантилью съ праваго плеча. *(Юсовъ и Бѣлогубовъ входятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Тѣже, Юсовъ и Бѣлогубовъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! (*къ барышнямъ*) Здравствуйте-съ. (*Показывая на Юсова.*) Вотъ-съ они желали-съ.... Это-съ мой начальникъ и благодѣтель, Акимъ Акимычь, Юсовъ-съ. Все таки лучше-съ, Фелисата Герасимовна, когда начальство-съ....

КУКУШКИНА.

Милости просимъ, милости просимъ. Садиться покорно просимъ. (*Акимъ Акимычь и Бѣлогубовъ садятся.*) Вотъ рекомендую вамъ: двѣ мои дочери, Юлинька и Полина. Совершенныя дѣти, ни объ чемъ понятія не имѣютъ; имъ бы еще въ куклы играть, а не то, что замужъ выхо-

дить. И жаль разставаться, а нечего дѣлать. Такой товаръ, дома не удержишь.

ЮСОВЪ.

Да-съ, ужъ это законъ судебъ-съ, кругъ житейскій-съ! Что предначертано отъ вѣка, того ужъ человѣкъ не можетъ-съ....

КУКУШКИНА.

Я вамъ правду скажу, Акимъ Акимычь, онѣ у меня въ строгости воспитываются, отъ всего отдалены. Денегъ я не могу за ними дать много, но ужъ за нравственность мужья будутъ благодарны. Я люблю дѣтей, Акимъ Акимычь, но строга, очень строга. (*Строго.*) Полина! подите, распорядитесь чаемъ.

ПОЛИНА (*встаетъ.*)

Сей часъ, маменька. (*уходитъ.*)

ЮСОВЪ.

Я самъ строгъ-съ. (*строго*) Бѣлогубовъ!

БѢЛОГУБОВЪ.

Чего изволите-съ?

ЮСОВЪ.

Вѣдь я строгъ?

БѢЛОГУБОВЪ.

Строги-съ. (*Юлинькѣ*) У меня опять новая жилетка-съ. Вотъ посмотрите-съ.

ЮЛИНЬКА.

Очень хороша. Это вамъ тотъ же же купецъ подарилъ?

БѢЛОГУБОВЪ.

Нѣтъ другой-съ. У этого фабрика лучше.

ЮЛИНЬКА.

Пойдемте въ гостиную, я вамъ свою работу покажу. (*Уходятъ.*)

БИБЛІОТЕКИ
Историко-Литературныхъ и Предпочтенныхъ Курсовъ
Н. П. Раева.

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Юсовъ и Кукушкина.

КУКУШКИНА.

Какъ любятъ другъ друга, трогательно смотрѣть. Одного недостаетъ молодому человѣку. Мѣста, говоритъ, нѣтъ хорошаго. Не могу, говоритъ, обезпечить жену всѣмъ полнымъ спокойствіемъ. Кабы, говоритъ, столоначальникомъ сдѣлали, я бы, говоритъ, могъ жену содержать. А вѣдь жаль, Акимъ Акимычь! Такой прекрасный молодой человѣкъ, такъ влюбленъ.

ЮСОВЪ *(нюхая табакъ.)*

По немногу, Фелисата Герасимовна, по немногу.

КУКУШКИНА.

Однако, вы должны знать, скоро ли онъ это мѣсто получитъ. Можетъ быть даже это и отъ васъ зависитъ. Я за него просительница *(кланяется)*. Вамъ нельзя будетъ мою просьбу не уважить; я мать, нѣжная мать, хлопочу для счастья своихъ дѣтей, своихъ птенцевъ.

ЮСОВЪ *(сдѣлавъ серьезную физіономію.)*

Скоро, скоро будетъ. Я ужъ объ немъ докладывалъ нашему генералу. А генералъ весь въ моихъ рукахъ: что я скажу, то и будетъ. Мы его сдѣлаемъ столоначальникомъ. Я захочу, — будетъ столоначальникомъ, а не захочу, не будетъ столоначальникомъ.... Хе, хе, будетъ, будетъ. Генералъ у меня вотъ гдѣ. (*показываетъ руку.*)

КУКУШКИНА.

Признаться вамъ сказать, я даже не люблю холостыхъ. Что они дѣлаютъ? такъ только землю тяготятъ.

ЮСОВЪ *(важно.)*

Бремя на землѣ, бремя.... и празднословіе.

КУКУШКИНА.

Да-съ. Да и въ домъ опасно принимать холостаго человѣка, особенно у кого есть дочери, или молодая жена.

Кто его знаетъ, что у него на умѣ. По моему молодаго человѣка надо женить поскорѣй, онъ послѣ самъ будетъ благодаренъ, а то вѣдь они глупы, своей пользы не понимаютъ.

ЮСОВЪ.

Да-съ. Отъ разсѣянности. Вѣдь жизнь—это море житейское.... поглощаетъ.

КУКУШКИНА.

Холостой не можетъ завести хозяйства у себя, объ домѣ не заботится, ходитъ по трактирамъ.

ЮСОВЪ.

Да вѣдь и мы ходимъ-съ.... отдохновеніе отъ трудовъ....

КУКУШКИНА.

Ахъ, Акимъ Акимычь, большая разница. Вы пойдете, когда васъ позовутъ, захотятъ васъ угостить, уваженіе свое показать вамъ; а на свои вы вѣдь ужъ не пойдете?

ЮСОВЪ.

Какъ можно, нѣтъ-съ, не пойду.

КУКУШКИНА.

Теперь возьмите: холостаго человѣка проситель за какое нибудь дѣло позоветъ въ трактиръ, угоститъ обѣдомъ, да и все тутъ. Денегъ истратятъ много, а пользы ни на грошъ. А женатый-то, Акимъ Акимычь, скажетъ просителю: на что мнѣ твои обѣды, я пойду лучше съ женою пообѣдаю семейнымъ образомъ, тихо, въ своемъ углѣ, а ты мнѣ дай чистыми. Да деньги-то принесетъ. Такъ оно двѣ выгоды: и трезвый придетъ, да и съ деньгами. Который вы годъ женаты?

ЮСОВЪ.

Сорокъ третій годъ-съ....

КУКУШКИНА.

Скажите! А какъ вы молоды на лицо!

ЮСОВЪ.

Регулярность въ жизни.... банки вчера ставилъ.

КУКУШКИНА.

Здоровому все здорово, особенно когда человѣкъ душей покоенъ, живетъ въ довольствѣ.

ЮСОВЪ.

Я вамъ доложу, какая игра природы бываетъ.... съ человѣкомъ.... изъ бѣдности и въ богатство. Меня, сударыня (давно ужъ это было), привели въ присутствіе въ затрапезномъ халатишкѣ, только что грамотѣ зналъ: читать да писать.... Сидятъ, вижу, все люди пожилые, важные, сердитые, тогда брились-то не часто, такъ оно еще больше важности придастъ. Страхъ на меня напалъ, слова выговорить не могъ. Года два былъ на побѣгушкахъ, разныя коммиссіи исправлялъ: и за водкой-то бѣгалъ, и за пирогами, и за квасомъ, кому съ похмѣлья, и сидѣлъ-то я не у стола, не на стулѣ, а у окошка на связкѣ бумагъ, и писалъ-то я не изъ чернилицы, а изъ старой помадной банки. А вотъ вышелъ въ люди. Конечно, все это не отъ насъ.... свыше.... знать ужъ такъ надобно было мнѣ быть человѣкомъ и занимать важный постъ. Иногда думаемъ съ женой: за что такъ насъ Богъ взыскалъ своей милостью? На все судьба.... и добрыя дѣла нужно дѣлать.... помогать неимущимъ. Да-съ, имѣю теперь три домика, хоть далеко, да мнѣ это не мѣшаетъ, лошадокъ держу четверню. Оно подальше-то лучше; и земли побольше, и не такъ шумно, да и разговору меньше, пересуду.

КУКУШКИНА.

Да, конечно. Садикъ чай имѣете при домахъ-то?

ЮСОВЪ.

Какъ же-съ Въ лѣтній зной прохлада и отдохновеніе членамъ. А гордости во мнѣ нѣтъ-съ. Гордость ослѣпляетъ.... Мнѣ хоть мужикъ.... я съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ.... все равно ближній.... По службѣ нельзя.... особенно верхоглядовъ не люблю, нынѣшнихъ образованныхъ-то. Съ этими строгъ и взыскателенъ. Возмечтали очень. Предразсудкамъ этимъ я не вѣрю, будто ученые съ неба звѣзды хватаютъ. Видалъ я ихъ: не лучше насъ

грѣшныхъ, да и къ службѣ не такъ внимательны. У меня правило—всячески ихъ тѣснить для пользы службы.... потому отъ нихъ вредъ. Какъ-то, Фелисата Герасимовна, къ простымъ людямъ больше сердце лежитъ. При нынѣшнихъ строгостяхъ случается съ человѣкомъ несчастіе, выгонятъ изъ уѣзднаго училища за неуспѣхи, или изъ низшихъ классовъ семинаріи: какъ его не призрѣть? Онъ и такъ судьбой убитъ, всего онъ лишенъ, всѣмъ обиженъ. Да и люди-то выходятъ къ нашему дѣлу понятливѣе и подобострастнѣе, душа у нихъ открытѣе. По христіанскому долгу выведешь такого человѣка въ люди, онъ тебѣ всю жизнь благодаренъ; и въ посаженые отцы зоветъ и въ кумовья зоветъ. Ну и въ будущемъ вѣкѣ мзда... Вотъ Бѣлогубовъ, вѣдь грамоты не знаетъ, а я его люблю, Фелисата Герасимовна, какъ сына: въ немъ чувство есть. А признаться вамъ сказать другой вашъ женихъ.... онъ вѣдь тоже подъ начальствомъ у меня.... Такъ я могу судить....

КУКУШКИНА.

Что же такое?

ЮСОВЪ *(дѣлаетъ серьезное лицо.)*

Не благонадеженъ.

КУКУШКИНА.

Отъ чего же? вѣдь онъ не пьяница, не мотъ, къ службѣ не лѣнивъ?

ЮСОВЪ.

Да-съ. Но.... *(нюхаетъ табакъ)* не благонадеженъ.

КУКУШКИНА.

Какимъ же образомъ, растолкуйте мнѣ, батюшка, Акимъ Акимычь, вѣдь я мать.

ЮСОВЪ.

А вотъ, изволите ли видѣть. Имѣетъ такого человѣка родственникомъ.... Аристархъ Владимірычь Вышневскій.

КУКУШКИНА.

Знаю.

ЮСОВЪ.

Особа, ужъ можно сказать, особа.

КУКУШКИНА.

Знаю.

ЮСОВЪ.

А онъ оказываетъ непочтеніе.

КУКУШКИНА.

Знаю, знаю.

ЮСОВЪ.

Противъ начальства грубъ.... высокомѣріе сверхъ границъ.... и даже такія мысли.... развращаетъ юношество.... а особенно вольнодумство. Начальство должно строго смотрѣть.

КУКУШКИНА.

Знаю.

ЮСОВЪ.

А коли знаете, такъ сами можете разсудить. Какія времена пришли, Фелисата Герасимовна, житья нѣтъ! а отъ кого? Отъ дряни, отъ мальчишекъ. Сотнями выпускаютъ ихъ; заполонятъ насъ совсѣмъ.

КУКУШКИНА.

Эхъ, Акимъ Акимычь! женится-перемѣнится. А не знать всего этого я не могла, я не такая мать, безъ оглядки ничего ни сдѣлаю. У меня такое правило: какъ только повадился къ намъ молодой человѣкъ, такъ и пошлю кого-нибудь узнать про него всю подноготную, или сама отъ сторонникъ людей развѣдаю. Всѣ эти глупости въ немъ, по моему, происходятъ отъ холостой жизни. Вотъ какъ женится, да мы на него насядемъ, такъ и съ дядей помирится и служить будетъ хорошо.

ЮСОВЪ.

Онъ перемѣнится, и начальство къ нему перемѣнится.... (*помолчавъ.*) Нѣтъ прежнихъ чиновниковъ, Фелисата Герасимовна! Упадаетъ чиновничество. Духу того нѣтъ. А какая жизнь была, Фелисата Герасимовна, рай просто!

Умирать не надо. Купались, просто купались, Фелисата Герасимовна. Прежніе-то чиновники были орлы, орлы, а теперь молодежь, верхогляды, пустота какая-то! (*Жадовъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Тѣже и Жадовъ.

КУКУШКИНА.

Милости просимъ, Василій Николаичь! милости просимъ. Полина совсѣмъ стосковалась объ васъ. Всѣ глаза проглядѣла, то къ тому окошку подбѣжитъ, то къ другому. Ужъ такъ любитъ, такъ любитъ...! Я право и не видывала. Счастливы вы, Василій Николаевичь. За что васъ такъ любятъ-то, скажите вы мнѣ?

ЖАДОВЪ.

Извините, Фелисата Герасимовна, я опоздалъ немного. Ахъ, Акимъ Акимычь, (*кланяется*) вы какимъ образомъ?

КУКУШКИНА.

Акимъ Акимычь такъ добры, такъ пекутся о своихъ чиновникахъ.... я ужъ и не знаю, какъ быть имъ благодарною.... Сами потрудились пріѣхать, познакомиться.

ЖАДОВЪ (*Юсову.*)

Благодарю васъ. А впрочемъ напрасно безпокоились.

ЮСОВЪ.

Я, Фелисата Герасимовна, больше для Бѣлогубова. Родныхъ у него нѣтъ, я ему вмѣсто отца....

КУКУШКИНА.

Ужъ не говорите, Акимъ Акимычь, вы сами семейный человѣкъ, и я сей часъ увидѣла, что вы стараетесь молодыхъ людей всячески поощрять къ семейной жизни. Я сама такого же мнѣнія, Акимъ Акимычь. (*Къ Жадову*) Вы себѣ представить не можете, Василій Николаичь, какъ я страдаю, когда вижу, что два влюбленныхъ сердца

раздѣляютъ какія нибудь препятствія. Когда читаешь романъ, видишь, какъ обстоятельства запрещаютъ влюбленнымъ видѣться, или родители не согласны, или состояніе не позволяетъ, какъ страдаешь въ эту минуту. Я плачу, просто плачу. И какъ жестоки бываютъ иногда родители, которые не хотятъ уважить чувства своихъ дѣтей. Нѣкоторые даже умираютъ отъ любви по этому случаю. Но когда видишь, что все идетъ къ благополучной развязкѣ, всѣ препятствія уничтожаются, (*восторженно*) любовь торжествуетъ и молодые люди соединяются законнымъ бракомъ, какъ сладко становится на душѣ. Такъ даже нѣга какая-то по всѣмъ членамъ. *(Полина входитъ.)*

ПОЛИНА.

Пожалуйте, чай готовъ. *(увидавъ Жадова.)* Василій Николаичъ! Не стыдно-ли заставлять такъ страдать? Я ждала, ждала васъ.

ЖАДОВЪ *(цѣлуетъ руку.)*

Виноватъ.

КУКУШКИНА.

Поди, дитя мое, поцѣлуй меня.

ПОЛИНА *(Жадову.)*

Пойдемте.

КУКУШКИНА.

Пойдемте, Акимъ Акимычъ! *(Уходятъ.)*
(Бѣлогубовъ и Юлинька входятъ съ чашками въ рукахъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

Бѣлогубовъ и Юлинька.

ЮЛИНЬКА.

Какъ я вижу, вы все меня обманываете.

БѢЛОГУБОВЪ.

Какъ же я смѣю васъ обманывать-съ? Съ чѣмъ это сообразно? *(садятся).*

ЮЛИНЬКА.

Мужчинамъ вѣрить ни въ чемъ нельзя, рѣшительно ни въ чемъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Отчего же такая критика на мужчинъ?

ЮЛИНЬКА.

Какая же критика, когда это истинная правда?

БѢЛОГУБОВЪ.

Не можетъ быть-съ. Это одинъ разговоръ; мужчины обыкновенно комплименты говорятъ, а барышни имъ не вѣрятъ, говорятъ, что мужчины обманщики.

ЮЛИНЬКА

Вы все знаете. Вы, должно быть, сами очень много комплиментовъ говорили въ своей жизни.

БѢЛОГУБОВЪ.

Мнѣ некому было, да и я не умѣю-съ. Вамъ извѣстно, что я недавно сталъ вхожъ въ домъ-съ, а прежде этого и знакомства никакого не имѣлъ.

ЮЛИНЬКА.

И вы никого не обманывали!

БѢЛОГУБОВЪ.

На счетъ чего вы спрашиваете?

ЮЛИНЬКА.

Не говорите. Я вамъ ни одного слова не вѣрю. *(отворачивается).*

БѢЛОГУБОВЪ.

Да за что же-съ? Это даже обидно.

ЮЛИНЬКА.

Кажется, можете понять.

БѢЛОГУБОВЪ.

Не понимаю-съ.

ЮЛИНЬКА.

Не хотите *(закрываетъ глаза платкомъ)*.

БѢЛОГУБОВЪ.

Я васъ могу завѣрить, чѣмъ угодно-съ, что я всегда-съ.... какъ былъ влюбленъ, такъ и теперь.... Я вамъ ужъ докладывалъ....

ЮЛИНЬКА.

Любите, а медлите.

БѢЛОГУБОВЪ.

Да-съ.... Теперь понимаю-съ. Такъ вѣдь это не такого рода дѣло-съ.... скоро нельзя-съ.

ЮЛИНЬКА.

Отчего же Жадову можно?

БѢЛОГУБОВЪ.

Совсѣмъ другое дѣло-съ. У него дяденька богатый-съ, да и самъ онъ образованный человѣкъ, вездѣ можетъ мѣсто имѣть. Хоть и въ учители пойдетъ, — все хлѣбъ-съ. А я что-съ? пока не дадутъ мѣста столоначальника, ничего не могу-съ.... Да и вы сами не захотите щи да кашу кушать-съ. Это только намъ можно-съ, а вы барышня, вамъ нельзя съ. А вотъ получу мѣсто, тогда совсѣмъ другой переворотъ будетъ.

ЮЛИНЬКА.

Когда же этотъ переворотъ будетъ?

БѢЛОГУБОВЪ.

Теперь скоро-съ. Обѣщали. Какъ только получу мѣсто, такъ въ тужъ минуту.... только платье новое сошью... Я ужъ и маменькѣ говорилъ-съ. Вы не сердитесь, Юлія Ивановна, потому что не отъ меня зависимо. Пожалуйте ручку. *(Юлинька протягиваетъ руку, не глядя на него. Онъ цѣлуетъ)*. Я ужъ и самъ жду не дождусь.

(Входятъ Жадовъ и Полина.)

ЮЛИНЬКА.

Уйдемте, оставимте ихъ однихъ. *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII-е

Жадовъ и Полина. *(Садятся.)*

ПОЛИНА.

Знаете, что я вамъ скажу?

ЖАДОВЪ.

Нѣтъ, не знаю.

ПОЛИНА.

Только вы, пожалуйста, маменькѣ не сказывайте.

ЖАДОВЪ.

Не скажу, будьте покойны.

ПОЛИНА *(подумавъ.)*

Я сказала бы вамъ, да боюсь, что вы меня разлюбите.

ЖАДОВЪ.

Васъ разлюбить? да развѣ это можно?

ПОЛИНА.

Да вы правду говорите?

ЖАДОВЪ *(беретъ за руку.)*

Да ужъ не разлюблю, повѣрьте.

ПОЛИНА.

Ну смотрите же! Я вамъ по простотѣ скажу. *(Тихо.)* У насъ въ домѣ все обманъ, все, все, рѣшительно все. Вы, пожалуйста, ничему не вѣрьте, что вамъ говорятъ. За нами ничего нѣтъ. Маменька говоритъ, что насъ любитъ, а совсѣмъ не любитъ, только хочетъ поскорѣе съ рукъ сбыть. Женихамъ въ глаза льститъ, а за глаза ругаетъ. Насъ заставляетъ притворяться.

ЖАДОВЪ.

Васъ это возмущаетъ? Возмущаетъ?

ПОЛИНА.

Только я не притворяюсь, я въ самомъ дѣлѣ васъ люблю.

ЖАДОВЪ.

Вы меня съ ума сведете *(цѣлуетъ руку)*.

ПОЛИНА.

Да еще вотъ что я вамъ скажу: мы вѣдь совсѣмъ необразованы. Еще Юлія кой-что знаетъ, а я такъ вовсе дурочка.

ЖАДОВЪ.

Какъ дурочка?

ПОЛИНА.

Такъ, какъ бываютъ дурочки. Ничего не знаю, ничего не читала.... что вы иногда говорите, ничего не понимаю, рѣшительно ничего.

ЖАДОВЪ.

Вы ангелъ! *(цѣлуетъ у ней руку.)*

ПОЛИНА.

Я вотъ только добрѣе Юлиньки, а глупѣе ея гораздо.

ЖАДОВЪ.

За то-то я васъ и люблю, что васъ не успѣли ничему выучить, не успѣли испортить вашего сердца. Васъ надобно поскорѣй взять отсюда. Мы съ вами начнемъ новую жизнь. Я съ любовью займусь вашимъ воспитаніемъ. Какое наслажденіе ожидаетъ меня!

ПОЛИНА.

Ахъ, поскорѣй бы!

ЖАДОВЪ.

Что же откладывать? Я ужъ рѣшился. *(Страстно смотритъ на нее. Молчаніе.)*

ПОЛИНА.

У васъ есть знакомые купцы?

ЖАДОВЪ.

Что за вопросъ? На что вамъ?

ПОЛИНА.

Такъ. Мнѣ хочется знать.

ЖАДОВЪ.

Я не понимаю однако, для чего вамъ это?

ПОЛИНА.

А вотъ для чего. Бѣлогубовъ говоритъ, что у него есть знакомые купцы, и что они дарятъ ему жилетки, а когда онъ женится, тогда будутъ дарить матеріи женѣ на платье.

ЖАДОВЪ.

Вотъ что! ну нѣтъ, намъ дарить не будутъ. Мы съ вами будемъ сами трудиться. Такъ вѣдь, Полина?

ПОЛИНА *(разспянно.)*

Да-съ.

ЖАДОВЪ.

Нѣтъ, Полина, вы еще не знаете высокаго блаженства жить своимъ трудомъ, вы во всемъ обезпечены. Богъ дастъ, узнаете. Все, что мы пріобрѣтемъ, будетъ наше, мы ужъ никому не будемъ обязаны. Понимаете вы это? Тутъ два наслажденія: наслажденіе трудомъ и наслажденіе свободно и съ спокойной совѣстью распоряжаться своимъ добромъ, не давая никому отчета. А это лучше всякихъ подарковъ. Не правда ли, Полина, вѣдь лучше?

ПОЛИНА.

Да-съ, лучше. *(Молчаніе.)* Хотите я вамъ загадаю загадку?

ЖАДОВЪ.

Загадайте.

ПОЛИНА.

Что идетъ безъ ногъ?

ЖАДОВЪ.

Вотъ какая загадка! Дождикъ.

ПОЛИНА.

Какъ это вы все знаете! Досадно право. Я такъ никакъ не могла отгадать, ужъ Юлинька сказала.

ЖАДОВЪ.

Дитя! Останьтесь всегда такимъ ребенкомъ.

ПОЛИНА.

А можно счесть звѣзды на небѣ?

ЖАДОВЪ.

Можно.

ПОЛИНА.

Нѣтъ, нельзя. Я вамъ не повѣрю.

ЖАДОВЪ.

Да нечего и трудиться считать, онѣ ужъ сосчитаны.

ПОЛИНА.

Вы смѣетесь надо мной *(отворачивается)*.

ЖАДОВЪ *(нѣжно.)*

Мнѣ смѣяться надъ вами, Полина! Я всю жизнь хочу посвятить вамъ. Посмотрите на меня хорошенько, могу ли я смѣяться надъ вами?

ПОЛИНА *(смотритъ на него.)*

Нѣтъ, нѣтъ....

ЖАДОВЪ.

Вы говорите, что вы дурочка,—я дуракъ. Смѣйтесь надо мною! Да ужъ многіе и смѣются. Безъ средствъ, безъ состоянія, съ одними надеждами на будущее я женюсь на васъ. Зачѣмъ ты женишься, говорятъ мнѣ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что люблю васъ, что вѣрю въ людей. Что я поступаю необдуманно,—съ этимъ я согласенъ. Когда же мнѣ думать, я такъ люблю васъ, что мнѣ некогда думать. *(Кукушкина и Юсовъ входятъ.)*

ПОЛИНА *(съ нѣкоторымъ чувствомъ.)*

Я сама васъ люблю. *(Жадовъ цѣлуетъ у ней руку.)*

КУКУШКИНА *(Юсову.)*

Посмотрите! точно голуби воркуютъ. Не мѣшайте имъ. Трогательно видѣть! *(Бѣлогубовъ и Юлинька входятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII-е

Жадовъ, Полина, Кукушкина, Юсовъ, Бѣлогубовъ и Юлинька.

ЖАДОВЪ *(оборачиваясь, беретъ Полину за руку и подводитъ къ Кукушкиной).*

Фелисата Герасимовна, отдайте мнѣ это сокровище.

КУКУШКИНА.

Признаюсь вамъ, мнѣ тяжело съ ней разстаться. Это любимая моя дочь.... она была бы мнѣ утѣшеніемъ на старости.... но Богъ съ ней, возмите ее.... ея счастіе для меня дороже. *(Закрываетъ лице платкомъ. Жадовъ и Полина цѣлуютъ у ней руки. Бѣлогубовъ подаетъ ей стулъ. Садится.)*

ЮСОВЪ.

Вы истинная мать, Фелисата Герасимовна.

КУКУШКИНА.

Да, я этимъ похвастаться могу. *(Съ жаромъ)*. Нѣтъ, воспитаніе дочерей неблагодарное дѣло! выростишь, взлелѣешь подлѣ себя, и потомъ отдай чужому человѣку.... останься сиротой, ужасно! *(закрываетъ глаза платкомъ.)*

БѢЛОГУБОВЪ.

Маменька, мы васъ не оставимъ.

ПОЛИНА и ЮЛИНЬКА *(вмѣстѣ.)*

Маменька, мы васъ не оставимъ.

КОНЕЦЪ 2-го ДѢЙСТВІЯ.

(Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями проходитъ около года).

ДѢЙСТВІЕ 3-Е.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЖАДОВЪ.
МЫКИНЪ, его пріятель, учитель.
ДОСУЖЕВЪ.
ЮСОВЪ.
БѢЛОГУБОВЪ.
1-й, 2-й } чиновники.
ГРИГОРІЙ, ВАСИЛІЙ } половые.
ГОСТИ И ПОЛОВЫЕ въ другой комнатѣ.

Трактиръ. Задній занавѣсь на второмъ планѣ, посреди машина, направо отворенная дверь, въ которую видна комната, налѣво вѣшалка для платья, на авансценѣ по обѣ стороны столы съ диванами.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Василій *(стоитъ у машины и читаетъ газету)*, Григорій *(стоитъ у двери и смотритъ въ другую комнату)*. Жадовъ и Мыкинъ *(входятъ. Григорій ихъ провожаетъ, стираетъ со стола и стелетъ салфетку)*.

МЫКИНЪ.

Ну-что, старый пріятель, какъ поживаешь?

ЖАДОВЪ.

Плохо, братъ. *(Григорью)* Дай-ко намъ чаю. *(Григорій уходитъ.)* А ты какъ?

МЫКИНЪ.

Ничего. Живу себѣ, учительствую по немногу. *(Садятся.)*

ЖАДОВЪ.

Много-ли ты получаешь?

МЫКИНЪ.

Двѣсти рублей.

ЖАДОВЪ.

Тебѣ довольно?

МЫКИНЪ.

Такъ и живу, соображаясь со средствами. Лишнихъ затѣй, какъ видишь, не завожу.

ЖАДОВЪ.

Да, холостому жить можно.

МЫКИНЪ.

И тебѣ не надобно было жениться. Нашему брату жениться не слѣдъ. Гдѣ ужъ намъ голякамъ! Сытъ, прикрытъ чѣмъ-нибудь отъ вліянія стихій — и довольно. Знаешь пословицу: одна голова не бѣда, а хоть и бѣда, такъ одна.

ЖАДОВЪ.

Дѣло сдѣлано.

МЫКИНЪ.

Посмотри ты на себя, такой ли ты былъ прежде. Что, братъ, видно укатали сивку крутыя горки. Нѣтъ, нашему брату жениться нельзя. Мы работники. (*Григорій подаетъ чай. Мыкинъ наливаетъ.*) Ужъ служить, такъ служить; для себя пожить послѣ успѣемъ, коли придется.

ЖАДОВЪ.

Чтожъ дѣлать-то! Я полюбилъ ее очень.

МЫКИНЪ.

Мало ли что! Полюбилъ. Развѣ другіе-то не любятъ? Эхъ, братъ, и я любилъ, да не женился вотъ. И тебѣ не слѣдовало жениться.

ЖАДОВЪ.

Да отчего же?

МЫКИНЪ.

Очень просто. Холостой человѣкъ думаетъ о службѣ, а женатый о женѣ. Женатый человѣкъ не надеженъ.

ЖАДОВЪ.

Ну, вотъ вздоръ.

МЫКИНЪ.

Нѣтъ не вздоръ. Я не знаю, чего бы я не сдѣлалъ для той дѣвушки, которую любилъ. Но я рѣшился лучше принесть жертву. Лучше, братъ, заморить въ себѣ это весьма законное чувство, чѣмъ подвергнуться искушеніямъ.

ЖАДОВЪ.

Я думаю, тебѣ нелегко было?

МЫКИНЪ.

Ну, да ужъ что говорить! Отказываться вообще не легко, а отказаться отъ любимой женщины, когда и препятствій никакихъ нѣтъ, кромѣ бѣдности.... Ты очень любишь свою жену?

ЖАДОВЪ.

Безумно.

МЫКИНЪ.

Ну, плохо дѣло! Умна она?

ЖАДОВЪ.

Право, не знаю. Знаю только, что она мила необыкновенно. Какая нибудь бездѣлица разстроитъ ее, она такъ мило, такъ искренно расплачется, что самъ, глядя на нее, заплачешь.

МЫКИНЪ.

Ты мнѣ скажи откровенно, какъ ты живешь. Я вѣдь тебя полтора года не видалъ.

ЖАДОВЪ.

Изволь. Исторія моя коротка. Я женился по любви, какъ ты знаешь, взялъ дѣвушку неразвитую, воспитанную

въ общественныхъ предразсудкахъ, какъ и всѣ почти наши барышни, мечталъ её воспитать въ нашихъ убѣжденіяхъ, и вотъ ужъ годъ женатъ....

МЫКИНЪ.

И что же?

ЖАДОВЪ.

Разумѣется, ничего. Воспитывать ее мнѣ некогда, да я и не умѣю приняться за это дѣло. Она такъ и осталась при своихъ понятіяхъ; въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ уступать. Положеніе, какъ видишь, незавидное, а поправить не чѣмъ. Да она меня и не слушаетъ, она меня просто не считаетъ за умнаго человѣка. По ихъ понятію умный человѣкъ долженъ быть непремѣнно богатъ.

МЫКИНЪ.

Вотъ куда пошло! Ну, а какъ на счетъ средствъ?

ЖАДОВЪ.

Работаю съ утра до ночи.

МЫКИНЪ.

И все не хватаетъ?

ЖАДОВЪ.

Нѣтъ, жить можно.

МЫКИНЪ.

Ну, а жена?

ЖАДОВЪ.

Дуется немного, а иногда поплачетъ. Чтожъ дѣлать!

МЫКИНЪ.

Жаль мнѣ тебя. Нѣтъ, братъ, — намъ жениться нельзя. Я вотъ годъ былъ безъ мѣста, ѣлъ одинъ черный хлѣбъ. Что бы я съ женой-то дѣлалъ? *(Досужевъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Тѣже и Досужевъ.

ДОСУЖЕВЪ *(садясь у другаго стола.)*

Гарсонъ, жизни!

ВАСИЛІЙ.

Какой прикажете?

ДОСУЖЕВЪ.

Рябиновой. Съ приличной нашему званію закуской.

ВАСИЛІЙ.

Слушаю-съ (*идетъ къ двери*).

ДОСУЖЕВЪ.

Французской горчицы! Слышишь? Трактиръ запечатаю. Григорій, запусти шарманку.

ГРИГОРІЙ.

Сей часъ-съ *(заводитъ машину.)*

МЫКИНЪ.

Вотъ это, должно быть, холостой!

ДОСУЖЕВЪ.

Что вы на меня смотрите? Я вотъ карася дожидаюсь.

ЖАДОВЪ.

Какого карася?

ДОСУЖЕВЪ.

Придетъ съ рыжей бородой, я его буду ѣсть. (*Василій приноситъ водку.*) Ты, Василій, поглядывай его тамъ. Какъ придетъ, такъ скажи мнѣ (*Машина играетъ.*) Господа, видали, какъ пьяные Нѣмцы плачутъ? (*представляетъ плачущаго нѣмца. Жадовъ и Мыкинъ смѣются. Машина замолкаетъ.*)

МЫКИНЪ *(Жадову.)*

Ну, прощай! какъ-нибудь зайду къ тебѣ.

ЖАДОВЪ.

Прощай. (*Мыкинъ уходитъ.*)

ВАСИЛІЙ *(Досужеву.)*

Пожалуйте, пришелъ-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Позови сюда.

ВАСИЛІЙ.

Нейдетъ-съ. Сѣлъ въ заднюю комнату.

ДОСУЖЕВЪ *(Жадову).*

Конфузится. Прощайте! Коли посидите здѣсь, я приду поговорить съ вами, мнѣ ваша физіономія понравилась. (*Уходитъ.*)

ЖАДОВЪ *(Василью.)*

Дай-ко что-нибудь почитать.

ВАСИЛІЙ *(подаетъ книгу.)*

Извольте вотъ прочитать статейку. Одобряютъ-съ (*Жадовъ читаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Жадовъ, Юсовъ, Бѣлогубовъ, 1-й 2-й чиновники (*входятъ.*)

БѢЛОГУБОВЪ.

Акимъ Акимычъ-съ, мы тамъ пообѣдали, позвольте васъ здѣсь виномъ угостить, и музыка поиграетъ-съ.

ЮСОВЪ.

Угощай, угощай!

БѢЛОГУБОВЪ.

Какого прикажете? Шампанскаго-съ?

ЮСОВЪ.

Ну его....

БѢЛОГУБОВЪ.

Такъ рейнвейну-съ? Господа, садитесь! (*Садятся всѣ, кромѣ Бѣлогубова.*) Василій! принеси рейнвейну заграничной разливки. (*Василій уходитъ.*) А, братецъ, здравствуйте! Не угодно ли съ нами за компанію? (*Подходитъ къ Жадову.*)

ЖАДОВЪ.

Благодарю васъ. Я не пью.

БѢЛОГУБОВЪ.

Что это, братецъ, помилуйте! Для меня-то!... одну рюмочку.... мы съ вами теперь родственники! (*Василій приноситъ вино. Бѣлогубовъ подходитъ къ своему столу.*) Наливай! (*Василій наливаетъ.*)

ЮСОВЪ.

Ну, братъ, за твое здоровье! (*беретъ рюмку и встаетъ.*)

1-й и 2-й ЧИНОВНИКИ.

За ваше здоровье-съ (*берутъ рюмки и встаютъ.*)

ЮСОВЪ (*показывая пальцемъ на голову Бѣлогубова*).

Въ этомъ лбу, въ этой головѣ всегда видѣлъ прокъ. (*чокаются рюмками.*) Поцѣлуемся! (*цѣлуются.*)

БѢЛОГУБОВЪ.

Нѣтъ, позвольте ручку-съ.

ЮСОВЪ (*прячетъ руку*).

Не надо, не надо. (*Садится.*)

БѢЛОГУБОВЪ.

Черезъ васъ человѣкъ сталъ-съ.

1-й и 2-й ЧИНОВНИКИ.

Позвольте-съ. (*чокаются съ Бѣлогубовымъ, пьютъ и садятся.*)

БѢЛОГУБОВЪ (*наливаетъ рюмку и подаетъ на подносѣ Жадову*).

Братецъ, сдѣлайте одолженіе.

ЖАДОВЪ.

Я вамъ сказалъ, что не пью.

БѢЛОГУБОВЪ.

Нельзя-съ, братецъ, обидите.

ЖАДОВЪ.

Это скучно, наконецъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Коли вина не угодно, чѣмъ прикажете васъ подчивать? Чего только пожелаете, братецъ, все съ удовольствіемъ.

ЖАДОВЪ.

Ничего мнѣ не нужно. Оставьте меня въ покоѣ! (*Читаетъ.*)

БѢЛОГУБОВЪ.

Ну, какъ угодно. Не знаю, братецъ, за что обижаете. Я со всѣмъ расположеніемъ.... (*отходитъ къ своему столу.*)

ЮСОВЪ (*тихо*)

Оставь его.

БѢЛОГУБОВЪ (*садится*).

Господа, еще по рюмочкѣ! (*наливаетъ.*) Пирожнаго не прикажете ли? Василій, принеси пирожнаго побольше! (*Василій уходитъ.*)

ЮСОВЪ.

Ты что-то нынче разгулялся? Должно быть, ловко хватилъ?

БѢЛОГУБОВЪ (*показывая на карманъ*).

Попало-таки! А кому? Все вамъ обязанъ.

ЮСОВЪ.

Зацѣпилъ должно быть?

БѢЛОГУБОВЪ (*вынимаетъ пачку ассигнацій*).

Вотъ они-съ.

ЮСОВЪ.

Да ужъ я знаю тебя, у тебя рука-то не сфальшивитъ.

БѢЛОГУБОВЪ (*прячетъ деньги*).

Нѣтъ, позвольте! Кому же я обязанъ? Развѣ бы я понималъ что, кабы не вы? Отъ кого я въ люди пошелъ, отъ кого жить сталъ, какъ не отъ васъ? Подъ вашимъ крыломъ воспитался! Другой бы того и въ десять лѣтъ не узналъ, всѣхъ тонкостей и оборотовъ, что я въ четыре года узналъ. Съ васъ примѣръ бралъ во всемъ, а то гдѣ бы мнѣ съ моимъ-то умомъ! Другой отецъ того не сдѣ-

лаетъ для сына, что вы для меня сдѣлали. (*Утираетъ глаза.*)

ЮСОВЪ.

У тебя душа благородная, ты можешь чувствовать, а другіе не могутъ. (*Василій приноситъ пирожное.*)

БѢЛОГУБОВЪ.

Что бы я былъ? Дуракъ-съ. А теперь членъ общества, всѣ уважаютъ, по городу идешь, всѣ купцы кланяются, въ гости позовутъ, не знаютъ, гдѣ посадить, жена меня любитъ. А то за что бы ей любить-то меня дурака? Василій! Нѣтъ ли у васъ конфектъ какихъ дорогихъ?

ВАСИЛІЙ.

Можно достать-съ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Это женѣ-съ. (*Василью*) Ну такъ ты заверни въ бумагу побольше. Что хочешь возьми, ничего не пожалѣю. (*Василій идетъ.*) Постой! и пирожнаго туда положи всякаго.

ЮСОВЪ.

Будетъ съ нее. Избалуешь.

БѢЛОГУБОВЪ.

Нельзя-съ. (*Василью*) Всего положи, слышишь.

ВАСИЛІЙ.

Слушаю-съ. (*уходитъ.*)

БѢЛОГУБОВЪ.

Люблю, очень люблю жену-съ. Будешь угождать, и она будетъ больше любить, Акимъ Акимычъ. Что я передъ ней-съ? Она образованная-съ.... Платье нынче купилъ-съ. То есть, не купилъ, а такъ взялъ, послѣ сочтемся.

ЮСОВЪ.

Все равно. Неужели деньги платить? Можетъ быть дѣло какое нибудь будетъ, ну и квитъ. Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сходится. (*Василій приноситъ конфекты въ бумагѣ.*)

БѢЛОГУБОВЪ.

Положи въ шляпу. Еще по рюмочкѣ-съ. (*Наливаетъ.*) Василій! Еще бутылку.

ЮСОВЪ.

Будетъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Нѣтъ, ужъ позвольте-съ. Здѣсь не вы распоряжаетесь, а я. (*Василій уходитъ.*)

1-й ЧИНОВНИКЪ.

Какой случай былъ. Писарёкъ у насъ, такъ дрянненькой, какую штуку выкинулъ! Фальшивую копію съ рѣшенія написалъ, (что ему въ голову пришло!) и подписался за всѣхъ присутствующихъ, да и снесъ къ истцу. А дѣло-то интересное, денежное. Только онъ копію-то не отдалъ, себѣ на умѣ, а только показалъ. Ну, и деньги взялъ большія. Тотъ послѣ пришелъ въ судъ, анъ дѣло-то совсѣмъ не такъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Это ужъ подлость! за это выгнать нужно.

ЮСОВЪ.

Именно выгнать. Не марай чиновниковъ. Ты возьми, такъ за дѣло, а не за мошенничество. Возьми такъ, чтобы и проситель былъ не обиженъ, и чтобы ты былъ доволенъ. Живи по закону, живи такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Что за большимъ-то гоняться! Курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ. А этотъ ужъ что за человѣкъ! не нынче, такъ завтра подъ красную шапку угодитъ.

БѢЛОГУБОВЪ *(наливаетъ рюмку).*

Пожалуйте, Акимъ Акимычь! Что я у васъ попрошу, вы мнѣ не откажете? Я вамъ въ ножки поклонюсь.

ЮСОВЪ.

Проси.

БѢЛОГУБОВЪ.

Помните, вы прошлый разъ прошлись подъ машину: «По улицѣ мостовой-съ»?

ЮСОВЪ.

Ишь, что выдумалъ!

БѢЛОГУБОВЪ.

Осчастливьте, Акимъ Акимычь! Такъ, чтобы ужъ я всю жизнь помнилъ.

ЮСОВЪ.

Изволь, изволь. Для тебя только! Вели пустить «По улицѣ мостовой.»

БѢЛОГУБОВЪ.

Эй, Василій! Пусти «По улицѣ мостовой», да постой у двери, посмотри, чтобы не вошелъ кто.

ВАСИЛІЙ.

Слушаю-съ *(заводитъ машину)*.

ЮСОВЪ *(показывая на Жадова.)*

Вотъ этотъ-то! Не люблю я его. Пожалуй, подумаетъ что-нибудь.

БѢЛОГУБОВЪ *(садясь къ Жадову)*.

Братецъ, будьте съ нами по родственному! Вотъ, Акимъ Акимычь, васъ конфузится.

ЖАДОВЪ.

Чего же онъ конфузится?

БѢЛОГУБОВЪ.

Да они потанцовать хотятъ. Надо, братецъ, и развлеченіе какое-нибудь имѣть послѣ трудовъ. Не все же работать. Что жъ такое! это удовольствіе невинное, мы никого не обижаемъ.

ЖАДОВЪ.

Танцуйте, сколько угодно, я вамъ не мѣшаю.

БѢЛОГУБОВЪ *(Юсову)*.

Ничего-съ, Акимъ Акимычь, онъ съ нами по родственному.

ВАСИЛІЙ.

Прикажете пустить?

ЮСОВЪ.

Пускай! *(Машина играетъ «По улицѣ мостовой.» Юсовъ пляшетъ. По окончаніи всѣ, кромѣ Жадова, хлопаютъ.)*

БѢЛОГУБОВЪ.

Нѣтъ, ужъ теперь нельзя-съ! Надо шампанскаго выпить! Василій! бутылку шампанскаго! Да много ли денегъ за все?

ВАСИЛІЙ *(считаетъ на счетахъ)*.

Пятнадцать рублей-съ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Получи! *(отдаетъ)*. Вотъ тебѣ полтинникъ на чай.

ВАСИЛІЙ.

Благодарю покорно-съ. *(уходитъ)*.

ЮСОВЪ *(громко.)*

Вы, молодежь, малокососы, чай, смѣяться надъ старикомъ!

1-й ЧИНОВНИКЪ.

Какъ можно, Акимъ Акимычъ, мы не знаемъ, какъ васъ благодарить!

2-й ЧИНОВНИКЪ.

Да-съ.

ЮСОВЪ.

Мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что предписано человѣку; у меня душа покойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ, мнѣ теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божій міръ: птичку увижу, и на ту радуюсь, цвѣтокъ увижу, и на него радуюсь. Премудрость во всемъ вижу. *(Василій приноситъ бутылку, откупориваетъ и наливаетъ въ продолженіи рѣчи Юсова)*. Помня свою бѣдность, нищую братію не забываю. Другихъ не осуждаю, какъ нѣкоторые малокососы изъ ученыхъ! Кого мы можемъ осуждать! Мы не знаемъ, что̀ еще сами-то будемъ! Посмѣялся ты нынче надъ пьяницей, а завтра самъ можетъ быть будешь пьяница. Осудишь нынче вора, а можетъ быть самъ завтра будешь во-

ромъ. Почемъ мы знаемъ свое опредѣленіе, кому чѣмъ быть назначено? Знаемъ одно, что всѣ тамъ будемъ. Вотъ ты нынче посмѣялся, *(показывая глазами на Жадова)* что я плясалъ; а завтра, можетъ быть, хуже меня запляшешь. Можетъ быть *(кивая головой на Жадова)* и за подаяніемъ пойдешь и руку протянешь. Вотъ гордость-то до чего доводитъ! Гордость, гордость! Я плясалъ отъ полноты души. На сердцѣ весело, на душѣ покойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе скажутъ: «сей человѣкъ пляшетъ, должно быть, душу имѣетъ чисту!» и пойдетъ всякій по своему дѣлу.

БѢЛОГУБОВЪ *(поднимая бокалъ)*.

Господа! За здоровье Акима Акимыча! Ура!

1-й и 2-й ЧИНОВНИКИ.

Ура!

БѢЛОГУБОВЪ.

Вотъ бы вы, Акимъ Акимычъ, осчастливили насъ, заѣхали къ намъ какъ нибудь. Мы еще съ женой люди молодые, посовѣтовали бы намъ, поученье бы сказали, какъ жить въ законѣ и всѣ обязанности исполнять. Кажется, будь каменный человѣкъ, и тотъ въ чувство придетъ, какъ васъ послушаетъ.

ЮСОВЪ.

Заѣду какъ-нибудь. *(беретъ газету)*.

БѢЛОГУБОВЪ *(наливаетъ бокалъ и подноситъ къ Жадову)*.

Ужъ я, братецъ, отъ васъ не отстану.

ЖАДОВЪ.

Что вы мнѣ не дадите почитать! Интересная статья попалась, а вы все мѣшаете.

БѢЛОГУБОВЪ *(садясь подлѣ Жадова)*.

Братецъ, вы на меня напрасно претензію имѣете. Бросимте, братецъ, всю эту вражду. Выкушайте! Для меня теперь это ничего не значитъ-съ. Будемте жить по родственному.

ЖАДОВЪ.

Нельзя намъ съ вами жить по родственному.

БѢЛОГУБОВЪ.

Отчего же-съ?

ЖАДОВЪ.

Не пара мы.

БѢЛОГУБОВЪ.

Да, конечно, кому какая судьба. Я теперь въ счастіи, а вы въ бѣдномъ положеніи. Чтожъ, я не горжусь. Вѣдь это, какъ кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братецъ, что вы нуждаетесь; можетъ быть вамъ деньги нужны; не обидтесь, сколько могу! Я даже и за одолженіе не сочту. Что за счеты между родными!

ЖАДОВЪ.

Съ чего вы выдумали предлагать мнѣ деньги!

БѢЛОГУБОВЪ.

Братецъ, я теперь въ довольствѣ, мнѣ долгъ велитъ помогать. Я, братецъ, вижу вашу бѣдность.

ЖАДОВЪ.

Какой я вамъ братецъ! Оставьте меня.

БѢЛОГУБОВЪ.

Какъ угодно! я отъ души предлагалъ. Я, братецъ, зла не помню, не въ васъ. Мнѣ только жаль смотрѣть на васъ съ женой съ вашей. *(Отходитъ къ Юсову).*

ЮСОВЪ *(бросая газету).*

Что нынче пишутъ! Ничего нравоучительнаго нѣтъ! *(Наливаетъ Бѣлогубову.)* Ну, допивай. Пойдемте!

БѢЛОГУБОВЪ *(допиваетъ).*

Пойдемте! *(Василій и Григорій подаютъ шинели.)*

ВАСИЛІЙ *(подаетъ Бѣлогубову два свертка).*

Вотъ захватите-съ.

БѢЛОГУБОВЪ *(умиленно.)*

Для жены-съ. Люблю-съ. *(Уходятъ.)*

(Досужевъ входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Жадовъ и Досужевъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Не стая воронов слеталась!

ЖАДОВЪ.

Правда ваша.

ДОСУЖЕВЪ.

Поѣдемте въ Марьину рощу!

ЖАДОВЪ.

Мнѣ нельзя.

ДОСУЖЕВЪ.

Отчего-же? Семья что ли? Дѣтей няньчить надо?

ЖАДОВЪ.

Дѣтей не няньчить, а жена дома дожидается.

ДОСУЖЕВЪ.

Да вы давно съ ней не видались?

ЖАДОВЪ.

Какъ давно? сегодня утромъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Ну, такъ это недавно. Я думалъ, дня три не видались. *(Жадовъ смотритъ на него.)* Что вы на меня смотрите! Я знаю, что вы думаете обо мнѣ. Вы думаете, что я такой же, какъ вотъ эти франты, что ушли. Такъ ошибаетесь. Ослы во львиной шкурѣ. Только шкура-то и страшна. Ну и пугаютъ народъ.

ЖАДОВЪ.

Признаться вамъ сказать, я никакъ не разберу, что вы за человѣкъ.

ДОСУЖЕВЪ.

А вотъ, изволите ли видѣть, во первыхъ: я веселый человѣкъ, а во вторыхъ: замѣчательный юристъ. Вы учились, я это вижу, и я тоже учился. Поступилъ я на маленькое жалованье; взятокъ брать не могу — душа не переноситъ, а жить чѣмъ-нибудь надо. Вотъ я и взялся за умъ: принялся за адвокатство, сталъ купцамъ слезныя прошенія писать. Ужъ коли не ѣхать, такъ давайте выпьемъ. Василій, водки! *(Василій уходитъ.)*

ЖАДОВЪ.

Я не пью.

ДОСУЖЕВЪ.

Гдѣ вы родились? Ну, да это вздоръ! Со мной можно. Ну вотъ-съ, сталъ я слезныя прошенія писать-съ. Вѣдь вы не знаете, что̀ это за народъ! Я вамъ сей часъ разскажу. *(Входитъ Василій.)* Налей двѣ. Получи за весь графинъ. *(Отдаетъ деньги.)*

ЖАДОВЪ.

И съ меня за чай. *(Отдаетъ. Василій уходитъ.)*

ДОСУЖЕВЪ.

Выпьемъ!

ЖАДОВЪ.

Извольте; для васъ только, а то право не пью. *(Чокаются и пьютъ. Досужевъ наливаетъ еще).*

ДОСУЖЕВЪ.

Напиши бородѣ прошеніе просто, да возьми съ него не дорого, такъ онъ тебя осѣдлаетъ. Откуда фамильярность явится: «ну, ты писака! на тебѣ на водку.» Почувствовалъ я къ нимъ злобу неукротимую! Выпьемте! Пити вмерти, й не пити вмерти; такъ вже лучше пити вмерти. *(Пьютъ.)* Сталъ я имъ писать по ихъ вкусу. На примѣръ: надо представить вексель ко взысканію — и всего-то десять строкъ письма, а ему пишешь листа четыре. Начинаю такъ: и Будучи обремененъ въ многочисленномъ семействѣ количествомъ членовъ». И всѣ его орнаменты вставишь.

Такъ напишешь, что онъ плачетъ, а вся семья рыдаетъ до истерики. Насмѣешься надъ нимъ, да возмешь съ него кучу денегъ, вотъ онъ и уважаетъ тебя, и кланяется въ поясъ. Хоть веревки изъ него вей. Всѣ ихъ толстыя тещи, всѣ бабушки невѣстъ тебѣ сватаютъ богатыхъ. Человѣкъ-то ужъ очень хорошъ, по-душѣ имъ пришелся. Выпьемте!

ЖАДОВЪ.

Будетъ!

ДОСУЖЕВЪ.

За мое здоровье!

ЖАДОВЪ.

Ужъ развѣ за ваше здоровье. *(Пьютъ.)*

ДОСУЖЕВЪ.

Много надо силы душевной, чтобы съ нихъ взятокъ не брать. Надъ честнымъ чиновникомъ они сами же смѣяться будутъ; унижать готовы — это имъ не съ руки. Кремнёмъ надо быть! И храбриться-то, право, не изъ чего! Тащи съ него шубу, да и все тутъ. Жаль! не могу. Я только беру съ нихъ деньги за ихъ невѣжество, да пропиваю. Эхъ! охота вамъ была жениться! Выпьемте. Какъ васъ зовутъ?

ЖАДОВЪ.

Василій.

ДОСУЖЕВЪ.

Тёска. Выпьемъ, Вася. *(Пьютъ).* Я вижу, ты хорошій человѣкъ.

ЖАДОВЪ.

Какой я человѣкъ! Я ребенокъ, я объ жизни не имѣю никакого понятія. Все это ново для меня, что я отъ васъ слышу. Мнѣ тяжело, очень тяжело! Не знаю, вынесу-ли я! Кругомъ развратъ, силъ мало! Зачѣмъ же насъ учили!

ДОСУЖЕВЪ.

Пей, легче будетъ.

ЖАДОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! *(Опускаетъ голову на руки.)*

ДОСУЖЕВЪ.

Такъ ты не поѣдешь со мной?

ЖАДОВЪ.

Не поѣду. Зачѣмъ вы меня поили! Что вы со мной сдѣлали!

ДОСУЖЕВЪ.

Ну, прощай! Впередъ будемъ знакомы! Захмѣлѣлъ, братъ! *(Жметъ Жадову руку.)* Василій! манто! *(Надѣваетъ шинель.)* Ты меня строго не суди! Я человѣкъ потерянный. Постарайся быть лучше меня, коли можешь. *(Идетъ къ двери и возвращается)* Да! вотъ тебѣ еще мой совѣтъ. Можетъ быть, съ моей легкой руки запьешь, такъ вина не пей, а пей водку. Вино намъ не по карману, а водка, братъ, лучше всего: — и горе забудешь, и дешево! Adieu! *(уходитъ.)*

ЖАДОВЪ.

Нѣтъ! пить не хорошо! Ничего не легче, — еще тяжелѣй. *(Задумывается. Василій по приказанію изъ другой залы заводитъ машину. Машина играетъ «Лучинушку.» Жадовъ поетъ.)* «Лучина, лучинушка, березовая!... »

ВАСИЛІЙ *(подходя.)*

Пожалуйте-съ! Не хорошо-съ! Безобразно-съ! *(Жадовъ машинально надѣваетъ шинель и уходитъ.)*

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ 4-Е.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВАСИЛІЙ НИКОЛАИЧЪ ЖАДОВЪ.
ПОЛИНА — ЖЕНА ЕГО.
ЮЛИНЬКА — ЖЕНА БѢЛОГУБОВА.
ФЕЛИСАТА ГЕРАСИМОВНА КУКУШКИНА.

Сцена представляетъ очень бѣдную комнату. На право окно, у окна столъ, на лѣвой сторонѣ зеркало.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

ПОЛИНА *(одна, смотритъ въ окно.)*

Какъ скучно, просто, смерть! (*поетъ*) «Матушка голубушка, солнышко мое! пожалѣй, родимая, дитятко свое.» (*Смѣется.*) Какая пѣсня въ голову пришла! (*Опять задумывается.*) Провалился бы, кажется, отъ скуки. Загадать развѣ на картахъ? чтожъ, за этимъ дѣло не станетъ. Это можно, можно. Чего другаго, а это у насъ есть. (*Достаетъ изъ стола карты.*) Какъ хочется поговорить съ кѣмъ нибудь. Кабы кто нибудь пришелъ, вотъ бы я была рада, сей часъ бы развеселилась. А то на что это похоже! сиди одна, все одна.... Ужъ нечего сказать, люблю поговорить. Бывало, мы у маменьки, утро-то настанетъ, трещимъ, трещимъ, и не увидишь, какъ пройдетъ. А теперь и поговорить не съ кѣмъ. Развѣ къ сестрѣ сбѣгать? Да ужъ поздно. Эко я, дура, не догадалась пораньше. (*поетъ*) «Матушка голубушка».... Ахъ я и забыла погадать-то.... Объ чемъ бы загадать-то. А вотъ загадаю я, будетъ ли у меня новая шляпка? (*раскладываетъ карты*) Будетъ, будетъ..... будетъ, будетъ. (*хлопаетъ въ ладоши, задумывается и потомъ поетъ.*) «Матушка голубушка, солнышко мое! пожалѣй, родимая, дитятко свое». (*Входитъ Юлинька.*)

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Полина и Юлинька.

ПОЛИНА.

Здравствуй, здравствуй! (*цѣлуются*). Какъ я тебѣ рада. Скидай шляпку!

ЮЛИНЬКА.

Нѣтъ, я къ тебѣ на минуту.

ПОЛИНА.

Ахъ, какъ ты хорошо одѣта, сестрица!

ЮЛИНЬКА.

Да, я теперь себѣ покупаю все, что только есть лучшаго и новаго изъ-за границы.

ПОЛИНА.

Счастлива ты, Юлинька.

ЮЛИНЬКА.

Да, я могу про себя сказать, что я счастлива. А ты, Полинька, какъ ты живешь? Ужасно. Нынче совсѣмъ не такой тонъ. Нынче у всѣхъ принято жить въ роскоши.

ПОЛИНА.

Что же мнѣ дѣлать? Развѣ я виновата?

ЮЛИНЬКА.

А мы вчера въ паркѣ были. Какъ весело было—чудо! Какой-то купецъ угощалъ насъ ужиномъ, шампанскимъ, фруктами разными.

ПОЛИНА.

А я все дома сижу одна. Со скуки погибаю.

ЮЛИНЬКА.

Да, Полина, я ужъ теперь совсѣмъ не та стала. Ты не можешь представить, какъ деньги и хорошая жизнь облагораживаютъ человѣка. Въ хозяйствѣ я теперь ничѣмъ не занимаюсь, считаю низкимъ. Я теперь все пренебрегаю, кромѣ туалета. А ты! ты! это ужасно. Что же твой мужъ дѣлаетъ, скажи пожалуйста?

ПОЛИНА.

Онъ меня даже и къ вамъ не пускаетъ, все велитъ сидѣть дома, да работать.

ЮЛИНЬКА.

Какъ это глупо! Представляетъ изъ себя умнаго человѣка, а нынѣшняго тону не знаетъ. Онъ долженъ знать, что человѣкъ созданъ для общества.

ПОЛИНА.

Какъ ты говоришь?

ЮЛИНЬКА.

Человѣкъ созданъ для общества. Ктожъ этого не знаетъ. Это нынѣче рѣшительно всѣмъ извѣстно.

ПОЛИНА.

Хорошо, я это ему скажу.

ЮЛИНЬКА.

Ты бы съ нимъ ссориться попробовала?

ПОЛИНА.

Пробовала, да что толку. Онъ всегда правъ выходитъ, а я виновата остаюсь.

ЮЛИНЬКА.

Да онъ любитъ тебя?

ПОЛИНА.

Очень любитъ.

ЮЛИНЬКА.

А ты его?

ПОЛИНА.

И я люблю.

ЮЛИНЬКА.

Ну, такъ ты сама виновата, душа моя. Лаской изъ мужчинъ ничего не сдѣлаешь. Ты къ нему ластишься—вотъ онъ и сидитъ сложа руки, ни объ себѣ, ни объ тебѣ не думаетъ.

ПОЛИНА.

Онъ много работаетъ.

ЮЛИНЬКА.

Да что проку въ его работѣ-то. Вотъ мой мужъ и немного работаетъ, а посмотри, какъ мы живемъ. Надобно правду сказать, Описимъ Панфилычъ для дому отличный человѣкъ, настоящій хозяинъ; чего-чего у насъ нѣтъ, кабы ты посмотрѣла. И въ какое короткое время! Откуда онъ только беретъ! А твой! Что это? Вѣдь срамъ смотрѣть, какъ вы живете.

ПОЛИНА.

Онъ все говоритъ: сиди, работай! Не завидуй другимъ; будемъ и мы жить хорошо.

ЮЛИНЬКА.

Да, когда же это будетъ? Состарѣешься, пока дождешься. На что тогда и удовольствіе! всякое терпѣніе лопнетъ.

ПОЛИНА.

Что же мнѣ дѣлать?

ЮЛИНЬКА.

Онъ просто тиранъ. Что съ нимъ много-то разговаривать! Скажи, что ты его не любишь—вотъ и все тутъ. Или вотъ что лучше: ты скажи ему, что тебѣ надоѣла такая жизнь, что ты не хочешь съ нимъ жить и переѣдешь къ маменькѣ, и чтобъ онъ не зналъ тебя. А я маменьку предупрежу объ этомъ.

ПОЛИНА.

Хорошо, хорошо! я это обдѣлаю въ лучшемъ видѣ.

ЮЛИНЬКА.

Да съумѣешь-ли ты?

ПОЛИНА.

Еще бы. Я какую хочешь сцену сыграю, не хуже всякой актрисы. Во первыхъ насъ дома къ этому съ малолѣтства пріучили, а теперь я все сижу одна, работать-то скучно; я все сама съ собою и разговариваю. Такъ научилась, что чудо. Только немного жаль его будетъ.

ЮЛИНЬКА.

А ужъ ты не жалѣй! А я тебѣ, Полина, шляпку привезла. (*вынимаетъ изъ картона.*)

ПОЛИНА.

Ахъ, какая прелесть! Спасибо, сестрица, душенька. (*цѣлуетъ ее.*)

ЮЛИНЬКА.

А то у тебя старая-то ужъ не хороша.

ПОЛИНА.

Ужасная мерзость! Скверно на улицу выйти. Вотъ я теперь мужа подразню. Вотъ, скажу, милый мой, посторонніе купили, а ты не догадаешься.

ЮЛИНЬКА.

Да ужъ дѣлать нечего, Полинька, мы пока, сколько можемъ, будемъ тебя поддерживать. Только не слушай ты, пожалуйста, своего мужа. Ты ему растолкуй хорошенько, что ты его даромъ любить не будешь. Ты, глупенькая, пойми, за что ихъ даромъ любить-то, мужьевъ-то? Это довольно странно! Обезпечь меня, дескать, во всемъ, чтобы я блистала въ обществѣ, тогда я тебя и стану любить. Онъ отъ капризу не хочетъ твоего счастія, а ты молчишь. Попроси только онъ у дяди, и ему дадутъ такое же доходное мѣсто, какое у моего мужа.

ПОЛИНА.

Ужъ я теперь къ нему пристану.

ЮЛИНЬКА.

Ты представь только себѣ, ты такая хорошенькая, одѣнь-ко тебя со вкусомъ, да посади въ театръ; при огнѣ-то... всѣ мужчины такъ на тебя лорнеты и уставятъ.

ПОЛИНА.

Не говори, сестрица, заплачу.

ЮЛИНЬКА.

Вотъ тебѣ денегъ, (*достаетъ изъ порть-монне*) иногда что понадобится, такъ можешь и безъ мужа обойтись.

У насъ теперь есть средства, такъ что мы рѣшились даже другимъ благодѣтельствовать.

ПОЛИНА.

Спасибо, сестрица! Только онъ, пожалуй, разсердится.

ЮЛИНЬКА.

Велика важность! что на него смотрѣть-то! Отъ родныхъ, не отъ чужихъ. Что жъ, по его милости голодной сидѣть! Прощай, Полина.

ПОЛИНА.

Прощай, сестрица. (*провожаетъ ее, Юлинька уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III-е.

ПОЛИНА.

Какая это, Юлинька, у насъ умная! А я-то дура, дура! (*увидавъ картонъ.*) Новая шляпка! новая шляпка! (*хлопаетъ въ ладоши.*) Я теперь цѣлую недѣлю буду весела, если только мужъ не разстроитъ. (*поетъ*) «Матушка, голубушка и т. д. (*Кукушкина входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Полина и Кукушкина.

КУКУШКИНА.

У тебя все пѣсенки на умѣ.

ПОЛИНА.

Здравствуйте, маменька! отъ скуки.

КУКУШКИНА.

Я совсѣмъ и ходить-то къ тебѣ не хотѣла.

ПОЛИНА.

Отъ чего же, маменька?

КУКУШКИНА.

Мерзко мнѣ, сударыня, мерзко бывать у васъ. Да такъ ужъ мимо шла, такъ зашла къ тебѣ. Нищенство, бѣд-

пость.... фу.... я этого видѣть не могу. У меня чистота, у меня порядокъ, а здѣсь, что такое! Изба деревенская! гадость!

ЮЛИНА.

Чѣмъ же я-то виновата!

КУКУШКИНА.

Бываютъ же такіе мерзавцы на свѣтѣ. А впрочемъ я его и не виню. Я на него никогда надежды не имѣла. Ты-то чтожъ молчишь, сударыня? Не я ли тебѣ твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день и ночь: давай денегъ, да давай, гдѣ хочешь возьми, да подай. Мнѣ, молъ, на то нужно, на другое нужно. Маменька, молъ, у меня тонкая дама, надо ее прилично принять. Скажетъ: нѣтъ у меня. А мнѣ, молъ, какое дѣло? хоть укради, да подай. Зачѣмъ бралъ. Умѣлъ жениться, умѣй и жену содержать прилично. Да этакъ съ утра да до ночи долбила бы ему въ голову-то, такъ авось бы въ чувство пришелъ. У меня бы на твоемъ мѣстѣ другаго и разговору не было.

ЮЛИНА.

Что жъ дѣлать-то, маменька, у меня въ характерѣ никакой строгости нѣтъ.

КУКУШКИНА.

Нѣтъ, ужъ ты лучше скажи, что у тебя въ характерѣ глупости много, баловства. А ты знаешь ли, что ваше баловство портитъ мужчинъ. У тебя все нѣжности на умѣ, все бы вѣшалась къ нему на шею. Обрадовалась, что замужъ вышла, дождалась. А нѣтъ, чтобы объ жизни подумать. Бездѣлница! И въ кого это ты такая уродилась! У насъ въ роду всѣ рѣшительно холодны къ мужьямъ: больше все думаютъ объ нарядахъ, какъ одѣться приличнѣе, блеснуть передъ другими. Отчего и не приласкать мужа, да надобно, чтобы онъ чувствовалъ, за что его ласкаютъ. Вотъ Юлинька, когда мужъ привезетъ ей что нибудь изъ городу, такъ и кинется ему на шею, такъ и замретъ, насилу стащутъ. Отъ того онъ чуть не каждый

день ей и возитъ подарки. А не привезетъ, такъ она и губы надуетъ и не говоритъ съ нимъ два дня. Висни, пожалуй, къ нимъ на шею-то, они и рады, имъ только это и нужно. Стыдись.

ПОЛИНА.

Я чувствую, что я глупа; онъ ласкаетъ меня, а я и рада.

КУКУШКИНА.

А вотъ погоди, мы на него насядемъ обѣ, такъ авось подастся. Главное—не баловать и не слушать его глупостей: онъ свое, а ты свое; спорь до обмороку, а не уступай. Уступи имъ, такъ они готовы на насъ хоть воду возить. Да гордость-то, гордость-то ему сшибить надо. Ты знаешь ли, что у него на умѣ?

ПОЛИНА.

Гдѣ мнѣ знать.

КУКУШКИНА.

Это, вотъ видишь ли, есть такая дурацкая философія, я недавно въ одномъ домѣ слышала, нынче она въ моду пошла. Они забрали себѣ въ голову, что умнѣй всѣхъ на свѣтѣ; а то все дураки да взяточники. Какая глупость-то непростительная! Мы, говорятъ, не хотимъ брать взятокъ, хотимъ жить однимъ жалованьемъ. Да послѣ этого житья не будетъ! За кого жъ дочерей-то отдавать? вѣдь этакъ чего добраго и родъ человѣческій прекратится. — Взятки! что за слово это взятки? Сами жъ его выдумали, чтобы обижать хорошихъ людей. Не взятки, а благодарность! А отъ благодарности отказываться грѣхъ, обидѣть человѣка надо. Коли ты холостой человѣкъ, на тебя и суда нѣтъ, юродствуй, какъ знаешь. Пожалуй, хоть и жалованья не бери. А коли женился, такъ умѣй жить съ женой, не обманывай родителей. За что они терзаютъ родительское сердце? Другой полуумный вдругъ беретъ воспитанную барышню, которая съ дѣтства понимаетъ жизнь и которую родители, не щадя ничего, воспитываютъ совсѣмъ не въ такихъ правилахъ, даже старается, какъ можно, отдалять

отъ такихъ глупыхъ разговоровъ, и вдругъ запираетъ ее въ конуру какую-то. Что-же, по ихнему, изъ воспитанныхъ барышенъ имъ хочется прачекъ передѣлать? Ужъ коли хотятъ жениться, такъ и женились бы на какихъ нибудь заблужденныхъ, которымъ все равно, что барыней быть, что кухаркой, которыя, изъ любви къ нимъ, рады будутъ себѣ и юпки стирать, и по грязи на рынокъ трепаться. А вѣдь есть такія, безъ понятія, женщины.

ПОЛИНА.

Вотъ онъ и изъ меня, должно быть, тоже хочетъ сдѣлать.

КУКУШКИНА.

Что нужно для женщины.... образованной, которая видитъ и понимаетъ всю жизнь, какъ свои пять пальцевъ? Они этого не понимаютъ. Для женщины нужно, чтобы она одѣта была всегда хорошо, чтобы прислуга была, а главное—нужно спокойствіе, чтобы она могла быть отдалена отъ всего, по своему благородству, ни въ какіе хозяйственные дрязги не входила. Юлинька у меня такъ и дѣлаетъ; она ото всего рѣшительно далека, кромѣ какъ занята собой. Она спитъ долго; мужъ по утру долженъ распорядиться на счетъ стола и рѣшительно всѣмъ; потомъ дѣвка напоитъ его чаемъ и онъ уѣзжаетъ въ присутствіе. Наконецъ она встаетъ; чай, кофе, все это для нея готово, она кушаетъ, разодѣлась отличнѣйшимъ манеромъ и сѣла съ книжкой у окна дожидаться мужа. Вечеромъ надѣваетъ лучшія платья и ѣдетъ въ театръ или въ гости. Вотъ жизнь! вотъ порядокъ! Вотъ какъ дама должна вести себя! Что можетъ быть благороднѣе, что деликатнѣе, что нѣжнѣе? Хвалю.

ПОЛИНА.

Ахъ, вотъ блаженство-то! хоть бы недѣльку такъ пожилъ.

КУКУШКИНА.

Да, съ своимъ мужемъ ты дождешься; какъ же!

ПОЛИНА.

Ужъ вы его маменька хорошенько! А то мнѣ право завидно. Юлинька какъ ни пріѣдетъ, все въ новомъ платьѣ, а я все въ одномъ да въ одномъ. Вотъ онъ идетъ. *(Идетъ къ дверямъ. Жадовъ входитъ съ портфелемъ. Цѣлуются).*

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Тѣже и Жадовъ.

ЖАДОВЪ.

Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! *(садится.)* Ахъ, какъ усталъ. *(Полина садится подлѣ матери.)* Заработался совсѣмъ, отдыху себѣ не знаю. Утромъ въ присутствіе, днемъ на урокахъ, ночью за дѣлами сижу: беру выписки составлять, — порядочно платятъ. А ты, Полина, вѣчно безъ работы, вѣчно, сложа руки, сидишь! Никогда тебя за дѣломъ не застанешь.

КУКУШКИНА.

Онѣ у меня не такъ воспитаны, къ работѣ не пріучены.

ЖАДОВЪ.

Очень дурно. Послѣ трудно привыкать, когда съ малолѣтства не пріучены. А надобно будетъ.

КУКУШКИНА.

Не за чѣмъ ей и привыкать. Я ихъ не въ горничныя готовила, а замужъ за благородныхъ людей.

ЖАДОВЪ.

Мы съ вами различныхъ мнѣній, Фелисата Герасимовна. Я хочу, чтобы Полина слушалась меня.

КУКУШКИНА.

То есть, вы хотите сдѣлать изъ нея работницу; такъ ужъ такую бы себѣ подъ пару и искали. А ужъ насъ извините, мы люди совсѣмъ не такихъ понятій въ жизни, въ насъ благородство врожденное.

ЖАДОВЪ.

Какое это благородство, это фанфаронство пустое! А намъ право, не до того.

КУКУШКИНА.

Васъ послушать, такъ уши вянутъ. А вотъ что нужно сказать: кабы я знала, что она, несчастная, будетъ такую нищенскую жизнь вести, ужъ ни за что бы не отдала за васъ.

ЖАДОВЪ.

Вы ей, пожалуйста, не втолковывайте, что она несчастная женщина; я прошу васъ. А то она, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что несчастная.

КУКУШКИНА.

А то счастлива? Разумѣется, въ самомъ горькомъ положеніи женщина. Другая бы на ея мѣстѣ, я ужъ и не знаю, что сдѣлала. *(Полина плачетъ.)*

ЖАДОВЪ.

Полина, перестань дурачиться! пожалѣй меня!

ПОЛИНА.

У тебя все дурачиться. Видно ты не любишь, когда тебѣ правду-то говорятъ.

ЖАДОВЪ.

Какую правду?

ПОЛИНА.

Ужъ, разумѣется, правду; маменька не станетъ лгать.

ЖАДОВЪ.

Мы съ тобой ужо объ этомъ поговоримъ.

ПОЛИНА.

Не объ чемъ говорить-то. *(отворачивается.)*

КУКУШКИНА.

Разумѣется.

ЖАДОВЪ *(вздыхаетъ.)*

Вотъ несчастіе! *(Кукушкина и Полина не обращаютъ на него вниманія и разговариваютъ шепотомъ. Жадовъ достаетъ изъ портфёля бумаги, раскладываетъ на столѣ и въ продолженіе слѣдующаго разговора оглядывается на нихъ).*

КУКУШКИНА *(громко.)*

Вообрази, Полина, я была у Бѣлогубова, онъ купилъ женѣ бархатное платье.

ПОЛИНА *(сквозь слезы.)*

Бархатное! какого цвѣта?

КУКУШКИНА.

Вишневое.

ПОЛИНА *(плачетъ.)*

Ахъ, Боже мой! я думаю, какъ къ ней идётъ.

КУКУШКИНА.

Чудо! Только представь, какой проказникъ Бѣлогубовъ! Насмѣшилъ, право, насмѣшилъ. Вотъ, маменька, я, говоритъ, вамъ жалуюсь на жену; я ей купилъ бархатное платье, она меня такъ цѣловала, укусила даже очень больно. Вотъ жизнь! Вотъ любовь! не то, что у другихъ.

ЖАДОВЪ.

Это невыносимо! *(встаетъ.)*

КУКУШКИНА *(встаетъ.)*

Позвольте спросить, милостивый государь, за что она страдаетъ? дайте мнѣ отчётъ.

ЖАДОВЪ.

Она ужъ вышла изъ-подъ вашей опеки и поступила подъ мою, и потому оставьте мнѣ распоряжаться ея жизнью. Повѣрьте, что будетъ лучше.

КУКУШКИНА.

Но я мать, милостивый государь.

ЖАДОВЪ.

А я мужъ.

КУКУШКИНА.

Вотъ мы видимъ, каковъ вы мужъ! Никогда любовь мужа не можетъ сравняться съ родительской.

ЖАДОВЪ.

Каковы родители!

КУКУШКИНА.

Каковы бы ни были, все таки не вамъ чета. Мы вотъ, милостивый государь, какіе родители! Мы съ мужемъ по грошамъ набирали деньги, чтобы воспитать дочерей, чтобъ отдать ихъ въ пансіонъ. Для чего это, какъ вы думаете? Для того, чтобы они имѣли хорошія манеры, не видали кругомъ себя бѣдности, не видали низкихъ предметовъ, чтобы не отяготить дитя и съ дѣтства пріучить ихъ къ хорошей жизни, благородству въ словахъ и поступкахъ.

ЖАДОВЪ.

Благодарю васъ. Я вотъ почти уже годъ стараюсь выбить изъ нея ваше воспитаніе, да никакъ не могу. Кажется, половину бы жизни отдалъ, чтобы только она его забыла.

КУКУШКИНА.

Да развѣ я ее для такой жизни готовила? Я бы лучше руку дала на отсѣченіе, чѣмъ видѣть въ такомъ положеніи дочь, въ бѣдности, въ страданіи, въ убожествѣ.

ЖАДОВЪ.

Оставьте ваши сожалѣнья, я васъ прошу.

КУКУШКИНА.

Развѣ онѣ у меня такъ жили? У меня порядокъ, у меня чистота. Средства мои самыя ничтожныя, а все таки онѣ жили, какъ герцогини, въ самомъ невинномъ состояніи; гдѣ ходъ въ кухню, не знали; не знали, изъ чего щи варятся; только и занимались, какъ слѣдуетъ барышнямъ, разговоромъ объ чувствахъ и предметахъ самыхъ облагороженныхъ.

ЖАДОВЪ *(указывая на жену.)*

Да, такого глубокаго разврата, какъ въ вашемъ семействѣ, я не видывалъ.

КУКУШКИНА.

Развѣ такіе люди, какъ вы, могутъ оцѣнить благородное воспитаніе! Моя вина, я поторопилась! Выдь она за человѣка съ нѣжными чувствами и съ образованіемъ, тотъ не зналъ бы, какъ благодарить меня за мое воспитаніе. И она была бы съ нимъ счастлива, потому что порядочные люди не заставляютъ женъ работать, для этого у нихъ есть прислуга, а жена только для....

ЖАДОВЪ *(быстро.)*

Для чего?

КУКУШКИНА.

Какъ для чего? Кто жъ этого не знаетъ? Ну, извѣстно.... для того, чтобы одѣвать, какъ нельзя лучше, любоваться на нее, вывозить въ люди, доставлять всѣ наслажденія, исполнять каждую ея прихоть, какъ законъ.... боготворить.

ЖАДОВЪ.

Стыдитесь! Вы, пожилая женщина, дожили до старости, выростили дочерей и воспитывали ихъ, а не знаете, для чего человѣку дана жена. Не стыдно-ли вамъ! Жена не игрушка, а помощница мужу. Вы дурная мать!

КУКУШКИНА.

Да, я знаю, что вы очень рады себѣ изъ жены кухарку сдѣлать. Безчувственный вы человѣкъ!

ЖАДОВЪ.

Полноте вздоръ болтать!

ПОЛИНА.

Маменька, оставьте его.

КУКУШКИНА.

Нѣтъ, не оставлю. Съ чего ты выдумала, чтобы я его оставила?

ЖАДОВЪ.

Перестаньте. Я васъ слушать не стану и женѣ не позволю. У васъ на старости лѣтъ все вздоръ въ головѣ.

КУКУШКИНА.

Каковъ разговоръ? каковъ разговоръ? А?

ЖАДОВЪ.

Между мною и вами другаго разговора быть не можетъ. Оставьте насъ въ покоѣ, я прошу васъ. Я люблю Полину и обязанъ беречь ее. Ваши разговоры вредны для Полины и безнравственны.

КУКУШКИНА.

Да вы не очень горячитесь, милостивый государь!

ЖАДОВЪ.

Вы ровно ничего не понимаете.

КУКУШКИНА *(съ озлобленіемъ)*.

Не понимаю? Нѣтъ, я очень хорошо понимаю. Видала я примѣры-то, какъ женщины-то гибнутъ отъ бѣдности. Бѣдность-то до всего доводитъ. Другая бьется, бьется, ну и собьется съ пути. Даже и винить нельзя.

ЖАДОВЪ.

Что! Какъ вы можете говорить при дочери такія вещи! Увольте насъ отъ своего посѣщенія.... сей часъ же, сей часъ же.

КУКУШКИНА.

Коли дома холодно, да голодно, да мужъ лѣнтяй, по неволѣ будешь искать средствъ....

ЖАДОВЪ.

Оставьте насъ, я васъ честью прошу. Вы меня выведете изъ терпѣнія.

КУКУШКИНА.

Ужъ и конечно уйду, и нога моя никогда не будетъ у васъ. *(Полинѣ.)* Каковъ мужъ-то у тебя! Вотъ горе-то! Вотъ несчастье-то!

ПОЛИНА.

Прощайте, маменька! *(плачетъ.)*

КУКУШКИНА.

Плачь, плачь, несчастная жертва, оплакивай свою судьбу! Плачь до могилы! Да ты ужъ лучше умри, несчастная, чтобы не разрывалось мое сердце. Легче мнѣ будетъ. *(Жадову.)* Торжествуйте! Вы свое дѣло сдѣлали! обманули, прикинулись влюбленнымъ, обольстили словами и потомъ погубили. Вся ваша цѣль была въ этомъ, я теперь васъ понимаю. *(Уходитъ, Полина ее провожаетъ.)*

ЖАДОВЪ.

Надобно будетъ съ Полиной построже поговорить. А то, чего добраго, ее вовсе съ толку собьютъ. *(Полина возвращается.)*

ЯВЛЕНІЕ VI-е

Жадовъ и Полина *(садится у окна, надувшись.)*

ЖАДОВЪ *(разложивъ бумаги садится къ окну.)*

Фелисата Герасимовна, вѣроятно, больше къ намъ не придетъ, чему я очень радъ. Я бы желалъ, Полина, чтобы и ты къ ней не ходила, а также и къ Бѣлогубовымъ.

ПОЛИНА.

Не прикажете ли для васъ всю родню бросить?

ЖАДОВЪ.

Не для меня, а для себя. У нихъ у всѣхъ такія дикія понятія! я тебя учу добру, а они развращаютъ.

ПОЛИНА.

Поздно меня учить, я ужъ учена.

ЖАДОВЪ.

Для меня было бы ужасно убѣдиться въ томъ, что ты говоришь. Нѣтъ, я надѣюсь, что ты меня поймешь наконецъ. Теперь много работы у меня; а вотъ будетъ по-

БИБЛІОТЕКИ
Исторіко-литературн... ...ъ Курсовъ
Н. П. Раева.

меньше, мы съ тобой займемся. Утромъ будешь работать, а по вечерамъ будемъ читать. Тебѣ многое надо прочесть, ты вѣдь ничего не читала.

полина.

Какъ же, стану я сидѣть съ тобой! Куда какъ весело! Человѣкъ созданъ для общества.

жадовъ.

Что?

полина.

Человѣкъ созданъ для общества.

жадовъ.

Откуда это у тебя?

полина.

Ты меня, въ самомъ дѣлѣ, за дуру считаешь. Кто жъ этого не знаетъ! Всякій знаетъ. Что ты меня съ улицы что ли взялъ?

жадовъ.

Да для общества-то нужно приготовить себя, образовать.

полина.

Ничего этого не нужно, все вздоръ, нужно только одѣваться по модѣ.

жадовъ.

Ну, а мы и этого не можемъ, стало быть и толковать нечего. Займись-ко лучше работой какой-нибудь, и я примусь за дѣло *(беретъ перо)*.

полина.

Работой займись! Съ чего это ты выдумалъ? Ужъ будетъ тебѣ надо мной командовать-то! Помыкать-то всячески, да насмѣхаться-то!

жадовъ *(оборачиваясь.)*

Что это, Полина?

ЮЛИНА.

А тоже, что я хочу жить, какъ люди живутъ, а не какъ нищіе. Надоѣло ужъ. И такъ я съ тобой загубила свою молодость.

ЖАДОВЪ.

Вотъ новости! я этого не слыхалъ еще.

ЮЛИНА.

Не слыхалъ, такъ послушай. Ты думаешь, что я молчала-то почти годъ, такъ и все буду молчать. Нѣтъ, извини! Ну, да что толковать! Я хочу жить, какъ Юлинька живетъ, какъ всѣ благородныя дамы живутъ. Вотъ тебѣ и сказъ.

ЖАДОВЪ.

Вотъ что! только позволь тебя спросить: на какія же средства намъ такъ жить?

ЮЛИНА.

А мнѣ что за дѣло! Кто любитъ, тотъ найдетъ средства.

ЖАДОВЪ.

Да ты пожалѣй меня; я и такъ работаю, какъ волъ.

ЮЛИНА.

Работаешь ты, или не работаешь — мнѣ вовсе никакого дѣла нѣтъ. Не на мытарство, не на тиранство я за тебя замужъ шла.

ЖАДОВЪ.

Вы меня нынче совсѣмъ измучили. Замолчи, ради Бога.

ЮЛИНА.

Какъ же дожидайся, буду я молчать! По твоей милости всѣ смѣются надо мною. Что я стыда натерпѣлась! Сестрица ужъ сжалилась. Нынче пріѣхала: «ты, говоритъ, насъ срамишь, всю нашу фамилію; въ чемъ ты ходишь». И это не стыдно тебѣ? а еще увѣрялъ, что любишь.—На свои деньги сестрица купила, да привезла шляпку мнѣ.

ЖАДОВЪ *(встаетъ)*.

Шляпку?

ПОЛИНА.

Да, вотъ она. Посмотри, на. Что хороша?

ЖАДОВЪ *(строго)*.

Отнеси сей часъ назадъ.

ПОЛИНА.

Назадъ?

ЖАДОВЪ.

Да, сей часъ, сей часъ снеси! И не смѣй впередъ отъ нихъ ничего брать.

ПОЛИНА.

Ну, ужъ этому не бывать; ужъ будьте покойны.

ЖАДОВЪ.

Такъ я ее выкину за окно.

ПОЛИНА.

А! такъ ты вотъ какъ сталъ! Хорошо, мой другъ, я снесу.

ЖАДОВЪ.

И снеси.

ПОЛИНА *(со слезами)*.

Снесу, снесу. (*Надѣваетъ шляпку, мантилью, беретъ зонтикъ.*) Прощайте!

ЖАДОВЪ.

Прощай!

ПОЛИНА.

Простимся хорошенько; ужъ вы меня больше не увидите.

ЖАДОВЪ.

Это что за вздоръ еще?

ПОЛИНА.

Я къ маменькѣ пойду, тамъ и останусь; ты ужъ и не ходи къ намъ.

ЖАДОВЪ.

Что за глупость ты говоришь, Полина!

ПОЛИНА.

Нѣтъ, я ужъ давно обдумала! (*Чертитъ зонтикомъ по полу.*) Что моя за жизнь! одно мученье! и никакой радости!

ЖАДОВЪ.

Не грѣхъ тебѣ говорить? Неужели ты со мной не видала никакой радости?

ПОЛИНА.

Какія радости! кабы ты богатъ былъ—другое дѣло, а то бѣдность-то терпѣть. Что за радость. Вотъ намедни пьяный пришелъ; еще, пожалуй, бить меня будешь.

ЖАДОВЪ.

Ахъ, Боже мой! Что ты говоришь? Одинъ разъ пришелъ на веселѣ.... да кто же изъ молодыхъ людей не бываетъ пьянъ?

ПОЛИНА.

Знаемъ мы, бѣдность-то до чего доводитъ. Мнѣ маменька сказывала. Ты, пожалуй, запьешь, да и я-то съ тобой погибну.

ЖАДОВЪ.

Все вздоръ какой тебѣ въ голову лѣзетъ.

ПОЛИНА.

Чего мнѣ ждать хорошаго-то? Я ужъ и на картахъ гадала про судьбу свою, и у ворожеи спрашивала. Выходитъ самая несчастная.

ЖАДОВЪ (*хватаетъ себя за голову*).

На картахъ гадаетъ! къ ворожеямъ ходитъ!

ПОЛИНА.

По твоему, чай, карты вздоръ! нѣтъ ужъ извини, ни въ жизнь не повѣрю! Карты никогда не лгутъ. Вотъ ужъ всегда-то правду говорятъ. Что даже на умѣ у человѣка, и то по картамъ сей часъ видно. Ты, вѣдь, ничему не вѣришь, у тебя все вздоръ; отъ того намъ и счастья нѣтъ.

ЖАДОВЪ *(нѣжно)*.

Полина! (*подходитъ къ ней.*)

ПОЛИНА *(отходя)*.

Сдѣлайте милость, оставьте.

ЖАДОВЪ.

Нѣтъ, ты меня не любишь.

ПОЛИНА.

За что тебя любить-то? Очень нужно даромъ-то любить!

ЖАДОВЪ *(горячо)*.

Какъ даромъ? какъ даромъ? За любовь я тебѣ плачу любовью. Да, вѣдь, ты жена моя! развѣ ты забыла это? Ты обязана со мной дѣлить и горе, и радость.... Еслибъ я былъ даже послѣдній нищій!

ПОЛИНА *(садится на стулъ и, закинувъ голову, хохочетъ)*.

Ха, ха, ха, ха!

ЖАДОВЪ.

Это ужъ гадко наконецъ! это безнравственно!

ПОЛИНА *(быстро встаетъ)*.

Я не понимаю, что вамъ за охота жить съ безнравственной женой. Прощайте!

ЖАДОВЪ.

Богъ съ тобой, прощай! Коли ты можешь бросить равнодушно мужа, такъ прощай! (*Садится къ столу и подпираетъ голову руками.*)

ПОЛИНА.

А что жъ такое! Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше.

ЖАДОВЪ.

Ну прощай, прощай!

ПОЛИНА *(передъ зеркаломъ)*.

Вотъ шляпка, такъ шляпка, не то, что моя (*поетъ*):

«Матушка, голубушка, солнышко мое...» Въ этой и по улицѣ-то пройдешь, все таки кто-нибудь взглянетъ, скажетъ: ахъ, какая хорошенькая! Прощайте! (*присѣдаетъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII-е

ЖАДОВЪ (*одинъ*).

Что у меня за характеръ! куда онъ годится! Съ женой и то ужиться не могъ! Что же мнѣ дѣлать теперь? Господи, Боже мой! Я съ ума сойду. Безъ нея мнѣ не за чѣмъ на свѣтѣ жить. Какъ это сдѣлалось, я, право, не понимаю. Какъ же это я могъ ее отпустить отъ себя! Что она будетъ дѣлать у матери! Тамъ она погибнетъ совсѣмъ. Марья! Марья! (*Марья за сценой: «что угодно?»*) Догони, поди барыню, скажи, что мнѣ нужно съ нею поговорить. Да поскорѣй, поскорѣй! Что это, въ самомъ дѣлѣ, Марья, какая ты не поворотливая! Да бѣги же; бѣги скорѣй! (*Марья за сценой: «сей часъ!»*) А ну, какъ она не захочетъ вернуться! Да и прекрасно сдѣлаетъ. Она имѣетъ полное право. Чѣмъ она виновата, что я не могу ее содержать прилично? Ей только восьмнадцать лѣтъ, ей жить хочется, хочется удовольствій. А я держу ее въ одной комнатѣ, цѣлый день дома не бываю! Хороша любовь! Ну вотъ и живи одинъ! Прекрасно! очень хорошо! Опять сирота! чего жъ лучше! Поутру пойду въ присутствіе, послѣ присутствія домой не за чѣмъ ходить, поспѣшу въ трактирѣ до вечера; а вечеромъ домой, одинъ, на холодную постель; залюсь слезами! И такъ каждый день. Очень хорошо! (*плачетъ.*) Ну что жъ! не умѣлъ съ женой жить, такъ живи одинъ. Нѣтъ, надо рѣшиться на что нибудь. Я долженъ или разстаться съ ней, или.... жить.... жить.... какъ люди живутъ. Объ этомъ надо подумать. — (*Задумывается.*) Разстаться? Да въ силахъ ли я съ ней разстаться? Ахъ, какая мука! какая мука! Нѣтъ ужъ лучше.... что съ мельницами-то сражаться! Что я говорю!—Какія мысли лѣзутъ мнѣ въ голову. (*Входитъ Полина.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

Жадовъ и Полина.

ПОЛИНА *(садится, не раздѣваясь.)*

Что вамъ угодно?!

ЖАДОВЪ *(подбѣгаетъ къ ней.)*

Пришла, пришла! Опять пришла. Не стыдно ли тебѣ! Ты меня такъ разстроила, такъ разстроила, Полина, что я и съ мыслями не соберусь. Я совсѣмъ растерялся. *(цѣлуетъ руки.)* Полина, другъ мой!

ПОЛИНА.

Да ты съ нѣжностями-то не подъѣзжай ко мнѣ.

ЖАДОВЪ.

Ты вѣдь пошутила, Полина? А? Ты меня не оставишь?

ПОЛИНА.

Куда какъ интересно жить-то съ тобой, горе-то мыкать.

ЖАДОВЪ.

Ты меня убиваешь, Полина! Ужъ коли не любишь, такъ хоть пожалѣй меня. Ты знаешь, какъ я тебя люблю.

ПОЛИНА.

Да, оно и видно! такъ и любятъ.

ЖАДОВЪ.

Какъ же еще любятъ? Какъ? Скажи, я все исполню, что ты мнѣ прикажешь.

ПОЛИНА.

Поди сей часъ къ дядѣ, помирись съ нимъ и попроси такое же мѣсто, какъ у Бѣлогубова, да и денегъ попроси кстати; послѣ отдадимъ, какъ разбогатѣемъ.

ЖАДОВЪ.

Ни за что на свѣтѣ, ни за что на свѣтѣ! И не говори ты мнѣ этого.

ПОЛИНА.

Зачѣмъ же ты меня воротилъ? Смѣяться что-ли надо

мной хочешь? Такъ ужъ будетъ, я теперь стала умнѣй. Прощай! *(Встаетъ.)*

ЖАДОВЪ.

Постой! Погоди, Полина! Дай мнѣ съ тобой поговорить.

ПОЛИНА *(передъ зеркаломъ.)*

Объ чемъ говорить! Ужъ все переговорили.

ЖАДОВЪ *(съ умоляющимъ видомъ.)*

Нѣтъ, нѣтъ; Полина, не все еще. Много, много мнѣ нужно еще сказать тебѣ. Ты многаго не знаешь. Кабы можно было мнѣ вдругъ передать тебѣ свою душу, передать то, о чемъ думалъ и мечталъ я, какъ бы я былъ счастливъ! Давай, поговоримъ Полина, поговоримъ. Ты только, ради Бога, слушай, одной милости прошу у тебя.

ПОЛИНА.

Говори.

ЖАДОВЪ *(горячо)*,

Слушай! слушай! *(беретъ ее за руку.)* Всегда, Полина, во всѣ времена были люди, они и теперь есть, которые идутъ на перекоръ устарѣвшимъ общественнымъ привычкамъ и условіямъ. Не по капризу, не по своей волѣ, нѣтъ; а по тому, что правила, которыя они знаютъ, лучше, честнѣе тѣхъ правилъ, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила, они ихъ слышали съ пастырскихъ и профессорскихъ каѳедръ, они ихъ вычитали въ лучшихъ литературныхъ произведеніяхъ нашихъ и иностранныхъ. Они воспитались въ нихъ и хотятъ ихъ провести въ жизни. Что это не легко, я согласенъ. Общественные пороки крѣпки, невѣжественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна! но тѣмъ больше славы для избранныхъ, на нихъ благословеніе потомства; безъ нихъ ложь, зло, насиліе выросли бы до того, что закрыли бы отъ людей свѣтъ солнечный....

ПОЛИНА *(смотритъ на него съ изумленіемъ.)*

Ты сумасшедшій, право сумасшедшій! И ты хочешь, чтобъ

я тебя слушала, у меня и такъ ума-то немного, и послѣдній съ тобой потеряешь.

ЖАДОВЪ.

Да ты послушай меня, Полина!

ПОЛИНА.

Нѣтъ, ужъ я лучше буду слушать умныхъ людей.

ЖАДОВЪ.

Кого же ты будешь слушать? Кто эти умные люди?

ПОЛИНА.

Кто? Сестрица, Бѣлогубовъ.

ЖАДОВЪ.

И ты сравняла меня съ Бѣлогубовымъ!

ПОЛИНА.

Скажите пожалуйста! Ты что такой за важный человѣкъ? Извѣстно Бѣлогубовъ лучше тебя. У начальства въ уваженіи, жену любитъ, отличный хозяинъ, свои лошади.... А ты что? только что хвастать.... *(передражнивал его)* я умный, я благородный, всѣ дураки, всѣ взяточники.

ЖАДОВЪ.

Что за тонъ у тебя! Что за манеры! Какая мерзость!

ПОЛИНА.

Ты опять ругаться! Прощай! *(хочетъ итти.)*

ЖАДОВЪ *(держитъ ее.)*

Постой, погоди немножко.

ПОЛИНА.

Пусти.

ЖАДОВЪ.

Нѣтъ, постой, постой! Полиночка, другъ мой, погоди. *(хватаетъ ее за платье.)*

ПОЛИНА.

Ну, что ты меня держишь руками-то! какой ты чудакъ! Захочу уйти, такъ не удержишь.

ЖАДОВЪ.

Чтожъ мнѣ съ тобой дѣлать? Чтожъ мнѣ съ тобой дѣлать, съ моей милой Полиной?

ПОЛИНА.

Пойди къ дядѣ, да помирись.

ЖАДОВЪ.

Постой, постой, дай подумать.

ПОЛИНА.

Подумай.

ЖАДОВЪ.

Вѣдь я тебя люблю, я для тебя готовъ на все на свѣтѣ.... Но что ты мнѣ предлагаешь!... Ужасно.... нѣтъ, надо подумать. Да, да, да, да.... подумать надо.... надо подумать. Ну, а если я не пойду къ дядѣ, ты уйдешь отъ меня?.

ПОЛИНА.

Уйду.

ЖАДОВЪ.

Совсѣмъ уйдешь?

ПОЛИНА.

Совсѣмъ. Не десять тебѣ разъ говорить-то, надоѣло ужъ. Прощай!

ЖАДОВЪ.

Постой, постой! *(садится къ столу, подпираетъ голову руками и задумывается).*

ПОЛИНА.

Долголи мнѣ ждать-то!

ЖАДОВЪ (*почти со слезами.*)

А вѣдь знаешь что, Полина? Вѣдь хорошо, когда хорошенькая жена, да хорошо одѣта?

ПОЛИНА (*съ чувствомъ.*)

Очень хорошо!

ЖАДОВЪ.

Ну да, да... *(кричитъ)* да, да. *(топаетъ ногами)*. И хорошо съ ней выѣхать въ хорошемъ экипажѣ?

ПОЛИНА.

Ахъ, какъ хорошо!

ЖАДОВЪ.

Вѣдь молодую, хорошенькую жену надо любить, надо ее лелѣять.... *(кричитъ)* да, да, да, надо ее наряжать.... *(успокоившись)*. Ну что жъ ничего.... ничего.... Это легко сдѣлать! *(съ отчаяніемъ)* Прощайте, юношескія мечты мои! Прощайте, великіе уроки! Прощай, моя честная будущность! Вѣдь буду и я старикъ, будутъ у меня и сѣдые волосы, будутъ и дѣти...

ПОЛИНА.

Что ты? что ты?

ЖАДОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! дѣтей будемъ въ строгихъ правилахъ воспитывать. Пусть идутъ за вѣкомъ. Нечего имъ на отцовъ смотрѣть.

ПОЛИНА.

Да перестань!

ЖАДОВЪ.

Дай мнѣ поплакать-то, вѣдь ужъ это я плачу въ послѣдній разъ въ жизни! *(рыдаетъ)*.

ПОЛИНА.

Что это съ тобой сдѣлалось?

ЖАДОВЪ.

Ничего... ничего... легко... легко... все легко на свѣтѣ. Только надобно, чтобъ не напоминало ничто! Это просто сдѣлать! Это я сдѣлаю....буду стараться прятаться отъ своихъ прежнихъ товарищей.... не буду ходить туда, гдѣ говорятъ про честность, про святость долга.... цѣлую недѣлю работать, а въ пятницу на субботу собирать разныхъ Бѣло-

губовыхъ и пьянствовать на наворованныя деньги, какъ разбойники.... да, да... А тамъ и привыкнешь.

ПОЛИНА (*почти плача.*)

Ты что-то не хорошее говоришь.

ЖАДОВЪ.

Пѣть пѣсни. Ты знаешь эту пѣсню?

(*Поётъ.*) Бери, большой тутъ нѣтъ науки,
Бери, что можно только взять.
На чтожъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать, брать, брать....

Хороша эта пѣсенка?

ПОЛИНА.

Что съ тобой такое, я ужъ и не пойму

ЖАДОВЪ.

Пойдемъ къ дядюшкѣ просить доходнаго мѣста! (*Надѣваетъ небрежно шляпу и беретъ жену за руку. Уходятъ.*)

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ 5-Е.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АРИСТАРХЪ ВЛАДИМІРЫЧЪ ВЫШНЕВСКІЙ.
АННА ПАВЛОВНА ВЫШНЕВСКАЯ.
АКИМЪ АКИМЫЧЪ ЮСОВЪ.
ВАСИЛІЙ НИКОЛАИЧЪ ЖАДОВЪ.
ПОЛИНА.
АНТОНЪ.
МАЛЬЧИКЪ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Вышневская и Антонъ *(подаетъ письмо на подносѣ и уходитъ).*

ВЫШНЕВСКАЯ *(читаетъ).*

« Милостивая Государыня, Анна Павловна! Извините меня, если мое письмо вамъ не понравится; ваши поступки со мной оправдываютъ и мои. Я слышалъ, что вы смѣетесь надо мной и показываете постороннимъ мои письма, писанныя съ увлеченіемъ и въ порывѣ страсти. Вы не можете не знать моего положенія въ обществѣ и сколько компрометируетъ меня такое ваше поведеніе. Я не мальчикъ. И по какому праву вы такъ поступаете со мной? Мое искательство совершенно оправдывалось вашимъ поведеніемъ, которое, вы сами должны признаться, не было безукоризненно. И хотя мнѣ, какъ мужчинѣ, позволительны нѣкоторыя вольности, но смѣшнымъ я быть не хочу. А вы меня сдѣлали предметомъ разговора въ цѣломъ городѣ. Вы знаете мои отношенія къ Любимову, я уже го-

ворилъ вамъ, что между бумагами, которыя остались послѣ него, я нашелъ нѣсколько вашихъ писемъ. Я предлагалъ вамъ ихъ получить отъ меня. Стоило только вамъ побороть вашу гордость и согласиться съ общественнымъ мнѣніемъ, что я одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ и болѣе другихъ пользуюсь успѣхами между дамами. Вамъ угодно было обращаться со мной презрительно; въ такомъ случаѣ вы должны меня извинить: я рѣшился передать эти письма вашему мужу». Вотъ это благородно! Фу, какая мерзость! Ну да все равно, надобно же было кончить когда нибудь. Я не изъ тѣхъ женщинъ, чтобы согласилась поправлять холоднымъ развратомъ проступокъ, сдѣланный по увлеченію. Хороши у насъ мужчины! Человѣкъ, которому 40 лѣтъ, у котораго жена красавица, начинаетъ ухаживать за мной, говорить и дѣлать глупости. Что можетъ оправдать его? Страсть? какая страсть! Онъ ужъ, я думаю, въ восмнадцать лѣтъ потерялъ способность влюбляться. Нѣтъ, очень просто: до него дошли разныя сплетни про меня, и онъ считаетъ меня доступной женщиной. И вотъ онъ безъ всякой церемоніи начинаетъ писать ко мнѣ страстныя письма, наполненныя самыми пошлыми нѣжностями, очевидно весьма хладнокровно придуманными. Онъ объѣздитъ десять гостиныхъ, гдѣ будетъ разказывать про меня самыя ужасныя вещи, и потомъ пріѣзжаетъ утѣшать меня. Говоритъ, что онъ презираетъ общественное мнѣніе, что страсть въ его глазахъ оправдываетъ всё: Кляпется въ любви, говоритъ пошлыя фразы, желая придать своему лицу страстное выраженіе, дѣлаетъ какія-то странныя, кислыя улыбки. Даже не даетъ себѣ труда хорошенько притвориться влюбленнымъ. За чѣмъ трудиться, — сойдетъ и такъ, только бы форма была соблюдена. Если посмѣешься надъ такимъ человѣкомъ или окажешь ему презрѣніе, котораго онъ заслуживаетъ,—онъ считаетъ себя въ правѣ мстить. Для него смѣшное страшнѣе самаго грязнаго порока. Связью съ женщиной онъ станетъ хвастаться самъ,— это дѣлаетъ ему честь, а письма его показать — бѣда, это его компрометируетъ. Онъ самъ чувствуетъ, что они смѣшны и глупы. За кого же они считаютъ тѣхъ женщинъ, къ

которымъ пишутъ такія письма? Безсовѣстный народъ! И вотъ онъ теперь въ порывѣ благороднаго негодованія дѣлаетъ подлость противъ меня и, вѣроятно, считаетъ себя правымъ. Да не одинъ онъ, всѣ таковы.... Ну, да тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ я объяснюсь съ мужемъ. Мнѣ даже хочется этого объясненія. Онъ увидитъ, что если я виновата передъ нимъ, то онъ еще болѣе виноватъ передо мной. Онъ убилъ всю мою жизнь. Онъ своимъ эгоизмомъ засушилъ мое сердце, отнялъ у меня возможность семейнаго счастія, онъ заставилъ меня плакать о томъ, что воротить нельзя — объ моей молодости. Я провела её съ нимъ пошло, безчувственно, тогда какъ душа просила жизни, любви. Въ пустомъ мелочномъ кругѣ его знакомыхъ, въ который онъ ввелъ меня, во мнѣ заглохли всѣ лучшія душевныя качества, оледенѣли всѣ благородные порывы. И въ добавокъ, я испытываю угрызеніе совѣсти за проступокъ, котораго избѣжать было не въ моей власти. *(Юсовъ входитъ, замѣтно разстроенный.)*

ЯВЛЕНІЕ II-е

Вышневская и Юсовъ.

ЮСОВЪ *(кланялся)*.

Еще не пріѣзжали-съ?

ВЫШНЕВСКАЯ.

Нѣтъ еще. Садитесь. *(Юсовъ садится.)* Вы чѣмъ-то встревожены?

ЮСОВЪ.

Нѣтъ словъ-съ.... уста нѣмѣютъ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Да что такое?

ЮСОВЪ *(качаетъ головой.)*

Человѣкъ все равно.... корабль по морю... вдругъ кораблекрушеніе, и нѣсть спасающаго!...

ВЫШНЕВСКАЯ.

Я васъ не понимаю.

ЮСОВЪ.

Я на счетъ брепности... что прочно въ жизни сей! Съ чѣмъ придемъ? съ чѣмъ предстанемъ?... Одинъ дѣла.... можно сказать, какъ поша за спиной.... въ обличеніе.... и помышленія даже.... *(махнувъ рукой)* всѣ записаны.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Что умеръ что ли кто нибудь?

ЮСОВЪ.

Нѣтъ-съ. Переворотъ въ жизни *(нюхаетъ табакъ.)* Въ богатствѣ и въ знатности затмѣніе бываетъ.... чувствъ нашихъ.... забываемъ нищую братію... гордость, плотоугодіе... За то и наказаніе бываетъ по дѣламъ нашимъ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Я это давно знаю. Не понимаю только, къ чему вы передо мной теряете даромъ свое краснорѣчіе.

ЮСОВЪ.

Близко сердцу мосму.... положимъ, хоть я тутъ не подлежу большой отвѣтственности.... но все таки надъ такой особой! Что прочно.... когда и санъ не защищаетъ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Надъ какой особой?

ЮСОВЪ.

Опала на насъ-съ

ВЫШНЕВСКАЯ.

Да говорите!

ЮСОВЪ.

Открылись, якобы, упущенія, недочёты суммъ и разныя злоупотребленія.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Что-же?

ЮСОВЪ.

Такъ насъ подъ судъ-съ.... То есть я-то собственно не подлежу большой отвѣтственности, а Аристархъ Владимірычь должны будутъ....

ВЫШНЕВСКАЯ.

Что должны?

ЮСОВЪ.

Отвѣтствовать всѣмъ своимъ имуществомъ и подвергнуться суду за противозаконные, якобы, поступки.

ВЫШНЕВСКАЯ *(поднявъ глаза)*.

Начинается расплата!

ЮСОВЪ.

Конечно смертный.... Станутъ придираться, такъ, пожалуй, найдутъ что нибудь, я такъ полагаю, что по нынѣшнимъ строгостямъ отставятъ.... Долженъ буду бѣдствовать безъ куска хлѣба.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Вамъ, кажется, далеко до этого.

ЮСОВЪ.

Да вѣдь дѣти-съ. *(Молчаніе)*. Я всё думалъ дорогой, съ прискорбіемъ думалъ: за что такое попущеніе на насъ? За гордость... Гордость ослѣпляетъ человѣка, застилаетъ глаза.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Полноте, какая тутъ гордость! просто за взятки.

ЮСОВЪ.

Взятки? Взятки что-съ! маловажная вещь! многіе подвержены. Смиренія нѣтъ, вотъ главное.... Судьба все равно, что фортуна..... какъ изображается на картинѣ.... колесо, и на немъ люди.... поднимается къ верху и опять опускается внизъ, возвышается и потомъ смиряется, превозносится собой и опять ничто.... такъ все кругообразно. Устроивай свое благосостояніе, трудись, пріобрѣтай иму-

щество.... возносись въ мечтахъ.... и вдругъ нагъ.... Надпись подписана подъ этой фортуной... *(Съ чувствомъ.)*

Чуденъ въ свѣтѣ человѣкъ,
Суетится цѣлый вѣкъ,
Счастія сыскать желаетъ,
А того не воображаетъ,
Что судьба имъ управляетъ.

Вотъ что раскусить надо! Вотъ что долженъ человѣкъ помнить! Мы родимся, ничего не имѣемъ, такъ и въ могилу. Для чего же мы трудимся? Вотъ Философія! Что намъ умъ? что онъ можетъ постигнуть? *(Входитъ Вышневскій и молча проходитъ въ кабинетъ. Юсовъ встаетъ.)*

ВЫШНЕВСКАЯ.

Какъ онъ измѣнился!

ЮСОВЪ.

За докторомъ бы послать. Съ ними давича въ присутствіи дурно сдѣлалось. Такой ударъ.... человѣку благородныхъ чувствъ.... какъ его перенесть!

ВЫШНЕВСКАЯ *(звонитъ, входитъ мальчикъ).*

Сходи за докторомъ, попроси поскорѣй пріѣхать. *(Вышневскій выходитъ и садится въ кресла.)*

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Тѣже и Вышневскій.

ВЫШНЕВСКАЯ *(подходя къ нему).*

Я слышала отъ Акима Акимыча, съ вами несчастіе. Не падайте духомъ. *(Молчаніе.)* Вы ужасно перемѣнились. Вы дурно себя чувствуете? Я послала за докторомъ.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Какое лицемѣріе! Какая гнусная ложь! Какая подлость!

ВЫШНЕВСКАЯ *(гордо).*

Ни какой лжи! я васъ жалѣю, какъ стала бы жалѣть всякаго въ несчастіи—ни больше, ни меньше *(отходитъ и садится.)*

ВЫШНЕВСКІЙ.

Не нужно мнѣ вашихъ сожалѣній. Не жалѣйте меня! я обезчещенъ, разоренъ! За что?

ВЫШНЕВСКАЯ

Спросите у вашей совѣсти.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Не говорите о совѣсти! Вы не имѣете права говорить о ней... Юсовъ! За что я погибъ?

ЮСОВЪ.

Превратность.... судьба съ.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Вздоръ! какая судьба! Сильные враги—вотъ причина! Вотъ что меня сгубило! Проклятіе вамъ! Позавидовали моему благополучію. Какъ не позавидовать! Человѣкъ въ нѣсколько лѣтъ возвышается, богатѣетъ, смѣло создаетъ свое благоденствіе, строитъ дома и дачи, покупаетъ деревню за деревней, выростаетъ выше ихъ цѣлой головой. Какъ не позавидовать! Человѣкъ идетъ къ богатству и почестямъ какъ по лѣстницѣ. Чтобы перегнать, или хоть догнать его, нуженъ умъ, геній. Ума взять негдѣ, ну такъ подставить ему ногу. Я задыхаюсь отъ бѣшенства.

ЮСОВЪ.

Зависть человѣка можетъ на все подвигнуть....

ВЫШНЕВСКІЙ.

Не паденіе меня бѣситъ, нѣтъ—а торжество, которое я имъ доставлю своимъ паденіемъ. Что теперь разговору! что радости! О, чортъ возми! я не переживу! *(звонитъ. Входитъ Антонъ.)* Воды.... *(Антонъ подаетъ и уходитъ.)* Теперь съ вами мнѣ нужно поговорить.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Что вамъ угодно?

ВЫШНЕВСКІЙ.

Мнѣ угодно вамъ сказать, что вы развратная женщина.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Аристархъ Владимірычь, здѣсь посторонніе люди.

ЮСОВЪ.

Прикажете уйти?

ВЫШНЕВСКІЙ.

Останься! я скажу тоже самое при всей дворнѣ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

За что вы оскорбляете меня? Вамъ не на кого излить свою безсильную злобу. Не грѣхъ ли вамъ!

ВЫШНЕВСКІЙ.

Вотъ вамъ доказательство моихъ словъ. *(Бросаетъ конвертъ съ письмами. Юсовъ поднимаетъ и подаетъ Вышневской.)*

ВЫШНЕВСКАЯ.

Благодарю васъ. *(Судорожно разсматриваетъ ихъ и прячетъ въ карманъ.)*

ВЫШНЕВСКІЙ.

Юсовъ, что дѣлаютъ съ женщиной, которая, не смотря на всѣ благодѣянія мужа, забываетъ свой долгъ?

ЮСОВЪ.

Гм.... гмм....

ВЫШНЕВСКІЙ.

Я тебѣ скажу. Выгоняютъ съ позоромъ. Да, Юсовъ, я несчастенъ, вполнѣ несчастенъ, я одинокъ. Не бросай хоть ты меня. Человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ высоко поставленъ, когда онъ въ горѣ, все таки ищетъ утѣшенія въ семействѣ. *(Съ злобою.)* А я нахожу въ своемъ семействѣ....

ВЫШНЕВСКАЯ.

Не говорите про семейство! У васъ его никогда не было. Вы даже не знаете, что такое семейство! Позвольте же теперь, Аристархъ Владимірычь, высказать вамъ все, что я перенесла, живя съ вами.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Для васъ нѣтъ оправданій.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Я и не хочу оправдываться. Мнѣ не въ чемъ оправдываться. За минутное увлеченіе я перенесла много горя, много униженія, но повѣрьте, безъ ропота на судьбу и безъ проклятій, какъ вы Я хочу вамъ сказать только, что если я виновата, то передъ собой одной, а не передъ вами. Вы не должны меня упрекать. Еслибъ вы имѣли сердце, вы бы чувствовали, что вы меня погубили.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Ха, ха! Вините кого нибудь другаго въ вашемъ поведеніи, а не меня.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Нѣтъ, васъ. Развѣ вы жену брали себѣ? Вспомните, какъ вы за меня сватались! Когда вы были женихомъ, я не слыхала отъ васъ ни одного слова о семейной жизни: вы вели себя, какъ старый волокита, обольщающій молодыхъ дѣвушекъ подарками, смотрѣли на меня какъ Сатиръ. Вы видѣли мое отвращеніе къ вамъ и, не смотря на это, вы все таки купили меня за деньги у моихъ родственниковъ, какъ покупаютъ невольницъ въ Турціи. Чего же вы отъ меня хотите?

ВЫШНЕВСКІЙ.

Вы моя жена, не забывайте! и я въ правѣ всегда требовать отъ васъ исполненія вашего долга.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Да, вы свою покупку, не скажу освятили, нѣтъ, а закрыли, замаскировали бракомъ. Иначе нельзя было; мои родные не согласились бы; а для васъ все равно. И потомъ, когда ужъ вы были моимъ мужемъ, вы не смотрѣли на меня, какъ на жену, вы покупали за деньги мои ласки. Если вы замѣчали во мнѣ отвращеніе къ вамъ, вы спѣшили ко мнѣ съ какимъ нибудь дорогимъ подаркомъ и тогда ужъ подходили смѣло, съ полнымъ правомъ. Что же мнѣ

было дѣлать.... вы все таки мой мужъ: я покарялась. О! перестанешь уважать себя. Каково испытывать чувство презрѣнія къ самой себѣ! Вотъ до чего вы довели меня! Но что со мной было потомъ, когда я узнала, что даже деньги, которыя вы мнѣ дарите, не ваши, что онѣ пріобрѣтены не честно....

ВЫШНЕВСКІЙ *(привставъ)*.

Замолчите!

ВЫШНЕВСКАЯ.

Извольте.. я замолчу объ этомъ, вы ужъ довольно наказаны; но я буду продолжать о себѣ.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Говорите, что хотите, мнѣ все равно; вы не измѣните моего мнѣнія о васъ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Можетъ быть вы о себѣ измѣните мнѣніе послѣ моихъ словъ. Вы помните, какъ я дичилась общества, я боялась его. И не даромъ. Но вы требовали, я должна была уступить вамъ. И вотъ, совсѣмъ неприготовленную, безъ совѣта, безъ руководителя, вы ввели меня въ свой кругъ, въ которомъ искушеніе и порокъ на каждомъ шагу. Некому было ни предупредить, ни поддержать меня! Впрочемъ я сама узнала всю мелочность, весь развратъ тѣхъ людей, которые составляютъ ваше знакомство. Я берегла себя. Въ то время я встрѣтила въ обществѣ Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его свѣтлые глаза, какъ уменъ и какъ чистъ былъ онъ самъ! Какъ горячо онъ спорилъ съ вами! какъ смѣло говорилъ про всякую ложь и неправду! онъ говорилъ то, что я уже чувствовала, хотя и не ясно. Я ждала отъ васъ возраженій. Возраженій отъ васъ небыло; вы только клеветали на него, за глаза выдумывали гнусныя сплетни, старались уронить его въ общественномъ мнѣніи, и больше ничего. Какъ я желала тогда заступиться за него; но я не имѣла для этого ни возможности, ни достаточно ума. Мнѣ оставалось только.... полюбить его.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Такъ вы и сдѣлали?

ВЫШНЕВСКАЯ.

Такъ я и сдѣлала. Я видѣла потомъ, какъ вы губили его, какъ мало по малу достигали своей цѣли. То есть не вы одни, а всѣ, кому это нужно было. Вы сначала вооружили противъ него общество, говорили, что его знакомство опасно для молодыхъ людей, потомъ твердили постоянно, что онъ вольнодумецъ и вредный человѣкъ и возстановили противъ него его начальство; онъ принужденъ былъ оставить службу, родныхъ, знакомство, уѣхать отсюда.... и умеръ далеко *(закрываетъ глаза платкомъ.)* Я все это видѣла, все это выстрадала на себѣ. Я видѣла торжество злобы, а вы все еще считаете меня той дѣвочкой, которую вы купили и которая должна быть благодарна и любить васъ за ваши подарки. Изъ моихъ чистыхъ отношеній къ нему сдѣлали гнусную сплетню; даже стали явно клеветать на меня, а тайно завидовать; молодые и старые волокиты стали безъ церемоніи преслѣдовать меня. Вотъ до чего вы довели меня, женщину, достойную, можетъ быть, лучшей участи, женщину способную понимать истинное значеніе жизни и ненавидѣть зло! Вотъ всё, что я хотѣла сказать вамъ;— больше вы не услышите отъ меня упрека никогда.—

ВЫШНЕВСКІЙ.

Напрасно. Я теперь бѣдный человѣкъ, а бѣдные люди позволяютъ своимъ женамъ ругаться. Это у нихъ можно. Если бы я былъ тотъ Вышневскій, какимъ былъ до нынѣшняго дня, я бы васъ прогналъ безъ разговору; но мы теперь, благодаря врагамъ моимъ, должны спуститься изъ круга порядочныхъ людей. Въ низшемъ кругу мужья бранятся съ своими женами и иногда дерутся—и это не дѣлаетъ никакого скандала. *(Входитъ Жадовъ съ женой).*

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Тѣже, Жадовъ и Полина.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Ты за чѣмъ?

ЖАДОВЪ.

Дядюшка! извините....

ПОЛИНА.

Здравствуйте, дяденька! Здравствуйте, тетенька! *(шепчетъ Вышневской)*. Пришелъ мѣста просить. *(Садится подлѣ Вышневской)*.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Какъ! Неужели? *(Смотритъ съ любопытствомъ на Жадова)*.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Ты пришелъ посмѣяться надъ дядей!

ЖАДОВЪ.

Дядюшка, я, быть можетъ, оскорбилъ васъ. Извините меня.... увлеченіе молодости, незнаніе жизни.... я не долженъ былъ... вы мой родственникъ.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Ну!

ЖАДОВЪ.

Я испыталъ, что значитъ жить безъ поддержки.... безъ протекціи.... я женатъ.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Ну, чтожъ тебѣ?

ЖАДОВЪ.

Я живу очень бѣдно.... Для меня бы стало; но для жены, которую я очень люблю.... Позвольте мнѣ опять служить подъ вашимъ начальствомъ.... дядюшка, обезпечте меня! Дайте мнѣ мѣсто, гдѣ бы я.... могъ.... *(тихо)* пріобрѣсть что нибудь.

ЮЛИНА. *(Вышневской.)*

Подоходнѣе!

ВЫШНЕВСКІЙ *(хохочетъ)*.

Ха, ха, ха.... Юсовъ! Вотъ они герои-то! Молодой человѣкъ, который кричалъ на всѣхъ перекресткахъ про взяточниковъ, говорилъ о какомъ-то новомъ поколѣніи, идетъ къ намъ же просить доходнаго мѣста, чтобы брать взятки. Хорошо новое поколѣніе! ха, ха, ха!

ЖАДОВЪ. *(встаетъ)*.

Охъ! *(Хватается за грудь.)*

ЮСОВЪ.

Молодъ былъ! Развѣ дѣло говорилъ! Одни слова. Такъ они словами и останутся. Жизнь-то дастъ себя знать *(нюхаетъ табакъ)*. Бросишь Философію-то. Только то не хорошо, что прежде надобно было умныхъ людей послушать, а не грубить.

ВЫШНЕВСКІЙ *(Юсову)*.

Нѣтъ, Юсовъ, помнишь какой тонъ былъ! Какая увѣренность въ самомъ себѣ! Какое негодованіе къ пороку! *(Жадову, болѣе и болѣе разгорячаясь)*. Не ты ли говорилъ, что растетъ какое-то новое поколѣніе образованныхъ, честныхъ людей, мучениковъ правды, которые обличатъ насъ, закидаютъ насъ грязью? Не ты ли? Признаюсь тебѣ, я вѣрилъ. Я васъ глубоко ненавидѣлъ.... я васъ боялся. Да, не шутя. И чтожъ оказывается! Вы честны до тѣхъ поръ, пока не выдохлись уроки, которые вамъ долбили въ голову, честны только до первой встрѣчи съ нуждой! Ну, обрадовалъ ты меня, нечего сказать!... Нѣтъ, вы не стоите ненависти! Я васъ презираю!

ЖАДОВЪ.

Презирайте, презирайте меня. Я самъ себя презираю.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Вотъ люди, которые взяли себѣ привилегію на честность! Мы съ тобой осрамлены! Насъ отдали подъ судъ...

ЖАДОВЪ.

Что я слышу!

ЮСОПЪ.

Люди— всегда люди.

ЖАДОВЪ.

Дядюшка! я не говорилъ, что наше поколѣніе честнѣй другихъ. Всегда были и будутъ честные люди, честные граждане, честные чиновники. Всегда были и будутъ слабые люди. Вотъ вамъ доказательство—я самъ. Я говорилъ только, что въ наше время.... *(Начинаетъ тихо и постепенно одушевляется)* общество мало-по малу бросаетъ прежнее равнодушіе къ пороку, слышатся энергическіе возгласы противъ общественнаго зла.... Я говорилъ, что у насъ пробуждается сознаніе своихъ недостатковъ; а въ сознаніи есть надежда на лучшее будущее. Я говорилъ, что начинаетъ создаваться общественное мнѣніе.... что въ юношахъ воспитывается чувство справедливости, чувство долга и оно растетъ, растетъ!... И принесетъ плоды. Не увидите вы, такъ мы увидимъ и возблагодаримъ Бога. Моей слабости вамъ нечего радоваться. Я не герой, я обыкновенный, слабый человѣкъ; у меня мало воли, какъ почти у всѣхъ насъ. Нужда, обстоятельства, необразованность родныхъ, окружающій развратъ могутъ загнать меня, какъ загоняютъ почтовую лошадь. Но довольно одного урока, хоть такого, какъ теперь.... благодарю васъ за него; довольно одной встрѣчи съ порядочнымъ человѣкомъ, чтобы воскресить меня, чтобы поддержать во мнѣ твердость. Я могу поколебаться, но преступленія не сдѣлаю. Я могу споткнуться, но не упасть. Мое сердце ужъ размягчено образованіемъ, оно не загрубѣетъ въ порокѣ. *(Молчаніе.)* Я не знаю, куда дѣться отъ стыда.... Да, мнѣ стыдно, стыдно, что я у васъ.

ВЫШНЕВСКІЙ *(поднимаясь)*.

Такъ поди вонъ!

ЖАДОВЪ *(кротко)*.

Пойду. Полина, теперь ты можешь итти къ маменькѣ,

я тебя держать не стану. Ужъ теперь я пензмѣню себѣ. Если судьба приведетъ ѣсть одинъ черный хлѣбъ, буду ѣсть одинъ черный хлѣбъ. Никакія блага не соблазнятъ меня. Нѣтъ! я хочу сохранить за собой дорогое право глядѣть всякому въ глаза прямо, безъ стыда, безъ тайныхъ угрызеній, читать и смотрѣть сатиры и комедіи на взяточниковъ и хохотать отъ чистаго сердца, откровеннымъ смѣхомъ. Если вся жизнь моя будетъ состоять изъ трудовъ и лишеній, я не буду роптать... Одного утѣшенія буду просить я у Бога, одной награды буду ждать. Чего, думаете вы? *(Короткое молчаніе.)* Я буду ждать того времени, когда взяточникъ будетъ бояться суда общественнаго больше, чѣмъ уголовнаго.

ВЫШНЕВСКІЙ *(встаетъ.)*

Я тебя задушу своими руками! *(шатается)* Юсовъ, мнѣ дурно. Проводи меня въ кабинетъ. *(Уходитъ съ Юсовымъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Вышневская, Жадовъ, Полина, и потомъ Юсовъ.

ПОЛИНА. *(подходитъ къ Жадову.)*

Ты подумалъ, что я въ самомъ дѣлѣ хочу тебя оставить? Это я нарочно. Меня научили.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Помиритесь, дѣти мои. *(Жадовъ и Полина цѣлуются.)*

ЮСОВЪ *(въ дверяхъ.)*

Доктора! Доктора!

ВЫШНЕВСКАЯ *(приподнимаясь въ креслахъ.)*

Что? что?

ЮСОВЪ.

Съ Аристархомъ Владимірычемъ ударъ!

ВЫШНЕВСКАЯ *(слабо вскрикнувъ.)*

Ахъ! *(опускается въ кресла; Полина, со страху, прижимается къ Жадову; Жадовъ опирается рукой на столъ и опускаетъ голову. Юсовъ стоитъ у двери, совершенно растерявшись. Картина).*

Конецъ.

ОТРЫВКИ,

НАЙДЕННЫЕ ВЪ БУМАГАХЪ И. В. КИРѢЕВСКАГО.

Во 2-мъ № Русской Бесѣды истекшаго года была напечатана статья Ивана Васильевича Кирѣевскаго: «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи». Въ томъ же нумерѣ, въ концѣ, было сказано, что эта статья составляла только часть труда, задуманнаго авторомъ и прерваннаго его неожиданною кончиною. Извѣстно было, что онъ уже занимался и второю, неоконченною половиною; но остались ли письменные слѣды этого занятія, было неизвѣстно. Въ бумагахъ покойнаго найдено нѣсколько отрывковъ, изъ коихъ иные относятся безъ сомнѣнія къ начатому труду, а другіе быть можетъ назначались служить ему основою. Русская Бесѣда считаетъ обязанностью напечатать ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ они были найдены, безъ перемѣнъ, безъ пополненій и безъ всякой попытки свести въ одно цѣлое разрозненныя мысли и безсвязные отрывки. Трудно угадать, какъ то, что теперь Р. Б. представляетъ своимъ читателямъ, слилось бы въ оконченную статью; невозможно даже сказать, вошелъ ли бы въ нее который-нибудь изъ оставшихся отрывковъ въ той самой формѣ, въ которой онъ былъ задуманъ или выраженъ первоначально; но нѣтъ сомнѣнія, что строй мысли и общій взглядъ на предметъ не измѣнились бы нисколько. Пополнить, связать, состроить въ статью тѣ немногія страницы, которыя сохранились; развить въ полную систему отрывистыя выраженія зарождавшейся мысли, которая не успѣла высказаться, на это никто не имѣлъ ни права, ни возможности. Такаго самобытнаго мыслителя, каковъ былъ И. В. Кирѣевскій, невозможно угадывать, и даже, угадавъ его мысль (если бы это было возможно), никто не могъ бы

облечь ее въ тѣ формы, въ тотъ оригинально-изящный языкъ, въ которыя облекла бы ее сила его созерцательной и поэтической природы.

Дорого все, что осталось отъ такаго замѣчательнаго дѣятеля, а объемъ и глубина издаваемыхъ нынѣ отдѣльныхъ мыслей, живое и прекрасное слово, въ которое онѣ такъ естественно воплотились для самаго сочинителя, еще не думавшаго о читателѣ, показываютъ, какъ велика потеря, понесенная нашею наукою и нашею словесностію.

Русская Бесѣда.

Древне-русская, православно-Христіанская образованность, лежавшая въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта Россіи, заложившая особенный складъ русскаго ума, стремящагося ко внутренней цѣльности мышленія, и создавшая особенный характеръ коренныхъ русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ Божественному, — эта образованность, которой слѣды до сихъ поръ еще сохраняются въ народѣ, была остановлена въ своемъ развитіи прежде, чѣмъ могла принести прочный плодъ въ жизни или даже обнаружить свое процвѣтаніе въ разумѣ. На поверхности русской жизни господствуетъ образованность заимствованная,—возросшая на другомъ корнѣ. Противорѣчіе основныхъ началъ двухъ спорящихъ между собою образованностей есть главнѣйшая, если не единственная, причина всѣхъ золъ и недостатковъ, которые могутъ быть замѣчены въ Русской землѣ. Потому примиреніе обѣихъ образованностей въ такомъ мышленіи, котораго основаніе заключало бы въ себѣ самый корень древне-русской образованности, а развитіе состояло бы въ сознаніи всей образованности западной и въ подчиненіи ея выводовъ (1) господствующему духу православно-Христіанскаго любомудрія, — такое примирительное мышленіе могло бы быть началомъ новой умственной жизни въ Россіи и,—кто зна-

(1) Разумѣется, не насильственномъ, а въ томъ подчиненіи, которое естественно происходитъ изъ сознанія сравнительной высоты самыхъ началъ. *Изд.*

етъ? — можетъ быть нашло бы отголоски и на Западѣ, среди искреннихъ мыслителей, безпристрастно ищущихъ истины.

Чья вина была въ томъ, что древне-русская образованность не могла развиться и господствовать надъ образованностью Запада?—Вина ли внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ, или внутренняго ослабленія духовной жизни русскаго человѣка? — Рѣшеніе этого вопроса не касается нашего предмета. — Замѣтимъ только, что характеръ просвѣщенія, стремящагося ко внутренней, духовной цѣльности, тѣмъ отличается отъ просвѣщенія логическаго, или чувственно-опытнаго, или вообще основаннаго на развитіи распавшихся силъ разума, что послѣднее, не имѣя существеннаго отношенія къ нравственному настроенію человѣка, не возвышается и не упадаетъ отъ его внутренней высоты или низости, но, бывъ однажды пріобрѣтено, остается навсегда его собственностію, независимо отъ настроенія его духа. Просвѣщеніе духовное, напротивъ того, есть знаніе живое: оно пріобрѣтается по мѣрѣ внутренняго стремленія къ нравственной высотѣ и цѣльности, и исчезаетъ вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ, оставляя въ умѣ одну наружность своей формы. Его можно погасить въ себѣ, если не поддерживать постоянно того огня, которымъ оно загорѣлось.

По этой причинѣ, кажется, нельзя не предположить, что хотя сильныя внѣшнія причины очевидно противились развитію самобытной Русской образованности, однакоже упадокъ ея совершился и не безъ внутренней вины русскаго человѣка. Стремленіе къ внѣшней формальности, которое мы замѣчаемъ въ русскихъ раскольникахъ, даетъ поводъ думать, что въ первоначальномъ направленіи русской образованности произошло нѣкоторое ослабленіе еще гораздо прежде петровскаго переворота.—Когда же мы вспомнимъ, что въ концѣ 15-го и въ началѣ 16-го вѣка были сильныя партіи между представителями тогдашней образованности Россіи, которыя начали смѣшивать Христіанское съ византійскимъ, и по византійской формѣ хотѣли опредѣлить общественную жизнь Россіи, еще искавшую тогда

своего равновѣсія:—то мы поймемъ, что въ это самое время, и можетъ быть въ этомъ самомъ стремленіи и начинался упадокъ русской образованности. Ибо дѣйствительно, какъ скоро византійскіе законы стали вмѣшиваться въ дѣло русской общественной жизни, и для грядущаго Россіи начали брать образцы изъ прошедшаго порядка Восточно-Римской Имперіи: — то въ этомъ движеніи ума уже была рѣшена судьба русской коренной образованности.— Подчинивъ развитіе общества чужой формѣ, русскій человѣкъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности живаго и правильнаго возрастанія въ самобытномъ просвѣщеніи, и хотя сохранилъ святую истину въ чистомъ и неискаженномъ видѣ, но стѣснилъ свободное въ ней развитіе ума и тѣмъ подвергся, сначала невѣжеству, потомъ, вслѣдствіе невѣжества, подчинился непреодолимому вліянію чужой образованности.

Хотя просвѣщеніе иноземное принадлежитъ почти исключительно высшему, такъ называемому *образованному* классу русскаго народа, а первобытное просвѣщеніе Россіи хранится, не развиваясь, въ нравахъ, обычаяхъ и внутреннемъ складѣ ума такъ называемаго простаго народа,—однакожъ противорѣчіе этихъ двухъ просвѣщеній отзывается равно вредными послѣдствіями на оба класса. Ни тутъ, ни тамъ нѣтъ ничего цѣльнаго, однороднаго. Ни иноземная образованность не можетъ принести даже тѣхъ плодовъ, какіе она приноситъ въ другихъ странахъ, ибо не находитъ для себя корня въ землѣ; ни коренная образованность не можетъ сохранять своего значенія, потому что вся внѣшняя жизнь проникнута другимъ смысломъ.—Въ нравственномъ отношеніи такое противорѣчіе еще вреднѣе, чѣмъ въ умственномъ, и большая часть пороковъ русскаго человѣка, которые приписываются разнымъ случайнымъ причинамъ, происходятъ единственно отъ этого основнаго разногласія русской жизни.

Самый образъ распространенія внѣшней иноземной образованности посреди русскаго народа уже опредѣляетъ характеръ ея нравственнаго вліянія. Ибо распространеніе это совершается, какъ я уже сказалъ, не силою внутренняго

убѣжденія, но силою внѣшняго соблазна, или внѣшней необходимости. Въ обычаяхъ и правахъ своихъ отцевъ русскій человѣкъ видитъ что-то святое; въ обычаяхъ и правахъ привходящей образованности онъ видитъ только приманчивое или выгодное, или просто насильственно неразумное. Потому обыкновенно онъ поддается образованности противъ совѣсти, какъ злу, которому противустоять не нашелъ въ себѣ силы. Принимая чужіе нравы и обычаи, онъ не измѣняетъ своего образа мыслей, но ему измѣняетъ. Сначала увлекается или поддается, потомъ уже составляетъ себѣ образъ мыслей, согласный съ своимъ образомъ жизни. — Потому, чтобы сдѣлаться образованнымъ, ему прежде нужно сдѣлаться болѣе или менѣе отступникомъ отъ своихъ внутреннихъ убѣжденій. — Какія послѣдствія должно имѣть такое начало образованности на нравственный характеръ народа, — легко отгадать заочно. Правда, до сихъ поръ, слава Богу, русскій народъ еще не теряетъ своей чистой вѣры и многихъ драгоцѣнныхъ качествъ, которыя изъ этой вѣры раждаются; но по нестастію нельзя не сознаться, что онъ потерялъ уже одну изъ необходимыхъ основъ общественной добродѣтели: уваженіе къ святынѣ *правды*.

Здѣсь коснулись мы такаго предмета, о которомъ едва ли можетъ говорить равнодушно человѣкъ, сколько-нибудь любящій свое отечество. Ибо если есть какое зло въ Россіи, если есть какое либо неустройство въ ея общественныхъ отношеніяхъ, если есть вообще причины страдать русскому человѣку, то всѣ онѣ первымъ корнемъ своимъ имѣютъ неуваженіе къ святости правды.

Да, къ несчастію русскому человѣку легко солгать. — Онъ почитаетъ ложь грѣхомъ общепринятымъ, неизбѣжнымъ, почти не стыднымъ, какимъ-то внѣшнимъ грѣхомъ, происходящимъ изъ необходимости внѣшнихъ отношеній, на которыя онъ смотритъ, какъ на какую-то неразумную силу. Потому онъ не задумавшись готовъ отдать жизнь за свое убѣжденіе, претерпѣть всѣ лишенія для того, чтобы не запятнать своей совѣсти, и въ тоже время лжетъ за копѣйку барыша, лжетъ за стаканъ вина, лжетъ изъ болзни,

лжетъ изъ выгоды, лжетъ безъ выгоды. Такъ удивительно сложились его понятія въ послѣднее полуторастолѣтіе. Онъ совершенно не дорожитъ своимъ внѣшнимъ словомъ. Его слово, это не онъ, это его вещь, которою онъ владѣетъ на правѣ римской собственности, то есть, можетъ ее употреблять и истреблять, не отвѣчая ни передъ кѣмъ. — Онъ не дорожитъ даже своею присягою. На площади каждаго города можно видѣть калачниковъ, которые каждый торгъ ходятъ по десяти разъ въ день присягать въ томъ, что они не видали драки, бывшей передъ ихъ глазами. При каждой покупкѣ земли, при каждомъ вводѣ во владѣніе, собираются всѣ окружные сосѣди присягать, сами не зная въ чемъ, и не интересуясь узнать этого.—И это отсутствіе правды у того самаго народа, котораго древніе путешественники хвалили за правдолюбіе, который такъ дорожилъ присягою, что даже въ правомъ дѣлѣ скорѣе готовъ былъ отказаться отъ своего иска, чѣмъ произнести клятву!

А между тѣмъ, лишившись правдивости слова, какъ можетъ человѣкъ надѣяться видѣть устройство правды въ его общественныхъ отношеніяхъ? — Покуда не возвратитъ онъ въ себѣ безусловное уваженіе къ правдѣ слова, какимъ внѣшнимъ надзоромъ можно уберечь общество отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя только самимъ обществомъ могутъ быть замѣчены, оцѣнены и исправлены?

Но это отсутствіе правды, благодаря Бога, проникло еще не въ самую глубину души русскаго человѣка; еще есть сферы жизни, гдѣ святость правды и вѣрность слову для него остались священными. На этой части его сердца, уцѣлѣвшей отъ заразы, утверждается возможность его будущаго возрожденія. Много путей открывается передъ мыслію, по которымъ русскій человѣкъ можетъ итти къ возрожденію въ прежнюю стройность жизни. Всѣ они съ большею или меньшею вѣроятностію могутъ вести къ желанной цѣли, ибо достиженіе этой цѣли еще возможно, покуда силы русскаго духа еще не утрачены, покуда вѣра въ немъ еще не погасла, покуда на господственномъ состояніи его духа еще лежитъ печать прежней цѣльности бытія. Но одно достовѣрно и несомнѣнно, что тотъ вредъ, кото-

рый чужая образованность производитъ въ умственномъ и нравственномъ развитіи русскаго народа, не можетъ быть устраненъ насильственнымъ удаленіемъ отъ этой образованности или отъ ея источника,—европейской науки. Ибо, во первыхъ, это удаленіе невозможно. Никакіе карантины не остановятъ мысли и только могутъ придать ей силу и заманчивость тайны. Во вторыхъ, если бы и возможно было остановить входъ новыхъ мыслей, то это было бы еще вреднѣе для русской образованности, ибо въ Россіи движется уже такъ много прежде вошедшихъ понятій Запада, что новыя могли бы только ослабить вредъ прежнихъ, разлагая и разъясняя, и доводя до своего отвлеченнаго основанія, съ которымъ вмѣстѣ должны онѣ или упасть, или остаться. Ибо въ настоящее время все развитіе европейскаго ума, сознаваясь, разлагается до своего послѣдняго начала, которое само сознаетъ свою неудовлетворительность. Между тѣмъ какъ, оставаясь неконченными и несознанными, но только требующими приложенія и воплощенія, прежнія понятія Запада могли бы быть тѣмъ вреднѣе въ Россіи, что лишились бы своего противодѣйствія въ собственномъ развитіи. Если бы не узнала Россія Шеллинга и Гегеля, то какъ уничтожилось бы господство Вольтера и энциклопедистовъ надъ русскою образованностію? Но наконецъ, если бы даже и возможно было совершенно изгнать западную образованность изъ Россіи, то кратковременное невѣжество подвергло бы ее опять еще сильнѣйшему вліянію чужаго просвѣщія. Россія опять воротилась бы къ той эпохѣ петровскаго преобразованія, когда введеніе всего западнаго, только потому что оно не русское, почиталось уже благомъ для Россіи, ибо влекло за собой образованность. И что же вышло бы изъ этого? Всѣ плоды полуторастолѣтняго ученичества Россіи были бы уничтожены для того, чтобы ей снова начать тотъ же курсъ ученія.

Одинъ изъ самыхъ прямыхъ путей къ уничтоженію вреда отъ образованности иноземной, противорѣчащей духу просвѣщенія Христіанскаго, былъ бы конечно тотъ, чтобы развитіемъ законовъ самобытнаго мышленія подчинить весь

смыслъ западной образованности господству православно-Христіанскаго убѣжденія. Ибо мы видѣли, что Христіанское любомудріе иначе понимается Православною Церковію, чѣмъ какъ оно понимается церковью римскою или протестантскими исповѣданіями. Затрудненія, которыя встрѣчало Христіанское мышленіе на Западѣ, не могутъ относиться къ мышленію православному. Для развитія же этого самобытнаго православнаго мышленія не требуется особой геніальности. Напротивъ, геніальность, предполагающая непремѣнно оригинальность, могла бы даже повредить полнотѣ истины. Развитіе этого мышленія должно быть общимъ дѣломъ всѣхъ людей вѣрующихъ и мыслящихъ, знакомыхъ съ писаніями св. Отцевъ и съ западною образованностію. Данныя къ нему готовы: съ одной стороны западное мышленіе, силою собственнаго развитія дошедшее до сознанія своей несостоятельности и требующее новаго начала, котораго еще не знаетъ; съ другой, глубокое, живое и чистое любомудріе св. Отцевъ, представляющее зародышъ этого высшаго философскаго начала. Его простое развитіе, соотвѣтственное современному состоянію науки и сообразное требованіямъ и вопросамъ современнаго разума, составило бы само собой, безъ всякихъ остроумныхъ открытій, ту новую науку мышленія, которая должна уничтожить болѣзненное противорѣчіе между умомъ и вѣрою, между внутренними убѣжденіями и внѣшнею жизнію.

Но любомудріе св. Отцевъ представляетъ только зародышъ этой будущей философіи, которая требуется всею совокупностію современной русской образованности,—зародышъ живой и ясный, но нуждающійся еще въ развитіи и не составляющій еще самой науки философіи. Ибо философія не есть основное убѣжденіе, но мысленное развитіе того отношенія, которое существуетъ между этимъ основнымъ убѣжденіемъ и современною образованностію. Только изъ такаго развитія своего получаетъ она силу сообщать свое направленіе всѣмъ другимъ наукамъ, будучи вмѣстѣ ихъ первымъ основаніемъ и послѣднимъ результатомъ. Думать же, что у насъ уже есть философія готовая, заключающаяся въ св. Отцахъ, было бы крайне ошибочно.

БИБЛІОТЕКИ
Историко-Литературныхъ и Педагогическихъ Курсовъ
Н. П. Раева.

Философія наша должна еще создаться, и создаться, какъ я сказалъ, не однимъ человѣкомъ, но выростать на виду, сочувственнымъ содѣйствіемъ общаго единомыслія.

Можетъ быть для того благое Провидѣніе и попустило русскому народу перейти черезъ невѣжество къ подчиненію иноземной образованности, чтобы въ борьбѣ съ чужими стихіями православное просвѣщеніе овладѣло наконецъ всѣмъ умственнымъ развитіемъ современнаго міра, доставшимся ему въ удѣлъ отъ всей прежней умственной жизни человѣчества, и чтобы, обогатившись мірскою мудростію, истина Христіанская тѣмъ полнѣе и торжественнѣе явила свое господство надъ относительными истинами человѣческаго разума. Ибо, не смотря на видимое преобладаніе иноземной образованности, не смотря на тотъ вредъ, который она принесла нравственному характеру народа, поколебавъ въ одномъ классѣ чувство правды, въ другомъ поколебавъ вмѣстѣ и правду, и истину, — не смотря на все зло, ею причиненное, еще остались въ Россіи, еще есть въ ней несомнѣнные залоги возрожденія въ прежнюю православную цѣльность. Эти залоги—живая вѣра народа въ Св. Православную Церковь, память его прежней исторіи и явно уцѣлѣвшіе слѣды прежней внутренней цѣльности его существованія, сохранившіеся въ обычномъ и естественномъ настроеніи его духа, — въ этомъ еще не замолкнувшемъ отголоскѣ прежней его жизни, воспитанной внутри однороднаго общественнаго состава, насквозь проникнутаго православнымъ ученіемъ Церкви. Такъ разсматривая внимательно и хладнокровно отношеніе западной философіи къ русскому просвѣщенію, кажется, безъ самообольщенія можно сказать, что время для полнаго и общаго переворота русскаго мышленія уже не далеко.— Ибо когда мы сообразимъ, какъ неудовлетворительность западнаго любомудрія требуетъ новаго начала, котораго оно не находитъ во всемъ объемѣ западнаго просвѣщенія; какъ это высшее начало знанія хранится внутри Православной Церкви; какъ живительно для ума и науки могло бы быть развитіе мысли, сообразное этому высшему началу; какъ самое богатство современнаго внѣшняго знанія

могло бы служить побужденіемъ для этого развитія и его опорою въ разумѣ человѣка; какъ нестѣснительно было бы оно для всего, что есть истиннаго въ естественныхъ пріобрѣтеніяхъ человѣческаго разума, — какъ живительно для всего, что требуетъ жизни, —какъ удовлетворительно могло бы оно отвѣчать на всѣ вопросы ума и сердца, требующіе и не находящіе себѣ разрѣшенія; — когда мы сообразимъ все это, то намъ не то кажется сомнительнымъ, скоро ли разовьется, но то удивительнымъ, отъ чего до сихъ поръ еще не развилось у насъ это новое самосознаніе ума, такъ настоятельно требуемое всею совокупностью нашей умственной и нравственной образованности. Возможность такаго знанія такъ близка къ уму всякаго образованнаго и вѣрующаго человѣка, что, казалось бы, достаточно одной случайной искры мысли, чтобы зажечь огонь неугасимаго стремленія къ этому новому и живительному мышленію, долженствующему согласить вѣру и разумъ,— наполнить пустоту, которая раздвоясть два міра, требующіе соединенія,—утвердить въ умѣ человѣка истину духовную видимымъ ея господствомъ надъ истиною естественною, и возвысить истину естественную ея правильнымъ отношеніемъ къ духовной, и связать наконецъ обѣ истины въ одну живую мысль:—ибо истина одна, какъ одинъ умъ человѣка, созданный стремиться къ Единому Богу.

—

Указанія Св. Отцевъ приметъ вѣрующее любомудріе за первыя данныя для своего разумѣнія, тѣмъ болѣе, что указанія эти не могутъ быть отгаданы отвлеченнымъ мышленіемъ. Ибо истины, ими выражаемыя, были добыты ими изъ внутренняго непосредственнаго опыта и передаются намъ, не какъ логическій выводъ, который и нашъ разумъ могъ бы сдѣлать, но какъ извѣстія очевидца о странѣ, въ которой онъ былъ.

Если не на всѣ вопросы ума найдетъ вѣрующая философія готовые отвѣты въ писаніяхъ Св. Отцевъ, то, основываясь на истинахъ, ими выраженныхъ, и на своемъ верховномъ убѣжденіи, она будетъ искать въ совокупности этихъ двухъ указаній прямаго пути къ разумѣнію другихъ

предметовъ знанія. И во всякомъ случаѣ способъ мышленія разума вѣрующаго будетъ отличенъ отъ разума, ищущаго убѣжденія или опирающагося на убѣжденіе отвлеченное. Особенность эту, кромѣ твердости коренной истины, будутъ составлять тѣ данныя, которыя разумъ получитъ отъ святыхъ мыслителей, просвѣщенныхъ высшимъ зрѣніемъ, и то стремленіе къ внутренней цѣльности, которое не позволяетъ уму принять истину мертвую за живую, и наконецъ та крайняя совѣстливость, съ которою искренняя вѣра отличаетъ истину вѣчную и божественную отъ той, которая можетъ быть (добыта) мнѣніемъ человѣка или народа или времени.

—

Задача: Разработываніе общественнаго самосознанія.

Истинныя убѣжденія благодѣтельны и сильны только въ совокупности своей.

Добрыя силы въ одиночествѣ не ростутъ. Рожь заглохнетъ между сорныхъ травъ.

—

Распаденіе единства Богопознанія на разнообразныя влеченія къ частнымъ благамъ и на разнорѣчащіе признаки частныхъ истинъ.

—

Слово должно быть не ящикъ, въ который заключается мысль, но проводникъ, который передаетъ его другимъ; не подвалъ, куда складываются сокровища ума и знанія, но дверь, черезъ которую онѣ выносятся. — И странный законъ этихъ сокровищъ: чѣмъ болѣе ихъ выносится наружу, тѣмъ болѣе остается въ хранилищѣ. Дающая рука не оскудѣетъ.

—

Слово, какъ прозрачное тѣло духа, должно соотвѣтствовать всѣмъ его движеніямъ. Потому оно безпрестанно должно мѣнять свою краску, сообразно безпрестанно измѣняющемуся сцѣпленію и разрѣшенію мыслей. Въ его переливчатомъ смыслѣ должно трепетать и отзываться каждое дыханье ума. Оно должно дышать свободою внутренней жизни. Потому слово, окостенѣлое въ школьныхъ форму-

лахъ, не можетъ выражать духа, какъ трупъ не выражаетъ жизни. Однакожъ, измѣняясь въ оттѣнкахъ своихъ, оно не должно перепачиваться въ внутреннемъ составѣ.

—

Для одного отвлеченнаго мышленія существенное вообще недоступно. — Только существенность можетъ прикасаться существенному.—Отвлеченное мышленіе имѣетъ дѣло только съ границами и отношеніями понятій.—Законы разума и вещества, которые составляютъ его содержаніе, сами по себѣ не имѣютъ существенности, но являются только совокупностью отношеній. Ибо существеннаго въ мірѣ есть только разумно-свободная личность. — Она одна имѣетъ самобытное значеніе. Все остальное имѣетъ значеніе только относительное. Но для раціональнаго мышленія живая личность разлагается на отвлеченные законы саморазвитія, или является произведеніемъ посторонннихъ началъ, и въ обоихъ случаяхъ теряетъ свой настоящій смыслъ.

—

Потому отвлеченное мышленіе, касаясь предметовъ вѣры, по наружности можетъ быть весьма сходно съ ея ученіемъ; но въ сущности имѣетъ совершенно отличное значеніе, именно потому, что въ немъ недостаетъ смысла существенности, который возникаетъ изъ внутренняго развитія смысла цѣльной личности.

Весьма во многихъ системахъ раціональной философіи видимъ мы, что догматы о единствѣ Божества, о Его всемогуществѣ, о Его премудрости, о Его духовности и вездѣсущіи, даже о Его тропчности,—возможны и доступны уму невѣрующему. Онъ можетъ даже допустить и объяснить всѣ чудеса, принимаемыя вѣрою, подводя ихъ подъ какую-нибудь особую формулу. Но все это не имѣетъ религіознаго значенія, только потому, что раціональному мышленію невмѣстимо сознаніе о живой личности Божества и о Ея живыхъ отношеніяхъ къ личности человѣка.

—

Сознаніе объ отношеніи живой Божественной личности къ личности человѣческой служитъ основаніемъ для вѣры,

или, правильнѣе, вѣра есть то самое сознаніе, болѣе или менѣе ясное, болѣе или менѣе непосредственное. Она не составляетъ чисто человѣческаго знанія; не составляетъ особаго понятія въ умѣ или сердцѣ, не вмѣщается въ одной какой-либо познавательной способности; не относится къ одному логическому разуму, или сердечному чувству, или внушенію совѣсти; но обнимаетъ всю цѣльность человѣка, и является только въ минуты этой цѣльности и соразмѣрно ея полнотѣ. Потому главный характеръ вѣрующаго мышленія заключается въ стремленіи собрать всѣ отдѣльныя части души въ одну силу, отыскать то внутреннее средоточіе бытія, гдѣ разумъ и воля, и чувство, и совѣсть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объемъ ума сливается въ одно живое единство, и такимъ образомъ возстановляется существенная личность человѣка въ ея первозданной нелѣлимости.

Не форма мысли, предстоящей уму, производитъ въ немъ это сосредоточеніе силъ; но изъ умственной цѣльности исходитъ тотъ смыслъ, который даетъ настоящее разумѣніе мысли.

—

Это стремленіе къ умственной цѣльности, какъ необходимое условіе разумѣнія высшей истины, всегда было неотъемлемою принадлежностью Христіанскаго любомудрія. Со временъ Апостоловъ до нашихъ временъ оно составляетъ его исключительное свойство. Но съ отпаденія западной церкви оно осталось преимущественно въ Церкви Православной.—Другія Христіанскія исповѣданія, хотя не отвергаютъ его законности, но и не почитаютъ его необходимымъ условіемъ для разумѣнія божественной истины.— По мнѣнію римскихъ богослововъ и философовъ, кажется, было достаточно, чтобъ авторитетъ божественныхъ истинъ былъ однажды признанъ, для того, чтобъ дальнѣйшее разумѣніе и развитіе этихъ истинъ могло уже совершаться посредствомъ мышленія отвлеченно-логическаго. Можетъ быть, по особому пристрастію къ Аристотелю, богословскія сочиненія ихъ носятъ характеръ логическаго изложенія.

Самый ходъ мышленія совершался наружнымъ оцѣпленіемъ понятій. Подъ догматъ вѣры искали они подвести логическое оправданіе. Въ этомъ логическомъ изложеніи, изъ отвлеченно-разсудочнаго разумѣнія догматовъ, тоже, какъ отвлеченный выводъ, раздались требованія нравственныя. Странное рожденіе живаго изъ мертваго! Мудрёное требованіе силы, во имя мысли, которая сама не имѣетъ ея!

—

Отдѣленное отъ другихъ познавательныхъ силъ, логическое мышленіе составляетъ естественный характеръ ума, отпадшаго отъ своей цѣльности. Весь порядокъ вещей, произшедшій вслѣдствіе этого раздвоеннаго состоянія человѣка, самъ собою влечетъ его мышленіе къ этой логической отдѣленности. Потому-то вѣра и превышаетъ естественный разумъ, что онъ опустился ниже своего первоестественнаго уровня. Потому и не необходимо для него возвыситься къ первообразному единству, чтобъ проникнуться вѣрою (1).

—

Не для всѣхъ возможны, не для всѣхъ необходимы занятія богословскія; не для всѣхъ доступно занятіе любомудріемъ; не для всѣхъ возможно постоянное и особое упражненіе въ томъ внутреннемъ вниманіи, которое очищаетъ и собираетъ умъ къ высшему единству; но для всякаго возможно и необходимо связать направленіе своей жизни съ своимъ коренным убѣжденіемъ вѣры, согласить съ нимъ главное занятіе и каждое особое дѣло, чтобъ всякое дѣйствіе было выраженіемъ одного стремленія, каждая мысль искала одного основанія, каждый шагъ велъ къ одной цѣли.—Безъ того жизнь человѣка не будетъ имѣть никакого смысла, умъ его будетъ счетною машиной, сердце собраніемъ бездушныхъ струнъ, въ которыхъ свищетъ случайный вѣтеръ, никакое дѣйствіе не будетъ имѣть нравственнаго характера, и человѣка собственно не будетъ. Ибо человѣкъ—это его вѣра.

—

(1) Ибо это возвышеніе будетъ уже отъ него. *Изд.*

И нѣтъ такаго неразвитаго сознанія, которому бы не подъ силу было проникнуться основнымъ убѣжденіемъ Христіанской вѣры. Ибо нѣтъ такаго тупаго ума, который бы не могъ понять своей ничтожности и необходимости высшаго откровенія; нѣтъ такаго ограниченнаго сердца, которое бы не могло разумѣть возможность другой любви, выше той, которую возбуждаютъ въ немъ предметы земные; нѣтъ такой совѣсти, которая бы не чувствовала невидимаго существанія высшаго нравственнаго порядка; нѣтъ такой слабой воли, которая бы не могла рѣшиться на полное самопожертвованіе за высшую любовь своего сердца. — А изъ такихъ силъ слагается вѣра.—Она есть живая потребность искупленія и безусловная за него благодарность.—Въ этомъ вся его сущность. Отсюда получаетъ свой свѣтъ и смыслъ все послѣдующее развитіе вѣрующаго ума и жизни.

—

Духовное общеніе каждаго Христіанина съ полнотою всей Церкви.

Онъ знаетъ, что во всемъ мірѣ идетъ та же борьба, какая совершается въ его внутреннемъ самосознаніи, борьба между свѣтомъ и тьмою, между стремленіемъ къ высшей гармоніи и цѣльности бытія, и пребываніемъ въ естественномъ разногласіи и разъединенности, между свободою воли человѣка, созидающею духовную личность, и покорностью внѣшнимъ влеченіямъ, обращающимъ его въ орудіе чужихъ силъ; между великодушнымъ самоотверженіемъ и боязливымъ себялюбіемъ, однимъ словомъ, между дѣломъ искупленія и свободы и насильственною властію естественнаго, разстроеннаго порядка вещей.

Какъ бы ни мало было развито это сознаніе, но онъ знаетъ, что во внутреннемъ устройствѣ души своей онъ дѣйствуетъ не одинъ, и не для одного себя; что онъ дѣлаетъ общее дѣло всей Церкви, всего рода человѣческаго, для котораго совершилось искупленіе и котораго онъ только нѣкоторая часть. Только вмѣстѣ со всею Церковью и въ живомъ общеніи съ нею можетъ онъ спастись.

—

Каждая нравственная побѣда въ тайнѣ одной Христіанской души есть уже духовное торжество для всего Христіанскаго міра. Каждая сила духовная, создавшаяся внутри одного человѣка, невидимо влечетъ къ себѣ и подвигаетъ силы всего нравственнаго міра. Ибо какъ въ мірѣ физическомъ небесныя свѣтила притягиваются другъ къ другу безъ всякаго вещественнаго посредства, такъ и въ мірѣ духовномъ каждая личность духовная, даже безъ видимаго дѣйствія, уже однимъ пребываніемъ своимъ на нравственной высотѣ, подымаетъ, привлекаетъ къ себѣ все сродное въ душахъ человѣческихъ. Но въ физическомъ мірѣ каждое существо живетъ и поддерживается только разрушеніемъ другихъ; въ духовномъ мірѣ созиданіе каждой личности созидаетъ всѣхъ, и жизнію всѣхъ дышетъ каждая.

—

Во всѣ времена были и есть люди, проникнутые высшимъ свѣтомъ и силою вѣры.—Отъ нихъ, какъ лучи отъ звѣздъ, расходится истинное ученіе вѣры по всему Христіанскому міру. — Въ исторіи Церкви можно видѣть часто видимые способы этого свѣта, какъ онъ проникаетъ изъ мѣстъ, озаренныхъ высшимъ ученіемъ, въ страны, гдѣ оно затемнялось волею человѣка; какъ погасалъ этотъ свѣтъ въ мѣстахъ, которыя прежде всего болѣе освящались имъ, и какъ опять зажигается онъ, принесенный изъ другихъ странъ, прежде лежавшихъ во тьмѣ.—Ибо благодать истины никогда не оскудѣваетъ въ царствѣ Божіемъ.

Исторія Аѳона.

—

Духовная Іерархія. — Лѣстница Іакова. — Живыя истины — не тѣ, которыя составляютъ мертвый капиталъ въ умѣ человѣка, которыя лежатъ на поверхности его ума и могутъ пріобрѣтаться внѣшнимъ ученіемъ, но тѣ, которыя зажигаютъ душу, которыя могутъ горѣть и погаснуть, которыя даютъ жизнь жизни, которыя сохраняются въ тайнѣ сердечной и по природѣ своей не могутъ быть явными и общими для всѣхъ; ибо, выражаясь въ словахъ, остаются

незамѣченными, выражаясь въ дѣлахъ, остаются непонятными для тѣхъ, кто не испыталъ ихъ непосредственнаго прикосновенія. Но этой-то причинѣ особенно драгоцѣнны для каждаго Христіанина писанія Св. Отцевъ. Они говорятъ о странѣ, въ которой были.

—

Отношеніе вѣры къ разуму, или какую степень знанія составляетъ вѣра?

Различныя отношенія внутренняго самосознанія къ Богопознанію.

—

Сознаніе всепроникающей связности и единства вселенной предшествуетъ понятію о единой причинѣ бытія и возбуждаетъ разумное сознаніе единства Творца.

Неизмѣримость, гармонія и премудрость мірозданія наводятъ разумъ на сознаніе всемогущества и премудрости Создателя.

Но единство, всемогущество, премудрость и всѣ другія понятія о божественности первой причины, которыя разумъ можетъ извлечь изъ созерцанія внѣшняго мірозданія, еще не внушаютъ ему того сознанія о живой и личной самосущности Создателя, которое даетъ существенность нашимъ умственнымъ къ Нему отношеніямъ, перелагая самое внутреннее движеніе нашихъ мыслей и чувствъ къ Нему изъ сферы умозрительной отвлеченности въ сферу живой отвѣтственной дѣйствительности.

—

Это сознаніе, совершенно измѣняющее характеръ нашего Богомыслія, и которое мы не можемъ извлечь прямо изъ одного созерцанія внѣшняго мірозданія, возникаетъ въ душѣ нашей тогда, когда къ созерцанію міра внѣшняго присоединится самостоятельное и неуклонное созерцаніе міра внутренняго и нравственнаго, раскрывающаго предъ зрѣніемъ ума сторону высшей жизненности въ самыхъ высшихъ соображеніяхъ разума.

—

Вѣра не довѣренность къ чужому увѣренію, но дѣйствительное событіе внутренней жизни, чрезъ которое человѣкъ входитъ въ существенное общеніе съ божественными вещами (съ высшимъ міромъ, съ небомъ, съ Божествомъ).

—

Главная причина заблужденія человѣка заключается въ томъ, что онъ не знаетъ, что̀ любитъ и чего хочетъ.

—

Потребность счастія, потребность любви, потребность гармоніи, потребность правды, потребность сочувствія, потребность умиленія, потребность дѣятельности, потребность самозабвенія, потребность саморазумѣнія,—всѣ эти законныя и существенныя потребности человѣческаго сердца происходятъ изъ одного общаго корня жизни, до котораго немногіе доводятъ свое самосознаніе.

—

Справедливость, правда рѣже любви, потому что она трудне, стоитъ болѣе пожертвованій и менѣе усладительна.

—

Мы охотно удвоили бы наши пожертвованія, только бы уменьшить наши обязанности. Какъ часто встрѣчается человѣкъ великодушный и вмѣстѣ несправедливый, благотворительный и неблагодарный, щедрый и скупой, расточительный на то, что не должно тратить, и скупой на то, что обязанъ давать; преданный по прихоти, жесткій съ тѣми, кто имѣетъ право на его преданность, ненавистный, можетъ быть, въ томъ кругу, куда поставило его Провидѣніе, и достойный любви и удивленія, какъ скоро выходитъ изъ него; охотникъ въ дѣлахъ человѣколюбія и бѣглецъ изъ рядовъ обязанностей, и воображающій, что можетъ произвольнымъ и часто безполезнымъ пожертвованіемъ уплатить нарушеніе самыхъ существенныхъ, самыхъ близкихъ обязанностей.—Не труды, не пожертвованія, не опасности, ему противна правильность порядка. Ему легче быть возвышеннымъ, нежели честнымъ. Но не скажу: ему легче быть милосернымъ, нежели справедливымъ, ибо милосердіе несправедливаго—не милосердіе.

—

Въ добрѣ и злѣ все связано. Добро одно, какъ истина одна. Справедливость къ милосердію, какъ стволъ дерева къ его верхушкѣ.

—

Мышленіе, отдѣленное отъ сердечнаго стремленія, есть также развлеченіе для души, какъ и безсознательная веселость. Чѣмъ глубже такое мышленіе, чѣмъ оно важнѣе по видимому, тѣмъ въ сущности дѣлаетъ оно человѣка легкомысленнѣе. Потому серьезное и сильное занятіе науками принадлежитъ также къ числу средствъ развлеченія, средствъ для того, чтобы разсѣяться, чтобы отдѣлаться отъ самаго себя. Эта мнимая серьезность, мнимая дѣльность изгоняетъ истинную. Удовольствія свѣтскія дѣйствуютъ не такъ успѣшно и не такъ быстро.

—

Радости принадлежитъ нѣсколько мгновеній; печали вся цѣлость жизни. Минута радости—исполнившаяся надежда; но цѣлая жизнь печали — сознаніе сердца, что все постепенное исполненіе всѣхъ надеждъ цѣлой жизни не наполняетъ безконечной пустоты душевной, и проч.

—

Изо всего, что намъ принадлежитъ, изо всего, что мы имѣли и что мы были, мы не можемъ удержать ничего, ни даже самыхъ драгоцѣнныхъ страданій нашихъ.

—

Житейскія радости, какъ блескъ молніи посреди темной ночи. Но радость прочную и продолжительную, радость, вполнѣ свойственную нашему существу, которая бы составляла часть насъ самихъ и сливалась съ самою жизнью нашей въ одно сознаніе, такъ, чтобы печали проносились по ней, какъ мимолетныя облака по лѣтнему небу,—такую радость можетъ даровать намъ одно Евангеліе.

—

Чувство возстановленія (исцѣленія) нашего внутренняго единства и гармоніи.

—

Что такое вѣра безъ радости? Корабль безъ парусовъ.

—

Печаль — это міръ подъ такою маскою, которая всего лучше его скрываетъ; это смерть подъ видомъ жизни.

—

Святая, Евангельская радость утѣшаетъ, но смиряя.

—

Печаль для того предписывается намъ, чтобы привести насъ къ радости. «Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся!»

—

Высшая радость въ увѣренности, что ничто не можетъ насъ исторгнуть изъ всемогущей руки милосердаго Господа.

—

Можно вѣровать искренно, но не имѣть всей радости своей вѣры:—ибо человѣкъ естественный, тяжестью своего себялюбія и гордости, безпрестанно увлекаетъ насъ ко мраку печали.

—

Поставьте себѣ святую радость въ твердую и непзмѣнную и ежеминутную обязанность, и тогда ваша вѣра, ваша благодарность, ваше послушаніе будутъ охраняться вашимъ счастіемъ.

—

Вѣровать — это получать изъ сердца то свидѣтельство, которое Самъ Богъ далъ своему Сыну.

—

Вѣра—взоръ сердца къ Богу.

—

Справедливость, нравственность, духъ народа, достоинство человѣка, святость законности могутъ сознаваться только въ совокупности съ сознаніемъ вѣчныхъ религіозныхъ отношеній человѣка.

—

Міръ свободной воли имѣетъ свою правду въ мірѣ вѣчной нравственности.

—

Нравственность есть сознаніе Божества въ самосознаніи нашемъ.

—

Нравственность государства есть разумность его законности, его права и устройства.

—

Слово: *вѣра* обнимаетъ очень много. Самое высшее постиженіе разума, самое лучшее чувство сердца, самое свободное, самое самобытное, самое внутреннее рѣшеніе произвола, самое неудержимое стремленіе надежды, самое яркое сознаніе рубежа между жизнью и смертью, самое ясное мышленіе самой искренней совѣсти въ ея самомъ тонкомъ дыханіи,—все это вмѣстѣ,—нераздѣльно и несоставно, но едино и цѣльно въ одной чертѣ бытія,—ни умъ, ни сердце, ни совѣсть, ни воля, ни всякая отдѣльная сила души въ ея особенности,—но вся совокупность силъ, какъ одна сила, не соединенная изъ многихъ, но единоцѣльная и не распадающаяся на многія, но въ живомъ единствѣ небеснаго и земнаго цѣломудренно пребывающая,—однимъ словомъ: весь духъ человѣка, въ полнѣйшемъ явленіи своего бытія, обоихъ міровъ касающагося,— вотъ что называется вѣрою.

—

Въ мірѣ все ничтожно и самъ міръ не существенность. Существенно только милосердіе Божіе.

—

Средоточіе Христіанскаго любомудрія заключается въ живомъ сознаніи искупленія. Сознаніе Божественнаго совершенства соразмѣрно сознанію нашей грѣховности,—чувство удивленія и чувство смиренія—два противоположные края одного живаго чувства Христіанскаго любомудрія, котораго средоточіе—любовь.

Богопознаніе наше не всегда находится въ живомъ и близкомъ отношеніи ко всему умственному и нравственному настроенію нашему. Часто понятіе наше о Божествѣ лежитъ недвижимо посреди другихъ мыслей нашихъ, какъ что-то неясное для нашего разумѣнія, какъ что-то дале-

кое, или чужое, или даже мертвое, и мы не чувствуемъ его отношеній къ остальнымъ понятіямъ нашимъ, не знаемъ, согласны ли съ нимъ другія мысли и чувства наши, или, можетъ быть, противорѣчатъ ему.

Вѣра есть возвышенное согласіе разума и свободы, — высшее дѣйствіе цѣльнаго ума, покуда онъ заключенъ въ тѣлѣ.

Вѣра не то, что увѣренность въ истинѣ, но еще и преданность ей.

Богопознаніе (край желаній).

Понятіе о высшемъ благополучіи, о конечномъ желанномъ—искомое жизни нашей.

О высшей добродѣтели, о нравственномъ настроеніи.

О лучшемъ устройствѣ жизни:

Личной,
Семейной,
Общественной,
Государственной.

О высшей красотѣ.

О характерѣ истинной мудрости:

О способахъ познавать истину,
О свойствѣ высшей истины,
О ея отношеніяхъ къ познавательнымъ способностямъ;
О главномъ, господствующемъ чувствѣ, сопровождающемъ ея требованіе, стремленіе къ ней, ея пріобрѣтеніе и обладаніе ею.

Іудейство, магометанство, схоластика, спинозизмъ и всякое внѣшнее логическое любомудріе пропитаны характеромъ одинакой односторонности.

Многобожіе, противорѣчія поэтическихъ увлеченій древнихъ и новыхъ, страстныя мистическія увлеченія, мечтательность ума и чувства составляютъ другую противоположность умственнаго уклоненія.

Обѣ противоположности не исключаютъ другъ друга, напротивъ: чѣмъ больше человѣкъ вдается въ одну, тѣмъ способнѣе становится увлекаться въ другую.

—

Хотя просвѣщеніе западное развилось изъ ложнаго основанія и достигло до ложныхъ выводовъ, однакоже изъ этого не слѣдуетъ, чтобы все знаніе западное было ложно, или противно истинѣ, или даже обходимо для полнѣйшей жизни разума человѣческаго.—Потому-то и возможенъ былъ обманъ вѣковый и всенародный, что онъ скрывался въ истинѣ. Науки, надъ которыми работаетъ разумъ человѣческій, составляютъ его существенную и естественную и вѣчную принадлежность: но временное направленіе, которымъ проникаются эти достоянія разума, должно измѣниться, если оно ложно, какъ измѣнился духъ язычества въ наукахъ эллинскихъ, когда проникло въ нихъ Христіанство. Православное Христіанство есть сама истина: потому оно не можетъ противорѣчить тому, что есть истиннаго въ понятіяхъ заблуждающагося человѣка или народа: напротивъ, удаливъ заблужденіе, оно тѣмъ сильнѣйшую жизнь и тѣмъ полнѣйшее развитіе сообщитъ оставшемуся истинному.

—

Хотя ученія протестантскія были во многомъ противуположны ученію римскому, но характеръ мышленія, возбужденный протестантскимъ направленіемъ, былъ однороденъ съ мышленіемъ, возникшимъ внутри римской церкви. И то, и другое происходило изъ раздвоеннаго самосознанія, и то, и другое было довольно своимъ состояніемъ раздвоенности и почитало его за высшее и законное состояніе ума, и не искало возвратиться къ утраченной цѣльности.—Отъ того и истина представлялась имъ только своею отвлеченною стороною, не какъ живая существенность, а какъ формальное отношеніе между логическими понятіями.

Схоластическая философія принимала указанія вѣры, но только какъ внѣшнія данныя для разума, старалась подвести подъ нихъ разсудочныя основанія. — Она принимала паденіе человѣка и признавала недостаточность его разума

для разумѣнія Божественной истины, но только для мірянъ, а не для іерархіи, для которой тоже разсудочное мышленіе уже внѣшнимъ дѣйствіемъ таинствъ получало право и силу высшаго разумѣнія.

Понятія протестантскія перенесли на всѣхъ Христіанъ то право разумѣнія, которое Римляне приписывали одной іерархіи; философія раціональная перенесла это право на самый разумъ, то есть, на все разумное человѣчество, не ограничивая его никакимъ исповѣданіемъ.

Для всѣхъ трехъ видовъ разума результаты были различные отъ различныхъ границъ, прилагавшихся къ мышленію извнѣ его, но не въ немъ самомъ заключавшихся. Но безъ этихъ внѣшнихъ границъ, самый характеръ мышленія общаго, отвлеченнаго, безличнаго, равно относящагося къ каждому логическому сознанію, долженъ бы былъ всегда имѣть одинакіе результаты.

—

Цѣль средства не оправдываетъ. Самая истина, когда она проникаетъ въ человѣка не своею, а чужою силою, обращается въ ложь. И употребляя ложь для своей цѣли, она сама принуждается служить своему средству средствомъ.

И. Кирѣевскій.

———

Въ бумагахъ И. В. Кирѣевскаго найдены еще разные отрывки, въ которыхъ заключается великое богатство свѣтоносныхъ мыслей. Мы предполагаемъ привести ихъ въ нѣкоторый порядокъ и издать особо съ прочими, уже напечатанными сочиненіями покойника. Мы надѣемся, что это полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго явится въ свѣтъ въ концѣ текущаго года.

Русская Бесѣда.

ПО ПОВОДУ ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬИ.

Входить въ подробный разборъ напечатанныхъ здѣсь отрывковъ было бъ безполезно. Вѣроятно рѣдкій изъ читателей прочелъ ихъ безъ глубокаго сочувствія, хотя бы и не раздѣляя образа мыслей, въ нихъ выраженнаго: но полагаю не безполезнымъ прибавить къ нимъ нѣсколько словъ касательно самаго предмета, о которомъ готовилась недоконченная статья.

Трудно прослѣдить философскую нить, которая должна была соединить между собою мысли, набросанныя въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ или размышленій, но во всѣхъ высказывается одно: требованіе духовной цѣльности для правильнаго разумѣнія, и признаніе отношенія вѣры къ разуму, не какъ къ чуждой, но какъ къ низшей стихіи, или иначе, къ стихіи, которая полноту своего существованія находитъ только въ вѣрѣ. Эта черта принадлежитъ тому ученію, котораго строгая послѣдовательность возможна только въ Церкви и котораго краснорѣчивымъ представителемъ былъ И. В. Кирѣевскій. Постараюсь, сколько могу, уяснить самое это ученіе и отношенія его къ другимъ, уже извѣстнымъ и давно признаваемымъ, школамъ.

Глубокое уваженіе, съ которымъ И. В. Кирѣевскій говорилъ о прежнихъ великихъ дѣятеляхъ науки, и разумность его критическаго взгляда на нихъ доказываютъ, какъ высоко цѣнилъ онъ ихъ труды и какъ глубоко онъ ихъ изучалъ. Дѣйствительно, снова отыскивать то, что уже давно уяснено, или томиться надъ системою, уже испытанною и оли-

ченною въ несостоятельности, таковы двѣ опасности, предстоящія тому, кто вздумалъ бы вести мысль человѣка по новому пути, не ознакомившись вполнѣ съ старыми, сю пройденными путями. Только отчетливое знаніе прежнихъ школъ философскихъ даетъ право признать ихъ ошибочность или неполноту, и пытаться создать новое, болѣе полное и стройное ученіе. Трудъ прошлыхъ поколѣній не отвергается, но поглощается и пересоздается въ новый трудъ поколѣнія современнаго и въ будущій трудъ поколѣній, имѣющихъ за нимъ послѣдовать.

Законный владыка древняго философскаго міра и кумиръ средневѣковаго, Аристотель былъ свергнутъ возстаніемъ великихъ и свободныхъ мыслителей; но свергнутъ былъ только кумиръ, а не тотъ царь древней науки, чье имя онъ носилъ: критика и методъ аристотелевскій торжествовали, когда мнимый аристотелизмъ падалъ. Заслуга Стагирита не умирала и не могла умереть, ибо она заключала въ себѣ стихіи безсмертія. На развалинахъ павшаго авторитета возникло множество школъ подъ знаменами эмпиризма, сенсуализма, идеализма или мистики; многія являлись имена, достойныя благодарной памяти мыслящаго человѣчества (таковы на пр: Декартъ или неподражаемо-разнообразный геній Лейбница), но по недостатку объема или глубины, или логической строгости, всѣ ученія, всѣ школы дѣйствительно, хотя и безсознательно, разрѣшились на время въ остроумномъ, но мелкомъ и сухомъ скепсисѣ Юма. Почему умъ человѣческій такъ долго блуждалъ по ложнымъ путямъ и чѣмъ былъ обусловленъ выборъ этихъ путей, покойный Кирѣевскій уже объяснилъ, показавъ зависимость мышленія философскаго отъ вѣрованія религіознаго и неизбѣжное вліяніе латынства и протестанства на все умственное развитіе Западной Европы.

Скепсисъ Юма (особенно же его нападеніе на общепринятую связь между причиною и слѣдствіемъ) вызвалъ Канта. Этотъ свѣтлый и строго-логическій умъ нанесъ смертельный ударъ иирронизму. «Законы разума не подлежатъ сомнѣнію; ибо они не что иное, какъ самый разумъ, самое *я* человѣка; а въ своемъ *я* человѣкъ не сомнѣвается просто

потому, что не можетъ сомнѣваться, ибо нѣтъ той области, въ которую могъ бы онъ перенестись для утвержденія своего сомнѣнія, и нѣтъ орудія или процесса, посредствомъ котораго онъ могъ бы сомнѣваться. Слово пирронистъ звукъ, а не смыслъ.» Такъ можно выразить строгое и простое положеніе, выведенное Кантомъ въ формулахъ, непривлекательныхъ по ихъ выраженію, но неотразимыхъ по ихъ послѣдовательности. Въ нихъ высказывается его геніально-разсудительная природа. Положеніе Канта сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ всей новой философіи и, скажу болѣе—всякой будущей философіи. Не помню, кто-то сказалъ очень остроумно и не безъ глубокаго смысла, что древняя философія говорила: «ощущаю, слѣдовательно есмь» (sentio, ergo sum) ; (1) новая, освобожденная отъ схоластическаго аристотелизма, сказала: « мыслю, слѣдовательно есмь » (cogito, ergo sum); кантовская: «есмь, слѣдовательно есмь» (sum, ergo sum); и въ этомъ много правды. Полнота человѣка была поставлена съ его несомнѣнною увѣренностью въ себѣ; но раціоналистическія формы мышленія присутствовали при рожденіи великой школы германской: онѣ выражались въ особенностяхъ ея основателя, и имъ слѣдовало развиться далѣе при односторонности религіозныхъ вѣрованій. Такъ и было. Самъ Кантъ, не постигая вполнѣ всей важности добытаго имъ вывода, былъ исключительно раціоналистомъ въ всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ построеніяхъ, и всю свою систему (т. е. во сколько она была себѣ вѣрна) основывалъ единственно на логическомъ мышленіи, и читая его, чувствуешь, что едвали могъ онъ попасть на иной путь. Въ самыхъ первыхъ шагахъ его ученія есть скрытое « слѣдовательно », связующее непосредственное бытіе человѣка съ бытіемъ, новоприобрѣтеннымъ посредствомъ труда мысли. Логическая формула, допущенная въ эту высшую область самосознанія, должна была развиться раціонализмомъ. Тѣмъ же путемъ, но еще рѣшительнѣе, шелъ пламенный Фихте, смѣло признавая *сущимъ* для человѣка только его личное пониманіе въ раз-

(1) Впрочемъ это требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій, хотя вообще вѣрно.

двоенiи *я мыслящаго* и *я мыслимаго* (*я-не я*, иначе субъектъ и объектъ). Тѣмъ же путемъ шелъ самый геніальный изо всѣхъ дѣятелей школы, человѣкъ, которому подобные, по словамъ покойнаго И. В. Кирѣевскаго, родятся тысячелѣтіями, Шеллингъ. Онъ пополнилъ ученіе Фихте, примиривъ противорѣчіе мыслящаго и мыслимаго (или отрицаніе *я-не я, субъектъ-объектъ*) самымъ актомъ сознанія (субъектъ-объективація), (1) и этимъ положеніемъ совершилъ великолѣпное развитіе самостоятельнаго духа въ его логической опредѣленности.

Путь былъ раціональный, чисто разсудочный, но раціонализмъ ударился объ свою границу. Пусть Шеллингъ и признавалъ первое, непроявившееся бытіе тождественнымъ небытію: изъ этого положенія онъ не дѣлалъ наукообразной формулы, служащей логическимъ началомъ дальнѣйшему развитію. Дѣйствительно это видимо отвлеченное бытіе имѣло у него весь характеръ и права *сущаго*, ибо переходило въ объектъ и въ цѣлый міръ явленій и сознаній какою-то внутреннею, несознанною, вольною силою. Достало ли у Шеллинга ясновидѣнія, чтобъ понять, что дальнѣйшій путь въ этомъ направленіи невозможенъ, или не достало силъ, чтобы пытаться продолжать его, или, наконецъ, богатая душа почувствовала, хотя неясно, скудость раціонализма: во всякомъ случаѣ Шеллингъ остановился. Его дальнѣйшая дѣятельность, еще блестящая разнообразіемъ, глубиною и остроуміемъ отдѣльныхъ мыслей и соображеній, еще полезная наукообразнымъ противодѣйствіемъ возставшему въ силѣ гегелизму, не принадлежитъ уже ни исторіи школы, ни исторіи чистой философіи. Рядъ блестящихъ заблужденій, перемѣшенныхъ съ высокими истинами, не связанными между собою никакою разумною нитью, проблески поэтическихъ догадокъ, затерянныхъ въ туманѣ произвольной гностики: такова послѣд-

(1) Мнѣ кажется, вѣрнѣе бы должно назвать этотъ моментъ не субъектъ-объективаціею (Subject-objectivirung), а объектъ-субъективаціею (Object-subjectivirung), ибо въ законѣ сознанія мыслящее начало (τὸ πρῶτον), получая возвратное отраженіе объекта, обращается самопризнаніемъ дѣйствительно въ субъектъ.

няя эпоха Шеллинга, о которой И. В. Кирѣевскій въ своей послѣдней статьѣ говорилъ съ такою горячею любовію и съ такимъ скорбнымъ сочувствіемъ.

То, передъ чѣмъ остановился геніальный учитель, пытался совершить великій ученикъ его, Гегель. *Сущее* должно быть совершенно отстранено. Само понятіе, въ своей полнѣйшей отвлеченности, должно было все возродить изъ собственныхъ нѣдръ. Раціонализмъ или логическая разсудочность должна была найти себѣ конечный вѣнецъ и Божественное освященіе въ новомъ созданіи цѣлаго міра. Такова была огромная задача, которую задалъ себѣ германскій умъ въ Гегелѣ, и нельзя не удивляться той смѣлости, съ какою онъ приступилъ къ ея рѣшенію. Онъ сначала беретъ простѣйшія познанія изъ житейскаго круга и подвергаетъ ихъ суду логическаго разсудка, или, лучше сказать, разсудочной діалектики. Отъ опредѣленія, которое всегда оказывается неполнымъ и неудовлетворительнымъ, восходитъ онъ къ другому высшему, надъ которымъ произносится тотъ же приговоръ, и все далѣе и далѣе, выше и выше, отъ грубоосязаемой земли до тонкаго и невидимаго эѳира мысли, и наконецъ до безпредметнаго знанія, до совершенной пустоты, которой возможно уже только одно названіе: бытіе. Гегелизмъ пройдетъ, какъ всякое заблужденіе, и теперь уже онъ живетъ болѣе въ жизни бытовой, чѣмъ въ наукѣ, но феноменологія Гегеля останется безсмертнымъ памятникомъ неумолимо строгой и послѣдовательной діалектики, о которомъ никогда не будутъ говорить безъ благоговѣнія имъ укрѣпленные и усовершенствованные мыслители. Изумительно только то, что до сихъ поръ никто не замѣтилъ, что это безсмертное твореніе есть рѣшительный приговоръ надъ самимъ раціонализмомъ, доказывающій его неизбѣжный исходъ.

Но Гегелю этотъ исходъ казался только началомъ творческаго возсозданья. Бытіе, лишенное всякаго опредѣленія и всякаго содержанія посредствомъ умственнаго процесса, уже совершеннаго въ феноменологіи, бытіе, ничѣмъ не отличающееся отъ небытія, въ этой самой тождественности своей съ небытіемъ находитъ силу для новаго поступа-

тельнаго движенія, или, если можно такъ выразиться, для разклубленія изнутри. Въ этомъ дѣйствіи оно переходитъ рядъ степеней осуществленія, едва ли выразимыхъ въ переводѣ (ибо онѣ связаны съ самою сущностью нѣмецкаго языка) и доходитъ наконецъ до своего высшаго осуществленія въ духѣ. Логику Гегеля слѣдуетъ назвать *воодухотвореніе отвлеченнаго бытія* (Einvergeistigung des Seyns). Таково бы было ея полнѣйшее, кажется, никогда еще не высказанное опредѣленіе. Никогда такой страшной задачи, такаго дерзкаго предпріятія не задавалъ себѣ человѣкъ. Вѣчное самовозраждающееся твореніе изъ нѣдръ отвлеченнаго понятія, не имѣющаго въ себѣ никакой сущности. Самосильный переходъ изъ нагой возможности во всю разнообразную и разумную существенность міра. Вымыселъ миѳологіи, также какъ и мелкое отрицаніе Мефистофеля, исчезаютъ передъ этимъ дѣйствительнымъ титанствомъ человѣческаго разсудка. Гегеля называли der letzte Heros des deutschen Geistes (послѣднимъ героемъ нѣмецкаго мышленія): его скорѣе можно назвать der letzte Titan des Verstandes (послѣднимъ Титаномъ разсудка); но едва ли онъ самъ такъ разумѣлъ свое значеніе. Добросовѣстный фанатикъ разсудка, признаваемаго за разумъ, онъ вѣрилъ вполнѣ законности и, такъ сказать, святости своего подвига: и когда на концѣ своего поприща онъ въ тяжелой думѣ проговаривался: « *чего-то не достаетъ въ моей философіи* » (Es fehlt doch etwas an meiner Philosophie), въ словахъ его высказывалось скорбное чувство безсилія, нисколько не возмущаемое какою-нибудь примѣсью нравственнаго самоосужденія. Его чисторазсудочная природа, воспитанная общимъ умственнымъ трудомъ Германіи и германскимъ протестантствомъ, была вполнѣ права передъ собою.

Разумѣется, невозможное осталось невозможнымъ. Съ самаго перваго шага въ сопоставленіи бытія и ничего, въ этомъ *плюсъ минусъ*, въ этой полярности, или хоть двуименности, есть уже извнѣ вносимая категорія, и вносимая мыслію, слѣдовательно уже сущимъ. Гегель самъ это чувствовалъ смутно и мимоходомъ признавалъ (кажется, въ началѣ отдѣла объ существенномъ—Wesen). Все предпріятіе пада-

ло въ своемъ началѣ. Такіе же скачки повторялись въ самомъ развитіи системы, въ переходѣ къ существенному, въ переходѣ отъ закона призрачности (der Schein) къ явленію (die Erscheinung), въ переходѣ отъ свободы (Freyheit) къ волѣ (Wille) и т. д.; но яснаго сознанія своей ошибки никогда не имѣлъ великій мыслитель. Для него формула всегда обусловливала явленіе (1). Разсудочность опять расшибалась о свои границы. Логика Гегеля была явленіемъ безплоднымъ въ своемъ догматическомъ значеніи и рѣшительнымъ въ смыслѣ отрицанія, ибо она своею несостоятельностію разрушала вѣру въ раціонализмъ. Я думаю однако, что она еще можетъ принести плоды положительные. Стоитъ только разсматривать ее, какъ изученіе категорій, черезъ которыя духъ *сущій* стремится къ собственному самопознанію въ явленіи, и устранить нѣкоторыя непослѣдовательности, истекающія изъ первой ложной задачи, и умъ читателя обогатится многими глубокими и разумными выводами,—и люди, уже отвергнувшіе авторитетъ Гегеля, почувствуютъ, что они могутъ спокойно сознавать свое согласіе съ нимъ въ ясныя минуты его могущаго мышленія. Но этимъ самымъ уже осуждается задача Гегеля и весь самонадѣянный раціонализмъ школы, которую онъ повершилъ и разрушилъ.

Циклъ Германской философіи совершенъ. Гегелизмъ, ея послѣдній выводъ, отвергнутъ и осужденъ всѣми тѣми, кто

---

(1) Уже давно, въ статьѣ, еще не изданной, высказалъ я этотъ выводъ. Примѣромъ же весьма яснымъ Гегелевой ошибки можетъ служить его объясненіе причины эллиптическаго и самовращательнаго движенія земли: онъ прямо находитъ ее въ существованіи самой формулы этого движенія. Такая запутанность въ самыхъ ясныхъ умахъ, такая нестрогость въ самыхъ строгихъ, не должны удивлять людей, знакомыхъ съ науками философскими. Въ извѣстномъ опредѣленіи времени и пространства, созданномъ Лейбницемъ и усовершенствованномъ Кантомъ: «Пространство есть порядокъ явленій сосуществующихъ, а время порядокъ явленій послѣдующихъ» развѣ уже не входитъ самое время, скрытое въ словѣ: *сосуществующихъ* и *послѣдующихъ*? И чѣмъ же это разнится отъ извѣстнаго вопроса: quare facit opium dormire? Можетъ-быть строже можно было выразиться: *пространство есть порядокъ равноправнаго самопоставленія, время есть порядокъ причинности, перешедшій въ міръ явленій.*

сколько нибудь вѣренъ самому методу ея діалектики: для науки философской онъ уже протедшее; но онъ продолжаетъ существовать для науки исторической, какъ стремленіе, не вполнѣ отжитое. Всякая философія имѣетъ способность обращаться въ нѣчто похожее на вѣру, или, лучше сказать, въ какой-то предразсудокъ, принятый на слово людьми, никогда не утруждавшими головы надъ философскими построеніями. Это замѣчаніе И. В. Кирѣевскаго относится преимущественно къ гегелизму вслѣдствіе крайней рѣшительности его положеній, отличающихся какимъ-то особымъ характеромъ самоувѣренной власти, и вслѣдствіе *«особаго сочувствія современной образованности съ его направленіемъ.»* (Слова Кирѣевскаго). Дѣйствительно, кромѣ сочувствія нравственнаго, есть съ нимъ сочувствіе во всѣхъ ложно направленныхъ умахъ, вѣрующихъ въ жизненную силу формулы помимо самой существенности. Есть, такъ сказать, скрытый, безсознательный гегельянецъ и въ общественномъ Французикѣ, который самодовольно объявляетъ, что онъ знать не хочетъ тумановъ германскихъ, и что ему нужна «жизнь, жизнь»! какъ будто это высказанное требованіе создастъ жизнь въ немъ самомъ; и въ политическомъ доктринерѣ, который вѣритъ, что свободныя формы возбудятъ свободный духъ; и въ добродушно-фанатическомъ соціалистѣ, который думаетъ, что знамя братства вложитъ братское сердце въ грудь человѣка; и въ естествоиспытателѣ, который, обрадовавшись ячейкѣ, надѣется подмѣтить въ этомъ особомъ законѣ сочетанія вещественныхъ атомовъ какое-то самостоятельное и почти самовольное стремленіе къ развитію въ какой угодно организмъ, хотя бы и духовный; и въ государственномъ мужѣ, который вѣритъ, что учрежденія, лишенныя всякой исторической жизни, получатъ новое развитіе въ исторіи; и въ другѣ просвѣщенія, который убѣжденъ, что образуешь народъ, наклеивая на него внѣшнія формы образованности; и наконецъ въ историческомъ критикѣ, который, не находя понятной для себя формулы въ прошедшемъ, добродушно отрицаетъ самую жизнь прошедшаго: но все это отживетъ. Это, такъ сказать, хвостъ, а не голова; или, лучше сказать,

это безсознательное гніеніе системы въ обществѣ, а не сознательная жизнь ея въ наукѣ. Школа германская кончилась.

Многое въ разногласіи закона и явленій могло бы образумить ее еще прежде, чѣмъ она достигла своего конечнаго уличительнаго развитія; но германскій умъ былъ слишкомъ влюбленъ въ разсудочное свое мышленіе, чтобы почувствовать ошибку, еще не вполнѣ обнажившуюся. Когда разложеніе законовъ разума и глубокомысленное изслѣдованіе его дѣйствій открыли кантовымъ послѣдователямъ истину, отчасти угаданную древностью, о переходѣ духа изъ первой еще не развитой субъективности (говорю языкомъ самой школы) на степени объекта и сознанія, они должны были встрѣтить слѣдующій выводъ, истекающій изъ ихъ собственныхъ положеній. Законъ всецѣлаго безусловнаго духа не подлежитъ несовершенству вслѣдствіе своей всецѣлости. Или самое отраженіе разума въ объектѣ и сознаніи не имѣетъ смысла, или отраженіе всецѣлаго духа въ его объектѣ и самопознаніи ему соотвѣтствуютъ вполнѣ. Поэтому для него нѣтъ и не можетъ быть достиженія временнаго въ отношеніи къ самому себѣ, а существуетъ только полное и совершенное самообладаніе; поступленіе же и развитіе являются только, какъ принадлежности частнаго духа или частнаго явленія духа, каковъ человѣкъ. Дѣйствительно, человѣкъ ни въ какое мгновеніе своего существованія не является, какъ сущій, но только, какъ стремящійся быть. Это-то стремленіе и составляетъ внутреннюю жизнь человѣка: остановка стремленія есть внутренняя смерть; но всѣ эти феномены частнаго совершенно чужды всецѣлому. Точно такой же выводъ, и еще полнѣйшій, и еще далѣе отходящій отъ тѣсныхъ предѣловъ раціонализма, выходитъ изъ другой области, въ которой особенно замѣтна слабость германской школы, но которая не могла не обратить на себя ея вниманія. Я говорю о развитіи нравственномъ. Кантъ поставилъ, какъ законъ нравственный, совершенно вѣрное положеніе: «ты долженъ, потому что можешь» (du sollst, weil du kannst). Гегель поставилъ новое положеніе, также вѣрное: «ты дол-

женъ, потому что не можетъ » (du sollst, weil du kannst nicht). Опять тоже противорѣчіе между закономъ общаго и закономъ частнаго, объяснимое только изъ самаго свойства человѣка, какъ явленія частнаго и слѣдовательно не находящаго въ себѣ полноты ни въ чемъ. Полнота и совершенство есть самый законъ; но человѣку возможно только стремленіе безъ достиженія. Стремясь выступить изъ своихъ границъ (ибо въ немъ присущъ законъ духа, который есть всецѣлая полнота), онъ встрѣчаетъ подобныя ему, частныя же явленія, и ими же пополняетъ свою собственную ограниченность : но это пополненіе невозможно, покуда онѣ ему внѣшни. Онъ долженъ ихъ усвоить, не перенося ихъ въ себя, (что опять невозможно, потому что власть онъ имѣетъ только надъ собою), а переносясь въ нихъ нравственною силою искренней любви. Потому всякая искренняя, самозабывающая себя любовь есть пріобрѣтеніе, и чѣмъ шире ея область, чѣмъ полнѣе она выноситъ человѣка изъ его предѣловъ, тѣмъ богаче становится онъ внутри себя. Въ жертвѣ, въ самозабвеніи находитъ онъ преизбытокъ разсширяющейся жизни, и въ этомъ преизбыткѣ самъ свѣтлѣетъ, торжествуетъ и радуется. Останавливается ли его стремленіе, утрачиваетъ ли онъ пріобрѣтенное, (на перекоръ присущему въ немъ закону), онъ скудѣетъ, онъ все болѣе и болѣе сжимается въ тѣсные предѣлы, наконецъ онъ заключается въ самаго себя, какъ въ гробъ, который ему противенъ и ненавистенъ, и изъ котораго онъ выйти не можетъ, потому что не хочетъ. Не то ли было намъ свыше названо вѣчною смертью? Таковы нѣкоторые изъ тѣхъ выводовъ, которые могли для германской школы истекать естественно изъ противуположенія всецѣлаго духа и частныхъ духовныхъ явленій: но она шла мимо ихъ безъ вниманія, погруженная въ безграничное пристрастіе къ разсудочному мышленію; и такова одна изъ причинъ, почему она принесла такъ мало добрыхъ плодовъ, и даже отчасти имѣла такое дурное вліяніе въ области нравственной.

Но гдѣ же область, въ которой она дѣйствительно была плодотворна, и какая мѣра ея заслуги? Вотъ вопросъ. И

теперь, когда философія разсудочная остановилась, уличенная сама собою, когда вѣра въ нее пропала, есть ли дѣйствительно возможность философіи иной, высшей, философіи разумной? Этотъ новый вопросъ истекаетъ изъ перваго.

Самое паденіе германской школы есть ея величайшее торжество. Она пала не отъ истощенія своихъ дѣятелей, могущихъ до конца, не отъ ослабленія вниманія въ обществѣ, которое за нею слѣдило съ постояннымъ и почти суевѣрнымъ вниманіемъ, не отъ распаденія на мелкіе расколы, порожденные шаткостью и темнотою положеній, выведенныхъ главными учителями; она не была вытѣснена новымъ ученіемъ, возставшимъ въ силѣ: — нѣтъ. Она одна изъ всѣхъ философскихъ школъ совершила свой путь вполнѣ, строгая до послѣдняго вывода. Она остановилась и пала только передъ невозможнымъ, передъ возстановленіемъ, или, лучше сказать, передъ возсозданіемъ сущаго изъ отвлеченнаго закона. Ей принадлежитъ неотъемлемая и безсмертная слава въ исторіи науки. Кругъ отвлеченнаго, чисто-разсудочнаго мышленія ею обойденъ и очерченъ: законы его опредѣлены строго и отчетливо, и опредѣлены для всего человѣчества и для всѣхъ временъ. Нѣтъ мыслителя, который могъ бы говорить объ ней иначе, какъ съ благоговѣйною признательностію; и счастливыми назовемъ мы тѣхъ людей, которые закалили свои діалектическія силы въ холодныхъ, но крѣпкихъ струяхъ кантовскаго ученія.

Школа совершила свой путь: она уже перешла въ область прошедшаго, и всякая попытка продолжить ее существованіе или дѣятельность въ прежнемъ направленіи была бы безплодна и неразумна. Отъ того-то и послѣдователи Гегеля, въ одно время суевѣрные поклонники его выводовъ и невѣрные его методу, котораго строгость обличила бы ихъ внутреннія противорѣчія, уже получили въ самой Германіи насмѣшливое прозвище гегелинговъ (гегеличей или гегелятъ) и стали въ отношеніи къ своему учителю почти тѣмъ же, чѣмъ были схоластики въ отношеніи къ Аристотелю. Это уже не школа. Но въ чемъ же

состояла односторонность, и слѣдовательно ограниченность самой школы? Отвѣтъ уже сдѣланъ. Она состояла въ томъ, что философія разсудка считала себя философіею разума, а И. В. Кирѣевскій выразилъ этотъ выводъ еще яснѣе, сказавъ, что ей была доступна только истина возможнаго, а не дѣйствительнаго, или иначе, законъ, а не міръ, въ которомъ законъ проявляется.

Діалектика познанія вполнѣ соотвѣтствуетъ логикѣ познаваемаго: онѣ тождественны, но въ то же время между ними великое различіе; во первыхъ, проходя одну и ту же линію, онѣ проходятъ ее въ обратномъ другъ другу направленіи (1), во вторыхъ самому познанію, т. е. знанію отвлеченному, разсудочному—въ предметѣ доступенъ только его законъ, а не дѣйствительность его. Знаніе, противупоставляяся познаваемому, ставитъ его въ отрицательномъ отношеніи къ себѣ, но всякое отрицаніе (въ философскомъ смыслѣ) (2) ставитъ отрицаемое уже, какъ только возможное, а не дѣйствительно сущее, оставляя дѣйствительность за самимъ собою. Оно есть переводъ дѣйствительнаго въ область возможнаго, въ законъ. Знаніе въ разсудочной философіи Германіи утверждаетъ за собою дѣйствительность, а міръ является ему только, какъ возможность, какъ отвлеченный законъ: и это относится не къ познанію міра внѣшняго только, нѣтъ: оно относится точно такъ же къ міру внутреннему, къ духу, познаваемому самимъ собою. Въ немъ познаніе самаго себя является въ смыслѣ положительнаго, сущаго, а самый духъ и всѣ его прочія силы являются уже въ отрицаніи. Путь развитія извращенъ; ибо въ дѣйствительности логически-познаваемое предшествуетъ познанію (разумѣется, не силѣ познавательной), и возстановленіе закона дѣйствительности совершенно невозможно; ибо это возстановленіе должно бы опять происходить путемъ діалектическимъ, т. е. такимъ дѣйствіемъ мысли, которое по необходимости отрицаетъ вся-

---

(1) Діалектически: я познаю предметъ, — и по этому онъ существуетъ. Логически: предметъ существуетъ,—и по этому я его познаю.

(2) Слово отрицаніе принято въ смыслѣ противупоставленія *я—не я*.

кую дѣйствительность, кромѣ своей собственной (1). Мы можемъ сказать, что мы пережили нѣмецкую философію, ибо поняли ея односторонность не смутнымъ пониманіемъ неудовлетвореннаго духа, но яснымъ сознаніемъ разума. Діалектическое развитіе кантовой школы не отражаетъ вполнѣ познаваемаго (объекта), ибо отражаетъ его безъ его дѣйствительности: она не только не есть философія всецѣлаго разума, но она даже и не есть философія проявленнаго (объективированнаго) разума; ее должно признать наукою діалектическаго разсудка (аналитическаго разума), и въ этомъ смыслѣ она есть великій и безсмертный памятникъ человѣческаго генія (2).

И такъ познаваемое не отражается вполнѣ въ той сферѣ, которая одна изслѣдована философіею, т. е. въ разсудочномъ познаніи, ибо она отражается безъ своей дѣйствительности, какъ отвлеченное; но самое познаваемое въ своей полной дѣйствительности есть ли образъ духа, переходящаго къ самопознанію? Безъ сомнѣнія такъ, если законъ духовнаго развитія вѣрно понятъ: ибо кого бы познавалъ духъ, если бы онъ не познавалъ себя на степени предмета для собственнаго мышленія? Если онъ только частью переходитъ въ образъ, то онъ уже не онъ, — и образуетъ не себя, и познаетъ не себя. Слѣдовательно по закону познаваемое въ своей полнотѣ есть полный образъ духа. Но въ дѣйстви-

---

(1) Объ этомъ предметѣ и объ извращеніи развитія понятій (особенно въ гегелевомъ приложеніи къ исторіи) говорилъ я въ двухъ еще неизданныхъ статьяхъ.

(2) Она въ этомъ отношеніи сближается по преимуществу съ алгеброю и съ чистою математикою вообще, въ которой законъ количественности исключаетъ всякую дѣйствительность вещественную, ибо во всякомъ приложеніи ариѳметики, даже самомъ простомъ, одинъ изъ факторовъ принимается за чистое проявленіе количественнаго закона (рубль не множится на аршины, или обратно, но на количество). Впрочемъ тоже самое замѣтимъ мы и во всякомъ опредѣленіи, вслѣдствіе его отрицательнаго характера. Мы понимаемъ, что никакой законъ частный не можетъ проявиться самъ собою внѣ сущаго или данной (на пр. кругъ внѣ размѣра), но намъ кажется, что все сочетаніе частныхъ законовъ—законъ въ своей общности, можетъ проявиться самъ изъ себя. Они не понимаютъ, что отношеніе остается то же между закономъ и проявленіемъ. Они обусловлены сущимъ, изъ котораго возникаетъ данная, износящая съ собою свой законъ.

тельности человѣческой не то. Мы видѣли, что духъ познаваемый не переходитъ вполнѣ въ отрѣшенное познаніе (въ чемъ впрочемъ ежедневный опытъ убѣждаетъ всякаго внимательнаго наблюдателя); мы чувствуемъ, что мы сами не вполнѣ переходимъ на степень познаваемаго (объекта). Это ясно всякому,—яснѣе художнику. Но, устраняя всякіе доводы, подверженные болѣе или менѣе разумному сомнѣнію, мы остановимся только на одной силѣ духа или разума—волѣ. Отрицать ее, какъ неотъемлемую принадлежность разума, невозможно. Ея логическую несомнѣнность пойметъ всякій, кто вникъ въ идею силы, какъ общаго, какъ *всесилы;* а мы должны прибавить, что она ясно выведена Гегелемъ въ отдѣленіи о самоотрицающемся отрицаніи. (Negation der Negation). Правда, онъ ее вывелъ, какъ *свободу*, и слѣд. только какъ возможность, ибо таково свойство и такова сфера его мышленія; но *свододда въ положительномъ проявленіи силы есть воля.*

Теперь спрашивается: воля, присущая сила разума, переходитъ ли когда-нибудь на степень предмета познаваемаго (или объекта)? Никогда. Всякая мысль, вступая въ міръ явленій, вступаетъ въ тоже время въ область необходимости, и уже не представляетъ никакихъ признаковъ воли. Воля сама не переходитъ въ образъ познаваемый. Дѣйствительно, пусть человѣкъ задумаетъ себѣ хотя самую простую задачу, хотя легкое движеніе тѣла, поворотъ головы на право или на лѣво, подъемъ или опущеніе руки. До исполненія онъ чувствуетъ себя свободнымъ; онъ чувствуетъ, что воля его рѣшитъ, совершить ли ему движеніе, и въ какомъ именно направленіи. Исполнено ли движеніе? Гдѣ тогда слѣды воли? По какимъ признакамъ узнаетъ разсудочное познаніе ея присутствіе? Самъ человѣкъ стоитъ въ недоумѣніи передъ собою съ неразрѣшимымъ вопросомъ,—не былъ ли его выборъ дѣломъ необходимости? Воля для человѣка принадлежитъ области *до-предметной.* Между тѣмъ философія до сихъ поръ вѣдала только отраженіе предмета въ разсудочномъ знаніи, и если отъ нея ускользала, какъ мы сказали, самая дѣйствительность предмета, не переходящая въ это знаніе, тѣмъ болѣе была ей

вовсе недоступна область силъ, не переходящихъ въ предметный образъ; слѣдовательно недоступна была и воля. Отъ того-то ея и слѣдовъ не находишь въ германской философіи; разумѣется, я говорю о тѣхъ слѣдахъ, которые оправданы логикою науки, а не о той незаконной передёржкѣ словъ, посредствомъ которой иногда втискивается въ правильное развитіе ученія понятіе, которое изъ него не истекаетъ и даже совершенно чуждо ему, но неизбѣжно вызывается потребностями разума и умственною совѣстью человѣка (1).

Между тѣмъ, кромѣ ея важности или, лучше сказать, вседержавности въ области нравственныхъ понятій, воля дѣйствительно занимаетъ мѣсто равное самому разсудку въ опредѣленіи всѣхъ нашихъ понятій. Не нужно доказывать уже извѣстную истину, что человѣку доступно только измѣненіе его самопознанія; что внѣшнее вмѣщается въ него только, во сколько оно принято въ вѣдѣніе мысли (ибо самое ощущеніе есть только *сознаніе впечатлѣнія*), что наконецъ весь міръ есть для него такой же предметъ, такое же познаваемое (объектъ), какъ и самоявленія его внутренняго существа, его *я*. На этомъ остановилася Германія.— Одинъ предметъ, одно познаваемое. — Однакоже, какая бы ни была живость воображенія, представляющаго предметъ и ощущенія, отъ него происходящія, опѣшившій профессоръ не запрягаетъ воображаемаго коня въ воображаемую колясочку, и не старается пить воображаемое пиво изъ воображаемой кружки. Боленъ ли человѣкъ, и получили ли уже отзвуки внѣшняго міра внутри человѣка ту независимость отъ самаго человѣка, которой они не имѣютъ въ его здравомъ состояніи,—глядите,—онъ шевелитъ руками, запрягая призракъ лошади въ призракъ повозки, и жадно несетъ ко рту мнимый сосудъ. Воля въ здоровомъ состояніи отдѣляетъ самозданный предметъ отъ внѣшняго міра; отсутствіе ея или безсознательность въ больномъ уничтожаетъ

(1) Такова у Гегеля подставка *воли* вмѣсто *свободы*, подготовленная нѣсколькими предварительными пріемами софизма.

границы для самаго разумѣнія и сливаетъ образы внутренняго и образы внѣшняго въ одно хаотическое безобразіе. Предметъ внѣшній не покоренъ волѣ; предметъ внутренній ею зараждается или ею управляется, когда онъ есть невольный отзвукъ внѣшняго. Воля кладетъ на него свою печать, и если этой печати нѣтъ, предметъ мысли обращается въ призракъ, въ фантазмъ, или въ то, что мы называемъ видѣніемъ по преимуществу. Всякій предметъ, всякое познаваемое (въ качествѣ познаваемаго) одинаковы, всѣ поступаютъ въ человѣческое *я*, а за всѣмъ тѣмъ отношенія ихъ къ личному разумѣнію различны. Воля опредѣляетъ иныя, какъ *я и отъ меня*, другія, какъ *я, но не отъ меня*, обличая различіе первоначалъ, отъ которыхъ истекаетъ существованіе или измѣненіе самихъ познаваемыхъ предметовъ. Такъ воля сопровождаетъ каждое понятіе, такъ она обличаетъ первоначало, которое предшествуетъ явленію, такъ она и она одна ограничиваетъ дѣйствительные предѣлы личности. Правда, что хотя существованіе воли, какъ силы, не подвержено никакому сомнѣнію, существованіе ея, какъ силы свободной (въ лицѣ), не такъ явно. Многіе готовы ее признать за простое отношеніе частнаго центра къ силамъ общей периферіи, незамѣтно на него воздѣйствующей. Сомнѣніе это, также какъ сомнѣніе разума въ самомъ себѣ (уничтоженное Кантомъ), существуетъ не на дѣлѣ, а только на словахъ. Точно также, какъ сомнѣніе разума въ самомъ себѣ дѣйствительно невозможно вслѣдствіе всей сферы разумныхъ дѣйствій, къ которымъ оно само принадлежитъ; точно также и сомнѣніе въ волѣ невозможно для разума, вслѣдствіе всей сферы нравственныхъ сознаній, которая обусловлена сознаніемъ свободной воли, и безъ него *не могла бы существовать для разума даже въ смыслѣ призрака или фантазма, или категоріи.* Мнимое же и на словахъ высказываемое сомнѣніе объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что свободная воля, какъ допредметная сила мысли, никогда не можетъ перейти въ предметъ, познаваемый діалектическомъ разсудкомъ; во вторыхъ потому, что она въ человѣкѣ не полна и не совершенна, какъ самый разумъ, и что частное (человѣкъ) только стремится волить, какъ

оно стремится разумѣть; ибо оно само есть только стремленіе, а не бытіе въ смыслѣ сущаго.

Познаніе разсудочное не обнимаетъ дѣйствительности познаваемаго; познаваемое не содержитъ первоначала въ полнотѣ его силъ, и слѣдовательно тѣмъ менѣе можетъ оно передать его знанію даже въ отвлеченности: а между тѣмъ мы говоримъ про эту дѣйствительность, про эти непроявляемыя силы, и слѣдовательно знаемъ ихъ. Какое же это знаніе, которое не есть знаніе разсудка? Оно не имѣетъ самостоятельности, отрѣшенной отъ дѣйствительности познаваемаго, но за то оно проникнуто всею его дѣйствительностію и разумѣетъ самую связь этой дѣйствительности съ дѣйствительностію еще не проявленнаго первоначала; оно бьется всѣми біеніями жизни, принимая отъ нея все ея разнообразіе, и само проникаетъ ее своимъ смысломъ; оно самаго себя и своихъ законовъ не доказываетъ: оно въ себѣ не сомнѣвается и сомнѣваться не можетъ; въ непроявленномъ оно чувствуетъ возможность проявленія; а въ проявляемомъ узнаетъ вѣрность и законность проявленія въ отношеніи къ первоначалу; оно не похищаетъ области разсудка, но оно снабжаетъ разсудокъ всѣми данными для его самостоятельнаго дѣйствія и взаимно обогащается всѣмъ его богатствомъ; наконецъ оно знаніе живое въ высшей степени и въ высшей степени неотразимое. Это еще не всецѣлый разумъ, ибо разумъ въ своей всецѣлости объемлетъ сверхъ того всю область разсудка; это то, что въ германской философіи является иногда подъ весьма неопредѣленнымъ выраженіемъ непосредственнаго знанія (das unmittelbare Wissen), то, что можно назвать знаніемъ внутреннимъ, но что по преобладающему характеру всей области слѣдуетъ назвать вѣрою. Разумъ живъ воспріятіемъ явленія въ вѣрѣ, и отрѣшаясь, самовоздѣйствуетъ на себя въ разсудкѣ; разумъ отражаетъ жизнь познаваемаго въ жизни вѣры, а логику его законовъ въ діалектикѣ разсудка ([6]).

---

(6) Въ числѣ многихъ причинъ, почему слово вѣра никогда не занимало никакаго мѣста въ нѣмецкихъ философіяхъ, можно, кажется, полагать слабость самого слова glauben. Это что-то среднее между *вѣрю* и *мню*. Безко-

Слѣпорожденный человѣкъ пріобрѣтаетъ познанія; онъ въ полномъ кругѣ наукъ встрѣчается съ оптикою, изучаетъ ее, постигаетъ ея законы, остроумно характеризуетъ нѣкоторыя ея явленія (сравнивая, на пр., яркій багрянецъ съ звукомъ трубы), даже, можетъ быть, обогащаетъ ее нѣкоторыми новыми выводами; а дворникъ ученаго слѣпца видитъ. Кто же изъ нихъ лучше знаетъ свѣтъ? Ученый знаетъ его законы, но эти законы могутъ быть сходны съ законами другихъ силъ: быть можетъ найдется даже сила, подчиненная самому характеристическому изо всѣхъ, закону интерференцій; но кто же знаетъ что-нибудь подобное самому свѣту? Зрячій дворникъ знаетъ его; а ученый слѣпецъ не имѣетъ даже понятія о немъ, да и все то, что знаетъ объ его законахъ, знаетъ онъ только изъ данныхъ, полученныхъ отъ зрячаго. То же самое, что мы видимъ въ сопоставленіи двухъ лицъ, происходитъ въ каждомъ человѣкѣ, въ сопоставленіи знанія непосредственнаго отъ вѣры—съ знаніемъ отвлеченнымъ отъ разсудка. Это непосредственное, живое и безусловное знаніе, эта вѣра есть, такъ сказать, зрячесть разума.

Нашъ незабвенный Кирѣевскій указалъ на тѣ историческія причины, по которымъ область разсудка сдѣлалась предметомъ исключительнаго изученія въ новѣйшей философіи. Эта область въ ея полной отвлеченности одинаково доступна, сказалъ онъ, всякой отдѣльной личности, каковы бы ни были ея внутренняя высота и устроеніе. Разумѣется, онъ не думалъ утверждать, чтобы способности разсудочныя были одинаково развиты у всѣхъ людей. Онъ зналъ, что иной умъ движется также легко и свободно въ запутаннѣйшей и многосложнѣйшей сѣти діалектическихъ построеній, какъ въ простомъ обиходномъ разговорѣ, между тѣмъ какъ другой въ потѣ лица еле можетъ карабкаться по лѣстницѣ простѣйшихъ силлогизмовъ; но онъ былъ правъ, признавая въ истинѣ разсудочной одинакую для всѣхъ доступность и обязательность, ибо доступность не есть лег-

---

нечно воздѣйствіе слова на мысль. Это одно изъ проявленій умственной опеки народа надъ человѣкомъ.

кость, а только возможность добыванія. Такъ законы нравственности, красоты, жизненнаго сознанія, по ихъ безконечному разнообразію, во многомъ вовсе недоступны для многихъ, и въ своей цѣлости конечно недоступны никому, между тѣмъ какъ законы чистой математики доступны и неотразимы для всѣхъ (какъ бы горько ни доставалось ихъ изученіе въ иныхъ случаяхъ), а всѣ формулы діалектическаго разсудка въ этомъ отношеніи сходствуютъ съ чистою математикою. «Совокупленіе всѣхъ познавательныхъ способностей въ одну силу, внутренняя цѣльность ума, необходимая для сознанія цѣльной истины, не могутъ быть достояніемъ всѣхъ» (слова Кирѣевскаго). Личные разумы разнствуютъ другъ отъ друга не столько по степени ихъ разсудочности, сколько по степени зрячести.

Категорія логическихъ отношеній,—область разсудка,—крайне скудна и однообразна; явленія жизни духовной и умственной безконечны въ своемъ многообразіи; и также, какъ въ мірѣ физическомъ, органы чувствъ, для правильнаго и полнаго отправленія своего дѣла, должны быть согласны съ общими законами природы не только въ формѣ и геометрическомъ очертаніи, но и во всемъ своемъ химическомъ составѣ и динамическомъ строѣ, и различествуютъ въ разныхъ лицахъ сравнительнымъ совершенствомъ; такъ и въ мірѣ умственномъ и духовномъ, для разумѣнія истины, самый разсудокъ долженъ быть согласенъ со всѣми законами духовнаго міра, не только въ отношеніи къ логическому устроенію, но и въ отношеніи ко всѣмъ своимъ внутреннимъ живымъ силамъ и способностямъ. По этому степени разумѣнія безконечны; но за то и задача высшаго разума для сообщенія другимъ своихъ пріобрѣтеній крайне трудна, потому что (говоря словами Кирѣевскаго) «всѣ системы мышленія, исходящія изъ низшихъ степеней, понятны тому, кто стоитъ на высшей степени и видитъ ихъ ограниченность; но для мышленія, стоящаго на низшей степени, высшая непонятна и представляется неразумѣемъ.» Въ жизни бытовой опытъ убѣждаетъ близорукаго и оправдываетъ предъ нимъ дальнозоркаго, котораго онъ безъ того считалъ бы лгуномъ. Не такъ въ жизни

умственной, особенно въ ея высшихъ развитіяхъ. Опытъ или вовсе, или почти невозможенъ; а когда онъ и является на дѣлѣ, обыкновенно случается, что самодовольный близорукій успѣлъ уже умереть со всѣмъ своимъ поколѣніемъ, прежде чѣмъ историческое развитіе человѣчества оправдало его дальнозоркаго современника.

И такъ, для постиженія разумной цѣлости сущаго, для пониманія его истинной и живой дѣйствительности, для ощущенія допредметнаго движенія всесущей мысли, наконецъ, для воспріятія всего того, что, разъ принятое, опредѣляется сознаніемъ воли, какъ *я*, *но не отъ меня*, необходимъ разумъ, согласный съ законами всего разумно-сущаго, не только въ отношеніи къ діалектическому разсудку, но и въ отношеніи ко всѣмъ живымъ и нравственнымъ силамъ духа. Ибо то, что мы показали примѣромъ, взятымъ изъ міра вещественнаго, относится также строго и несомнѣнно къ міру явленій духовныхъ, и человѣкъ точно также можетъ понимать всѣ законы какаго бы то ни было нравственнаго побужденія, (скажемъ, любви), не постигая нисколько самой дѣйствительности этого побужденія — любви, и оставаясь слѣпымъ оптикомъ разумно-духовнаго міра. По этому всѣ глубочайшія истины мысли, вся высшая правда вольнаго стремленія доступны только разуму, внутри себя устроенному въ полномъ нравственномъ согласіи съ всесущимъ разумомъ, и ему одному открыты невидимыя тайны вещей Божескихъ и человѣческихъ. Это полнѣйшее развитіе внутренняго знанія и разумной зрячести было названо вѣрою по преимуществу и опредѣлено съ изумительною строгостію величайшимъ изъ Богоозаренныхъ мыслителей Церкви, который въ то же время призналъ, что оно не есть еще окончательное развитіе всецѣлаго разума (невозможное при земномъ несовершенствѣ), а только видѣніе какъ бы отражаемаго въ зеркалѣ. И мы сохранимъ это названіе той высшей ступени, которая уже такъ названа, и оставимъ названіе знанія внутренняго, можетъ быть *живознанія*, нижнимъ ступенямъ, помня однакоже, что вся лѣстница получаетъ свою характеристику отъ высшей степени — вѣры, помня также, что она не похищаетъ области раз-

судка, по своею самостоятельностію охраняетъ его свободу, и въ тоже время обогащаетъ его анализъ безконечнымъ богатствомъ данныхъ, пріобрѣтаемыхъ ея ясновидѣніемъ (1).

Уразумѣвъ, что только внутреннее, нравственное согласіе со всемірными законами расширяетъ область вѣдѣнія и возноситъ мысль до возможной для нея высоты, мы уже должны изучить самые эти законы, дабы съ ними согласовать строй собственнаго духа. Путь намъ издревле сказанъ, тотъ живой путь, который самъ ведетъ человѣка впередъ къ его высшей цѣли. Изъ всемірныхъ законовъ волящаго разума или разумѣющей воли (ибо таково опредѣленіе самаго духа) первымъ, высшимъ, совершеннѣйшимъ является неискаженной душѣ законъ любви. Слѣдовательно согласіе съ нимъ по преимуществу можетъ укрѣпить и расширить наше мысленное зрѣніе, и ему должны мы покорять, и по его строю настроивать упорное нестройство нашихъ умственныхъ силъ. Только при совершеніи этого подвига, можемъ мы надѣяться на полнѣйшее развитіе разума. Конечно философскія науки при этомъ воззрѣніи кажутся менѣе опредѣленными, менѣе доступными, чѣмъ при прежнемъ понятіи объ нихъ; но за то онѣ дѣйствительно становятся разнообразнѣе, богаче и плодотворнѣе, ибо по опредѣленію, данному Кирѣевскимъ, сама «философія есть не что иное, какъ переходное движеніе человѣческаго разума отъ области вѣры въ многообразное приложеніе мысли бытовой.»

Мы сказали, что изо всѣхъ законовъ нравственнаго міра, по которымъ разумъ долженъ строиться, чтобы получить вѣдѣніе, первымъ и высшимъ является любовь: она по преимуществу необходима для разумнаго развитія. Это положеніе само по себѣ уже богато послѣдствіями. Любовь не есть стремленіе одинокое: она требуетъ, находитъ, творитъ отзвуки и общеніе; и сама въ отзвукахъ и общеніи

(1) Это различіе знанія внутренняго или живаго и, такъ сказать, внѣшняго или формальнаго, ясно обозначено въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Православной словесности.

ростетъ, крѣпнетъ и совершенствуется. И такъ общеніе любви не только полезно, но вполнѣ необходимо для постиженія истины, и постиженіе истины на ней зиждется и безъ нея невозможно. Недоступная для отдѣльнаго мышленія, истина доступна только совокупности мышленій, связанныхъ любовію. Эта черта рѣзко отдѣляетъ ученіе Православное отъ всѣхъ остальныхъ, отъ латынства, стоящаго на внѣшнемъ авторитетѣ, и отъ протестанства, отрѣшающаго личность до свободы въ пустыняхъ разсудочной отвлеченности. То, что сказано о высшей истинѣ, относится и къ философіи. По видимому,—достиженіе немногихъ, она дѣйствительно твореніе и достояніе всѣхъ.

Такъ видимъ мы, что философское мышленіе строгими выводами возвращается къ незыблемымъ истинамъ вѣры; и разумность Церкви является высшею возможностью разумности человѣческой, не стѣсняя ея самобытнаго развитія: такъ оправдывается отдѣльная замѣтка Кирѣевскаго, что «истинныя убѣжденія благодѣтельны и сильны только въ совокупности и въ разработкѣ общественнаго самосознанія»: такъ, наконецъ, науки философскія, понятыя во всемъ ихъ живомъ объемѣ, по необходимости отправляясь отъ вѣры и возвращаясь къ ней, въ тоже время даютъ разсудку свободу, внутреннему знанію силу и жизни полноту.

Задача моя была: уяснить то ученіе, къ которому принадлежалъ покойный И. В. Кирѣевскій, и сколько могъ, я исполнилъ ее. Счастливъ, если ознакомилъ читателя съ мыслями, которыя до сихъ поръ еще не были выражены, и если мнѣ удалось быть справедливымъ къ памяти незабвеннаго дѣятеля, остановленнаго смертію на срединѣ своихъ краснорѣчивыхъ поученій.

А. Хомяковъ.

ИСТОРІЯ

ВОЗМУЩЕНІЯ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

ГЛАВА I.

Объ источникахъ. Источники отечественные: оффиціальные и частные. Источники иностранные.

Предлагая разсказъ о возмущеніи Стеньки Разина, считаемъ необходимымъ объяснить, на основаніи какихъ источниковъ онъ составленъ.

А) *Отечественные оффиціальные источники*, по свойству управленія въ древней Россіи, могли находиться только въ трехъ приказахъ съ мѣстами имъ подвѣдомственными: въ Казанскомъ, Разрядномъ и Посольскомъ.

Со времени присоединенія къ московскому государству царствъ казанскаго и астраханскаго, учрежденъ былъ особый приказъ для управленія сими областями, существовавшій и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и извѣстный подъ именемъ Казанскаго Дворца или Приказа. Мѣсто дѣйствія Разина и его сообщниковъ, принадлежало къ управленію сего приказа; а потому въ его дѣлахъ должны были находиться отписки о нихъ воеводъ Казани, Астрахани и другихъ приволжскихъ городовъ.

Но Стенька Разинъ принадлежалъ къ числу донскихъ казаковъ, изъ которыхъ первоначально состояла его шайка, собранная имъ на Дону. Донскіе казаки находились въ вѣдомствѣ Посольскаго Приказа. Въ Архивѣ сего при-

каза, въ числѣ *Донскихъ дѣлъ*, необходимо должны были сохраниться извѣстія о возмущеніи казацкомъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣдствіи оно послужило предметомъ переговоровъ съ Персіею. Такимъ образомъ и дѣла по сношеніямъ съ симъ государствомъ могли заключать въ себѣ указанія о дѣйствіяхъ Разина и его сообщниковъ.

Войска московскія въ продолженіи трехъ лѣтъ постоянно дѣйствовали противъ мятежниковъ, а всѣ воинскія распоряженія въ это время производились въ Разрядномъ Приказѣ. Разрядъ назначалъ воеводъ въ походъ, составлялъ для нихъ наказы, туда присылали они постоянно увѣдомленія о своихъ дѣйствіяхъ. Въ дѣлахъ сего приказа должны были заключаться подробнѣйшія извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ московскихъ войскъ противъ Разина, и стало быть и о предпріятіяхъ самихъ мятежниковъ.

Дѣла Посольскаго Приказа сохранились въ главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; дѣла приказовъ: Разряднаго и Казанскаго въ архивахъ старыхъ дѣлъ и Разрядномъ, находящихся при московскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената. Дѣйствительно въ сихъ архивахъ сохранились весьма важные документы, относящіеся къ возмущенію Стеньки Разина, которые удалось намъ собрать, при обязательномъ содѣйствіи начальниковъ сихъ архивовъ, князя М. А. Оболенскаго и П. И. Иванова.

Въ Разрядномъ Архивѣ хранится:

1) Только одинъ столбецъ, приказнаго стола $\frac{7178}{1670}$ года (подъ №№ общимъ 1558, и частнымъ 1-мъ), состоящій изъ производства по извѣту одного стрѣльца на боярскаго голову Боева, будто бы онъ хочетъ предаться Стенькѣ Разину (1). Въ томъ же столбцѣ въ слѣдъ за тѣмъ находится отписка воеводы боярина князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, начальствовавшаго московскими войсками въ малороссійскихъ городахъ, и царскія къ нему грамоты по случаю допроса стрѣльцевъ и курскаго попа,

(1) Объ этомъ происшествіи упоминается и въ записной книгѣ 7179 года подъ 18 Октяб. ст. 10.

находившагося «въ воровствѣ» съ Стенькою Разинымъ. Распросныя ихъ рѣчи заключаютъ любопытныя подробности о взятіи Царицына Разинымъ. Какъ архивы Приказовъ, такъ и самый Сенатскій архивъ старыхъ дѣлъ и Разрядный подвергался часто разнымъ утратамъ, и потому естественно, что многіе документы въ немъ истребились или перешли въ другія мѣста. Недостатокъ сохранившихся въ семъ архивѣ свѣдѣній о Стенькѣ Разинѣ дополняется однако же слѣдующими документами:

2) Въ Московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранилось въ числѣ приказныхъ дѣлъ $\frac{7178}{1670}$ года «дѣло по отпискамъ астраханскаго и царицынскаго воеводъ о грабежѣ и воровствѣ Стеньки Разина съ товарищами, тутъ же и распросныя ихъ рѣчи.» Это дѣло составляетъ только выписку изъ подлинныхъ отписокъ означенныхъ выше воеводъ, хранившихся въ Приказѣ казанскаго дворца, которыя должны бы находиться въ настоящее время въ Сенатскомъ архивѣ, куда перешли всѣ архивы всѣхъ Приказовъ. Подлинное дѣло утратилось; сохранившаяся же подробная изъ него выписка почти совершенно замѣняетъ самое дѣло. Она начинается слѣдующею отпискою изъ Казанскаго Приказа въ Посольскій:

«Лѣта 7178 Февраля... по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Указу, боярину Афонасью Лаврентьевичу Ордыну-Нащокину да думнымъ дьякамъ Герасиму Дохтурову да Лукьяну Голосову и дьяку Ефиму Юрьеву. Указалъ Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ съ Астраханскихъ и съ Терскихъ и съ Царицынскихъ отписокъ списки, а изъ иныхъ отписокъ выписки учинить о воровствѣ..... Стеньки Разина.... изъ приказу Казанскаго Дворца, послать для вѣдома въ Посольскій Приказъ. А изъ Казанскаго Приказа писать о воровствѣ Стеньки Разина съ товарищи на Донъ къ Донскимъ казакамъ. Да въ нынѣшнемъ во 7178 году Генваря въ 23 день писалъ къ Великому Государю изъ Астрахани боярин и воевода Князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій

съ товарищи: что билъ челомъ Великому Государю Кизилъ-башскаго Шаха купчина. . . . . Калибекъ и сынъ. . . . . Селанбетъ. . . . . которыхъ взяли они, боярин и воеводы, у воровскихъ казаковъ у Стеньки Разина съ товарищи, чтобъ Великій Государь пожаловалъ всѣхъ ихъ изъ Астрахани отпустить купчину и сына его къ Москвѣ, а Маметъ Хана сына съ товарищи въ Шахову область. Да подъ тою отпискою роспись о неправдахъ Шаховы области Хановъ и иныхъ начальныхъ людей. И съ тое отписки и съ росписи списокъ указалъ Великій Государь послать въ Посольскій же приказъ, а купчину и сына его къ Москвѣ, а Мамедъ Ханова сына съ товарищи отпустить въ Шахову область, какъ въ Астрахань будетъ сыщикъ. И по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, съ тѣхъ Астраханскихъ и съ Терскихъ и съ Царицынскихъ отписокъ *списки*, а изъ иныхъ *выписки* посланы изъ приказу Казанскаго Дворца въ Посольскій приказъ къ тебѣ боярину къ Афонасью Лаврентьевичу и къ думнымъ дьякамъ къ Герасиму Дохтурову да Лукьяну Голосову и къ дьяку къ Ефиму съ его памятью за дьячьею приписью; » подписалъ « Дьякъ Петръ Моисеевъ. »

Внизу помѣта: « Принять и выписать тотчасъ, про Стеньку Разина; что пристойно, писать на Донъ къ казакамъ. »

Эта отписка не оставляетъ никакого сомнѣнія о происхожденіи упомянутаго выше дѣла. Она состоитъ изъ 31 статьи выписокъ или цѣлыхъ списковъ съ отписокъ астраханскихъ воеводъ князей Хилкова и Прозоровскаго, царицынскаго воеводы Уньковскаго, терскаго князя Петра Прозоровскаго, симбирскаго князя Дашкова и саратовскаго князя Пріимкова-Ростовскаго. Упомянутыхъ въ заглавіи распросныхъ рѣчей въ дѣлѣ не находится, если только подъ этимъ именемъ не разумѣются показанія посланцевъ казацкихъ въ Москву съ повинною отъ Стеньки Разина послѣ перваго возмущенія, дѣйствительно находящіяся въ этомъ дѣлѣ. Сіи отписки начинаются съ Іюля $\frac{7175}{1667}$ года и продолжаются до Августа $\frac{7177}{1669}$ года. Въ концѣ дѣла приложенная « Роспись о Кизильбашскихъ вѣстяхъ и о не-

правдахъ Шаховы области Хановъ и Султановъ, » которая относится уже къ 25 Январю $\frac{7179}{1671}$ года. Въ этомъ дѣлѣ заключаются извѣстія о цѣломъ рядѣ происшествій, почти съ начала перваго возмущенія Разина до его мнимой покорности и возвращенія на Донъ.

3) Въ собраніи покойнаго любителя древностей русскихъ, П. Ѳ. Карабанова, находился столбецъ изъ 310 листковъ, состоящій изъ отписокъ воеводъ о дѣйствіяхъ противъ Стеньки Разина и его сообщниковъ. Эти драгоцѣнные для русской исторіи документы объясняютъ почти все второе возмущеніе Разина. Столбецъ состоитъ изъ 49 отписокъ къ царю Алексѣю Михайловичу князя Юрья Алексѣевича Долгорукаго, главнаго начальника войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Стеньки Разина, его подручныхъ воеводъ, князей Юрья и Даніила Борятинскихъ, воеводъ тамбовскаго—Хитрова, симбирскаго — Милославскаго, арзамасскаго—Шепсупова, казанскаго — князя Урусова и другихъ, изъ 12 царскихъ грамотъ воеводамъ и наказовъ, 10 челобитныхъ и 17 распросныхъ рѣчей.

Воеводскія отписки начинаются съ Августа $\frac{7178}{1670}$ года и продолжаются до конца $\frac{7180}{1672}$ года. Въ нихъ заключаются подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ московскихъ войскъ противъ полчищъ Разина, начиная съ осады Симбирска до окончательнаго уничтоженія повсюду мятежниковъ. Сеунщикамъ или гонцамъ, привозившимъ отписки, поручалось подавать ихъ « въ Приказъ казанскаго дворца боярину князю Якову Никитичу Одоевскому съ товарищи. » Эта приписка, находящаяся почти на всѣхъ грамотахъ, съ отмѣтками Казанскаго Приказа, а иногда и самаго князя Одоевскаго, доказываютъ, что этотъ столбецъ принадлежалъ къ числу дѣлъ Казанскаго Приказа, и потому долженъ бы находиться въ Сенатскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ.

4) Въ числѣ сохранившихся въ Государственномъ Разрядномъ архивѣ книгъ находится « Записная книга Московскаго стола » $\frac{7179}{1671}$ года подъ № 17, писанная современною скорописью въ листъ на 419 л. Книги этого рода велись въ разныхъ столахъ Разряда, и довольно разнообразно. Иногда они похожи на Разрядныя, но отличаются отъ нихъ толь-

ко большимъ разнообразіемъ содержанія; иногда они сходны съ современными реэстрами входящихъ бумагъ: въ нихъ вносилось краткое содержаніе каждой поступавшей въ Разрядный Приказъ бумаги. Описываемая книга принадлежитъ ко второму разряду и относится къ тому времени, когда войска, подъ предводительствомъ князя Долгорукаго состоявшія, дѣйствовали противъ полчищъ Разина. Такъ какъ всѣ его отписки и воеводъ ему подручныхъ посылались въ Казанскій Приказъ, по этому въ ней мало сохранилось указаній на дѣйствія московскихъ войскъ. Но эта книга представляетъ единственный извѣстный намъ источникъ о дѣйствіяхъ малороссійскихъ войскъ въ это время, находившихся подъ предводительствомъ князя Гр. Гр. Ромодановскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и не многими извѣстіями, она дополняетъ однакоже наши свѣдѣнія о дѣйствіяхъ другихъ воеводъ, городскихъ, особенно тамбовскаго и козловскаго.

5) Въ дополненіе къ извѣстіямъ, заключающимся въ указанныхъ источникахъ, слѣдствіе, произведенное по общему порядку надъ Разинымъ и его сообщниками, должно бы наиболѣе представить данныхъ для объясненія происшествія. Но изъ сохранившихся документовъ можно замѣтить, что общаго слѣдствія, по всей вѣроятности, и производимо не было. Воеводамъ, дѣйствовавшимъ противъ Разина, дано было право допрашивать плѣнныхъ, судить и наказывать по мѣрѣ вины; а раскаявшихся жителей селъ и деревень, увлеченныхъ обманомъ въ дѣйствія враждебныя правительству миловать и приводить только вновь къ присягѣ. Такимъ образомъ станъ воеводскій былъ вмѣстѣ и судною палатою. Иностранный писатель, современникъ происшествія, говоритъ, что въ станѣ князя Долгорукаго, въ Арзамасѣ производились судъ и казни надъ мятежниками. «Ужасно было взглянуть на этотъ городъ; предмѣстья были похожи на адъ. Повсюду стояли висѣлицы, на которыхъ висѣло по сороку и пятидесяти человѣкъ. Въ другихъ мѣстахъ лежали еще свѣжіе куски человѣческихъ тѣлъ, дымившихся кровью. По мѣстамъ находились преступники, сидѣвшіе на кольяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые

жили до трехъ дней и даже говорили. Въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ 11-ть тысячъ человѣкъ было казнено, послѣ формальнаго суда и допроса свидѣтелей. Князь Долгорукій самъ присутствовалъ на мѣстѣ суда и расправы» (2). Нельзя сказать утвердительно, до какой степени справедливо свидѣтельство иностранца въ этомъ случаѣ, однакоже въ донесеніяхъ воеводъ сохранилось довольно указаній о томъ, что они вмѣстѣ съ военными дѣйствіями производили судъ и расправу; но самыхъ допросовъ виновныхъ почти не сохранилось. Кажется, исключая немногихъ случаевъ, они вовсе не доставляли ихъ въ Москву, имѣя полномочіе сами безотчетно дѣйствовать въ этомъ отношеніи. Къ такому заключенію приводитъ насъ то обстоятельство, что воеводы въ своихъ донесеніяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ не упоминаютъ о томъ, что посылаютъ въ Москву допросы, исключая немногихъ случаевъ. Эти допросы или, лучше сказать, показанья плѣнниковъ и сохранились въ составѣ описаннаго выше столбца. Слѣдствіе надъ Разинымъ и его братомъ Фролкою, производившееся въ Москвѣ, также не сохранилось; уцѣлѣли только въ отрывкѣ смертный приговоръ, имъ прочтенный передъ казнью, и одно показанье Фролки Разина о зарытыхъ его братомъ письмахъ и имуществѣ на одномъ изъ донскихъ острововъ. Одинъ только изъ иностранныхъ писателей, современникъ происшествію, упоминаетъ объ этомъ слѣдствіи, замѣчая, « что оба брата Разины были пытаны; но никто не знаетъ навѣрное, что они показали. Говорятъ только, что Разинъ былъ очень огорченъ смертію своего брата, казненнаго княземъ Долгорукимъ » (3). Какъ показаніе Фролки Разина, такъ и отрывокъ смертнаго приговора, хранятся въ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Послѣдній составлялъ бы одинъ изъ самыхъ важныхъ документовъ, относящихся до исторіи возмущенія Стеньки Разина, ибо въ приговорахъ прежняго времени излагались подробно всѣ вины преступника. Такимъ образомъ приговоръ Разину

(2) Relation des particularités de la Rebellion de S-co Razin. стр. 23.
(3) Тамъ же, стр. 30.

долженъ бы заключать хотя краткую, но вмѣстѣ съ тѣмъ полную, исторію всѣхъ его дѣйствій, оффиціально засвидѣтельствованную. Отрывокъ, въ которомъ заключается окончаніе приговора, показываетъ, что въ такомъ именно видѣ и былъ составленъ весь приговоръ. Чрезвычайно была бы важна утрата большей половины приговора, еслибъ не могла быть вознаграждена современными переводами на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ всего приговора. Въ концѣ одного изъ современныхъ происшествію иностранныхъ сочиненій, о которомъ мы будемъ говорить далѣе, находится этотъ приговоръ вполнѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

« Sentence de mort contre Stenko-Razin, lue au lieu de l'exécution le 6 Juin 1671.» (4).

У Вебера, въ « Veraendertes Russland » (5), находится, съ небольшими сокращеніями, тотъ же самый приговоръ, вѣроятно заимствованный имъ изъ того же сочиненія, вышедшаго въ нѣмецкомъ переводѣ почти въ одно время съ французскимъ. Отрывокъ подлиннаго приговора слово въ слово сходенъ съ указаннымъ переводомъ, что̀ можетъ служить доказательствомъ, что переводъ вѣренъ и можетъ быть принятъ за достовѣрный источникъ и въ отношеніи къ первой половинѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ указанныя въ немъ событія подтверждаются во всѣхъ подробностяхъ другими источниками, оффиціальными.

6) Послѣ занятія Астрахани московскими войсками, боярин Милославскій вовсе не производилъ слѣдствія, пользуясь, вѣроятно, правомъ миловать по царскому повелѣнію бунтовщиковъ, въ случаѣ ихъ раскаянія; Астрахань же окончательно сдалась безъ бою. Была ли эта простая придирка, и воевода дѣйствовалъ такъ по иными причинамъ, отчасти объясненнымъ произведеннымъ потомъ изслѣдованіемъ, во всякомъ случаѣ Милославскій не только не судилъ и не наказывалъ мятежниковъ, но многихъ изъ нихъ взялъ къ себѣ въ услуженье, а другіе жили свободно въ Астрахани

(4) Тамъ же, стр. 31.

(5) Das veränderte Russland. Francf. u Leipz. 1741. 1 Th. стр. 317 — 23.

до пріѣзда туда воеводы князя Якова Никитича Одоевскаго въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1672. Князь Одоевскій былъ назначенъ на воеводство, какъ видно, съ цѣлію произвести изслѣдованіе о сообщникахъ Разина. Не доѣхавъ еще до Астрахани, изъ Царицына онъ уже писалъ царю, что ему удалось узнать « когда де Стенька Разинъ былъ съ ворами и единомышленниками своими въ Царицынѣ, и ему де Стенькѣ былъ любимой приходъ въ монастырѣ у казначея Аарона, и ѣлъ и пилъ съ нимъ за одно. » Аарона и еще другаго старца Іосифа, который « былъ въ Астрахани въ воровствѣ и съ Преосвященнаго Іосифа Митрополита одежду его святительскую снималъ » ([6]), князь Одоевскій отправилъ въ Астрахань. Увѣдомляя о семъ царя, онъ просилъ приказанія, какъ слѣдуетъ поступить съ ними.

Въ слѣдъ за этимъ увѣдомленіемъ послѣдовали царскіе указы о производствѣ слѣдствія:

1) « О деньгахъ воровскихъ, оставшихся въ Троицкомъ монастырѣ », о которыхъ докладывалъ государю князь Одоевскій еще въ Москвѣ, будучи начальникомъ Казанскаго Приказа.

2) « О попѣ Васильѣ, что былъ во многомъ воровствѣ съ казаками, и кто въ томъ дѣлѣ съ нимъ иные духовнаго чину были. »

3) О другихъ «гулящихъ людяхъ,» принимавшихъ участіе въ мятежѣ, «для чего они во дворъ пошли къ боярину и воеводѣ Ивану Богдановичу Милославскому и къ инымъ. Всѣхъ такихъ людей велѣно было допросить, и, сыскавъ ихъ вины, будетъ доведутца смерти, велѣть вѣшать, а будетъ не доведутца, прислать къ Москвѣ. Наконецъ:

4) «Боярина и воеводу Ивана Богдановича и иныхъ, къ кому такіе боярскіе люди пошли, допросить и взять у нихъ списки за руками: для чего они такихъ воровъ къ себѣ во дворъ приняли, забывъ Великаго Государя и не дождався на тѣхъ воровъ за ихъ воровство Великаго Государя указу.»

Всѣ эти обстоятельства составили предметъ слѣдствія, произведеннаго княземъ Одоевскимъ. Бояринъ Милослав-

(6) Акты истор. IV № 202. XXXVIII и XXXIX.

скій самъ оказался въ числѣ подсудимыхъ, у него во дворѣ нашлось до 30 человѣкъ изъ числа мятежниковъ. Въ показаніи онъ объяснилъ, что бралъ ихъ къ себѣ во дворъ «служа Великому Государю, по государевымъ грамотамъ, вины имъ всѣ отданы и государскою милостію уволены и велѣно ихъ распустить по верховымъ городамъ, гдѣ кто жилъ.» Даже предводитель разбойничей шайки, одинъ изъ ближайшихъ подручниковъ Разина, Ѳедька Шелудякъ, жилъ на свободѣ. При допросахъ оказалось, что не одно помилованье, дарованное государемъ мятежникамъ, служило причиною такой снисходительности Милославскаго. Одинъ изъ казаковъ показалъ, что онъ взялъ у него «перстень съ каменьемъ да шапку лисью горлатную,» другой «далъ ему папсырь» или «саблю да шубу купью подъ камкою»; и т. под. (7).

Слѣдственное дѣло, произведенное княземъ Одоевскимъ, сохранилось въ ризницѣ астраханскаго Успенскаго собора и въ тамошнемъ губернскомъ правленіи и напечатано Археографическою Коммисіею въ IV т. Актовъ Историческихъ подъ №№ 202 и 226. (8) Къ № 202 присоединено XXXVII актовъ въ началѣ, не относящихся къ слѣдствію, но составляющихъ часть особаго дѣла: переписки астраханскихъ воеводъ съ царемъ по случаю возмущенія Разина. Эта послѣдняя переписка дополняетъ значительно дѣло, описанное выше (8), и состоящее изъ такихъ же отписокъ.

7. Въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранилось въ числѣ донскихъ дѣлъ и по сношеніямъ съ Персіею нѣсколько довольно важныхъ документовъ въ отношеніи къ возмущенію Разина, которые послужили источникомъ для сего сочиненія, дополнительнымъ къ тѣмъ, которые выше описаны. Къ тому же числу должно присоединить и нѣкоторые другіе, заимствованные изъ

(7) Акты истор. № 202. XL. XLII. XLIII. LXII. LXIII. LXIV и др. № 226. I. II. III.

(8) Въ Актахъ истор. IV. № 202. XL, въ примѣчаніи по сему донесенію кн. Одоевскаго, хотя издатели и замѣчали, что «заручныхъ сказокъ не оказалось»; но онѣ помѣщены далѣе № 226, I и II.

архивовъ симбирской гражданской палаты и курмышскаго уѣзднаго суда, сообщенные намъ г. Невоструевымъ.

Б. Кромѣ оффиціальныхъ отечественныхъ источниковъ, сохранилось нѣсколько и *частныхъ сказаній* о дѣйствіяхъ Разина. Въ одной изъ рукописей библіотеки Царскаго, принадлежащей нынѣ графу А. С. Уварову, (9) находятся: 1-е «Сказаніе лѣтописи о градѣ Астрахани и о страданіи Іосифа Митрополита Астраханскаго и Терскаго и боярина и воеводъ князя Іоанна Семеновича Прозоровскаго со товарищи, и Московскихъ головъ стрѣлецкихъ Дмитрія Полуектова, Алексѣя Соловцова, и дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые за святую Соборную Апостольскую Церковь и за Великаго Государя добрѣ пострадаша, отъ воровъ и измѣнниковъ Донскихъ казаковъ, отъ Степана Разина съ товарищи и отъ измѣнниковъ Астраханскихъ жителей, въ Астрахани и на Волгѣ, Яикѣ и польнымъ градомъ побиты; чтобы впредь тѣхъ новыхъ страдальцевъ мученіе ихъ незабвенно было во вся роды.»

2. Списокъ съ дѣла, которое подано въ Астрахани боярину Якову Никитичу Одоевскому съ товарищи.

3. «О приходѣ подъ Астрахань съ ратными людьми боляpина и воеводы Ивана Богдановича Милославскаго.»

Второе сказаніе слово въ слово сходно съ показаніемъ о убіеніи митрополита Іосифа, поданнымъ князю Одоевскому соборными астраханскими священниками и напечатаннымъ въ актахъ историческихъ. Только въ концѣ находится незначительное прибавленіе (10).

---

(9) Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. И. Царскому, опис. И. Строевымъ. М. 1848. № 430, стр. 530. Такія же рукописи находятся въ Александро-Невской лаврской библіотекѣ и въ Патріаршеской. См. Словарь свѣтскихъ писателей Митрополита Евгенія подъ слов. Золотаревъ.

(10) Въ концѣ этого «списка» прибавлено: Лѣта 7109-го Февраля мѣсяца въ 12 день зимою: прійдѣ ратію большаго и малаго нагая мурза Янгурчай Куватовъ съ дѣтьми своими и съ племянники и съ горскими Черкассы и съ Крымскими Татары подъ Астрахань, что прежде сего отошелъ отъ Астрахани предъ воровскими казаками, на Едисанскихъ Татаръ Слюнчѣва Улуса Андулова, который убѣжалъ у Калмыкъ, и всѣхъ ихъ полѣпили и скотину у нихъ всю и животы пограбили и ихъ въ горы и въ Крымъ отвезли, бою же у нихъ было много чрезъ весь день. Слючь Мурза и Епматметъ Мурза Еплевъ въ то время засажены были въ городѣ,

Первое сказаніе начинается краткою повѣстью о первомъ возмущеніи Разина, съ прибавленіемъ перевода двухъ писемъ «Турскаго и Индейскаго письма» о землетрясеніи, случившемся въ это время въ Персіи и о «знаменіяхъ», бывшихъ въ Астрахани. За тѣмъ начинается съ большею подробностію разсказъ о второмъ возмущеніи Разина, оканчивающійся удаленіемъ его изъ Астрахани и походомъ подъ Симбирскъ.

Третье сказаніе состоитъ изъ разсказа о взятіи Астрахани боярином Милославскимъ. Въ концѣ прибавлено извѣстіе о пребываніи въ Астрахани Маріи Мнишекъ, мученіи архіепископа Ѳеодосія и происхожденіи митрополита Іосифа.

Всѣ три сказанія составляютъ одно цѣлое, и потому можно предполагать, что составлены одними и тѣми же лицами. Эти лица поименованы въ показаніи, поданномъ ими князю Одоевскому: «Соборные попы Кирилло Алексѣевъ

у нихъ воровъ казаковъ въ мѣсто атамановъ и сидѣли до приходу подъ городъ боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославскаго, въ тоже время между тою татарскаго бою много погибло и Юртовскихъ Татаръ самихъ и скотину и рухледь всякую и женъ и дѣтей ихъ поймали.

О ПТИЧЬЕ БОЮ.

Послѣ даже того на степи за деревяннымъ городомъ учинился бой у городовыхъ воронъ, которыя кормятся около города, съ степными воронами и между собою побились до смерти, сказываютъ же иныя бои у нихъ были кромѣ того въ иномъ мѣстѣ.

Послѣди же того, какъ убили они воры и богоотступники Преосвященнаго Іосифа Митрополита и взяли стольника и воеводу князя Симеона Ивановича Львова на зеленой дворъ и пытавъ за палатою изрубили, да въ кругу своемъ срубили голову Астраханскаго Ивана Лаврентьева сына меньшаго Протопопова да подъячаго Ивана Порѣякова, да посадскихъ людей Афанасія Комарова, да Никиту Мусорина, а иныя оставшія люди, бывшій Троицкой Архимандритъ Никифоръ да Вознесенскаго монастыря игуменъ Силверстъ и приказныя палаты подъячія и Митрополичьи дѣти боярскія и люди боярскія и посадскія, всѣ укрывались въ степи у Юртовскихъ Татаръ въ Улусѣхъ, у Казы Мурзы Алеева сына Урусова да у сотниковъ татарскихъ у Шемяки Араслаева съ товарищи. Они ихъ поили и кормили до приходу боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославскаго, а иныя бѣгали отъ нихъ въ косы къ морю, по островамъ жили и кормилися рыбою, въ то же время во градѣ гладъ бысть, потому что не стало хлѣба, Татары и русскія люди многія тогда отъ глада помирали, а иныя кормилися рыбою и икрою безъ хлѣба.

и Петръ Ивановъ.» По ихъ порученью писалъ показанье митрополичій сынъ боярскій Петрушка Алексѣевъ сынъ Золотаревъ, «бывшій самъ свидѣтелемъ произшествія» (11).

Эти сказанія подтверждаются выше описанными оффиціальными документами и во многихъ случаяхъ дополняютъ ихъ извѣстія подробностями, которыя только и могли сообщить свидѣтели происшествія. Въ этомъ отношеніи онѣ составляютъ одинъ изъ важныхъ источниковъ для исторіи возмущенія Стеньки Разина.

Въ Хронографахъ встрѣчаются также сказанія о возмущеніи Стеньки Разина, краткія и въ главныхъ чертахъ сходныя совершенно съ однимъ изъ нихъ, болѣе подробнымъ и изданнымъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и Извѣстіяхъ о ученыхъ дѣлахъ Императорской Академіи Наукъ, 1763 года.» (12).

Они не представляютъ ничего новаго и важнаго въ сравненіи съ источниками, о которыхъ говорено выше. Одно только изъ такихъ сказаній, напечатанное въ Москвитянинѣ 1841 года, (13) отличается отъ всѣхъ другихъ по изложенію происшествія. Такъ разсказываетъ оно о возмущеніи Разина: онъ долго разбойничалъ на Волгѣ; потомъ, услыша походъ противъ себя царскихъ ратныхъ людей, пошелъ въ Персію. Возвратившись назадъ, извѣстилъ астраханскаго воеводу, что идетъ «съ немалыми казацкими силами съ повинною къ царю, имѣетъ при себѣ великія богатства и сокровища, персидскія всякія драгія вещи, которыя онъ везетъ къ Его Царскому Величеству, да къ тому жъ обѣщеваетъ не токмо взятыя имъ на Каспійскомъ морѣ острова въ подданство къ Россіи привесть, но и другія многія побѣды тамо обѣщеваетъ, только бъ милость Его Царскаго Величества воспослѣдовала въ прощеніи его перваго злодѣянія. Царь, получивъ извѣстіе о подвигахъ Разина въ Персіи и на Каспійскомъ морѣ и объ его раскаяніи, простилъ его и

(11) Акты истор. IV. № 226. IV. стр. 491.
(12) Мѣсяцъ Ноябрь. стр. 409—425.
(13) Томъ IV, стр. 165—170.

велѣлъ отправить въ Москву для прямаго извѣстія о тѣхъ островахъ.» Но воевода астраханскій, увлекаемый корыстью, задерживалъ Разина въ Астрахани и бралъ у него разныя вещи, имъ въ Персіи добытыя. Разинъ и его казаки были недовольны его дѣйствіями, и когда наконецъ онъ отнялъ богатую шубу у ихъ атамана, они взбунтовались, взяли Астрахань, убили воеводу и многихъ жителей и подняли мятежъ, простиравшійся «по рѣкѣ Волгѣ даже до Нижняго Новгорода и по Украйну до Резани.»

Ни одно изъ современныхъ свидѣтельствъ, ни оффиціальныхъ, ни частныхъ, не доказываетъ, чтобы Разинъ когда либо предлагалъ въ подданство Россіи острова на Каспійскомъ морѣ, которыхъ онъ никогда и не завоевывалъ. Никогда царь, для развѣдыванія «о тѣхъ островахъ», не требовалъ его въ Москву, и Разинъ никогда и не собирался туда ѣхать. Взялъ онъ Астрахань вовсе не въ первое свое въ ней пребываніе по возвращеніи изъ Персіи, но возвратился оттуда на Донъ, и на другой годъ появился на Волгѣ съ сильнѣйшею шайкою и уже взялъ Астрахань. Однимъ словомъ, все происшествіе въ этомъ сказаніи представлено невѣрно и искажено. По этому и самое обвиненіе въ корыстолюбіи астраханскаго воеводы, хотя частію и подкрѣпляемое нѣкоторыми другими извѣстіями, не можетъ заслуживать однакоже полнаго довѣрія.

Г. Погодинъ, издавая это сказаніе, примѣчаетъ, «что оно имѣетъ всѣ признаки современной достовѣрности». Дѣйствительно, способъ разсказа и языкъ свидѣтельствуютъ, что сказаніе это почти современно происшествію; но очевидно, что оно писано по слухамъ и разсказамъ народнымъ, писателемъ, вовсе незнакомымъ съ самымъ происшествіемъ. Потому оно любопытно только, какъ современная происшествію молва о немъ народная. Въ этомъ смыслѣ мы и пользовались имъ въ нашемъ сочиненіи, нисколько не придавая ему значенія достовѣрнаго источника.

Кромѣ сказаній вообще о возмущеніи Разина, въ рукописныхъ сборникахъ находятся сказанія объ осадѣ монастыря Макарья Желтоводскаго одною изъ его шаекъ. Оно любопытно, какъ единственный источникъ, въ которомъ

заключаются нѣкоторыя подробности объ этомъ происшествіи.

В. Наконецъ, при изложеніи исторіи возмущенія Стеньки Разина, слѣдовало обратить вниманіе на источники иностранные — особенно сказанія современниковъ, очевидцевъ происшествія, или по крайней мѣрѣ находившихся въ это время въ Россіи.

1. Первое между ними мѣсто должно принадлежать Страусу. Въ его Sehr schwere, widerwertige und merkwürdige Reisen, durch Italien, Griechenland, Liefland, Moscau, Tartarei, Meden, Persien, Türkei, Ost-Indien, Japan und unterschidliche andere Länder. Amsterdam. 1678. (14) —онъ описываетъ свое путешествіе въ Россію, пребываніе въ Москвѣ, потомъ поѣздку Москвою рѣкою до села Дѣдова, въ зарайскомъ уѣздѣ рязанской губерніи, и оттуда на первомъ русскомъ кораблѣ до Астрахани. Корабль Орелъ находился тамъ въ то время, когда Разинъ возвратился изъ Персіи, и потомъ дождался его прихода на другой годъ и былъ имъ сожженъ. Страусъ былъ очевидцемъ перваго пребыванія Разина въ Астрахани. Втораго онъ не дождался, и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими иностранцами въ Персію. Страусовы путешествія въ Персію, Турцію, Индію и другія страны считаются баснословными въ европейской литературѣ. (15). Это недовѣріе перешло и къ намъ, и выражено Миллеромъ и за нимъ Аделунгомъ въ отношеніи къ извѣстіямъ его объ Россіи, (16) между тѣмъ какъ его извѣстія точнѣе многихъ другихъ иностранныхъ писателей, пользующихся извѣстностію. Почти все, что онъ сообщаетъ объ о Стенькѣ Разинѣ, подтверждается другими источниками и доказываетъ, что онъ дѣйствительно въ это время былъ въ Россіи. Нѣкоторыя неточности, свойственныя вообще всѣмъ иностраннымъ писателямъ о Россіи, еще не могутъ

(14) Въ приложеніяхъ мы помѣщаемъ это сказаніе вполнѣ, заимствовавъ его изъ одного сборника, принадлежащаго Археографической Коммиссіи.

(15) Bibliothèque franç. ou histoire litt. de la France.

(16) Sammlung russischer Geschichte т. VII стр. 499. Adelung's kritisch-litter. Uebersicht der reisenden in Russland. T. II, стр. 345.

служить поводомъ къ недовѣрію къ Страусу. Но важнѣе его собственнаго разсказа изданные имъ въ приложеніи къ своему путешествію два дневника, писанные на кораблѣ Орлѣ.

1. Abschrift eines Briefes, geschrieben aus Ihrer Czarischen Majest. Schiffe genennet der Adler, liegende zum Ancker for der Stadt Astracan. Gegeben den 24 Sept. St. Vet. anno 1669.

Въ немъ излагается поѣздка 28 Мая изъ Москвы въ Дѣдиово и оттуда на кораблѣ Орлѣ до Астрахани, куда корабль прибылъ 17-го Августа. Дневникъ продолжается до 23 Августа и описываетъ первое пребываніе Разина въ Астрахани.

2. Copia oder Abschrift eines Briefes, geschrieben in der Koeniglichen Persischen Hoff-und Haupt-Stadt Ispahan von Capitayn David Butlern dem 6 Martii 1671 ([17]).

Давидъ Бутлеръ былъ капитаномъ корабля Орла. Онъ оканчиваетъ свой дневникъ слѣдующими словами: «все, что я здѣсь написалъ, справедливо, я самъ видѣлъ, слышалъ и испыталъ.» Дѣйствительно: всѣ обстоятельства, встрѣчающіяся въ разсказѣ, подтверждаются русскими источниками. Онъ описываетъ защиту Астрахани, взятіе ея Разинымъ, дѣйствія тамъ мятежниковъ, и наконецъ свой побѣгъ и путешествіе по Персіи. Для образца справедливости показаній Бутлера, изъ числа многихъ обстоятельствъ приведемъ слѣдующее: Бутлеръ разсказываетъ ([18]), какъ онъ, послѣ взятія Астрахани казаками, съ аптекаремъ бѣжалъ изъ города, въ лодкѣ вышелъ къ устью рѣки и, путеводимый рыбаками, прибылъ на рыбную ловлю Ivanova Ustjugh. Тамъ онъ встрѣтилъ только что пріѣхавшаго изъ Терковъ голову Лопатина съ 46 стрѣльцами, разсказалъ ему о взятіи Астрахани и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ Терки, но былъ пойманъ его же стрѣльцами, которые взбунтовались, и приведенъ въ Астрахань. При слѣдствіи, произведенномъ княземъ Одоевскимъ, стрѣльцы говорили: «были они на службѣ съ головою Лопатинымъ въ Теркахъ и съ

(17) Straussen's Reisen стр. 206—23.
(18) Тамъ же, стр. 213.

тоя службы ѣхали въ Астрахань въ прошломъ 180 году; и, пріѣхавъ на Учюгъ-Увары, прибѣжали къ нимъ изъ Астрахани карабельнаго дѣла капитанъ. . . Бутлуръ да Лекарь Яганъ, да съ ними астраханецъ Ивашко Ввощиковъ, а сказали имъ иноземцы, что астраханскіе жители измѣнили.

Другой стрѣлецъ подтвердилъ тоже, прибавивъ: и Матвѣй де Лопатинъ съ товарищи съ Нѣмцы побѣжалъ было съ Учюга назадъ на Теркъ; «по потомъ его съ Нѣмцы перепяли на взморьѣ и привезли въ Астрахань» собственные же его стрѣльцы, задумавшіе послѣ его отъѣзда съ Учюга присоединиться къ мятежникамъ. (19) Даже числа, приводимыя Бутлеромъ, подтверждаются сказаніемъ Золотарева.

Эти два дневника гораздо важнѣе по извѣстіямъ въ отношеніи къ возмущенію Разина, нежели разсказъ Страуса, впрочемъ совершенно сходный съ ними въ главныхъ обстоятельствахъ. Бутлеръ упоминаетъ о Страусѣ, какъ русскомъ мастерѣ на кораблѣ Орлѣ. Это могло бы служить уже доказательствомъ, что сей послѣдній дѣйствительно былъ въ это время въ Россіи, еслибъ и въ русскихъ оффиціальныхъ документахъ не упоминалось его имя, которое однакоже упоминается нѣсколько разъ (20).

2. Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin contre le Grand Duc de Moscovie. La naissance, le progrès et la fin de cette rebellion, avec la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son exécution. Traduit de l'anglois, par C. Desmares, à Paris chez Frederic Leonard, imprimeur du Roy. MDCLXXII.

Это сочиненіе заключаетъ довольно подробный и, кромѣ собственныхъ именъ и названій, искаженныхъ иностранцемъ, справедливый разсказъ о возмущеніи Разина. Въ заключеніи къ нему приложенъ переводъ смертнаго приговора Разину и его брату, о которомъ упомянуто выше. Онъ оканчивается словами: «Всемогущій Богъ да подастъ побѣду надъ всѣми его врагами Великому Царю Алексѣю

(19) Акты истор. IV. № 202. LXXVI. LXXVII.
(20) Straussen's Reisen. стр. 222.

Михайловичу.» Французскій переводчикъ прибавляетъ примѣчаніе: «молитва о благоденствіи Царя показываетъ, что этотъ разсказъ въ Архангельскъ присланъ изъ Москвы, откуда онъ перешелъ уже въ Англію и сюда.» Въ концѣ сочиненія находится приписка: «въ Архангельскѣ 13-го Сентября 1671 на кораблѣ называемомъ Reyne Ester.»

И такъ сочиненіе было писано по англійски, но намъ неизвѣстно, былъ ли когда нибудь издаваемъ подлинникъ; переводы же его на французскомъ, голландскомъ и нѣмецкомъ языкахъ появились почти въ одно время ([21]).

3. Stephanus Razin cosacus perduellis, publicæ disquisitioni exhibitus præsidé Conrado Schurzfleischio. Vitenb. 1674.

Это сочиненіе замѣчательно, какъ сказаніе современника и почти очевидца. Штурцфлейшъ находился въ это время въ Россіи и, какъ самъ говоритъ, былъ очевидцемъ происшествія. Но въ его разсказѣ много разсужденій, и гораздо менѣе историческихъ подробностей, нежели въ упомянутыхъ выше ([22]).

Въ другихъ писателяхъ иностранцахъ, посѣщавшихъ Россію въ это время, встрѣчаются такъ же извѣстія о Разинѣ, но маловажныя и большею частію заимствованныя изъ упомянутыхъ выше сочиненій. Только въ путешествіи Фонъ Кленка, экстра-ординарнаго голландскаго посла въ Россію въ 1675 году, встрѣчается довольно полный разсказъ о дѣйствіяхъ Разина ([23]). Но и въ немъ нѣтъ ничего важнаго, въ сравненіи съ указанными уже источниками.

На основаніи всѣхъ сихъ источниковъ, большею частію рукописныхъ, составлено предполагаемое сочиненіе. Самые документы, не изданные доселѣ, присоединены къ нему въ отдѣльномъ приложеніи.

---

(21) Нѣмецкій переводъ вышелъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Kurtze doch wahrhafte Erzelung von der blutigen Rebellion in der Moscou angerichtet durch den grossen Verræther und Betrieger Stenka Razin. Emden 1671.

(22) Сочиненія Штурцфлейша было нѣсколько изданій. Оно помѣщено и въ его Opera historico-politica стр. 719.

(23) Historisch Verhæl of beschryving van der Voyagie. Amsterd. 1677 ich XXVII стр. 104—114.

ГЛАВА II.

Состояніе Россіи предъ возмущеніемъ. Общій характеръ Донскихъ казаковъ. Начало возстанія. Разинъ въ Паншинѣ городкѣ. Распоряженія правительства. Появленіе Разина на Волгѣ у Царицына и Чернаго Яру. Другая шайка казаковъ на Каспійскомъ морѣ. Дѣйствія Астраханскаго воеводы. Разинъ въ Яикѣ. Смѣна Астраханскаго воеводы кн. Хилкова и назначеніе князя Прозоровскаго. Милостивая грамота Разину. Состояніе Донскихъ казаковъ. Походъ Разина въ Персію.

Послѣдніе годы государствованія царя Алексѣя Михайловича прошли въ безпрерывныхъ волненіяхъ внутреннихъ и войнахъ съ сосѣдями. Государство, потрясенное въ своихъ основаніяхъ во время междуцарствія и самозванцевъ, едва сложившееся въ прежнемъ видѣ при первомъ государѣ новой династіи, не могло еще окончательно устроить ни внутренняго порядка, ни отношеній къ другимъ державамъ. Постепенно шло водвореніе порядка, возродившее два противоположныхъ направленія, которыхъ взаимная борьба составляетъ существенное и отличительное свойство этого времени. Одно изъ направленій желало неизмѣнно сохранить все старое, другое, напротивъ, стремилось къ улучшеніямъ, и потому измѣненіямъ. Въ жизни частной, въ отношеніяхъ государственныхъ, гражданскихъ и церковныхъ, явно выражались оба направленія, весьма часто возбуждавшія вражду и волненія. Въ то время, какъ юговостокъ Россіи взволнованъ былъ разбойничьею шайкою Стеньки Разина, на сѣверѣ обитель Соловецкая, со всѣмъ поморьемъ, возставала противъ порядка церковнаго; въ самой Москвѣ волновались партіи и подготовлялись послѣдовавшія за тѣмъ возмущенія стрѣлецкія.

Вопросы политическіе, постоянно составлявшіе существенную задачу отношеній Россіи къ сосѣднимъ государ-

ствамъ, въ это время выступили впередъ и требовали разрѣшенія. Первая половина царствованія Алексѣя Михайловича прошла въ непрерывныхъ спорахъ и враждѣ съ Шведами; обладаніе Лифляндіею составляло постоянную цѣль, къ которой стремилась Россія, чувствуя необходимость владѣть морскими берегами. Постоянная борьба съ Польшею за древнее достояніе Россіи, югозападныя области, отнятыя Литвою, послѣ присоединенія Малороссіи вызвало рядъ войнъ, почти безпрерывно продолжавшихся въ послѣднюю половину царствованія Алексѣя Михайловича. Мысль Хмѣльницкаго и желаніе Московскаго двора присоединить всю Украйну не могли совершиться вдругъ. Временнымъ явленіемъ, и безъ сомнѣнія преходящимъ, было раздѣленіе Малороссіи на три части, русскую, по сю сторону Днѣпра, польскую, Заднѣпровье, и Запорожье, состоявшее подъ покровительствомъ обѣихъ державъ; но это раздѣленіе было утверждено Андрусовскимъ договоромъ и послужило причиною постоянныхъ волненій между казаками. Къ числу такихъ волненій должно быть присоединено и возмущеніе Стеньки Разина.

Въ послѣднюю войну съ Поляками, въ 1665 году, въ русскихъ войскахъ, находившихся подъ начальствомъ князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, дѣйствовали и казаки. Когда приблизилась осень, по обыкновенію ихъ станицы просились зимовать домой. Вѣроятно имѣя въ нихъ еще нужду, князь Долгорукій не отпустилъ ихъ. Одинъ изъ предводителей донскихъ казаковъ, вопреки приказанію уговорилъ своихъ идти на Донъ. Долгорукій остановилъ ихъ и немедленно велѣлъ повѣсить ихъ начальника. Это былъ Разинъ, братъ Стеньки.

Иностранные писатели, свидѣтели происшествія, полагаютъ, что этотъ случай послужилъ если не прямымъ поводомъ, то по крайней мѣрѣ придиркою къ возмущенію: Стенька мстилъ за смерть брата (1).

Казнь брата Стеньки дѣло возможное; особенная нена-

(1) Relation des particularités de la rebellion de Stenco-Razin, стр. 40. Schturzfleisch: Stephanus Razin, cosacus perduellis. гл. 10.

висть казаковъ къ Долгорукому, которую увидимъ впослѣдствіи, служитъ нѣкотораго рода доказательствомъ; но, принимая въ соображеніе нравы того времени, особенно донскихъ козаковъ, нельзя думать, чтобы произшествіе, оскорбившее быть можетъ глубоко одного Разина, возбудило къ нему сочувствіе въ массахъ народа и вызвало ихъ на возстаніе. Произшествіе, сколько намъ кажется, объясняется весьма просто нравами донскихъ казаковъ; успѣхи же его на юговостокѣ Россіи доказываютъ внутреннее волненіе, которое постоянно выражалось повсюду въ это время, составляющее переходъ отъ стараго порядка вещей къ новому.

Донскіе казаки составились изъ переселенцевъ изъ Малороссіи и Запорожья, къ которымъ присоединялись постепенно бродяги со всей Россіи, различныхъ племенъ. Защищая русскую Украйну отъ набѣговъ Крымцевъ, они въ то же время постоянно дѣлали набѣги на Татаръ и Турокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разбойничали на Каспійскомъ морѣ и по Волгѣ. Московское правительство нуждалось въ нихъ, какъ въ пограничной и бдительный стражѣ противъ дикихъ сосѣдей, опасалось ихъ, какъ безпорядочной вольницы, и преслѣдовало ихъ разбойничьи шайки, какъ грабителей. Три лица наиболѣе замѣчательны въ исторіи донскихъ казаковъ: Ермакъ Тимоѳеичъ, Заруцкій и Разинъ. Если къ дѣйствіямъ этихъ лицъ присоединить смѣлые походы казаковъ въ Хиву, разбои по Каспійскому и Черному морямъ, до Синопа, Трапезонта и самыхъ предмѣстій Царя-Града, взятіе Азова, то весь характеръ полудикаго наѣзднка, предпріимчиваго и смѣлаго до невѣроятности, каковъ былъ донской казакъ того времени, выразится во всей полнотѣ. Не связанный никакими узами гражданскаго и государственнаго быта, привыкшій къ войнѣ безпрерывной, онъ бродилъ повсюду, легко перемѣняя даже мѣсто жительства. Ихъ города и станицы на Дону были какъ бы временными военными станами; становилось ли тѣсно отъ безпрерывной прибыли новыхъ пришельцевъ, дорожалъ ли хлѣбъ, возникала ли внутри вражда, толпа отдѣлялась, шла на грабежи за смѣлыми предводителями, и оставалась гдѣ ни-

будь на постоянное жительство, если случайныя обстоятельства давали возможность. Такъ образовались станицы казацкія въ Сибири, на Яикѣ, Кумѣ и Терекѣ (2). Русскій писатель, современникъ царя Алексѣя Михайловича, такъ говоритъ о донскихъ казакахъ его времени: «а люди они породою Москвичи, и иныхъ городовъ, и новокрещеные Татарове, и запорожскіе казаки, и Поляки и Ляхи, и многіе изъ нихъ Московскихъ бояръ, и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были къ казни въ разбойныхъ и татиныхъ и иныхъ дѣлахъ, и покрадчи и пограбя своихъ бояръ уходятъ на Донъ, и бывъ на Дону хотя одну недѣлю или мѣсяцъ, а случится имъ съ чѣмъ нибудь пріѣхать къ Москвѣ, и до нихъ напередъ дѣла никакого ни въ чемъ не бываетъ никому, что кто ни воровалъ, потому что Дономъ отъ всякихъ бѣдъ освобождаются. И дана имъ на Дону жить своя воля.» Причину такого положенія донскихъ казаковъ опредѣлительно выражаетъ тотъ же писатель: «а ежелибъ имъ воли своей не было и опибъ на Дону служить и послушны быть не учали; и толькобъ де они донскіе казаки не укрѣпились бы, и не былибъ давно въ подданствѣ за Московскимъ царемъ Казанское и Астраханское царствы съ городами и землями во владѣтельствѣ» (3).

Издавна донскіе казаки, шайками болѣе или менѣе значительными, почти ежегодно являлись въ низовьяхъ Волги для грабежа и разбоя. Съ Дона пробравшись въ Куму и Терекъ, они входили въ Каспійское море, или поднимаясь по Дону, волокомъ, перевозили суда и потомъ спускали ихъ на Волгу. На волокѣ постоянно находилась московская *сторожа*, съ цѣлію наблюдать за казацкими шайками и препятствовать ихъ набѣгамъ. Сторожевое урочище превратилось наконецъ въ городъ, названный Царицынымъ, составлявшій передовое укрѣпленіе, отъ котораго тянулся цѣлый рядъ сторожъ и городовъ вплоть до Астрахани. Въ 1627 году отъ набѣговъ казацкихъ была выстроена крѣ-

(2) Рингельмана исторія о Донскихъ казакахъ, стр. 6 и слѣд.
(3) Котошихина о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. стр. 107.

пость Черный-Яръ, на нагорной сторонѣ Волги. Отъ самаго Терека до Нижняго-Новагорода тянулась сторожевая цѣпь укрѣпленій, охранявшая юговосточную сторону Украйны Московскаго государства отъ Ногайцевъ, Калмыковъ, крымскихъ Татаръ и « воровскихъ казаковъ. » Воеводамъ приволожскихъ городовъ постоянно поручалось посылать разъѣздныя станицы въ *поле*, чтобъ наблюдать за движеніями кочевниковъ и предупреждать ихъ набѣги. Дозволялось посылать разъѣзды и рѣкою, « если тихо будетъ на Волгѣ.... отъ казаковъ, отъ воровъ и отъ Черкасъ », какъ замѣчаютъ царскіе наказы воеводамъ приволжскихъ городовъ (4).

Во время войнъ съ Поляками, и особенно послѣ заключенія Андрусовскаго договора, на Дону постоянно господствовало волненіе, усиленное дороговизною хлѣба въ это время. Въ 1667 году Донскій казакъ, Зимовейской станицы, Стенька Тимофеевъ Разинъ, съ братомъ своимъ Фроломъ, начали прибирать шайку смѣльчаковъ съ тѣмъ, чтобы идти на Азовское море для грабежа. Къ веснѣ они собрались въ значительномъ количествѣ и замышляли спуститься къ Черному морю; но войсковые старшины, « Атаманъ Корнилъ Яковлевъ съ товарищами », не желая нарушить мира съ Крымцами, совѣтовали имъ не предпринимать похода. Опасаясь быть можетъ Татаръ, и еще болѣе своихъ же Донцевъ, Разинъ возвратился назадъ уже изъ Азовскаго моря и прошелъ Дономъ мимо Черкасска вверхъ къ Паншину городку въ началѣ Мая, громя и разоряя прибрежныя села и деревни (5).

Въ Москвѣ давно уже знали о волненіяхъ на Дону и сборахъ воровскихъ казаковъ для промысла на Волгу. Вѣсти о Разинѣ сообщалъ царю самъ войсковой атаманъ и воевода царицынскій, находившійся въ постоянной перепискѣ съ старшинами донскихъ казаковъ. Атаманъ Яковлевъ, не имѣлъ возможности остановить разбойничью шайку, предпріятіямъ которой сочувствовала большая часть его войска.

(4) Акты истор. I. № 230.
(5) Акты истор. IV. № 202. III.

Онъ самъ находился «отъ тѣхъ Козаковъ въ большомъ опасеньѣ», какъ выражался въ отпискѣ къ царицынскому воеводѣ Андрею Уньковскому. Въ то время, когда Стенька Разинъ прошелъ Дономъ вверхъ мимо Черкасска, атаманъ послалъ за нимъ погоню, но погонщики его не нагнали и привезли только извѣстіе, что Разинъ отправился «на Волгу рѣку воровать». Атаманъ собралъ другихъ погонщиковъ для того, чтобъ «Стеньку со товарищами изъ судовъ выбить», а между тѣмъ увѣдомить царицынскаго воеводу (6). Но Уньковскій уже зналъ прежде о замыслахъ казацкихъ (7). Въ Мартѣ мѣсяцѣ онъ писалъ къ царю, что получено извѣстіе о сборѣ воровскихъ казаковъ въ Паншинѣ и Качалинскомъ городкѣ, которые собираются идти воровать на Волгу. По слухамъ, уже въ то время ихъ число простиралось до двухъ тысячъ, и къ нимъ приходили постоянно изъ Украйны «бѣглые боярскіе люди и крестьяне съ женами и дѣтьми.» Одинъ изъ такихъ крестьянъ вмѣстѣ съ донскимъ казакомъ, еще въ Февралѣ, напали и ограбили стругъ съ икрою, замерзшій на Волгѣ между Саратовомъ и Астраханью. На Волгѣ много было судовъ, остановившихся въ этотъ годъ въ разныхъ мѣстахъ за морозами. Полагали, что эти посланцы казацкіе осматривали суда съ тѣмъ, чтобы весною ихъ захватить. Они намѣрены были взять струги и лодки такъ же подъ Царицынымъ, даже съ боя, если бы пришлось и идти внизъ по Волгѣ. На Дону носились слухи, что одинъ изъ прежней шайки воровскихъ казаковъ Ѳедька Сукинъ, проживавшій въ Яицкомъ городкѣ, писалъ къ Стенькѣ Разину, уговаривалъ его собрать значительную шайку и идти прямо на Яикъ. Занявъ этотъ городъ и укрѣпившись въ немъ, какъ онъ писалъ, легко уже будетъ ходить для промысловъ на Волгу и въ море.

Такимъ образомъ всѣ предположенія казаковъ напередъ были извѣстны какъ астраханскимъ воеводамъ, такъ и правительству московскому; Уньковскій постоянно писалъ

(6) Тамъ же, отписка отъ 3 Мая.

(7) Тамъ же, № 202. I и II. отписка отъ Марта 14 и Апрѣля 4-го.

и въ Москву, и Астрахань. Князя Хилкова, бывшаго въ это время воеводою въ Астрахани, онъ просилъ противодѣйствовать замысламъ казаковъ, говоря, что съ своей стороны ничего предпринять не можетъ, ибо въ Царицынѣ « малолюдство, конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ только триста человѣкъ. » Въ началѣ Мая онъ отправилъ степнаго *вожа* Бакулина, съ пятью стрѣльцами, разузнать о воровскихъ казакахъ и поймать *языка* (8).

Между тѣмъ Стенька Разинъ присталъ къ Паншину городку; съ нимъ было около 800 казаковъ и 4 большихъ черноморскихъ струга, кромѣ мелкихъ судовъ; насильно онъ взялъ въ городѣ оружіе, порохъ, свинецъ, телѣжныя колеса и деготь и поручилъ городовому атаману извѣстить царицынскаго воеводу, чтобъ онъ не посылалъ противъ него стрѣльцовъ. Иначе онъ перебьетъ ихъ всѣхъ, а городъ велитъ сжечь. Отъѣхавъ не далеко отъ Паншина городка, Стенька остановился между рѣчекъ Тишины и Ловли, впадающихъ въ Донъ, на буграхъ, отовсюду залитыхъ полою водою, ибо Донъ былъ въ разливѣ. Въ слѣдъ за нимъ, мимо городка проходило много судовъ съ казаками его же шайки, и, кромѣ того, изъ казачьихъ городковъ къ нему безпрерывно приходили казаки. Шайка Разина дѣйствительно была значительна; онъ не скрывалъ уже болѣе своихъ намѣреній и дѣйствовалъ рѣшительно.

Стрѣльцы, посланные Унковскимъ для вѣстей, прибыли къ Дону, но не могли пробраться за большою водою въ станъ Разина и поймать языка, и возвратились назадъ, ничего не развѣдавъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, 10 Мая, царицынскій воевода, получивъ по крайней мѣрѣ вѣрное извѣстіе о томъ, гдѣ находился Разинъ, отправилъ къ нему строителя Троицкаго царицынскаго монастыря Александра и священника соборной церкви Андрея уговаривать, чтобы « возвратились отъ такого неправаго пути и шли бы жить на Донъ на прежніе свои мѣста. » Но эта посылка была такъ же неудачна, какъ и первая; строитель и священникъ пріѣхали въ Паншинъ, но оттуда никто не взялся

(8) Тамъ же, № 202. III. Мая 8.

провести ихъ въ станъ Разина, отговариваясь большою водою. Носился слухъ, что Степька, послѣ взятія Яика, намѣренъ идти на Тарковскаго Шевкала Сургая (9).

Въ такомъ положеніи находился царицынскій воевода до конца Мая мѣсяца. Самъ послать войска противъ мятежныхъ казаковъ онъ не имѣлъ возможности, потому что царицынскій гарнизонъ былъ слишкомъ незначителенъ, подкрѣпленій къ нему ниоткуда не приходило; между тѣмъ шайка Разина умножалась и угрожала въ скоромъ времени появиться у Царицына. Изъ Москвы, съ Марта мѣсяца, постоянно посылались одна за другою царскія грамоты въ Астрахань, Казань, Саратовъ, Самару, Симбирскъ и на Терекъ съ предписаніемъ « жить съ великимъ береженіемъ, про воровскихъ казаковъ провѣдывать всякими мѣрами, чинить надъ ними промыслъ, чтобъ казакамъ на Волгѣ и иныхъ запольныхъ рѣкахъ воровать не давать и на морѣ ихъ воровать не пропускать. » Не смотря на то, однако же Царицынъ остался безъ всякаго прикрытія и Разинъ спокойно переволокъ свои суда на Волгу, захватилъ и ограбилъ торговыя суда не въ далекѣ отъ самаго города. Нѣсколько насадовъ шло съ царскимъ хлѣбомъ, одинъ принадлежалъ патріарху и множество судовъ частнымъ торговцамъ; казаки ограбили всѣ суда, захватили все находившееся на нихъ имущество, перебили, перевѣшали на мачтахъ начальныхъ людей или, отрубивъ руки, отпустили, большую же часть забрали съ собою; нѣсколько другихъ добровольно имъ предались. На одномъ изъ струговъ голова стрѣлецкій, Кузьма Кирейтовъ, везъ ссыльныхъ людей изъ Москвы въ Астрахань; казаки его ограбили, преступниковъ расковали и освободили, и « тѣ ссыльные всякимъ людямъ чинятъ разоренье, мучатъ и грабятъ пуще прямыхъ донскихъ казаковъ » (10), какъ писали потомъ воеводы въ Москву.

Звѣрскіе поступки Разина, не встрѣтившаго почти ни-

(9) Тамъ же, № 202. III.

(10) Выписка изъ дѣла о Разинѣ изъ Приказа Казанскаго дворца, сообщенная въ Посольскій №№ II, III и IV.

какаго сопротивленія, внушили такой страхъ, что въ народѣ носилась молва, будто казакамъ нельзя сопротивляться, «ихъ атамана и ясаула ни пищаль, ни сабля, ничто не возметъ, и все де войско они берегутъ.» Сверхъ естественнымъ образомъ объясняла молва проѣздъ казаковъ мимо Царицына; городъ и такъ не могъ противодѣйствовать огромной шайкѣ; воевода, вѣроятно опасаясь враждебныхъ нападеній со стороны Разина, по его требованію далъ ему наковальню, мѣхи и весь кузнечный приборъ. Въ народѣ же шла молва, что съ Царицына стрѣляли въ казаковъ изъ пушекъ, но ни одна пушка не выстрѣлила, «весь порохъ запаломъ выходилъ» (11).

Простоявъ нѣсколько времени въ четырехъ верстахъ отъ Царицына, Разинъ поплылъ внизъ по Волгѣ; всѣ торговыя суда, имъ захваченныя, слѣдовали за нимъ, на нѣкоторомъ однако же разстояніи. Онъ опасался вѣроятно многихъ людей, тамъ находившихся и захваченныхъ насильно (12). Подвигаясь къ Астрахани, Разинъ между тѣмъ отправилъ четырехъ казаковъ на Яикъ, увѣдомить о своемъ приближеніи. Въ концѣ Мая весь караванъ, изъ 35 судовъ, приблизился къ Черному Яру и намѣревался причалить къ берегу; но изъ крѣпости вышли стрѣльцы и готовились съ оружіемъ встрѣтить казаковъ. Разинъ отошелъ и пошелъ далѣе къ Астрахани; не доходя однако же до города, повернулъ въ протокъ Бузунъ, вышелъ незамѣченный въ Каспійское море и направилъ путь къ Яицкому городку (13). На пути, между Чернымъ Яромъ и Астраханью, онъ ограбилъ воеводу Беклемишева, котораго князь Хилковъ отправилъ было уговаривать Разина возвратиться назадъ (14).

Только въ началѣ Іюня Степька Разинъ съ своею шайкою вошелъ въ Каспійское море, а между тѣмъ еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, 20 числа, нѣкто, кодашевскій торговый человѣкъ, Луковниковъ объявилъ въ астраханской приказ-

(11) Тамъ же, № V.
(12) Тамъ же, №№ V, VI.
(13) Тамъ же, № VII. Отписка къ царю кн. Хилкова, отъ 7-го Августа.
(14) Тамъ же.

ной палатѣ, что ѣхалъ онъ, по торговымъ дѣламъ, изъ Шемахи до Терека сухимъ путемъ, потомъ отправился моремъ съ своими товарищами и съ персидскими и индейскими купцами до Астрахани; на морѣ на нихъ напали воровскіе казаки, стрѣляли и отбили одинъ стругъ съ товарами. Получивъ увѣдомленіе, астраханскій воевода отправилъ берегомъ, 10 Мая, конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ головы Лопатина, а моремъ нѣсколько струговъ съ головою стрѣлецкимъ. Недѣли черезъ три возвратился береговой отрядъ и объявилъ, что около Кумскаго озера нашелъ оставленный станъ воровскихъ казаковъ, гдѣ шалаши уже были сожжены, о казакахъ же принесли вѣсти, что они бѣжали въ море. Суда возвратились съ моря безъ всякихъ извѣстій (15). Кромѣ Волги, казакамъ былъ извѣстенъ и другой путь, которымъ они проходили въ Каспійское море, чрезъ Куму. Близъ этой рѣки уже находились поселенья казацкія, извѣстныя подъ именемъ гребневскихъ. Вѣроятно казаки, ограбившіе Луковникова, не принадлежали къ шайкѣ Разина и вошли чрезъ Куму въ море, быть можетъ, только съ цѣлію соединиться съ нимъ. Въ то время, какъ они уже разбойничали по морю, Разинъ только что вошелъ въ Волгу. Вѣсти о его движеніи постоянно приходили въ Астрахань, но, какъ видно, воеводы не принимали никакихъ мѣръ, чтобы остановить его шайку и не пропустить въ море, какъ предписывали царскіе указы. Князь Хилковъ исполнилъ только одно прямое повелѣніе изъ Москвы, которымъ предписывалось усилить войска въ Яицкомъ городкѣ. Съ сею цѣлію онъ отправилъ изъ Астрахани стрѣлецкаго голову Ивана Яцына съ стрѣльцами (16). Беклемишевъ, ограбленный уже близъ самой Астрахани, привезъ извѣстіе о приближеніи Разина, которое вывело наконецъ изъ бездѣятельности астраханскаго воеводу. Князь Хилковъ послалъ письменнаго голову Григорія Аксентьева по берегу, а на море полуполковника Ружинскаго на стругахъ (17).

(15) Тамъ же, № 1.

(16) Акты истор. IV № 202. LXXVIII.

(17) Выписка изъ дѣла. № VII.

Между тѣмъ Стенька Разинъ вошелъ въ Яикъ, гдѣ встрѣтили его стрѣльцы, съ Богданомъ Сѣверовымъ посланные противъ него изъ Астрахани, и немедленно вступили въ бой съ казаками, но были разбиты. Немногіе спаслись и сухимъ путемъ достигли Астрахани, голова съ нѣсколькими людьми спасся въ лодкѣ по морю (18).

Разинъ приблизился къ Яицкому городку; хотя у него и были преданные ему въ городѣ люди, однако же онъ не рѣшился, какъ кажется, идти на приступъ и съ боя овладѣть крѣпостью, опасаясь сильнаго отпора, а придумалъ хитрость. Остановившись въ дали отъ города, онъ взялъ съ собою человѣкъ съ 40 своихъ казаковъ, отправился къ городскимъ воротамъ и велѣлъ просить позволенья у воеводы войти въ городъ, чтобъ помолиться въ церкви. Воевода дозволилъ. Лишь только отперли ворота, казаки овладѣли ими и впустили въ городъ всю свою шайку (19). Воеводу и начальныхъ людей убили, а стрѣльцамъ, находившимся въ городѣ, Разинъ объявилъ, что они могутъ свободно отправиться въ Астрахань. Пользуясь позволеньемъ, они снарядили паузокъ и поѣхали въ море. Но раскаявшись въ добромъ поступкѣ, онъ въ слѣдъ за ними отправилъ въ погоню казаковъ, которые настигли ихъ у Раковой Косы, многихъ порубили и побросали въ воду, остальныхъ взяли насильно съ собою (20). Изъ находившихся служилыхъ людей въ Яикѣ, тѣхъ, которые не изъявили особеннаго желанія служить ему, Разинъ велѣлъ перевязать и привести къ вырытой нарочно ямѣ, надъ которою всѣмъ имъ срубили головы (21).

Полуполковникъ Ружинскій, посланный княземъ Хилковымъ для преслѣдованія Разина, долго бродилъ по морю, пока не встрѣтилъ лодку съ четырьмя Татарами, которые

---

(18) Выписка изъ дѣла № VII. Акты истор. IV. № 202. LXXVIII, LXXIX и друг.

(19) Акты истор. IV. № 202. LXXVI, LXXVII.

(20) Акты истор. IV, № 202. №№ LXXIX, LXXX. 1-го полнаго собран. закон. т. 1, № 480.

(21) Тамъ же. LXIX. И онъ Ивашка Астраханскихъ стрѣльцовъ надъ ямою срубилъ 170 человѣкъ. Истор. о Дон. каз. Рингельмана стр. 39.

разсказали ему о взятіи казаками Яицкаго городка. Посовѣтовавшись съ своими головами и сотниками стрѣлецкими, они рѣшили идти подъ городокъ и вошли изъ Каспійскаго моря въ рѣку Яикъ. Не доходя до городка, они встрѣтили паузокъ, на которомъ находились четыре стрѣльца изъ яицкихъ годовальщиковъ, которые подтвердили имъ тѣже извѣстія. Быть можетъ по недостатку силъ, а можетъ быть и потому, что цѣль порученія заключалась только въ развѣдованіи о шайкѣ Стеньки Разина, полуполковникъ съ такими извѣстіями возвратился въ Астрахань уже въ концѣ Іюля (22).

Въ Москвѣ не имѣли никакихъ извѣстій отъ астраханскаго воеводы о послѣднихъ дѣйствіяхъ Разина. Кромѣ медленности въ распоряженіяхъ, онъ, кажется, не заботился и о томъ, чтобъ извѣщать правительство, не смотря на то, что въ каждой царской грамотѣ повторялось постоянно « о томъ, что у васъ учнетъ дѣлаться, къ Намъ, Великому Государю, велѣно вамъ писать почасту. » Его отписка, съ извѣстіями о занятіи Разинымъ Яицкаго городка, отъ 7 Августа, еще не пришла въ Москву, какъ правительство узнало о томъ изъ донесенія царицынскаго воеводы. Но Уньковскій самъ не имѣлъ положительныхъ свѣдѣній и передавалъ только слухи, сообщенные ему однимъ посадскимъ человѣкомъ, выѣхавшимъ изъ Астрахани (23).

Недовольный вѣроятно такими дѣйствіями князя Хилкова, царь въ концѣ Іюля мѣсяца назначилъ новаго воеводу въ Астрахань, боярина князя Ивана Семеновича Прозоровскаго; товарищами ему назначены были стольники: братъ его, князь Михаилъ, и князь Семенъ Ивановичъ Львовъ (24), которые и были немедленно отпущены изъ Москвы. Съ княземъ Прозоровскимъ отправлены « Великаго Государя ратные люди съ пушками и съ гранаты и со всѣми пушечными запасы, солдатскаго строю полковникъ, съ начальными людьми, четыре приказа Московскихъ стрѣль-

(22) Выписка изъ д. № VII.
(23) Отъ 19-го Іюля. Акты истор. IV, № 202, IV.
(24) Дворцовые разряды. III. стр. 847.

цовъ съ головами; и съ черты, изъ Симбирска, Самары, Саратова и иныхъ городовъ служилые пѣшіе люди.» Сверхъ того князю Хилкову поручалось «Астраханскимъ, Ногайскимъ, Едисанскимъ и Юртовскимъ Мурзамъ и Татарамъ и Астраханцемъ, дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ, головамъ стрѣлецкимъ и стрѣльцамъ, конныимъ и пѣшимъ всѣхъ приказовъ, начальнымъ людямъ и солдатамъ, и всякимъ служилымъ жилецкимъ людямъ велѣть быть въ приказной палатѣ, и когда соберутся, объявить имъ Государево жалованье, милостивую похвалу за то, что они вѣрно служатъ и ни къ какому воровству не пристаютъ.» Потомъ выбрать изъ нихъ полторы тысячи солдатъ и стрѣльцовъ, сто человѣкъ пѣшихъ стрѣльцовъ изъ Красноярскаго острога и, сколько возможно, по усмотрѣнію самаго князя Хилкова, конныхъ Ногайскихъ, Едисанскихъ и Юртовскихъ Мурзъ и Татаръ, и отправить ихъ въ полкъ къ князю Прозоровскому тогда, какъ онъ потребуетъ. По исполненіи порученія, ему предписывалось немедленно ѣхать въ Москву, не дожидаясь прибытія новаго воеводы и сдать дѣла своимъ товарищамъ стольникамъ, Бутурлину и Безобразову ([25]).

Князю Прозоровскому, собравшись съ ратными людьми, поручалось, не заѣзжая въ Астрахань, отправивъ туда только дьяка Фролова, прямо идти на казаковъ. Но походъ однако же замедлился, въ слѣдствіе приближенія зимы или иныхъ причинъ, не извѣстно. Долго простоявъ въ Саратовѣ, къ осени князь Прозоровскій только прибылъ въ Астрахань. Между тѣмъ князь Хилковъ, по приказанію царскому, изготовилъ въ продолженіи этого времени «суда со всѣми припасы къ морскому ходу» ([26]). Приготовленіе судовъ для морскаго похода даетъ поводъ предполагать, что дѣйствіе сухимъ путемъ противъ Яицкаго городка было отложено по случаю возмущенія Калмыковъ и Башкирцевъ, взволнованныхъ частію отъ нападеній Разина, частію возставшихъ, по случаю казацкаго возмущенія, для грабежа.

---

(25) Акты истор. IV, № 202, IV.
(26) Акты истор. IV, № 202, V.

Между тѣмъ какъ военныя дѣйствія были отложены, Московское правительство рѣшилось испытать мирныя средства, которыя часто употребляемы бывали прежде, въ отношеніи къ разбойничьимъ шайкамъ казацкимъ. Осенью изъ Москвы предписано было донскому атаману Яковлеву, отправить на Яикъ къ Стенькѣ Разину нѣсколько казаковъ съ тѣмъ, чтобъ уговорить его « отстать отъ воровства и возвратиться на Донъ. » Въ этомъ случаѣ царь обѣщалъ его простить и забыть прежнія вины. Милостивая царская грамота къ самому Разину была такъ же послана къ атаману съ тѣмъ, чтобы онъ отправилъ ее съ своими посланцами. Октября 18-го, отправленные съ Дона казакъ Леонтей Терентьевъ съ двумя товарищами прибыли въ Астрахань. Князь Хилковъ немедленно отпустилъ ихъ на Яикъ. Когда они прибыли въ городъ, Разинъ принялъ ихъ, собралъ кругъ и, выслушавъ войсковую отписку атамана и старшинъ казацкихъ и царскую грамоту, отвѣчалъ, что готовъ повиниться передъ государемъ, если онъ пришлетъ ему вновь милостивую грамоту. Князь Хилковъ поручилъ посланнымъ казакамъ съ своей стороны просить Разина, чтобы онъ отпустилъ плѣнныхъ; но этой просьбы онъ такъ же не уважилъ. Съ такимъ отвѣтомъ казаки прибыли назадъ въ Астрахань 7 Ноября ([27]).

Очевидно Разинъ и не думалъ раскаяваться, а желалъ только ложными обѣщаніями выиграть время. Не смотря на то, попытки уговорить его возвратиться на Донъ продолжались постоянно. Въ слѣдъ за казаками князь Прозоровскій отправилъ къ нему съ тѣмъ же предложеніемъ изъ Саратова сотника московскихъ стрѣльцовъ Никиту Сивцова съ нѣсколькими стрѣльцами. Но Стенька Разинъ обошелся съ ними иначе, нежели съ донскими казаками. Возвратившійся изъ Яицкаго городка одинъ изъ стрѣльцовъ объявилъ Прозоровскому, что Разинъ велѣлъ убить Сивцова и бросить въ воду. Занимая Яицкій городокъ, онъ грабилъ окрестныхъ кочевниковъ, ходилъ судами въ протокъ Эмансагу и воевалъ Эдисанскіе улусы, выходилъ въ

(27) Выписка изъ дѣла, № VIII.

море до впаденія Терека, гдѣ по берегамъ ограбилъ нѣсколько поселеній ([28]). Число его казаковъ простиралось до 1600 человѣкъ, а къ веснѣ онъ ожидалъ подкрѣпленій съ Дона для новыхъ походовъ. Между тѣмъ пронесся слухъ, что Калмыки, въ слѣдствіе набѣговъ казацкихъ на ихъ кочевья и призывныхъ грамотъ царскихъ, въ числѣ 10-ти тысячъ осадили Яикъ. Пришедшій въ Черный Яръ Татаринъ разсказалъ, что онъ самъ былъ у Яика и видѣлъ осаду. По его словамъ, Калмыки уже приступаютъ къ городу, пробили стѣну сажени на полторы и засыпали устье Яика. Приказный человѣкъ Иванъ Сергіевскій, начальствовавшій въ Черномъ Яру, немедленно увѣдомилъ о томъ царя. Въ слѣдствіе такого извѣстія астраханскому воеводѣ предписано было немедленно написать къ своему товарищу Безобразову, уже отправленному съ отрядомъ къ Яику, чтобы онъ дѣйствовалъ совокупно съ Калмыками. По взятіи города, ему предписывалось предоставить имъ всю добычу казацкую « для того, чтобъ тѣмъ полономъ и казацкими пожитки Калмыцкимъ Тайшимъ и Калмыкомъ учинить ласку, и впредь бы ихъ Калмыковъ тѣмъ обнадежить »; а его подчиненнымъ войскамъ обѣщать особое царское жалованье по ихъ заслугамъ. Неизвѣстно, справедливы ли оказались извѣстія, вѣроятно нѣтъ; ибо когда Безобразовъ подступилъ къ городку, то потерпѣлъ пораженіе, чего кажется не должно бы случиться при помощи 10 тысячъ Калмыковъ. Подойдя къ городку, Безобразовъ снова отправилъ къ Разину головъ стрѣлецкихъ, Семена Янова и Никифора Нелюбова, уговаривать ихъ « чтобы въ своихъ винахъ, добили челомъ Великому Государю и шли бы въ Саратовъ къ князю Прозоровскому. Разинъ задержалъ головъ и потомъ, передъ походомъ въ море, велѣлъ ихъ повѣсить. Много разъ бились стрѣльцы Безобразова съ мятежниками, но безуспѣшно. Стрѣльцы хотя и бились съ казаками, однако въ значительномъ количествѣ перебѣгали къ Разину ([29]).

---

(28) Тамъ же, № IX и Рингельмана истор. Дон. казаковъ.
(29) Акты истор. IV, № 202, VI, выписка изъ дѣла, № X.

Между тѣмъ на Дону продолжалось постоянное волненіе, усиливавшееся по мѣрѣ успѣховъ Разина. Толпами собирались казаки, составляли шайки и намѣревались идти тоже на Волгу, въ слѣдъ за Стенькою Разинымъ, воровать. Уговоровъ атамана и старшинъ они мало слушали; напротивъ, явно грозились ихъ всѣхъ перебить.

Одинъ изъ казаковъ, Сергѣй Кривой собралъ значительную шайку, и въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, за часъ до вечера, проѣхалъ Дономъ внизъ мимо Качалинскаго городка, потомъ, пробравшись на донскую дорогу, сталъ въ 12-ти верстахъ отъ Царицына. По прежнему въ этомъ городкѣ находилось незначительное количество войска, которое не могло остановить похода значительной шайки. Въ стычкахъ съ казаками многіе изъ нихъ были побиты, а казаки, 30 Апрѣля, переволокшись въ Волгу, разграбили въ 20 верстахъ отъ Царицына рыбную ватагу и другія суда, которые встрѣчали, слѣдуя внизъ по Волгѣ мимо Краснаго Яру. Узнавъ о ихъ намѣреніи Карабузуномъ обойти Астрахань и войти въ море для соединенія съ Разинымъ, князь Хилковъ отправилъ противъ нихъ въ Карабузунъ стрѣльцовъ на стругахъ, подъ начальствомъ головы Григорія Аксентьева. Свѣдавъ о движеніи стрѣльцовъ, караванъ казацкій разбрелся по мелкимъ протокамъ, пропустилъ ихъ струги, и потомъ внезапно напалъ со всѣхъ сторонъ. Окруженные отовсюду, стрѣльцы были разбиты; человѣкъ 100 изъ нихъ, на трехъ стругахъ, присоединились къ казакамъ, другіе побросали струги и лодки и разбѣжались. Голова Аксентьевъ ушелъ въ одной лодкѣ съ немногими стрѣльцами. Перебивъ начальныхъ людей изъ числа взятыхъ въ плѣнъ, казаки вошли въ Каспійское море на соединенье съ Разинымъ ([30]) (Въ Іюлѣ).

Между тѣмъ Стенька Разинъ, наканунѣ 23 Марта, въ ночь, выступилъ на 24 стругахъ изъ Яицкаго городка въ море, забравъ съ собою всѣ пушки и военные снаряды и запасы. Небольшія пушки оставилъ у себя на стругахъ, большія же побросалъ въ море. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ они

(30) Выписка изъ дѣла, № XII, XV.

подошли къ устьямъ Волги и остановились близь Учуговъ. Носился слухъ, что они хотятъ идти къ Астрахани. Но 23 тогожъ мѣсяца, бѣжавшій съ Учуговъ стрѣлецъ, изъ взятыхъ въ плѣнъ Разинымъ, объявилъ, что они пошли на взморье. Опасаясь вѣроятно значительныхъ силъ, сосредоточенныхъ въ Астрахани, Разинъ отправился къ Теркамъ, надѣясь, быть можетъ, соединиться съ казаками, которые вновь пришли съ Дону и появились на Кумѣ и близь гребневскихъ станицъ. У Чеченья острова на рыбной ловлѣ они поймали нѣсколько стрѣльцовъ изъ Терковъ, продержали у себя около двухъ недѣль и отправили назадъ съ письмами къ воеводѣ и владѣтелю мирныхъ Черкесовъ, князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому, требуя запасовъ, пороху, свинцу и вина. Требованье ихъ оставлено было безъ вниманія; а между тѣмъ къ Разину подошелъ Сережка Кривой, соединившись съ которымъ они отправились къ персидскимъ берегамъ и ограбили прибрежныя деревни близъ Дербента, Шемахи и Баку (31).

Персія находилась въ это время въ положеніи трудномъ. По смерти знаменитаго Шаха Аббаса, взошелъ на престолъ сынъ его Сулейманъ, еще 20-лѣтній молодой человѣкъ, но уже преданный пьянству и разврату, которые значительно разстроили его здоровье и даже умственныя способности. Дурное управленіе государственное, дѣло обычное въ Персіи, въ это время сдѣлалось еще хуже; а хищные сосѣди, пользуясь слабостію правленія, отовсюду нападали на Персію. Хивинцы ограбили Мервъ съ его окрестностями, Калмыки нападали на Астрабадъ; Шемаха же и Ширванъ сильно пострадали отъ землятрясеній (32).

Въ это время, въ началѣ Іюля, на 40 стругахъ, вооруженныхъ пушками, почти съ 2-мя тысячами казаковъ, Разинъ появился близъ Дербента и Баку, разорилъ нѣсколько деревень, взялъ плѣнныхъ и добычу, и пошелъ далѣе къ Гиляну (33). Тамъ они причалили къ берегу, высадили довольно-

(31) Тамъ же, № XIII, XV, XIX, XVII.

(32) Акты истор. IV, № 202, XXIII.

(33) Chardin, тамъ же, по персидскимъ извѣстіямъ считаетъ казаковъ до

по значительный отрядъ, разграбили городокъ Решъ, и безъ пощады перебили жителей (34). Когда Персіяне намѣревались оружіемъ отразить ихъ нападеніе, Разинъ, чтобы удобнѣе скрыть настоящую цѣль своего набѣга, объявилъ, что желаетъ отправить четырехъ казаковъ въ Испагань въ качествѣ посланниковъ къ шаху. Начальникъ Шемахи, обманутый ими, назначилъ конвой и проводилъ ихъ до столицы Персіи. Но въ то время, какъ они пріѣхали въ Испагань, получено было извѣстіе о ихъ набѣгѣ и грабежѣ въ Решѣ. Ихъ приняли, по видимому, хорошо, отвели домъ для помѣщенія и назначили содержаніе, однако же имъ не довѣряли. Когда казаки потребовали свиданія съ шахомъ, имъ отказали, а они съ своей стороны охотно согласились вести переговоры съ первымъ министромъ. Явившись къ нему, они объявили, «что посланы 6-ю тысячами казаковъ, которые прежде были подданными московскаго государства, въ настоящее же время, недовольные правительствомъ, съ своими семействами и имуществомъ они оставили отечество. Послѣ многихъ соображеній, рѣшились искать убѣжища въ Персіи, зная, какъ хорошо здѣсь правительство обходится съ своими подданными. По этому они желаютъ вступить въ число подданныхъ шаха и просятъ у него земли для поселенія.» Казаки представили и письма отъ своихъ предводителей, которыхъ однако же во всей Испагани никто не съумѣлъ прочесть (35).

Персіяне не довѣряли казакамъ. Съ одной стороны ихъ

---

6 т. въ 40 стругахъ, съ 2 пушками на каждомъ; по собственному признанію казаковъ, ихъ было въ Персіи до 2000. Выписка изъ д. XXI.

(34) Chardin: Erech, recht, выписка изд. Рашъ. XVII.

(35) Персидское правительство сообщало эту грамоту для перевода іезуиту Рафаелю du Mans, который болѣе 20-ти лѣтъ находился въ Персіи и постоянно служилъ переводчикомъ во всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Европою. Случайно въ это время находился въ Испаганѣ Herbert d'Jager, Голландецъ, бывшій секретарь ихъ посольства въ Персіи, знатокъ языковъ, посѣщавшій въ 1693 году развалины Персеполиса и составившій ихъ описаніе. Вмѣстѣ съ Мансомъ, они объявили, что грамоты писаны греческими буквами съ какими-то другими неизвѣстными, подходящими къ сирійскимъ; смысла они понять не могли и рѣшили, что грамота на казацко-русскомъ языкѣ. Chardin, тамъ же, стр. 117 и 118.

набѣгъ на Решъ давалъ поводъ подозрѣвать не мирныя, но совсѣмъ иныя цѣли ихъ похода, съ другой, имъ приходило на мысль, не подосланы ли эти казаки самимъ правительствомъ московскимъ, съ цѣлію отмстить имъ за дурное обхожденіе съ русскими посланниками, недавно бывшими въ Персіи.

« Если вы дѣйствительно желаете вступить въ подданство шаха, то для чего же разграбили городъ, ему принадлежащій », говорили Персіяне. « Мы явились въ Персію съ мирными цѣлями, возразили казаки, хотѣли въ Решѣ купить запасовъ; но жители насъ встрѣтили съ оружіемъ и принудили защищаться. » Такимъ же образомъ, въ послѣдствіи казаки и передъ русскимъ правительствомъ оправдывали свой набѣгъ на Персію ([36]).

Въ это время пришли въ Испагань и грамоты отъ Московскаго царя. Персидскій дворъ зналъ, что ѣдетъ русскій посланникъ, но онъ умеръ на дорогѣ. Это былъ Голландецъ, находившійся въ русской службѣ, Томасъ Брейнъ, которому поручено было составить договоръ съ Персіею о торговлѣ шелкомъ, на основаніи уже прежнихъ переговоровъ съ шахомъ Аббасомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ везъ грамоту, въ которой царь извѣщалъ о разбояхъ казаковъ на Каспійскомъ морѣ и просилъ шаха, если они явятся въ его государство, задержать ихъ и дѣйствовать противъ нихъ оружіемъ ([37]).

Получивъ извѣстіе отъ Московскаго царя о шайкѣ Разина, въ Испаганѣ не знали на что рѣшиться: принять ли въ подданство казаковъ, повѣривъ ихъ мирнымъ предложеніямъ, или считать ихъ за разбойниковъ, и стало быть отразить силою. Пока продолжались недоумѣнія, казацкая флотилія направилась къ восточнымъ провинціямъ прикаспійскимъ. 70 верстъ прошли они, никѣмъ не замѣченные, и высадились близъ Ферабата, въ Мазиндеранѣ. Казаки во-

(36) Chardin, X. стр. 119—120, вып. изъ д. XVII.

(37) Chardin, тамъ же; Выписка изъ дѣла, роспись стат. о казальбашскихъ дѣлахъ XXX. Посол. дѣла по снош. съ Персіею 7180 года въ Моск. архив. М. Иностр. Дѣлъ.

шли въ городъ подъ видомъ купцевъ, которые хотятъ продать свои товары и купить новые. Они продавали все такъ дешево, что Персіяне очень охотно у нихъ покупали и въ продолженіи пяти дней обходились съ ними очень радушно. На шестой день по прежнему продолжался торгъ, Разинъ ходилъ по площади и поправилъ свою шапку. Это былъ условный знакъ, по которому казаки бросились съ обнаженнымъ оружіемъ на жителей неожиданно, перерѣзали всѣхъ, кого могли, захватили богатую добычу, сѣли въ свои суда и отплыли изъ виду, въ море.

Въ Ферабатѣ находился знаменитый дворецъ шаха, въ которомъ собраны были большія сокровища. Все было ограблено и сожжено, и самый дворецъ разрушенъ. Въ самомъ городѣ и окрестностяхъ находилось нѣсколько Армянъ — остатокъ тѣхъ, которые сюда переселились при Аббасѣ Великомъ. Армяне, чтобы спасти себя отъ неминуемой гибели, встрѣчаясь съ казаками, произносили имя Іисуса Христа и крестились. Знакъ креста и имя Іисуса останавливало хищничество разбойниковъ, они не тронули ни одного Христіанина, ни ихъ домовъ.

Когда казаки отплыли въ море, жители Ферабата, разбѣжавшіеся по окрестностямъ во время грабежа, чрезъ нѣсколько дней возвратились въ городъ. Вдругъ казаки снова появились на берегу, бросились съ оружіемъ въ городъ, перебили до 700 жителей, не менѣе взяли въ плѣнъ, и опять отплыли въ море ([38]).

Наконецъ дѣйствія казаковъ объяснили персидскому двору, какъ слѣдовало обходиться съ ними. Ихъ посланниковъ шахъ велѣлъ заключить и предать позорной смерти ([39]), а между тѣмъ начали собирать войска и готовить флотъ, въ то время, когда, разгромивъ Ферабатъ и окрестныя поселенія, казаки нападали на Астрабатъ и наконецъ, по случаю приближенія зимы, укрѣпились близъ Ферабата на узкой косѣ, глубоко вдающейся въ море. Ближайшая къ берегу

---

(38) Chardin, тамъ же, стр. 135—138, Выписка изъ д. XX. XXI.

(39) Straussen's, Merkwürd. Reise стр. 149 Посол. дѣла по снош. съ Персіею 7181 года. Грамота къ персид. шаху 7181 г. Мая 26 дня.

часть этой косы покрыта лѣсомъ, гдѣ казаки и начали строить городокъ. Ихъ плѣнники день и ночь работали валы и засѣки. Число же самыхъ казаковъ, не смотря на нѣкоторыя потери, значительно увеличилось русскими плѣнными, находившимися въ Персіи, которыхъ они частію освободили, частію вымѣнивали на плѣнниковъ персидскихъ. Но Персы, провѣдавъ про ихъ намѣреніе, напали на нихъ въ значительныхъ силахъ, разбили и отняли почти всѣхъ плѣнныхъ. Казаки сѣли въ свои суда и отошли далѣе въ море къ песчаной оконечности той же косы, отдѣленной отъ лѣсной ея части болотомъ. Здѣсь они провели зиму.

Голодъ и болѣзни значительно уменьшили число казаковъ во время зимы на безводномъ островѣ, окруженномъ моремъ и болотомъ. У нихъ не было наконецъ хлѣба и они ѣли лошадей. Не смотря на то, на весну казаки отправились на новый промыселъ и напали на трухменскія поселенія. Во все лѣто, до Іюня мѣсяца они то ходили на грабежъ, то возвращались на Свиной островокъ, гдѣ находился ихъ станъ. Въ этихъ походахъ былъ убитъ товарищъ Разина, Сережка Кривой. Наконецъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 50 персидскихъ судовъ съ 3,700 войска напало на нихъ, казаки бились отчаянно, разбили Персовъ, которыхъ небольшая часть ушла только на трехъ стругахъ. Не смотря на побѣду, силы казаковъ однако же истощались; на послѣднемъ бою и въ продолженіи зимы ихъ погибло болѣе 500 человѣкъ, ихъ число уменьшалось, а между тѣмъ Персіяне снова вооружались; казаки могли бы всѣ погибнуть и потерять огромную добычу, награбленную ими въ продолженіи двухъ лѣтъ. Потому они рѣшились пробраться на Донъ, и въ концѣ Іюля мѣсяца двинулись къ волжскому устью, десять дней бѣжали на парусахъ и 6 Августа ночью показались въ Учугахъ ([40]).

---

(40) Chardin стр. 133, Выписка изъ дѣла XX, XXI.

ГЛАВА III.

Новое возмущеніе въ Яикѣ. Дѣйствія Астраханскаго воеводы. Возвращеніе Разина изъ Персіи и появленіе близъ Астрахани, кн. Львовъ окружилъ его на морѣ, объявленіе Разину милостивой грамоты, ложное раскаяніе. Пребываніе его шайки въ Астрахани. Путь по Волгѣ, чрезъ Царицынъ, обратно на Донъ.

Въ то время, какъ Стенька Разинъ грабилъ Персію, князь Прозоровскій прибылъ на воеводство въ Астрахань. По его распоряженію, оставленный Разинымъ Яицкій городокъ немедленно занялъ московскими войсками его товарищъ Безобразовъ и посадилъ тамъ стрѣлецкаго голову Сакмышева. Черный Яръ, Терки и другія пограничныя крѣпости были укрѣплены, въ Астрахань сосредоточивалось отовсюду войско (1). Гонецъ царскій, прибывшій изъ Москвы, объявилъ милостивое слово царя служилымъ людямъ астрахайскимъ, и съ тѣмъ же порученіемъ отправился въ Терки. Онъ привезъ даже князю Прозоровскому милостивую грамоту Стенькѣ Разину и его казакамъ, на случай если они принесутъ повинную и возвратятся на Донъ (2).

Удаленіемъ Разина возстаніе еще не окончилось: вновь его шайку можно было ожидать къ Яику, Теркамъ или къ устью Волги и подъ Астрахань; съ Кумы, Дона и съ Яика приходили дурныя вѣсти. Іюля 17, подъ вечеръ, сторожа на Учюгѣ Уварахъ слышали въ морѣ, въ разстояніи верстъ на десять отъ Учюга, пальбу изъ пушекъ и ружей, и полагали, что это подаютъ вѣсть одна другой воровскія казацкія шайки. Князь Прозоровскій нарядилъ разъѣздъ по Волгѣ внизъ, къ Учугу Увары, изъ 400 стрѣльцовъ подъ начальствомъ головы Леонтія Плохова и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

(1) Акты истор. IV № 202, VII, IX, XI.
(2) Тамъ же, № 202, VIII. Выписка изъ д. XXI.

поручилъ черноярскому воеводѣ Аѳанасью Тютчеву отправить въ Бузанъ и другіе протоки служилыхъ людей въ легкихъ лодкахъ для развѣдыванія о казакахъ, «чтобъ они подъ Красноярскій городокъ безвѣстно не пришли и дурна какого надъ нимъ не учинили» (3). Хотя разъѣзды съ Учюга Уваровъ на казаковъ не наѣхали и слѣдовъ ихъ не открыли, а разъѣзды изъ Чернаго Яру объявили, «что все далъ Богъ смирно и они никакихъ людей не видали», однако около этого времени вновь вспыхнуло возмущеніе на Яикѣ.

Въ городкѣ начальствовалъ голова Богданъ Сакмышевъ; чрезъ каждыя двѣ недѣли изъ Астрахани посылались туда конныя станицы, одна смѣняя другую, привозили вѣсти о казакахъ, Калмыкахъ и Башкирахъ, которые разбойничали такъ же, пользуясь замѣшательствомъ (4). Сакмышевъ уже отслуживалъ свой срокъ, и на смѣну ему 13 Іюля отправился изъ Астрахани новый голова, Борисъ Ивановъ Болтинъ съ тремя сотниками и 4 стами пѣшихъ стрѣльцовъ (5). За нимъ посланы двѣ пушки, 40 ядеръ и три пуда пороха на паузкахъ, на которыхъ немедленно поручалось возвращаться въ Астрахань Сакмышеву (6). Сверхъ того, сотнику Тарлыкову поручено было вести запасы военные и хлѣбъ для служилыхъ людей въ Яицкой городокъ (7).

Между тѣмъ еще 1-го Апрѣля изъ верхняго Яицкаго городка въ Каменной городокъ приплыли 13 казаковъ изъ шайки Разина, не зная, что онъ оставилъ городокъ и пошелъ въ море. Сакмышевъ ихъ схватилъ, заковалъ въ желѣза и посадилъ подъ стражу. Подговоривъ вѣроятно сторожей, имъ удалось взволновать астраханскихъ стрѣльцовъ. Іюля 30 они схватили своего голову и бросили въ воду, освободили колодниковъ и одного изъ нихъ «ста-

(3) Тамъ же, № 202, XVI, XVII, XVIII.
(4) Тамъ же, № 202. XIII.
(5) Тамъ же, № 202. XIV.
(6) Тамъ же, № 202. XIX.
(7) Выписка изъ дѣла XVII. 600 четвертей муки, 15 пудовъ пороху, 10 пудовъ свинцу, двѣ пушки—желѣзная и мѣдная.

раго воровскаго казака, Гришку Андреева Рудова» выбрали атаманомъ и отправились въ море отыскивать Разина (Іюля 31). Отъѣхавъ недалеко на Яикѣ, они встрѣтили сотника Тарлыкова, захватили всѣ запасы и возвратились въ городокъ, чтобы захватить другія суда. Подойдя къ городку, сотникъ бѣжалъ отъ нихъ съ 30 стрѣльцами. Между тѣмъ Яицкій городокъ былъ уже занятъ Болтинымъ, который вошелъ въ него на другой день послѣ того, какъ бунтовщики его оставили. Не рѣшились напасть на городъ казаки, отплыли въ море на Кулаланскій островъ въ одномъ паузкѣ и девяти малыхъ лодкахъ (8).

Въ Августѣ пришло извѣстіе къ астраханскимъ воеводамъ о новой разбойничьей шайкѣ (9). Князь Прозоровскій съ значительными силами отправилъ немедленно къ Кулаланскому острову своего товарища стольника Князя Львова, далъ знать на Терекъ, чтобы тамъ были осторожны; а Болтину предписалъ, въ случаѣ прихода казаковъ къ Яицкому городку, отразить ихъ силою. Предъ походомъ князя Львова посланы разъѣзды въ море, одинъ стругъ съ 20 стрѣльцами и сотникомъ Логиновымъ къ Четыремъ Бугрямъ, гдѣ поручалось имъ развѣдать, не проходили ли казаки отъ Бузанскаго устья; другой стругъ тоже съ 20 стрѣльцами и сотникомъ Невзоровымъ отправленъ былъ въ Бузанъ и на возморье, гдѣ поручалось ему стать «въ прикрытьѣ» и разъѣзжать въ легкой лодкѣ по Черпямъ, и разузнавать про казаковъ. Сотники должны были находиться въ сообщеніи между собою, и если прежде прихода князя Львова ничего не узнаютъ, то ожидать его на взморьѣ и, дождавшись, возвратиться въ Астрахань.

Въ слѣдъ за ними вышелъ изъ Астрахани князь Львовъ, доѣхалъ до урочища Эмансуги, и оттуда 18 Августа по-

(8) Акты истор. № 202. XXIX. Выписка изъ дѣла XVII.

(9) Акты истор. № 202. XXIX. Отписка Болтина получена Августа 22 очевидно по ошибкѣ вмѣсто 12; ибо объ ней упоминается въ отпискѣ астраханскихъ воеводъ на Терекъ, посланной 13 Августа, и въ это же число наряжены разъѣзды въ море (Акты истор. IV. № 202. XXVII и XXVIII) сотники Логиновъ и Невзоровъ, которымъ на возморьѣ поручалось дожидаться князя Львова.

БИБЛІОТЕКИ
Историко-Литературныхъ и Юридическихъ Курсовъ
Н. П. Раева.

шелъ въ море. Сентября 15 онъ засталъ казаковъ на Кулалапскомъ острову, вступилъ съ ними въ бой и разбилъ на голову. Устроенный ими городокъ былъ взятъ, сто двѣнадцать человѣкъ попались въ плѣнъ, другіе около 130 бѣжали въ море къ Туркменской сторонѣ. Чрезъ семь дней князь Львовъ возвратился въ Астрахань. Изъ плѣнныхъ, болѣе виновные были немедленно казнены, а 54 человѣка, по указу Государя, отосланы въ послѣдствіи въ Москву и оттуда въ Холмогоры на вѣчное житье (10).

Въ Терскомъ городкѣ во все продолженіе лѣта опасались постоянно нападенія казаковъ. Тамъ воеводствовалъ князь Петръ Прозоровской, братъ астраханскаго воеводы. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ онъ увѣдомилъ своего брата, что пронесся слухъ, будто въ пятидесяти верстахъ отъ казачьихъ гребневскихъ городковъ появилось сто донскихъ казаковъ, да съ Дону идетъ къ нимъ съ 2 тысячами человѣкъ атаманъ Алешка Каторжный (11). Чтобы узнать, справедливо ли это извѣстіе, онъ посылалъ отъ себя лазутчика, который подтвердилъ показаніе и сверхъ того узналъ, что на Кумѣ собралось также около 400 казаковъ. Владѣтель мирныхъ Черкесовъ, князь Каспулатъ Муцаловичь Черкасскій, съ своей стороны сообщилъ терскому воеводѣ извѣстія, полученныя имъ отъ казака, который былъ въ Червленомъ городкѣ у гребневскихъ казаковъ. Онъ встрѣтилъ тамъ донскаго ясаула Лагоза съ казакомъ, которые пріѣзжали для покупокъ и купили у гребневскихъ казаковъ 20 лошадей и сказали ему, что около Кумы всѣхъ донскихъ казаковъ около 200, да ждутъ они еще человѣкъ 500 съ Дону. Дѣйствительно въ концѣ лѣта съ Дону атаманъ Баба повелъ на Куму 400 человѣкъ казаковъ (12).

Терскій воевода, сообщая эти извѣстія въ Астрахань, просилъ прислать войскъ для обереганья города и противодѣйствія казакамъ, которымъ ни онъ, ни князь Каспу-

(10) Тамъ же, № 202. XXXIII. Выписка изъ дѣла XVIII. XXIV.
(11) Іюля 19-го, получ. 27-го, тамъ же № 202. XII.
(12) Тамъ же, № 202. XXV. XXVI. Выписка изъ дѣла XV.

лать, по его словамъ, противудѣйствовать не могутъ по недостатку войскъ.

Князь Прозоровскій немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи войскъ на Терекъ; а между тѣмъ писалъ къ своему брату, что противъ такого количества казаковъ, о которомъ онъ увѣдомляетъ, возможно дѣйствовать «терскими служилыми людьми и астраханскими годовальщиками». особенно съ помощью князя Каспулата, у котораго «конныхъ Черкасскихъ людей не малолюдно». Вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ, чтобы постоянно увѣдомляли его о воровскихъ казакахъ и вообще «о всякихъ вѣстяхъ». Съ этою цѣлію, по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ, отправлялись конныя станицы въ Терки (13); а въ это время были отправлены изъ Астрахани военные запасы на шести бусахъ и, кромѣ назначенныхъ на годовую службу, послано еще съ Васильемъ Бахмутовымъ 200 человѣкъ стрѣльцовъ въ двухъ стругахъ (14). Но въ Августѣ мѣсяцѣ терскій воевода уже писалъ, что «вѣсти про казаковъ затихли» (15). Вѣроятно долгое отсутствіе Разина, о которомъ не имѣли извѣстій, разсѣяло казацкія шайки на Кумѣ и онѣ возвратились на Донъ, гдѣ однако же продолжалось постоянное волненіе. То одинъ, то другой появлялся казакъ-зачинщикъ, собиралъ шайку и, намѣреваясь идти по слѣдамъ Разина на Волгу, начиналъ подвиги разбоемъ и грабежемъ своихъ же донскихъ поселеній. Атаманъ Яковлевъ, истощивъ всѣ способы для успокоенья казаковъ, сложилъ съ себя званіе, и на его мѣсто былъ избранъ Михаилъ Самаренинъ. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ, между Пятизбнымъ и Черкасскимъ городками, на рѣкѣ Лыскѣ, появился казакъ Васька Усъ и собралъ шайку конныхъ казаковъ (16). Зимою въ верховыхъ казацкихъ городахъ казаки собирались рѣшительно идти весною на Волгу. «Стенька Разинъ и Сережка Кривой мимо Царицына прошли

(13) Іюля 19-го, получ. 27. Тамъ же № 202. XII. XV. XX.
(14) Тамъ же, № 202, XXI. XXII.
(15) Тамъ же, № 202. XXIV.
(16) Тамъ же, № 202. X.

смѣло, говорили они; а мы и лучше того сдѣлаемъ. Мы пойдемъ прямо на Царицынъ и отомстимъ царицынскимъ стрѣльцамъ за то, что побили многихъ казаковъ» (17). Про Стеньку Разина въ Терки и Астрахань привозили извѣстія выходцы изъ Персіи, о его грабежахъ и набѣгахъ, но на Каспійскомъ морѣ во все лѣто было тихо. Въ Астрахани даже совершенно успокоились на счетъ Разина. Поводомъ къ тому послужило письмо къ князю Прозоровскому тарковскаго Шобана Шевкала, который увѣдомилъ, что подъ Решомъ казаки просились въ «холопство» персидскому шаху и задержаны Персіянами (18).

Хотя въ слѣдъ за тѣмъ постепенно приходили новыя вѣсти о дѣйствіяхъ казаковъ въ Персіи, но однако же они затихли весною, послѣ извѣстія о походѣ въ Трухменскую землю. Въ такомъ положеніи находились дѣла до осени 1669 года.

Въ началѣ Августа этого года въ Астрахань прибѣжали начальные люди и работники съ Учуга Басаги, принадлежавшаго астраханскому митрополиту, объявили о появленіи на Учугахъ Стеньки Разина и привели даже одного изъ стрѣльцовъ, находившагося у него въ плѣну. Плѣнникъ разсказалъ, что Разинъ возвращался изъ Персіи, и подойдя къ устью Волги недалеко отъ урочища Четырехъ Бугровъ, встрѣтилъ бусу, на которой ѣхалъ изъ Терковъ стрѣлецкій голова Посниковъ съ персидскимъ купцомъ и посланникомъ, и ограбилъ ихъ. Купцы везли шелкъ, а посланникъ дары государю. Другая буса, въ которой между прочимъ находились персидскіе аргамаки, посланные тоже въ даръ царю, отстала и осталась въ морѣ.

Получивъ извѣстіе о появленіи шайки Разина въ устьяхъ Волги, князь Прозоровскій отправилъ ратныхъ людей на судахъ, подъ предводительствомъ князя Львова, противъ нихъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ отдалъ ему и милостивую царскую грамоту къ казакамъ, привезенную къ нему царскимъ гонцомъ еще въ прошломъ году. Князь Львовъ въ усть-

(17) Выписка изъ дѣла XIV.
(18) Акты истор. IV. № 202. XXX.

ихъ Волги узналъ, что Разинъ стоитъ у Четырехъ Бугровъ, и отправился прямо на него. Казаки расположились на высокомъ бугрѣ и едва замѣтили приближеніе царской рати, какъ бросились съ берега на свои суда и поплыли въ море. Верстъ двадцать князь Львовъ преслѣдовалъ ихъ по морю и не могъ догнать. Тогда онъ, поставивъ свою флотилію на якоряхъ, рѣшился послать къ нимъ въ легкой лодкѣ съ Васильемъ Скрипицынымъ милостивую царскую грамоту (19).

Изнуренные зимнею стоянкою и походами, не имѣя съѣстныхъ запасовъ, окруженные отовсюду царскими войсками, само собою разумѣется, чтобы избѣгнуть вѣрной погибели, казаки должны были принять милостивую грамоту. Они готовились биться съ царскими войсками и еслибъ побѣдили ихъ, то намѣревались идти на Терекъ, и оттуда въ Куму, чтобъ возвратиться на Донъ. Но царскія войска были слишкомъ сильны и противостоять имъ казаки не могли. У князя Львова было 50 струговъ съ 3000 стрѣльцовъ (20). Милостивая грамота объявляла имъ спасенье въ то время, когда они не имѣли никакихъ способовъ къ спасенью; изъявивъ притворную покорность царской волѣ, они прошли къ Четыремъ Буграмъ. Князь Львовъ пропустилъ ихъ суда, а самъ пошелъ въ слѣдъ за ними и своею флотиліею сталъ въ устьѣ и заперъ имъ выходъ въ море. Казаки, прочтя грамоту и видя, что ихъ суда уже заперты, отправили двухъ выборныхъ къ князю Львову ото всей шайки говорить: «Великій Государь ихъ пожаловалъ, вины имъ отпустилъ, и потому они просятъ, чтобъ позволили имъ со всѣми пожитками идти на Донъ, они же съ своей стороны готовы служить Государю, гдѣ ему будетъ угодно.

(19) Выписка изъ дѣла XXI.

(20) Straussen's Merkw. Reise стр. 104 Diese macht bestande in 36 strugen mit mehr als 4000 kœpfen bemannets. Тамъ-же стр. 206 письмо, составленное 24 авг. 1669 на кораблѣ Орлѣ: 14 Augusti — mehr als 50 Ruder-Barken mit drei taussend Mann besetzet. 21. — des morgens liess sich die Russische Armee alhier finden, bestehende in 52 bis 53 langen Ruder-Barken. —... eine jedwede Bark fuehrete ein metallenes Beschütz, etliche waren mit zweihen versehen, und waren die meisten mit 40 und viele mit 70 musquetiren besetzet.

Пушки, взятыя ими на Волгѣ съ насадовъ, въ Яицкомъ городкѣ и въ Персіи и плѣнныхъ служилыхъ людей, Астраханцевъ и другихъ низовыхъ городовъ, они сдадутъ въ Астрахани воеводамъ». Говорилъ имъ также Скрыпицынъ, по приказанію князя Львова, чтобы они немедленно отпустили сына персидскаго купца, взятаго ими въ плѣнъ уже въ устьяхъ Волги. Казаки отвѣчали, что онъ обѣщалъ имъ выкупъ въ пять тысячь рублей, и потому они подумаютъ всѣмъ войскомъ, какъ его отпустить, и въ послѣдствіи дадутъ отвѣтъ. Такое условіе со стороны казаковъ показывало уже, что на нихъ и впредь полагаться нельзя, однако же князь Львовъ не требовалъ болѣе выдачи сына Кулибека и двухъ посланныхъ казацкихъ велѣлъ привести къ присягѣ за все ихъ войско съ тѣмъ, чтобы они немедленно шли въ Астрахань. Взявъ присягу съ казаковъ и отыскавъ остававшуюся въ морѣ бусу съ персидскими аргамаками, которую также ограбили казаки, князь Львовъ возвратился въ Астрахань; а въ слѣдъ за нимъ пошли и казаки (21).

Въ Астрахани находился въ это время, только что прибывшій, первый русскій корабль Орелъ. Нарочно выписанными изъ Голландіи мастерами онъ былъ выстроенъ на Окѣ въ селѣ Дѣдиновѣ. Оттуда, подъ начальствомъ капитана Бутлера, въ 1669 году отправленъ въ Нижній-Новгородъ и потомъ Волгою до Астрахани. Августа 17 князь Прозоровскій осматривалъ корабль и въ это время получилъ извѣстіе отъ князя Львова о покорности казаковъ. Обрадованный вѣстью, онъ приказалъ стрѣлять кораблю изъ всѣхъ пушекъ. Чрезъ два дни явились и посланные отъ казаковъ; объявляя о покорности, они предлагали однако же воеводѣ встрѣтить ихъ атамана съ почестями. Непрощеннымъ преступникомъ думалъ явиться въ Астрахань Стенька Разинъ, но воевода отвергъ неумѣстное предложеніе (22).

Августа 22 пришелъ князь Львовъ въ Астрахань и за

---

(21) Straussen's Reise. Письмо 24 Сентября 1669, казаки пришли 21 Авг. стр. 207. Записка изъ дѣла XXI. авг. 22.

(22) Тамъ же, письмо 24 Сент. 1669 стр. 207. Записка изъ д. XXI.

нимъ казаки въ 22 стругахъ. Три раза раздавались пушечные выстрѣлы съ русскихъ судовъ и изъ города, на которые съ своей стороны отвѣчали казаки. «По истинѣ, говоритъ современное преданіе, Стенька Разинъ богатъ пріѣхалъ, что и невѣроятно быти мнится: на судахъ его веревки и канаты всѣ шелковыя и паруса также всѣ изъ матеріи персидской шелковыя учинены» ([23]). Ихъ появленіе произвело сильное движеніе въ городѣ, многолюдномъ, торговомъ и наполненномъ войсками. Хотя воевода и запрещалъ ходить къ нимъ въ станъ и торговать; однакоже они сами безпрестанно ходили въ городъ. Суда казацкія были поставлены на Болдинскомъ устьѣ, близъ самаго города. Чрезъ два дни послѣ пріѣзда въ Астрахань, Разинъ, окруженный казаками, явился въ приказную палату, отдалъ бунчукъ, десять знаменъ и плѣнныхъ Персіянъ, обѣщался отдать и пушки и объявилъ, что отпускаетъ русскихъ плѣнныхъ безъ задержанія. Казаки просили отправить шесть человѣкъ, избранныхъ ими, къ государю съ повинною, а ихъ отпустить на Донъ, какъ обѣщано въ царской грамотѣ. Принявъ бунчукъ и знамена, князь Прозоровскій велѣлъ служилыхъ людей астраханскихъ и другихъ низовыхъ городовъ, возвращавшихся отъ Разина, приверстывать въ прежнія чины на порукахъ, а казакамъ говорилъ, чтобы возвратили всѣхъ плѣнныхъ Персіянъ и ограбленные товары подъ Учугами. Но Разинъ не соглашался, онъ былъ пьянъ и его едва выпровадили изъ города ([24]).

Выборныхъ казацкихъ, Лазаря Тимофеева съ пятью человѣками, воевода немедленно отпустилъ въ Москву; а самъ постоянно требовалъ, чтобы казаки дозволили сдѣлать имъ перепись, чтобы взятыя ими пушки они возвратили, равно и товары и дары, которые везъ Кулибекъ. Но казаки отвѣчали, что добыча взята ими въ Персіи съ бою, за нее они платили кровью и жизнію многихъ изъ своихъ товарищей, и давно раздѣлена между ними, равно и товары персидскаго купца проданы или истрачены на платья.

([23]) Москвит. 1841. Т. IV. стр. 168.

([24]) Strauszen's Reise, письмо 24 Сент. 1669.

Плѣнные точно также раздѣлены, иногда 20 человѣкамъ принадлежитъ одинъ. Что же касается до переписи, то у казаковъ «ни на Яикѣ, ни на Дону такого обычая не повелось», да и въ милостивой грамотѣ царской «не написано, чтобы ихъ переписывать и пушки у нихъ отбирать». Опасаясь казаковъ, которые вновь могли произвести возмущеніе въ самой Астрахани, воевода уступилъ ихъ требованіямъ: ихъ не переписывали, плѣнныхъ и добычи они не возвратили. Напротивъ, воевода дозволилъ выкупать у нихъ товары и плѣнъ вольною цѣною. Это дозволеніе послужило поводомъ къ постоянной торговлѣ и стало быть сообщеніямъ жителей города съ казаками, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣдствіи и къ жалобамъ персидскаго посла о томъ, что товары купцовъ, къ нимъ ѣхавшихъ, и его пожитки возвращены не были (25). Передъ поѣздкою на Донъ казаки возвратили только пять мѣдныхъ, да 16 желѣзныхъ пушекъ, а четыре мѣдныхъ да 16 желѣзныхъ, *затинныхъ*, удержали у себя, оправдываясь тѣмъ, что имъ необходимы пушки для защиты отъ Крымцевъ, когда они пойдутъ отъ Царицына къ Паншину городку. Впрочемъ, возвратившись на Донъ, обѣщались и остальныя пушки прислать въ Царицынъ. Сентября 4 казаки были отпущены изъ Астрахани вверхъ Волгою до Царицына, въ девяти большихъ стругахъ изъ ихъ флотиліи и нѣсколькихъ меньшихъ, которые далъ имъ воевода въ замѣнъ ихъ собственныхъ; жилецъ Леонтій Плоховъ посланъ былъ въ приставахъ за ними до Царицына съ 50 стрѣльцами, «чтобъ они, идучи Волгою, дурна какого не учинили». На отпускѣ Стенькѣ Разину съ казаками объявлено «съ великимъ подкрѣпленьемъ, чтобъ, идучи Волгою, никакихъ людей съ собою на Донъ не подговаривали, а которые безъ ихъ подговора учнутъ къ нимъ приставать, они бъ не принимали и за то отъ великаго государя опалы на себя не наводили» (26).

Во время пребыванія въ Астрахани, Разинъ, приходя въ городъ, сыпалъ деньгами; его казаки за безцѣнокъ прода-

(25) Записка изъ дѣла XXI.
(26) Записка изъ дѣла XXIV.

вали товары, являлись въ дорогихъ одеждахъ и волновали народъ; а въ своемъ станѣ пировали съ атаманомъ, который былъ постоянно пьянъ. Иностранецъ, свидѣтель происшествія, такъ разсказываетъ про ихъ бытъ подъ Астраханью: «однажды капитанъ корабля Орла Бутлеръ приказалъ изготовить шлюбку, чтобъ ѣхать въ станъ къ Стенькѣ Разину. Онъ взялъ съ собою двѣ бутылки простаго вина и подарилъ ихъ Разину и его ближнимъ товарищамъ-сорванцамъ. Они приняли бутылки съ благодарностію; ибо во все пребываніе ихъ въ морѣ у нихъ не было вина. Разинъ велѣлъ насъ спросить, кто мы такіе? Мы отвѣчали, что иностранцы, служимъ его царскому величеству на кораблѣ, который будетъ ходить по Каспійскому морю, пришли ему поклониться и привезли двѣ бутылки вина. Онъ посадилъ насъ и пилъ за царское здоровье». «Въ другой разъ, когда мы отправились въ его станъ, онъ прогуливался по рѣкѣ, пилъ и буйствовалъ съ своими казаками. Съ нимъ находилась Персіянка, которую онъ взялъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ ея братомъ; брата онъ подарилъ князю Прозоровскому, а ее держалъ при себѣ, какъ наложницу. Когда значительно подпилъ, онъ схватилъ ее на руки и говорилъ: «Волга, ты славная рѣка, ты доставила мнѣ много богатствъ, злата и серебра, ты отецъ и мать моей извѣстности, и я до сихъ поръ ничѣмъ не отдарилъ тебя, не останусь болѣе неблагодарнымъ». Съ этими словами одною рукою взялъ Персіянку за горло, другою за ноги и бросилъ въ Волгу. Она была въ дорогихъ одеждахъ, украшена золотомъ и драгоцѣнными камнями, молода и прекрасна» ([27]). Подобнымъ образомъ проводилъ время Разинъ подъ Астраханью; между тѣмъ какъ своихъ казаковъ онъ держалъ строго, за всякое преступленіе привязывали руки къ головѣ, въ пазуху клали песку или камней и бросали въ воду. Съ служилыми людьми царскими и даже съ воеводою онъ обходился грубо. Тотъ же иностранецъ разсказываетъ: «когда воевода отправилъ къ нему капитана Видероса требовать русскихъ плѣнныхъ, то Разинъ едва

(27) Straussen's Reise стр. 105, 106.

не убилъ его: «какъ ты осмѣливаешься являться ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ, говорилъ онъ, чтобъ я выдалъ моихъ друзей, которые со мною охотно пошли, и грозишь мнѣ опалою царскою? Скажи воеводѣ, что я скоро приду опять, и тогда увидимъ, кто будетъ повелѣвать. Онъ принялъ меня въ Астрахани, какъ холопа, безъ всякихъ почестей» ([28]). Разинъ былъ средняго роста, сильно сложенъ, по виду ему казалось лѣтъ 40, во всѣхъ его поступкахъ выражалась сильная воля пьянаго дикаря ([29]). Очевидно, чего можно было надѣяться отъ него въ будущемъ; онъ впрочемъ и не скрывалъ своихъ намѣреній. Что жъ удерживало воеводу астраханскаго поступить съ нимъ, какъ слѣдовало съ разбойникомъ? Быть можетъ простой страхъ, какъ объяснялъ самъ воевода въ отпискѣ къ царю.

Когда въ Москвѣ узнали про дѣйствія казаковъ въ Астрахани, въ царской грамотѣ къ князю Прозоровскому было писано: «бояринъ и воеводы: Стеньку Разина съ товарищами вы поставили выше Астрахани на Болдинскомъ устьѣ, воровскихъ казаковъ не допросили и къ присягѣ ихъ не привели, пограбленную рухлядь, ратныхъ людей, которые были ограблены Разинымъ вмѣстѣ съ персидскими купцами въ устьяхъ Волги, ихъ товаровъ не отобрали, про разгромъ Учуга Бэсарги казакамъ не говорили, съ персидскими купцами раздѣлки не учинили и отпустили на Донъ воровскихъ казаковъ безъ царскаго указу». Такъ поступать не слѣдовало! Въ милостивой грамотѣ казакамъ дозволялось идти на Донъ, но не было сказано, чтобы они шли изъ Астрахани вверхъ Волгою, и потому ихъ «отпустить было не довелось». Если казаки еще не отправлены изъ Астрахани, заключала царская грамота, то воеводѣ предписывалось призвать Разина со всѣми казаками въ приказную палату, «выговорить имъ ихъ воровство и вины, привести всѣхъ къ присягѣ въ церкви, по чиновной книгѣ, и раздать ихъ подъ стражу московскимъ стрѣльцамъ, не отпуская изъ Астрахани до указу; плѣнниковъ и товары взять

([28]) Тамъ же, стр. 107.

([29]) Тамъ же, стр. 109. письмо 24-го сент. 1669 г. стр. 207, 208.

насильно, если казаки добровольно не отдадутъ, и возвратить персидскимъ купцамъ ихъ собственность.

Царская грамота прислана въ Астрахань уже поздно: казаки были отправлены. Отвѣчая царю, князь Прозоровскій писалъ въ оправданіе: «отпущены казаки, потому что ихъ было слишкомъ много, а въ Астрахани не было достаточно войскъ, чтобъ за ними наблюдать. Московскіе стрѣлецкіе приказы велѣно было отпустить въ Москву, а астраханскихъ служилыхъ людей немного, да и тѣ не благонадежны: «они шатки и къ воровству склонны.» Привесть казаковъ къ присягѣ не смѣли, потому что прежде, во время воеводства въ Астрахани князя Черкасскаго, воровскую шайку казака Кондырева и другихъ воровскихъ казаковъ, которые приходили съ моря и были прощаемы, никогда къ присягѣ не приводили и «за приставовъ они въ раздачѣ не бывали». Кондырева шайка стояла выше Болдинскаго устья, на нагорной сторонѣ, у Жареная бугра, а прежніе воровскіе казаки между Балды и Кутумовой, и въ Москву ихъ отпускали свободно, хотя ихъ никогда не бывало болѣе 200 человѣкъ; между тѣмъ какъ съ Степькою Разинымъ было слишкомъ 1000 казаковъ. Про рухлядь, пограбленную у ратныхъ людей, и товары Персидскихъ купцовъ, и разоренье Учуга Басарги казакамъ говорено было много разъ. Насильно же взять у нихъ товары и рухлядь воеводы—«не смѣли, потому чтобъ они вновь шатости къ воровству не учинили и не пристали бы къ ихъ воровству многіе люди, и отъ того бы межъ Великаго Государя людьми кровопролитія не учинилось, потому что казаковъ было многолюдно. А приняли казаковъ и на Болдинскомъ устьѣ стать имъ велѣли противъ прежнихъ примѣровъ. И на Донъ ихъ отпустили, и шаховы области полону и его жъ шаховыхъ купчинъ товаровъ у казаковъ въ неволѣ отнимать не смѣли». «И все дѣлали, заключаетъ свое оправданіе князь Прозоровскій, съ совѣту Іосифа Митрополита Астраханскаго и Терскаго» (30).

И такъ съ одной стороны страхъ, съ другой « прежніе

(30) Записка изъ дѣла XXIV.

примѣры» объясняютъ дѣйствія воеводъ и московскаго правительства въ отношеніи къ Стенькѣ Разину. Донскіе казаки находились, такъ сказать, въ полуподданствѣ Россіи; они привыкли къ грабежу и часто необходимость ихъ побуждала на грабежъ. Выборные казаки, отправленные Стенькою Разинымъ въ Москву съ повинною къ царю, при допросѣ, между прочимъ, говорили, что пошли они «воровать на Волгу потому, что на Дону имъ учала быть скудность большая, на Черное море проходить имъ не мочно, учинены отъ турскихъ людей крѣпости, и потому они, безъ вѣдома войсковаго Атамана, отобрались охочіе люди, пошли на Волгу и въ море» (31). Путь на Каспійское море и по Волгѣ имъ былъ давно знакомъ, часто появлялись тамъ ихъ разбойничьи шайки, и потомъ, когда они приносили повинную, ихъ прощало правительство. Съ той же точки зрѣнія, какъ на простыхъ грабителей, часто являвшихся съ Дона, смотрѣло московское правительство и на шайку Разина и прежде, нежели онъ думалъ раскаяться, прислало милостивую грамоту. Какъ поступали прежде съ подобными людьми, поступилъ и воевода астраханскій съ Разинымъ. Его настоящее значеніе поняли только во время его пребыванья въ Астрахани. Дерзкое обращенье съ воеводою, наглые поступки и своевольство должны бы заставить перемѣнить образъ дѣйствія въ отношеніи къ его шайкѣ. Но воевода самъ принять мѣры боялся, а царское повелѣніе пришло уже поздно.

Впрочемъ другое, то же современное происшествію, преданіе объясняетъ иначе поведеніе князя Прозоровскаго. Оно говоритъ: когда Разинъ прибылъ въ Астрахань, «отъ воеводы былъ принятъ честно и самъ воеводу многими драгими персидскими дарами одарилъ. И между тѣмъ воевода астраханскій, видя у Разина многія богатства и драгія вещи, иногда ласканіемъ, а иногда и грозою отъ него получалъ, что уже тому Разину было и не безобидно. Уже онъ часто ему упоминалъ, чтобъ онъ скорѣе его отправлялъ, но воевода той, завидуя богатствомъ его, день

(31) Тамъ же, XXI.

ото дни продолжалъ его отправленіе. И некогда тому воеводѣ случилось быть на суднѣ при веселомъ подпитіи, Разинъ въ то время имѣлъ на себѣ богатую шубу дорогихъ соболей, такъ же покрытую дорогою персидскою парчею, которая воеводѣ зѣло понравилась; начатъ онъ просити, но Разинъ на то ему досадно отвѣчалъ, понося его лакомство. Но воевода ему тако сказалъ: когда ему той шубы не подаритъ, то онъ знаетъ что съ нимъ сотворитъ; якобы, въ пріѣздѣ его Разина въ Москвѣ, тамо можетъ воевода добро и зло ему устроити. И тако той Разинъ, хотя и не хотя, но якобы принужденъ ту шубу ему отдать, съ великимъ ярымъ сердцемъ и злою мыслею, скинувъ съ себя тою и отдавъ ему, рекъ сице: возьми братъ шубу, только не былобъ въ ней шуму!» (32) Неизвѣстно, справедливо ли это преданіе; въ послѣдствіи персидскій посланникъ, находившійся въ это время въ Астрахани и ограбленный Разинымъ, представлялъ Посольскому приказу такія же обвиненія на воеводъ. Но во всякомъ случаѣ какъ современное преданіе, быть можетъ оно имѣетъ нѣкоторое основаніе (33).

Между тѣмъ караванъ Разина въ сопровожденіи пристава тянулся Волгою къ Царицыну. Въ Черный Яръ и Царицынъ князь Прозоровскій писалъ къ воеводамъ, чтобы они казаковъ въ города не пускали и не велѣли бы продавать

(32). Москвитянинъ 1841. Т. IV.

(33). Посол. дѣло, по сношеніямъ съ Персіею 7180 г., въ архивѣ министер. иностр. дѣлъ въ Москвѣ; письмо персидскаго посланника Юсуфа Эманъ Бекакъ А. С. Матвѣеву: «и въ то число, какъ подъ Астраханью пограбили купчинъ и шахова величества казну и пограбивъ пріѣхали въ Астрахань, и тѣ животы всѣ взяли въ городъ въ свои домы, и съ казаками за одно пили и ѣли и прохлаждались, а казну шахову распролавали и такое разоренье учинили тѣ воры, а они (воеводы) ихъ пожаловали и ничего надъ ними не учинили, а довелось было ихъ казнить, и на нихъ той шаховой казны не допрашивали..... А говорили все шаховы люди: для чего того Стеньку съ товарищи переписавъ къ царскому Величеству не представили; а астраханскіе воеводы тѣхъ воровъ принимали съ честью и пили ѣли день и ночью съ ними вмѣстѣ тѣшилися, для чего ихъ не переняли? ... и воеводы шахову казну и полоненныхъ людей у нихъ не взяли, а сказали, что тѣ казаки холопи великаго государя, а не воры, и вина де имъ отдана; а что взяли они грабежемъ животы и ясырь, то имъ зачтено въ жалованье и никому до того дѣла нѣтъ.....»

нмъ вина. Едва только казаки отъѣхали отъ Астрахани, какъ изъ числа возвратившихся отъ Разина служилыхъ людей астраханскихъ изъ 47 человѣкъ не оказалось 15, а сверхъ того и нѣкоторые другіе люди ушли вмѣстѣ съ казаками. Князь Прозоровскій отправилъ Волгою, чрезъ 6-ть дней послѣ Разина, четыре московскихъ стрѣлецкихъ приказа, которымъ на смѣну 24 Сентября пришли новые два приказа изъ Москвы. Эти приказы встрѣтили Разина 17-го Сентября ниже Чернаго Яру, въ двадцати верстахъ. Онъ былъ пьянъ и нѣсколько разъ присылалъ къ нимъ двухъ изъ своихъ эсауловъ и требовалъ «съ великимъ невѣжествомъ, чтобы головы сами явились къ нему». Когда они отправили пятисотеннаго да пятидесятеннаго, то онъ задержалъ ихъ у себя, бранилъ головъ и собирался идти на нихъ боемъ. Разинъ остановилъ также и сотника Кривцовскаго, но тотъ къ нему явился и подарилъ ему три ведра вина. Отдаривъ многими подарками, Стенька дружелюбно отпустилъ сотника. Точно такъ же поступилъ онъ и съ головою казанскихъ стрѣльцовъ, Воропановымъ, который съ приказомъ провожалъ хлѣбные запасы для служилыхъ людей изъ Казани въ Астрахань и встрѣтился съ нимъ. Воропановъ послалъ ему бочку вина, въ шесть ведеръ, и по его требованію далъ ему одинъ стругъ, который онъ послѣ возвратилъ въ Царицынѣ. Впрочемъ два дни онъ продержалъ на якорѣ хлѣбные струги и по всѣмъ посылалъ своихъ эсауловъ. Разинъ останавливалъ повсюду стрѣльцовъ за тѣмъ, чтобы подговаривать ихъ присоединиться къ нему. Ему и удалось перезвать къ себѣ одиннадцать человѣкъ изъ приказа Воропанова, отъ Кривцовскаго перешли къ нему два человѣка.

Когда вѣсти о поступкахъ Разина достигли Астрахани, князь Прозоровскій писалъ къ Леонтью Плохову, чтобъ онъ «Стеньки съ товарищами дурости его выговорилъ» и требовалъ немедленнаго возвращенья всѣхъ перебѣжавшихъ къ нему служилыхъ людей и оставшихся у него пушекъ. Четыремъ приказамъ московскихъ стрѣльцовъ, отправившимся не долго спустя послѣ Разина изъ Астрахани, онъ также писалъ, чтобъ они остановились въ Царицынѣ, и

не продолжали пути далѣе, пока Разинъ не выѣдетъ на Донъ, «для того, чтобъ отъ казаковъ какова дурна вновь не учинилось». Стрѣлецкіе приказы встрѣтились съ казаками 29 Сентября, не доходя тридцати верстъ до Царицына, противъ Переливнаго острова. Разинъ причалилъ къ берегу, прошелъ по ихъ стругамъ и требовалъ отъ головъ, чтобы они отдали ему колодниковъ, которыхъ они везли въ Москву, кулалинскихъ плѣнниковъ. Изъ нихъ три человѣка еще прежде ушли къ нему. Головы отказали Разину и требовали напротивъ, чтобъ онъ возвратилъ къ нимъ трехъ преступниковъ. Но онъ «съ большимъ невѣжествомъ» требовалъ выдачи, грозя въ противномъ случаѣ отнять ихъ силою (34).

Октября 1-го Разинъ пріѣхалъ въ Царицынъ и пробылъ пять дней. Его дѣйствія въ Царицынѣ могутъ служить уже началомъ новаго возстанія. Ограбивъ нѣсколько судовъ, проходившихъ мимо города, онъ поймалъ астраханскаго сотника Спицова, который везъ въ Астрахань царскія грамоты, отнялъ ихъ у него и бросилъ въ воду. Казаки давно были сердиты на царицынскаго воеводу, который, по своему назначенію, болѣе всѣхъ извѣщалъ государя о ихъ дѣйствіяхъ. Передъ приходомъ Разина онъ распорядился, чтобы съ кружечнаго двора продавали казакамъ вино по двойной цѣнѣ. Въ отмщенье за это Разинъ явился съ толпою къ его дому, бревномъ вышибъ двери и хотѣлъ его убить. Воевода выпрыгнулъ изъ окна, разшибъ себѣ ногу и едва спасся. Потомъ одинъ изъ казаковъ явился къ нему въ приказную палату, бранилъ его публично и далъ даже за бороду. Узнавъ про это, Разинъ пошелъ туда же и хвастался, что убьетъ воеводу, который спрятался въ задней комнатѣ приказной палаты. Онъ выговаривалъ ему между прочимъ, зачѣмъ онъ беретъ пошлину съ казацкихъ подводъ, пріѣзжающихъ за солью, и вообще притѣсняетъ казаковъ, и постоянно грозилъ, что ему «живу не быть». Выпустивъ преступниковъ, находившихся въ царицынской тюрьмѣ, наконецъ, на казацкихъ наемныхъ подводахъ, онъ

(34) Записка изъ дѣла XXIV.

отправился на Донъ съ приставомъ Алексѣевымъ. Въ Царицынѣ Разинъ оставилъ десять струговъ и семь якорей, но парусовъ не отдалъ. Когда, по приказанію астраханскаго воеводы, приставъ Плоховъ ему говорилъ, чтобы онъ отдалъ перебѣжчиковъ, у него находившихся, и возвратилъ пушки, Разинъ отвѣчалъ: « того у казаковъ не повелось, чтобъ бѣглыхъ людей выдавать ». На требованіе же о отдачѣ пушекъ сказалъ: «знамена и пушки, которыя отданы въ Астрахани, и тѣхъ отдать было не довелось », потому что въ государевой милостивой грамотѣ ничего не сказано объ отдачѣ пушекъ.

Во все продолженіе его пребыванія въ Царицынѣ московскіе стрѣлецкіе приказы не входили въ городъ и оставались на томъ же мѣстѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ Разинъ на Волгѣ. Ихъ присутствіе въ городѣ могло бы нѣсколько обуздать казаковъ, но они не исполнили предписанія астраханскаго воеводы и вошли въ Царицынъ, спустя два дни послѣ ихъ удаленія. Даже Разину это казалось страннымъ; «отъ чего пейдутъ такъ долго стрѣльцы, говорилъ онъ, они сдѣлали городокъ земляной, видно боятся, что я нападу на нихъ. Напрасно они боятся, я только хотѣлъ ихъ напугать». Дѣйствительно, по всей вѣроятности стрѣлецкіе головы боялись войти въ Царицынъ, быть можетъ не разсчитывая на преданность самыхъ стрѣльцовъ, а всего вѣроятнѣе отъ того, что везли съ собою значительное число плѣнныхъ казаковъ одной шайки съ Разинымъ (35).

Оставаясь въ Царицынѣ пять дней, Разинъ говорилъ, что дожидается своихъ станичниковъ изъ Москвы. Посланные имъ казаки въ это время дѣйствительно были отпущены изъ Москвы. По указу Государя вины имъ были выговорены; но вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, что «Его Царское Величество Государь Христіанскій, по своему царскому милосердному разсмотрѣнію, пожаловалъ, вмѣсто смерти имъ велѣлъ дать животъ и указалъ ихъ послать на Астрахань, чтобы они ему служили и вины свои заслуживали ». Имъ поручено было объявить Разину, чтобы онъ персидскихъ

(35) Тамъ же, XXIV и XXV.

плѣнниковъ и товары возвратилъ немедленно. Сентября 21-го они были отпущены изъ Москвы съ приставомъ Хомуцкимъ. Доѣхали до Саратова; но оттуда, на дорогѣ въ Астрахань, встрѣтили московскихъ стрѣльцовъ, слѣдовавшихъ въ Москву изъ Астрахани. Стрѣльцы имъ сказали, что Разинъ пошелъ на Донъ. Тогда, ограбивъ проводниковъ и бросивъ ихъ на дорогѣ; отнявъ подводы и лошадей, они бѣжали на Донъ (36).

Такъ окончилось первое возмущеніе Разина, послужившее только приготовленіемъ ко второму, болѣе значительному.

А. Поповъ.

---

(36). Тамъ же, XXI. XXII и XXIII.

(Продолженіе впредь.)

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО СОСЛОВІЯ

ВЪ АВСТРІИ (1).

Говоря о земледѣльческомъ сословіи Австріи, мы имѣемъ въ виду преимущественно землепашцевъ, живущихъ на чужихъ земляхъ. Отношеніе зависимости между крестьяниномъ – поселенцемъ и господиномъ–собственникомъ земли теряется въ отдаленной древности, когда земля бо́льшею частью принадлежала большимъ владѣльцамъ, которые раздавали ее участками, съ сохраненіемъ для себя права собственности, и подъ условіемъ извѣстныхъ обязательствъ. Отсюда возникли очень тягостныя отношенія, которыя наконецъ превратились въ рабство, такъ что собственникъ могъ располагать не только имуществомъ крестьянина, но и его жизнію. Въ нѣмецкихъ провинціяхъ Австріи (Верхней, Нижней и Внутренней) время давно уничтожило всѣ слѣды рабства. Въ Нижней Австріи еще указомъ имп.

---

(1) Заимствовано изъ слѣдующихъ сочиненій:

—Die Landwirthschaft in den deutschen, böhmischen und galizischen Provinzen des österreichischen Kaiserstaats etc. v. Schopf. Wien. 1835.

—Allgemeine vergleichende Finanz-Statistik. v. Friedr. v. Reden. Oesterreich.—Darmstadt. 1853.

—Ueber die Finanzen etc. Oestérreichs. v. Tengoborski.

—Unterricht zur Anmeldung und Berechnung der Entschädigung für die in den Kronl. Oesterreich ob der Enns und Salzburg aufgehobenen Grundlasten. v. Schopf. Linz. 1849.

—Die Oesterreichischen Grundentlastungs Kapitalien etc. v. Franz. Plaček. Prag. 1853.

Леопольда I, въ 1679 г., крестьянское сословіе взято подъ защиту государственной власти. Но въ славянскихъ земляхъ прежнее положеніе удерживалось гораздо долѣе, пока имп. Марія Терезія не обратила на этотъ предметъ своей заботливости и разными постепенными преобразованіями не приготовила для земледѣльцевъ лучшей участи. Окончить это дѣло предоставлено было имп. Іосифу. Его указомъ, въ 1781 г., уничтожено рабство тамъ, гдѣ оно еще держалось, а въ замѣнъ введенно умѣренное подданство, котораго условія опредѣлены особыми правилами.

Чтобы яснѣе представить постепенное освобожденіе земледѣльцевъ отъ разныхъ обременительныхъ и вредныхъ для нихъ условій, мы исчислимъ рядъ правительственныхъ узаконеній, состоявшихся бо́льшею частію въ концѣ прошлаго столѣтія, обнаружившихъ уже тогда въ правительствѣ большую заботливость о развитіи благосостоянія поселянъ и вообще сельскаго хозяйства.

Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ рабства, земля, раздѣленная на участки между крестьянами, сдѣлалась мѣриломъ ихъ повинностей въ отношеніи къ главному владѣльцу. Еще прежде, чтобы защитить ихъ отъ произвола сего послѣдняго, она отдѣлена отъ собственно господской земли, и введено ограниченіе, что помѣщикъ не иначе можетъ извлекать изъ нея доходъ, какъ отдавая въ пользованіе крестьянину. Но крестьянинъ оставался только временнымъ ея владѣльцемъ, что̀ значительно ослабляло его дѣятельность, при отсутствіи увѣренности, что владѣемый имъ участокъ достанется его дѣтямъ, или же будетъ всегда въ его распоряженіи; по этому крестьянамъ предоставлено покупать у помѣщиковъ право свободнаго распоряженія своими участками, которые тогда получали названіе выкупленныхъ (eingekaufte). Въ нѣмецкихъ областяхъ Австріи этотъ выкупъ совершился уже очень давно; древнѣйшіе урбаріи и поземельныя книги показываютъ подданныхъ полными владѣльцами своихъ участковъ, съ правомъ обрабатывать ихъ по своему произволу, отчуждать и завѣщать кому бы то ни было. Не такъ было въ славянскихъ земляхъ, гдѣ, можетъ быть, вслѣдствіе господства чуждаго

племени, сословіе земледѣльцевъ гораздо долѣе оставалось въ рабствѣ, и по уничтоженіи его гораздо позднѣе пріобрѣло право свободно располагать своею землею. Хотя въ концѣ прошлаго столѣтія правительство всячески старалось побудить помѣщиковъ уступать землю крестьянамъ въ неотъемлемое владѣніе за незначительную плату, выставляя, что приращеніе довольства крестьянъ будетъ имѣть вліяніе на исправное исполненіе ими повинностей; однакожъ нигдѣ не дѣлало этого принудительно: выкупъ и опредѣленіе выкупной платы предоставлены были обоюдному согласію. Въ слѣдствіе этого въ Богеміи, Моравіи, Силезіи и Галиціи до послѣдняго времени существовали невыкупленные участки, которыми подданные владѣли, но не могли ихъ чуждать, дарить или завѣщать кому-либо, кромѣ дѣтей.

Главные владѣльцы, какъ выше сказано, раздавали земли поселянамъ подъ условіемъ денежнаго оброка или натуральныхъ повинностей. Пользуясь первоначально неограниченною властію, они могли увеличивать эти повинности по своему произволу и нерѣдко до крайности обременяли крестьянина, а слѣдовательно и землю. Ими изобрѣтены были многообразные *поборы*, которые мѣнялись соотвѣтственно мѣстности, времени и произволу, и продолжали отчасти существовать до 1848 года. Впрочемъ правительство давно уже начало стараться приводить ихъ въ опредѣленую и умѣренную норму. Такъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія оно постепенно ограничило: *поземельный оброкъ* деньгами и произведеніями (Grunddienst); *пошлину съ перехода земли* отъ одного владѣльца къ другому; *пошлину за внесеніе въ поземельную книгу* (Grundbuchsgebühren); *посмертную подать* (Mortuarium), платимую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Зальцбургѣ), по смерти подданнаго, съ оставленнаго имъ движимаго и недвижимаго имущества; *посмертную долю* (Sterbhaupt), то есть, право главнаго владѣльца взять послѣ смерти подданнаго изъ оставленнаго имъ движимаго имущества лучшую лошадь, быка или вещь; въ послѣдствіи предоставлено отбирать эту долю лишь деньгами и не свыше 10 гульд.; *пошлину съ вывезеннаго имущества* (Abfahrtsgeld), которую прежде

главный владѣлецъ взималъ со всякаго поддаппическаго движимаго имущества, переходящаго во владѣніе другаго помѣщика, хотя бы это было въ томъ же округѣ; въ послѣдствіи же позволено взимать ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только съ имуществъ, переходящихъ за границу.

Барщина, произшедшая частію отъ владѣнія господскою землею, частію отъ личныхъ подданническихъ отношеній, существовала также въ очень давнія времена и безъ всякаго опредѣленія. Во второй половинѣ XVI стол. являются указы, приводящіе ее въ извѣстность въ разныхъ областяхъ Австріи; но только въ царствованіе Маріи Терезіи (1772—75) изданы для каждаго края особые барщинные уставы (Robotpatente), которыми опредѣлено: кто и какимъ образомъ долженъ работать, сколько дней, какого рода работу, для разныхъ разрядовъ крестьянъ, съ предоставленіемъ впрочемъ права оставаться при прежнемъ положеніи, если крестьяне находили это выгоднѣе.

Въ 1777 г. издано постановленіе, приглашающее помѣщиковъ: 1) къ замѣнѣ барщины оброкомъ деньгами или произведеніями; 2) къ раздѣлу помѣщичьихъ земель между крестьянами, съ предоставленіемъ имъ наслѣдственнаго (эмфитевтнаго) права за ежегодный оброкъ въ 1 гульденъ 30 крейцеровъ съ мѣрки (Metzen) посѣва или 533 квадрат. саженей (Klafter) земли, или, соотвѣтственно, зерновымъ хлѣбомъ; и 3) къ дарованію крестьянамъ права собственности на владѣемые ими дома и усадьбы. Это постановленіе въ непродолжительное время приведено было въ исполненіе во всѣхъ государственныхъ имѣніяхъ и въ тѣхъ, которыми владѣли города; частнымъ же владѣльцамъ предоставлено на добровольное соглашеніе съ подданными. Оно было истинно благодѣтельно по своимъ послѣдствіямъ: только съ того времени начало развиваться сельское хозяйство и благосостояніе земледѣльцевъ.

Въ тотъ же періодъ времени, преимущественно во второй половинѣ прошлаго столѣтія, *совершенно уничтожены* обременительные поборы, существовавшіе въ разныхъ мѣстахъ, извѣстные подъ названіемъ: Stiftwein, das Hemettuch, Weingeld, Stiftgeld, Wachtgeld и пр.; дача овса для

помѣщичьихъ собакъ, подать на собакъ и рябчиковъ. Ограничено право охоты, неумѣренное пользованіе которымъ привело между прочимъ къ такому размноженію дичи, что она истребляла сосѣднія поля, которыя оставались отъ того незасѣянными, ибо крестьяне не имѣли права ее сгонять. Пользованіе общими пастбищами ограничено извѣстнымъ числомъ скота и мѣстомъ. Запрещено помѣщикамъ (1) пасти скотъ въ молодыхъ зарослях, принадлежащихъ подданнымъ, и въ случаѣ нарушенія этого правила дозволено забирать скотъ въ залогъ вознагражденія убытковъ. Опредѣлено, какую именно можно брать десятину и съ какихъ произведеній. Ограничено право помѣщика выкупать за извѣстную плату участокъ у крестьянина, или присвоивать его себѣ въ случаѣ смерти крестьянина безъ наслѣдниковъ. Подданный получилъ право свободно продавать свои произведенія, чѣмъ прекратилась пошлина за свободную продажу (Anfeilgeld), прежде платимая помѣщику. Запрещено главнымъ владѣльцамъ подъ какимъ либо предлогомъ выпуждать подданныхъ покупать или продавать съѣстные припасы, или напитки имъ, владѣльцамъ, принадлежащіе. Уничтожено всякое выпужденное потребленіе помѣщичьихъ припасовъ (Herrschafts- oder Zwangs-Zehrungen), выпужденное празднованіе свадебъ и дѣланіе поминокъ въ помѣщичьихъ трактирахъ, а равно насильственное накидываніе при этомъ опредѣленнаго количества пива и вина, или намѣсто того денежный поборъ (2). Уничтожено выпужденное право помола и предоставлено крестьянину молоть свой хлѣбъ, гдѣ угодно, не платя пошлины владѣльцу. Вообще запрещено помѣщику, подъ штрафомъ въ 50 гульд., вымогать у подданнаго какія либо произведенія, чѣмъ прекращенъ такъ называемый оброкъ натурою, по меньшимъ цѣнамъ противъ существующихъ. Уничтожено притѣснительное правило, что хлѣбо-

(1) Слово *помѣщикъ* мы употребляемъ, какъ синонимъ главнаго владѣльца, собственника земли.

(2) Помѣщикамъ предоставлено впрочемъ, при отдачѣ въ оброчное содержаніе или продажѣ своихъ трактировъ, включать въ условіе, что арендаторъ и всѣ его наслѣдники должны брать питья изъ экономіи владѣльца.

ные торговцы и хлѣбопеки не могли иначе покупать зерновой хлѣбъ, какъ изъ помѣщичьихъ амбаровъ.

Къ этому же періоду относятся постановленія, дозволяющія крестьянину безпошлинно перемѣнять мѣсто жительства, если только онъ имѣетъ законный промыслъ, заниматься ремеслами и искусствами, сочетаться бракомъ, получивъ отъ помѣщика увѣдомительную записку (Meldzettel).

Судопроизводство по дѣламъ крестьянъ, въ низшей инстанціи, долго оставалось въ рукахъ помѣщиковъ; назначеніе судей зависѣло отъ нихъ; по приговору судьи или двухъ безпристрастныхъ сосѣдей, крестьянинъ могъ быть подвергнутъ слѣдующимъ наказаніямъ: a) заключенію въ тюрьму безъ вреда здоровью, на хлѣбѣ и водѣ, b) исправительной работѣ, c) съ увеличеніемъ того и другаго ножными кандалами, и наконецъ d) удаленію изъ дому. Для ареста или исправительной работы болѣе восьми дней нужно было разрѣшеніе уѣзднаго правленія (Kreisamt). Подданному предоставлялось право жалобы въ высшую инстанцію. Съ своей стороны помѣщикъ обязывался оказывать своимъ подданнымъ пособіе и защиту, быть ихъ ходатаемъ въ случаѣ какого-либо тяжкаго обвиненія, отвѣчать за всѣ убытки, причиненные несправедливыми требованіями владѣльческаго управленія. Для обезпеченія вознагражденія этихъ убытковъ, въ нижней и трехъ старыхъ округахъ Верхней Австріи, въ Штейермаркѣ, съ округомъ Клагенфуртскимъ и въ Галиціи учреждена такъ называемая *октава*, то есть, восьмая часть имѣнія считается въ залогѣ, и не можетъ быть обременяема долгами. Это обязательство переходитъ на всякаго владѣльца имѣнія.

Къ числу правительственныхъ мѣръ, клонящихся къ той же цѣли, упроченію благосостоянія сельскаго населенія, могутъ быть отнесены еще слѣдующія:

1. Поощренія и льготы, дарованныя земледѣльцамъ (1763 — 84), которые будутъ обработывать пустоши.

2. Вынужденный раздѣлъ общихъ пастбищъ, какъ между подданными, сообразно владѣемымъ ими поземельнымъ участкамъ, такъ между подданными и помѣщикомъ пополамъ (1767—69).

3. Побужденіе къ основанію новыхъ отдѣльныхъ выселковъ (1771 — 84), какъ болѣе удобныхъ для обработки земли.

4. Побужденіе къ раздѣлу большихъ поземельныхъ крестьянскихъ участковъ, впрочемъ съ ограниченіемъ. Въ дворянскихъ имѣніяхъ, записанныхъ въ дворянскую книгу (Dominikalgüter), раздѣлъ этотъ дозволенъ лишь съ тѣмъ, чтобы количество скота всѣхъ вновь образовавшихся участковъ было не менѣе того, какое было прежде, когда они составляли одно цѣлое. Притомъ, если имѣніе заложено, то необходимо согласіе кредиторовъ.

5. Ограниченіе общественныхъ повинностей. Для исправленія дорогъ поселяне должны были выставлять подводы и рабочихъ; соразмѣрно разстоянію ихъ жилищъ отъ дороги опредѣлялось число дней для этихъ работъ; живущіе на разстояніи трехъ миль отъ шоссе не освобождались отъ этой повинности. Въ послѣдствіи (1824) она обращена въ денежную: казна выдавала сумму, необходимую для этой цѣли, и потомъ взимала ее съ жителей, разложивши на нѣсколько лѣтъ. Наконецъ всѣ издержки по постройкѣ и содержанію шоссе отнесены на счетъ государства, и въ той же мѣрѣ увеличена общая подать.

Въ 1783 г. правительство отказалось отъ права пользоваться за сходную цѣну частными лѣсами для горныхъ заводовъ, права очень обременительнаго и существовавшаго издревле для поощренія горной промышленности.

6. Правильное распредѣленіе налоговъ принадлежитъ вообще къ числу необходимѣйшихъ условій народнаго благосостоянія. Въ древнія времена, на удовлетвореніе государственныхъ потребностей служили въ Австріи большею частію доходы съ казенныхъ имѣній (Domainen), и отчасти натуральная повинность, какъ на примѣръ, ленная, безвозмездная военная служба. Но съ увеличеніемъ расходовъ возникли подати чрезвычайно разнообразныя. Между прочимъ въ австрійскихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ существовала и поземельная подать, которою преимущественно были обложены общинныя и крестьянскія земли; количество ея обыкновенно соотвѣтствовало числу дней бар-

щины. Въ послѣдствіи, при Леопольдѣ I, оно приведено въ соотвѣтствіе съ мѣрою земли и приблизительною цѣнностію произведеній; но поземельнымъ окладомъ облагались не отдѣльныя имѣнія, а цѣлыя общины и округи, что дало возможность большимъ владѣльцамъ взвалить большую часть налога на своихъ крестьянъ и поселенцевъ. Дѣйствительно дворянскія имѣнія были большею частію если не совсѣмъ избавлены отъ налога, то очень слабо имъ обложены; кромѣ того самыя имущества, подлежащія налогу, не были точно опредѣлены и достаточно классифированы, такъ что нерѣдко подвергались ему такіе предметы и отрасли доходовъ, которые бы не должны подлежать. Но чѣмъ болѣе росли расходы государства, тѣмъ чувствительнѣе становилась несправедливость распредѣленія налоговъ. Императоръ Карлъ VI и еще болѣе Марія Терезія положили первыя основы уравнительному налогу. Въ Миланской области введенъ правильный кадастръ; а при императрицѣ Маріи Терезіи постепенно и осмотрительно введены возможныя улучшенія въ другихъ частяхъ государства, исправлены болѣе явные недостатки и вопіющія несправедливости. Дворянскія имѣнія, въ податномъ отношеніи, уравнены съ крестьянскими, и первыя кадастровыя оцѣнки принадлежатъ тому времени; но естественно онѣ были довольно несовершенны, основываясь на неполныхъ данныхъ и часто произвольныхъ показаніяхъ владѣльцевъ. Имп. Іосифъ II приступилъ съ необыкновенною дѣятельностію къ введенію новой однообразной системы налоговъ, основанной на общемъ поземельномъ измѣреніи и кадастрѣ. Такъ какъ въ государствѣ не было достаточно свѣдущихъ землемѣровъ, то для этого употреблялись простые поселяне, которымъ старались сообщить общія свѣдѣнія въ геометріи. Для оцѣнки производительности земли собраны новыя показанія владѣльцевъ, которыя повѣрены хозяйственными книгами и свѣдѣніями отъ общинъ и мѣстныхъ начальствъ. Поземельный доходъ послужилъ основаніемъ окладу, который назначенъ въ 12 гульд. 13 кр. со 100 гульд. чистаго дохода; но, въ уваженіе разности издержекъ при различной обработкѣ земли, распредѣленъ и

окладъ слѣдующимъ образомъ:—для виноградниковъ и пахатной земли 10 гульд. 37½ кр., для луговъ 17 г. 55 кр., для лѣсовъ 21 гульд. 15 кр. со 100 гульд. общаго дохода. Кромѣ того въ Галиціи уменьшенъ окладъ одною третью, для поощренія тамошняго земледѣлія. Это огромное и сложное предпріятіе окончено было въ четыре года, и указомъ 1789 г. введена въ дѣйствіе новая система налоговъ. Но не замедлили оказаться невыгодныя слѣдствія такой поспѣшности: неправильность измѣреній и невѣрность кадастра, основаннаго на валовомъ доходѣ. Съ другой стороны уравненіе налога произведено было безъ всякаго уваженія къ давно пріобрѣтеннымъ правамъ и законнымъ учрежденіямъ, такъ что, при вступленіи на престолъ Леопольда II, со всѣхъ сторонъ поднялись жалобы на новый кадастръ; къ нимъ присоединились разныя косвенныя причины, и полезное, хотя и несовершенное дѣло, исполненное съ большимъ напряженіемъ, было большею частію отмѣнено. Отсюда возникло чрезвычайно разнообразное распредѣленіе налоговъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ удержалась прежняя система, въ другихъ придерживались улучшеній, введенныхъ Маріею Терезіею. Въ Богеміи отчасти оставили кадастровыя оцѣнки, сдѣланныя при имп. Іосифѣ, равно и въ Иллиріи; между тѣмъ какъ Ломбардія сохранила кадастръ временъ Карла VI.

Все это произвело большія запутанности и неравенства въ распредѣленіи податнаго бремени не только между различными сословіями, но и между областями. Чтобы положить этому конецъ, изданъ въ 1817 импер. Франциомъ декретъ о немедленномъ приступленіи къ составленію новаго правильнаго кадастра, и вмѣстѣ изложены основы и правила для руководства въ столь важномъ и многосложномъ дѣлѣ. Здѣсь не мѣсто излагать подробности его производства; достаточно сказать, что изъ 5926 квадр. миль, которыя составляютъ всю поверхность пространства, подлежащаго кадастру, въ 1837 было въ подробности измѣрено 3511 квадратн. миль; а въ эрцгерцогствѣ австрійскомъ, въ Штейермаркѣ, Каринтіи, Крайнѣ, Побережьи и въ итальянскихъ провинціяхъ (за исключеніемъ той части Лом-

бардіи, гдѣ оставленъ прежній кадастръ) произведена уже оцѣнка доходовъ; но введенъ новый кадастръ окончательно только въ Нижней Австріи съ 1834 г. (1), по которому приходится 16 гульд. 55 кр. податнаго оклада со 100 гульд. чистаго дохода.

Земли, подлежащія десятинѣ и другимъ господскимъ или такъ называемымъ урбаріарльнымъ повинностямъ, платятъ только 13 гульд. 13½ кр. со 100 гульд. чистаго дохода; притомъ владѣлецъ несетъ долю налога, приходящагося на его доходъ.

До окончанія новаго кадастра, въ прежней системѣ налоговъ оказались такія несовершенства, что надо было приступить къ исправленію; въ слѣдствіе чего въ 1819 г. изданы временныя постановленія по этой части, названныя Provisorium, которымъ послужили основаніемъ большею частію кадастровки временъ имп. Іосифа; введены лишь измѣненія, необходимыя отъ перемѣны условій владѣнія и обработки земли. Такъ въ Галиціи, Моравіи, Силезіи, Верхней Австріи, Штейермаркѣ и части Каринтіи удержанъ въ основѣ кадастръ имп. Іосифа. Въ Богеміи, Тиролѣ, итальянскихъ областяхъ, Побережьи, Крайнѣ и другой части Каринтіи существуютъ особыя положенія, основанныя на древнѣйшихъ кадастровыхъ оцѣнкахъ. Часть Ломбардіи (какъ выше было упомянуто) имѣетъ свой собственный кадастръ 1740 г., извѣстный подъ названіемъ Censimente Milanese; онъ такъ удовлетворителенъ въ отношеніи оцѣнки доходовъ и распредѣленія подати, что можетъ быть удержанъ и на будущее время. Нѣкоторые ломбардскіе округи, именно Брешія, Бергамо, Сондрія, части Мантуи и Лоди, гдѣ не была введена миланская система, подлежатъ временному положенію въ ожиданіи новаго кадастра. Въ венеціанской области, во время французскаго господства, сдѣлана оцѣнка доходовъ; въ послѣдствіи она

(1) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ сочиненія Тенгоборскаго о финансовомъ состояніи Австріи, вышедшемъ въ нѣмец. переводѣ въ 1845 г. Издержки кадастровки простираются по исчисленію до 4160 гульд. на квадратную милю.

многократно была исправляема; сумма подати составляетъ 23 г. 44 кр. со ста. Пока въ разныхъ областяхъ существуютъ разныя системы поземельнаго налога, до тѣхъ поръ невозможно уравнительное и справедливое распредѣленіе подати, которому сверхъ того препятствуютъ нерѣдко преимущества и увольненія, достающіяся на долю извѣстнымъ имуществамъ и лицамъ. Впрочемъ изъ различія поземельнаго налога, на примѣръ, между Нижней Австріей и венеціанской областію (приблизительно 17 и 24 со ста) нельзя еще сказать, чтобы въ послѣдней онъ былъ въ той же степени обременительнѣе, потому что приблизительная оцѣнка, тамъ существующая, вѣроятно далеко ниже дѣйствительности; между тѣмъ какъ въ Нижней Австріи она соотвѣтствуетъ ей въ возможной степени.

Не смотря на вышеизложенныя болѣе или менѣе удачныя мѣры правительства къ улучшенію состоянія сельскаго сословія, положеніе его до послѣдняго времени, то есть, до 1848 г., все еще было стѣсняемо разными невыгодными условіями, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимали постоянныя повинности, представлявшія, такъ сказать, оброкъ съ поземельныхъ участковъ, платимый главному владѣльцу земли. Мы исчислимъ ихъ здѣсь въ краткомъ перечнѣ, въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали, частію въ совокупности, частію отдѣльно, въ разныхъ областяхъ до коренныхъ измѣненій, послѣдовавшихъ послѣ 1848 г.

1. Оброкъ, носящій названіе *Dienst*, платившійся деньгами или произведеніями въ пользу помѣщика, и служившій выраженіемъ, какъ бы знакомъ подданства. Онъ замѣнялъ иногда разныя работы, измѣнялся по областямъ и былъ чрезвычайно разнообразенъ. Въ *Нижней* и *Верхней Австріи* имъ оплачивались повинности, какъ-то: пастбищная, прядивная, дани куръ, яицъ и т. п. Въ *Средней* онъ являлся подъ множествомъ названій, какъ-то: Urbarzins и Siedlerung, Urbarsverbesserung, Pogatschengeld, Kastenrecht, Wein или Samfahrtgeld, Zins и Rauchgeld, Weidezins, Forst-Marchfutter, und Hundshafer (овесъ, дававшій крестьянами владѣльцу лѣса на содержаніе охотничьихъ собакъ). Въ *Тиролѣ* существовалъ этотъ налогъ подъ названіями Grund-

lehen и Wasserzins, Recognitionszins. Въ *Богеміи* къ нему принадлежали поборы деньгами и натурою, какъ Gespunst, Schwamengeld, яйца, куры и т. п. Въ *Галиціи*, Geflügelzins, Gespunst-Schuldigkeit, Körnerzins, и также каплуны, куры, гуси, яйца. Въ *Буковинѣ*, Flachs, Garngespunst, Strähne, куры, овечьи шкуры, Brimsenkäse, лѣсная подать, unterthänige Waldconventionsgebühren. Приводимъ эти названія, какъ свидѣтельство, какимъ многообразнымъ и мелочнымъ поборамъ подвергалась еще недавно значительная часть земледѣльческаго населенія въ образованномъ государствѣ; мы, кажется, не безъ основанія можемъ указать на него, какъ на отечество этой системы поборовъ, изъ которыхъ иные были занесены и къ намъ на югозападную Русь черезъ Польшу.

2. *Bergrecht*—сборъ, платимый помѣщику съ существующихъ или существовавшихъ виноградныхъ садовъ—виномъ, деньгами или виноградным сокомъ.

3. *Lehensgebühren*—подать, обыкновенно составлявшая 5—6 со ста, платимая ленному владѣльцу при переходѣ ленаго имѣнія наслѣдствомъ или продажею къ другому лицу.

4. *Право пастбища*—*Weiderecht* давало помѣщику право пасти своей скотъ на подданническихъ земляхъ. Для развитія овцеводства позволено было помѣщику и подданнымъ пасти взаимно овецъ на своихъ поляхъ—толокахъ и паровыхъ. Относительно же прочаго скота помѣщикъ пользовался этимъ только, когда это обозначалось въ документахъ, урбаріумѣ, договорѣ и т. п.

5. *Robot*—*барщина*. Барщина различалась по провинціямъ и даже по округамъ. Она лежала иногда на землѣ, иногда на самихъ лицахъ. Въ первомъ случаѣ барщинная повинность переходила на каждаго новаго владѣльца участка. Но иногда помѣщикъ имѣлъ право требовать барщину отъ людей, не имѣющихъ поземельной собственности, которые поселились, какъ наймиты или пришельцы, даже отъ фабрикантовъ. Отъ этой личной барщины освобождались всѣ старики или отцы семействъ, передавшіе хозяйство по слабости здоровья дѣтямъ или постороннимъ и живущіе при нихъ; женатые сыновья, живущіе на хозяйствѣ у ро-

дителей; инвалиды, живущіе въ домахъ, не подлежащихъ барщинной повинности (впрочемъ отставные солдаты изъ подданныхъ, если они не совершенно дряхлы, обязаны работать наравнѣ съ пришельцами или наймитами); всѣ хилые или болѣе 60-ти лѣтъ имѣющіе; всѣ слабые фабричные рабочіе, хотя-бы они жили въ помѣщичьемъ имѣніи; повивальныя бабки, имѣющія дипломъ. Во время скотскаго падежа освобождаются отъ барщины всѣ обращающіеся съ больнымъ скотомъ и даже имѣющіе съ тѣми сношеніе. Но болѣзнь крестьянина не освобождала его отъ барщины.

Число рабочихъ дней было очень различно. *Въ Нижней Австріи*, имѣвшій полный участокъ (eine gestiftete Wirthschaft) отбывалъ 104 дня ежегодно; пѣшій (Viertellähner)— 52 д.; малый хозяинъ (Kleinhäusler), имѣвшій одинъ іохъ— 26 д.; наймитъ — 12 дн. Въ *Верхней Австріи*, въ трехъ старыхъ округахъ—14 дн. барщины; въ другихъ различно, но умѣренно; также и въ Зальцбургѣ. Во *внутреннихъ австрійскихъ провинціяхъ* (Штиріи, Крайнѣ, Каринтіи) полное хозяйство (1) отбывало 156 дн. въ году, то есть, 3 дня въ недѣлю; половинное—1½ дня; четвертное—39 дней въ году. На основаніи Rectifications Urbarium, на одной недѣлѣ два дня были тяглые и одинъ—пѣшій, а на другой—одинъ день тяглый и 2 пѣшихъ.

Въ Тироль удерживалась также барщина, истекавшая изъ эмфитевтнаго контракта, то есть, договора за отданную землю; она составляетъ часть поземельнаго оброка.

Въ *Богеміи* барщина была распредѣлена на основаніи подати. Бобыль (Inmann) работалъ 13 дней; домохозяинъ (Behauster), платящій подати не болѣе 57 крейцер. (2)— всего 26 дней.

Отъ 57 к. —	до 2 г.	и 51 кр.—	1 день въ нед.
Отъ 2 г. 51 кр. —	4 г.	45 кр.—	1½ дня въ нед.

(1) То есть, полная губа (Hube), мѣра земли — 3096 шаговъ длины и 135 ширины.

(2) Крейцеръ конвенціонсмюнце, около 1 коп. сер., а 60 кр. составляютъ гульденъ.

Отъ 4 г. 45 кр.— 7 г. 7¼ кр.— 2 дня въ нед.
Отъ 7 г. 7¼ кр.—9 г. 30 кр.— 3 дня — —

Платящіе большую подать были обязаны тяглою барщиною, по слѣдующему распредѣленію: подданный, владѣющій не болѣе, какъ четвертью участка, и заплатившій съ него въ годъ не болѣе 14 г. 15 кр. — работалъ еженедѣльно 3 дн. одною штукой скота; платившій:

до 28 г. 30 кр.—работалъ 3 дня въ недѣлю парою, и сверхъ того, отъ Іоанна до Венцеслава, 1 день въ недѣлю пѣшій.

до 42 г. 45 кр.—3 дни тремя штуками, и по 2 дня пѣшихъ въ недѣлю отъ Іоанна до Венцеслава.

свыше 42 г. 45 кр.—3 дни четырьмя штуками, и по 3 дни пѣшихъ отъ Іоан. до Венц.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовала обязанность прясть безденежно помѣщичій ленъ, работникъ пѣшій (Handarbeiter) долженъ спрясть его одинъ мотокъ (Stück), а тяглый два. Кромѣ того помѣщикъ имѣлъ право требовать работъ за плату; все вмѣстѣ однакожъ не должно было составлять болѣе 3 дней въ недѣлю. Заработная поденная плата отъ Октяб. до Февр. 7 кр., отъ Мая до Іюня 10 кр., за Іюль, Августъ, Сентябрь по 15 кр.

Въ Моравіи барщина опредѣлялась также на основаніи подати, по слѣдующей таблицѣ:

Пѣшая барщина.

Домохозяинъ, платящій въ годъ:

Не болѣе	52½ кр. .	26 дн. въ годъ.
Не болѣе 2 гул.	37½ кр. .	1 день въ нед.
— — 4 гул.	22½ кр. .	1½ дня въ нед.
— — 6 гул.	33¾ кр. .	2 дня въ нед.
— — 8 гул.	45 кр. .	2½ дня въ нед.
Платящій 8 гул.	45 кр. .	3 дня въ нед.

Тяглая барщина.

Платящій съ поземельнаго участка:

Отъ 8 г. 45 кр. до 13 г. 7½ кр. — 3 д. въ недѣлю одною штукою скота.

От 13 г. 7½ кр. до 26 г. 15 кр. — 3 д. въ недѣлю двумя штуками скота, и сверхъ того 1 д. въ нед. пѣшій отъ Іоанна до Венцеслава.

Отъ 26 г. 15 кр. до 39 г. 22½ кр. — 3 д. въ недѣлю тремя штуками скота, и по 2 дни въ нед. пѣшихъ отъ Іоанна до Венцеслава.

Съ участка, платящаго болѣе,— 3 д. въ недѣлю, четырьмя штуками скота, и по 3 д. пѣшихъ отъ Іоанна до Венцеслава.

Бобыль, или одинокая женщина не должны работать въ годъ болѣе 13 дней. Гдѣ существовала прядивная повинность, отъ пѣшаго рабочаго можно было требовать не болѣе 1 мотка (Stück), а отъ тяглаго 2, безденежно или за плату (смотря по существующему праву). — Впрочемъ помѣщикъ могъ брать подданнаго на работу на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ Богеміи.

Въ Силезіи число рабочихъ дней для отдѣльныхъ хозяйствъ не было опредѣлено общимъ закономъ, а основано на урбаріяхъ (родъ древнихъ инвентарей), въ которыхъ опредѣлялись повинности каждаго поземельнаго участка.

Въ Галиціи повинность каждаго участка записана въ основномъ инвентарѣ (Stockinwentar); она не превышала 3 дн. въ недѣлю. Повинность же бобылей (Inleute, Häusler), живущихъ на подданническихъ грунтахъ, состояла въ 12 дняхъ въ году. Помѣщикъ могъ требовать лѣтомъ вспомогательныхъ дней, но не отъ тѣхъ, которые работали 3 дни въ недѣлю.

Въ Буковинѣ подданные (по урбарію 1776 г.) обязаны были работать помѣщикамъ 12 дн., бобыли 6 дн.; имѣющій лошадь долженъ сверхъ того привезти для помѣщика изъ лѣсу возъ дровъ, на разстояніи 3 или 4 миль.

Въ замѣнѣ одной барщины другою были сдѣланы нѣкоторыя ограниченія; важнѣйшее состояло въ запрещеніи

отдавать въ наемъ кому бы то ни было работу, которую крестьяне обязаны исполнять помѣщику; также было запрещено требовать безъ согласія денежнаго оброка вмѣсто работы. Но крестьянину предоставлялось высылать за себя работника.

Работы не должны были происходить въ воскресные и праздничные дни, кромѣ развѣ необыкновенныхъ случаевъ и опасности отъ замедленія. Въ эти же дни надо было избѣгать посылокъ и дальнихъ доставокъ, какъ и во время паханья и косьбы сѣна. Барщина раздѣлялась понедѣльно, и ни въ какомъ случаѣ не могла превышать 3 дн. въ недѣлю; обязанные 52-мя, 26 и 13 днями въ годъ должны были работать не болѣе 1 дня въ недѣлю; обязанные 12 днями работали одинъ день въ мѣсяцъ; цѣлые дни запрещено требовать пополамъ вдвое. Впрочемъ изъ этихъ правилъ было не мало исключеній. Въ Богеміи и Моравіи съ трехдневными тяглыми работами соединены пѣшія. Въ Нижней Австріи, если крестьянинъ вмѣсто 104 тяглыхъ дней работалъ 156 пѣшихъ, то помѣщику позволялось брать 4 дня въ недѣлѣ, но никогда больше. Отъ крестьянина, который обязанъ половиною дня въ недѣлю, можно было требовать двѣ половины въ одинъ день; но въ замѣнъ онъ увольнялся на слѣдующей недѣлѣ. Тоже допускалось въ Богеміи, гдѣ было $1^1/_2$ и $2^1/_2$ – дневная барщина. Если дурная погода помѣшала работамъ и крестьянинъ былъ отпущенъ домой до обѣда, то остальную половину дня можно было потребовать на той же или на слѣдующей недѣлѣ. Но если дурная погода помѣшала работамъ послѣ обѣда, то крестьянинъ не обязанъ отработывать утерянную половину дня; за то помѣщикъ могъ тогда же употребить его на другую работу.

Отъ барщины не освобождало никакое обстоятельство; даже праздники не шли въ счетъ. Только въ Богеміи и Моравіи зачитывались они для крестьянина, работавшаго болѣе 3 дней въ недѣлю (считая вмѣстѣ тяглую и пѣшую работу).

Если исполненіе извѣстной работы лежало на обязанности цѣлой общины, то помѣщикъ не имѣлъ права осво-

бодить одного рабочаго, или же на мѣсто его долженъ былъ представить другаго. Крестьянинъ могъ послать за себя наймита, но совершенно годнаго къ работѣ. Онъ долженъ былъ приходить съ своими исправными орудіями, тѣми самыми, которыя употреблялъ для себя. Помѣщику предоставлялось употреблять крестьянина на всякую работу по хозяйству, но не требовать отъ него исполненія ремесла. Вообще ни работникъ, ни его скотъ не должны были быть обременяемы работами сверхъ силы.

Въ отношеніи прядива, за рабочій день считалось 24 или 18 лотовъ, смотря по его свойству. При рубкѣ дровъ въ лѣсу, каждый работникъ долженъ былъ нарубить половину вѣнской сажени (Wiener Klafter) мягкаго лѣсу въ день. Если же лѣсъ твердъ, суковатъ и тягучъ, — то треть сажени. Во всякомъ случаѣ, изъ этой мѣры должно быть вычтено время, необходимое для срубки дерева.

Помѣщикамъ Нижней Австріи не дозволялось приводить рабочихъ изъ одного имѣнія въ другое на работу. Но въ Богеміи, Моравіи и Галиціи это было дозволено, если имѣніе не въ дальнемъ разстояніи; впрочемъ время, употребляемое на переходъ туда и обратно, было засчитываемо за работу, и если для этого требовалось болѣе одного дня, то такой переходъ считался дальней посылкой (Weite Fuhre).

Въ Буковинѣ, изъ 12 рабочихъ дней въ году, крестьянинъ долженъ былъ отработать 4 весною, 4 лѣтомъ и 4 осенью. Для большей части работъ назначались дневные уроки.

Число рабочихъ часовъ въ длинные дни не должно было превосходить 10-ти, включая ходьбу въ оба конца; въ короткіе дни работа продолжалась отъ восхожденія до захожденія солнца. Между дообѣденной и послѣобѣденной работой давался двухъ-часовой отдыхъ. При полудневной работѣ рабочіе часы не могли быть взяты изъ средины дня, но утромъ или вечеромъ. Въ Богеміи, Моравіи и Галиціи были въ этомъ отношеніи нѣкоторыя отмѣны: отъ 1 Окт. до конца Марта рабочій день состоялъ изъ 8 часовъ; отъ 1 Апрѣля до конца Декабря изъ 12 час., включая ходьбу въ оба конца. Но во время жатвы и косьбы, ра-

боты, по необходимости, могли быть продолжаемы однимъ или двумя часами долѣе.

Дальними подводами и посылками называются тѣ, когда работникъ не можетъ въ тотъ же день воротиться домой. Разстояніе ихъ въ теченіи года не должно превосходить 40 миль въ сложности; притомъ крестьянинъ не можетъ быть посылаемъ въ другую область безъ его согласія. Въ лѣтній день для лошадей опредѣляется 4 мили, для быка 3; въ зимніе мѣсяцы одной милею менѣе.

Въ дальнихъ посылкахъ платежъ мостовыхъ и перевозныхъ денегъ относился на счетъ экономіи, равно содержаніе людей и фуражъ (на каждаго человѣка назначалось 7 крейц., иногда и менѣе). Телѣги не должны быть обременяемы, а везомая провизія и фуражъ считались въ числѣ клади.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовали положенія, по которымъ рабочіе получали кормъ и фуражъ. Рабочіе дни не могли быть переносимы изъ одной недѣли въ другую, тѣмъ менѣе умышленно накопляемы къ рабочему лѣтнему времени, или переносимы на другой годъ. Въ случаѣ неявленія крестьянина на работу по неуважительной причинѣ, за одинъ пропущенный день онъ долженъ былъ отработать вдвое; равно вознаградить потерянное время отъ поздняго выхода или ранняго ухода съ работы.

Барщина могла быть отмѣняема только вслѣдствіе обоюднаго добровольнаго согласія, и притомъ тремя образомъ: 1) *по временному договору*, когда вмѣсто барщины крестьяне обязывались исполнять извѣстныя работы (какъ напримѣръ, обработывать поля какой-нибудь фермы). До срока такой договоръ прекращался смертію помѣщика или подданнаго, ибо новые хозяева имѣли право возвратиться къ прежнему положенію. (Въ Буковинѣ было впрочемъ постановлено, что помѣщикъ, вмѣсто слѣдующихъ ему 12 рабочихъ дней въ году, имѣлъ право взыскать съ крестьянина 2 гульд.). 2) *По вѣчному условію*, когда барщина превращалась въ постоянный оброкъ. Подобные контракты считались непзмѣнными; могли однако быть уничтожаемы по обоюдному согласію, при чемъ большинство $^2/_3$ хозяевъ

считалось достаточнымъ для принятія опредѣленія, прочіе должны были ему подчиниться. 3) Могло быть *совершенное прекращеніе повинности*, когда она выкупалась, дарилась, или прекращалась обмѣномъ правъ. Во всѣхъ упомянутыхъ договорахъ необходимо было утвержденіе правительства.

Правительство во всякомъ случаѣ защищало подданнаго отъ притѣсненій помѣщика, а въ случаѣ неисполненія первымъ своей обязанности употребляло принудительныя мѣры, даже военную экзекуцію.

6. *Посмертное право* состояло въ томъ, что за смертію владѣльца подданническаго участка, безъ завѣщанія и прямаго наслѣдника, этотъ участокъ возвращался помѣщику. Это право было основано на ленномъ, или на договорѣ, или на старомъ обычаѣ, утвержденномъ правительствомъ. Оно относилось только къ недвижимому имуществу; и если участокъ принадлежалъ къ рустикальной землѣ (*), то онъ долженъ былъ поступить другому земледѣльцу. Для удовлетворенія долговъ умершаго продавалось его движимое имущество; недостающее доплачивалъ помѣщикъ.

7. *Десятина*, лежавшая на нѣкоторыхъ имуществахъ (Realitäten), поступала не одному помѣщику, но и церквамъ, пасторамъ и т. п.; она состояла собственно въ десятой долѣ сельскихъ произведеній, но могла быть полная, половинная, третная, четвертная. Ей могли подлежать: пшеница, рожь, ячмень, овесъ и прочій хлѣбъ; яйца, масло, сало, сыръ, разныя домашнія животныя, домашняя птица, огородные овощи, пчелы и т. п. — Право на десятину основывалось не на подданническихъ отношеніяхъ; оно должно быть доказано особыми актами.

Участокъ, на которомъ лежала десятина, могъ поступать подъ постройки, или къ воздѣлыванію произведеній, не обложенныхъ десятиною; но тогда владѣлецъ долженъ былъ предварительно условиться съ помѣщикомъ о вознагражденіи; равно всякія другія измѣненія въ существовавшихъ обязательствахъ десятины могли происходить только съ

(*) Земли дворянскихъ имѣній раздѣлялись большею частію на доминикальныя и рустикальныя: первыми помѣщикъ могъ располагать по произволу, послѣдними пользоваться не иначе, какъ отдавая во владѣніе крестьянамъ.

обоюднаго согласія. Запрещалось поля, обложенныя десятиною, превращать въ луга, и на оборотъ.

Изъ общихъ правилъ о десятинѣ было много исключеній; отъ нея освобождались сады и виноградники, находящіеся при домахъ, заморскія растенія, въ иныхъ мѣстахъ маисъ, кормовыя травы, производимыя на паровомъ полѣ; также всѣ участки, изъ пустопорожнихъ обращенные въ воздѣланныя поля, освобождались на срокъ отъ 10—30 лѣтъ, смотря по области.

Десятина могла быть отдана на откупъ, но съ объявленіемъ крестьянамъ, которые могли взять на себя уплату откупной суммы. Въ случаѣ необъявленія, контрактъ, заключенный съ откупщикомъ, не имѣлъ силы. Десятина могла быть выкуплена, продана или подарена, обращена въ постоянный оброкъ, утрачена чрезъ продолжительное невзысканіе. Въ случаѣ спора о десятинѣ, дѣло рѣшалось судебнымъ порядкомъ, а не полицейскимъ, ибо она вытекала не изъ подданническихъ отношеній.

8. *Старостная повинность* (Vogtdienst) отбывалась произведеніями и деньгами. Начало ея принадлежитъ отдаленной древности, когда цѣлыя общины и отдѣльныя лица отдавали себя подъ защиту могущественныхъ собственниковъ, и за это условились платить имъ дань. (Большею частію это были крестьяне монастырскихъ имѣній). А потому право на эту повинность основывалось на древнемъ договорѣ, а не на подданническихъ отношеніяхъ.

9. *Servituten* — подъ этимъ названіемъ разумѣлась обязанность допускать другое лицо къ пользованію своимъ лѣсомъ, пастбищемъ, водою и т. п. Этого рода повинности были взаимныя между помѣщикомъ и крестьянами, а иногда и государствомъ. Такъ на примѣръ, во всѣхъ провинціяхъ бѣдные крестьяне могли собирать сухой валежникъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ безъ вознагражденія, по объявленію экономіи, въ назначенные дни, но безъ топора или другаго орудія. Въ имѣніяхъ солянаго вѣдомства жители, живущіе въ сосѣдствѣ казенныхъ лѣсовъ, получали, въ случаѣ крайней необходимости, потребное имъ количество безденежно или за умѣренную плату. Въ Зальцбургѣ пре-

доставлялось имъ тоже пользованіе за умѣренную плату, въ казенныхъ и помѣщичьихъ лѣсахъ дровами и строевымъ лѣсомъ. Въ Штейермаркѣ жители, не имѣющіе собственныхъ лѣсовъ, могли пользоваться безденежно казенными и общественными лѣсами, а въ Тиролѣ за деньги. Въ Галиціи, по давно существовавшему обычаю, крестьяне во многихъ мѣстахъ пользовались помѣщичьимъ лѣсомъ не только для собственнаго употребленія, но и для продажи. Въ Богеміи, Моравіи, Силезіи—только для собственнаго употребленія, въ невыкупленныхъ участкахъ (uneingekaufte Bauerngründe). Въ Верхней Австріи владѣльцы лѣсовъ обязаны были по сходнымъ цѣнамъ продавать казнѣ всякаго сорта лѣсъ для горнаго производства, даже лучшіе сорты—какъ-то: дубы, тополи, липы, орѣховое дерево и пр.

Право пастбища было или въ пользу помѣщика на подданническихъ участкахъ, или въ пользу подданныхъ на помѣщичьей землѣ, большею же частію обоюдное, а иногда всѣ члены общества пользовались пастбищемъ сообща. Право подданныхъ пользоваться помѣщичьимъ пастбищемъ существовало болѣе въ нѣмецкихъ провинціяхъ Австріи, также въ Силезіи и Галиціи. Вообще оно основывалось или на частныхъ договорахъ, или на правительственномъ узаконеніи, и подлежало разнымъ подробнымъ опредѣленіямъ, касательно способа пользованія, времени, количества, сорта скота и т. п. Принимая въ соображеніе вредное вліяніе этого обычая на хлѣбопашество, правительство уже давно приглашало къ отмѣнѣ его за плату или посредствомъ вознагражденія землею, но не иначе, какъ съ обоюднаго согласія. Во внутреннихъ провинціяхъ Австріи большею частію произведено было до 1848 года освобожденіе пастбищъ (Frohn-und Pfingstwiesen, то есть, такихъ, куда нельзя выгонять скота до Троицына дня) слѣдующимъ образомъ: каждый владѣлецъ участка получалъ $^2/_3$ своей земли въ исключительное пользованіе, остальная треть отдѣлялась для пользовавшихся правомъ пастбища. Всѣ эти трети въ сложности опять раздѣлялись между послѣдними. Гдѣ по мѣстности нельзя было оставить крестьянину владѣемый

имъ участокъ сѣнокоса, тамъ вся подлежащая сѣнокосная земля, хотя принадлежащая многимъ владѣльцамъ, раздѣлялась на три части, изъ которыхъ двѣ распредѣлялись владѣльцамъ сѣнокосовъ, соотвѣтственно ихъ прежнимъ участкамъ, а третья пользующимся правомъ пастбища, соотвѣтственно условіямъ каждаго, то есть, положенному числу скота, сроку пользованія и т. п.

Таковы были условія, которыми опредѣлялся матеріальный бытъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Австріи. Къ этому надо присовокупить, что главнымъ владѣльцамъ принадлежалъ такъ называемый патримоніальный судъ надъ подданными и полицейское управленіе первой инстанціи. Во многихъ помѣстьяхъ главные владѣльцы пользовались и правомъ уголовнаго суда (1). Изъ этого конечно возникали злоупотребленія, усиливавшія невыгодныя слѣдствія поземельной зависимости; земледѣліе, а вмѣстѣ съ нимъ и народное довольство, большею частію оставалось на низкой степени, въ сравненіи съ сосѣдними нѣмецкими государствами. Правительство постоянно являлось защитникомъ успѣха, и не смотря на всю запутанность и наросшую вѣками многосложность владѣльческаго права, не щадило усилій, чтобы ограничить его произволъ. Не заботясь о строгой системѣ, оно, какъ мы видѣли, множествомъ частныхъ узаконеній силилось опредѣлить отношенія двухъ сословій, и постоянно склонялось въ пользу низшаго. Выкупъ подданническихъ и поземельныхъ повинностей поощрялся имъ всячески: обстоятельное предписаніе по этому предмету послѣдовало въ 1846 году, и на основаніи его въ 1847 заключено было нѣсколько выкупныхъ договоровъ. Но для этого было необходимо согласіе обѣихъ сторонъ; пра-

---

(1) Такъ въ Нижней Австріи было въ 1835 г. 682 владѣльца съ правомъ гражданскаго, и 190 уголовнаго суда; въ Верхней Австріи — 369 перваго разряда и 98 втораго; въ Штейермаркѣ — 835 пользовались гражданскимъ судомъ и 118 уголовнымъ. Въ Богеміи, Моравіи, Силезіи патримоніальное право суда простиралось только на гражданскую и административную часть.

вительство не рѣшалось приступить къ принудительнымъ мѣрамъ для окончательнаго освобожденія земли и уравненія сословныхъ правъ предъ закономъ; между тѣмъ какъ въ обществѣ, чѣмъ далѣе, тѣмъ настоятельнѣе и громче выражалось требованіе того и другаго. Въ такомъ положеніи засталъ это дѣло 1848 годъ, когда вслѣдствіе постановленій вѣнскаго Сейма, патентомъ 7 Сентября, уничтожены были всѣ подданническія и покровительственныя отношенія, существовавшія дотолѣ между крестьянами и главнымъ владѣльцемъ. Гражданское и уголовное судопроизводство, равно полицейское управленіе, снова усвоены государствомъ и поручены вновь образованнымъ судебнымъ и полицейскимъ начальствамъ, послѣднее—отчасти самимъ общинамъ. Всякое различіе между господскими и крестьянскими землями (Dominikal-und Rustikalgründen) уничтожено. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражено правило, что должны уничтожиться всѣ повинности и оброки, истекающіе изъ подданническихъ отношеній, лежащіе на подданнической землѣ, равно десятины, пошлины при переходѣ имущества отъ одного лица къ другому, посмертныя пошлины, общее пользованіе лѣсомъ и пастбищами, разные поборы натурою и пр.

Нѣкоторыя изъ этихъ повинностей и поборовъ признано было справедливымъ уничтожить безъ вознагражденія, за другіе требовалось вознагражденіе. Для опредѣленія тѣхъ и другихъ, равно способа ихъ прекращенія, мѣры вознагражденія и всѣхъ вопросовъ, сюда относящихся, словомъ, для приведенія въ дѣйствіе поземельнаго освобожденія, были учреждены особыя мѣста и назначены лица, которыя снабжены инструкціями. Объ этомъ изданъ общій указъ въ Мартѣ 1849, и тогда же, а равно въ 1850 и 1851, особыя министерскія распоряженія для каждой области, сообразно ея внутреннему устройству. Высшее завѣдываніе дѣломъ поземельнаго освобожденія и рѣшеніе въ послѣдней инстанціи возникающихъ вопросовъ предоставлено министерству внутр. дѣлъ, а министерства юстиціи и финансовъ должны были лишь содѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ.

Въ каждой области поземельнымъ освобожденіемъ (Grundentlastung) занимается областная коммиссія (Landes-Kom-

mission) и уѣздныя коммиссіи (Bezirks Kommissionen). Областныя коммиссіи состоятъ изъ министерскаго коммиссара, какъ предсѣдательствующаго, полицейскаго чиновника (politischen Beamten), судейскаго чиновника (Gerichtsbeamten), члена финансоваго вѣдомства, бухгалтера и соотвѣтствующаго числа присутствующихъ, на половину отъ крестьянъ и отъ помѣщиковъ. Министерскому коммиссару предоставлено давать всему направленіе, для пособія онъ имѣетъ секретарей и канцелярію. Уѣздныя коммиссіи состоятъ изъ уѣзднаго коммиссара, предсѣдательствующаго, правовѣда, свѣдущаго въ счетной части экономa и актуаріуса безъ права голоса. Сверхъ того, какъ свидѣтели дѣлопроизводства, должны присутствовать старшины обязанной общины или два ея члена. Уѣздныя коммиссіи должны опредѣлять сумму вознагражденія и выкупа; обязанность областной коммиссіи — давать нужныя наставленія и указанія уѣзднымъ. Въ извѣстныхъ, указанныхъ закономъ случаяхъ, она рѣшаетъ самостоятельно или какъ вторая инстанція. Обѣ коммиссіи дѣйствуютъ коллегіально, но постановляютъ рѣшенія по абсолютному большинству голосовъ. При равенствѣ голосовъ рѣшаетъ предсѣдательствующій. Коммиссіи имѣютъ право непосредственно сноситься со всѣми мѣстами и вѣдомствами и получать отъ нихъ нужные акты, объясненія, свѣдѣнія и пособія.

Всѣ повинности раздѣлены на три разряда: одинѣ изъ нихъ немедленно прекращены безъ всякаго вознагражденія; другія также немедленно прекращены, но за нихъ должно быть взнесено справедливое вознагражденіе; третьи должны быть выкуплены, но не прекращаются до того времени. Къ числу уничтожаемыхъ *безъ вознагражденія* принадлежатъ:

a) Всѣ права и доходы главныхъ владѣльцевъ, происходящіе изъ личныхъ подданническихъ и покровительственныхъ отношеній (Schutzverhältnisse).

b) Всѣ доходы, происходящіе изъ юридическаго права помѣщиковъ, въ особенности плата за выселеніе (Abfahrtsgeld), за записку въ поземельную книгу (Grundbuchstaxen), Akzidentien и др., равно происходящіе отъ такъ называе-

маго господства (Dorfherrlichkeit), съ вытекающими оттуда обязанностями владѣльца.

c) Bier и Branntweinzwang—право заставлять крестьянъ брать пиво и вино у помѣщика или его откупщика, и соединенныя съ этимъ обязательства (не касаясь впрочемъ, если это основано на частномъ договорѣ). Тоже разумѣется и о виноградномъ винѣ.

d) Существовавшее и признанное въ Богеміи право исключительнаго пріобрѣтенія гранатовыхъ камней, находимыхъ на подданническихъ земляхъ.

e) Право собственности главнаго владѣльца на невыкупленные крестьянскіе участки переходитъ къ подданнымъ безъ вознагражденія; въ замѣнъ уничтожаются проистекающія отсюда обязанности помѣщика.

f) Право охоты на чужой землѣ, за которое тогда только назначается вознагражденіе, когда можно доказать, что оно основано на договорѣ. Безплатно уничтожаются и всякія повинности и оброки, относящіеся къ охотѣ, если онѣ еще гдѣ либо существовали.

Опредѣленіе правъ рыболовства предоставлено особому узаконенію.

Повинности, которыя также уничтожены указомъ 7 Сент. 1848 г., но за которыя слѣдуетъ опредѣлить *справедливое вознагражденіе*:

a) Барщина (robot), существующая въ видѣ дѣйствительной работы или денежной платы.

b) Оброкъ (Dienst) деньгами или натурою (разнаго рода хлѣбомъ и другими произведеніями и животными).

c) Laudemium—пошлина, платимая въ случаѣ перехода участка изъ однѣхъ рукъ въ другія.

d) Посмертная дань (Mortuarium), платимая по смерти подданнаго съ оставленнаго имъ движимаго и недвижимаго имущества, за исключеніемъ долговъ.

e) Десятина — съ сельскихъ произведеній или животныхъ, будь она частная относительная или неизмѣнная, натурою или деньгами.

f) Винодѣльный оброкъ (Bergrecht), первоначально от-

даваемый виномъ или виноградным сокомъ, въ послѣдствіи нерѣдко обращенный выкупомъ въ денежный.

Права и повинности, которыя не уничтожены немедленно, но должны быть выкуплены:

a) Право пользоваться лѣсомъ и пастбищемъ (Holzungs- und Weiderechte); и вообще сервитутныя повинности, существовавшія между помѣщикомъ и подданными.

b) Обоюдныя повинности, основывающіяся на эмфитевтныхъ и другихъ договорахъ, происшедшихъ при выдѣлѣ дворянскихъ земель подданнымъ.

c) Неизмѣнные оброки въ пользу церквей, школъ, приходовъ и другихъ общественыхъ цѣлей.

Означенныя узаконенія нисколько впрочемъ не относятся къ временнымъ арендамъ и другимъ договорамъ.

При опредѣленіи стоимости повинностей двухъ послѣднихъ разрядовъ, приняты слѣдующія основанія: оброки натурою, прекращаемые *съ вознагражденіемъ*, оцѣнены по цѣнамъ, установленнымъ для поземельной кадастровой подати; тамъ же, гдѣ онѣ не существуютъ, на основаніи правилъ, принятыхъ для этой оцѣнки; оброки *выкупаемые* — по обыкновеннымъ цѣнамъ, существующимъ на мѣстѣ. При оцѣнкѣ барщины должно имѣть въ виду разность стоимости принудительной работы и вольной; при чемъ высказано правило, что первая ни въ какомъ случаѣ не можетъ составлять болѣе трети стоимости послѣдней. Тамъ, гдѣ существовала выкупная плата за барщину ниже упомянутой, она принимается за основаніе при разсчетѣ,— равно какъ и неизмѣнные денежные оброки, замѣняющіе десятину, барщину или другія повинности. Стоимость урочной работы опредѣляется оцѣнкою. Вознагражденіе за пошлины при переходѣ имущества, если онѣ основываются не на эмфитевтномъ договорѣ, производится предварительно изъ казны, въ видѣ процентнаго платежа (Rente).

Изъ опредѣленной такимъ образомъ стоимости всѣхъ повинностей, прекращенныхъ за умѣренное вознагражденіе и выкупаемыхъ (кромѣ пошлинъ съ перехода имущества), вычитается *стоимость обязанностей* главнаго владѣльца въ отношеніи къ подданному. Стоимость этихъ обязанно-

стей опредѣляется такимъ же точно образомъ, какъ и стоимость повинностей; но если бы первая превосходила послѣднюю, то это не подлежитъ никакому вознагражденію.

Найденная такимъ образомъ остальная цѣнность поддаинческихъ повинностей уменьшается *одною третью*—въ замѣнъ казенныхъ налоговъ, лежавшихъ на помѣщичьихъ доходахъ, издержекъ управленія имѣніемъ и случающихся убытковъ. Остальныя двѣ трети составляютъ *сумму всего слѣдующаго помѣщику вознагражденія*.

Если дѣло идетъ о платежѣ за повинности, подлежащія выкупу, то эти двѣ трети должны быть выплачены самимъ обязаннымъ лицомъ. Съ однимъ ограниченіемъ, когда выкупная плата, вмѣстѣ съ другими платежами, лежащими на поземельномъ участкѣ, превосходитъ 40% чистаго съ него дохода, тогда излишекъ уплачивается изъ земской или государственной казны. Что же касается до платежа за повинности, прекращенныя за *справедливое вознагражденіе*, то изъ упомянутыхъ остальныхъ двухъ третей — *одну треть* суммы уплачиваетъ обязанный, а другую земская казна области (Kronland). Областямъ, не имѣющимъ достаточныхъ средствъ для этого, дѣлается заимообразно пособіе изъ государственнаго казначейства, которое въ разсчетѣ по этой ссудѣ вѣдается съ областнымъ управленіемъ.

Всѣ эти ежегодные платежи считаются пятипроцентнымъ доходомъ съ выкупнаго капитала, то есть, *умноженные въ двадцать разъ*, они составляютъ капитальный долгъ, лежащій на выкупномъ участкѣ — въ пользу *кассы поземельнаго выкупа*, долгъ, имѣющій законное преимущество предъ всѣми прочими закладными обязательствами. *Выкупной оброкъ* долженъ быть вносимъ обязаннымъ каждую четверть года въ имперскую податную кассу, а получателю выдается по-полугодно. Взысканіе его съ обязаннаго производится вмѣстѣ съ государственнымъ поземельнымъ окладомъ; но при конкурсахъ и конфискаціяхъ онъ имѣетъ преимущество предъ государственными податями. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты всѣ мѣры, чтобы облегчить желающимъ возможность вносить весь выкупной капиталъ разомъ или по частямъ. Въ пособіе получателямъ разрѣшено выда-

вать изъ казны впередъ треть годоваго дохода, слѣдующаго за уничтоженныя повинности, разумѣется, съ вычетомъ въ послѣдствіи изъ суммы, поступающей отъ плательщиковъ. Въ 1851 и 1852 году правительство выдало уже на этотъ предметъ довольно значительныя суммы.

Для приведенія въ дѣйствіе выкупа образованъ въ каждой области съ 1 Нояб. 1851 года *выкупной фондъ* (Entlastungsfond), котораго завѣдываніе поручено особой *дирекціи*, подчиненной только министерству и имѣющей между прочими членами по одному депутату со стороны главныхъ владѣльцевъ и обязанныхъ. Этотъ фондъ образуется изъ всѣхъ выкупныхъ платежей отъ обязанныхъ, изъ платежей и податей, поступающихъ на покрытіе трети, лежащей на областной казнѣ; изъ суммъ, выдаваемыхъ государственною казною (вслѣдствіе дѣлаемаго собственно ею выкупа) за пошлины по переходу имущества; наконецъ изъ ссудъ, дѣлаемыхъ казною для успѣшнѣйшаго хода всего дѣла.

Платежи приводятся къ десятичному счету; выходящій изъ него излишекъ долженъ быть заплаченъ въ теченіе перваго года, а весь капиталъ, вмѣстѣ съ лежащими на немъ процентами, *въ теченіе 20 лѣтъ*. Погашеніе можетъ происходить двоякимъ образомъ: 1) или обязанный платитъ каждый годъ 20-ую долю капитала и, сверхъ того, процентъ съ той суммы, которую остается долженъ по истеченіи каждаго года; или 2) весь выкупной капиталъ, вмѣстѣ съ слѣдующими процентами, раздѣляется на 20-ть равныхъ частей, которыя выплачиваются ежегодно. Какъ выше упомянуто, всѣ эти платежи взимаются вмѣстѣ съ государственными податями, и, въ случаѣ неуплаты, ко взысканію ихъ употребляются тѣ же средства, какъ и въ податныхъ недоимкахъ.

Дирекція фонда ведетъ счетъ всѣмъ поступленіямъ и заботится о наивыгоднѣйшемъ ихъ употребленіи. Помѣщикамъ или ихъ повѣреннымъ, то есть, всѣмъ имѣющимъ право полученія, она выдаетъ *пятипроцентныя облигаціи*. Остатки, не достигающіе стоимости облигацій, выплачиваются наличностію. Эти облигаціи, надписанныя на имя по-

лучателя, носятъ названія: *Grundentlastungs-Schuldverschreibungen des Kronlandes*..... Проценты платятся по истеченіи каждаго полугодія. Облигаціи двоякаго рода: онѣ или означаютъ круглыя суммы: какъ-то: 50, 100, 500, 1000 гульд. и снабжены на 10-ть лѣтъ 20-ю купонами, или же могутъ быть выдаваемы на всякую сумму и служатъ преимущественно къ удовлетворенію фиденкоммисовъ, ленъ, церквей, общинъ и т. п. Проценты послѣднихъ выплачиваются полугодично подъ особыя расписки.

Накопившійся *выкупной фондъ* употребляется къ извлеченію выданныхъ облигацій, которое должно начаться не позже *двухъ лѣтъ* по окончаніи поземельнаго освобожденія въ каждой области. Эти облигаціи обезпечиваются государствомъ и пользуются всѣми преимуществами государственныхъ бумагъ. Онѣ могутъ служить къ основанію всякихъ учрежденій и капиталовъ, во всякихъ платежахъ, залогахъ, и, для полученія ссудъ изъ австрійскаго національнаго банка, равняются государственнымъ бумагамъ.

Въ министерскомъ докладѣ, 1851 года, 22 Марта, показано вѣроятное исчисленіе капитала выкупа въ областяхъ: Нижней и Верхней Австріи, Зальцбургѣ, Тиролѣ, Штейермаркѣ, Каринтіи, Крайнѣ, Истріи, Градцѣ, Тріестѣ, Богеміи, Моравіи и Силезіи. Итогъ простирался до 207 милл. гульденовъ (1).

	Изъ нихъ приходится на долю обязанныхъ, гульд. мюн.
въ счетъ справедливаго вознагражденія за извѣстныя повинности, около.	75,900,000
За выкупаемыя повинности около.	20,500,000
Итого	96,400,000
На счетъ областной суммы за одну треть. .	75,900,000
На счетъ государствен. казны за лаудеміи. .	35,000,000

И такъ годовое бремя, образующееся для казны, равняется *пяти*-процентному платежу съ послѣдней суммы (принимая въ соображеніе,

(1) 1 гульд. конвенціонсъ-мюнце равняется приблизительно—60 к. сер.

что проценты съ остальныхъ двухъ третей выплачиваются обязанными и областною казною)
то есть. 1,750,000
и 1 процентъ для погашенія капитала. . . 350,000

Слѣдовательно всего ежегоднаго расхода около. 2,100,000

Не считая впрочемъ ссудъ, которыя въ теченіи этого времени казна должна будетъ сдѣлать областямъ для облегченія ихъ платежей.

Этотъ расходъ обезпечивается имуществомъ обязанныхъ и установленной системой погашенія, коронныя же области покрываютъ свою издержку изъ земской казны, а въ случаѣ ея недостачи надбавкой подати.

Издержки казны на самое производство всего этого дѣла были слѣдующія (кромѣ ссудъ): въ 1850—455,760 гульд., въ 1851—975,719 гульд., смѣта на 1852—1,267,818 гульд., которая распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Жалованье, съ прибавками вознагражденія, и суточныя.	809,658 гул.
Канцелярскіе расходы.	105,944 ——
Путевыя издержки и собранія.	110,548 ——
Наемъ квартиръ для чиновниковъ. . . .	16,401 ——
Разные расходы.	13,267 ——
Случайныя валовыя додачи.	212,000
	1,267,818

«Не нужно доказывать, говоритъ Реденъ (въ сочиненіи своемъ Allgemeine Vergleichende Finanz-Statistik), что съ пожертвованіемъ, сравнительно незначительнымъ для казны, этимъ способомъ достигнуты столь выгодные результаты въ необыкновенно короткое время, какихъ, при другомъ образѣ дѣйствій, врядъ ли можно было ожидать когда либо, или по крайней мѣрѣ очень не скоро. Также ясно и то, что поземельнымъ освобожденіемъ пущенъ въ оборотъ и, такъ сказать, созданъ капиталъ, несравненно значительнѣйшій издержаннаго, не смотря на то, что почти треть имперіи осталась не тронутою этой реформой, а именно Венгрія, Седмиградская область и Галиція.»

Таковъ былъ въ Австріи постепенный ходъ улучшеній въ положеніи земледѣльческаго сословія. Изложенныя нами данныя показываютъ, что въ судьбахъ этого сословія было нѣсколько періодовъ: состояніе рабства, соединенное съ полнымъ произволомъ главныхъ владѣльцевъ; по уничтоженіи его, отбываніе повинностей по величинѣ поземельныхъ участковъ; потомственное владѣніе этими участками, подъ условіемъ извѣстныхъ повинностей, которыя правительство стремится привести въ извѣстность и строгую опредѣленность; наконецъ, выкупъ повинностей, съ обращеніемъ участковъ въ крестьянскую собственность. Не входя въ оцѣнку мѣръ, которыми это было достигнуто, мы должны однакожъ отдать справедливость австрійскому правительству, которое въ продолженіи долгаго времени, побуждаемое человѣколюбіемъ и общественнымъ мнѣніемъ большинства, не боялось бороться со множествомъ трудностей этого дѣла и предразсудками привилегированныхъ сословій, и постоянно шло къ цѣли— полному освобожденію земледѣльческаго сословія. Даже въ послѣднее кризисное время, посреди финансоваго разстройства, оно нашло возможность довершить начатое дѣло окончательною смѣлою мѣрой — поземельнаго выкупа. Не имѣя достаточно данныхъ, чтобы судить, въ какой степени исполненіе ея соотвѣтствовало благой мысли и удовлетворило объ участвующія стороны, мы заключимъ нашу статью словами Редена (котораго сочиненіе относится къ 1853 году): «Освобожденіе земли и земледѣлія началось въ Австріи собственно тому три года назадъ, въ обширномъ размѣрѣ; но съ тѣхъ поръ сдѣлало столь быстрые успѣхи, что въ этомъ далеко не сравнится съ нею ни одно государство. Благодѣтельныя слѣдствія этой спасительной мѣры обнаруживаются въ Австріи быстрѣе и въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ гдѣ либо, потому что въ значительной части имперіи сельское хозяйство (особенно по причинѣ стѣсненія поземельнаго владѣнія) находилось на низкой степени, именно, въ странахъ наиболѣе одаренныхъ природою. Узаконенія объ освобожденіи земледѣлія составляютъ самую блестящую черту между множествомъ другихъ, ознаменовавшихъ періодъ времени

отъ 1848 года, въ отношеніи къ вещественному развитію Австріи. За составленіе и приведеніе ихъ въ исполненіе Австрія обязана воздвигнуть памятникъ министру Баху. Десять лѣтъ мира произведутъ теперь огромные успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ, которыхъ предѣлъ скрывается въ далекомъ будущемъ.»

Въ другомъ мѣстѣ Реденъ прибавляетъ: «Сельско-хозяйственному законодательству и по окончаніи поземельнаго освобожденія предстоитъ обширное поле дѣятельности: вслѣдствіе его, нѣкоторыя части требуютъ очевидно правильнѣйшаго устройства. Сюда принадлежатъ вопросы о накопленіи и раздробленіи поземельной собственности, о правахъ наслѣдства между крестьянами, о раздѣлѣ общихъ и соединеніи черезполосныхъ земель, объ орошеніи и осушеніи полей и луговъ, объ устраненіи невыгодныхъ по своимъ слѣдствіямъ преимуществъ въ пользованіи лѣсами и пастбищами, о фиденкомиссахъ и ленахъ, о сельско-хозяйственномъ кредитѣ, застрахованіи» и пр.

Н. Р—въ.

ОЧЕРКЪ

ТРЕХНЕДѢЛЬНАГО ПОХОДА НАПОЛЕОНА

ПРОТИВЪ ПРУССІИ ВЪ 1806 ГОДУ.

СОЧИНЕНІЕ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА ГРАФА НИКОЛАЯ ОРЛОВА. С. ПЕТЕРБУРГЪ. 1856 ГОДА.

Этотъ первый опытъ молодаго писателя, чуждый всякихъ притязаній на ученость или на художественность изложенія, оставляетъ въ читателѣ прочное впечатлѣніе и наводитъ на размышленія, далеко переходящія за предѣлы событія, составляющаго предметъ сочиненія. Мы приписываемъ это не только удачному выбору предмета, но и внутреннему достоинству книги. На каждой страницѣ читатель встрѣчается съ живою мыслью, возбужденною исканіемъ прямой пользы, съ мыслью, для которой изученіе исторіи служитъ средствомъ обогатиться чужимъ опытомъ. Не останавливаясь на сцѣпленіи непредвидимыхъ случайностей, составляющихъ анекдотическую сторону событій, и не вдаваясь въ сферу исторической необходимости, авторъ держится между двумя указанными крайностями, въ области *ближайшихъ причинъ* политическихъ событій. Мы разумѣемъ тѣ причины, которыя, подчиняясь человѣческой волѣ, могутъ быть вызваны и могутъ быть устранены правительственными мѣрами; но за то, будучи разъ допущены, дѣйствуютъ всегда одинаково, по общимъ въ нихъ присущимъ законамъ.

Эти законы, очищенные отъ случайной, вѣчно измѣняющейся ихъ обстановки, представляютъ намъ самыя вѣрныя данныя для аналоги-

ческихъ выводовъ не только въ сужденіяхъ о прошедшемъ, но и въ примѣненіи къ настоящему.

Обращая этотъ взглядъ на событіе, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ извѣстнаго пространства и извѣстнаго времени, не имѣющее по видимому никакого прямаго отношенія къ намъ, живущимъ въ другой исторической средѣ, мы какъ будто придвигаемъ его къ себѣ. Мысль приводитъ въ соприкосновеніе то, что прошло невозвратно и чему не суждено повториться въ прежнихъ формахъ, съ тѣмъ, что совершается въ нашихъ глазахъ и въ чемъ, какъ современники, мы участвуемъ. Весь поучительный смыслъ, извлеченный изъ прошедшаго, мы переносимъ въ наше сознаніе и оттуда въ жизнь. Практичность этого воззрѣнія на исторію, свойство очень рѣдкое въ современной русской наукѣ, придаетъ книгѣ графа Орлова характеръ докладной записки, дѣловой и дѣльной. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, ея главное достоинство.

Она распадается на три части: въ первой (глава I.) разсматриваются причины пораженій, понесенныхъ Прусаками въ войнѣ 1806 года; во второй (глава II.) причины успѣховъ Наполеона; въ третьей (мы относимъ сюда III-ю и всѣ послѣдующія главы) разсказывается самый ходъ кампаніи, какъ бы въ подтвержденіе всего, изложеннаго въ двухъ первыхъ частяхъ. Съ особенною подробностью обработана первая глава, и на нее-то мы намѣрены теперь обратить вниманіе читателей.

Авторъ разсматриваетъ событія 1806 года, исключительно какъ военный историкъ, и приводитъ въ объясненіе катастрофы, разразившейся надъ Пруссіею, недостатки, подмѣченные имъ въ организаціи ея военныхъ силъ, вовсе умалчивая о другихъ причинахъ. Ограничить такимъ образомъ свою тему онъ имѣлъ полное право, нисколько не подвергаясь упреку въ односторонности. Всякій властенъ избрать себѣ любой предметъ и отстранить отъ себя другіе, какъ бы близко они съ нимъ ни соприкасались; но въ настоящемъ случаѣ, въ основаніи выбора, кажется, лежитъ особенный взглядъ на историческій фактъ. Одно мѣсто въ книгѣ подаетъ поводъ думать, что въ понятіяхъ автора недостатки военной организаціи были *единственною* причиною несчастнаго исхода кампаніи; другихъ причинъ авторъ не только не касается, онъ даже по видимому не признаетъ ихъ.

Мы приведемъ это мѣсто цѣликомъ: «Что было причиною величія Пруссіи? Управленіе и армія. Не было страны въ свѣтѣ, гдѣ управленіе было бы *менѣе отяготительно для подданныхъ. Лихоимства почти не знали;* законы исполнялись быстро и въ точности; правосудіе отдавалось всѣмъ и каждому... *Эта безукоризненность правителей и судей* много придавала силы королямъ Прусскимъ. Но главную опору они и съ ними весь народъ полагали въ арміи.» (стр. 3). Далѣе доказывается самымъ убѣдительнымъ образомъ, что эта прославленная армія была въ совершенномъ упадкѣ, и въ читателѣ остается впечатлѣніе, что передъ началомъ кампаніи все въ Пруссіи было безукоризненно, кромѣ арміи, далеко отставшей отъ прочихъ частей, и что одна эта слабая сторона была причиною внезапнаго государственнаго крушенія.

Намъ кажется, что въ выписанныя строки вкрался невольный анахронизмъ. Слишкомъ благопріятныя сужденія о безукоризненности управленія и безкорыстіи чиновниковъ относятся какъ будто къ обновленной Пруссіи, къ той Пруссіи, которая вышла изъ рукъ Штейна, Гарденберга и Шарнгорста, а не къ той, которая въ 1806 году готовилась встрѣтить Наполеона. По крайней мѣрѣ, нѣмецкіе историки далеко не такъ благопріятно судятъ о томъ времени, какъ графъ Орловъ, и факты, на которые они ссылаются, приводятъ насъ къ совершенно иному заключенію.

Со временъ Фридриха II и до коренныхъ преобразованій 1807—1810 годовъ, государственное управленіе въ Пруссіи снизу до верху постепенно стягивалось въ одинъ узелъ и сосредоточивалось въ рукахъ коронныхъ чиновниковъ. Древне-германскія представительныя и совѣщательныя учрежденія быстро изчезали или теряли прежнее свое значеніе, частью подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ Пруссіи, требовавшихъ быстроты въ дѣйствіяхъ и полновластнаго распоряженія всѣми наличными силами, частію же потому, что во всей западной Европѣ, XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ искусственнаго напряженія государственнаго механизма въ ущербъ свободному развитію общественныхъ органовъ. Вездѣ правительства забирали въ свои руки дѣла, которыми прежде завѣдывали сословія, корпораціи, общины и частныя лица, вездѣ вводился *порядокъ*, непремѣннымъ условіемъ котораго почиталось отрицаніе всякаго самоуправленія. Тоже было и въ Пруссіи. Такое направленіе, съ одной стороны, раздвигало до нельзя кругъ дѣятельности казенной администраціи и придавало ей

характеръ *отвлеченно бюрократическій* (*); съ другой, оно ослабляло живое общеніе правительства съ подданными. Правительство болѣе и болѣе уединялось, уходя изъ живой области мысли и дѣла въ область формъ и бумажной дѣятельности, а подданные отъ вынужденнаго бездѣйствія перешли къ безучастію, потомъ къ равнодушію и наконецъ къ безплодной хулѣ на правительство (**).

Между тѣмъ какъ высшее государственное управленіе, идя по указанной дорогѣ къ своимъ особеннымъ цѣлямъ, исчерпывало для достиженія ихъ всѣ живые народные соки, не заботясь о ихъ возстановленіи; общественное развитіе подавлялось средневѣковыми учрежденіями, не дававшими хода промышленнымъ и умственнымъ силамъ. Подъ верховнымъ владычествомъ казенной бюрократіи и военной дисциплины, въ городахъ, торговые и ремесленные цѣхи, размежевавъ между собою всю широкую область промышленности на отдѣльныя *кормленія* (Bürgernahrungen), держали потребителей въ своей власти и отказывали бѣднѣйшимъ обывателямъ въ средствахъ снискивать себѣ пропитаніе, а въ деревняхъ, хотя личное рабство (Leibeigenschaft) уже было значительно смягчено закономъ и обычаемъ, феодальныя отношенія дворянъ-землевладѣльцевъ къ ихъ крѣпостнымъ поселянамъ не допускали развитія свободнаго труда и обрекали на

(*) Вотъ что писалъ объ этомъ въ 1806 году кабинетъ-совѣтникъ Бейме: «Всѣ силы государства были напряжены до крайности, а это ставило въ необходимость болѣе и болѣе развѣтвлять и усложнять всѣ отрасли управленія, чтобы, при всеобщемъ движеніи, не осталась какая нибудь сила незатронутою, коснѣющею. По достиженіи же цѣли забыли, что эта система управленія была вызвана особенными потребностями, и не отмѣнили ея. Изъ нея возникъ духъ повѣрки, контроля, дошедшій до того, что надъ самимъ контролемъ былъ учрежденъ новый контроль. Вмѣсто необходимаго довѣрія, всеобщая недовѣрчивость легла въ основаніе всей государственной службы: по этому не удивительно, что дробленіе государственнаго управленія, доведенное до крайностей, породило такое множество департаментовъ, присутственныхъ мѣстъ и проч. «Stein's Leben. v. Pertz. I B.

(**) Въ присутственныя мѣста, состоящія исключительно изъ чиновниковъ, получающихъ жалованье отъ казны, преимущественно въ низшія, очень легко вкрадывается духъ наемничества; формы дѣлопроизводства убиваютъ жизнь, незнаніе управляемаго края, даже пренебреженіе къ нему становится дѣломъ обычнымъ, и проч... На народъ производитъ все это зловредное дѣйствіе. Слабѣетъ общее участіе къ управленію, къ его успѣху, къ народному благу и къ самой чести народной. Возникаетъ и усиливается пагубное равнодушіе, даже недоброжелательство къ правительству, котораго не понимаютъ... Государственное управленіе все болѣе и болѣе отдаляется отъ народа, — явленіе, имѣвшее вездѣ и всегда самыя грустныя послѣдствія.» Изъ Записки Штейна объ учрежденіи высшаго государственнаго управленія. См. Pertz. B. II.

противуестественный застой производительныя силы многочисленнѣйшаго сословія. Многаго требовало государство отъ простаго народа для своихъ нуждъ, а между тѣмъ этотъ народъ, разлученный съ представителемъ верховной власти, ничего не получалъ отъ государства за всѣ свои жертвы. Между ними стояло привиллегированное сословіе, располагавшее рабочими силами поселянъ и въ тоже время имѣвшее надъ ними право домашняго суда и безотчетной расправы.

Странное явленіе представляло это сочетаніе отвлеченно-бюрократическаго направленія, исходившаго сверху, съ единовременнымъ господствомъ частнаго произвола и разновластія, процвѣтавшаго внизу! На немъ лежали ясные слѣды несовмѣстныхъ противорѣчій, этихъ неразлучныхъ спутниковъ всякаго переходнаго состоянія, и мы не затруднились бы оправдать его, какъ историческое явленіе, носившее въ себѣ самомъ зародышъ своего разрушенія; но вопросъ въ томъ: точно ли такая система была *неотяготительна* для подданныхъ? Этотъ вопросъ довелось самой Пруссіи задать себѣ въ то время, когда миновала для нея пора самообольщеній разнаго рода и когда все то, чѣмъ она еще недавно гордилась, подверглось строгому пересмотру. Мы знаемъ, какъ она его разрѣшила. За исключеніемъ королевской власти и существенныхъ принадлежностей монархическаго устройства, изъ прежней системы внутренняго управленія почти ничто не уцѣлѣло. Все сверху до низу потребовало или рѣшительной отмѣны, или существенныхъ преобразованій.

Сужденіе графа Орлова о прусскихъ чиновникахъ содержитъ въ себѣ также похвальное свидѣтельство, котораго въ то время они не заслуживали. Въ концѣ второй части своей исторіи Германіи, Лудвигъ Гейссеръ (*), изображая всеобщее разложеніе государства и общества въ Пруссіи передъ началомъ войны, съ особеннымъ ударе-ніемъ указываетъ на преобладаніе въ служебномъ сословіи своекорыстной разсчетливости надъ чувствомъ долга и на продажность чиновниковъ. Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія онъ утверждаетъ, что служебной неподкупности, которою славилась нѣкогда прусская администрація, первый ударъ былъ нанесенъ еще въ 1786 году введеніемъ французской системы казенныхъ сборовъ. За тѣмъ, безраз-

(*) Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des Deutschen Bundes. Von Ludwig Häusser.

судная расточительность Фридриха Вильгельма II-го и его любимцевъ, развившая въ высшемъ сословіи непомѣрную роскошь и алчность къ матерьяльнымъ наслажденіямъ, окончательно подкопала этотъ столпъ государственнаго могущества Пруссіи. Изъ провинцій, пріобрѣтенныхъ отъ Польши, стали доходить громкія жалобы на безчестность и произволъ мѣстнаго управленія, и конечно, замѣчаетъ тотъ же авторъ, тамъ должны были происходить важныя злоупотребленія, если прусская администрація не умѣла заслужить признательности даже въ польскихъ областяхъ, отъ тамошняго забитаго и измученнаго простаго народа. Вопреки прежней строгой бережливости казеннаго управленія, многія имѣнія конфискованныя послѣ польскаго мятежа, розданы были даромъ или за самую ничтожную цѣну большею частью людямъ недостойнымъ, и общественная молва приписывала главнѣйшее участіе въ этихъ сдѣлкахъ королевскому любимцу Бишофсвердеру и его приближеннымъ. Ему помогалъ министръ Шлезіи (*), графъ Гоймъ, въ канцеляріи котораго второстепенный чиновникъ нашелъ средство обратить раздачу имѣній въ выгодную для себя торговлю. Есть и другія доказательства испорченности служебнаго сословія. Когда Штейнъ, по званію министра финансовъ, принялъ въ свое завѣдываніе государственный банкъ и компанію морской торговли (Seehandlung), онъ нашелъ въ этихъ двухъ учрежденіяхъ не только страшные безпорядки, но и безстыдный грабежъ. Между прочимъ обнаружилось, что одинъ изъ чиновниковъ допустилъ банкира, занявшаго значительную сумму подъ залогъ сложенныхъ имъ товаровъ, тайнымъ образомъ взять эти товары назадъ, не выплативъ долга. Уличенный въ этомъ чиновникъ повѣсился на дверяхъ Штейна. Другой двукратно предъявлялъ къ уплатѣ одне и тѣже облигаціи банка, третій, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, таскалъ изъ кассы мѣшки съ деньгами и накралъ до 12 т. талеровъ. Еще важнѣе, по послѣдствіямъ ихъ, были злоупотребленія чиновниковъ по дѣламъ иностранныхъ Жидовъ, наводнявшихъ пограничныя области Пруссіи, хотя въѣздъ въ нихъ имъ запрещенъ. Напрасно министръ Шрёттеръ издавалъ предписанія за предписаніями, онѣ не приводились въ исполненіе, потому что мѣстные чиновники были въ стачкѣ съ Жидами. Произведенное слѣдствіе обна-

(*) Управленіе Шлезіею составляло отдѣльное вѣдомство, въ главѣ котораго стоялъ областный министръ.

ружило, что послѣдніе успѣли подкупить во многихъ городахъ всѣхъ магистратскихъ членовъ и совѣтниковъ, завѣдывавшихъ податными дѣлами. Всѣ эти примѣры достаточно оправдываютъ слѣдующее строгое сужденіе Штейна о прусскихъ чиновникахъ: «духъ, господствующій въ чиновничествѣ, такъ *испорченъ*, что обновленіе его можетъ совершиться только при помощи сильныхъ мѣръ.» Правда и то, что въ широкой дѣятельности Штейна преслѣдованіе взяточничества никогда не являлось на первомъ планѣ, какъ главная цѣль; но это оттого, что великій государственный умъ его, обнимавшій всѣ разнообразныя явленія общественнаго недуга, которымъ болѣла Пруссія, не могъ удовлетворяться безплодною борьбою съ однимъ изъ внѣшнихъ признаковъ этого недуга. Онъ предоставлялъ другимъ внушенія, взысканія и всѣ мелкія средства, а самъ искалъ *положительнаго* врачеванія въ подъемѣ народнаго духа, зная напередъ, что совѣсть общественная, однажды пробужденная, сама поведетъ борьбу съ преступнымъ корыстолюбіемъ. И его надежды сбылись; но, повторяемъ опять, все это относится къ другому періоду времени.

И такъ нельзя сказать, чтобы въ Пруссіи 1806 года все было благоустроено, кромѣ арміи; и не въ однихъ недостаткахъ военной организаціи, а въ *совокупности многихъ другихъ причинъ*, должны мы искать разгадки событій того времени. Да и самыя эти событія заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ неудачный походъ. Не то въ нихъ знаменательно, что въ двухъ генеральныхъ сраженіяхъ старая прусская армія не выдержала столкновенія съ войсками Наполеона. Тоже самое могло бы случиться и съ другою арміею; ибо на полѣ сраженія такъ много значатъ личныя способности военачальника, минутное счастливое вдохновеніе, наконецъ слѣпой случай, котораго ни подготовить, ни предупредить нельзя, что нерѣдко эти неисчислимыя обстоятельства рѣшаютъ дѣло вопреки всѣмъ причинамъ, по видимому обезпечивающимъ успѣхъ или предрекающимъ неудачу. Но важно то, что съ потерею двухъ сраженій исчезло всякое сопротивленіе, что могла не дрогнуть земля, когда погибла ея военная слава, что все народонаселеніе поспѣшно склонилось подъ чужеземное иго, однимъ словомъ, — что земля не заступилась за

(*) Das Leben des Fr. Von Stein. M. Pertz B. I.

государство и не дала отъ себя отпора (1). Мы знаемъ изъ свидѣтельствъ современниковъ, что позорная сдача прусскихъ крѣпостей почти вездѣ послѣдовала отъ того, что граждане настойчиво приступали къ комендантамъ, упрашивая ихъ не раздражать непріятеля и не подвергать частной собственности опасностямъ осадъ; мало того, почти всѣ чиновники, въ томъ числѣ семь министровъ, въ занятыхъ Французами областяхъ присягнули Наполеону, не имѣя на то разрѣшенія отъ своего короля, остались на своихъ мѣстахъ и усердно служили непріятелю противъ своей родины, сообщая французскимъ маршаламъ и комиссару Дарю всевозможныя свѣдѣнія и помогая имъ въ обезпеченіи продовольствія ввѣренныхъ имъ армій; наконецъ разсказываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители городовъ и селъ не только равнодушно, но съ какимъ-то злорадостнымъ чувствомъ смотрѣли на проходившіе мимо остатки разбитой арміи. Во всемъ этомъ, очевидно, была виновата не одна система военной организаціи и не бездарность военачальниковъ; это были признаки другихъ, болѣе глубокихъ недуговъ, которыхъ къ сожалѣнію графъ Орловъ не коснулся. Вотъ почему, по прочтеніи его книги, читатель, соглашаясь безусловно со всѣми его сужденіями о недостаткахъ прусской арміи, остается въ какомъ-то недоумѣніи. Онъ чувствуетъ, что предложенное объясненіе событій не исчерпываетъ ихъ, что оно взято изъ слишкомъ ограниченной сферы, и что даже въ этой сферѣ (военной), по тѣсной ея связи съ другими, многое можетъ удовлетворительно объясниться только при совокупномъ разсмотрѣніи подмѣченныхъ въ ней явленій съ однородными изъ другихъ сферъ.

Мы упомянули выше о характерѣ государственнаго управленія въ Пруссіи въ эпоху, предшествовавшую войнѣ 1806 года; теперь мы должны обратиться назадъ къ тому же предмету, и взять вопросъ нѣсколько шире.

Каждый періодъ въ исторіи народа имѣетъ свою спеціальную задачу, свою цѣль и свою неизбѣжную односторонность; но бываютъ

---

(1) Въ 1810 году Штейнъ писалъ къ Шарнгорсту: «какъ скоро государь въ 1806 году провозгласилъ войну, внутренняя энергія націи могла бы свободно обнаружиться; и такъ на весь народъ падаетъ отвѣтственность за всѣ послѣдующія событія. Произносимое мною обвиненіе повторятъ современники и подтвердитъ потомство... Чего же ждать отъ него и теперь, когда, по словамъ вашимъ, страхъ войны, неудовольствіе противъ образа взиманія податей заглушаютъ въ немъ чувство народной чести?»

БИБЛІОТЕКИ
Историко-Литературныхъ и Пр... Курсовъ
Н. П. Раева.

времена, когда отъ совпаденія общей цѣли съ частными видами лицъ или сословій, правящихъ судьбою народа, эта неизбѣжная односторонность достигаетъ крайнихъ предѣловъ, и не только подчиняетъ себѣ всѣ прочія стремленія, изъ которыхъ слагается полная народная жизнь, но отрывается отъ нихъ—и, стремясь неудержимо впередъ, оставляетъ ихъ далеко за собою. Послѣ такихъ временъ, возсталовленіе равновѣсія рѣдко обходится безъ тяжелаго кризиса. Весь XVIII вѣкъ для Пруссіи, какъ мы уже сказали выше, былъ временемъ безпримѣрнаго въ исторіи напряженія всѣхъ силъ, которыми располагало правительство (1). Таково было требованіе времени. Пруссіи не было дано сложиться на широкомъ просторѣ и окрѣпнуть на досугѣ прежде, чѣмъ насталъ для нея часъ выступить на поприще общеевропейской политики. Она взяла свое мѣсто съ бою, раздвинувъ могучихъ сосѣдей, которые стерегли самыя раннія ея движенія съ чувствомъ враждебной подозрительности. При такихъ условіяхъ, простое обезпеченіе государственнаго бытія стоило подвиговъ и требовало громадныхъ усилій. Оттого все, что только могла вырабатывать изъ себя земля, немедленно употреблялось на внѣшнее дѣло и поглощалось безвозвратно государственными потребностями. Военныя силы, дипломатическіе союзы и сношенія, казенное управленіе—устраивались съ невѣроятною быстротою; но народное просвѣщеніе, промышленность, гражданскія отношенія сословій и личныя права, вообще все, что мы привыкли разумѣть подъ общественнымъ развитіемъ, оставалось назади, и наконецъ сложилось могучее, первостепенное государство, котораго земля не въ силахъ была нести на своихъ плечахъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно взять въ руки любопытныя розысканія Доктора Дитрици, завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ въ Берлинѣ, изъ трудовъ котораго извлечена извѣстная книга Моро-де-Жонеса о Пруссіи (2). Сравните, на примѣръ, народонаселеніе и богатство ея въ концѣ XVIII вѣка съ народонаселеніемъ и богатствомъ ея въ первой четверти XIX-го; потомъ сравните, какой процентъ поглощался государственными потребностями, на примѣръ, арміею или гражданскою администраціею и т. п. въ тѣже двѣ эпохи, и вы убѣдитесь, что военное и диплома-

(1) «Искусно задуманная, туго заведенная машина, получающая движеніе только *сверху* и не дающая ни малѣйшей возможности къ самостоятельному, свободному движенію своихъ членовъ»—этими словами Пертцъ характеризуетъ прусское государство въ началѣ XIX вѣка.

(2) La Prusse, son progrès etc etc. par Moreau de Jonès.

тическое значеніе, которымъ пользовалась Пруссія при Фридрихѣ II и его преемникѣ, покупалось систематическимъ раззореніемъ земли. Вліяніе этого разлада между скудостью домашняго быта и блескомъ политической роли, которую разыгрывало государство передъ Европою, отразилось и на характерѣ внутренняго управленія. Правительство, устремивъ все свое вниманіе на сосѣднія державы, на свои съ ними союзы, ссоры и переговоры (ибо оттуда исходило озарявшее его величіе), прислушиваясь къ общественной молвѣ, не дома, а тамъ, за границею, при иностранныхъ дворахъ, пріучилось смотрѣть на землю, какъ на покорный рычагъ, какъ на безгласное орудіе, служившее для внѣшнихъ его цѣлей, и такъ оно продолжало смотрѣть на нее до той поры, пока это орудіе разбилось въ дребезги и выпало изъ рукъ его.

Односторонность исключительно политическаго направленія, характеризующая развитіе Пруссіи въ XVIII вѣкѣ, сказали мы, была до нѣкоторой степени неизбѣжнымъ послѣдствіемъ историческаго положенія государства; но, къ несчастію для Пруссіи, временное требованіе практики совпало съ готовою теоріею, которая взялась оправдать эту односторонность и возвести ее на степень нормальнаго порядка вещей. Эта услужливая теорія, пренебрегавшая историческими данными, на основаніи которыхъ устанавливаются въ разныхъ земляхъ отношенія правительствъ къ подданнымъ, обращалась съ одинаковыми совѣтами ко всѣмъ правительствамъ безъ различія. Она разработывала съ любовью цѣлое ученіе о какихъ-то особенныхъ интересахъ верховной власти, если не прямо несовмѣстныхъ, то по крайней мѣрѣ вовсе не тождественныхъ съ интересами подданныхъ. Она проповѣдывала, что задача финансовой науки главнѣйшимъ образомъ заключается въ пополненіи государевой казны и въ изысканіи способовъ незамѣтнымъ образомъ перелить въ нее возможно большую долю народнаго богатства; она пріучала къ мысли, что правительство должно умѣть обходиться безъ сочувствія и совѣта подданныхъ, что главная мудрость управленія состоитъ въ умѣніи разлучать и противуполагать другъ другу интересы сословія; что вѣрнѣйшіе слуги и самыя надежныя опоры престоловъ — люди, ничѣмъ не связанные съ народомъ и служащіе не землѣ, а личности государя; наконецъ — и это былъ одинъ изъ ея основныхъ догматовъ — она видѣла въ арміи не землю, вооруженную для своей защиты, а какое-то бездушное и мертвое орудіе. Повторяя безпрестанно,

что правительство само по себѣ, а подданные сами по себѣ, она не мало содѣйствовала къ дѣйствительному ихъ разобщенію, и на ея отвѣтственности лежитъ великая доля тѣхъ кровавыхъ событій, которыми была потрясена западная Европа въ концѣ XVIII вѣка и которыхъ слѣды доселѣ еще не зажили. Но этихъ отдаленныхъ послѣдствій не предугадывали ея сознательные и безсознательные поклонники, а ихъ было не мало въ Германіи, при всѣхъ дворахъ и во всѣхъ совѣтахъ.

Въ Берлинѣ главнымъ пріютомъ ея была такъ называемая французская колонія, этотъ разсадникъ прусскихъ дипломатовъ, постоянно пополнявшійся выходцами изъ разныхъ земель и составлявшій въ тогдашнемъ высшемъ обществѣ нѣчто въ родѣ замкнутаго кружка. Къ нему принадлежалъ Лукезини, правившій прусскою политикою при Фридрихѣ Вильгельмѣ II, кабинетъ-совѣтникъ Ломбардъ, главный дѣлецъ Фридриха Вильгельма III по дипломатическимъ дѣламъ въ первые годы его царствованія, графъ Гаугвицъ, министръ иностранныхъ дѣлъ — покорное орудіе Ломбарда, другъ его кабинетъ-совѣтникъ Бейме — политическій врагъ Штейна, и многіе другіе, успѣвшіе черезъ ихъ вліяніе втереться во всѣ вѣдомства и занять множество не столь видныхъ мѣстъ по службѣ. Усердно поддерживая другъ друга, названныя нами лица находились въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ придворными чинами, такъ что всѣ пути къ престолу были ими перехвачены.

Значеніе французской колоніи въ новѣйшей исторіи Пруссіи указываетъ намъ на другую причину ея политической несостоятельности,—на причину, которой важность вполнѣ уже оцѣнили новѣйшіе нѣмецкіе писатели. Мы разумѣемъ гибельную подражательность Французамъ, обезнародившую правительство и высшіе слои прусскаго общества. Извѣстно, что это подражательное направленіе пошло съ легкой руки Фридриха II. Счастливый поборникъ независимости и чести Германіи противъ властолюбивыхъ притязаній французской политики смиренно преклонялся, какъ ученикъ или новообращенный варваръ, передъ представителями de la divine raison. Чуждый всякаго сочувствія къ народной жизни Германіи, къ ея искусству, къ ея наукѣ, къ ея вѣрѣ и къ ея слову, онъ признавалъ въ ней не болѣе, какъ вещество, правда добротное, по которому предстояло еще путемъ коренного самоотреченія очиститься отъ первороднаго грѣха грубой народности и потомъ уже принять въ себя абсолютное про-

свѣщеніе, то есть, нѣсколько общихъ мѣстъ, пропущенныхъ сквозь мелкое рѣшето французскаго разсудка. Этотъ великій умъ, съ такою проницательностію и съ такимъ ясновидѣніемъ озиравшій поле сраженія или сложный механизмъ европейской политики, какъ будто обдѣленъ былъ чутьемъ для разумѣнія исторической жизни народовъ. Плѣняясь обманчивою ясностію и оконченностію науки, выдававшей себя за послѣднее слово человѣческаго разума, онъ по видимому не сознавалъ органической связи умственнаго просвѣщенія съ цѣлою жизнію народа и вѣрилъ, что можно въ уголкѣ государства развести просвѣщеніе отъ выписныхъ сѣмянъ, какъ разводятся въ парникахъ растенія, несвойственныя климату. Впрочемъ, дѣйствительно ли онъ этому вѣрилъ, искренно ли онъ выдавалъ себя за ревностнаго ученика Вольтера и Монтескіо, или онъ только забавлялся, раздражая спѣсивую самоувѣренность своихъ учителей, объ этомъ можно думать различно, и переписка Фридриха II представляетъ доводы въ пользу какъ перваго, такъ и втораго предположенія; но не въ этомъ сила. Каковы бы ни были внутреннія убѣжденія государя, самодержавно властвовавшаго даже надъ умами, а его отношенія къ Франціи дали тонъ всему берлинскому обществу. Съ его примѣра, пренебреженіе къ германской народности вошло въ моду, а подражаніе Франціи сдѣлалось признакомъ просвѣщенія (1). Оно проникло гораздо глубже, чѣмъ казалось съ виду, ибо какъ ни дроби человѣка на разобщенныя между собою сферы и способности, цѣльность его природы на дѣлѣ беретъ свое: долговременное подчиненіе мысли и вкуса воздѣйствуетъ на волю заранѣе, прежде даже чѣмъ созрѣетъ въ ней сознательное рѣшеніе, склоняя всѣ сочувствія человѣка въ ту самую

(1) Какъ далеко зашло въ этомъ отношеніи высшее общество въ Германіи, всего яснѣе видно изъ того, что оно почти вовсе отвыкло отъ своего роднаго языка и пристрастилось къ французскому. Прусскій министръ, Фрейгерръ фонъ Штейнъ, непримиримый противникъ галломаніи, считалъ нужнымъ въ перепискѣ своей съ г-ю Бергъ объяснить, почему онъ употребляетъ нѣмецкій языкъ, а не французскій. «Я привыкъ, писалъ онъ, о предметахъ серьезныхъ думать всегда на родномъ моемъ языкѣ». — Не только въ домашнемъ быту, но и въ оффиціальномъ мірѣ Нѣмцы любили щеголять французскимъ языкомъ, который, мимоходомъ будь сказано, никогда имъ не давался. Особенно дипломатическія ноты и депеши того времени до такой степени испещрены французскими словами, что мы, читая ихъ, невольно вспоминаемъ нашъ оффиціальный языкъ начала XVIII вѣка, когда нельзя было написать указа, не употребивъ словъ: трактаментъ, авантажъ, субсидія, аллежементъ, сепарація и т. п.

Перцъ разсказываетъ между прочимъ, что въ 1808 году представители мѣстныхъ чиновъ въ Бреславлѣ поднесли королю въ день его рожденія поздравительный адресъ на

сторону, куда онъ привыкъ обращаться за образцами и уроками. Къ несчастію, этой простой истины близорукіе люди не постигали. Они воображали себѣ, что поколѣніе, привыкшее заимствовать готовый образъ мыслей изъ понятій другой націи, въ минуту политической съ нею борьбы найдетъ въ себѣ и ясность неподкупной мысли, и полную свободу самостоятельной воли; но горькій опытъ доказалъ противное. Воспитанники Французовъ въ дѣлѣ науки, въ дѣлѣ художества и въ дѣлѣ общежитія, при встрѣчѣ съ ними на поприщѣ политики и войны уподобились застѣнчивымъ ученикамъ, какъ будто противъ совѣсти взбунтовавшимся противъ своихъ учителей. Пруссія была побѣждена Франціею задолго прежде, чѣмъ онѣ столкнулись подъ Іеною и Ауэрштедтомъ.

И вотъ подъ какимъ вліяніемъ выросло поколѣніе государственныхъ людей, которымъ довелось отстаивать противъ Наполеона честь и самостоятельность Пруссіи. Проходя теперь ихъ дѣйствія съ самаго начала французской революціи и встрѣчая на каждомъ шагу отсутствіе рѣшимости, постыдную уступчивость и равнодушіе къ оскорбленіямъ всякаго рода, мы, посторонніе зрители этой давно разыгранной драмы, не можемъ не испытать чувства досады и негодованія. Что же чувствовали современники и сами Прусаки, въ глазахъ которыхъ все ниже и ниже склонялось знамя родной земли! Неудивительно, что подозрѣніе въ измѣнѣ шевелилось въ ихъ уязвленныхъ сердцахъ (1). И точно, многое, по видимому, оправдывало его. Прусскій генералъ Моллендорфъ, командуя войсками во время похода 1795 года, самовольно, безъ вѣдома своего государя, ведетъ съ Французами секретные переговоры о мирѣ; министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Гаугвицъ, послѣ того какъ Пруссія уже приступила къ коалиціи противъ Наполеона, везетъ ему ультиматумъ и выжидаетъ Аустерлицкаго дѣла; узнавъ о пораженіи австрійскихъ и русскихъ войскъ, онъ вспрыгиваетъ отъ радости и привозитъ въ Берлинъ проэктъ оборонительнаго и наступательнаго союза съ Франціею; въ тоже самое

французскомъ языкѣ. Штейнъ благодарилъ ихъ отъ имени короля, но замѣтилъ имъ, что Нѣмцы могли бы писать къ своему государю по нѣмецки, а не на чужомъ языкѣ.

(1) Въ запискѣ, поданной королю Фридриху Вильгельму III прусскими принцами и подписанной Штейномъ въ 1806 году, мы читаемъ между прочимъ: «Армія, публика и расположенные къ намъ иностранные дворы съ крайнею недовѣрчивостію смотрятъ на теперешній кабинетъ. Общественный голосъ говоритъ о подкупахъ, но мы этого не касаемся, ибо предубѣжденія и другія личныя наклонности и отношенія могутъ побудить къ такимъ же дурнымъ дѣламъ, какъ и золото».

время кабинетъ-совѣтникъ Ломбардъ въ Берлинѣ хлопочетъ объ утвержденіи этого проэкта, по наставленіямъ французскаго посланника Лафоре, и передаетъ ему подробныя свѣдѣнія о всѣхъ совѣщаніяхъ прусскаго министерства. Подобныхъ случаевъ можно бы было насчитать много; но не смотря на то, что каждый изъ нихъ представляетъ поводъ къ уголовному обвиненію, намъ кажется, что современники придавали слову «измѣна» слишкомъ тѣсное значеніе, и въ сужденіяхъ своихъ о частныхъ лицахъ, слишкомъ много приписывали сознательной злонамѣренности. Лукезини, Ломбардъ, эти кондотьеры европейской дипломатіи, случаемъ занесенные въ Пруссію и относившіеся къ ней, какъ относится инженеръ, выписанный изъ-за моря, къ землѣ, гдѣ дорого цѣнится его искусство, Меллендорфъ, Гаугвицъ и другіе, Нѣмцы по происхожденію, просвѣщенные космополиты по образу мыслей, Французы по вкусамъ и привычкамъ, могли ли они почувствовать вѣрно положеніе земли, ея требованія, объемъ ея нравственныхъ силъ и степень возможнаго ихъ напряженія? Могли ли они не сбиться съ историческаго пути народной политики, когда вся жизнь ихъ проходила въ полнѣйшемъ разобщеніи съ народомъ, когда они даже по видимому не сознавали, до какой степени была имъ чужда земля, которою они правили и до какой степени она, въ свою очередь, ихъ чуждалась? Непосредственное ощущеніе всей исторіи народа въ современной его жизни было имъ недоступно, такъ мудрено ли, что вмѣсто обязательнаго историческаго преданія они руководствовались системами собственнаго своего изобрѣтенія и личными своими соображеніями? Положимъ, они измѣняли, но кажется, что измѣняли невольно, почти безгрѣшно, и только потому, что одно сознаніе личнаго достоинства, не опирающееся на глубокое и живое сознаніе достоинства національнаго, не даетъ характерамъ надежнаго закала и не выдерживаетъ строгихъ испытаній политической жизни.

Всѣ указанныя нами причины, при всемъ разнообразіи ихъ исходныхъ началъ, взаимно подкрѣплялись и клонились на практикѣ къ одному выводу: онѣ разъединяли правительство съ народомъ, и черезъ это обезсиливали правительство, а въ народѣ убивали общественный духъ. И вотъ на что, не одинъ разъ, а при всякомъ случаѣ, указывали Штейнъ, Шарнгорстъ, Гнейзенау, Гарденбергъ; вотъ о чемъ они твердили безпрестанно и въ одинъ голосъ, съ такою для многихъ докучливою настойчивостію и съ такимъ скорб-

нымъ убѣжденіемъ, что именно это разобщеніе губило тогдашнюю Пруссію (1).

Нравственный недугъ, которымъ былъ пораженъ весь государственный организмъ, проникая въ отдѣльныя сословія и, такъ сказать, прилаживаясь ко всѣмъ особенностямъ ихъ быта, выражался въ самыхъ разнообразныхъ признакахъ. Эти признаки въ физіономіи прусской арміи 1806 года почти всѣ намѣчены вѣрно въ книгѣ графа Орлова, и намъ остается не возражать ему, а только дополнить сказанное имъ весьма немногими примѣчаніями.

Понятіе о значеніи военной силы, господствовавшее въ кругу высшихъ государственныхъ сановниковъ, составъ арміи и способъ ея пополненія должны были придать военному сословію характеръ касты, оторванной отъ общества и стереть съ нея отпечатокъ народности. Глубокомысленные политики того времени не только не опасались ослабить сочувствіе прочихъ сословій къ военному, но, напротивъ, скорѣе желали полнѣйшаго между ними разъединенія, почитая это однимъ изъ условій усовершенствованія казенной, оборонительной и наступательной машины, какою представлялась имъ армія въ ея идеалѣ. Къ несчастію для Пруссіи, они не только достигли своей цѣли, но даже переступили ее.

Постоянное вниманіе прусскихъ королей къ военному дѣлу, и слѣдственно къ военному сословію, подняло его на степень первенствующаго, привиллегированнаго званія. Военный не только вездѣ становился выше статскаго, но пользовался передъ нимъ существенными преимуществами. Навыкъ, пріобрѣтенный во фронтѣ, почитался достаточнымъ приготовленіемъ къ должностямъ всякаго

---

(1) Мы приводимъ въ доказательство нѣкоторыя изъ ихъ словъ. *Штейнъ*: Прусскому государству однимъ *штопаньемъ* не поможешь; можно помочь ему только внутреннимъ, лучшимъ противъ прежняго устройствомъ, могущимъ оживить и возвысить общественный духъ, и *народнымъ* воспитаніемъ, въ которомъ явилось бы противодѣйствіе гнусной пошлости и эгоизму. Очисткою нумеровъ этого нельзя достигнуть. Государственное управленіе все болѣе и болѣе отдаляется отъ народа,—явленіе, имѣвшее вездѣ и всегда самыя грустныя послѣдствія. *Гнейзенау*: Со стыдомъ погибнемъ мы: намъ нельзя отъ себя скрыть, что народъ нашъ плохъ такъ же, какъ и наше правленіе У насъ не достаетъ общественнаго духа... Народъ отвратился отъ правительства... и пр. *Шарнгорстъ*: Надобно развить въ народѣ чувство сознательной самостоятельности. Надобно дать народу возможность познакомиться съ самимъ собою, случай—узнать себя, заняться собою... только тогда, когда это совершится, будетъ народъ уважать себя самъ и внушать къ себѣ уваженіе въ другихъ...

рода, по видимому требовавшимъ спеціальныхъ познаній и особенной опытности; мѣста, которыхъ чиновники гражданскаго вѣдомства добивались, какъ лучшей награды за долговременную и полезную службу, сберегались для военныхъ, выходившихъ изъ арміи по дознанной ихъ неспособности къ фрунтовой службѣ; даже въ городскія должности, которыя замѣщались по выборамъ самихъ гражданъ, велѣно было представлять исключительно отставныхъ военныхъ и инвалидовъ (*). Это явное предпочтеніе естественно возбуждало въ прочихъ сословіяхъ чувство недоброжелательной зависти къ военному, а поведеніе офицеровъ въ частномъ быту, надменная безцеремонность ихъ обращенія съ гражданами, не носившими военнаго мундира, ихъ пренебреженіе къ законамъ и приличіямъ, равно обязательнымъ для всѣхъ, содѣйствовали еще болѣе къ развитію этого пагубнаго зародыша. Они на каждомъ шагу какъ будто давали чувствовать всякому встрѣчному, что въ великой народной семьѣ, подъ кровомъ одного государя, имъ одинмъ предоставлены были права любимыхъ и балованныхъ чадъ. «Трудно повѣрить, говоритъ Гейссеръ, ссылаясь на разсказы современниковъ, до чего простиралась иногда дворянская и армейская дерзость, какъ исключительно властвовали офицеры въ мѣстахъ постояннаго расположенія войскъ, и чего не позволялъ себѣ произволъ нѣкоторыхъ изъ начальствовавшихъ надъ ними генераловъ. Ни образованіе, ни лѣта, ни личныя заслуги не защищали отъ оскорбленій; право пренебрегать всѣми казалось принадлежностію военнаго мундира.»

Этимъ свидѣтельствомъ дополняется нѣсколько односторонній отзывъ графа Орлова о характерѣ прусской арміи. На страницахъ 23—24 мы читаемъ: «скажемъ по истинѣ, что корпусъ офицеровъ прусской арміи отличался и въ то время необыкновенно благороднымъ соревнованіемъ и духомъ товарищества, имѣвшаго основаніемъ и цѣлью сохраненіе чести мундира и арміи. Офицеръ, явившійся куда либо въ неприличномъ видѣ или поступившій въ чемъ либо неприлично своему званію, былъ вынуждаемъ товарищами оставлять службу. Строгія правила, постоянно соблюдаемыя прусскими офицерами, снискали имъ всеобщее уваженіе не только у себя, но и за границею. Къ чести прусской арміи прибавимъ, что это уваженіе сохра-

(*) См. жизнеописаніе Штейна, Пертца, т. II. о преобразованіи городоваго положенія.

сохранилось понынѣ и что оно вполнѣ заслужено.» Здѣсь опять какъ будто слиты двѣ эпохи, между которыми Пруссія выдержала кризисъ, обновившій всю внутреннюю жизнь ея. Не *сохранилось*, а *пріобрѣлось* послѣ коренного преобразованія то всеобщее уваженіе, о которомъ говоритъ авторъ и котораго не могли снискать ни духъ товарищества, ни гордость замкнутой касты, ни даже условное понятіе военной чести, вмѣщающее въ себѣ столько же дурныхъ началъ, сколько и добрыхъ. Въ исходѣ 1808 года, передъ тѣмъ, какъ королевская фамилія переѣхала изъ Кенигсберга въ Берлинъ, только что очищенный Французами отъ гарнизона, которому начначено было стоять въ прусской столицѣ, отправлены были депутаты къ городскому обществу пролить дружескаго расположенія гражданъ къ имѣвшимъ прибыть войскамъ и обѣщать отъ лица послѣднихъ братскую любовь къ городскимъ обывателямъ. Вслѣдъ за тѣмъ гарнизонъ вступилъ въ Берлинъ; магистратъ вышелъ къ нему на встрѣчу и угостилъ его; огромная толпа народа съ торжествомъ провожала войска: «примиреніе между солдатами и гражданами было запечатлѣно надолго» — этими словами біографъ Штейна оканчиваетъ разсказъ о вступленіи гарнизона въ Берлинъ. И такъ примиреніе было нужно. Лучше всѣхъ понималъ это создатель новой прусской арміи, генералъ Шарнгорстъ, въ 1808 году писавшій къ Клаузевицу: «Новое войско вступитъ въ ближайшій и тѣснѣйшій союзъ съ гражданами.»

Нравственное разобщеніе арміи съ остальнымъ обществомъ проистекало, кромѣ исключительнаго положенія, которымъ пользовались офицеры, еще отъ другой причины, указанной авторомъ на страницѣ 8 — 9-й: «Постоянно прусское войско болѣе, чѣмъ на $^3/_4$, состояло изъ иностранцевъ.» При такомъ составѣ, оно могло считаться прусскимъ только потому, что на содержаніе его поглощалось $^3/_4$ государственныхъ доходовъ Пруссіи и что высшіе начальники почти всѣ принадлежали къ мѣстнымъ уроженцамъ.

Наконецъ, внутри самой арміи, отражалось то глубокое раздвоеніе, которое проходило чрезъ все прусское общество; въ ея рядахъ мы видимъ высшій привиллегированный классъ, пользовавшійся полнотою гражданскихъ правъ, и низшій, совершенно заслоненный и подавленный первымъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ графъ Орловъ: «Кромѣ служебныхъ отношеній, не было связи между офицромъ и солдатомъ. Послѣдній, вмѣсто покровителя, отца, видѣлъ въ начальникѣ строгаго, безотчетнаго повелителя, подвергавшаго его за

каждый мелочной проступокъ сильному тѣлесному наказанію. Офицеры всѣ были изъ дворянъ, и если въ нѣкоторыхъ полкахъ встрѣчались такіе недворянскаго происхожденія (въ артиллеріи, въ гусарахъ), то это было лишь отступленіемъ отъ закона. Солдатъ не могъ думать о производствѣ въ офицеры. Хотя многіе и понынѣ находятъ эту систему хорошею, но съ ними трудно согласиться... Совершенное отдѣленіе офицеровъ отъ солдатъ лишало первыхъ большой части того вліянія, безъ котораго командованіе въ трудныхъ обстоятельствахъ невозможно.»

Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ автора; но и здѣсь намъ кажется, что приведенная причина не исчерпываетъ факта. При всей несправедливости системы, предоставлявшей дворянамъ исключительный доступъ къ офицерскимъ должностямъ, она играла только второстепенную роль въ установленіи ежедневныхъ, бытовыхъ отношеній офицеровъ къ рядовымъ. Отношенія эти отнюдь не были исключительнымъ произведеніемъ ни военныхъ законовъ, ни военной дисциплины; онѣ вырабатывались внѣ арміи и переносились въ нее изъ среды тогдашняго гражданскаго общества. Въ нихъ отражалось отношеніе помѣстнаго дворянства, почти исключительно владѣвшаго населенными имѣніями, къ несвободному сельскому сословію. Почти всѣ рядовые, набиравшіеся въ самой Пруссіи (1), и значительная часть вербовавшихся въ сосѣднихъ областяхъ принадлежали къ званію простыхъ поселянъ: были между ними крестьяне, водворенные на земляхъ казенныхъ, и этотъ классъ, въ числительномъ отношеніи самый незначительный, пользовался почти всѣми правами свободныхъ сословій; были крестьяне, водворенные на помѣщичьихъ земляхъ на правѣ германскомъ, нѣсколько обезпеченные противъ произвола владѣльцевъ; были водворенные на правѣ славянскомъ или вендскомъ, очень близко подходившемъ къ средневѣковому рабству; были фермеры наслѣдственные и пожизненные; были батраки, были оброчники, были издѣльные крестьяне; но всѣ эти виды сливались въ одно общее понятіе зависимости личной и по имуществу, выражавшееся словами Eigenhörigkeit и Unterthänigkeit; всему сельскому сословію средневѣковое право, такъ сказать, давало тонъ. Оно ставило крестьянина въ зависимость отъ дворянина, какъ вотчинника, имѣвшаго

(1) Извѣстно, что большая часть городскихъ гражданъ (Bürger) Пруссіи пользовались изъятіемъ отъ натуральной рекрутской повинности.

право согнать его съ участка, какъ хозяина, располагавшаго его трудомъ, наконецъ, какъ мѣстнаго судьи и полицейскаго чиновника. Конечно, съ поступленіемъ на службу, его юридическое положеніе, его личныя права измѣнялись; но вѣдь онъ встрѣчался опять въ рядахъ арміи съ своимъ помѣщикомъ въ офицерскомъ мундирѣ. Теперь спрашивается: могли ли прежнія, взаимныя ихъ отношенія, ихъ наслѣдственныя понятія другъ о другѣ измѣниться мгновенно съ перемѣною формы одежды? До извѣстной степени, онѣ точно измѣнялись, уступая вліянію новой среды, новыхъ требованій и новыхъ занятій; но сущность прежнихъ, бытовыхъ отношеній, выработанныхъ вѣками и усвоенныхъ долголѣтнею привычкою, такъ сказать, проростала сквозь и представила взаимнымъ отношеніямъ начальствующихъ къ нижнимъ чинамъ тотъ особенный характеръ, который такъ вѣрно намѣченъ авторомъ.

Конечно мы не поставимъ въ вину прусскому офицеру того времени, что рядовой не признавалъ въ немъ своего *отца*; не всякому дано быть отцемъ, и этого никто не можетъ вмѣнить другому въ непремѣнную обязанность; слово отецъ слишкомъ полновѣсно и многозначительно, его нельзя такъ легко употреблять. Скажемъ простѣе: рядовой видѣлъ въ офицерѣ не столько начальника, закономъ надъ нимъ поставленнаго, сколько господина, почти безотчетно имъ располагавшаго.

При этомъ очень естественно, что хваленая дисциплина прусской арміи, для поддержанія которой правительство прибѣгало къ самымъ суровымъ истязаніямъ, имѣла односторонній характеръ. Въ истинномъ и полномъ значеніи слова, дисциплина предполагаетъ строгое и ясное разграниченіе обязанностей каждаго не только къ высшимъ, начальствующимъ, но и къ тѣмъ, которые стоятъ ниже, — къ подчиненнымъ. Прусскіе военные законы дѣйствительно принимали эту двойственность обязанностей и сопряженную съ нею двойственность отвѣтственности; но на практикѣ не было между ними правильнаго равновѣсія. Требованія начальства служили единственною нормою, и боязнь отвѣтственности передъ высшими единственною уздою. Какъ скоро ослабѣвалъ этотъ страхъ, или гдѣ можно было надѣяться ускользнуть отъ взгляда начальника, тамъ начиналась область неограниченнаго произвола, котораго уже не сдерживало ни уваженіе къ правамъ подчиненныхъ, ни боязнь утратить ихъ довѣренность. Офицеръ смотрѣлъ во всѣ глаза на своего на-

чальника, ибо видѣлъ въ немъ свою олицетворенную судьбу; но онъ мало дорожилъ мнѣніемъ своихъ подчиненныхъ и не имѣлъ привычки прислушиваться къ ихъ голосу; этотъ зоркій, неподкупный судъ солдатской совѣсти не восходилъ до офицера. Печальный опытъ 1806 года доказалъ Пруссіи всю ненадежность ея односторонней, на одномъ страхѣ основанной дисциплины. Какъ скоро послѣ первыхъ неудачъ разстроился внѣшній гарнизонный порядокъ и обстоятельства потребовали не одного механическаго навыка исполнять команду, а собственнаго смысла, доброй воли и живаго сознанія воинскаго долга: всѣ служебныя отношенія замѣшались, дисциплина исчезла, и армія разсыпалась; правда, она скоро собралась опять и славно искупила свое паденіе, но въ короткій промежутокъ времени, отъ 1807 до 1813 года, много успѣла пережить Пруссія, и не даромъ говорилъ Шарнгорстъ, что общее горе послужило для нея великою школою самопознанія и раскаянья. Собралась не прежняя армія, а совершенно новая, въ которой стояли подъ ружьемъ свободные граждане одной земли.

Мы не считаемъ себя призванными входить въ разборъ той части книги графа Орлова, которая касается техническихъ вопросовъ военнаго искусства и потому можетъ быть оцѣнена по достоинству только спеціалистами; но мы приведемъ изъ нея нѣкоторыя мѣста, дополняющія ясными и мѣтко схваченными чертами характеристику прусской арміи, и въ тоже время доказывающія, до какой степени самые очевидные признаки упадка могутъ укрываться отъ взоровъ, отуманенныхъ самодовольствіемъ.

«Сформированное великимъ курфирстомъ, усовершенствованное Фридрихомъ Великимъ, войско прусское въ началѣ нынѣшняго столѣтія почиталось первымъ въ Европѣ. Почти всѣ генералы участвовали въ семилѣтней войнѣ; на нихъ смотрѣли съ уваженіемъ, какъ на учениковъ Фридриха. Ежегодно дѣлаемыя ими маневры привлекали множество иностранцевъ. Всѣ удивлялись необыкновенному искусству и соображеніямъ прусскихъ генераловъ, а офицеры слыли учеными, знатоками своего дѣла. Ихъ почитали исполненными геніальнымъ духомъ Фридриха; въ сущности они были только напитаны его уставомъ. Солдаты были выучены превосходно, и въ стойкѣ, маршировкѣ, пріемахъ ружьемъ неподражаемы. Разводъ въ Потсдамѣ былъ идеаломъ военной Европы. Всѣ наперерывъ старались подлѣлаться подъ одежду и обученіе прусскихъ войскъ. На-

ходились правда люди, сомнѣвавшіеся въ непобѣдимости Прусаковъ. Вспоминали про ихъ неудачи въ Шампаніи, про медленность герцога Брауншвейгскаго въ Голландіи въ 1787 году; наконецъ помнили, что преемникъ Фридриха Великаго, съ сорокотысячною арміею, стоявъ семь недѣль подъ Варшавою, былъ вынужденъ снять осаду, и что въ томъ же году, столица Польши была покорена русскимъ оружіемъ. Подобныя размышленія были однако весьма рѣдки, и общественное мнѣніе почитало ихъ неосновательными. Еще во времена Фридриха, Гиберъ предсказывалъ будущую участь Пруссіи; но его обвинили въ пристрастіи и не повѣрили его словамъ. Когда герцогъ Брауншвейгскій вступилъ въ 1787 году въ Голландію, то одинъ изъ ея жителей писалъ: «здѣсь сравниваютъ одежду прусскихъ солдатъ съ одеждою обезьянъ, которыхъ водятъ по улицамъ съ медвѣдями на показъ». Сравненіе конечно преувеличенное, но подающее однако понятіе о тогдашнемъ нарядѣ тѣхъ войскъ. Короткій мундиръ съ пришитымъ къ нему камзоломъ, короткіе бѣлые штаны, штиблеты, башмаки, маленькая шляпа или гренадерская шапка, едва покрывающая голову—вотъ одежда тогдашняго прусскаго солдата; кавалерія и егеря имѣли шинели, но у линейной пѣхоты не было ни ихъ ни рѣчи. Солдаты спали подъ палатками, а фузелерамъ выдавались вмѣсто одѣяла, которыя, какъ и палатки, возились навьючныхъ лошадяхъ за полками. Потеря этого обоза влекла за собою полное разстройство арміи, не имѣвшей понятія о бивуакѣ. Вооруженіе соотвѣтствовало одеждѣ. Есть рапортъ одного полковаго командира въ концѣ Августа 1806 года, то есть, передъ самою войною, въ которомъ сказано: «что въ его полку ружейные стволы такъ тонкостѣнны, что изъ нихъ нельзя стрѣлять боевыми патронами.» Это легко могло встрѣтиться и въ полкахъ, потому что кромѣ фузелеровъ и стрѣлковъ (по десяти въ ротѣ) никто не обучался стрѣльбѣ въ цѣль. Стрѣляли холостыми зарядами на ученьяхъ, и сверхъ того портили еще ружья чисткою и ослабляли винты, чтобъ означать темпъ при ружейныхъ пріемахъ. Опусканіе шомпола въ стволъ при примѣрномъ заряжаніи ружей приводило ихъ въ совершенную негодность. Вообще всѣмъ жертвовали блеску, такъ что строевая часть убила боевую, и главнымъ предметомъ гордости прусскихъ военныхъ были ихъ ученья. Фридрихъ дѣйствительно имѣлъ даръ учить войска; но послѣ него педантизмъ и поражательность привели къ ложнымъ взглядамъ. Не были принимаемы въ соображеніе перемѣны, происшедшія въ военномъ искусствѣ.

Генералъ Салдернъ слилъ уставъ съ тактикою и такъ спуталъ тѣмъ понятія, что нельзя было разобрать дѣйствительнаго отъ воображаемаго.»

Одинаково отчетливо и ясно разобраны военное управленіе, укомплектованіе и продовольствіе войскъ, но, къ сожалѣнію, авторъ мало говоритъ о системѣ первоначальнаго образованія рекрутовъ, опредѣляющаго умственный и физическій складъ солдата, хотя очень важные недостатки этой системы, кажется, должны быть отнесены къ числу главныхъ причинъ слабости тогдашней прусской арміи. Извѣстно, что на этотъ предметъ военные люди въ Пруссіи обращали особенное вниманіе; нигдѣ рекрутская школа не проходилась такъ медленно и съ такою строгостію; это была для новобранца тяжелая, продолжительная пытка, и нужно было желѣзное тѣлосложеніе, чтобы ее выдержать. Между тѣмъ война 1806 года, обнаруживъ рѣшительное превосходство Французовъ надъ Прусаками, особенно въ одиночномъ бою и въ застрѣльщичьемъ дѣйствіи (1), ясно доказала, что вторые уступали первымъ въ ловкости и въ находчивости, стало быть именно въ тѣхъ личныхъ способностяхъ, которыхъ развитіе, судя по времени и усиліямъ, употреблявшимся на одиночное ученіе, казалось, могло бы быть доведено въ нихъ до высокой степени. Значитъ, средства не соотвѣтствовали цѣли.

Рекрутовъ набирали, какъ сказано было выше, изъ низшихъ состояній, слѣдственно изъ людей привычныхъ къ тяжелой, черной работѣ, требующей непремѣнно и силы и ловкости. Употребить въ дѣло весь этотъ запасъ физическихъ способностей, съ которыми рекрутъ поступалъ на службу, не теряя ничего изъ нихъ, и по возможности облегчить для него переходъ отъ старыхъ, привычныхъ ему занятій къ новымъ приложеніямъ тѣхъ же способностей—вотъ въ чемъ полагалась главная задача рекрутской школы; но на практикѣ исполненіе вело къ противному.

Военное начальство, принявъ рекрута на свои руки и ошеломивъ его на первыхъ же порахъ своимъ обращеніемъ и непонятною для него странностью своихъ требованій, какъ будто съ намѣреніемъ отбивало у него всякій смыслъ и свинчивало его по всѣмъ составамъ. Несчастный проходилъ мучительный процессъ, постепенно лишавшій его развязности, свободы и самостоятельности въ движеніяхъ

(1) См. Гейссера, т. II.

и часто здоровья: его руки и ноги дѣлались для него какъ бы чужими, и живой человѣкъ превращался въ истукана. Доведя его до такого состоянія, начальство принималось выдѣлывать изъ него новую машину—солдата. Но и тутъ, лишившись на половину прежнихъ своихъ способностей, рекрутъ не пріобрѣталъ новыхъ. Вопреки положительнымъ требованіямъ устава, обучающіе заставляли рекрутовъ *перенимать* пріемы, не заботясь о томъ, *понимаютъ* ли они ихъ цѣль и пользу. Это была *выучка*, а не *образованіе*. То, чему выучивался солдатъ, приставало къ нему механически, обращалось въ какую-то безсознательную привычку, ни сколько не развивая его ни умственно, ни физически. Повидимому что могло быть ближе и дороже для солдата, какъ не его ружье? А между тѣмъ онъ смотрѣлъ на него, какъ на орудіе, изобрѣтенное для его мученія, и не питалъ къ нему ни привязанности, ни довѣренности; онъ владѣлъ имъ безъ смысла, по командѣ, и отъ того не умѣлъ имъ пользоваться, когда ему доводилось дѣйствовать внѣ строя, своимъ лицемъ.

Всѣ указанныя нами причины и многія другія, о которыхъ мы не распространялись, находя ихъ вполнѣ исчерпанными въ книгѣ графа Орлова, сводились въ цѣлую систему кривыхъ понятій о правительствѣ, о службѣ, объ обществѣ, о солдатѣ, о человѣкѣ. Благонамѣренная критика скользила по нимъ, не будучи въ состояніи поколебать ихъ, и никакая свѣжая мысль не могла черезъ нихъ пробиться. Но гдѣ лишается законныхъ правъ своихъ критика слова, тамъ мститъ за нее неотразимая критика событій, и эту критику самодовольная, самоувѣренная, ослѣпленная Пруссія должна была принять изъ рукъ надменнаго побѣдителя, однимъ ударомъ посрамившаго ея военную славу. Никогда цѣлая нація не испытывала такого полнаго и неожиданнаго разочарованія, и, къ чести Пруссіи, мы должны прибавить, никогда нація не извлекала для себя столько внутренней пользы изъ общаго горя.

Пруссія не искала себѣ оправданія и не старалась уйти отъ собственнаго суда надъ собою. Она осушила горькую чашу политическаго униженія, не подслащивая ея; и съ полнымъ сознаніемъ своей слабости, своихъ ошибокъ и своей испорченности, приступила къ трудному подвигу самоисправленія. Цѣлое государство, сверху до низу, преобразилось и обновилось не болѣе какъ въ 10 лѣтъ, притомъ въ глазахъ непріятеля, который занималъ своими гарнизонами ея крѣпости, намѣренно истощалъ ее военными контрибуціями и безпощадно преслѣдовалъ лучшихъ изъ ея дѣятелей.

Чудное зрѣлище — это единодушное напряженіе всѣхъ сословій, всѣхъ силъ матеріальныхъ и нравственныхъ, всѣхъ личныхъ дарованій, внезапно пробужденныхъ отъ долговременнаго усыпленія, и надъ ними эта благородная, задумчивая личность короля Фридриха Вильгельма III, благодушіемъ своимъ привлекавшаго къ себѣ все, что было оттолкнуто или заподозрѣно ложною системою! Оно не только возбуждаетъ глубокое сочувствіе, но поднимаетъ духъ, укрѣпляя въ немъ увѣренность въ несомнѣнной осуществимости твердо задуманнаго добра.

Графъ Орловъ ознакомилъ русскую публику съ причинами военнаго и политическаго крушенія Пруссіи въ 1806 году; мы не можемъ разстаться съ его книгою, не выразивъ искренняго желанія услышать отъ него же въ послѣдствіи, какимъ образомъ, трудами Шарнгорста, короля, и при содѣйствіи Штейна, совершилось преобразованіе прусской арміи, въ связи съ другими перемѣнами въ государственныхъ учрежденіяхъ и въ устройствѣ общества, какимъ образомъ изъ войска, разбитаго подъ Іеною и Ауэрштедтомъ, сложилось то новое войско, которымъ теперь съ полнымъ правомъ гордится Пруссія, признающая въ немъ свою народность во всеоружіи.

Ю. Самаринъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ,

ВЫСКАЗАННЫЯ

ПРОФЕССОРОМЪ КРЫЛОВЫМЪ

НА ПУБЛИЧНОМЪ ДИСПУТѢ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 21 ДЕК. 1856 Г. (*),

НА СОЧИНЕНІЕ Г. ЧИЧЕРИНА:

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ РОССІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Диспутъ г. Чичерина есть событіе, для исторіи московскаго университета многознаменательное. Общество къ нему выразило самое теплое сочувствіе: лица различныхъ состояній и убѣжденій, различнаго пола и возраста, въ огромномъ количествѣ, слились вмѣстѣ съ университетомъ въ одную общую, русскую семью, и приняли живѣйшее участіе въ ученой бесѣдѣ. Это мы—члены университета—чувствуемъ и сердечно благодаримъ общество за такое лестное для насъ вниманіе. Но особенный привѣтъ, отъ лица университета, свидѣтельствую любезнымъ дамамъ: ихъ не устрашили наши старые волостели, намѣстники, дьяки и воеводы, отъ которыхъ трепетала нѣкогда вся Русь. Честь и слава геройскому ихъ подвигу! И универ-

(*) Диспутъ г. Чичерина, какъ по избранному предмету, такъ и по личности самаго диспутанта и по стеченію многочисленныхъ слушателей, былъ замѣчательнымъ событіемъ въ лѣтописяхъ московскаго университета. Возраженія гг. проф. Лешкова, Бѣляева и Крылова придали предмету спора еще большую занимательность, разъяснивъ многое и указавъ на необходимость самостоятельнаго, многосторонняго, органическаго изученія нашей Исторіи. Въ особенности глубокое впечатлѣніе произвела рѣчь г. Крылова, которому слушатели выразили свое полное сочувствіе неоднократными и громкими рукоплесканіями. Съ особеннымъ удовольствіемъ, которое вѣрно раздѣлятъ всѣ читатели Русской Бесѣды, помѣщаемъ мы рѣчь многодаровитаго нашего Юриста. Въ слѣдующей книгѣ мы надѣемся помѣстить вторую половину этого замѣчательнаго труда. *Изд.*

ситетъ, съ своей стороны, привѣтствовалъ почтеннѣйшее общество достойнымъ образомъ. *Юридическій факультетъ* возводилъ на каѳедру магистерской степени даровитѣйшаго своего питомца, обстановленнаго и готовою литературною славою, и новымъ ученымъ трудомъ, который онъ представляетъ на судъ публики, и блестящими надеждами на будущіе успѣхи. Живою, бойкою рѣчью онъ заявляетъ себя собравшемуся обществу, высказывая въ ней свои юридическія убѣжденія и дѣлая общій очеркъ своего многосложнаго сочиненія.

Начался диспутъ.

Въ качествѣ университетскаго *оппонента*, я сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, относящихся къ цѣлому составу сочиненія— и къ *формальной* его *сторонѣ*, и къ *матеріальной*, сколько возможно было по узкимъ предѣламъ времени. По желанію многихъ, присутствовавшихъ и не присутствовавшихъ на диспутѣ, дать этимъ замѣчаніямъ печатную гласность, я рѣшился перевѣрить высказанныя мною мысли, пополнить тамъ, гдѣ онѣ имѣли летучую, словесную форму, и въ этомъ, отчасти уже обновленномъ, видѣ предлагаю ихъ теперь на судъ просвѣщеннаго общества.

Цѣль моихъ замѣчаній вовсе не та, чтобы взвести на молодаго ученаго, отъ имени науки, обвинительный актъ, обличить въ ложномъ пониманіи исторіи русскаго права, и тѣмъ лишить его и нравственнаго, и ученаго достоинства, которое безспорно ему принадлежитъ. Нѣтъ, такой тяжелый процессъ мнѣ не по душѣ. Напротивъ, какъ прежній наставникъ, я радуюсь успѣхамъ даровитаго ученика, сочувствую ему въ его тяжелыхъ, но блистательныхъ трудахъ на поприщѣ юной исторической науки, уважаю его разсудочный талантъ, удивляюсь и точности юридическаго языка, и богатству знаній источниковъ, которое онъ успѣлъ пріобрѣсти въ короткое время. При такомъ лестномъ, для многихъ завидномъ положеніи молодаго ученаго, мнѣ хотѣлось бы принять какое-нибудь участіе въ его ученой работѣ, и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ моихъ и знаній, къ дальнѣйшимъ успѣхамъ его на поприщѣ науки. Русскому дѣятелю, особенно даровитому, обязаны мы всѣ помогать, кто чѣмъ можетъ. Если въ его литературныхъ произведеніяхъ окажется какое-либо несовершенство, неправильность, неполнота, то мы должны указать ему на эти слабыя стороны; но указать съ любовію, уваженіемъ, благодушіемъ, дабы не огорчить его въ трудѣ, и безъ того уже безотрадномъ. Вотъ, съ какой стороны смотрю я на ученую критику. И вотъ источникъ, откуда вытекла потребность души моей,

внезапная и неожиданная, высказать на публичномъ диспутѣ мои ученыя убѣжденія, мои воззрѣнія на науку юридическую. Быть можетъ, и г. Чичеринъ, и другіе мои ученики, которыми, признаюсь въ слабости, сердечно любуюсь, найдутъ въ нихъ что-нибудь годное для своихъ ученыхъ работъ; быть можетъ, какая-нибудь мысль, сказанная мимоходомъ, глубоко заляжетъ въ душѣ молодаго труженика и освѣтитъ ему темный путь изысканій по русскому праву. При такомъ возможномъ предположеніи, цѣль моихъ критическихъ замѣчаній вполнѣ достигнута. И такъ съ любовію и уваженіемъ я встрѣтилъ г. Чичерина въ тотъ рѣшительный моментъ, когда онъ представился многочисленному московскому обществу, какъ соискатель ученой степени, какъ состязатель и защитникъ своихъ положеній. Въ одинаковомъ тонѣ—тогда и теперь—я высказываю свои замѣчанія. Если сердечная влага, смягчавшая изустную рѣчь, нѣсколько уже высохла отъ давленія типографскаго станка, то чувство остается прежнее.

Самая блистательная, поразительная сторона въ сочиненіи г. Чичерина, это—сціентифическое построеніе исторіи русской, возведеніе фактическихъ явленій въ понятія, понятій въ типы; времена, у большей части нашихъ изслѣдователей сливаемыя, здѣсь раздѣляются; событія разнообразныя и темныя получаютъ смыслъ; невидимые моменты въ исторіи духа народнаго выясняются и выходятъ наружу; видно движеніе началъ, мыслей. Однимъ словомъ, у г. Чичерина русская исторія представляется не въ одномъ *пространствѣ*, но и *во времени*. Это, по моему мнѣнію, не маловажное достоинство всякаго историческаго произведенія, но по преимуществу — въ отношеніи къ русской исторіи.

Я отдаю полную справедливость разсудочному акту мышленія, которымъ г. Чичеринъ связываетъ разрозненныя и какъ бы случайныя явленія въ исторіи русскаго права въ стройную систему, извлекаетъ изъ массы событій общіе итоги, преломляетъ старую жизнь подъ извѣстнымъ умственнымъ угломъ, и тѣмъ самымъ вводитъ въ нее господство началъ, идей, понятій. Исторія человѣчества есть откровеніе общечеловѣческихъ идей, а не безсмысленное происшествіе.

Наше русское право находится въ первой порѣ своего литературнаго бытія, едва начинаетъ воспринимать наукообразную форму; неудивительно, если оно носитъ признаки своего несовершенства. Русскимъ дѣятелямъ на этомъ поприщѣ предстоитъ много трудностей; надобно сдѣлать много уклоненій отъ истиннаго пути, много ошибоч-

ныхъ опытовъ, чтобы наконецъ воспроизвести настоящій образъ прошедшихъ вѣковъ. Но они не должны робѣть предъ этимъ роковымъ, неизбѣжнымъ закономъ литературы: предъ ними стоятъ высокіе, поучительные образцы—дѣятели на томъ же поприщѣ, относительно исторіи другихъ народовъ. Сколько сдѣлано труловъ, усилій человѣческаго духа, чтобы освоить, приблизить къ намъ классическій римскій міръ! И онъ все-таки былъ слишкомъ далекъ отъ дѣйствительнаго, живаго своего типа, пока не возстановилъ его великій *Нибуръ*! И это онъ сдѣлалъ не однимъ орудіемъ знанія, не путемъ аналитическаго изслѣдованія по древнимъ памятникамъ, но силою высокаго историческаго такта, какимъ-то *пророческимъ видѣніемъ*. Какую блѣдную, безобразную физіономію носила исторія *германскаго права*, пока *Эйхорнъ* и новая историческая школа не очистили ее отъ всѣхъ чуждыхъ и недостойныхъ наростовъ! Но дѣло нашей историко-юридической литературы гораздо труднѣе, чѣмъ западной. Классическій *римскій міръ* богатъ былъ типическими образами, яркими идеями, *разсудочными началами*, которыя управляли человѣческими событіями и сообщали имъ логическое единство, опредѣленный смыслъ. *Германскій міръ*, самъ по себѣ, отдѣльно стоящій, есть неопредѣленнѣйшій, неуловимый организмъ: идеи юридическія какъ будто разошлись по всѣмъ сторонамъ, окрѣпли въ общественныхъ формахъ, срослись съ фактическими явленіями и укрылись отъ сціентифическаго анализа. Но по мѣрѣ прикосновенія своего съ римскимъ міромъ, онъ постепенно проникается римскими юридическими началами, воспринимаетъ опредѣленныя—внѣшнія формы, сосредоточивается въ извѣстныхъ отдѣльныхъ моментахъ политическаго и гражданскаго бытія, и такимъ образомъ изъ своего хаотическаго, внутренняго, субъективнаго состоянія выходитъ наружу—и дѣлается способнымъ для наукообразнаго пониманія. Нашъ русскій бытъ стоитъ одиноко въ этой безпредѣльной, широкой *равнинѣ*, называемой—*Россіею*; онъ отрѣзанъ отъ западнаго міра и чрезъ то лишился вліянія латино-романскаго элемента, который такъ благотворно дѣйствовалъ на гражданскую сторону западной цивилизаціи. Прикосновеніе къ нему *Греко-Византійскаго міра* ограничивалось болѣе внутреннею—церковною стороною, нежели политическою. Удивительно ли, что русскій народъ, предоставленный своимъ собственнымъ однороднымъ силамъ, замкнутый въ необозримомъ пространствѣ, безъ всякаго соприкосновенія съ народами высшей цивилизаціи, дѣйствующій самъ на себя, не имѣлъ

тѣхъ средствъ, какими владѣлъ Западъ, для выработыванія опредѣленныхъ, яркихъ началъ политической жизни. Это отсутствіе юридическихъ формъ слишкомъ ощутительно для науки и затрудняетъ дѣло изслѣдованія. Есть событія—и какое ихъ множество,—а не доумѣваешь, какъ ихъ сознать, въ какое общее понятіе возвести, какимъ техническимъ языкомъ выразить; есть борьба, и какая—вѣковая, кровавая,—борьба на жизнь и смерть; но она не обозначается никакимъ яснымъ процессомъ восхожденія отъ одного историческаго состоянія въ другое, не уравниваетъ борющіеся элементы, большею частію выражается въ цѣлостномъ истребленіи одного другимъ, а часто не сопровождается никакими послѣдствіями. Вообще эта безконечная, старая борьба преслѣдовала одни мѣстные, *династическіе* вопросы, была битвою сословій, а не цѣлаго народа. Народъ русскій спокойно, даже съ нѣкоторою пропіею, смотрѣлъ на эту *драку* В. Князя съ удѣльными, удѣльныхъ князей съ боярами, не принимая въ ней никакого сердечнаго, дѣятельнаго участія.

Вотъ, въ какую тёмную, непроходимую, необмежеванную землю вступаетъ ученый русскій изслѣдователь! У него нѣтъ подъ рукою готовыхъ типическихъ формъ, которыя бы можно было приложить къ русской исторіи, не опасаясь еще болѣе затемнить ея физіономію. Старая Русь, подобно водной массѣ, не наплывала на какой нибудь гранитной міръ, какъ германскіе народы, и не отражалась въ опредѣленныхъ, какъ бы тѣлесныхъ формахъ волнъ. Лѣтопись наша, литература юридическая отражаетъ всю эту обыденную жизнь, безъ всякой разсудочной рефлексіи, безъ ясной идеи, безъ художественнаго языка; она скользитъ по однимъ явленіямъ, не возводя ихъ въ понятія. Иногда благочестивый дѣписатель, какъ бы утомленный перечнемъ человѣческихъ дѣяній, съ чувствомъ воздыханія переносится наконецъ въ религіозный міръ и тамъ ищетъ объясненія исторіи нашего отечества. Я испытываю всегда отрадное, но вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то болѣзненное впечатлѣніе, когда вижу молодаго ученаго, отважно и смѣло выступающаго на поприще историческихъ изслѣдованій по русскому праву. Моя ученая дѣятельность сосредоточена въ другомъ мірѣ — *римскомъ*; тамъ всегда весело работать: народная жизнь выработала множество типическихъ формъ, въ которыя можно вставлять всякое историческое содержаніе; литературныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ было множество во всѣ времена. Всѣ вмѣстѣ, безъ различія временъ и народовъ, въ какой-то чудной, всемірной, дружественной бесѣдѣ, одинъ

другому помогаемъ, одинъ другому передаемъ свои впечатлѣнія, и работаемъ надъ однимъ общимъ дѣломъ; понятно, что такая работа должна имѣть счастливый успѣхъ. Другая работа у русскаго изслѣдователя. Вмѣстѣ съ народомъ, и онъ одиноко стоитъ въ этомъ тёмномъ и безпредѣльномъ пространствѣ, не распознавая часто и времени. Что же остается ему дѣлать? Гдѣ взять образцы для подражанія? Гдѣ хранится планъ художника, по которому созидалось многовѣковое зданіе—*Государство Россійское*? Да, есть надъ чѣмъ здѣсь призадуматься....

Сочиненіе, къ которому относятся мои критическія замѣчанія, именно обхватываетъ Россію въ этомъ мрачномъ пространствѣ, между двумя опредѣленными линіями—*родовымъ* ея бытомъ и *государственнымъ*. Не удивительно, если слѣдователь, не имѣя путеводной нити, иногда уклоняется въ сторону, и ведетъ насъ по такимъ путямъ, по которымъ наши предки никогда не проходили. Вотъ здѣсь мы обязаны подать ему руку, и помочь ему, кто чѣмъ можетъ.

Въ двухъ *статьяхъ* — я намѣренъ высказать свои юридическія убѣжденія объ этомъ предметѣ. Въ *первой статьѣ*, которую теперь предлагаю на судъ науки, мои замѣтки относятся къ *внѣшней, методической сторонѣ* сочиненія; во *второй статьѣ* подвергнуто будетъ критикѣ самое *содержаніе*, или *внутренняя сторона* разсужденія.

И такъ начинаемъ съ *формальной*, или *методической стороны* разсужденія.

Методъ въ наукахъ историческихъ есть самая главная вещь; отъ него зависитъ правильность или неправильность пониманія событій. Здѣсь онъ тоже значитъ, что инструментъ въ наукахъ естественныхъ и астрономическихъ. По этому сходству, онъ долженъ имѣть однакія съ нимъ качества. Въ инструментѣ требуется, чтобы онъ былъ хорошо устроенъ для точнаго наблюденія явленій; далѣе, чтобы онъ былъ поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда удобно дѣлать наблюденія, и наконецъ, чтобы наблюдатель умѣлъ владѣть имъ. Безъ этихъ принадлежностей, наблюденіе не будетъ имѣть никакого успѣха, останется безплоднымъ трудомъ, свидѣтельствующимъ объ одномъ нравственномъ, но все таки неученомъ, жалкомъ усиліи работника. *Міръ нравственный* — человѣческій бытъ—гораздо многосложнѣе, неуловимѣе для наблюденія, чѣмъ міръ физическій. Здѣсь пропускъ явленій къ мысленному сознанію совершается свободнымъ, духовнымъ,

личнымъ актомъ, а не посредствомъ механическаго, однообразнаго снаряда. Естественно, что каждый наблюдатель, по своему закону мышленія и по личнымъ пріемамъ, преломляетъ явленія и извлекаетъ изъ нихъ непреложныя, разумныя истины. Разсматривая сочиненіе г. Чичерина съ *методической* стороны, я замѣтилъ въ немъ нѣкоторые недостатки, которые теперь и перечисляю въ логической постепенности.

I.

ПРЕОБЛАДАНІЕ ОТВЛЕЧЕННЫХЪ, ЛОГИЧЕСКИХЪ НАЧАЛЪ, И ПОДЧИНЕНІЕ ИМЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Разсматриваемое сочиненіе, по духу своему и направленію, есть болѣе *философское*, нежели *историческое*. Логическія начала вездѣ господствуютъ надъ событіями; свободныя движенія лицъ подчинены роковымъ, непреложнымъ законамъ; изъ фактическихъ, многосложныхъ явленій выводятся опредѣленныя понятія; процессъ живой исторіи совершается въ правильномъ, послѣдовательномъ порядкѣ, безъ малѣйшихъ уклоненій. Отъ одного состоянія народъ переходитъ въ другое, одинъ типъ смѣняется другимъ, безъ всякихъ затрудненій, безъ личныхъ препятствій. Различныя состоянія историческія выражаютъ какое-то мѣрное, вѣсомое содержаніе; когда это содержаніе отъ времени потребится, совершенно изчезнетъ, тогда открывается новое историческое состояніе, съ другимъ измѣреннымъ содержаніемъ; въ свою очередь—оно уступаетъ мѣсто другому новому быту; и вотъ идетъ народъ въ какой-то торжественной процессіи къ одному непреложному пункту,—къ другому сборному мѣсту—*къ Московскому государству*. Въ извѣстную эпоху онъ дѣлаетъ одно дѣло, которое ему назначено, трудится надъ рѣшеніемъ одной исторической задачи, весь сосредоточенъ, погруженъ въ этой работѣ, не имѣя ни времени, ни нравственной возможности подумать о чемъ-нибудь другомъ. Какъ будто ему заданъ неизвѣстнымъ учителемъ *урокъ*. Надобно отдать полную справедливость разсудочному таланту г. Чичерина; онъ—великій мастеръ въ построеніи логическихъ понятій. Въ его умственной лабораторіи, съ необыкновенною скоростію, отливаются типическія формы—круглыя, цѣльныя, яркія, въ которыхъ удобно заключается историческое со-

держаніе. На читателя это производитъ обаятельное дѣйствіе: безъ всякаго труда, разомъ, онъ понимаетъ исторію, видитъ начало и конецъ бурныхъ движеній, имѣетъ въ запасѣ типическія слова, которыми переводитъ въ сознаніе историческія происшествія. Какъ будто къ различнымъ эпохамъ приставлены *ярлыки*, въ которыхъ значится форма и характеръ болѣзненнаго состоянія государства. Такимъ образомъ, подъ водительствомъ логическихъ началъ, Русскій народъ сперва находился въ племенномъ, родовомъ и родственномъ союзѣ; потомъ разомъ вышелъ изъ всѣхъ этихъ союзовъ, запамятовалъ прежнее физіологическое, религіозное и политическое единство —и вотъ изъ его живаго, цѣльнаго организма выступаютъ отдѣльныя лица, одиноко, разрозненно стоящія, безъ общей связи, безъ единой цѣли въ своихъ движеніяхъ; каждое лице обособляется и преслѣдуетъ свои личныя, частныя цѣли. Открывается повсюду ужасное явленіе—*всеобщее кочеваніе*, какая-то вольность, ничѣмъ не сдержанная. Наконецъ выходятъ на сцену новые строители, закладчики государства—Московскіе Цари. Здѣсь исторія русская воспринимаетъ совершенно новую физіономію; весь старый порядокъ объявленъ несостоятельнымъ и разрушается неумолимою рукою, безъ всякой пощады человѣчества и существующихъ состояній общественныхъ, во имя новаго высшаго порядка. Таковъ общій кругъ идей, составляющихъ содержаніе русской исторіи. Подлѣ этихъ крупныхъ, типическихъ формъ, стоятъ на второмъ планѣ мелкіе типы, также съ логическимъ характеромъ. Изъ государя старой Руси сдѣланъ *Вотчинникъ*; изъ Русской земли, со всѣмъ ея подвижнымъ населеніемъ, составлена *Вотчина;* изъ личныхъ органовъ государственной власти вышли частные управляющіе; изъ судей и правителей кормленщики. И такъ на первый взглядъ все ясно, отчетливо, все имѣетъ смыслъ, опредѣленную физіономію: вездѣ выставлены *знамёна*, съ яркими фигурами и словами.

Но когда подвергнешь этотъ логическій процессъ новому анализу, когда понятія перевѣришь съ событіями, тогда эта очаровательная ясность мало по малу начинаетъ изчезать. Построеніе логическихъ понятій — дѣло трудное; надобно имѣть особенную способность и опытность обращаться съ ними. Кажется, едва ли пришла настоящая пора къ построенію Русской исторіи, особенно юридической, по логическимъ началамъ: источники наши еще не достаточно обработаны критикою; матеріалы для строенія не всѣ приготовлены, слѣд. нельзя дѣлать вѣрныхъ отвлеченій, не зная всѣхъ признаковъ пред-

мета. Вообще, наша исторія менѣе всѣхъ способна къ типическому созерцанію: и славянскій, и каноническій элементъ не укладываются въ узкихъ сосудахъ, которые отливаются нашими учеными зодчими для этой цѣли. Незамѣтно мы занесемъ въ нашу исторію личный, произвольный, нашей работы типъ, или, при недостаткѣ его, будемъ заимствовать логическія формы у другихъ народовъ. Такимъ образомъ наша своеобразная, самобытная русская исторія должна находиться подъ чужимъ опекунствомъ, должна дѣлать движенія, по указанію пѣступа, несвободныя, мѣрныя. Такой характеръ не соотвѣтствуетъ человѣческой, личной природѣ вообще, но особенно природѣ русскаго народа. Въ построеніяхъ своихъ г. Чичеринъ иногда не соблюдаетъ главныхъ логическихъ правилъ. Обыкновенно онъ, при составленіи какого либо юридическаго понятія, останавливается на однихъ внѣшнихъ, болѣе яркихъ, но не существенныхъ признакахъ событія; онъ увлекается здѣсь древними литературными памятниками, сохранившими для насъ эти же признаки. Но одинъ пріемъ у лѣтописи, а другой долженъ быть у науки. Лѣтопись (въ обширномъ смыслѣ) отражаетъ одну поверхность историческихъ дѣяній, говоритъ тѣмъ же почти языкомъ, какимъ народъ выражалъ свои понятія. Юридическая наука должна отбросить случайные, несущественные признаки событій, изъ внѣшнихъ явленій должна извлечь одну сущность, подъ общими тѣлесными формами распознать особенную природу юридическаго института. Однимъ словомъ, она имѣетъ дѣло съ понятіями, а лѣтопись съ явленіями. *Юридическія понятія* невидимы, безтѣлесны, духовны: таково ихъ существо. Пониманіе ихъ возможно для насъ только чрезъ *умозаключеніе*, т. е., изъ извѣстныхъ жизненныхъ явленій мы заключаемъ о бытіи того или другаго юридическаго понятія. На поверхности человѣческаго быта, предъ глазами всѣхъ, ярко, въ чувственныхъ, поразительныхъ формахъ, стоятъ различные юридическіе институты, а дѣйствіе ихъ совершается посредствомъ личныхъ органовъ, представителей юридической идеи. Надобно имѣть великую опытность въ силлогистическихъ пріемахъ, надобно имѣть высокое юридическое образованіе, чтобы проникнуть разумнымъ образомъ жизнь и отдѣлить случайныя явленія отъ понятій.

Неужели нашъ старый вѣкъ могъ владѣть этимъ новымъ искусствомъ? Но наука, юриспруденція, имѣетъ такое художественное призваніе. Обыкновенно, въ жизни *политической* и *граждан-*

ской—выступаютъ наружу сперва вещественные образы—*владѣніе, пользованіе, кормленіе, дробленіе* и т. д. За этими образами сокрыты свѣтлые типы института-невещественные, безличные, никѣмъ не осваяемые въ частную собственность: это *вѣчныя идеи*, которыя суждено народамъ развивать *во времени*. Здѣсь начинается разнообразнѣйшій процессъ всемірно-историческаго развитія: каждый народъ, по своимъ условіямъ, выдѣлываетъ изъ этихъ идей свои формы, иногда уродливыя, иногда красивыя. Чѣмъ ниже степень гражданскаго его образованія, тѣмъ менѣе онъ способенъ къ отлитію правильныхъ, мѣрныхъ и изящныхъ — *ваятельныхъ* формъ. Къ старой Руси, и по общимъ историческимъ законамъ, и по мѣстнымъ обстоятельствамъ, отодвинувшимъ ее отъ западной лабораторіи, по преимуществу относится послѣднее состояніе. Въ ней ясно ощущается недостатокъ ваятельнаго мастерства. Вещественныя оболочки, и притомъ изъ самой простой, грубой ткани, закрываютъ весь духъ учрежденій, всю духовную, свѣтлую ихъ физіономію. Наукѣ принадлежитъ трудная, аналитическая операція, которую г. Чичеринъ совершаетъ, по моему мнѣнію, слишкомъ бѣгло, необдуманно, и не всегда правильно. Но примѣры, въ этомъ случаѣ, убѣдительнѣе всякаго отвлеченнаго представленія. Мы разберемъ одно какое нибудь *юридическое понятіе*, которое находится въ самомъ сочиненіи. И такъ возьмемъ для образца *судъ*. Замѣчу мимоходомъ, что этотъ государственный институтъ у г. Чичерина получилъ въ отдѣлкѣ необыкновенно стройную, лочическую форму (1).

При составленіи понятія о судѣ, какъ о *частной, вещественной собственности князя, отдаваемой намѣстникамъ и волостелямъ въ кормленіе по частному же праву*, г. авторъ остановился на однихъ внѣшнихъ, яркихъ, но несущественныхъ признакахъ этого важнаго государственнаго института. Отсюда—блѣдная, мрачная, узкая, ненастоящая его физіономія. *Судъ* есть одна изъ отраслей верховной власти, не имѣющая ни цѣны, ни мѣны, ни мѣры, ни вѣса, чѣмъ распознается обыкновенное *оборотное, рыночное, частное право*. *Личный* органъ, которымъ выражается судное начало въ общественной жизни, всегда и вездѣ есть публичное, государственное лице, а не частный владѣлецъ. Къ этому

(1) Областныя учрежденія, стр. 4—21.

невещественному типу привходитъ внѣшняя, условная оболочка, различная у различныхъ народовъ; у насъ въ Россіи *кормленіе.*

Кормленіе есть понятіе видовое, второстепенное, даже случайное, а не существенное, ибо можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ часто бываетъ — *судія некормленикъ*, на пр. у Римлянъ. Неужели претора смѣемъ мы назвать кормленикомъ? Да едва ли кто дерзнетъ этимъ титуломъ пожаловать и провинціальнаго *проконсула*, который не только продовольствовалъ себя и весь свой многолюдный штабъ на счетъ провинціи, но и съ избытками уходилъ въ Римъ послѣ годоваго управленія.

Когда этотъ признакъ—*кормленіе*, положимъ, въ древней нашей жизни слишкомъ ярко выдающійся, поставленъ на первомъ планѣ института, тогда измѣняется, обезображивается настоящая физіономія судіи. Его судная должность покрывается вещественнымъ, корыстнымъ элементомъ, и г. Чичеринъ подвергаетъ его, въ этомъ жалкомъ одѣяніи, самому тонкому, аналитическому дробленію, забывши совсѣмъ объ его высшей, свѣтлой сторонѣ, и оканчиваетъ эту мрачную картину ужаснымъ приговоромъ. « *Очевидно, что во всѣхъ судебныхъ случаяхъ имѣлось въ виду не столько преступленіе, сколько доходное дѣйствіе, котораго общественное значеніе скрывалось за частнымъ: извѣстнаго рода преступленіе составляло какъ бы собственность судьи*» (1). *Жестоко слово сіе!* невольно воскликнешь при этомъ приговорѣ.

Языкъ народный вѣрнѣе г. Чичерина передалъ намъ значеніе этого института, называя судію *намѣстникомъ*, *волостелемъ* и другими почетными, публичными титулами, а не *кормленикомъ;* въ немъ болѣе чутья, нежели въ нашихъ отвлеченныхъ, произвольныхъ представленіяхъ. Не называемъ же мы теперь этимъ именемъ чиновника, дѣйствующаго на поприщѣ государственной службы и получающаго за то вещественное вознагражденіе— *жалованье* — *кормленіе*; тоже или почти тоже было и въ старой Руси. Кормленіе идетъ вмѣстѣ съ государственною службою и не отдѣлено отъ личной многотрудной дѣятельности намѣстника; оно не означаетъ его увѣчнаго, болѣзненнаго состоянія, въ которое онъ пришелъ отъ службы, и за которую теперь, по милости добраго хозяина—князя, получаетъ пожизненый *пенсіонъ*. Въ такомъ случаѣ, всѣ правитель-

(1) Разсужденіе, стр. 11.

ственныя и судныя учрежденія стараго и новаго государства имѣютъ значеніе общей *государственной богадѣльни*, гдѣ доживаютъ послѣдніе дни—убогіе служилые люди—*кормленщики*.

Подобному критическому анализу можно бы было подвергнуть и другія юридическія понятія, которыми такъ обильно сочиненіе г. Чичерина, и показать ихъ логическую и историческую несостоятельность. Но достаточно на первый разъ и вышеозначеннаго примѣра. Подробный разборъ главныхъ юридическихъ воззрѣній мы отлагаемъ до слѣдующей *статьи*, гдѣ имъ настоящее мѣсто. Теперь же мы занимаемся одною методическою стороною разсужденія. И такъ мы видимъ, что построеніе логическихъ понятій—дѣло трудное, а подчиненіе имъ историческихъ явленій еще труднѣе и опаснѣе. *Definitio in jure periculosa est:* сказалъ римскій юристъ, обладающій величайшимъ дарованіемъ къ юридическимъ созерцаніямъ. Г. Чичеринъ, при такомъ методическомъ направленіи, выставляетъ на первомъ планѣ нашей исторіи какія-то отвлеченныя, узкія, *разсудочныя начала*, потомъ дѣлитъ ихъ на мелкія дроби; совершаетъ какой-то *діалектическій актъ*, и тѣмъ самымъ заслоняетъ живую, личную, величавую фигуру нашего народа и его юридическихъ учрежденій. Вотъ *первое мое замѣчаніе* на методическую сторону разсужденія. За нимъ слѣдуетъ *второе, третье, четвертое, пятое*, и всѣ въ логической преемственности.

II.

Преобладаніе философскихъ моментовъ Гегеля, именно господство втораго момента — гражданскаго общества, и подчиненіе ему русской исторіи въ эпоху, разсматриваемую г. Чичеринымъ.

Вчитываясь въ сочиненіе г. Чичерина, углубляясь въ проникновеніе самаго логическаго процесса, который совершался въ умѣ автора, невольно чувствуешь, что актъ мышленія происходитъ подъ вліяніемъ *готовыхъ* философскихъ началъ, системъ. Эти системы, большею частію нѣмецкой работы, приложены къ *Русской Исторіи*. Кто знакомъ съ философіею *Гегеля*, особенно *философіею права*, тотъ чутьемъ уже понимаетъ присутствіе ея началъ въ означенномъ разсужденіи. Я самъ на себѣ испыталъ это впечатлѣніе, нисколько еще не заподоз-

рнвая г. Чичерина въ гегеліанскомъ направленіи. При личной ученой бесѣдѣ—на университетскомъ диспутѣ—я высказалъ свое подозрѣніе, и получилъ отъ автора добросовѣстное признаніе. И такъ теперь наше критическое дѣло становится яснѣе и легче. Извѣстна знаменитая *троица*, прототипъ всей философіи Гегеля, отражающій вездѣ и всегда *три момента*, три *акта*, три *состоянія* всего видимаго и невидимаго—существующаго, и даже *несуществующаго:* ибо и *небытіе* у Гегеля проходитъ три состоянія.

Для исторіи человѣчества назначены три формы, одна другою по чередѣ смѣняемыя: *семейство*, *гражданское общество* и *государство:* (Familie, Bürgerliche Gesellschaft und Staat). На долю русской жизни, подвергнутой историческому созерцанію въ сочиненіи г. Чичерина, выпала вторая форма, второй моментъ ея бытія. Признаки *гражданскаго общества*, по Гегелю, слѣдующіе: 1) вторичное его происхожденіе, вслѣдъ за разрушеннымъ семействомъ; 2) самостоятельное развитіе отдѣльной личности (die Besonderheit, die konkrete Person); 3) стремленіе оной къ эгоистическимъ, частнымъ, матеріальнымъ цѣлямъ (besondere Zwecke); 4) образованіе особой системы гражданскихъ потребностей для сохраненія индивидуальнаго бытія (System der Bedürfnisse); 5) Развитіе гражданскаго частнаго права — въ двухъ главныхъ формахъ — собственности и договора; 6) Очередная несостоятельность этого момента, цѣлостное разложеніе и торжественное выступленіе въ исторію третьяго момента — *государства* (1). Когда представимъ мысленно всю картину начертаннаго г. Чичеринымъ русскаго быта, тогда невольно видимъ вездѣ проглядывающій образъ *гражданскаго общества*; какъ будто авторъ дѣлаетъ искусный снимокъ съ этого типа: признаки одни и тѣже и процессъ тотъ же. И такъ мы видимъ, что Русь вышла уже изъ семейственнаго, родоваго, племеннаго быта, и вышла *цѣликомъ*, ничего съ собой не взявши на дорогу;—а путь сей, признаться надобно, предстоитъ долгій и трудный; она расторгнула всякую связь съ прошедшимъ, забыла даже преданіе, законы, нравы, обычаи, едва ли и самое тѣло не сбросила съ себя, потому что нигдѣ его не видно, и въ этомъ безродномъ, одинокомъ состояніи является, какъ *бобыль*, подъ именемъ *гражданскаго общества*. Въ этомъ дивномъ обществѣ видимъ мы безконечное множество частныхъ лицъ, не сосредоточенныхъ ни въ какихъ естест-

(1) См. Hegel, Rechts-Philosophie. § 182 — 257.

венныхъ и юридическихъ союзахъ, не прикрѣпленныхъ ни къ какимъ общественнымъ учрежденіямъ, оторвавшихся даже отъ земли. Предъ нами выступаетъ какая-то тѣнь; это индивидуальная личность — наша собственная персона, стремящаяся къ отдѣльнымъ цѣлямъ, погруженная въ частномъ быту, разгульно бродящая по Божьему свѣту, хотя и въ предѣлахъ русской земли. Это старая вольница, необузданная, буйная, да едва ли и трезвая. Ибо что она дѣлала, того не льзя дѣлать человѣку, въ здоровомъ состояніи находящемуся. Но придетъ конецъ этому привольному житью!—Уже на Сѣверѣ Россіи закладывается новой порядокъ; уже зародились *Московскіе государи*, и различныя небесныя знаменія и волхвованія, подобно авгуріямъ римскаго Августа, предрекаютъ имъ будущую славную судьбу: и тогда горе прежней вольницѣ!

Итакъ мы укрѣпили точку созерцанія, съ которой смотритъ г. Чичеринъ на Россію, отыскали завѣтную *призму*, сквозь которую онъ пропускаетъ всѣ историческія событія.

Теперь подвергнемъ этотъ важный въ Исторіи Русской моментъ критическому анализу. Напередъ надобно замѣтить, что философія Гегеля уже окончила свой курсъ въ Германіи; кратковременное, но шумное ея существованіе прекратилось. Теперь выходятъ на сцену— соціализмъ, матеріализмъ, пролетаріатъ, съ своими колонновожатыми. Настоящій вѣкъ вовсе не сочувствуетъ діалектическимъ операціямъ Гегеля: онъ ищетъ живыхъ, непосредственныхъ, матеріальныхъ и соціальныхъ интересовъ. Одни мы остаемся запоздалыми воспріемниками гегеліанскаго исповѣданія. Таковъ уже, видно, нашъ удѣлъ во всемъ; пришедши поздно на чреду всемірно-историческаго движенія, мы должны принимать отъ передовыхъ европейскихъ дѣятелей то, что имъ не нужно, и всегда состоять къ нимъ въ какомъ-то вассальномъ подчиненіи. *Формы*, которыя начертаны для человѣческой исторіи великою рукою нѣмецкаго художника, оказались не дѣйствительными: человѣчество, вопреки уставу Гегеля, идетъ своею чередою, и изъ своихъ народныхъ, мѣстныхъ элементовъ каждый народъ развиваетъ свой общественный и частный бытъ. Въ свое время даровитый *Гансъ* сдѣлалъ было блестящее приложеніе гегелевой философіи ко всемірной исторіи человѣчества (*); но оно признано недостойнымъ науки и всѣми единогласно отвергнуто. Въ

(*) См. Erb-Recht, in weltgeschichtlicher Entwickelung. Berlin, 1824. 4 тома.

дальнѣйшемъ продолженіи своего литературнаго труда (IV томъ 1835 г.) вѣроломный ученикъ, ясно сознавая несостоятельность гегеліанскихъ началъ, пошелъ уже путемъ обыкновенныхъ историческихъ изслѣдованій, и этотъ трудъ его имѣетъ свое значеніе въ наукѣ.

Особенно эта несостоятельность оказалась во второмъ моментѣ— *гражданскомъ обществѣ.* Еще при жизни старика Гегеля, этотъ моментъ не отысканъ былъ въ исторіи человѣческихъ обществъ, и при томъ самыми усердными и трудолюбивыми нѣмецкими учеными. А всему свѣту извѣстно, что Нѣмцы великіе художники въ отысканіи всякаго рода моментовъ; отъ ихъ тонкаго взора не ускользнетъ ни одинъ духовный моментъ, совершающійся въ мозговомъ, самомъ раздраженномъ, дѣятельномъ механизмѣ. Другое замѣчаніе позволю себѣ сдѣлать относительно философіи Гегеля и приложенія ея къ исторіи. Моменты гегеліанскіе болѣе *логическіе*, нежели *историческіе*. Такимъ образомъ, и при существованіи государства можетъ быть одинъ моментъ безъ другаго; на примѣръ, государство, какъ *семья*, или, какъ *гражданское общество*. Но тогда откроется странное состояніе, и даже противорѣчіе, особенно въ третьемъ моментѣ. Наши историки принимаютъ гегелевскіе моменты *чисто историческими*, въ чемъ заключается великая ошибка. И въ самомъ дѣлѣ, подчинить всю исторію народа тремъ періодамъ, *семейству, гражданскому обществу* и *государству*, каждому періоду дать опредѣленный, неизмѣнный характеръ, выводить по очереди то одну, то другую форму, не значитъ ли уничтожить личное, самобытное свойство человѣческой дѣятельности, отвергнуть различныя народности и разумную ихъ исторію, и признать въ Исторіи вообще владычество судьбы, роковыхъ уставовъ, какого-то мертваго, абсолютнаго разума, проповѣдывающаго слѣдующій законъ: *Alles, was geschichtlich ist, ist vernünftig.* Неужели, въ самомъ дѣлѣ, эти формы непреложны и вездѣ должны повторяться въ роковой чередѣ? Что же будетъ съ тѣмъ народомъ, у котораго нечаянно не отыщется какой либо гегеліанскій моментъ, или, что еще ужаснѣе, какимъ-нибудь случаемъ, забѣжитъ въ его исторію четвертый, пятый моментъ? Отвѣтъ на эти вопросы готовъ въ философіи: такіе народы или состоятъ въ неполномъ историческомъ развитіи, ожидая своей поры вступленія въ новый періодъ, или, если у нихъ замѣчаются другіе, новые моменты, что едва ли и мыслимо по философіи, то

они представляютъ историческую аномалію. Къ такой-то аномаліи отнесъ великій нѣмецкій распорядитель судебъ человѣческихъ и нашъ *славянскій міръ*, не назначивъ ему никакого мѣста, никакого опредѣленнаго значенія во всемірной исторіи человѣчества. Богъ знаетъ, за какія провинности наши, онъ не далъ намъ никакой доли при общемъ дѣлежѣ. А мы, по свойственному намъ незлобію, сами себя ставимъ въ ряды міровыхъ дѣятелей, насильно вдвигаемся въ его узкія рамки и самовольно подчиняемъ себя тремъ преемственнымъ моментамъ. Не мѣшало бы иногда имѣть намъ и чувство оскорбленной личности. Если уже вычеркнуты мы изъ плана нѣмецкаго мірозданія, такъ будемъ жить сами по себѣ, по Божію благословенію и молитвамъ отцевъ нашихъ, не прося съ умилительнымъ униженіемъ о включеніи насъ въ этотъ планъ. Но я не могу отстать отъ гегеліанскихъ моментовъ, чтобы еще въ послѣдній разъ не испытать надъ ними критическаго анализа въ исторіи народа, изученіе котораго составляетъ мое ученое призваніе. Я говорю объ *исторіи Рима*. Вотъ народъ, давно сошедшій съ чреды историческаго бытія, окончившій свое міровое дѣло, совершившій весь кругъ дѣятельности, предназначенный ему свыше. Исторію его мы привыкли раздѣлять на 3 періода: *царство*, *республику* и *имперію*. Спрашивается: какъ относятся эти историческіе періоды къ философическимъ? По системѣ Гегелевой, *царство* должно выражать первый моментъ—семейство, *республика*—гражданское общество, *имперія*—государство. Но въ такомъ случаѣ, лучше вовсе не знать и не изучать римской исторіи, нежели подвергать ее такому уродливому, узкому пониманію.

III.

Въ сочиненіи принята точка отправленія отъ настоящаго времени къ прошедшему; она неудобна для историческихъ изслѣдованій и наукою не признана.

Точка отправленія (нѣмецкій штандпунктъ), съ которой авторъ нашъ смотритъ на прошедшій русскій бытъ, укрѣплена не на томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ историческая драма, но передвинута далеко впередъ, именно въ третій моментъ гегеліанскаго бытія, въ эпоху *государства Россійскаго*. Правда, г. Чичеринъ не выдвинулъ наружу этого момента, сокрылся въ государствѣ Московскомъ, какъ въ засадѣ;

но пребываніе его здѣсь слишкомъ живо ощущается. При изученіи исторіи человѣческаго общества по гегеліанскимъ началамъ, совершается въ умѣ нашемъ какой-то странный процессъ, необыкновенный порядокъ: надобно идти отъ высшаго момента къ низшему, а не наоборотъ, какъ показываетъ самая жизнь. Иначе ничего не поймешь. Чтобы постигнуть *семейство*, во всѣхъ фазахъ историческаго его бытія, надобно напередъ ознакомиться съ *гражданскимъ обществомъ*: ибо тогда только, чрезъ логическое противоположеніе, обозначится положительная сторона семейнаго быта. А пониманіе *втораго момента* невозможно безъ предварительнаго и глубокаго изученія третьяго момента—*государства*. И такъ открывается предъ нами извѣстная точка отправленія — отъ *настоящаго времени къ прошедшему*, такъ часто употребляемая въ новыхъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Нашъ молодой ученый укрѣпился въ Московскомъ Государствѣ, сродпился съ его порядкомъ и учрежденіями, всей душей убѣжденъ въ превосходствѣ его предъ старымъ временемъ, что и справедливо. Съ этими готовыми, опредѣленными, условными признаками новаго, настоящаго государства обращается онъ къ прошедшему быту и задаетъ ему множество вопросовъ, которыхъ предки наши никогда и не слыхали, говоритъ съ ними такимъ языкомъ, который имъ вовсе непзвѣстенъ, требуетъ отъ нихъ того, чего они не въ силахъ были сдѣлать, и вотъ началось *инквизиціонное слѣдствіе*. Напередъ уже можно угадать, чѣмъ оно кончится,—совершеннымъ обличеніемъ стараго порядка, собственнымъ, но безмолвнымъ признаніемъ старыхъ людей въ виновности противъ новаго порядка, и слѣдовательно въ праведномъ ихъ осужденіи. Но таковъ ли долженъ быть судъ человѣческій? Неужели и наукѣ доступны страсти и личныя отношенія? Гдѣ же *маштабъ вмѣняемости*—основа всякаго суда? Есть два метода, два порядка въ историческихъ изслѣдованіяхъ: или исходятъ отъ *настоящаго времени къ прошедшему*, или отъ *прошедшаго восходятъ къ настоящему*. Въ томъ и другомъ порядкѣ есть существенная *методическая* неправильность, а отъ неправильности метода происходитъ неправильность самаго взгляда. Ни прошедшее, ни настоящее не могутъ служить такою почвою, гдѣ бы мы должны утвердить нашъ наблюдательный снарядъ, и откуда направлять его на искомый предметъ. Здѣсь мы должны обратиться за урокомъ къ наукамъ естественнымъ. Посмотрите, гдѣ ставитъ свой инструментъ естествоиспытатель? Тамъ, гдѣ лежитъ предметъ

наблюденія, непосредственно подлѣ него, только въ противоположности. Одни *астрономическія* наблюденія составляютъ исключеніе изъ этого общаго методическаго правила, но и то только по невозможности утвердить *рефракторъ* въ воздушной атмосферѣ.

Если мы будемъ смотрѣть на исторію Россіи и ея юридическихъ институтовъ съ точки, поставленной въ какомъ либо прошедшемъ времени (на пр. на выпуклыхъ пунктахъ: *призваніи князей, введеніи Христіанской Религіи*, образованіи великихъ княженій, монгольскомъ игѣ, сверженіи онаго, и зарожденіи Московскихъ Государей — собирателей), то, незамѣтно для насъ самихъ, мы свыкнемся съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ уставили нашъ умственный рефракторъ, полюбимъ окружающую его атмосферу, подчинимся вліянію существующаго тогда быта, и это уже сковавшееся въ нашемъ умѣ предубѣжденіе, предрасположеніе къ прошедшему, занесемъ невольно въ область нашихъ изслѣдованій относительно новаго времени. Намъ не понравится въ немъ многое, и въ этомъ грустномъ настроеніи духа мы будемъ обращаться отъ настоящихъ моментовъ къ прошедшимъ вѣкамъ и искать въ нихъ для себя успокоенія, отрады сердечной. Бѣдное, жалкое, отчаянное средство, но весьма употребительное въ наукѣ и жизни! Стараго порядка вещей возвратить нельзя: *древняя мимоидоша*. Мало этого: восходя отъ прошедшаго къ настоящему, конечно, мы будемъ разсматривать исторію народа, какъ живой организмъ, который состоитъ въ непрерывномъ развитіи, въ *прогрессѣ;* но дѣло въ томъ, что за этимъ прогрессомъ надобно непремѣнно слѣдить, а для этого нужно передвигать нашъ снарядъ съ одного мѣста на другое. Иначе предметъ слишкомъ далеко отойдетъ отъ наблюдательнаго глаза и наконецъ совсѣмъ изчезнетъ, или представится намъ въ другомъ видѣ, какъ другой предметъ. Далѣе, историческій народный прогрессъ совершается какимъ-то таинственнымъ образомъ. Переходя отъ одного состоянія въ другое, эти органическіе *возрасты* не имѣютъ никакихъ видимыхъ моментовъ, не обозначаются никакимъ торжественнымъ актомъ. Кто изъ насъ, слѣдя за развитіемъ своей собственной личности, можетъ припомнить свой выходъ изъ младенчества въ отроческій возрастъ, изъ отрочества въ мужескій возрастъ? И старецъ, видимо приближающійся къ роковой могилѣ, едва ли ясно сознаетъ свое временное положеніе. И такъ естественно, что мы, укрѣпившись на извѣстномъ пунктѣ и не легко подвигаясь впередъ, не увидимъ многихъ сторонъ, кото-

рыми обозначается обновленіе человѣческаго общества, и наконецъ остановимся въ недоумѣніи только на такихъ моментахъ, которые слишкомъ поражаютъ насъ своею яркою, внезапною новостію.

Г. Чичеринъ построилъ свою *обсерваторію* на новыхъ временахъ, на почвѣ Московскаго Государства, и притомъ на самомъ возвышенномъ, рѣзко выдающемся впередъ пунктѣ, на *государствѣ Петра Великаго*. Надобно сознаться, что мѣсто выбрано боевое, но удобное болѣе для астрономическихъ наблюденій, а не для низменной русской земли, гдѣ разыгрывались историческіе акты. Съ такой высоты все прошедшее покажется мелкимъ, маловажнымъ, ничтожнымъ, а многое и совсѣмъ будетъ не замѣчено, особенно внутреннее отношеніе причинъ къ дѣйствіямъ (historicus nexus causalis). Предъ величественнымъ, типическимъ ликомъ Петра I долженъ благоговѣть каждый русскій человѣкъ. Эту дань ему платятъ и иностранные народы. Но мы говоримъ здѣсь только объ *методѣ*. Нельзя правильно наблюдать за историческими явленіями, исходя отъ *настоящаго къ прошедшему*. При такомъ положеніи, мы непремѣнно подчинимъ исторію прошедшихъ вѣковъ извѣстному опредѣленному времени, будемъ смотрѣть на нее, какъ на *средство къ цѣли*, и тѣмъ лишимъ ее самобытнаго, своеобразнаго и свободноличнаго существованія, на что имѣетъ право всякій вѣкъ, всякій возрастъ. Г. Чичеринъ измѣряетъ старую Русь, ширину ея, длину и цѣнность *маштабомъ* новымъ, *Петровскимъ*: тутъ явно окажется въ ней недочетъ. Объяснимся примѣромъ. Если бы мы на возрасты человѣческой жизни стали смотрѣть, подчиняя одинъ другому, и отъ мужскаго возраста, полной формы человѣческаго развитія, стали смотрѣть на дѣтство, младенчество, тогда эти младшіе возрасты потеряли бы въ глазахъ нашихъ всю прелесть, всю очаровательную, органическую форму, имѣющую опредѣленное, физіологическое свое содержаніе. И такъ надобно размежевать возрасты и на каждый смотрѣть, какъ на самобытное, отдѣльное, физіологическое явленіе, какъ будто на гегеліанскій *моментъ*: тогда откроется вся полнота этого живаго организма съ своими многообразными, цвѣтущими вѣтвями, въ стройномъ, почти логическомъ соотношеніи причинъ къ дѣйствіямъ. Мы полюбимъ всѣ возрасты, не давая такъ называемаго *предпочтенія* одному передъ другимъ; впрочемъ и до сихъ поръ еще не рѣшено, какой возрастъ лучше. *Цицеронъ* любилъ старость, *Карамзинъ* полную зрѣлость, а *женщина* всегда воспоминаетъ съ грустью

о прошедшей дѣвственной порѣ. Значитъ, это дѣло вкуса, а о вкусахъ не спорятъ. Въ природѣ все хорошо: лишняго, случайнаго нѣтъ. Такой же порядокъ мы должны соблюдать и въ нашихъ политическихъ изслѣдованіяхъ.

Общество человѣческое есть величайшій организмъ; развитію его назначены возрасты; каждому возрасту приходитъ своя чреда. Но во всѣхъ своихъ историческихъ состояніяхъ этотъ организмъ имѣетъ свое нравственно-человѣческое достоинство, свой божественный образъ, который нигдѣ и никогда не утрачивается. Одна близорукость наша виновна въ томъ, что мы иногда не можемъ его отыскать. Но мы незамѣтно уклонились отъ нашего предмета. Государство Московское, безъ сомнѣнія, есть великій, разумный моментъ въ исторіи нашего отечества, но не послѣдній: правда, судьбы народовъ неисповѣдимы, но да позволено будетъ намъ, дерзновеннымъ грѣшникамъ, чаять дальнѣйшаго продолженія жизни любезнѣйшаго нашего отечества, и напутствовать его на трудный подвигъ самыми теплыми, священными молитвами. Едва ли такое желаніе можно назвать грѣшнымъ: напутствуемъ же мы всякаго собрата, отходящаго въ дальній путь, пожеланіями ему отъ всей души долгой жизни, *добраго здоровья* и *всякаго благополучія*. И такъ, если государство русское временъ Петра I составляетъ только переходный моментъ, то нельзя считать признаки его историческаго бытія какими-то непреложными, вѣчными, безусловными уставами, и по нимъ измѣрять относительное значеніе старыхъ временъ. А г. Чичеринъ постоянно придерживается этого маштаба. Естественно, въ сравненіи съ такимъ гигантскимъ возрастомъ, до котораго впрочемъ Русь дошла не органическимъ путемъ, не собственною теплотою, а какими-то искусственными, заморскими средствами, предшествующіе возрасты покажутся намъ мелки, уродливы, государственныя учрежденія недостаточны, лица блѣдны, событія безсмысленны. Какъ при первомъ методѣ созерцанія—*отъ прошедшаго къ настоящему*—предметъ наблюденія постоянно отдаляется отъ нашего глаза, получаетъ какія-то новыя формы, свободныя движенія, и наконецъ преобразуется въ такое явленіе, которое уже вовсе неизвѣстно наблюдателю внѣ его разумѣнія: такъ, при второмъ методѣ наоборотъ, прошедшія времена слишкомъ близко придвинуты къ настоящему, стоятъ на низменности, надъ которой владычествуетъ необъятная высота, и чрезъ это теряютъ естественную свою величину. Они подчинены началу, внѣ

ихъ находящемуся, служатъ простыми, роковыми орудіями для исполненія другихъ высшихъ цѣлей; одно время работаетъ для другаго. У насъ вся вѣковая исторія работала для одного славнаго властелина— Петра Великаго. У ней нѣтъ другой идеи, другой цѣли, другаго разумнаго значенія, кромѣ означеннаго. «*Вообще до мысли древняя Россія не доросла, да и не было ей мѣста въ исключительно-національномъ развитіи*» (1). Вотъ какимъ выводомъ оканчиваетъ г. Чичеринъ всю многознаменательную дѣятельность Россіи въ продолженіи тысящелѣтія! У ней не было и *мысли*. И такъ вся русская нація заключена въ какую-то ужасную кабалу, содержится въ неволѣ и выводится на житейскую маетность, получая опредѣленные, рѣзко отмежеванные уроки. Смѣю спросить, кто этотъ раздаятель уроковъ? И почему онъ сводитъ съ поля дѣятельности цѣлыя массы русскаго народонаселенія, какъ скоро онѣ окончатъ свой урокъ. У нихъ остались еще силы, которыя можно бы было, по экономическимъ разсчетамъ, употребить на другія работы. А Государи русскіе были великіе собиратели, домостроительные хозяева. Я признаюсь, не понимаю такого хозяйства.

Признавая за Московскимъ государствомъ неотъемлемое превосходство, г. Чичеринъ не отдалъ должной справедливости нашимъ предкамъ и заклеймилъ ихъ такимъ пятномъ, котораго они не заслужили. Къ новому порядку они еще не привыкли, да признаться надобно, онъ еще въ то время и не сложился. Быть можетъ, если бы старики наши увидали новое государственное хозяйство въ полномъ его составѣ, во всемъ его ходу, то охотно подчинились бы уставамъ Московскаго домохозяина и не стали бы съ какимъ-то ожесточеннымъ упорствомъ противодѣйствовать ему: у нихъ нельзя отнять политическаго смысла. Но они съ давнихъ поръ жили въ старомъ дому и имъ тутъ было привольно и тепло; домъ этотъ не былъ *разсыпанною храминою*, какъ выражается г. Чичеринъ, но твердымъ, національнымъ, отъ времени въ гранитъ сковавшимся зданіемъ, которое сообразно было со всѣми ихъ историческими положеніями, со всѣми удобствами. Нужно было выдвинуть ужасныя, стѣнопробойныя орудія, чтобы потрясти только это зданіе; а когда оно стало наконецъ разсыпаться, общій удѣлъ всякому человѣческому дѣлу, то обломки его разнеслись по всей землѣ русской, и тогда раззорителямъ задана новая египетская работа—*собирать разсыпанную храмину въ единое стройное цѣлое*.

(1) См. Рѣчь г. Чичерина въ Москов. Вѣдомостяхъ, № 154. 1856 г.

Вотъ новое міровое значеніе Московскихъ государей – собирателей! И вотъ что отстаивали наши предки съ такою геройскою силою, нравственною и физическою! Надобно, господа историки, признать нравственное и политическое достоинство въ этой роковой борьбѣ двухъ міровъ, двухъ стихій, двухъ началъ, двойнаго русскаго человѣчества, стараго и новаго. И во врагѣ иноплеменномъ мы уважаемъ доблесть; а здѣсь борются наши родственники, отцы наши. Выставленныя *знамена*, во имя которыхъ собираются отвсюду русскія *ополченія* и раздѣляются на двѣ воюющія арміи, имѣютъ смыслъ русскій, мѣстный, временный, условный, личный; это не *всеобщая*, разумная, непреложная *необходимость* (absolute Nothwendigkeit), но наша, частная, русская судьба; исходъ борьбы—наше дѣло.

Мы не судимъ объ исторіи человѣчества, не произносимъ уголовнаго суда надъ его событіями: судьбы народовъ опредѣляются Божественнымъ Провидѣніемъ: Weltgeschichte ist Weltgericht, сказалъ Гегель. Но не можемъ отвергать присутствія личнаго элемента въ розыгрышѣ міровыхъ явленій, не можемъ не допустить въ извѣстной мѣрѣ участія свободныхъ силъ человѣческихъ: иначе на исторіи государствъ будетъ лежать какой-то роковой, мрачный типъ, древнее fatum. Я хочу позволить себѣ нѣкоторую *историческую вольность*, подобно *поэтической* (licentia historica), при созерцаніи судебъ русскаго государства. Признаки новаго государства, которыми г. авторъ опредѣляетъ цѣнность стараго, или вѣрнѣе, вовсе ее отвергаетъ, слѣдующіе: 1) централизація земель, властей, законовъ, правъ; 2) точка тяготѣнія, соборное мѣсто — Москва; 3) укрѣпленіе бродящаго народонаселенія по мѣстамъ, землямъ, городамъ, общинамъ; 4) обложеніе всего народа повинностями и государственными службами; 5) уничтоженіе мѣсныхъ правъ, привиллегій, судовъ, и всякихъ политическихъ и географическихъ различій; 6) сліяніе всѣхъ разрозненныхъ стихій въ единое, общее, Московское Государство, въ имени и лицѣ одного государя: *чтобы вездѣ было все его Великаго Государя государство* (1). Кто станетъ оспоривать эту величайшую, историческую истину? Во имя оной борьба была священна, а успѣхъ благословленъ Провидѣніемъ. При единодержавіи Россія вступила въ новый возрастъ и безпрепятственно развивается во всѣхъ сторонахъ своей жизни, не сдерживаемая болѣе старыми элементами. Но, по вольности поэтической, перенесемся на минуту въ область полити-

(1) Смотр. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

ческихъ мечтаній, и представимъ себѣ другую картину происшествій, другой исходъ событій. И чтобы это видѣніе имѣло какую нибудь тѣлесную, осязательную форму и приблизилось бы къ пониманію, начнемъ съ дѣйствительнаго міра, весьма похожаго на нашъ русскій. *Въ 664 году*, по римской языческой хронологіи, произошла такъ называемая *союзническая война* (bellum sociale). Всѣ италійскіе народы, состоящіе въ вассальномъ отношеніи къ Риму (fœdus iniquum), вздумали вдругъ отложиться отъ своего грознаго владыки, составили изъ всей Италіи огромнѣйшій союзъ, ввели новую, представительную систему, въ которой было мѣсто всѣмъ муниципіямъ, опредѣлили центръ политической дѣятельности—городъ Корфиніумъ, назначили властей, 4 консуловъ, 16 преторовъ, и т. д. Все обдумали, во всемъ предварительно согласились, получили торжественное благословеніе боговъ, принесли имъ всеобщую жертву и дружно всѣ принялись за оружіе. Мы знаемъ напередъ печальный исходъ этого событія. *Юпитеръ* громовержецъ особенно благоволилъ одному Риму, а къ другимъ народамъ былъ гнѣвенъ. Онъ научилъ римскій сенатъ приступить къ мировой сдѣлкѣ съ воюющею Италіею, подарить ей такъ лестное и издавна искомое *гражданство римское*, уничтожить всякое различіе между Римомъ и Италіею, и составить такимъ образомъ одну величайшую, тяжеловѣсную республику. Такъ и сдѣлано. Но не научилъ его, не знаемъ по какому разсчету, перемѣнѣ городовыхъ формъ, уже узкихъ для новаго объема государства римскаго. И вотъ здѣсь-то заключается тайна паденія Рима и гибель всей Италіи. Языческіе боги лукавы, какъ люди! Еслибы состоялся этотъ планъ, начертанный человѣческою рукою, придуманный человѣческимъ разумомъ, но ни мало не уступающимъ Юпитерову, тогда бы спасена была республика Римская, и въ обновленной формѣ вступила бы въ новую, свѣтлую, живую чреду своего историческаго бытія. На поверхности ея еще долго, очень долго не показались бы эти мрачныя, грозныя личности, которыхъ такъ много въ римской послѣдующей исторіи. Перенесемся теперь къ судьбамъ нашего отечества: вѣрнымъ его сынамъ позволительны мечтанія. Еслибы древняя Россія, разложившаяся на отдѣльныя территоріальныя княженія, съ особыми территоріальными владѣльцами, соединилась въ одинъ общій союзъ, не уничтожаясь въ своей политической особности, тогда бы весь гражданскій и государственный порядокъ пришелся въ мѣру, и вовсе не нужно бы было его разру-

шать. Изъ тридцати, сорока территорій, каждая пошире какого нибудь нѣмецкаго царства, составился бы небывалый, величайшій въ мірѣ, *Русскій союзъ*, укрѣпленный единствомъ Православія, языка, одноплеменности, нравовъ, обычаевъ, всѣхъ учрежденій, политическихъ и гражданскихъ. Къ этому союзу примкнули бы наши славянскіе *отщепенцы*, по силѣ физіологическаго тяготѣнія. И тогда горе Западу!

Но я въ самомъ дѣлѣ уже замечтался, а это не подобаетъ исторіку-юристу. Всѣ эти уклоненія я сдѣлалъ для того, чтобы доказать, что историческія формы условны, и что одно время не должно быть измѣряемо другимъ, особенно старый порядокъ новымъ.

IV.

Г. ЧИЧЕРИНЪ ПОСТАВИЛЪ СЕБЯ КЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ ВЪ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ: ОТРИЦАНІЕ ЕСТЬ ЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА МЫШЛЕНІЯ, А НЕ ЖИВАЯ ИСТОРІЯ НАРОДА, КОТОРАЯ ВСЕГДА СОСТОИТЪ ИЗЪ ПОЛОЖИТЕЛЬНАГО ЭЛЕМЕНТА.

Установившій точку созерцанія на старую Русь на почвѣ Московскаго Государства, г. Чичеринъ невольно, логически долженъ былъ стать въ *отрицательное положеніе* ко всей Русской исторіи. Какъ передовой стражъ, онъ стоитъ на боевой цѣпи московскаго лагеря и съ священною вѣрностію блюдетъ покой отдыхающаго молодаго государства. Онъ раскинулъ по всему протяженію цѣпи какую-то дивную занавѣсь, отдѣлившую старый міръ отъ новаго, дабы старики не могли усмотрѣть новаго порядка, новаго хозяйства государственнаго. А кто похвалиться можетъ совершенствомъ своимъ учрежденій? Изъ уставовъ новаго государства онъ составилъ какія-то скрижали—не 10, какъ было у Евреевъ, не 12, какъ у Римлянъ,—но безчисленное множество, гдѣ значатся новыя заповѣди. Заповѣди эти какъ-то странно начертаны:—и новому гражданину нельзя въ нихъ видѣть всѣхъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ государству, а старому—онѣ будутъ совершеннымъ обличительнымъ актомъ. Ибо въ нихъ значатся только тѣ юридическія отношенія, въ неисполненіи которыхъ виновны были предки наши; съ нихъ взыскивается то, чего они не знали. И вотъ начинаются *допросные пункты*. Ни на одинъ изъ нихъ они не могутъ отвѣтить, не могутъ уничтожить обличительныхъ словъ слѣдователя. Вызванные на страшный судъ новой исторіи, старики наши стоятъ въ безмолвіи, но въ такомъ величествен-

номъ, спокойномъ безмолвіи, которое ясно свидѣтельствуетъ объ ихъ нравственной невинности. Это не безмолвіе преступника, блѣднаго, обличаемаго и внутреннею совѣстію, и трепещущаго предъ приближающеюся карою. Но слѣдователь — сторонникъ Московскаго царя, и такъ отъ него нельзя ожидать неумытной справедливости. Если угодно, я представлю здѣсь извлеченіе изъ *обличительнаго акта*. Вотъ главные пункты обвиненія: «тягла вы не тянете, службы не несете, повинностей не отправляете, осѣдлости не знаете, по Божьей русской землѣ блуждаете, какъ какіе-нибудь Цыгане; вы—вольница бездомовая.» Это приговоръ одной сторонѣ древняго народонаселенія, низшему слою, народу. Но грознѣе, обличительнѣе приговоръ высшему сословію, стоящему во главѣ управленія, правительственнымъ властямъ. « Вы воры и мошенники, крамольники и измѣнники царскіе, вы незаконные владѣльцы верховныхъ правъ, принадлежащихъ единому Московскому государю, самовольные и продажные судіи и правители, радѣющіе только о своемъ собственномъ добрѣ, а не о государственныхъ и царскихъ пользахъ. Въ геенну васъ!» — И вотъ началась экзекуція.

Когда я читалъ и перечитывалъ сочиненіе г. Чичерина, то всегда выносилъ какое-то тяжелое впечатлѣніе, не смотря на живую форму очертаній историческихъ. Но когда эта мрачная, сложная картина стараго русскаго быта представлена была въ выпуклыхъ пунктахъ—въ *тезисахъ* — этомъ художественномъ фокусѣ, тогда я испытывалъ мучительное, безотрадное чувство: тридцать тезисовъ—всѣ отрицательнаго свойства ; одни въ формѣ грамматической, другіе въ формѣ логической—выражаютъ несостоятельность древней Руси. На горизонтѣ Русской Исторіи видишь однѣ тѣни густыя и сплошныя, идущія прямо отъ свѣтлаго центра—Москвы государевой и разстилающіяся по всей землѣ Русской. Кромѣ величавой, боговѣнчанной и превознесенной фигуры Царя, ничего нельзя разсмотрѣть, ни на чемъ нельзя съ радостію остановиться и отдохнуть отъ долгаго странствованія по пустынной и не безопасной для путника странѣ. Весь общественный организмъ пришелъ въ какой-то безпорядокъ и обозначается ужасными, разрушительными явленіями ; все сдвинулось съ мѣстъ своихъ и открылось всеобщее кочеваніе. Вездѣ грабежи, душегубства, крамолы, измѣны. По Русской землѣ разосланы *сыщики* — намѣстники и воеводы; чтобы силы ихъ при этомъ подвигѣ не истощились, множество преступленій отдано имъ въ полную

собственность—*чтобъ мощно было сыту быти*. Вездѣ произволъ «самосудъ», вездѣ поборы, притѣсненія. Какъ будто государство находится въ состояніи *необходимой обороны*, борется съ злѣйшимъ своимъ невидимымъ врагомъ — съ народомъ, предпринимаетъ отчаянныя средства, но ничто не помогаетъ: ни учрежденія, ни казни, ни совѣты. Наконецъ-то выясняется въ этомъ мрачномъ и хаотическомъ состояніи всего государства высокій, свѣтлый, типическій ликъ Петра Великаго; онъ отдѣляется отъ окружающей поверхности на необъятную высоту,—и въ этомъ восторженномъ, орлиномъ положеніи, задумываетъ новую думу и приводитъ ее въ исполненіе.

Я, какъ сторонникъ предковъ, адвокатъ въ этомъ уголовномъ процессѣ, беру дѣло на апелляцію и переношу его въ высшую инстанцію—на судъ науки. При этомъ намѣренъ употребить и адвокатскія средства — возбужденіе драматическаго эффекта и сердечнаго сочувствія къ подсудимому народу. Господа судіи! Вспомните, что мы всѣ человѣки, слѣдовательно можемъ похвалиться однѣми немощами; старые люди имѣли другія понятія и другія убѣжденія, нежели мы; въ ихъ дѣйствіяхъ много было прекраснаго, благороднаго, христіанскаго; за провинности свои, которыхъ впрочемъ никакъ они не могутъ сознать, наказываются они два раза: въ свое время и теперь, а третьяго — послѣдняго суда имъ также не избѣгнуть. Далѣе, при слѣдственномъ розыскѣ не требовали отъ нихъ никакихъ объясненій, задавали имъ для отвѣта такіе вопросы, которыхъ они не понимали, и на одномъ молчаніи ихъ признали ихъ виновность;— это вопреки существенному условію процесса: *audiatur et altera pars*. Далѣе, въ опредѣленіи преступленія ихъ не видимъ никакого внутренняго маштаба вмѣняемости: взвѣшивается только внѣшнее дѣйствіе (corpus delicti), и притомъ по *закону*, который послѣ изданъ, и слѣдовательно не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія. И въ явномъ, осужденномъ преступникѣ—оцѣнивается, по преимуществу, *психическая* его сторона; на нее наши литературные слѣдователи не обращаютъ никакого вниманія въ осужденіи стараго общества. Мало этого; припомните, господа, что подсудимые — наши кровные родственники, отцы наши, отъ которыхъ получили мы богатое наслѣдіе, и нравственное, и религіозное, и вещественное. Далѣе, по человѣческому и христіанскому чувству — *объ умершихъ* не такъ строго судятъ, какъ о живыхъ, стараются болѣе выставлять свѣтлыя стороны жизни, нежели темныя; — судъ науки есть также чело-

вѣческій судъ, совершающійся при орудіи личной мысли; только онъ имѣетъ дѣло по преимуществу съ идеями, понятіями, а не съ тѣлесными явленіями; литературное *поминаніе* непремѣнно должно имѣть религіозный, покойный, сердечный отливъ. Если всѣ эти — юридическія и неюридическія доказательства не убѣдительны для васъ, и не прелагаютъ гнѣвъ вашъ на милость, то я обращусь наконецъ къ послѣднему, отчаянному средству, къ *языческому міру*, и призову его въ свидѣтели. Послушаемъ, какъ судитъ *Цицеронъ* о плебейскомъ трибунатѣ — этомъ вулканическомъ, демагогическомъ органѣ, погубившемъ любимую имъ республику и вызвавшемъ на сцену политической исторіи *Марія* и *Цинну*, *Суллу* и *Помпея*, *Кесаря* и *Августа;* о другихъ крамольникахъ не говорю. А Цицеронъ, замѣчу мимоходомъ, былъ аристократическихъ убѣжденій и слѣдовательно не могъ сочуствовать демократическому институту. «*Я признаюсь, что въ этой самой власти* (трибунской) *есть что-то худое, несовершенное, но и добро, въ ней найденное, открытое, мы не могли бы получить безъ этого зла*» (1). Потомъ онъ восходитъ къ общему понятію о судѣ и по поводу трибуната произноситъ величайшую, достойную подражанія, истину: «*Недостатки трибуната ты весьма ясно видишь. Но во всякомъ обвинительномъ актѣ недостойно изчисленіе однихъ худыхъ дѣлъ, выборъ однихъ пороковъ, не упоминая о хорошихъ, свѣтлыхъ сторонахъ*» (2).

Мнѣ кажется, наши новые историки отчасти виноваты противъ Цицероновской заповѣди; впрочемъ я не обличитель ихъ ученой совѣсти: мое дѣло—защита бѣдныхъ стариковъ отъ несправедливыхъ нападеній молодаго поколѣнія. Иногда, при этомъ тяжеломъ процессѣ, мнѣ бываетъ грустно, а иногда становлюсь даже раздражительнымъ, и въ такомъ раздраженномъ состояніи, я припоминаю недавно высказанный афоризмъ: *новые русскіе историки сдѣлали изъ старой русской исторіи какой-то звѣринецъ, гдѣ показываются различной породы звѣри* (Русская Бесѣда II. Отдѣлъ критики, стр 71.).

А вся бѣда *отъ метода*: ибо я не постигаю, чтобы можно бы-

(1) Ego fateor, in ista ipsa potestate inesse quiddam mali; sed bonum, quod est quæstum in ea, sine isto malo non haberemus.

(2) Vitia quidem tribunatus præclare perspicis. Sed est iniqua in omni re accusanda, prætermissis bonis, malorum enumeratio, vitiorumque selectio. Cic. de Legg. III, 8—10.

ло имѣть какое-нибудь наслажденіе въ этомъ *демонскомъ* трудѣ, открытіи однѣхъ темныхъ сторонъ въ исторіи человѣчества. А наши историки, я знаю ихъ, съ благороднѣйшими намѣреніями, съ пламенною, отчасти даже рыцарскою любовію, приступаютъ къ литературнымъ изслѣдованіямъ историческихъ судебъ нашего отечества. Въ противоположномъ направленіи никто не можетъ ихъ заподозрить. Слѣдовательно не сердце, а разсудокъ въ заблужденіи. О, этотъ узкій, лукавый, продажный разсудокъ! Сколько зла отъ него въ жизни и литературѣ! Ему ничего не стоитъ бѣлое назвать чернымъ и черное бѣлымъ, и это доказать логически. Онъ дѣйствуетъ всегда искусственнымъ снарядомъ, *силлогизмами*, а строитъ ихъ, какъ вздумаетъ. Такъ, напр. г. Чичерину, безспорно обладающему высшимъ діалектическимъ даромъ, вздумалось посмотрѣть на старый бытъ съ Петровскихъ высотъ и преломить его подъ извѣстнымъ угломъ, и вотъ онъ выдѣлываетъ силлогизмъ: « всякій человѣческій бытъ, не имѣющій видимыхъ, опредѣленныхъ признаковъ государства, установленнаго при Петрѣ I, есть недостаточный, негосударственный и достоинъ цѣлостнаго разрушенія и обличенія; а такъ какъ старая Русь діаметрально противоположна была этому государству, то она объявлена въ всѣхъ своихъ состояніяхъ ничтожною, чистымъ логическимъ отрицаніемъ положительнаго вѣка ». Кажется, я вѣрно подмѣтилъ скрытый процессъ мышленія, который происходилъ въ умѣ г. Чичерина.

И въ самомъ дѣлѣ, *положительныхъ* сторонъ въ жизни стараго государства вовсе не видно; а человѣкъ всегда живетъ положительно, не отрицательно, т. е., его жизнь слагается изъ извѣстныхъ вѣрованій, убѣжденій, обычаевъ, правовъ, правилъ, законовъ, однимъ словомъ, имѣетъ свою *физіологію*. Даже у преступника есть своя положительная физіологія, по которой еще можно распознать въ немъ человѣческій образъ: преступленіе и въ отношеніи къ нему все таки составляетъ аномалію, а не норму; въ противномъ случаѣ надобно или исключить его, какъ дикаго звѣря, изъ общества людей, или объявить его сумасшедшимъ. И такъ надлежало бы выдвинуть на первый планъ *положительную сторону* Русской исторіи, показать свѣтлый типъ стараго вѣка, его вѣрованія, сердечныя движенія, общественныя и частныя дѣйствія, даже внѣшнюю его форму, въ которой также отражалась его физіологія. Въ исторіи государственныхъ областныхъ учрежденій, надлежало бы историку предста-

вить процессъ органическаго ихъ происхожденія, возрастанія, крѣпости и наконецъ дряхлости. Не съ неба же онѣ упали на Русскую землю и задавили весь народъ, а истекли изъ духа народнаго, изъ его потребностей, изъ общихъ и мѣстныхъ условій его быта; слѣдовательно въ свою пору эти учрежденія были органическія явленія, имѣли свою крѣпость, красоту, полноту, овальность. Иначе, Россія представляется какою-то плодородною женщиною, которая непрестанно, даже до истеченія законнаго срока, разрѣшается отъ бремени, но не человѣческими лицами, а уродами.

И какъ легко, сподручно для г. Чичерина было бы начертать подобную картину! Мы всѣ возрадовались бы радостію великою, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ нашими предками и обмѣнявшись взаимно привѣтливою рѣчью,—и поблагодарили бы его отъ всей души за такое сердечное свиданіе, которое онъ намъ устроилъ. А теперь мы пробѣгаемъ эту картину, не останавливаясь нигдѣ по мрачности красокъ, да и художника вызываемъ на судъ и подвергаемъ неумолимой критикѣ, обвиняя его въ несоблюденіи главнаго закона искусствъ: распредѣленія предметовъ (*prospectus historicus*). На картинѣ историческаго характера одинѣ тѣни; не видать ни лицъ, ни мѣстъ, ни происшествій: художники называютъ это существеннымъ недостаткомъ.

Намъ скажутъ въ оправданіе свое: *переходныя эпохи* въ исторіи человѣческихъ обществъ всегда имѣютъ темную форму, а г. Чичеринъ разсматриваетъ Россію именно въ моментѣ перехода отъ негосударственнаго состоянія въ государственное. Я согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, но не совсѣмъ. Переходныя эпохи, какъ самое слово показываетъ, имѣютъ кратковременное существованіе, а не вѣковое; обыкновенно онѣ занимаютъ мѣсто на окраинахъ стараго быта, на границахъ его; правда, онѣ стоятъ въ отрицательномъ отношеніи къ положительному, теперь разрушенному быту, но не въ цѣлостномъ, иначе движеніе эпохи невозможно. Отрицаніе безъ положенія немыслимо и по логическимъ законамъ. Въ суммѣ человѣческихъ дѣяній, изъ коихъ слагается исторія народа въ данную эпоху, отрицательныя числа къ положительнымъ относятся, какъ меньшинство къ большинству, какъ 1 къ 20, или другой неопредѣленной величинѣ. А у насъ въ Россіи—переходная эпоха продолжалась 500, 600, 700, и даже болѣе лѣтъ, да едва ли она окончена и теперь. Куда идемъ мы и откуда, по какой дорогѣ и съ какими средствами? Кто намъ укажетъ путь надлежащій въ этой долинѣ, не обозначенной ника-

кимъ слѣдомъ человѣческимъ? Если бы кто нибудь со стороны посмотрѣлъ на насъ, бѣдныхъ путниковъ, совершающихъ такой странный переходъ, то едва ли оказалъ бы намъ какую-нибудь помощь, какое-нибудь сочувствіе.

Когда встрѣчается намъ *таборъ*, раскидывающій шатры свои, гдѣ привелось, то мы не останавливаемся на немъ съ нравственнымъ интересомъ и не указываемъ ему дороги ни въ Кіевъ, ни въ Іерусалимъ, что дѣлаемъ всякому благочестивому страннику. Слава Богу, что нашъ таборъ не проходилъ въ этомъ великолѣпномъ составѣ чрезъ чужія государства, особенно западныя, а кочевалъ по своимъ краямъ, не на глазахъ другихъ: въ противномъ случаѣ, наши западные сосѣди отыскали бы много комическаго въ этомъ ходу, и тѣмъ причинили бы нашему чувству величайшее огорченіе. Полагаю, намъ было тогда не до смѣху. И за какіе проступки осуждены мы на этотъ тяжелый переходъ? *Евреи*, за всѣ свои вѣроломства противъ Іеговы, наказаны были сороколѣтнимъ странствованіемъ по пустынѣ и потомъ введены были въ *обѣтованную землю*, а мы, неизмѣнно православный народъ, до своей обѣтованной земли, до *государства*, должны были итти нѣсколько вѣковъ...

И всѣ эти бѣды, со всѣми ихъ драматическими и комическими обстановками, были не дѣйствительныя, а воображаемыя, *методическія*.

Методъ въ наукахъ историческихъ главная вещь, опять повторяю свою мысль. Отъ правильности его зависитъ вѣрность историческаго взгляда. Въ отрицательномъ воззрѣніи г. Чичерина заключается великій методическій недостатокъ. Чтобы доказать это положеніе убѣдительнѣйшимъ образомъ, мы сдѣлаемъ пробу на исторіи народа, просвѣтленной высшимъ сціентифическимъ пониманіемъ; я говорю объ *исторіи Римскаго государства*. Діалектическій снарядъ, которымъ такъ чудно дѣйствуетъ г. Чичеринъ и возвѣщаетъ намъ такія дивныя видѣнія въ Старой Руси, уставимъ на почвѣ *Римской Имперіи* и станемъ наблюдать надъ *Республикой*, выберемъ пунктъ самый возвышенный и отдаленный отъ республики, на пр. времена императора *Діоклитіана*. Римляне долго тосковали о своей республикѣ, долго удерживали отживающія ея формы, такъ что три вѣка, по Хр. лѣтосчисленію, имперія существовала подъ формами республиканскими; новымъ зодчимъ, строителемъ является императоръ Діоклитіанъ. Въ этомъ историческомъ значеніи его фигура

подобна нашему Петру Великому, но судьба ихъ безконечно различна. Посмотримъ, какія явленія откроетъ намъ рефракторъ.

Напередъ я долженъ сказать, что мы укрѣпляемъ нашъ наблюдательный инструментъ на мѣстѣ, слишкомъ неудобномъ для наблюденія. Но въ пробахъ всегда такъ поступаютъ; а мы испытываемъ только методъ.

Россія, съ императорскимъ самодержавіемъ, какъ бы съ своимъ священнымъ талисманомъ, выступила на новое, широкое, европейское поле дѣятельности, пришла въ мѣру возраста зрѣлаго, и свободно, органически развивается по всѣмъ направленіямъ, достигая ей назначеннаго свыше предопредѣленія. *Римъ* во время имперіи видимо дряхлѣетъ и быстро несется къ роковой своей могилѣ. Между *формами политическими* античнаго міра и новаго есть одно замѣчательное различіе. Формы Христіанскаго міра не имѣютъ механической опредѣленности, способны къ безпредѣльному органическому измѣненію, обновленію, и народы, живущіе подъ этими смѣняющимися формами, состоятъ въ живомъ прогрессѣ, укрѣпляются, возрастаютъ. Въ нихъ нѣтъ мѣры, вѣса, конечности, нѣтъ опредѣленнаго, какъ бы матеріальнаго содержанія, которое отъ времени могло бы совершенно истратиться, изчезнуть, а вмѣстѣ съ ними и народъ. Я не говорю о *протестантскихъ народахъ*; но посмотрите на исторію *католическихъ* государствъ, надъ которыми тяжелѣютъ какія-то типическія, весьма угловатыя формы, безъ сомнѣнія, античнаго происхожденія. Правда, скорыхъ обновленій здѣсь нельзя ожидать, по священной непреложности формъ; поэтому прогрессъ совершается здѣсь весьма медленно. Должна наконецъ произойти *секуляризація* во всемъ государственномъ и частномъ организмѣ, а это безъ революціи едва ли возможно. Но *Франція* совершила эту *кесарскую* операцію и вышла въ новую чреду историческаго бытія побѣдоносно и величественно. Мнѣ кажется, придетъ эпоха подобнаго обновленія и для Испаніи, Италіи и даже для самаго Папскаго государства. Признаки разложенія слишкомъ ярко отражаются на горизонтѣ этихъ земель. Другая физіологія античныхъ формъ: въ нихъ есть что-то конечное, вѣсомое, упругое, опредѣленное, при всемъ широкомъ и органическомъ ихъ развитіи; отъ долгаго употребленія въ жизни онѣ какъ будто совсѣмъ истрачиваются, съѣдаются народомъ и не способны къ воспроизведенію другихъ органическихъ формъ. Такимъ образомъ, народъ вмѣстѣ съ типическою формою—собственнымъ сво-

нимъ произведеніемъ идетъ къ паденію, разлагается во всемъ своемъ составѣ и наконецъ вовсе изчезаетъ изъ семьи человѣчества. Такъ случилось съ греческимъ міромъ, тоже повторилось съ *римскимъ*. Римъ зналъ одну типическую форму, развивалъ ее до послѣднихъ предѣловъ, любовался ею, какъ единородимымъ и красивымъ своимъ дѣтищемъ, хранилъ ее, какъ священный завѣтъ, и потомъ, когда пришла роковая череда смѣны, онъ не понималъ окружающаго новаго быта, жилъ и думалъ по прежнему, и въ этомъ сладостномъ очарованіи умеръ. Этотъ свѣтлый типъ Рима — *Республика*. Другаго типа Римъ не могъ уже произвести. Такимъ образомъ *Имперія античная* (языческая) не есть самостоятельная, своеобразная форма; напротивъ—во всемъ своемъ составѣ, физіологическомъ и юридическомъ, она есть снимокъ съ республики, *копія*. Римскій Императоръ есть верховный чрезвычайный сановникъ (Magistratus extraordinarius); власть его исходила отъ народа, при посредствѣ Сената, и имѣла опредѣленное содержаніе (lex de imperio); свойство оной—свѣтское, юридическое, подвижное, выборное, наслѣдственное, — однимъ словомъ—чисто республиканская магистратура. Это не *Каноническій Государь*, какимъ былъ Византійскій и Римско Германскій Императоръ, вышедшій изъ круга земныхъ, человѣческихъ отношеній, Боговѣнчанный и превознесенный, Помазанникъ Божій, внѣ человѣческаго суда.

Но копіи, при своемъ разнообразіи, не могутъ долго хранить типа; въ нихъ онъ сглаживается, обезображивается. Такимъ образомъ имперія первыхъ вѣковъ непрестанно уклоняется отъ своего республиканскаго типа, непрерывно разлагается, и вотъ на всей ея поверхности показываются мрачныя явленія. Это уже не переходная эпоха, какъ у новыхъ народовъ, но послѣдній болѣзненный моментъ историческаго бытія Рима. Пришла наконецъ кончина этому долголѣтнему, грозному старику. Уже небесныя знаменія возвѣстили о приближеніи смертнаго часа и зарожденіи другаго міра, но народъ языческій протолковалъ ихъ по своему. Первые, которые почуяли это, были *варвары*, давно стоящіе около военной цѣпи римской и ожидающіе смѣны владѣльца. Подобно гробовщикамъ, они дѣлаютъ позорный торгъ и уговариваются между собой, кому совершить погребальную церемонію надъ этимъ безродимымъ старикомъ и какъ раздѣлить его необъятныя имѣнія. По временамъ, они даже вторгаются за цѣпь, во дворъ великаго владыки, дабы освѣдомиться, живъ ли онъ. Но

вѣрные служители непрестанно разгоняютъ эту стаю зловѣщихъ птицъ, и на время отсрочиваютъ день его смерти. Да, въ этой кончинѣ, въ этой торговой сдѣлкѣ—есть высочайшій драматическій интересъ! На монументѣ Рима нельзя сдѣлать подобной надписи: *жилъ, жилъ, да и умеръ*, которая очень кстати идетъ ко многимъ народамъ и отдѣльнымъ лицамъ. На такой-то низменной, зыбучей, грязной почвѣ мы рѣшились утвердить нашъ наблюдательный инструментъ. Признаюсь, здѣсь я слишкомъ много уступилъ г. Чичерину, и вовсе не подумалъ о своихъ разсчетахъ. Но дѣло касается науки, гдѣ личные интересы не имѣютъ никакого мѣста.

Представимъ себя на мѣстѣ Римлянина, живущаго во времена Діоклитіана, раньше или позже, все для насъ равно, который свыкся всей душей съ тогдашнимъ порядкомъ, убѣжденъ въ превосходствѣ формы правленія, стоитъ высоко на лѣствицѣ гражданскаго чиноначалія, отличенъ императорскимъ довѣріемъ и пользуется всякимъ благополучіемъ. Въ этомъ обаятельномъ настроеніи, въ часы досуга, а Римляне литературой занимались всегда *ex otio*—онъ хочетъ провѣрить исторію своего государства, подвергнуть критическому взгляду республику, отъ которой хранилось еще магическое преданіе, и сравнить ее съ Имперіею. Въ его критическомъ актѣ—есть что-то недоброе для республики; но методъ не преломляетъ этихъ затаенныхъ думъ.

И такъ новый римскій гражданинъ, императорскій сторонникъ, съ свиткомъ въ рукахъ, въ которомъ начертанъ Уставъ новаго государства, приступаетъ къ критическому анализу республики, уставляетъ противъ нея свой искуственный снарядъ, и своему ученому кліенту (кліенты—отпущенники играютъ великую роль въ литературѣ Рима; безъ нихъ, кажется, она не имѣла бы такихъ блестящихъ формъ) повелѣваетъ наблюдать за такими явленіями, которыя составляютъ необходимое условіе Имперіи, жизненную ея силу и существо, то, что обозначено въ свиткѣ. И вотъ, изъ республики Римской поднимаются самые темные образы, уродливыя фигуры, сгущаясь все болѣе и болѣе, онѣ наконецъ воспринимаютъ одну цѣльную, но безобразную физіономію, видѣніемъ которой сердечно наслаждается наблюдатель. На первый разъ—читатель съ трудомъ повѣритъ, чтобы можно было изъ Римской республики сдѣлать чудовище, тогда какъ она была органическою, свѣжею формою всего народнаго быта. Но пусть вспомнитъ благосклонный читатель, что мы производимъ

надъ исторіею діалектическіе опыты, гдѣ можемъ хозяйничать съ неограниченнымъ произволомъ. По призванію моему, мнѣ бы не слѣдовало совершать такую тяжелую операцію надъ Римомъ; пусть рѣжетъ его, кто хочетъ; но ради стариковъ нашихъ, которыхъ люблю до страсти, готовъ охотно подвергнуть на минуту свѣтлое лицо республики уродливому оттиску. Мы преломимъ республику въ самыхъ яркихъ и существенныхъ явленіяхъ.

1. *Верховная Власть* принадлежала *народу* (Res publica—сокращенно Respublica). Въ благоустроенныхъ государствахъ бываетъ всегда одинъ народъ; а въ Римѣ три: *куріальный*, *центуріальный* и *трибутный*. Каждый народъ идетъ въ свои народныя собранія; а собранія сдѣлались наконецъ другъ отъ друга независимы. Изъ трехъ народовъ — самый неугомонный и буйный былъ *плебейскій* — по трибамъ; всѣхъ дѣяній его и разсказать нельзя: 500 лѣтъ безъ умолку онъ кричалъ на весь міръ, требовалъ всего и, все получивши, не успокоился, но предался демагогическимъ движеніямъ. Три раза, какъ цыганскій таборъ, онъ снимался съ мѣстъ своего жительства, и уходилъ на священную гору, съ намѣреніемъ основать здѣсь свое собственное государство. Едва-едва жрецы и сенаторы, выступившіе къ нимъ во всей религіозной церемоніи, уговорили ихъ возвратиться назадъ и подъ клятвою обѣщались ихъ никогда не притѣснять. Весь народъ римскій былъ настоящая вольница; *тягла* не тянетъ, и послѣ Македонскихъ войнъ, не платитъ ни поземельной, ни подушной подати, кромѣ цензса; до *государственной службы* чрезвычайный охотникъ: различными законами онъ добился до того, что всѣ почести, власти и управленія доступны, по выборамъ, всѣмъ и каждому, безъ различія. И такъ всякая дрянь (прости, Господи, мое согрѣшеніе!) могла засѣдать на курульныхъ креслахъ и управлять самодержавно цѣлымъ свѣтомъ. Мало этого: до римскаго разгульнаго народа никакая власть не можетъ дотронуться; тѣло римскаго гражданина, вслѣдствіе *Порціевыхъ* законовъ, объявлено неприкосновеннымъ; а самъ народъ изрекаетъ уголовный судъ надъ всѣми земными властями и судитъ безъ всякаго милосердія. Особенно послѣ *Гортензіева* закона — трибутныя собранія сдѣлались чистымъ вулканомъ, откуда изверженія непрерывно падали на всѣ государственныя зданія и потрясли ихъ въ основаніи. А каковы были *пролетаріи* Римскіе, разросшіеся въ такомъ необычномъ количествѣ? Имъ все давали даромъ: и хлѣбъ, и соль; и ничѣмъ они не были довольны. Наконецъ

придумано правительствомъ перерѣзать одну часть, а другую разослать по дальнимъ колоніямъ, что и привело къ окончательному успокоенію.

2. Во главѣ управленія стояли *Сановники* (Magistratus); государи, Великіе князья Римской республики. Ихъ было не одинъ, и не два, какъ бы слѣдовало въ благоустроенномъ обществѣ, а 20, 30—цѣлый *Синклитъ*. Какъ они управляли государствомъ? И теперь, при прагматическомъ состояніи римской литературы, весьма затруднительно понять это дивное устройство республиканской машины. Гдѣ она заказана, кто ея мастеръ, какъ ее заводить, во сколько она силъ, когда надобно прибавлять, или убавлять ихъ,—все это осталось тайною, которая и умерла съ народомъ. Бойкіе Французы вздумали было приложить эту машину къ новымъ состояніямъ, которыя вслѣдствіе революціи пришли у нихъ въ безпорядокъ; но, увидавши, что она дѣйствуетъ чрезвычайно разрушительно для народа, и не безопасно для сосѣдей, принуждены были бросить ее окончательно. А по сей причинѣ она намъ не годится, и мы ее даромъ не возьмемъ. Но дивная была эта машина, какъ видно изъ славныхъ дѣйствій народа. Главное ея достоинство — *самокать*. По видимому, сановникамъ опредѣлены области управленія: консулы завѣдываютъ одними дѣлами, преторы другими, цензоры — своимъ многосложнымъ цензомъ, а плебейскіе трибуны сосредоточены въ своихъ трибахъ. Но области эти не размежеваны, и каждый, по праву *вмѣшательства* (jus intercedendi—veto) можетъ хозяйничать въ чужомъ министерствѣ. При каждой отдѣльной магистратурѣ приставлены по нѣскольку личныхъ органовъ—равныхъ одинъ другому и неограниченныхъ: консуловъ 2, цензоровъ 5; плебейскихъ трибуновъ 10. Для каждаго государственнаго дѣла требовалось, чтобы всѣ товарищи были единогласны; а всегда ли это возможно? Отсюда и выходило искусственное—странное для насъ, очередное управленіе, по днямъ, недѣлямъ и мѣсяцамъ: сегодня неограниченно владычествуетъ одинъ консулъ, а товарищъ отдыхаетъ дома, какъ частный человѣкъ (sine fascibus), завтра другой, и такъ идетъ управленіе по очереди. Даже на войнѣ—въ одинъ день главнокомандующимъ одинъ консулъ, въ другой день—товарищъ его. Извѣстно всѣмъ личное отношеніе между Фабіемъ *Кунктатором*ъ (медлителемъ) и его товарищемъ во время Карѳагенской войны. Въ сонмѣ римскихъ властителей слишкомъ рельёфно выдаются двѣ фигуры: *плебейскихъ трибуновъ* и *цензоровъ*.

Плебейскій трибунъ—юридически говоря—и даже не сановникъ: у

него нѣтъ ни власти верховной (imperium), ни ликторовъ—вѣстниковъ той власти, онъ дѣйствуетъ посредствомъ *хожалыхъ* (Viatores); нѣтъ у него ни курульнаго кресла, ни пурпуровой тоги, чѣмъ отличался выходъ республиканскаго правителя на должность свою: ходилъ онъ, по нашему понятію, въ крестьянскомъ кафтанѣ, а должность свою исправлялъ стоя. И выбирался онъ въ эту должность, безъ всякой почти религіозной церемоніи, при малыхъ авспиціяхъ—*по цыпленку* (per pullum). Если приравнять его къ нашему русскому спикеру, то онъ будетъ походить болѣе на волостнаго, или, много сказать, градскаго главу, а не на министра. А между тѣмъ этотъ голова гражданскаго римскаго общества, по неприкосновенности своей особы (persona sacrosancta), отворяетъ дерзновенною рукой всѣ двери государства, входитъ въ сенатъ, центуріи, куріи, свои трибы,—и уничтожаетъ всѣ думы, всѣ планы правительства однимъ своимъ словомъ: Veto. Изъ дома своего, гдѣ онъ обитаетъ, сдѣлалъ онъ всеобщій притонъ (auxilium), куда стекаются всѣ челобитчики съ жалобами на несправедливости человѣческія и получаютъ немедленное удовлетвореніе. Домъ этотъ открытъ день и ночь, и не пользуется даже обыкновенною священною неприкосновенностію; изъ него онъ не можетъ удалиться на долгое время, напр. на ночь. Этотъ плебейскій трибунъ могъ безнаказанно заковать и засадить въ темницу консуловъ, цензоровъ; противъ его власти нѣтъ никакой государственной силы: ибо онъ безотвѣтственъ, неподсуденъ и по сложеніи должности. Оставалось одно средство у сената — провозгласить его врагомъ отечества (Sacer esto)—и тогда всякой могъ его убить безнаказанно. Этимъ средствомъ сенатъ часто пользовался. Но это—не цѣлая физіономія его: пусть былъ бы одинъ плебейскій трибунъ въ Римѣ—съ такою необъятною властію: это мы могли бы понять, хотя не безъ труда. Но ихъ было 10 человѣкъ,—и всѣ вмѣстѣ, и порознь—съ одинаковыми правами, одинъ противодѣйствуя другому. Вотъ здѣсь заключается, въ самомъ дѣлѣ, непонятная тайна учрежденія.

4. Другую странную государственую фигуру представлятъ *цензоръ Римскій*. По внѣшнимъ признакамъ, у него не было вовсе никакой политической власти, нѣтъ ни ликторовъ, ни хожалыхъ, ни судилища; въ его домовой канцеляріи работали одни письмоводители, какъ въ какой нибудь *конторѣ купеческой*. Но какой безпредѣльный, деспотическій размѣръ получила эта магистратура! Приблизительно, она отчасти походила на *Церковно-Вселенскую* власть, образовав-

шуюся въ Христіанской іерархіи, но съ особеннымъ, языческимъ, республиканскимъ отливомъ. По страшному своему, едва мыслимому могуществу, цензорская магистратура передаваема была только такимъ лицамъ, которыя прошли всю лѣствицу республиканскихъ чиновъ, которыя были уже консулами. Въ чемъ же заключалось это чудовищное могущество? Цензоръ Римскій есть воплощенная, личная кротость и благочестіе; это государственный *аскетъ;* онъ сидитъ по большей части дома; на его смиренномъ, отшельническомъ столѣ лежитъ списокъ всѣхъ римскихъ гражданъ, гдѣ значится имущество ихъ, семейство, возрастъ, полъ, званіе: значитъ, что-то въ родѣ нашихъ *метрическихъ книгъ* (tabulæ Censoriæ). Въ таблицахъ этихъ есть особая *графа,* къ которой онъ противъ каждаго гражданина дѣлаетъ свою *инспекторскую* отмѣтку, по крайнему своему разумѣнію, никому не давая въ томъ отчета (nota Censoria). Если онъ вздумаетъ противъ кого поставить значекъ, какой формы, неизвѣстно (macula),—это почиталось божіею карою, опалою. Выше этой кары ничего не было, да и не могло быть. Цензоръ отнялъ *честь* у гражданина, а безъ чести въ республикѣ жить нельзя. Вслѣдствіе такого клейма, происходитъ ужасное пораженіе всей величавой личности гражданина. Сенаторы выгоняются изъ сената, всадники снимаются съ кавалерійскаго коня, народъ теряетъ право голоса въ своихъ собраніяхъ и всякую надежду на выборы. Это выше, грознѣе политической смерти; ибо человѣкъ остается живъ и здоровъ, и въ томъ же обществѣ, но безъ всякой чести. Движенія цензорскаго самовластія безпримѣрны: его суду подлежитъ все, даже такія потаенныя сферы, куда уже политическая и вообще человѣческая власть не проникаетъ; онъ судитъ семейственныя отношенія, родителей съ дѣтьми, мужа съ женой, опекуна съ малодѣтнымъ, проникаетъ даже въ господскую власть и охраняетъ безличнаго раба. Мало этого: онъ казнитъ человѣческія мысли, убѣжденія, религіозныя вѣрованія, не перешедшія въ дѣйствія; онъ слѣдитъ за нравами, не уклонились ли они отъ древняго, суроваго типа; разбираетъ человѣческую одежду, пищу, питье, образъ жизни домашней, не слишкомъ ли онѣ удобны, роскошны. Но всего объема этого института опредѣлить невозможно. Ни древній, ни новый міръ не могъ ничего подобнаго придумать, что хотя отчасти приближалось бы къ этому идеалу человѣческаго *деспотизма.* Вотъ какова была Римская республика, съ своимъ грозн-

нымъ инспекторомъ; а мы съ именемъ ея привыкли соединять понятіе о какой-то вольной жизни!

5. *Сенатъ.* Предъ нами открывается Римская *боярская дума*, составленная изъ всѣхъ знаменитыхъ личностей, изъ всѣхъ неслужащихъ и служащихъ сановниковъ,—олицетворный умъ народа, воплощенная политическая идея, хранитель республиканскихъ учрежденій, верховный опекунъ народа. Когда вводили иностранныхъ пословъ въ эту думу, то предъ ихъ мутными глазами представлялся какой-то сонмъ царей—Олимпъ земныхъ боговъ-властителей. Но *Югурта*, имѣвшій съ нимъ позорныя сдѣлки по своему дѣлу, высказалъ другое мнѣніе, болѣе справедливое: *О! продажный городъ! Если бы я тебя зналъ немного пораньше....* И въ самомъ дѣлѣ—въ исторіи сената есть сторона, оскорбляющая глубоко всякое нравственное чувство. Сенатъ римскій былъ одинъ изъ величайшихъ крамольниковъ въ свѣтѣ. Онъ вѣчно клялся, и всегда былъ клятвопреступникъ. Сколько разъ онъ клялся—и какою страшною клятвою—всѣми римскими богами, не притѣснять бѣдныхъ плебеевъ, и всегда былъ первый *думникъ*, придумывающій имъ какую-нибудь бѣду. Онъ непрестанно ссоритъ республиканскихъ правителей, консуловъ съ трибунами, трибуновъ съ цензоромъ, непрестанно старается поколебать дружественное отношеніе между товарищами; при неудачѣ своихъ крамольныхъ замысловъ, онъ грозитъ имъ назначеніемъ военнаго неограниченнаго *диктатора*; а Римъ трепеталъ отъ одного имени диктатора. Ему поручена была, по благородному довѣрію народа, республика (salus Reipublicæ), какъ завѣтъ священный, хранящійся въ ковчегѣ; а какъ онъ оправдалъ это довѣріе? Онъ продавалъ ее, какъ рыночный торговецъ, всякому покупателю, который предложитъ ему большую цѣну: сперва *Маріо* и *Цинну*; потомъ *Суллѣ*, за нимъ *Помпею*; потомъ тріумвирамъ военнымъ, и оставшемуся изъ нихъ единоправителю *Кесарю*. Наконецъ — заключилъ онъ свои торговыя операціи однимъ безпримѣрнымъ актомъ: онъ подноситъ Августу, отъ имени народа, на золотыхъ блюдахъ, брилліантами усѣянныхъ, разложенныя отдѣльно, всѣ регаліи республики, всѣ верховныя права и титулы сановниковъ, и этотъ трагическій актъ, какъ бы для большаго эффекта, демонскою силою придуманнаго, раздѣляетъ на нѣсколько пріемовъ, по очереди совершая эту многосложную передачу.

6. *Сословіе Всадниковъ* (ordo Equestris). Изъ кавалерійской, благородной службы, которую несли всѣ аристократическіе, знатные

роды, образовалась какая-то чудовищная — *денежная аристократія*, воплощенная въ политическомъ сословіи. Составъ этого сословія чрезвычайно разнообразный; элементы враждебные, противоположные. Это были всемірные откупщики —мытари древніе, жиды, банкиры государственные, кредиторы несостоятельной республики. Они брали на откупъ у правительства всѣ подати, всѣ оброки, всѣ домены, всѣ финансовыя статьи, которыхъ у него было несмѣтное число. Римъ былъ великолѣпнѣйшимъ барином, а боярство съ хозяйствомъ рѣдко уживаются, даже и въ наше время. Откупную сумму они должны были внести въ государственную казну заранѣе; а сборъ оной съ народа и провинцій совершали сами, посредствомъ прикащиковъ. Для такой непостижимой операціи они раздѣлялись на торговыя ватаги (Societates Publicanorum), и пользовались великими привилегіями. Вообще *въ денежной аристократіи*, не смягченной никакими общественными условіями, ни знатностію происхожденія, ни личною доблестію, есть что-то тяжелое, оскорбительное для человѣческаго чувства, особенно для бѣднаго; не безъ причины же такъ озлоблены противъ нея западные соціалисты. Но эта тяжесть чувства увеличивается до безконечности, когда видишь обладателя, стяжавшаго себѣ земныя сокровища способомъ безчестнымъ—воровствомъ, разграбленіемъ народа, а таковы были въ Римѣ всадники. Общей ихъ физіономіи я не могу представить, по отвратительности картины и по уваженію въ читателѣ нравственнаго чувства. Скажу только одну мысль: въ Римѣ называли это сословіе *ненавистнѣйшимъ* (ordo invidiosissimus), а въ *Евангеліи—мытари* стоятъ рядомъ *съ грѣшниками*.

7. *Судъ*. Гражданскими дѣлами завѣдывалъ *преторъ*, а уголовными—народныя собранія, центуріи и трибы. Можете себѣ представить уродливую физіономію народнаго судилища: на Марсовомъ полѣ весь народъ Римскій раскидывается какимъ-то дивнымъ шатромъ, распредѣленный по сотнямъ, классамъ, трибамъ. Около замкнутой цѣпи классныхъ цензитныхъ гражданъ—стоитъ пестрая, оборванная, неисчислимая толпа людей: это римскіе *пролетаріи*, ничего не имѣвшіе, а слѣдовательно исключенные изъ цензса. Одинъ сборъ голосовъ продолжался по нѣсколько дней. Предъ это верховное судилище должны были предстать всѣ земные властители, какъ подсудимые; простый, частный гражданинъ, по отдаленности своего положенія отъ театра политическихъ дѣйствій, рѣдко могъ подвергаться это-

му суду, какъ видимъ мы изъ существа республиканскихъ уголовныхъ преступленій. Начинается публичный обвинительный процессъ, обставленный адвокатами, ораторами, всѣми драматическими принадлежностями. Но возможно ли здѣсь правильное движеніе суда? Ни физически, ни юридически, вовсе невозможно. А между тѣмъ здѣсь изрекается уголовная кара: смерть естественная и политическая, ссылка, лишеніе чести, конфискація имѣнія, денежные штрафы, а иногда осужденіе самой памяти преступника (damnatio memoriæ). У этого судилища нѣтъ *кодекса*, которымъ бы онъ руководствовался въ этомъ высокомъ и труднѣйшемъ дѣлѣ: народъ былъ самъ законодатель. Естественно, что произволъ, страсти, крамолы, демагогическія и аристократическія партіи, несправедливости должны быть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого судилища: это была болѣе *неправда человѣческая*, облеченная въ форму суда, а не судъ, изрекающій правду (1).

8. *Отъѣзды.* На отъѣзды князей и бояръ Русскихъ мы смотримъ, какъ на безобразное, негосударственное явленіе въ нашей исторіи. Но оно вытекало съ послѣдовательностію изъ всѣхъ учрежденій тогдашняго быта: *вольному воля.* Но обратитесь къ Риму, вы увидите тамъ отъѣзды особеннаго свойства. Мало того, что всякій римскій гражданинъ состоитъ съ республикой въ какомъ-то свободномъ, личномъ, условномъ отношеніи, и можетъ изъ нея выходить, когда угодно. Но право на отъѣздъ имѣлъ даже *уголовный преступникъ*, злодѣй, измѣнникъ, грабитель государства. Когда онъ, по обвинительному публичному процессу, видитъ, что его виновность открыта, доказана, и достойна жестокаго наказанія: тогда онъ, не дожидаясь извѣстнаго ему приговора, объявляетъ предсѣдателю народнаго судилища (обыкновенно консулу), что ему въ этомъ государствѣ жить не угодно, а потому требуетъ отъ него паспорта на свободный отъѣздъ, да вѣроятно и казенныхъ прогоновъ. Это знаменитѣйшее въ древности *право убѣжища* (*Ius exulandi, asylus*). Значитъ, позволительно было дѣлать въ своемъ государствѣ всякое безчиніе и злодѣйство, повторять его въ другомъ государствѣ, и т. д., и все это совершать безнаказанно. Римъ въ договорахъ съ союзниками всегда опредѣлялъ и эту статью, взаимное право принятія и

(1) См. знаменитые уголовные процессы съ подсудимыми лицами. *Rein.* Criminal-Recht der Römer. Leipzig. 1844.

покровительства преступниковъ. Правда, и въ нѣкоторыхъ новыхъ государствахъ есть подобное правило; но оно предполагаетъ, со стороны преступника, тайный уходъ отъ мести государственной и относится только къ нѣкоторымъ преступленіямъ, которыя имѣютъ политическое, условное, измѣняемое свойство. Вѣроятно, знатные пришельцы въ Римѣ изъ чужихъ земель, на пр. *родъ Аппія Клавдія*, сдѣлали какое-нибудь преступленіе въ своемъ отечествѣ и укрылись отъ законной мести подъ покровительствомъ Рима.

9. *Управленіе областное.* Картина областнаго управленія въ Россіи, начертанная искусною рукою г. Чичерина, для эстетическаго наслажденія не совсѣмъ удобна: въ ней слишкомъ много рѣзкихъ и мрачныхъ фигуръ, да и въ обстановкѣ нѣтъ правильнаго размѣра. Намѣстники и воеводы, въ своихъ правительственныхъ движеніяхъ, не соблюдаютъ никакихъ законовъ, дѣйствуютъ по личному произволу, изъ государственной должности составляютъ какую-то доходную, оброчную статью, съ присоединеніемъ къ ней и другихъ незаконныхъ нарощеній. Но увеличивайте этотъ русскій типъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ воображенія, онъ все таки будетъ далекъ отъ дѣйствительнаго, нормальнаго состоянія, которое представляетъ намъ система *римскаго областнаго управленія*. Римская *провинція* была землею, отданною римскому проконсулу не въ *кормленіе*, а въ неограниченное распоряженіе, съ правомъ меча, не въ управленіе—политическое и хозяйственное, но въ совершенное разореніе. Такихъ всемірныхъ кормленщиковъ, каковы были Римляне, не возможно представить въ мысли, если бы не имѣли мы историческихъ свидѣтельствъ. При завоеваніи государства и приведеніи его въ провинціальное состояніе (forma regiminis, lex provincialis), въ Римѣ первенствующіе сановники—бывшіе консулы и преторы—дѣлаютъ торговую сдѣлку и мѣтаютъ жребій, кому она должна достаться въ годовое управленіе. Жребій выпалъ счастливцу. Съ великолѣпнымъ штабомъ, съ войсками, въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ выводимыми, по различію проконсульской или пропреторской системы управленія, этотъ намѣстникъ верховнаго народа, налегаетъ на провинцію, какъ тяжесть, какъ сила роковая, какъ разрушительная стихія, и достаточно было одного года, даже съ нѣкоторымъ вычетомъ, чтобы поколебать всѣ основанія земли, разорить весь прежній бытъ, опалить, изсушить всю влагу природы физической и нравственной, разлить по всѣмъ проводникамъ человѣческаго обще-

ства воинъ, унынiе, отчаянiе и безмятежную, тупую покорность. Обремененный въ Римѣ неоплатными долгами, этотъ банкротъ-проконсулъ въ одинъ годъ уплачиваетъ всѣ свои несчетные долги и привозитъ въ Римъ оставшiеся милiоны, для подкупа народа при новыхъ выборахъ, или при ожидаемомъ уголовномъ процессѣ.

Цицеронъ (1) сохранилъ намъ живый типъ римскаго правителя въ лицѣ *Верреса:* ему мало было обыкновенныхъ поборовъ съ богатѣйшей провинцiи *Сицилiи;* онъ обокралъ храмы, церковныя суммы, священные сосуды; онъ захватилъ, у кого могъ, лучшiе памятники греческаго искусства, картины и статуи, и съ этимъ позорнымъ достоянiемъ занялъ въ римскомъ обществѣ почетнѣйшее мѣсто, и дерзнулъ даже искать себѣ новыхъ должностей, пока не обличилъ его Цицеронъ. А *Юлiй Кесарь?* Но я желалъ бы пощадить эту величавую, античную личность для другихъ свѣтлыхъ типовъ римской исторiи.

10. *Драки.* Благородное, но слишкомъ женственное чувство нашихъ молодыхъ историковъ возмущается при описанiи *новгородскихъ* и *псковскихъ дракъ.* (Съ позволенiя ихъ, я присоединилъ здѣсь къ новгородскимъ и псковскiя драки, о которыхъ они вовсе не упоминаютъ: ибо если Новгородцы дрались на *Вѣчѣ,* то отъ чего же не подраться и Псковичамъ, при одинаковомъ общественномъ устройствѣ?) Я вовсе не защищаю дракъ; напротивъ утверждаю, что неблагопристойно притти на *Вѣче,* для рѣшенiя важныхъ государственныхъ дѣлъ, и учинить тамъ драку. Но что жъ прикажете дѣлать? Драки всегда и вездѣ происходили, гдѣ существовали народныя собранiя; слѣдовательно это необходимая ихъ принадлежность, и безъ нихъ народу обойтись нельзя. Новгородцы дрались въ старыя времена и на улицѣ, при томъ между собой, въ своей семьѣ; а семейныя ссоры не подлежатъ суду. Но припомните знаменитую въ своемъ родѣ, новѣйшую драку: *Сѣверо-Американцы* учинили ее на Сеймѣ, при зерцалѣ, въ присутствiи Президента, въ полномъ собранiи всѣхъ депутатовъ отъ всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь уже виденъ другой стиль, повыше нашего. *Римляне* своими драками извѣстны всѣму свѣту; первая, страстная, итальянская ихъ натура воспламенялась при малѣйшемъ поводѣ. Но виновны были въ этомъ часто *женщины:* оскорбленiя, нанесенныя ихъ личности какимъ-ни-

(1) Cic. Orationes in Verrem.

будь молодымъ аристократическимъ шалуномъ, онѣ заявляли народу на площади, и тогда все приходило въ бѣшенство, и сопровождалось даже разрушеніемъ государственнаго порядка: по такому поводу было уничтожено Царство, Децемвиратъ. Отъ непрерывнаго повторенія ихъ Римляне спасены были благодѣтельнѣйшимъ государственнымъ органомъ, плебейскимъ трибуномъ: онъ стоитъ посреди двухъ враждебныхъ народныхъ массъ и своею священною неприкосновенностію раздѣляетъ ихъ отъ всякаго физическаго соприкосновенія. Но и эта священная личность не всегда могла предупредить кровавый бой.

Я представлю на видъ одну римскую драку, единственную въ исторіи человѣчества. Первосвященникъ римскій, вселенскій святитель античнаго канона, *Сципіонъ Назика*, въ полномъ церковномъ облаченіи, подалъ народу роковой знакъ къ убійству Тиберія *Гракха*, самъ ринулся на него съ толпою и, по совершеніи такого святотатственнаго закланія, отправился торжественно въ Капитолійскій храмъ, принести богамъ, тамъ засѣдающимъ, благодарственное возліяніе. Въ исторіи Христіанскихъ государствъ не слышно, чтобы когда-нибудь дрались на смерть первенствующія духовныя лица; а у насъ на Руси, по благочестивому преданію, лица даже низшихъ церковныхъ степеней, своими руками не убиваютъ и домашней птицы, понимая свое высокое служеніе Безкровной Жертвѣ.

11. *Религія.* Отъ языческаго міра нельзя требовать *единобожія;* но опредѣленнаго, національнаго и неизмѣннаго *канона* всякой въ правѣ пожелать ему, во имя общечеловѣческаго родства съ нимъ: ибо отъ непреложности канона зависитъ твердое вѣрованіе въ народѣ и искреннее богопочтеніе. Римляне и съ этой статьей распорядились по своему; религію народную они разсматривали съ двухъ сторонъ: или, какъ предметъ добычи, и тогда объявляли ее на *военномъ положеніи;* или, какъ дипломатическій мировой актъ, и тогда ставили ее въ ряду римскаго иконостаса, смотря по чину народа. И вотъ открывается въ исторіи величественная картина: къ Риму, какъ центру всемірнаго тяготѣнія, потянули со всѣхъ концевъ антропоморфическіе боги, искать у него покровительства и занять приличное мѣсто во всеобщей ему службѣ, обѣщаясь служить вѣрою и правдою. На землѣ римской выстроены великолѣпные храмы и часовни, а въ нихъ—благочестивые древніе поклонники, воздающіе своимъ богамъ должный *культъ*. Чествовалъ ихъ каждый по своему, по своимъ обрядамъ; *литургіи* эти неописанно разнооб-

разны и уродливы. Но особенно изъ всѣхъ выдаются, своею яркостію, два культа: *Греческій* и *Египетскій*. Первый отличается необыкновенною красотою, изяществомъ формъ, разнообразіемъ, подвижностію и близостію къ человѣческой натурѣ. Человѣкъ для всѣхъ сторонъ своей жизни, для всѣхъ затаенныхъ сердечныхъ движеній, иногда и не совсѣмъ правильныхъ и чистыхъ, найдетъ въ немъ своего бога – покровителя, откроется ему на исповѣди въ своихъ страданіяхъ и получитъ чрезъ жрецевъ обѣщаніе въ утоленіи ихъ, если только онъ принесетъ ему достойную жертву; а жертвы были въ то время вещественныя. Понятно, что Римляне, наскучивши своими угрюмыми и неподвижными богами, стали ихъ по немногу забывать, чаще обращались къ греческимъ божествамъ, и наконецъ совершенно отпали отъ вѣры отцевъ своихъ, отъ православія каноническаго. Это уже *апостасія*, величайшій грѣхъ.

Египетскій культъ не можетъ итти въ сравненіе съ греческимъ, какъ и самый народъ. Но въ немъ преобладала какая-то чудовищная оболочка, подъ которою скрывались какія-то тайны, чудесныя откровенія. А человѣкъ, извѣстно, до открытія тайнъ страстный охотникъ: онъ готовъ нарушить святую заповѣдь, лишь бы немного приподнять завѣтное покрывало и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Опять понятно, что воображеніе Римлянъ стало по немногу раздражаться при видѣ уродливыхъ фигуръ египетской религіи; особенно женская натура не могла устоять противъ такого искушенія. И вотъ новая *апостасія;* перемѣна вѣры высшей на низшую, если только можно различать языческія вѣроисповѣданія по степенямъ. Понтифы и цензоры вздумали было противодѣйствовать такому наплыву иностранныхъ боговъ и по сенатскому указу нѣкоторыхъ гостей выпроводили за границу. Но Римъ былъ уже въ сердечныхъ съ ними сношеніяхъ, слѣдовательно тайныя связи неизбѣжны (1). Наконецъ, убѣдившись въ недѣйствительности всѣхъ правительственныхъ мѣръ, рѣшились выстроить небывалое въ мірѣ зданіе, въ которомъ и размѣщены были всѣ древніе боги по чинамъ. Таковъ былъ римскій *Пантеонъ*.

12. *Жизнь частная, домашняя.* Какъ въ формахъ жизни государственной была какая-то *мѣра*, предѣлъ, за которымъ республика не могла долго держаться, такъ точно и въ быту частномъ господство-

(1) Смотр. у Ливія судебное слѣдствіе de Bachanalibus. XXXIX, стр. 8—19.

валъ подобный типъ. Этотъ свѣтлый типъ, отличавшій народъ римскій отъ всѣхъ другихъ и давшій ему рѣшительный перевѣсъ предъ ними, въ нравственномъ и общественномъ отношеніи, сталъ сглаживаться и наконецъ совсѣмъ изчезъ. Въ процессѣ международнаго обобщенія, старые, строгіе нравы и обычаи уступили мѣсто новымъ; за побѣдами внѣшними невидимо шла, сопутствовала Риму нравственная неволя; Римъ очутился въ порабощеніи у своихъ военноплѣнниковъ, и воспріялъ отъ нихъ всю сумму зла, накопившуюся у нихъ отъ различныхъ причинъ и переданную сполна побѣдителю, въ знакъ благодарности. Старые люди чутьемъ поняли приближающуюся бѣду народу и громкимъ, трубнымъ голосомъ заявили это обществу. Въ лицѣ *цензоровъ* открылся всеобщій протестъ противъ новаго направленія. Много было сдѣлано, въ противодѣйствіе этому злу, много энергіи выказалось въ духѣ народномъ, много казней, запрещеній, ограниченій послѣдовало: но все было безполезно. Римъ великъ былъ въ подвигахъ; онъ борется съ внутреннимъ врагомъ, какъ будто съ внѣшнимъ, и здѣсь заключалась великая его ошибка. Потокъ развращенія разорвалъ всѣ плотины, устроенныя цензоромъ, и унесъ съ собой молодое поколѣніе. Всего явственнѣе эта нравственно-семейная сторона народной жизни высказывается въ *женщинѣ*. Какое удивительное различіе между женщиной старыхъ римскихъ временъ и новыхъ! Новая, молодая женщина оставила домашній очагъ, гдѣ такъ тепло было и ей, и всему семейству, и, выступивъ въ сферу публичную, приняла самое горячее, сердечное участіе въ разыгрывающейся драмѣ. Она расторгла всѣ связи, всѣ узы, которыми была до сихъ поръ сдержана; властительный бракъ (manus mariti) перемѣнила на свободный; отъ половой вѣчной опеки (tutela mulierum perpetua) высвободилась различными хитростями (1). *Разводъ* былъ неограниченъ и довелъ Римъ до дѣйствительной *полигаміи*, только въ преемственной смѣнѣ. Противъ замысловъ строгаго цензора женщины употребили силу: когда онъ шелъ въ сенатъ, онѣ обступили его со всѣхъ сторонъ, сперва умоляли, потомъ грозили, и наконецъ достигли того, что были сняты съ нихъ нѣкоторые ограничительные законы (2). На театрѣ пропешествій, гдѣ едва могъ устоять тогда и закаленный въ бою гражданинъ, явилась

(1) Tutela fiduciaria, cessionaria, coëmtio tutelae evitandae causa.

(2) Leges sumtuariae; особенно: (Oppia, Fannia, Didia, Aemilia cibaria, и др.)

и женщина, увидала всю жизнь, но съ мрачной стороны; посѣщала народныя собранія, уголовныя судилища, и притомъ не въ роли свидѣтельницы, участницы въ скорби несчастнаго, но въ качествѣ публичнаго *адвоката*. *Лѣтопись* отмѣтила, на позоръ всему потомству, имя какой-то безстыдной *Афраніи*, которая была публичнымъ адвокатомъ въ уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ; вѣроятно, какія-нибудь поразительныя выходки съ ея стороны вызвали въ 705 г. окончательное запрещеніе для женщины всѣхъ публичныхъ судебныхъ дѣйствій (1).

При всеобщемъ разложеніи стараго, добраго порядка, сдѣланъ былъ послѣдній *протестъ*, обращенный не къ суду тогдашняго времени, которому это дѣло и не подсудно уже было, но къ суду всемірной исторіи. Этотъ послѣдній голосъ въ пользу подсудимой нравственности подалъ старый *Катонъ*. Но въ какой безобразнѣйшей формѣ? Этотъ первенствующій сановникъ, старшина республиканскаго гражданскаго общества, ходитъ по вѣчному городу *босой*, въ *рубищѣ*, съ непокрытой головой, съ ясными на лицѣ знаками выдержаннаго страшнаго великаго поста, нравственнаго и физическаго; и въ такомъ отчаянномъ видѣ проръкаетъ близкую кончину республики. Идея высока, драматична: но обстановка театральная противъ правилъ древняго искусства; притомъ, идея слишкомъ заслонена, подавлена формою, которая раздираетъ всю душу зрителя. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, это *Юродивый* античнаго, великолѣпнаго Рима, выставленный на позоръ и насмѣшку уличныхъ мальчишекъ?

Но довольно этихъ оттисковъ. Чувство зрителя и машиниста утомлено и начинаетъ страдать. Прошу читателя не забыть, что я совершилъ эту операцію по неволѣ, по принужденію. Я люблю Римъ во всѣхъ его историческихъ состояніяхъ: ибо прихожусь ему въ нѣкоторомъ родствѣ, по *ученому усыновленію*. Но ради старинъ нашихъ Русскихъ, которымъ я близкій родственникъ *по крови*, рѣшился на такой тяжелый подвигъ. Кровное родство всегда сильнѣе разсудочнаго!

Оттиски эти вѣрны и согласны съ историческими свидѣтельствами. Я на пробу сдѣлалъ ихъ немного, съ тою цѣлію, чтобы доказать достоинство нашей методической машины и способность ея къ воспроизведенію такихъ фигуръ въ безконечномъ количествѣ. Здѣсь мы

(1) Въ источникахъ сказано просто: propter impudititiam ejus.

смотримъ на республику съ одной *отрицательной* стороны. Припомните, что мы оставили при наблюдательномъ снарядѣ чиновника римской имперіи, со свиткомъ въ рукахъ, который съ иронією и самодовольствіемъ разсматриваетъ старый порядокъ съ своей точки зрѣнія. При всей противоположности нашего внутренняго убѣжденія, мы должны однакожъ согласиться съ нимъ и произнести надъ республикой судъ, весьма неблагопріятный для нея. Подъ такимъ угломъ, какъ имперія, она представляется міровымъ чудовищемъ, при которомъ древнее человѣчество не могло жить. И такъ *Маріи* и *Суллы*, *Помпеи* и *Кесари*, *Антоніи* и *Октавіи*, съ этой точки зрѣнія, являются истинными благодѣтелями рода человѣческаго, потому что они прекратили существованіе этого всепоглощающаго чудовища. Они имѣли даже благословеніе того же Юпитера (1), который поставилъ на царство Ромула, надъ республикой двухъ консуловъ, вырѣзать все буйное народонаселеніе Италіи, отдать богатѣйшіе муниципальные города вѣрнымъ своимъ сподвижникамъ—солдатамъ и, устроивши около себя всемірную военную крѣпость, охраняемую ветеранами (Coloniæ Militares) (2), приступить, съ божіею помощію, къ закладкѣ новаго государственнаго зданія, съ новымъ размѣщеніемъ жильцовъ и подчиненіемъ ихъ одному хозяину. Республика пришла уже въ ветхость и походила на разсыпанную храмину, которую нужно было собрать воедино. Такимъ домостроителемъ, собирателемъ и зодчимъ является у Римлянъ *Императоръ*, у насъ въ Россіи Московскій *Государь*. Между тѣмъ и другимъ есть нѣкоторое соотношеніе, и даже сходство, впрочемъ болѣе внѣшнее, случайное, нежели дѣйствительное. Формы античнаго міра діаметрально противоположны формамъ новаго Христіанскаго міра. Мы знаемъ планъ римскаго строителя, труды его и заботы, неизбѣжныя при такомъ дѣлѣ, средства, которыя были у него подъ рукою, и размѣщеніе въ немъ всѣхъ обитателей всемірной имперіи.

Мы знаемъ судьбу этого человѣческаго зданія. При всѣхъ усп-

---

(1) Знаменитые 12 коршуновъ, augustum augurium—знаменіе, которое открылось Ромулу и повторилось Августу. Несчастному *Ремулу* показались только шесть коршуновъ.

(2) *Сулла* основалъ 45 военныхъ колоній, *Кесарь* 46, тріумвиры 34, *Августъ* 28 новыхъ, и нѣсколько возобновилъ старыхъ, которыя пришли въ опустѣніе. И всѣ эти военныя цѣпи протянуты были по одной Италіи. См *Becker*. Handbuch der Rom. Alterthümer III B. 1 Abtheilung.

ліяхъ, укрѣпленіяхъ, надзорѣ, оно никакъ не могло отвердѣть на зыбкой землѣ италійской, непрестанно колебалось и угрожало полнымъ разрушеніемъ, какъ бы отъ вулканическихъ дѣйствій причиняемомъ.

Эти подземныя потрясенія заставили *Діоклитіана* искать новаго мѣста въ *Африкѣ*, а Константина Великаго на *Востокѣ*. Но, пока оно держалось въ своемъ цѣломъ составѣ, пока продолжалось существованіе имперіи, при *отрицательномъ* направленіи метода, можно найти въ ней такія стороны, гдѣ превосходство новаго государства предъ старымъ покажется очевиднымъ. И такъ повторимъ нашъ опытъ надъ тѣми же явленіями и проведемъ параллельную линію по тому же направленію, между республикой и имперіей.

Въ имперіи все получило новый видъ, новый уставъ государственный; *народныя собранія* распущены, а верховныя права народа перешли къ императору; *республиканскіе сановники* превратились въ государственные чины и личныя достоинства (Dignitates), и размѣщены въ новой свѣтской іерархіи, по классамъ, окладамъ и мундирамъ (1); великимъ чиноначальникомъ, раздаятелемъ почестей и отличій былъ одинъ Государь; *сенатъ* сдѣлался обыкновеннымъ совѣтомъ, съ которымъ иногда угодно было Императорскому Величеству придти въ соприкосновеніе, предлагая ему для соображенія нѣкоторые свои планы, впрочемъ на безпрекословное утвержденіе (2); корыстолюбивые *всадники* прекратили свои государственныя операціи, при новомъ хозяйствѣ имперіи, и вступили въ новую придворную службу, составивши лейбъ-гвардію Императорской фамиліи (3); *судъ* получилъ новую организацію и вылился въ опредѣленную форму трехъ судебныхъ инстанцій; *отъѣзды* гражданъ сдѣлались невозможны, при существованіи римскаго государства по всему міру; *преступники* не могли избѣжать праведнаго наказанія; *провинціи* управляются императорскими чиновниками, получающими жалованье отъ правительства, и подъ строгою отвѣтственностію за злоупотребленія; отрѣзанныя прежде отъ Рима и разсматриваемыя какъ оброчныя статьи, онѣ теперь взошли въ составъ имперіи, и получили общія права гражданства римскаго. Однимъ словомъ, широкая, без-

(1) См. notitia dignitatum et administrationum in partibus Orientis et Occidentis. Edit. *Bocking* Bonn. I. II Tom.

(2) Senatus consulta ad orationes Principum.

(3) Преторіанцы римскіе.

брежная, волнующаяся жизнь народа Римскаго взошла въ свое русло и потекла тихимъ, мирнымъ потокомъ. Въ 727 г., 16-го Генваря, Августъ отпраздновалъ всеобщее замиреніе, *земскій миръ*, при великолѣпнѣйшей религіозной церемоніи. Молились всѣ отъ сердечнаго умиленія, каждый своимъ богамъ и по своимъ обрядамъ. Тогда же совершился надъ нимъ первый человѣческій *апотеозисъ*: лицо его внесено въ церковный Канонъ (наши святцы), и ему стали молиться, какъ главному богу, стоящему въ Олимпійскомъ сонмѣ рядомъ съ Юпитеромъ (1); именемъ его клялись, какъ величайшею святынею (2), статуи его стояли въ каждомъ дому между домашними богами, и оказывали чудесныя дѣйствія (3). Есть что-то грустное, трагическое, въ этомъ апотеозѣ! Чувствовалъ эту грусть и народъ Римскій, но не зналъ еще ясно, что она значитъ, и что предвѣщаетъ.

Но перенесемся мысленно отъ политической картины къ внутренней жизни тогдашняго человѣка—*религіозной* и *нравственной*. Здѣсь происходитъ невидимо величайшій переворотъ: древній человѣкъ облекается въ новаго, изъ язычника дѣлается Христіаниномъ. Такой переходъ не могъ совершиться органическимъ путемъ возраста; надобно было сбросить, оставить все прежнее существо, духъ и тѣло, и получить новое бытіе—по *благодати*. И вотъ на поверхности жизни показываются страшныя явленія: невѣріе и суевѣріе, тоска, неупокоеніе, самоубійство. Мы не дерзнемъ осуждать древняго человѣка въ его предсмертныхъ, мучительныхъ страданіяхъ; но благоговѣйною и радостною пѣснію прославимъ зародившагося, вмѣстѣ съ І. Христомъ, новаго человѣка, который постепенно воспитывается въ новыхъ правилахъ Христіанской Вѣры и нравственности; а Риму принесемъ благодарность, отъ имени всѣхъ Христіанскихъ народовъ, что онъ послужилъ орудіемъ Промысла. Единство Италіи и Провинцій приготовило единство Имперіи; а единство Имперіи укрѣпило единство Христіанскаго человѣчества.

Римскіе историки смотрѣли на *Имперію* всегда съ республиканской точки зрѣнія, уставивши свой наблюдательный инструментъ на почвѣ

(1) Imperatori, cum Augusti nomen accepit, tanquam praesenti et corporali *Deo* fidelis est praestanda devotio, et impendendus pervigil famulatus.

(2) Si sciens fallo fefelleroque, tum me liberosque meos Jupiter Optimus Maximus ac Divus Augustus ceterique omnes Dii immortales extorrem patria incolumitate fortunisque omnibus faxint. Orelli. Inscript. 3665.

(3) Hodie in multis domibus M. Antonini statuae consistunt inter Deos penates: nec defuerunt homines, qui somniis Eum multa praedixisse futura et vera concinuerunt. Capitol. in M. Avrel. 18.

родной, Италійской. Естественно, что эта великая Имперія казалась имъ безобразнѣйшимъ явленіемъ, которое было внѣ ихъ пониманія, и не возбуждало въ нихъ никакого нравственнаго сочувствія. Въ той мѣрѣ, какъ эта уродливая копія удалялась отъ своего свѣтлаго типа, на поверхности общественной и частной жизни показались удивительныя явленія, возмущающія всю душу зрителя, оскорбляющія все нравственное существо. Какая-то неизвѣстная, не разлагаемая сила погубила всю землю, разложила все человѣчество, убила свободное дыханіе живаго существа. Цвѣтущіе и многолюдные города разомъ опустѣли; народъ бросаетъ землю, домъ, и ищетъ, не зная гдѣ, себѣ убѣжища; по великой Имперіи протянуты военные корпуса, а на моряхъ ея стоятъ грозныя флотиліи. По видимому, все тихо, спокойно, въ порядкѣ, всё слилось въ одномъ верховномъ владыкѣ— Императорѣ, и по его мановенію движется государство, подобно *машинѣ*, однообразно устроенной для всѣхъ земель, по всѣмъ путямъ сообщенія. Машина эта совсѣмъ не то, что *самокатъ республиканскій*; она непрестанно останавливается въ своемъ ходу, починивается разными мастерами, незнающими своего дѣла, и требуетъ огромнѣйшихъ издержекъ для своего дѣйствія. Наконецъ вулканическимъ огнемъ была взорвана, и изъ разбросанныхъ ея облоковъ составились цѣльныя, огромнѣйшія новыя государства.

Кто этотъ всегубительный духъ, и какое онъ носитъ названіе?

Языческій умъ не могъ разрѣшить этого вопроса, и при всей своей аналитической и пластической способности, не умѣлъ пріискать ему настоящаго имени. А имя ему *І. Христосъ*! Понятно, что представители сознательной мысли —органы науки древней не могли разсмотрѣть надлежащимъ образомъ окружающаго ихъ міра, и объяснить правильное отношеніе причинъ къ явленіямъ. Но *наука новая* иначе смотритъ на римскую имперію, и сообщаетъ ей другую, лучшую физіономію. Но и у римскихъ историковъ былъ удивительный тактъ, которому поучиться и намъ не безполезно. Въ исторіи своего народа видятъ они только *свѣтлый образъ*, а тѣни идутъ по сторонамъ, для украшенія и полноты исторической картины. Даже въ отношеніи къ *имперіи*, они выдерживаютъ этотъ художественный *пошибъ*, щадя ее съ какою-то сыновнею любовію вездѣ, гдѣ только можно это сдѣлать, безъ явнаго нарушенія исторической правды. Одинъ *Тацитъ*—неподражаемый, единственный критикъ, какого могла произвести древняя историческая критика, неумолимъ къ имперіи. Но,

по моему мнѣнію, онъ имѣлъ личный процессъ съ несчастнѣйшимъ семействомъ Августа, преслѣдовалъ своею страстною, убійственною местію одинъ *династическій* интересъ, оставивши въ покоѣ родоначальника. Когда эта чудовищная фамилія вымерла съ послѣднею отраслію—*Нероном*ъ, и смѣнилась новою *Испанскою*—въ лицѣ *Веспасіана*, Тацитъ нравственно ожилъ, позабылъ свою месть, полюбилъ современное ему общество, и возрадовался, какъ истинный Римлянинъ, о приближеніи золотаго вѣка, возвѣщеннаго *Антонинами*.

Но мы слишкомъ долго остановились на анализѣ *Римскаго* быта. Основная мысль, которую я защищаю здѣсь, та, что методическіе пріемы чрезвычайно подвижны и условны, и что исторія государства можетъ представлять то свѣтлые, то мрачные образы, смотря по различному направленію метода. Г. Чичеринъ смотритъ на старую Россію *съ отрицательной стороны*, утвердившись *положительно* на почвѣ Московскаго, или вѣрнѣе, *Петровскаго Государства*. Такое положеніе его мнѣ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ, что и объяснено вышеизложенными доказательствами. Но гдѣ же *историческая истина*? Жизнь народа такъ полна, разнообразна и разнослойна, что наблюдатель можетъ выбирать изъ ея объема, что ему угодно. И такъ наукѣ предстоитъ труднѣйшая работа—произвести окончательную ревизію дѣлъ человѣческихъ, размѣстить историческія событія по мѣстамъ, сообразно ихъ происхожденію, климату, составу, значенію и внутренней цѣнности, и въ такомъ полномъ и естественномъ составѣ выставить ее на всемірный судъ. Исторія человѣчества съ этой стороны походитъ на *всемірную выставку нашихъ временъ*.

Мы знаемъ, съ какими трудностями и заботами соединено учрежденіе такой вещественной выставки. Надобно было выстроить хрустальный дворецъ, составить комитетъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, для распредѣленія предметовъ; надобно было отъ всѣхъ націй избрать депутатовъ въ качествѣ присяжныхъ судей, для опредѣленія и раздачи премій. О другихъ, неизбѣжныхъ при этомъ случаѣ, хлопотахъ умалчиваю. Но и при всѣхъ распорядительныхъ мѣрахъ слышны были жалобы на пристрастіе присяжнаго суда. А между тѣмъ, казалось бы, это дѣло удобоисполнимое. Вещи стоятъ отдѣльно, по мѣстамъ; каждая имѣетъ свою форму, названіе и извѣстное отношеніе къ общему обороту, къ потребностямъ новой жизни народовъ, безъ всякаго отношенія къ различнымъ ихъ возрастамъ. Здѣсь не требуется знать, какъ относится русская печь къ русской избѣ; европейскій присяжный просто

отвергаетъ оборотное ея достоинство, и не признаетъ въ ней никакой цѣнности; слѣдовательно мѣновая оцѣнка выставленныхъ предметовъ легко можетъ быть опредѣлена.

Но всемірная выставка исторіи народовъ соединена съ неизмѣримыми трудностями: здѣсь другой маштабъ, и не одинъ, а много. Дѣянія народа такъ сложны, подвижны и условны, что могутъ и опытному глазу представляться съ различныхъ и противоположныхъ сторонъ; событія не стоятъ здѣсь отдѣльно, какъ вещи, съ именемъ и опредѣленнымъ значеніемъ въ жизни народа; напротивъ—это одни указатели, проводники къ совѣсти народа, къ его нравственной свободѣ: вмѣняема и подсудима воля человѣческая; внутренняя связь между духомъ и явленіями почти неуловима; взаимное соотношеніе причинъ къ дѣйствіямъ, дѣйствій къ послѣдствіямъ — этотъ недробимый организмъ предполагаетъ со стороны судіи актъ свободнѣйшаго и личнаго мышленія. Легко можетъ статься, что неопытный, или своевольный уставщикъ разорветъ этотъ организмъ, и событія соединитъ съ другими причинами, подчинитъ ихъ другимъ началамъ и идеямъ. Такъ мы поступили съ *римской республикой*. Изъ организма цѣльной, единой жизни мы выняли отдѣльныя явленія, и при томъ въ рѣзкихъ моментахъ развитія, поставили ихъ подъ угломъ *римской имперіи*, въ которой не было для нихъ никакого мѣста, и этимъ произвольнымъ маштабомъ стали опредѣлять историческое ихъ достоинство. Естественно, что въ имперіи не было достойнаго покупателя республиканскихъ учрежденій; а *антикваріи* въ то время еще не появлялись. И вотъ мы нанесли Республикѣ *личное* оскорбленіе, и сами сдѣлались подсудны высшему суду, за неправое рѣшеніе.

И на древнюю русскую исторію г. Чичеринъ посмотрѣлъ не съ надлежащей точки зрѣнія. Можно ли Россію, еще въ дѣтствѣ находившуюся, приравнять къ Россіи Петра Великаго и обвинять ее въ недостаточности и нетвердости общественныхъ формъ, по маштабу зрѣлаго, государственнаго возраста? Тѣлесный организмъ еще тогда не сложился; формы его мягки, гибки; вся поступь русскаго человѣка обозначала какую-то наивную простоту и нѣкоторую *распущенность*, неразлучную впрочемъ съ дѣтскимъ здоровымъ возрастомъ. Но когда мы отбросимъ всѣ эти высокомѣрныя притязанія новой науки, и, вспомнивши свое собственное дѣтство, будемъ говорить съ нашими предками на ихъ языкѣ, будемъ объяснять всѣ историческія явленія по отношенію къ тогдашнему быту, въ связи со всѣмъ организмомъ

народа, когда дѣйствія человѣческія мы подчинимъ господствовавшимъ тогда началамъ, идеямъ; и всю водную массу, разлившуюся по всѣмъ путямъ народной жизни, сосредоточимъ въ ея источникѣ: тогда представится намъ другая, свѣтлая, а не мрачная картина; мы увидимъ исторію нашу въ *положительныхъ* движеніяхъ, имѣющихъ смыслъ, значеніе и мѣновую цѣнность. Итакъ судъ надъ исторіею человѣчества есть величайшій и труднѣйшій актъ; легче было современному народу совершить земное поприще, нежели потомству произнести надъ нимъ судъ.

А судія этотъ—личный органъ науки, одинъ сидитъ на судилищѣ. Предъ нимъ нѣтъ ни подсудимаго, ни адвокатовъ, ни ораторовъ, которые могли-бы что-нибудь сказать въ пользу отжившаго народа; документы, на основаніи которыхъ онъ опредѣляетъ виновность его, неполны, мертвы, а часто составлены пристрастно и невѣрно. И такъ судебный произволъ здѣсь неизбѣженъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, но особенно по родству судіи съ подсудимымъ, и общечеловѣческому и кровному—національному, требуется отъ него необыкновенное благодушіе, кротость и глубокое пониманіе всѣхъ историческихъ состояній. Исторія отечественная имѣетъ преимущественное право на наше сердечное сочувствіе.

V.

Во всемъ сочиненіи г. Чичерина не видно историко-органическаго метода; это существенный недостатокъ въ историко-юридическихъ изслѣдованіяхъ.

Мы выставили на видъ четыре стороны въ методѣ г. Чичерина; подвергнувши ихъ критическому разбору, увидѣли въ нихъ нѣкоторые недостатки. При такомъ методическомъ взглядѣ, исторія русскаго права не имѣетъ въ себѣ никакого органическаго элемента, не представляетъ никакихъ живыхъ движеній; этотъ существенный недостатокъ въ историческомъ сочиненіи долженъ быть необходимымъ послѣдствіемъ всякаго логическаго пониманія живой исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ достойною казнію произвольному мыслителю. Раскроемъ этотъ главный, первостатейный элементъ въ правѣ, сколько возможно, наглядиѣе.

Историко-органическое пониманіе положительнаго права представляетъ удивительныя трудности, съ которыми боролся и борется

пытливый умъ человѣческій. Другія отрасли юриспруденціи давнымъ давно получили въ наукѣ гражданственность, твердо стали на отведенной имъ почвѣ и скоро дали богатый плодъ, при помощи усердныхъ и ученыхъ садовниковъ. *Исторія* права, особенно *внутренняя* (1), есть младшій членъ въ этой родной семьѣ, юная отрасль въ этомъ многостороннемъ организмѣ и во многомъ должна уступить старшимъ своимъ членамъ. Растительный, *органическій* элементъ права долго былъ не замѣченъ. Древній *классическій міръ* вовсе не зналъ, что право состоитъ въ процессѣ внутренняго возрастанія, исходитъ изъ духа народнаго, а не извнѣ, получаетъ существо, тѣло, форму, сообразно съ историческою физіономіею народа, измѣняетъ эту прирожденную оболочку, при вступленіи въ новый свой возрастъ; однимъ словомъ, что право есть живой и дѣятельный организмъ, и имѣетъ свою физіологію. *Римскіе* юристы близко подошли къ этому организму, но застали его не при рожденіи и первоначальномъ воспитаніи, но въ ту пору, когда онъ совсѣмъ сложился, окрѣпъ и дальнѣйшаго видимаго возрастанія не имѣетъ (2). Въ анализѣ этого полнаго организма они показали высочайшій, непостижимый даръ, которымъ надѣленъ былъ такъ богато римскій *разумъ*, по общему признанію названный *писаннымъ разумомъ* (3). Съ юридическими явленіями и понятіями они обращались, какъ съ *цыфрами* (4), перекладывая ихъ на какихъ-то щетахъ въ круглыя и цѣлыя числа, и составляя вѣрнѣйшія суммы. Этой великой способности, принадлежащей въ исключительную собственность античному, Латинскому міру; ни одинъ Христіанскій народъ не имѣетъ; а какъ нужно бы намъ ее имѣть вездѣ, но преимущественно въ правѣ! Вслѣдствіе такого настроенія римскаго ума, составилась у нихъ *аналитическая догматика*. Кто не знакомъ съ нею посредствомъ долговременнаго и глубокаго изученія, тому передать отличительныя ея свойства, ни на какомъ языкѣ и ни какимъ знакомъ, никто не можетъ, при всемъ желаніи. Остается

---

(1) Обыкновенно, исторію права, по примѣру *Лейбница*, раздѣляютъ на *внѣшнюю* и *внутреннюю*: historia juris externa et interna. Слово выбрано не совсѣмъ мѣтко, а мысль высокая.

(2) Существованіе *Пандектистовъ* относится ко второму и третьему вѣку по Р. Х. Въ это время были и давно уже дѣйствовали въ жизни римской двѣ великія системы права: *jus Quiritium* et *jus gentium*. Онѣ и были предметомъ юридическаго анализа.

(3) *Ratio scripta*—raison écrite.

(4) *Савиньи* называетъ это *Rechnen mit den Begriffen*.

одно средство — засвидѣтельствовать достоинство римской догматики *честнымъ словомъ* или *присягою*; но и это неубѣдительно для непонимающаго, а многіе не повѣрятъ на слово и къ присягѣ не допустятъ. Что посовѣтуете дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? *Историческая* сторона въ правѣ представляетъ жалкіе, дѣтскіе пріемы римскаго ума; какъ будто здѣсь дѣйствуетъ и мыслитъ другой народъ, а не Римляне. И такъ дары Божіи, и въ естественномъ, и благодатномъ смыслѣ, различны, и раздѣляются, по народамъ и лицамъ, въ различныхъ степеняхъ.

Отъ *среднихъ вѣковъ*, само собою разумѣется, нельзя ожидать историческаго пониманія права: ибо тогда всѣ народы Христіанскіе жили на чужой счетъ, питались юридическимъ наслѣдствомъ, полученнымъ отъ Римлянъ. На *итальянской землѣ*, гдѣ нѣкогда выросло великолѣпное римское право съ римскими гражданами, и гдѣ теперь хранились мертвые его остатки—литературные памятники, усердіемъ истинныхъ поклонниковъ сбереженные отъ злодѣйской руки варваровъ, на этой мягкой почвѣ вновь воспрянулъ этотъ дивный цвѣтъ, и украсилъ безобразное лицо германскаго общества. Новая Италія, — перерытая и перерожденная — едва-едва могла понять звучный, ясный и родной языкъ старой Италіи. Въ юридическомъ отношеніи, она пришла въ одно внѣшнее соприкосновеніе съ ней, толкуя и объясняя грамматически *вѣчный уставъ гражданскихъ правъ*, сочиненный Римлянами (1). Толковниками были *глоссаторы*; а центромъ ихъ дѣятельности италіанскіе университеты (XIII и XIV вѣкъ). Съ переносомъ римской науки во *Францію* и *Голландію*, измѣнился, значительно улучшился методъ пониманія: изъ простаго экзегетическаго перешелъ въ *критико-филологическій*, и въ *Куяціи* имѣлъ величайшаго своего представителя (XVI и XVI вѣкъ). На долю Германіи досталася методъ *систематическій*, который получилъ здѣсь разнообразнѣйшія формы, красивыя и уродливыя, крупныя и мелкія (2) (XVII и XVIII вѣкъ). Вы видите, что отношеніе новаго ума къ античному было только внѣшнее, механическое. Corpus juris лежитъ на западной землѣ, какъ чужое тѣло, неподлежащее гніенію и неподручное анализу. Новый человѣкъ смотрѣлъ на него долго и съ разныхъ

(1) Corpus juris civilis.

(2) Systema, syntagma, compendium, Institutiones, cursus, Lehrbuch, Leitfaden, Grundriss, и такъ далѣе.

сторонъ, и не могъ понять, какъ оно могло образоваться до такого удивительнаго, чудовищнаго размѣра. Не безъ основанія, римскимъ юридическимъ памятникамъ дано это названіе. Жизненная сила въ этомъ литературномъ тѣлѣ всегда находилась, и тамъ, гдѣ оно лежало, всегда показывались свѣжія растѣнія. Весь *Западъ*, въ юридическомъ смыслѣ, есть ничто иное, какъ *цвѣтникъ*, наполненный роскошнѣйшими римскими цвѣтами. А настоящая, природная германская почва не слишкомъ ярко отличается отъ нашей русской. До XIX вѣка объ историко-органическомъ воззрѣніи на положительное право, о необходимости и возможности новаго метода при его изученіи—и чутья не было.

Вступленіе новой исторіи въ XIX вѣкъ открылось яркимъ происшествіемъ. Въ политическомъ организмѣ началась *революція*. Пришелъ конецъ Латино-Романскому элементу, такъ долго и съ такимъ деспотизмомъ господствовавшему на Западѣ во всѣхъ почти сферахъ человѣческой жизни, и задавившему своею тяжестію, и внутреннею и внѣшнею, національные элементы. Духъ народный, закованный въ чужія формы, и въ этой неволѣ тоскующій о какомъ-то новомъ своемъ положеніи, политическими переворотами вызванъ былъ къ своей естественной энергіи, забился свѣжимъ ключемъ и стремительно полился по всѣмъ сферамъ жизни, оживляя ее и смывая истертые отъ времени знаки чуждаго владычества. Началась новая, самобытная исторія народовъ, а съ нею и *исторія права*.

Да, политическая революція два раза дала бытіе нашей исторической наукѣ: предъ вступленіемъ новой исторіи въ *первую* половину XIX вѣка, и предъ выходомъ оной во вторую. Вотъ, съ какимъ трудомъ и какими болѣзнями обозначилось ея рожденіе! Нужно было разрушить весь старый бытъ, чтобы человѣкъ понялъ, что онъ живетъ не въ своемъ дому, и не на собственномъ иждивеніи, а по милости судьбы, доставившей ему богатое наслѣдство отъ классическаго, латинскаго міра. Вмѣстѣ съ сознаніемъ собственной національности, въ наше время, открылась настоящая физіономія древняго міра, и онъ приблизился къ нашему уму, какъ родной, запомнившій свое родство, обезображенный отъ долгаго странствованія по чужимъ землямъ и народамъ, *подкидышъ* новому человѣчеству, закабалившій его впрочемъ подъ свою власть. *Нибуръ* вскрылъ торжественно этотъ величественный ликъ классическаго міра, а *историческая школа*, подъ управленіемъ *Савиньи*, въ первый разъ живымъ, убѣдительнѣйшимъ язы-

комъ заговорила объ *органическомъ* происхожденіи правъ положительныхъ (1). *Методъ историческій* получилъ гражданское бытіе и преимущество предъ другими, при изслѣдованіи юридическихъ явленій.

Быть можетъ, кому-либо изъ читателей, не принадлежащихъ, по воспитанію, къ юридическому факультету, угодно знать *духъ исторической школы;* для нихъ я сдѣлаю здѣсь краткій очеркъ.

Главныя мысли *исторической школы* можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) право есть одинъ изъ существенныхъ элементовъ, составляющихъ жизнь народа, подобно его физіономіи, языку, религіи, обычаямъ и нравамъ, и всѣмъ его духовнымъ вѣрованіямъ; 2) происхожденіе и образованіе его совершается свободнымъ, внутреннимъ, органическимъ процессомъ, а не зависитъ отъ внѣшней силы, не получается, какъ даръ вещественный, отъ какого-нибудь обладателя; 3) первоначальные пути невидимы, скрыты отъ наблюдательнаго человѣческаго взгляда: ибо мы застаемъ народъ съ готовыми юридическими понятіями, съ установившимся бытомъ; но они должны быть тѣже самые, по которымъ совершается образованіе *языка* въ народѣ. 4) Яркія, чувственныя *формы*, которыми обозначается органическій возрастъ права, *три*: *обычай, положительный законъ* и *юриспруденція:* (Gewohnheits-Recht, Gesetzes-Recht, Juristen-Recht). 5) Формы эти показываются въ исторической преемственности, одна другою смѣняясь, одна другой передавая свое, выработанное, юридическое содержаніе; отсюда идетъ непрерывный, ничѣмъ не удержимый токъ одной и той же юридической матеріи по различнымъ каналамъ; а каналы идутъ изъ общаго, свѣтлаго источника—духа народнаго. 6) По внѣшнимъ формамъ составляются три возраста, три *періода*, на которые раздѣляется юридическая жизнь народовъ; періоды эти, по продолженію времени, не вездѣ одинаковы: у одного народа долго сохраняется обычное право, у другаго скоро показывается положительный законъ; а нѣкоторые, по малолѣтству своему, не вступили еще во второй, или третій возрастъ. 7) *Римъ* есть типическій образецъ всѣхъ возрастовъ и правильнаго ихъ соотношенія. Новые народы представляютъ нѣкоторыя уклоненія отъ нормальнаго порядка: ибо они, застигнутые въ своемъ органическомъ развитіи римскимъ элементомъ, насильственно введены были

(1) *Savigny* — Zeitschrift I. B. 3. Heft. Срави. System des heutigen römischen Rechts B. 1.

въ возрастъ положительнаго законодательства, и не успѣли, по мягкости прежней формы, сохранить ея сущность и передать новой эпохѣ обычный элементъ. 8) Но не смотря на такое раннее, случайное вторженіе въ германскій организмъ чуждаго и крѣпкаго слоя, по общечеловѣческому свойству римскихъ юридическихъ началъ, онѣ скоро привились къ организму, обновили его и составили вмѣстѣ съ нимъ единое тѣло и единый духъ (Gemeines heutiges, römisches Recht). Вотъ система историческихъ воззрѣній! Казалось, все здѣсь такъ просто, естественно и послѣдовательно, что не нужно было никакой революціи для признанія историческаго метода. Стоило только взглянуть на человѣка, проходящаго неуклонно различные физическіе и духовные возрасты, чтобы догадаться, что и право, которымъ онъ руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ, совершаетъ подобное шествіе. А между тѣмъ, въ теченіи нѣсколькихъ тысящелѣтій, никому не пришло въ голову посмотрѣть на юридическую жизнь съ этой стороны. Непостижимое явленіе! Иногда не можешь надивиться изобрѣтельности ума человѣческаго; а иногда не объяснишь себѣ его тупости. Какъ будто, по временамъ, обходитъ его *тёмная сила*.

И такъ вмѣстѣ съ читателемъ зададимъ себѣ вопросъ: почему же такъ поздно *историческій методъ* показался въ наукѣ? Какія препятствія предстояли ему при гражданскомъ рожденіи? *Догматика права*, сложенная самими Римлянами, прояснена была екзегезисомъ—грамматическимъ и критико-филологическимъ, и наконецъ возведена въ логическую систему. Даже надъ нею возвышался иногда разумъ человѣческій, и преломлялъ ее подъ различными *философскими* идеями, впрочемъ весьма неяснымъ, и произвольными. (1) Процессъ органическаго образованія права совершается тайно, невидимымъ путемъ; на поверхности жизни видны одни положительные законы, носящіе типъ законодательной личности, съ неизбѣжнымъ ей произволомъ; они состоятъ въ непрерывномъ видоизмѣненіи, одинъ другимъ уничтожаясь, и разрѣшаются наконецъ въ величайшую массу, которую, для удобства въ жизни и судѣ, сосредоточиваютъ въ общемъ сводѣ, или *кодексѣ*. Между юридическою внѣшнею матеріею и духомъ народа нѣтъ никакого внутренняго, взаимнаго со-

(1) Kant, Metaphysische Anfangs-Gründe der Rechtslehre. Königsberg. 1797. Всѣ старые и новые писатели—von Natur, Recht—этомъ жалкомъ отвлеченіи отъ римскаго положительнаго права; французскіе энциклопедисты, и др. *Hegel*, Philosophie des Rechts 1821 г. первый курсъ.

прикосновенія, кромѣ одного внѣшняго, условнаго, принудительнаго: надобно исполнять законъ. Въ положительномъ законѣ не проглядываетъ юридическая совѣсть народа, которая переложена только въ новую форму, очерчена общими, всѣмъ извѣстными знаками (1). Законодатель стоитъ здѣсь отдѣльно, высоко, внѣ народа, какъ свободный дѣятель, устроющій по своимъ соображеніямъ судьбу народа; къ нему не проведены никакіе каналы отъ сердца народнаго, несущіе стремительно жидкую матерію, для приведенія ея въ твердое состояніе. Къ этому естественному положенію права, закрывающему отъ наблюденія внутренній его процессъ, присоединилась особая, тяжелая судьба новыхъ законодательствъ. Надъ всѣмъ западнымъ міромъ владычествовало *римское право*; изъ него онъ заимствовалъ все: понятія, уставы, форму и языкъ; національный юридическій элементъ, подъ такимъ гнетомъ, не могъ свободно развиться, и едва уцѣлѣлъ въ нѣкоторыхъ самобытныхъ сферахъ жизни, которыя не легко поддаются чужеземнымъ вліяніямъ (2). *Господство каноническаго* права—другой великой разумной силы—докончило этотъ разрушительный актъ—убіеніе національнаго чувства. И такъ въ самомъ дѣлѣ надобно было, чтобы революція политическая вступилась за нашу науку и дала ей гражданственность.

Новая школа привѣтствована была колоссальнымъ историко-юридическимъ твореніемъ, вышедшимъ изъ-подъ пера самаго учредителя; въ *1803 году* юриспруденція, въ завѣтъ свой, получила отъ него *владѣніе* (3); выше, античнѣе по стилю, наша наука до сихъ поръ ничего не могла представить для соперничества. Для живаго и свободнаго сообщенія токовъ историческаго элемента, основанъ былъ *историческій журналъ*, въ дружномъ общеніи Романистовъ и Германистовъ (4). Къ общей радости ученыхъ, случайно открылись тогда же древнѣйшіе Юридическіе памятники, затерянные, или обезображенные рукою времени; къ такому счастливѣйшему открытію принадлежатъ *Institutiones Gaji*, Римскаго юриста съ исключитель-

(1) И съ нравственнымъ закономъ почти тоже случилось. Человѣкъ затерялъ образъ Божій, заглушилъ голосъ совѣсти, и древній—откровенный законъ разсматривалъ, какъ что-то ему чуждое, внѣшнее, обрядовое.

(2) Напр. сфера семейственнаго права, уголовнаго и др.

(3) Das Recht des Besitzes. VI Ausg. 1837. Giessen.

(4) Zeitschrift fur geschichtliche Rechtswissenschaft, v. *Savigny, Eichhorn* und *Göschen*.

нымъ историческимъ направленіямъ. *Нибуръ* чутьемъ понялъ, что на Ватиканскомъ Палимпсестѣ, подъ буквами блаженнаго Іеронима, кроются другіе знаки, другія слова и мысли, не анахорета египетскаго, а классическаго юрисконсульта; химическій анализъ вполнѣ подтвердилъ вѣрность чутья (1). Заслуги исторической школы трудно обозначить однимъ словомъ. Довольно указать на то, что теперь вся юридическая литература совершается подъ вліяніемъ оной, что римскій и германскій бытъ подняты и вызваны къ новой, настоящей жизни, и просвѣтлены сціентифическимъ пониманіемъ, во всѣхъ своихъ историческихъ состояніяхъ. Мало того, и наше *русское право*, понемногу, съ великимъ трудомъ, начинаетъ воспринимать первое естественное движеніе, стало показывать первые знаки своего литературнаго зарожденія. И такъ возрадуемся радостію свѣтлою о скоромъ рожденіи настоящей историко-юридической науки въ нашемъ отечествѣ; не возмутимъ этого младенца, лежащаго пока въ утробѣ матерней, никакимъ нескромнымъ, буйственнымъ движеніемъ, дабы не обезобразить красоты его. Хорошо было бы, благородно съ нашей стороны, если бы кто-нибудь изъ Русскихъ, по примѣру западныхъ учителей, приготовилъ ко дню его рожденія достойный гимнъ, изъ какой-нибудь исторической области русскаго права классическое сочиненіе. Но циклъ славнаго существованія исторической школы видимо оканчивается. Въ наше время доказано убѣдительнѣйшимъ образомъ, что историческое пониманіе Савиньи и его послѣдователей не полно, и скользитъ болѣе по одной поверхности юридическихъ явленій, не опредѣляя ихъ физіологіи, *природы*. Историческая школа указала на одни *источники* права, на видимыя, внѣшнія формы, которыми обозначается процессъ юридическихъ идей въ пространствѣ и времени. Но здѣсь ещѣ не видно внутренней стороны юридическихъ отношеній; не видно положительной матеріи, сущности юридической, которая должна быть въ каждомъ явленіи, и условливать его форму и движеніе. Однимъ словомъ, мы видѣли тѣло, а духа не знали.

Въ наукахъ *естественныхъ* приступили уже къ химическому анализу *органической природы* и получили блестящіе результаты; видно, таже чреда приходитъ и праву — наукамъ *юридическимъ*. Въ самомъ дѣлѣ, предметомъ ихъ изслѣдованія служитъ *природа* человѣческая къ юридическомъ ея быту, одинъ изъ живѣйшихъ и свободнѣйшихъ

(1) Institutiones Gaii.

организмовъ. Движеніе его въ исторіи не случайно, не безсмысленно; формы, въ которыхъ выражаются его временные возрасты, складываются не одними внѣшними условіями, но истекаютъ изъ опредѣленной матеріи существа человѣческаго. Недостаточно знать, что первоначальная форма историческаго права у всѣхъ народовъ есть *обычай*, который въ свою пору смѣняется *положительнымъ закономъ*. Обычаи чрезвычайно разнообразны и не одинаковы у народовъ; а законы издаются въ безпредѣльномъ размѣрѣ. Отъ чего же происходитъ это явленіе? Отъ различія юридической матеріи, *сущности*, которая бываетъ различна въ каждомъ народномъ организмѣ. Эту-то органическую природу юридическихъ отношеній подвергаютъ новые ученые химическому анализу Объяснимъ задачу новой школы примѣромъ изъ *римскаго права*. Древнюю, національную систему, господствовавшую въ республикѣ и началѣ имперіи, обыкновенно называютъ *Квиритскимъ правомъ*. *Внѣшняя* физіономія его опредѣлена яркимъ образомъ, впрочемъ болѣе чрезъ противоположеніе *новой общенародной системѣ*, привзошедшей въ Римъ изъ различныхъ мѣстъ и отъ различныхъ источниковъ. Формы Квиритизма ярки, пластичны, соединены съ символическими обрядами; движеніе ихъ во времени правильно, ровно, проходитъ по одной узкой колеѣ, землѣ италійской и римскому гражданству; возрастъ совершается какимъ-то живымъ, свободнѣйшимъ, нормальнымъ процессомъ, и обозначается полнымъ, стройнымъ, разнообразнымъ, но однослойнымъ организмомъ юридическихъ отношеній. Слѣдовательно весь этотъ организмъ управляется однимъ духомъ, содержитъ въ себѣ какую то мѣрную, опредѣленную, ощущаемую природу; это его *внутренняя физіологія*, надъ анализомъ которой начинаетъ работать *новѣйшая школа*, и которой почти не касалась старая школа *Савиньи*.

Появленію этой школы предшествовала также *революція*, впрочемъ не чисто политическая, но болѣе *общественная, соціальная*, 1847 и 1848 года. Кто внимательно слѣдилъ за ходомъ происшествій, за всѣми вопросами, вызванными въ жизнь, тотъ могъ предчувствовать, что наукѣ предстоитъ новая работа, новая эпоха. Народы дѣйствуютъ, разрушаютъ устарѣвшія юридическія учрежденія, а наука должна объяснить духъ, идею внѣшнихъ событій, должна уложить разбросанную, отрывочную дѣятельность въ стройную систему, и возвести современную жизнь въ форму понятій. Между различными предметами, на которые ударилось революціонное движеніе умовъ,

была и *историческая школа*; тогда же родоначальникъ ея, подвергнувшійся жестокимъ, и не совсѣмъ справедливымъ обвиненіямъ, сошелъ съ поприща политической дѣятельности, уединился въ своемъ внутреннемъ мірѣ, и почти забытъ. Въ *Берлинскомъ* Университетѣ, гдѣ процвѣтала его каѳедра, какъ слышно теперь, и помину нѣтъ о немъ. Впрочемъ такая странная неблагодарность къ заслугамъ Савиньи объясняется политическою его личностію, шедшею въ разрѣзъ съ современными требованіями. *Наука юридическая* всегда будетъ помнить имя Савиньи съ священнымъ благоговѣніемъ.

Въ *1852 году*, послѣ революціоннаго замиренія, *Іеринъ* возвѣстилъ зародившуюся новую эру юриспруденціи; подобно прежней исторической школѣ, онъ привѣтствовалъ ея рожденіе геніальнѣйшимъ сочиненіемъ, хотя стиля не классическаго (1), и для сообщенія тока новыхъ мыслей, основалъ, вмѣстѣ съ новымъ знаменитымъ германистомъ, теперешнимъ канцлеромъ университета въ Тюбингенѣ, историческій *Журналъ* (2). Открылась жестокая борьба между *Римскимъ* и *Германскимъ правомъ*, которыя нѣсколько вѣковъ жили въ дружбѣ, какъ бы въ товариществѣ, хотя и неравномъ (Societas Leonina); Римъ всегда любилъ эту форму товарищества (Foedus iniquum). Передовыми дѣятелями и ратоборцами пока являются личности посредственныя (3); но надобно ожидать скоро великихъ перемѣнъ въ наукѣ нашей, и могучихъ ея двигателей. Таковы авспиціи. Новые юристы за помощью обратились къ *естественнымъ наукамъ*, дабы возсоздать дѣйствительную, полную физіологію юридическихъ учрежденій, во всѣхъ ихъ временныхъ состояніяхъ. Школа эта не получила еще техническаго имени; мы не знаемъ, какъ ее назовутъ при торжественномъ актѣ введенія въ гражданскую жизнь. Слѣдовало бы ее назвать *физіологическою*.

Великъ, необъятенъ въ своемъ могуществѣ, непостижимъ умъ

(1) *Jhering*, Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. I. Th. 1852. Leipzig. II. Th. 1854.

(2) *Jahrbücher* für Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privat-Rechts, von *Jhering* und *Gerber*. 1856.

(3) *Schmidt*, der principielle Unterschied zwischen dem römischen und germanischen Rechs. I. B. 1853. Rostock und Schwerin.

Lenz, Uber die geschichtliche Entstehung des Rechts. 1854, Leipzig.

Röder, Grundgedanken und Bedeutung des römischen und germanischen Rechts. Leipzig, 1855.

Hahn. Die materielle Uebereinstimmung der römischen und germanischen Rechtsprincipien. Jena. 1856.

человѣческій, этотъ двигатель науки! Какъ трудно, неловко, непривольно при немъ быть посредственному уму, которымъ надѣлено все почти человѣчество! *Революціи*, и въ политическомъ быту, сопровождаются нерѣдко мозговымъ потрясеніемъ. Представьте себѣ, что нѣкоторымъ членамъ современнаго общества довелось видѣть собственными глазами восемь страшныхъ переворотовъ *во Франціи*: отжившую монархію, съ своимъ политическимъ мученикомъ, 1793; Французскую революцію, съ разными знаменоносцами; военную имперію Наполеона 1; реставрацію съ Бурбонами; трансформацію съ Орлеанистами; новую революцію съ Ламартиномъ; новую республику, но уже не съ консулами, а однимъ пожизненнымъ президентомъ; и наконецъ новую имперію, *военно-гражданскаго* покроя. Будущее сокрыто. Не удивительно, что при этихъ поѣздахъ Франціи, быстротою своею сходныхъ почти съ чугунными, кто-нибудь, по тяжеловѣсности своей натуры, физической, или нравственной, при общей тревогѣ, заснулся въ своемъ покойномъ вагонѣ, и не успѣетъ перепестись въ другой, или при временномъ соперничествѣ разныхъ политическихъ компаній, пустившихъ въ ходъ свои вагоны съ своими пассажирами, случайно попадетъ не туда, куда бы слѣдовало: тогда придется ему дорого заплатить за свою усидчивость и нерасторопность. Машина, на которую онъ сѣлъ, уже не въ ходу; компанія акціонеровъ не состоялась и покончила свои счеты; всѣ ловкія и подвижныя натуры передвинулись, смѣнили мѣста, и отправились съ послѣднимъ поѣздомъ по главной, боевой дорогѣ. Остались одни *запоздалые* люди, не умѣвшіе разсчитаться съ старымъ порядкомъ, хотя бы съ уступками, и не запявшіе въ новой іерархіи приличнаго мѣста. Съ лицеваго *посада*, на которомъ воздвигнуты великолѣпныя зданія новыхъ жильцовъ, они сведены, домы ихъ разрушены, пожитки разграблены, а сами они сдѣлались жалкими скитальцами по Божьему свѣту, ищущими у другихъ народовъ послѣдняго пріюта. За какую вину вытѣснили ихъ съ политическаго *посада*, и посадили на *отлётъ* земской общины, какъ *бобылей*, они не понимаютъ, и не видятъ, что они наказаны, по всей справедливости человѣческой, за свою запоздалость. Сколько такихъ людей теперь во Франціи! И такъ здѣсь есть достаточное основаніе для мозговаго потрясенія. Но намъ, Русскимъ, отъ всѣхъ французскихъ переворотовъ головы своей кружить не слѣдуетъ, потому что наше дѣло — *сторона*.

Но перевороты въ области наукъ должны касаться и насъ: ибо

здѣсь нѣтъ географическихъ линій, отдѣляющихъ одно государство отъ другаго; всѣ ученые составляютъ одно общество. Для освоенія новыхъ идей требуется натура, необыкновенно подвижная, живая, симпатическая; а ученыя натуры какъ-то особенно тяжелы на подъемъ; чѣмъ даровитѣе натура, тѣмъ неподвижнѣе и самобытнѣе. Вообще личность истиннаго ученаго нѣсколько сурова, строга, аскетична: это отшельникъ новаго міра, въ немъ живущій, постоянно за нимъ слѣдящій, вездѣ ему сопутствующій, но не для мірскихъ удовольствій, а для наблюденія за дѣйствительною жизнію, и возведенія ея въ форму высшихъ понятій. Кто рука объ руку идетъ съ вѣкомъ, раздѣляя его обыденныя радости и печали, тотъ не пользуется авторитетомъ между учеными: въ немъ замѣтна какая-то, милая впрочемъ, распущенность, или изысканность формъ; то и другое почитается несообразнымъ съ строгимъ типомъ ученаго труженика; полагаю, что такое мнѣніе составилось не безъ участія личныхъ интересовъ ученаго сословія.

Дѣло въ томъ, что надобно слѣдить за быстрыми движеніями науки, и сообразно съ ними измѣнять устройство своей лабораторіи, умственной и физической; а это не всегда легко и возможно. Есть убѣжденія, которыя глубоко залегли въ умѣ и сердцѣ, проникли все нравственное существо наше, нѣсколько разъ высказывались публичнымъ и частнымъ образомъ, и наконецъ перешли въ какую-то догматику. Вообще, глубокія вѣрованія неразлучны съ наукою, и разставаться съ ними больно и прискорбно. Такимъ образомъ въ обществѣ ученыхъ слагается также своя община запоздалыхъ людей. Слава Богу, что науки юридическія не подвергаются внезапнымъ и быстрымъ переворотамъ! А взгляните на *естественныя* науки! Тамъ происходятъ непрерывныя революціи. Давно ли *Либихъ* совершилъ чудный анализъ органической химіи? А теперь его опыты не имѣютъ никакой почти цѣны. Тоже самое повторяется въ *философіи*. Въ наше время, на нашихъ глазахъ, гегеліанскій *формализмъ*, или шеллингіанскій *мистицизмъ* почитались послѣднею гранію, далѣе которой уже невозможно самостоятельное движеніе философскаго ума. Теперь *германскій* умъ занятъ другими, жизненными вопросами и утомленъ отъ упорной борьбы съ ними, а, быть можетъ, изнуренъ отъ дѣйствительной, физической нужды. Но пройдетъ година испытанія, и онъ воспріиметъ опять естественный свой полетъ въ горнюю область, и оттуда принесетъ намъ какую-нибудь новую философію.

При очеркѣ школъ юридическихъ я имѣю въ виду одно молодое поколѣніе, и притомъ *юридическаго факультета*. По живости своей натуры, оно непремѣнно должно прислушиваться къ новой музыкѣ науки, перелагать ее на русскій инструментъ, и вводить въ жизнь; неприлично юному, свѣжему уму держаться запоздалыхъ, старыхъ началъ, напримѣръ, гегеліанскихъ. Вмѣсто тяжелыхъ и безполезныхъ трудовъ, употребленныхъ на построеніе изъ русской исторіи трехъ-этажнаго зданія, съ *родовыми*, *гражданскими* и *государственными* жильцами, молодые ученые должны обратиться къ существу дѣла, и по немногу вскрывать настоящую физіономію нашихъ юридическихъ учрежденій и вѣрованій, въ органическомъ процессѣ. Такая работа будетъ имѣть смыслъ и значеніе въ наукѣ, не мимолетное, а постоянное и плодотворное.

И такъ исторія права должна представить органическій процессъ юридическихъ идей въ извѣстномъ пространствѣ и времени, показать человѣческую ихъ физіологію, соединить государственныя и гражданскія учрежденія съ народомъ и землею, представить временное ихъ движеніе во взаимномъ соотношеніи; однимъ словомъ, наука должна выяснить *духъ права въ различныхъ историческихъ состояніяхъ народа*. Такое пониманіе называется *историко-органическимъ* или *физіологическимъ*.

Германскіе юристы показали уже намъ блестящіе образцы такого созерцанія. Начнемъ съ величайшаго родоначальника новой исторической науки, *Нибура*. Оставивши въ сторонѣ первый томъ его глубочайшихъ изслѣдованій объ Италійскихъ народахъ, и о первоначальномъ Римскомъ полу-миѳическомъ бытѣ, идите за нимъ въ исторію республики, вы встрѣтитесь лицомъ къ лицу съ древними Римлянами, увидите тѣлесную физіономію патриціевъ и плебеевъ, поймете всѣ естественныя, физіологическія положенія, въ которыхъ они находились, будете страдать и радоваться съ ними, и вынесете глубокое уваженіе къ римскому народу, тому и другому слою. Но чувство ваше начинаетъ оскорбляться съ той поры, когда у Римлянъ сталъ показываться нравственный и общественный безпорядокъ. Не здѣсь ли сокрыта причина, почему *Нибуръ* внезапно остановился на этой катастрофѣ, и бросилъ Римъ, предметъ страстной его любви, въ разгарѣ политическихъ партій. А Нибуръ вездѣ сочувствовалъ нравственному порядку! Посмотрите на другаго, дивнаго представителя органическаго созерцанія, на *Савиньи*. Въ своемъ послѣднемъ

сочиненіи (1) онъ представилъ такую, смѣю назвать, музыкальность юридическихъ институтовъ, что кромѣ знанія чувствуешь еще эстетическое наслажденіе (2). Правда, этотъ необыкновенный даръ выказывается у него болѣе въ *систематической, догматической сторонѣ* пониманія, нежели *исторической*. Исторію Савиньи понимаетъ по своему, какъ форму, какъ явленіе, видимое въ положительныхъ источникахъ; далѣе этой линіи онъ не пошелъ, боясь отвлеченно-философскаго взгляда, особенно гегеліанскаго. Но обратитесь вы къ *Ихерингу*: предъ вами открывается новая физіономія римскаго квиритскаго права, которую не вдругъ и поймете, привыкнувъ къ старымъ мыслямъ. Но по мѣрѣ углубленія и освоенія, выясняется и отливается въ одинъ типическій образъ весь квиритизмъ, господствовавшій въ республикѣ (3). Въ своемъ Журналѣ онъ объяснилъ *программу* новой литературной дѣятельности убѣдительнѣйшимъ образомъ; а *Герберъ* сдѣлалъ первую, и весьма удачную, пробу новаго метода надъ семейственными фиденкоммиссами (Familien-Fidei-Commisse), по римскому и германскому праву (4). Вотъ какое могущество можетъ имѣть наука! Обыкновенно у насъ въ Россіи думаютъ, что *римское право*, впрочемъ только оно одно, кончено въ своемъ сціентифическомъ развитіи, и дальнѣйшаго движенія имѣть не можетъ. Для ума человѣческаго, въ доступной ему сферѣ, нѣтъ предѣловъ; но довольно объ историческомъ методѣ вообще; пора перейти къ нашему предмету.

Сочиненіе г. Чичерина, съ этой стороны разсматриваемое, смѣю назвать слабымъ, не смотря на историческое его направленіе. Въ немъ не видно ни внѣшняго, ни внутренняго процесса, которому должны необходимо подлежать юридическія учрежденія Россіи. Иначе и быть не могло при той точкѣ отправленія, съ которой онъ смотритъ на старую Русь. Въ этомъ отношеніи, авторъ нашъ вы-

---

(1) *Savigny*, System des heutigen römischen Rechts. IX Bände. 1840 — 1851. Berlin.

Егоже, Obligationen—Recht. 1 und 2 Band. 1851—1853. Berlin.

(2) Для примѣра можно указать на слѣдующіе институты: 1. Iuristische Personen (II. B.). 2. Rechts-Verhältnisse (III. B.). 3. Klagen (V. B.). 4. Litis Contestation und Urtheil (VI. B.). 5. Herschaft der Rechts-Regeln über die Rechts-Verhältnisse (VIII. B.)

(3) II. B. Das specifisch—römische Rechts«system. Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ наука продолженія.

(4) См. Jahrbücher. I. Heft.

держиваетъ логическую послѣдовательность съ необыкновенною стойкостію. Я не требую отъ русской юридической школы органическаго процесса, какой заданъ новѣйшею школою на Западѣ; такъ далеко не простирается моя ученая взыскательность; но по крайней мѣрѣ, желательно бы видѣть историческое настроеніе молодыхъ умовъ. Быть можетъ, мнѣ скажутъ въ оправданіе свое: «*Учрежденія государственныя вообще не сподручны для историко-органическаго пониманія*». Это замѣчаніе отчасти справедливо. Дѣленія земли на области, воеводства, провинціи, губерніи, какъ будто походятъ на математическія линіи, проводимыя по ней въ извѣстномъ направленіи, свободно, произвольно, смотря по ловкости чертежника. Отсюда безконечное разнообразіе этихъ линій на поверхности земель и непрестанное ихъ измѣненіе. Взгляните на карту Франціи, Англіи, Сѣверной Америки; потрудитесь открыть старый атласъ древняго міра, напр. римскихъ провинцій; не позабудьте и церковной іерархіи; какая пестрота въ чертежахъ! Но всматривайтесь глубже, пристальнѣе въ эти чертежи, и вы увидите, что водитъ ими рука великаго мыслителя, соображающаго всѣ историческія, географическія, народныя и политическія различія земель; а всего чаще эти линіи нарѣзываются сами собою, какъ будто вырастаютъ изъ земли, и имѣютъ дѣйствительное органическое свойство. Русская земля есть одно изъ величайшихъ органическихъ наращеній; складывалась она по немногу, не однимъ путемъ завоеванія, а какою-то тягучестію народа, идущаго въ безпредѣльную даль, и притомъ не прямолинейно, а по мѣстному и временному удобству. Отъ такого разновременнаго наращенія у ней нѣтъ правильныхъ и ровныхъ государственныхъ линій; есть области чрезвычайно крупныя и чрезвычайно малыя; прирѣзки къ нимъ растягиваются на непзмѣримомъ и отдаленномъ пространствѣ, напр. Новгородскія владѣнія.

Народонаселеніе Русское весьма разнообразно въ своихъ историческихъ, земельныхъ и общественныхъ состояніяхъ; напр. Кіевское, Новгородское, Московское, Сибирское, Двинское и т. д. Всѣ эти историческія условія опредѣляли государственный чертежъ; намѣстникамъ и воеводамъ даны были особыя инструкціи, которыми они должны руководствоваться при своемъ управленіи; въ инструкціяхъ всего обозначить нельзя; поэтому давались имъ частныя полномочія къ свободнымъ дѣйствіямъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами. Центръ всеобщаго политическаго тяготѣнія открытъ былъ нако-

нецъ въ *Москвѣ;* но не вдругъ притянулись къ нему всѣ земли, составлявшія величайшее въ свѣтѣ государство—Россію. При настоящемъ состояніи Россіи, особенно съ отвлеченной точки зрѣнія разсматривая, дѣленіе областей и *подчиненіе одного города другому было совершенно неправильное* (Тезисъ 16); но въ XVI и XVII вѣкѣ это явленіе было органическое, вышедшее изъ всѣхъ условій тогдашняго быта. Проводникомъ въ этотъ путь изслѣдованій можетъ у насъ служить Церковь—передовой вожатый православной Россіи. Вотъ, что я называю историческою почвою, на которой надобно стоять всякому русскому историку.

Но г. Чичеринъ—*философъ*. Вдвинувши въ живую жизнь русскаго народа опредѣленное число отвлеченныхъ, изъ гегелевой философіи заимствованныхъ понятій, онъ заслонилъ намъ весь личный процессъ этой жизни, поставилъ Россію въ странное, несвободное положеніе, въ зависимость отъ внѣшняго начала. Отсюда произошла роковая уродливость всѣхъ ея *учрежденій и властей*. По видимому, чрезъ эти учрежденія проходитъ время, но какимъ-то чуднымъ маршомъ, нисколько ихъ не трогая, не отражая на нихъ своихъ современныхъ требованій. Тѣмъ, или другимъ именемъ назовете вы юридическія учрежденія, все равно; въ перемѣнѣ имени нѣтъ еще историческаго процесса. А у насъ вся исторія государства ограничивается такими реформами. Между старымъ волостелемъ и новымъ воеводою какое необъятное разстояніе по времени! Между тѣмъ, въ политическомъ, и даже личномъ ихъ характерѣ нѣтъ ни малѣйшаго различія: тотъ и другой, по милости добраго хозяина Россіи, получаетъ отъ него извѣстныя земли *въ кормленіе*, «*чтобъ можно было сыту быти*». И вотъ въ 7-мъ тезисѣ г. Чичеринъ выводитъ это единство: *въ воеводскомъ управленіи сохранились черты прежней системы кормленій*. Другаго типа вовсе не видно во всемъ сочиненіи; а самый физическій актъ кормленія не представляетъ въ исторіи большихъ измѣненій. Смѣю думать, что и древніе и новые народы совершали его почти одинаково, при одинаковомъ устройствѣ тѣлеснаго организма: различны могли быть одни предшествующіе, или послѣдующіе пріемы за главнымъ актомъ. Всѣ наши учрежденія не вытекли изъ народа, изъ его свободнаго духа; не показываютъ ни степени гражданскаго его образованія, ни потребностей общихъ и мѣстныхъ; онѣ разстилаются надъ народомъ, какъ паутина, сотканная не разумною мыслію, а какою-то игрою

случая. Всѣ наши государственные правители также непародны; какъ *Орда* они откуда-то пришли къ намъ, не имѣя къ народу ни сочувствія, ни уваженія, не зная никакой другой обязанности кромѣ удовлетворенія своихъ житейскихъ потребностей на счетъ народа. За такое нашествіе ихъ на русскую землю, они не пользуются никакою народною любовію, не оставляютъ по себѣ ни какой нравственной связи: народъ привыкъ къ мѣнѣ ихъ, и разсматриваетъ ихъ, какъ Божію кару, какъ роковую тучу, которая должна разразиться надъ его головою и убогимъ жилищемъ. По чувству самосохраненія, котораго нельзя отрицать ни въ какомъ живомъ существѣ, онъ заранѣе приготовляется встрѣтить эту грозу, и укрывается въ какомъ-либо ущельи. Отсюда произошло страшное, едва мыслимое событіе: *народъ тяла не тянетъ;* и другое, еще ужаснѣе: *всеобщее кочеваніе;* и третіе, которому не могу пріискать приличнаго названія: *областные правители не повинуются верховной власти* (Смотр. 14 тезисъ). Отсюда вытекла эта неоткровенность, непрерывная ложь, взаимный обманъ, отсутствіе всякой родственной и человѣческой связи между правительствомъ и народомъ. Какъ будто предъ глазами нашими открываются двѣ враждебныя стихіи, одна другую разрушающія, одна другой противодѣйствующія. Посмотрите на правительство старой Руси: оно дѣлаетъ много, хлопочетъ о податяхъ, о службахъ, объ осѣдлости; непрерывно заботится о своемъ благосостояніи, и не можетъ его устроить, потому что это зависитъ отъ случая—урожая, или неурожая, желанія, или нерасположенія народа заплатить свои оброки. Естественно, всю эту тревожную—эгоистическую дѣятельность не благословляетъ Провидѣніе. Народъ не сочувствуетъ правительству, не вѣритъ въ его отеческія попеченія, и придумываетъ всѣ средства ускользнуть отъ исполненія своихъ обязанностей. Когда читаешь въ сочиненіи г. Чичерина жалобы областныхъ правителей на различныя провинности народа, и челобитныя народа на злоупотребленія ихъ, тогда чувствуешь въ душѣ глубокую скорбь, истинное сожалѣніе и о бѣдномъ правительствѣ и о бѣдномъ народѣ, не умѣя разрѣшить, кто изъ нихъ несчастнѣе. Но неужели такъ было у насъ на самомъ дѣлѣ? Въ доказательство представляютъ различныя свидѣтельства, почерпнутыя изъ достовѣрныхъ нашихъ источниковъ. Но во первыхъ скажу отрицательно, что я не вѣрю такимъ источникамъ, и ни кому не повѣрю, но смотря на всю логическую убѣдительность доводовъ. Ибо такое со-

стоящіе внѣ человѣческаго пониманія, и не имѣетъ никакой физіологіи. А я — существо физіологическое. Судите и казните меня, какъ вамъ угодно. Во вторыхъ скажу утвердительно, что народъ русскій никогда не бывалъ побѣжденнымъ народомъ; князей онъ призвалъ по собственному произволенію—для *государственнаго наряда*, который какъ-то не давался ему, какъ и другимъ славянскимъ народамъ; съ этими правителями, хотя и чужеземными, онъ пришелъ разомъ въ нравственное, религіозное и общественное единеніе; элементы такого физіологическаго единенія онъ получилъ не отъ нихъ, напротивъ имъ сообщилъ весь свой національный типъ. Далѣе, отношеніе наше къ *Татарамъ* было весьма условное, внѣшнее, финансовое. Наконецъ въ Россіи есть одна характеристическая черта, сообщающая ей сходство съ міровымъ значеніемъ Рима: это— всепоглощающая не натура: въ ней изчезла Норманская, Финская, Татарская, и другія національности, какія только могли быть на старой русской землѣ. Все сведено, освоено, ассимилировано съ русскимъ организмомъ, а организму отъ такого запоса чуждыхъ словъ вреда не было. Силу этого народнаго организма мы видимъ даже тамъ, гдѣ уже вообще національность мало значитъ, именно въ *религіи*, въ *Церкви*. Получивши ее, какъ Божіе благословеніе, какъ завѣтъ священный, отъ *Грековъ*, на Греческомъ языкѣ, съ Греческимъ Церковнымъ уставомъ, съ Греческимъ духовенствомъ, Русь по немногу стала набрасывать на эту *откровенную*, неземную вѣру свой отливъ, осваивать ее по своему чувству и по своимъ формамъ, не отступая отъ прототипа, переложила ее на свой природный языкъ, округлила ее своими новыми обрядами и вѣрованіями, вселенскую Святыню пріумножила своими Угодниками и Чудотворцами; однимъ словомъ, Греческая вѣра перешла въ плоть и кровь нашу, сдѣлалась одною изъ первѣйшихъ и чистѣйшихъ стихій Русскаго духа. Мы всѣ, по благодати, имѣемъ счастіе принадлежать къ Православному Греко-Россійскому исповѣданію. Перенеситесь на Западъ съ этою мыслію, и вы увидите другое явленіе: Латинская вѣра легла на народы, какъ тяжелая, отвердѣвшая сила, и не могла претерпѣвать никакихъ измѣненій народныхъ. Ее исповѣдуютъ тамъ на чужомъ, латинскомъ языкѣ; формы и обряды католическіе вездѣ одинаковы, непреложны, не смотря на различіе народностей и историческихъ ихъ состояній. Нужно было совершенно отречься отъ нея, и что еще ужаснѣе, даже возненавидѣть и вѣру и исповѣд-

никовъ, чтобы нѣкоторые народы получили самобытное развитіе. И такъ возблагодаримъ отъ всего сердца предковъ нашихъ, что они составили и утвердили Православную, по Греко-Россійскую вѣру, провели ее къ самымъ тайнымъ углубленіямъ человѣческой природы, къ *сердцу народному*, и оттуда, различными каналами, сообщили ей живое и благотворное теченіе по всему государственному и частному организму. И такъ, если народъ русскій одаренъ былъ такою удивительною, *образовательною* силою, то неужели онъ не могъ устроить себѣ порядочныхъ общественныхъ формъ? Если военная Варяжская дружина не долго держалась въ своей особности, скоро слилась съ русскимъ народомъ и приросла къ его землѣ: то могло ли статься, чтобы изъ нея вышли одни грабители, разбойники, *сыщики* государевыхъ интересовъ? На землѣ нашей не стояли иноплеменныя полчища, охранявшія эту воображаемую крѣпость—*княжество*; а войска набирались изъ народа, и были слѣдовательно ему близки. Воля ваша, г. историки, а тутъ должно быть что-нибудь не вѣрно. Нельзя себѣ представить въ дѣйствительной жизни такого состоянія, которое вы намъ набрасываете въ вашихъ увлекательныхъ очеркахъ; оно немыслимо, и одного момента въ исторіи просуществовать не можетъ. Здѣсь я не вижу *праведника*, ради котораго Милосердый Богъ такъ долго потерпѣлъ бы злочестивое порожденіе. Подобно Содому и Гоморрѣ, небесный огонь непремѣнно опалилъ бы все лицо и всю землю Россіи, и лишилъ ее дыханія. Таковъ уставъ Божественной Правды! А мы между тѣмъ жили, росли, усовершались, богатѣли и бѣднѣли, заболѣвали и выздоравливали, подвергались различнымъ испытаніямъ, но не унывали; однимъ словомъ, жили, какъ слѣдовало жить православному русскому народу и прославляли имя Божіе на землѣ, въ нашей Русской Церкви, какъ нѣжные сыны чадолюбивой Матери, *единымъ сердцемъ и едиными устами*. Народъ довѣрялъ правительству, а правительство заботилось о народѣ, — и всѣ состояли между собой въ физіологической связи, какъ члены одного великаго семейства. А г. Чичеринъ, остановившись на однихъ внѣшнихъ, отрывочныхъ событіяхъ въ старой Россіи, а не объяснивши ихъ надлежащимъ порядкомъ, составилъ по нимъ общую физіономію народа и государства, и разорвалъ между ними всякую нравственную и естественную связь.

Но этимъ не ограничилась разрушительная сила разсудочнаго его мышленія: поссоривши стариковъ нашихъ между собой, и поставивъ

насъ въ свидѣтели при ихъ дракахъ, обманахъ, жалобахъ, при всѣхъ семейныхъ сценахъ, онъ и насъ лишилъ всякаго нравственнаго и физіологическаго обобщенія съ нашими предками. Новая Русь стоитъ отдѣльно, одиноко, какъ кусокъ земли, оторвавшійся отъ своего материка, безъ всякой влаги, безъ всякой растительности. Какія средства не предпринимайте для оживленія этой умершей, отвердѣвшей матеріи, онѣ не сообщатъ ей органическаго духа. Московскіе цари погубили старую Русь, вырѣзали лучшихъ ея людей, заклеймили пятномъ безславія все тогдашнее общество, и составили новую дружину—*опричнину*, стали созидать новую Русь на новой землѣ, съ новымъ порядкомъ и устройствомъ. Во имя государства, — какъ высшей идеи, послѣдней въ гегеліанскомъ циклѣ, молодые историки разрѣшили имъ всѣ средства, всѣ дѣйствія, нужныя для достиженія такой высокой цѣли. И вотъ—въ самомъ дѣлѣ у насъ являются *двѣ Россіи*, какъ двѣ отдѣльныя народныя личности, одна другой враждебныя, какъ будто разноплеменныя. Старая Русь относится къ нашему новому духу, какъ *логическое отрицаніе*, стоитъ внѣ нашего пониманія, внѣ всякаго сердечнаго сочувствія. Какое чувство можно имѣть къ нашимъ предкамъ, не выразившимъ въ своей жизни никакой общечеловѣческой идеи, исказившимъ образъ Божій до ужаснѣйшихъ формъ? И художественнаго наслажденія не льзя получить отъ такой картины, потому что она не представляетъ идеала безобразія. И такъ и мы стоимъ одиноко, безъ предковъ, безъ преданій, какъ обрывокъ племени, при переходахъ историческихъ отдѣлившійся отъ цѣлаго народа, и запомнившій свое происхожденіе. Мы не понимаемъ нашей старой исторіи, не можемъ представить ее ни въ живыхъ лицахъ, ни въ дѣйствительныхъ событіяхъ. Кто думаетъ иначе, тотъ глубоко ошибается, и мозговыя разсудочныя свои операціи принимаетъ за настоящіе предметы. Но мы сдѣлаемъ опытъ, и докажемъ, что это—одно очарованіе. Духъ человѣческій одаренъ удивительною, эластическою силою; при всемъ своемъ ограниченномъ объемѣ, онъ можетъ носить въ себѣ всѣ судьбы народовъ, воспроизводить давно минувшую древность — съ лицами, физіологіей, съ плотію и кровію, бесѣдовать съ умершими предками, какъ съ живыми существами, сочувствовать имъ въ ихъ радостяхъ и печаляхъ—во время житейскаго ихъ странствованія; однимъ словомъ, мы можемъ въ душѣ нашей повторить прошедшую исторію народовъ во всемъ ея историческомъ процессѣ. Геніальные историки доставляютъ

намъ такое высочайшее наслажденіе чрезъ возстановленіе живыхъ физіономій; укажу на *Нибура*. Но духъ народный, сердце, дѣйствительно вмѣщаетъ въ себѣ всю исторію своего народа: ибо здѣсь уже и предметъ для объема не слишкомъ великъ, а сердце, вмѣстѣ со всею природою нашею, образовалось физіологическимъ процессомъ— отъ единаго духа и плоти, вылившагося въ *форму народа*. Этотъ народный духъ, особенно въ человѣкѣ симпатической натуры, можетъ прозрѣвать всю прошедшую исторію своего народа въ лицахъ, можетъ видѣть историческую поступь его въ вѣковомъ шествіи, напутствовать его всѣми святыми молитвами, и болѣзновать при уклоненіяхъ его отъ прямаго пути. Онъ хотѣлъ бы, изъ любви къ нему, предупредить его отъ преткновенія, зная напередъ предстоящую бездну; но это не возможно: дѣло кончено, паденіе случилось.

Народной исторіи никто не можетъ ни выдумать, ни показить, потому что хранитъ ее весь народъ; онъ и толковникъ, и жрецъ, и тайновидѣцъ даже будущихъ судебъ, на сколько это доступно человѣческому разуму. И такъ, при всѣхъ уродливыхъ, или красивыхъ оттискахъ русской исторіи въ литературныхъ станкахъ, настоящій ея образъ никогда не изчезнетъ,—и придетъ время, когда явится истинный, природный толковникъ, который совершитъ надъ памятниками нашего отечества новую операцію, объяснитъ намъ весь историческій ходъ, оживитъ минувшія времена, и сблизитъ новую Россію съ древнею *физіологическимъ*, *органическимъ* образомъ. *Нибуръ* совершилъ подобную реставрацію надъ древнимъ, римскимъ народомъ. Намъ легче это сдѣлать. А памятниковъ у нашего народа безчисленное множество. Если литературные источники сбиваютъ нашихъ молодыхъ ученыхъ и показываютъ имъ какіе-то ужасные образы; то мы бросимъ эти источники, изъ которыхъ течетъ такая мутная, грязная вода, и обратимся къ другимъ, чистѣйшимъ токамъ. Въ землѣ нашей, въ ея урочищахъ — живыхъ и мертвыхъ, въ преданіяхъ народа, въ языкѣ, въ физіономіи народной, во всѣхъ учрежденіяхъ— государственныхъ, земскихъ и частныхъ, въ Православной Церкви и обрядахъ, вездѣ найдемъ историческое *откровеніе*: нужно только съ простотою ума и чистотою сердца смотрѣть на всѣ эти свидѣтельства, а не пропускать ихъ чрезъ условную, готовую призму. Въ этомъ симпатическомъ духѣ народномъ судьбы старой Руси, начертанныя новыми художниками, не укладываются, не освоиваются.

Такъ, изъ картины русскаго быта, начертанной рукою г. Чичерина, мы не выносимъ никакой боли, никакого сердечнаго ощущенія, хотя эта картина представляетъ исторію нашего отечества, и при томъ по времени, намъ близкую: *XVII вѣкъ*. По правиламъ разсудочнымъ, мы должны вывести отсюда необходимое заключеніе о цѣльномъ отсутствіи всякаго нравственнаго достоинства въ русскомъ обществѣ XVII вѣка. Кто носилъ тогда образъ Божій, и понималъ земное свое назначеніе, тотъ долженъ былъ испытывать адскія мученія; и, не желая потерять всю человѣческую природу, не находя въ себѣ никакихъ силъ терпѣть эти мученія, обязанъ былъ немедленно оставить это чудовищное государство, и бѣжать, бросить все, что было дорого, свято, близко его сердцу.

Было однажды во всемірной исторіи такое страшное явленіе предъ кончиною древняго міра: въ самомъ дѣлѣ, забѣжалъ человѣкъ въ лѣса, степи, непроходимыя мѣста, и основалъ здѣсь новое Христіанское жилище. Наши предки никуда не рѣшились бѣжать, ни въ *нѣмецкую* землю, ни въ *литовскую*, тогда какъ тамъ всѣ жили привольно, и нашихъ выходцевъ приняли бы тамъ съ радостію. Правда, нѣкоторые люди, характера болѣе веселаго и жизни разгульной, а гдѣ ихъ нѣтъ? иногда шатались по бѣлому свѣту, уходили отъ своей земли, куда тянуло ихъ тягло; но и эта вольница никогда не переступала за предѣлы русской земли, и нагулявшись вдоволь, возвращалась къ своимъ пепелищамъ. Впрочемъ въ этомъ разгулѣ я не вижу уголовнаго преступленія, по существовавшему тогда закону: *вольному воля*. Однажды вздумалъ сдѣлать такой преступный уходъ знаменитѣйшій удѣльный князь нашъ—*Курбскій*, при обстоятельствахъ, отчасти извиняющихъ такой поступокъ; и какъ глубоко раскаялся въ своемъ малодушіи! Онъ готовъ былъ, какъ переписка это доказываетъ, на всѣ сдѣлки съ *Грознымъ*, лишь бы можно было возвратиться въ отечество, съ сохраненіемъ впрочемъ жизни. А *воспріять добровольно мученическій вѣнецъ*, къ чему приглашалъ его царь Иванъ Васильевичь, не всякому дано свыше: надобно быть достойнымъ такой чести. И такъ русскіе искони любили свое отечество, привязаны были къ нему всѣмъ сердцемъ, слились съ нимъ въ единую плоть и кровь, и готовы были защищать его отъ враговъ всѣми человѣческими и демонскими силами, что и доказывали на дѣлѣ. Слѣдовательно политическое устройство отечества было хорошо для нихъ, и вытекало изъ всего тогдаш-

няго быта органически. Но если кому-нибудь изъ новыхъ путешественниковъ, осматривающихъ нашу старину, не знаю, съ какою цѣлію, не нравится она въ этомъ видѣ: тому я, по законной довѣренности предковъ, и отъ ихъ имени, могу отвѣчать любимою ихъ поговоркой: *въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не входятъ.*

Мнѣ кажется, что самъ авторъ не состоялъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ той силы, которая исходитъ изъ дѣйствительнаго, живаго, человѣческаго быта: убѣжденіе выражается всѣми органами и передается легко читающему. При метномъ словѣ г. Чичерина непремѣнно отразилось бы гдѣ-нибудь нравственное его оскорбленіе, возмущеніе всего человѣческаго существа, которое раждается при взглядѣ на картину. Но рѣчь его вездѣ идетъ ровно, плавно, спокойно, безъ возвышеній и пониженій, свидѣтельствующихъ о движеніи чувства. Иначе и быть не могло. Авторъ нашъ совершаетъ одни діалектическія операціи надъ своими собственными понятіями, а не надъ живымъ народомъ; онъ разлагаетъ русское человѣчество во *второмъ моментѣ гегеліанскаго бытія* — въ формѣ *гражданскаго общества*, любуется ловкостію и правильностію методическихъ сѣченій, усиливаетъ разсудочный анализъ до самыхъ тончайшихъ дробностей, забывши совершенно, что *тѣло*, подлежащее анатомическому ножу, есть его собственное тѣло, что физіологія народа, которую разсудилось ему такъ обезобразить, отражается и на немъ и на всѣхъ насъ, имѣющихъ несчастіе принадлежать къ русской землѣ. Но я какъ будто вступилъ въ обвинительный процессъ съ г. Чичеринымъ, слѣдуя влеченію природнаго чувства; за это движеніе прошу великодушнаго снисхожденія. Мое дѣло — разборъ метода. Жизнь народная чрезвычайно многосложна; на нее можно смотрѣть съ разныхъ сторонъ, преломлять ее подъ различными углами. Методъ созерцанія играетъ здѣсь великую роль; отъ него зависитъ взглядъ ума, а отъ взгляда—извѣстная, опредѣленная физіономія народа. Надобно осторожно владѣть этимъ подвижнымъ орудіемъ; а г. Чичеринъ не сообразилъ всѣхъ послѣдствій своего методическаго снаряда.

Но по какимъ соображеніямъ онъ избралъ этотъ снарядъ, неудобный для русской исторіи?

Отъ чего взглядъ его на русскую исторію получилъ такой мрачный складъ? Въ *предисловіи* онъ уясняетъ намъ этотъ собственный духовный актъ: *только взглядъ на темныя стороны пред-*

шествующихъ періодовъ можетъ показать намъ всю ширину пройденнаго пути и заставитъ насъ принести дань благодарности великимъ дѣятелямъ; только при сознаніи темныхъ сторонъ мы увидимъ, что совершенныя преобразованія были не случайными распоряженіями, но основывались на ясномъ пониманіи нуждъ и потребностей времени (1). Это говоритъ г. Чичеринъ, имѣя въ виду двѣ славныя, путеводныя личности въ исторіи Россіи — *Петра I* и *Екатерину II*. Вотъ и ключъ къ разрѣшенію загадки. Г. Чичеринъ принялъ на себя роль адвоката въ какомъ-то небываломъ процессѣ, гдѣ подсудимыми являются Петръ Великій и Екатерина Великая. По правиламъ ораторской рѣчи, онъ долженъ былъ на всю прошедшую исторію набросить густую тѣнь, дабы свѣтлѣе, торжественнѣе и неожиданнѣе выходило это яркое солнце надъ темной атмосферой. Пріемъ показываетъ въ ораторѣ искусство и опытность, и предрасполагаетъ всякаго присяжнаго судію въ пользу подсудимыхъ. Но кто же осмѣлится вызвать ихъ на судъ? Въ титулѣ *Великихъ* отечество сознало все ихъ благодѣтельнѣйшее значеніе въ исторіи нашей, и выразило глубочайшую, вѣрноподданническую признательность къ ихъ подвигамъ, совершеннымъ для славы и благоденствія Россіи. Слѣдовательно, въ дѣлѣ излишнемъ, въ судѣ небываломъ, онъ обвинилъ нашихъ стариковъ, и выставилъ на видъ изъ всей ихъ жизни—такъ же многозначительной — одни *темныя стороны*. Здѣсь замѣтно въ адвокатѣ сильное пристрастіе. Притомъ я не понимаю, какимъ образомъ можно *увидѣть всю картину пройденнаго пути въ ночномъ мракѣ:* для такой мудреной операціи или надобно имѣть особенное устройство глазъ, или итти съ свѣтильникомъ въ рукахъ; но въ послѣднемъ случаѣ, по мѣрѣ приближенія свѣтильника къ извѣстному пройденному мѣсту, мракъ долженъ самъ собой исчезать.

Въ этомъ слѣдственномъ процессѣ между старою Россіею и новою, г. Чичеринъ руководствовался вездѣ русскими *источниками;* въ сочиненіи его видно необыкновенное обиліе ихъ и богатство знаній, и эта сторона достойна истиннаго уваженія, особенно, когда онъ высказываетъ собственное убѣжденіе въ значеніи своего литературнаго труда: *я старался изчерпать источники возможно полнымъ образомъ, такъ, чтобы мое разсужденіе составило по крайней мѣрѣ такое собраніе матеріаловъ, которымъ могли бы поль-*

(1) См. Предисловіе къ Областнымъ Учрежденіямъ, стр. II.

зоваться будущіе изслѣдователи по исторіи русскаго права (1). Прекрасная мысль, отзывающаяся сердечною теплотою и свѣтлымъ взглядомъ на будущую судьбу русской литературы! Но при этомъ случаѣ невольно скажешь: дивная вещь—эти русскіе источники! По видимому, надлежало бы ожидать отъ нихъ опредѣленнаго смысла, при опредѣленныхъ и условленныхъ внѣшнихъ знакахъ; а на дѣлѣ выходитъ на оборотъ. Одни изслѣдователи видятъ въ нихъ только темную сторону въ старой Руси, а другіе—одну свѣтлую. Кто изъ нихъ правъ, и кто виноватъ? И тѣ, и другіе. Они дѣлаютъ изъ исторіи какой-то *публичный процессъ*, гдѣ одна сторона обвиняетъ старую Русь, а другая защищаетъ ее; естественно, взаимное отношеніе ихъ должно получить противоположное направленіе, какъ бы борющихся сторонъ, и перейти даже въ личную страсть; а страсти вообще затемняютъ разумъ. Такимъ образомъ, источники, въ глазахъ ихъ, становятся подчиненнымъ, покорнымъ слугою, которому они, для своихъ частныхъ цѣлей и соображеній, дѣлаютъ различные наряды, и этотъ ловкій слуга служитъ службу двумъ господамъ, съ одинаковою вѣрностію. О лукавый рабъ! Но позвольте мнѣ спросить васъ, почтеннѣйшіе изслѣдователи, кто уполномочилъ васъ на эту кровную битву? Кто нападаетъ на старую Русь? Враги иноплеменные: но вы имъ ничего не отвѣчайте: ни одной строки не пишите для нихъ: это не ихъ дѣло. А если угодно имъ знать нашу исторію, то пусть читаютъ Карамзина. Что же касается до насъ, русскихъ, то смѣемъ увѣрить васъ, что мы желаемъ отъ васъ знать дѣйствительную русскую исторію, во всемъ ея физіологическомъ составѣ и постепенномъ развитіи, безъ всякой утайки и прикрасы, со всѣми слабостями, болѣзнями, испытаніями, какія предлежали этому живому организму на трудномъ житейскомъ поприщѣ, но и съ указаніемъ на силы, подвиги и средства, которыми владѣлъ онъ, и преуспѣвалъ въ своемъ возрастѣ. Мы желаемъ знать всю жизнь нашихъ предковъ, не для обвиненія, или оправданія ихъ въ нашихъ глазахъ, но для собственнаго поученія, для удовлетворенія самой живѣйшей, сердечной потребности слышать и наслаждаться безконечною и неумолкаемою пѣснію о старыхъ, минувшихъ вѣкахъ. При вашемъ искусственномъ положеніи, въ которое вы себя ставите, цѣль ваша не достигается: мы не желаемъ участвовать при обвинительномъ процессѣ нашихъ предковъ, не имѣя отъ природы наклонности къ подоб-

(1) Предисловіе, стр. III.

нымъ актамъ; а потому, всѣмъ вашимъ доказательствамъ и возраженіямъ не имѣемъ большой вѣры. И такъ не вѣримъ мы съ одной стороны, когда намъ на Руси временъ *Ярославовой правды* доказываютъ существованіе всѣхъ формъ государственнаго, общественнаго, церковнаго и частнаго быта, свойственныхъ только зрѣлому, сложившемуся организму; но не вѣримъ мы и съ другой стороны, когда въ *XVII вѣкѣ* разстилаютъ предъ нами картину всѣхъ учрежденій, всѣхъ состояній народа, въ безобразнѣйшихъ фигурахъ. И наше невѣріе основано на всей справедливости, и признано всѣми законами: мы здѣсь зрители сторонніе, судіи, пришедшіе посмотрѣть на художественную вашу выставку; въ этомъ положеніи мы пользуемся естественною свободою судить о вашихъ картинахъ и провѣрять историческое ихъ достоинство на основаніи *физіологіи человѣческой*. Быть можетъ, нашъ судъ не нравится вамъ, и не имѣетъ художественныхъ пріемовъ; но въ этомъ случаѣ извините насъ: вы сами, зная наши недобрыя свойства, добровольно рѣшились подвергнуть свои произведенія нашей оцѣнкѣ. Вы пишете и печатаете исторію русскаго права не для кабинетныхъ вашихъ упражненій, но для общества русскаго, для убѣжденія его въ извѣстныхъ юридическихъ началахъ, развитыхъ въ древнемъ государствѣ.

Литературные памятники суть также отраженіе личнаго ума дѣеписателя, и не изъяты отъ произвольнаго пониманія. Слѣдовательно, не льзя воспроизводить исторію въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, какія наложены на нее древними писателями. Въ наше время *Герлахъ* и *Бахофенъ* вздумали было, вопреки Нибуру, возстановить Римскую исторію, по древнимъ преданіямъ, повторить ее, безъ всякаго свободнаго акта мышленія, въ древнихъ формахъ, со всею тогдашнею оболочкою (1); но наука отвергла этотъ опытъ, какъ недостойный, и авторы, какъ слышно, оставили свое предпріятіе (2). Нашей исторической критикѣ предстоитъ величайшій трудъ, объяснить истинный смыслъ историческихъ событій, заключающихся въ источникахъ, уставить, такъ сказать, *литературный канонъ*, и опредѣлить общее чтеніе (lectio vulgata). Въ этомъ трудѣ основою долженъ быть принятъ историко-органическій методъ.

1857 года
21 Генваря.

П. Крыловъ.

---

(1) *Gerlach* und *Bachofen*, die Geschichte der Römer. I. B. 1851. Basel.

(2) См. *Schwegler*, Römische Geschichte. I. B. 1853. Tübingen. II. B. 1856. *Mommsen*—Römische Geschichte. 1856. Berlin.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

по

ПОВОДУ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ

г. Чичерина (*).

Нельзя не отдать полной справедливости трудолюбію и дарованіямъ г. Чичерина. Онъ выступилъ на литературное поприще съ готовымъ запасомъ свѣдѣній и самостоятельныхъ мнѣній, добытыхъ продолжительными занятіями, и оттого, хотя имя его въ первый разъ появилось въ печати въ началѣ прошлаго года, онъ успѣлъ въ это короткое время представить публикѣ два изслѣдованія о древней русской общинѣ, о несвободныхъ состояніяхъ въ Россіи, и наконецъ цѣлую книгу о русской администраціи въ XVII вѣкѣ, не говоря о нѣсколькихъ критическихъ статьяхъ. Изъ одного этого перечня видно, что г. Чичеринъ не уклоняется отъ трудностей и приступаетъ прямо къ самымъ важнымъ и по-сю пору самымъ неразработаннымъ вопросамъ Русской Исторіи. На каждый изъ нихъ онъ предлагаетъ ясный и рѣшительный отвѣтъ. Онъ обладаетъ искусствомъ легко

(*) Мы получили эту статью еще въ Декабрѣ, изъ Сызрани, отъ сотрудника нашего Ю. Ѳ. Самарина. Она предназначалась для № 4-го Русской Бесѣды, но получена была нами тогда, когда отпечатывались уже послѣдніе листы этой книги. Помѣщая теперь сію статью, которую вѣрно всѣ прочтутъ съ удовольствіемъ, мы считаемъ не излишнимъ обратить вниманіе читателей на замѣчательное совпаденіе основныхъ мнѣній въ двухъ статьяхъ, писанныхъ на разныхъ краяхъ Россіи, людьми, не сносившимися между собою. При семъ случаѣ мы не можемъ не высказать искренняго нашего желанія, чтобъ даровитый нашъ писатель г. Чичеринъ наконецъ убѣдился въ несостоятельности своего взгляда на Русскую исторію, глубже вникъ въ ея внутренній смыслъ, посмотрѣлъ на нее съ истинно-объективной точки зрѣнія, и обогатилъ нашу литературу новыми историческими трудами. *Изд.*

управляться съ матеріалами и такъ мастерски группируетъ факты, что читатель, плѣненный округленностью изложенія, принимаетъ охотно вмѣстѣ съ фактами систему, по которой они разставлены и выводы изъ нихъ извлеченные. Какова эта система и каковы эти выводы сами по себѣ, — это другой вопросъ.

Русская Бесѣда представила подробный разборъ трудовъ г. Чичерина, и этотъ разборъ, въ которомъ каждое слово подкрѣплено ссылками на документы, кажется, даетъ намъ право сказать, что ни одно изъ новыхъ его положеній, собственно ему принадлежащихъ, не выдерживаетъ критики. Конечно, историческія изслѣдованія автора, какъ сводъ матеріаловъ, имѣютъ прочное достоинство, независимое отъ выводовъ; но отчего же столько добросовѣстнаго труда и столько дарованій, употребленныхъ на такомъ поприщѣ, гдѣ каждаго дѣятеля ожидаетъ обильная жатва, не внесли въ науку положительныхъ результатовъ, а обогатили ее только дознаніемъ нѣсколькихъ ошибокъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ непремѣнно указать на какой-нибудь недостатокъ въ самомъ способѣ изслѣдованія, въ ученыхъ пріемахъ автора, а потому мы считаемъ не безполезнымъ посвятить этому предмету нѣсколько страницъ.

Прежде всего поражаетъ во всѣхъ историческихъ трудахъ г. Чичерина неполнота употребленныхъ въ дѣло источниковъ. Онъ ссылается почти исключительно на юридическіе памятники (Акты Археографической Коммиссіи, Румянцевское собраніе, Полное собраніе законовъ и т. п.); рѣдко попадается ссылка на лѣтописи и нигдѣ не приняты въ соображеніе ни сочиненія иностранцевъ о Россіи, ни памятники церковной литературы, ни народныя преданія, пѣсни, сказки, поговорки, ни наконецъ современный бытъ, представляющій живой и самый надежный комментарій къ скуднымъ остаткамъ древней письменности. Если намъ скажутъ, что на *юридическіе вопросы* естественнѣе и ближе всего искать разрѣшенія въ *юридическихъ актахъ*, то мы отвѣтимъ на это, что подобное правило, и то не безусловно, можетъ быть примѣнено только къ народной жизни, вышедшей изъ состоянія первобытнаго безразличія и уже развѣтвившейся на множество самостоятельныхъ отраслей. Оно предполагаетъ спеціальныя дѣятельности, спеціальныя вѣдомства, спеціальныя ученія и спеціальныя литературы. Всего этого, разумѣется, мы не можемъ искать въ старинѣ, ни у себя, ни у другихъ

народовъ. Чѣмъ дальше мы восходимъ отъ настоящаго къ прошедшему, тѣмъ менѣе находимъ мы рѣзко разграниченныхъ спеціальностей какъ въ понятіяхъ, такъ и на практикѣ, тѣмъ труднѣе подвести подъ опредѣленныя категоріи явленія жизни и памятники слова. Лѣтопись носитъ на себѣ характеръ проповѣди на прошедшія событія, или частныхъ замѣтокъ, ученіе о домашнемъ хозяйствѣ сливается съ психологіею; все выражается во всемъ, но выражается всегда отрывочно, какъ будто невольно, и всякое подобное выраженіе вызывается искреннимъ ощущеніемъ практическихъ потребностей данной минуты, а вовсе не желаніемъ исчернать всѣ свойства предмета, ограничить его со всѣхъ сторонъ и выяснить его самостоятельную особенность.

Къ этому мы должны еще прибавить, что вопросы, возбуждаемые г. Чичеринымъ, сами по себѣ такъ широки, что едва ли можно надѣяться разрѣшить ихъ, не захвативъ всѣхъ сферъ народной жизни и слѣдовательно всѣхъ ея проявленій. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

1) « Безъ суда, говоритъ авторъ книги о русской администраціи, не можетъ существовать никакое общество ».

« Судъ составлялъ *единственную* общественную потребность удѣльной Россіи и характеръ суда прямо укажетъ на начала общественнаго устройства въ удѣльномъ періодѣ ».

Такъ поставленъ вопросъ, а вотъ на него отвѣтъ: Судъ разсматривался исключительно съ точки зрѣнія частнаго права, какъ привилегія судившаго, какъ его оброчная статья, отнюдь не какъ дѣло общественное; судъ учреждался для выгодъ судьи, а не для пользы подсудимыхъ, и потому не могло быть понятія о какихъ-либо обязанностяхъ судьи къ подсудимымъ, а могла быть рѣчь только о правахъ его надъ ними и объ опредѣленіи границъ этихъ правъ въ отношеніи съ высшей власти или къ другимъ должностнымъ лицамъ. Къ такому заключенію приводитъ автора разсмотрѣніе юридическихъ документовъ. Вѣрно ли они поняты, объ этомъ мы будемъ говорить послѣ. Допустимъ теперь, что выводъ вѣренъ. Очевидно, что понятіе о судѣ въ смыслѣ кормленія могло принадлежать только тому сословію, которое владѣло судомъ какъ собственностію; это было воззрѣніе служилыхъ людей, *дававшихъ судъ*, а конечно не общества, принимавшаго судъ. Почему же понятіе, возникшее изъ частнаго отношенія *одного* сословія къ разсматриваемому предмету,

принято за выраженіе сознанія цѣлаго общества, за указаніе на начало, лежавшее въ основѣ его устройства? Во Франціи, во время процвѣтанія аристократіи, когда дворянскія имѣнія переходили нераздѣльно по наслѣдству къ старшему сыну, младшіе сыновья (les cadets de famille) поступали обыкновенно въ духовное званіе, и состояніе ихъ обезпечивалось доходами епархій, монастырей, духовныхъ корпорацій. Въ Пруссіи, въ началѣ нынѣшняго вѣка, многіе юристы доказывали, что всякій чиновникъ, увольняемый отъ должности даже за неспособность, имѣлъ право требовать вознагражденія за потерю мѣста и жалованья; въ Англіи до сихъ поръ военные чины продаются, покупаются, закладываются какъ частная собственность. Спрашивается: изъ всего этого слѣдуетъ ли, что Франція смотрѣла на свою іерархію единственно какъ на средство поддержать достоинство и блескъ знатныхъ родовъ, что Прусскіе юристы считали судебныя и административныя должности кормленіями, что Англія не понимаетъ общественнаго значенія военной службы? Если въ отношеніи къ Франціи, Пруссіи и Англіи подобный выводъ былъ бы несправедливою натяжкою, то какое право имѣемъ мы примѣнять его къ древней Руси?

Далѣе, извѣстно всѣмъ, и самъ г. Чичеринъ утверждаетъ насъ въ томъ убѣжденіи, что никакое общество не можетъ существовать безъ суда—конечно, не въ смыслѣ *кормленія*, — что судъ составляетъ существенную потребность всякаго общества — конечно, не ради поборовъ, съ нимъ сопряженныхъ, — такъ въ чемъ же заключалось понятіе *народа* о томъ, что есть судъ самъ по себѣ и чѣмъ долженъ быть судья для подсудимыхъ, въ чемъ выражалось это понятіе и какъ оно относилось къ оффиціальному воззрѣнію служилаго сословія? Эти вопросы не со стороны примыкаютъ къ главному тезису; они въ немъ содержатся, и взявшись опредѣлить характеръ цѣлаго общественнаго устройства по характеру судебныхъ учрежденій, нельзя было миновать ихъ разрѣшенія.

Если не нашлось для этого никакихъ данныхъ въ юридическихъ актахъ, въ чемъ позволительно усомниться, то вольножъ было ими ограничиваться.

Здѣсь вѣроятно пригодилась бы къ дѣлу справка съ проповѣдями и посланіями, посредствомъ которыхъ Церковь приводила въ гражданское общество идеальныя понятія, прививавшіяся ко всѣмъ сословіямъ; можетъ быть и повѣствованія лѣтописцевъ, особенно тѣ, на

которыхъ лежитъ отпечатокъ народныхъ преданій, дали бы указанія для воспроизведенія понятій древней Руси о правдѣ и о судѣ. Вѣдь убѣжденія, представленія, даже предразсудки цѣлыхъ народовъ такіе же *факты*, такой же историческій матеріалъ, какъ и грамота выданная однимъ лицемъ другому, или происшествіе совершившееся въ такомъ-то году и въ такомъ-то мѣстѣ. Если бы г. Чичеринъ принялъ въ соображеніе *всѣ* источники и провѣрилъ бы свои выводы характеромъ *всей* древней жизни, онъ неминуемо пришелъ бы къ заключенію, что юридическіе памятники выражали одно понятіе, одинъ видъ учрежденій, а въ народной жизни существовало другое понятіе и цѣлый порядокъ соотвѣтственныхъ ему явленій, или что юридическіе памятники обрисовывали только одну сторону учрежденій; далеко не исчерпывая ихъ общественнаго значенія, слѣдовательно не представляя данныхъ для полнаго вывода о характерѣ цѣлой жизни, или наконецъ, что онъ самъ не совсѣмъ вѣрно опредѣлилъ себѣ смыслъ этихъ памятниковъ.

II). Россія завоевана князьями и ихъ дружинами — эту гипотезу проводитъ г. Чичеринъ единственно потому, что она составляетъ необходимое основаніе другой любимой его гипотезы о принадлежности всей земли князьямъ на правѣ частной собственности. Первый вопросъ: была ли Россія завоевана или нѣтъ, кажется, тождественъ съ вопросомъ: зналъ ли что-нибудь Русскій народъ про такое завоеваніе, считалъ ли онъ себя и свою землю военною добычею князей? Очевидно, что насиліе испытанное здѣсь и тамъ еще не составляетъ завоеванія; если мы не находимъ признаковъ его *въ цѣлой совокупности отношеній* пришельцевъ къ туземцамъ, если древнѣйшія преданія вторыхъ о первыхъ, восходящія къ временамъ не слишкомъ отдаленнымъ отъ первой ихъ встрѣчи, не содержатъ въ себѣ выраженія сознаннаго униженія, то мы не въ правѣ предполагать завоеванія, хотя бы два, три случая или выраженія сохранившіяся въ лѣтописяхъ и не подходили подъ наши понятія о мирномъ водвореніи. Гдѣ же слѣды народныхъ воспоминаній о завоеваніи Россіи Варяжскою дружиною? Въ преданіяхъ о Владимірѣ, этомъ типическомъ образѣ древняго князя—дружинника, естьли хоть одна черта, напоминающая представленіе побѣжденныхъ о побѣдителѣ? Мы теперь не опровергаемъ гипотезы г. Чичерина; едва ли онъ и самъ крѣпко стоитъ за нее; мы хотимъ только сказать, что странно утверждать или отрицать въ исторіи народа фактъ первой величины,

фактъ, долженствующій непремѣнно имѣть рѣшительное вліяніе на всю его судьбу, не допросивши воспоминаній самаго народа.

III). Съ какого времени и при какихъ условіяхъ установилось въ нашихъ селахъ общественное владѣніе и вошелъ въ обычай срочный передѣлъ земель? И этотъ вопросъ (котораго возбужденіе есть уже заслуга) обработанъ г. Чичеринымъ только по юридическимъ даннымъ, тогда какъ почва его не столько область права, сколько область сельскаго хозяйства. Автору представляется сельская община и общественное владѣніе, только какъ *учрежденіе*, какъ результатъ законовъ, какъ твореніе государственной власти, и онъ совершенно упускаетъ изъ виду тѣсную, неразрывную связь юридическаго вопроса съ экономическими условіями народнаго быта, забывая, что въ основаніи всѣхъ отношеній земледѣльцевъ къ землѣ лежитъ пользованіе землею, и что отъ способа этого пользованія, который опредѣляется свойствомъ почвы и отношеніемъ народонаселенія къ пространству удобныхъ земель, зависитъ главнѣйшимъ образомъ и юридическое развитіе всѣхъ поземельныхъ отношеній? Здѣсь, простой взглядъ на современный крестьянскій бытъ открылъ бы, что не въ томъ вопросъ, когда и кто приказалъ, дозволилъ или разрѣшилъ владѣть землею сообща и передѣлять ее, а въ томъ: при какихъ условіяхъ русскій народъ находитъ этотъ порядокъ вещей возможнымъ, справедливымъ и выгоднымъ. Оглянувшись вокругъ себя, авторъ нашелъ бы въ современной Россіи такія области, гдѣ еще не начинали передѣлять полей,—другія, гдѣ, вопреки противодѣйствію разныхъ распорядительныхъ властей, обычай этотъ держится во всей своей силѣ, и третьи, гдѣ онъ постепенно ограничивается и выводится. Разумная и постоянная послѣдовательность этихъ явленій объяснила бы многое въ исторической судьбѣ нашей древней общины, и если бы авторъ въ дополненіе къ своимъ источникамъ обратилъ вниманіе на современный обычай, то онъ вѣроятно не отнесъ бы къ числу изобрѣтеній законодательства одну изъ отличительныхъ особенностей нашего народа, принадлежащую ему также неотъемлемо и также независимо отъ всякихъ теорій и распоряженій, какъ его физіономія и его языкъ.

IV). Тоже замѣчаніе примѣняется къ изслѣдованію о несвободныхъ состояніяхъ въ Россіи. Авторъ удовлетворительно раскрылъ государственныя потребности, имѣвшія вліяніе на судьбу сельскаго народонаселенія; но, упустивъ изъ виду экономическую сторону во-

проса, онъ не замѣтилъ, что въ эпоху, когда заканчивалась аппропріація земель, прикрѣпленіе крестьянъ представлялось единственнымъ средствомъ удержать нераздѣльность земледѣльца съ землею, и что подъ крѣпостнымъ правомъ, въ формѣ зависимости лица отъ земли, укрылось и спаслось для другихъ временъ право крестьянъ на землю.

Далѣе, судя по тому какъ г. Чичеринъ пользуется самыми юридическими памятниками, такъ близко ему знакомыми, можно подумать, что онъ недостаточно уяснилъ себѣ обстоятельства, подававшія поводы къ ихъ возникновенію и общее ихъ отношеніе къ древней жизни. Онъ обращается съ историческими свидѣтельствами какъ королевскій прокуроръ (accusateur public) съ уликами, собранными слѣдствіемъ противъ обвиненнаго. Мы сказали выше, что у насъ въ старину, какъ и у всякаго народа въ періодѣ его младенчества, письменность играла очень ограниченную роль и употреблялась какъ вспомогательное средство для достиженія чисто практическихъ цѣлей. Оттого обычный порядокъ вещей, всѣмъ извѣстный, всѣми признанный и никого изъ современниковъ не поражавшій, рѣдко и то случайно высказывался въ древнихъ памятникахъ. Въ тѣ времена, чтобы заставить человѣка взяться за перо, нужны были особенныя побужденія. Въ грамотахъ, договорахъ, уставахъ, челобитныхъ, записывалось во первыхъ то, что подвергалось частымъ измѣненіямъ и нелегко удерживалось въ памяти, на примѣръ, таксы разнаго рода сборовъ, пошлинъ, штрафовъ и пеней; во вторыхъ, нововведенія или изъятія нарушавшія старину, на примѣръ разнаго рода льготы и привиллегіи; наконецъ, случаи сильно и глубоко захватывавшіе чьи-либо частныя интересы; сюда относятся жалобы на обиды и злоупотребленія властей и всякаго рода просьбы по частнымъ дѣламъ.

Все это вмѣстѣ, очевидно, далеко еще не исчерпываетъ обычнаго порядка вещей, а относится къ нему, какъ дополненіе, какъ примѣненіе общаго къ частнымъ случаямъ, или какъ прямая противоположность къ обычаю и закону. Г. Чичеринъ выводитъ обильныя заключенія изъ того, что въ нашихъ древнихъ уставныхъ и прочихъ граматахъ, которыми опредѣлялись обязанности и кругъ дѣятельности должностныхъ лицъ, преимущественно обращено вниманіе на сборы, пошлины и доходы; но это объясняется очень просто потребностью облечь въ письменную форму и закрѣпить именно то, о чемъ легко могли возникать споры, чего не вмѣщала въ себѣ народная память

и не опредѣляло преданіе. Г. Чичеринъ сводитъ разные отзывы о ходѣ управленія, о дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ и приходитъ къ заключенію, что наша древняя администрація представляла безобразный хаосъ; но онъ забываетъ, что въ большей части дошедшихъ до насъ памятниковъ, по самому характеру практическихъ поводовъ, которымъ они обязаны своимъ происхожденіемъ, должна была отразиться именно одна эта темная сторона, одинъ *безпорядокъ*, а не *порядокъ* древней жизни. Вся ошибка въ неправильномъ обобщеніи частнаго, въ принятіи одной стороны за цѣлое. Эта односторонность и натянутость выводовъ г. Чичерина сдѣлается очевидною, если примѣнить ихъ къ современнымъ даннымъ. Изъ того, что чиновникъ объясняетъ своему начальнику, что получаемое имъ жалованье не достаточно для его содержанія и проситъ перевести его на высшій окладъ, слѣдуетъ ли, что чиновникъ, начальникъ его и цѣлое общество смотрятъ на занимаемую имъ должность единственно какъ на оброчную статью? Изъ того, что въ Московской уголовной палатѣ ни о чемъ нѣтъ рѣчи какъ только о преступленіяхъ и проступкахъ, въ правѣ ли мы заключить, что Московская губернія населена сплошь ворами и убійцами?

Наконецъ, третья и главная причина ошибокъ, въ которыя впалъ г. Чичеринъ, заключается по нашему убѣжденію въ *отрицательности его воззрѣнія*. Употребивши это выраженіе, мы должны тотчасъ же, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, пояснить, какое значеніе мы придаемъ ему. Оно не имѣетъ ничего общаго съ преднамѣреннымъ порицаніемъ. Мы относимъ его не къ *намѣренію*, о которомъ въ ученомъ спорѣ никогда не можетъ быть и рѣчи, ибо намѣреніе у всѣхъ одно: выразумѣть и объяснить предметъ изученія; но мы опредѣляемъ имъ характеръ логическаго вывода, совершенно независимаго отъ воли мыслителя и принимающаго форму отрицанія вслѣдствіе *непримѣнимости избраннаго мѣрила къ предмету изученія*. Представьте себѣ Лапландца никогда не видавшаго ничего кромѣ своей родины и перенесеннаго внезапно подъ знойное небо Африки; первое его сужденіе непремѣнно выразится отрицаніемъ: Африка поразитъ его какъ земля, въ которой *нѣтъ* ни снѣга, ни трескучихъ морозовъ. Такого рода сужденія одинаково способны выражать и похвалу и порицаніе. Въ примѣненіи къ русской исторіи, выставляютъ ли намъ какъ отличительное свойство нашего прошедшаго отсутствіе непримиримой вражды сословій и ужасовъ никви-

зиціи, или недостатокъ союзнаго духа и государственныхъ понятій, въ обоихъ случаяхъ, мысль относится одинаково къ предмету; ибо не проникаетъ глубже отрицательныхъ, внѣшнихъ его признаковъ. Уяснивши это, мы въ правѣ сказать, что доселѣ господствуетъ у насъ отрицательное воззрѣніе на русскую жизнь; иными словами: ее опредѣляютъ не столько по тѣмъ даннымъ, которыя въ ней *есть*, сколько по тѣмъ, которыхъ въ ней *нѣтъ*, и которымъ, по субъективному убѣжденію изучающихъ ее, слѣдовало бы непремѣнно въ ней быть. Послѣдовательное развитіе нашего самосознанія должно было неизбѣжно поставить насъ на эту точку зрѣнія, составляющую логическій переходъ отъ подражательнаго направленія мысли къ народному.

Историческая наука зачалась въ Россіи вслѣдъ за переворотомъ, перервавшимъ у насъ живую нить историческаго преданія. Оттого наука явилась, не какъ плодъ созрѣвшаго народнаго самосознанія, а какъ попытка со стороны *цивилизованнаго общества* оторвавшагося отъ народной почвы возстановить въ себѣ утраченное самосознаніе, придти въ себя (1).

У другихъ народовъ, идея исторіи представлялась какъ своя исторія; форма и содержаніе зарождались нераздѣльно въ живомъ народ-

(1) Никто такъ ясно не выразилъ этой мысли какъ самъ г. Чичеринъ, конечно не подозрѣвавшій, что въ то самое время, какъ онъ такъ заботливо охранялъ науку отъ прикосновенія народности, въ словахъ его высказывалось рѣшительное, хотя и невольное признаніе неестественности отношенія безнародной науки къ жизни. Въ статьѣ, напечатанной въ № 14 Русскаго Вѣстника за прошлый годъ, мы читаемъ: «Что такое *русскія начала*—это можетъ *открыться только* изъ основательнаго изученія прошедшей и настоящей жизни нашего народа, то есть, изъ науки; а наука русской жизни едва начинается». Переведите эти слова на любой языкъ, смысла ихъ не пойметъ ни Французъ, ни Нѣмецъ, ни Англичанинъ; развѣ только пойметъ ихъ Кургессенская Церковь, публиковавшая недавно о потерѣ своего вѣроисповѣданія. По мнѣнію г. Чичерина, наука должна не только уяснить, не только облечь въ систематическую форму сознаніе народа о присущихъ въ немъ началахъ, она должна ихъ *открыть*; а наука русской жизни едва начинается! Мы бы охотно согласились терпѣливо ожидать этого открытія, если бы можно было пріостановить развитіе народа до тѣхъ поръ, пока ученые сдѣлаютъ свое дѣло, пока наука назоветъ народныя начала, иными словами: укажетъ народу цѣли, законы и средства; но вѣдь народъ идетъ впередъ безостановочно и въ каждую минуту своего бытія ему приходится словомъ и дѣломъ выражать и отстаивать эти начала, которыхъ еще не открыла наука; на каждомъ шагу возникаютъ передъ нимъ вопросы, которыхъ нельзя отложить до лучшихъ временъ; ихъ нужно разрѣшать немедленно, на основаніи тѣхъ же началъ, которыхъ народъ будто бы не вѣдаетъ и о которыхъ наука рѣшительно ничего не знаетъ. Жалкое, не бывалое въ исторіи положеніе!

номъ самосознаніи; у насъ же возникла сперва чисто формальная потребность исторіи, ибо внутреннее содержаніе ея составляло для насъ искомое. Намъ пришлось задать себѣ вопросъ: чего намъ искать въ своемъ прошедшемъ и какую бы намъ сочинить для себя исторію?

Передъ нами лежала разработанная, разъясненная исторія другихъ народовъ, какъ бы готовая формула исповѣди, и мы приняли ее и начали повторять отъ себя, чистосердечно радуясь чужимъ подвигамъ и проливая слезы покаянія о чужихъ грѣхахъ. Какъ относились къ тогдашней нашей общественной жизни комедіи, передѣланныя съ французскаго и *приспособленныя къ русскимъ нравамъ*, такъ точно относились къ русской старинѣ первые наши историческіе труды. И Карамзинъ, не говоря уже о второстепенныхъ ученыхъ, въ первыхъ томахъ своей исторіи заплатилъ дань этому воззрѣнію. Результаты, къ которымъ оно привело, не могли быть утѣшительны. Напрасно старались отыскать у насъ геровъ, законодателей, аристократію и демократію, поэтическихъ рыцарей и гордыхъ прелатовъ; ихъ не оказалось, и пришлось сознаться, что явленія нашей жизни въ сравненіи съ древнимъ классическимъ міромъ и съ западнымъ, были блѣдны и тощи, что изъ данныхъ по видимому сходныхъ, у насъ слагалось, не то, чего бы хотѣлось, и наконецъ, что итогъ всего нашего прошедшаго развитія совсѣмъ не походилъ на западно-европейскую цивилизацію, принятую нами за образецъ. И такъ, вмѣсто отвѣта на первый вопросъ, мы пришли къ сомнѣнію: видно мы чѣмъ-то обдѣлены, чего-то существеннаго намъ не достаетъ; ужъ не страдаемъ ли мы кореннымъ, прирожденнымъ недугомъ? А если такъ, то гдѣ жь онъ таится, какъ назвать его и въ чемъ искать врачеванія?—Разумѣется, самое возбужденіе этихъ вопросовъ, сравнительно съ прежнимъ направленіемъ, изъ котораго они вышли, являло несомнѣнный успѣхъ. Они должны были заставить насъ оглянуться пристальнѣе на самихъ себя, строже себя допросить; но въ тоже время, они были такъ поставлены, что рѣшеніе ихъ зависѣло безусловно отъ субъективнаго убѣжденія каждаго взирающаго на предметъ. Одному могло показаться, что наше историческое прошедшее было неполно, потому что Россія лишена была возможности принять въ себя изъ первыхъ рукъ результаты классичесской древности; другой могъ приписать мнимую незаконность нашего развитія удаленію Россіи отъ духовнаго средоточія средневѣковой западно-европейской

БИБЛІОТЕКИ
Исторических и Юридических Курсовъ
Н. П. Раева.

жизни; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Кавелинъ, въ мастерскомъ очеркѣ юридическихъ отношеній древней Россіи, доказывалъ, что отличительная особенность ихъ заключалась въ слабомъ развитіи личности, исчезавшей въ обществѣ, а теперь г. Чичеринъ доказываетъ намъ, что вся бѣда произошла у насъ отъ недостатка союзнаго духа и отъ исключительнаго господства ничѣмъ несдержанной личности.

При всемъ разнообразіи, при всей рѣзкой противоположности этихъ мнѣній, промелькнувшихъ въ литературѣ русской исторіи, мы относимъ ихъ къ одной школѣ по слѣдующимъ двумъ общимъ ихъ признакамъ. Во первыхъ, во всѣхъ, указанныхъ случаяхъ, изслѣдователь смотритъ на предметъ со стороны, съ своей точки зрѣнія предварительно избранной, приноситъ съ собою готовый маштабъ; онъ приступаетъ прямо съ *суду* надъ прошедшимъ, не удостовѣрившись, того ли онъ ищетъ въ древней Россіи, того ли требуетъ отъ нея, чего требовала отъ себя сама Россія и въ чемъ полагала свое призваніе? Во вторыхъ, и это есть прямое, неизбѣжимое послѣдствіе непримѣнимости основныхъ понятій, вынесенныхъ изъ чуждой намъ среды, къ явленіямъ нашей жизни,—выводы носятъ на себѣ постоянно отрицательный характеръ.

Такого рода выводы, сколько бы ихъ ни набралось, имѣютъ всѣ одно общее свойство: они не объясняютъ изучаемаго предмета, они только ограничиваютъ его извнѣ; говоря языкомъ гегелевой философіи, они опредѣляютъ его für ein anderes (со стороны), а не an und für sich (по себѣ), не раскрываютъ передъ нами его внутренняго содержанія, не вводятъ насъ въ его сердцевину, не даютъ намъ живаго о немъ представленія.

Въ концѣ своей книги о русской администраціи, г. Чичеринъ сводитъ итогъ своихъ разысканій, и передъ читателемъ является длинный перечень всего не оказавшагося въ наличности. Отсутствіе союзнаго духа, отсутствіе систематическаго законодательства, отсутствіе общихъ разрядовъ и категорій, отсутствіе юридическихъ началъ и юридическаго сознанія въ народѣ, отсутствіе общихъ соображеній, отсутствіе теоретическаго образованія, и еще нѣсколько другихъ отсутствій удалось отмѣтить г. Чичерину на перекличкѣ учрежденій допетровской Руси (*).

(*) Списокъ однако же не полонъ. Наша старина собрала и завѣщала современному изслѣдователю такъ много обвинительныхъ актовъ противъ самой себя, что обиліе ихъ

Такъ что же наконецъ въ ней присутствовало? Вѣдь жизнь народа не можетъ наполняться тѣмъ, чего въ ней нѣтъ или чего мы въ ней не нашли. Должны же мы допустить въ ней и положительное содержаніе, да и самое множество дѣйствительно или мнимо отсутствующихъ въ ней началъ можетъ быть понято только, какъ признакъ рѣшительнаго преобладанія какихъ-либо другихъ творческихъ силъ. Къ сожалѣнію, ихъ-то мы и не видимъ.

Здѣсь однако же мы должны предупредить вѣроятное возраженіе. Намъ могутъ сказать, что всякій отрицательный выводъ сопровождается и положительнымъ опредѣленіемъ предмета, что на примѣръ, попытка объяснить особенный характеръ нашей старины отсутствіемъ личности опиралась на ученіи о родовомъ бытѣ, и что теперь г. Чичеринъ, проводя совершенно новую мысль объ отсутствіи союзнаго начала, въ тоже время указываетъ намъ на какое-то исключительное господство изолированной личности. Мы противъ этого не споримъ; но дѣло въ томъ, что положительная сторона того и другаго мнѣнія обязана своимъ происхожденіемъ отрицанію, заключенному въ сердцевинѣ самой мысли, а не въ одной ея формѣ, не въ частицѣ *не* или *безъ*. Мы не ошибемся, если скажемъ, что въ умственномъ процессѣ прежде всего выработалось отрицаніе, а положеніе примкнуло къ нему, какъ выводъ разсудка, какъ гипотеза придуманная для оправданія живаго, искренняго ощущенія выразившагося въ отрицаніи. Отрицаніе — лицевая, рѣзко обрисованная и ярко росписанная сторона; на ней лежитъ ударепіе мысли; а положительная сторона — блѣдная, безцвѣтная изнанка. Въ ученіи о родовомъ бытѣ, существенное заключается въ слѣдующемъ, вѣрно подмѣченномъ признакѣ: личность не играла у насъ той первостепенной роли, не предъявляла у насъ тѣхъ требованій, не выкидывала такъ смѣло своего знамени, какъ на Западѣ; да и союзы не представляли того строго-условнаго характера, тѣхъ рѣзкихъ, юридическихъ формулъ, которыя извѣстны намъ изъ другихъ исторій; что жъ касается до положительныхъ свойствъ родоваго быта, то всѣ попытки опредѣлить ихъ сби-

---

могло бы, кажется, навести еще на одно весьма важное въ ней отсутствіе; но, къ удивленію, авторъ просмотрѣлъ его, хотя, по сравненію съ другими временами, оно довольно ярко бросается въ глаза. Мы разумѣемъ отсутствіе подозрѣнія къ правдивому слову и страха подорвать благоустройство обнаруженіемъ неправды и безпорядковъ. Дополнивъ картину этою чертою, авторъ многое бы въ ней уяснилъ; правда и то, что она измѣнила бы весь колоритъ.

вались постоянно на черты семейнаго или общиннаго быта, и по мѣрѣ того, какъ выяснялось представленіе о нашей старинѣ, безплотный призракъ родоваго быта уходилъ все дальше и дальше, такъ что наконецъ теперь онъ уже отодвинутъ въ доисторическую и чуть чуть не допотопную эпоху.

Такъ и у г. Чичерина, теорія о господствѣ начала личности употреблена какъ будто для затычки; это натянутое послѣдствіе мнимаго отсутствія союзнаго духа, и оттого напрасно бы мы стали искать въ его книгѣ слѣдовъ творческой силы личности и положительнаго ея участія въ развитіи государства и общества.

Но нигдѣ это отношеніе положительныхъ выводовъ къ отрицательнымъ не выступаетъ такъ ясно, какъ въ проведенномъ сравненіи между учрежденіями допетровской Руси и западно-европейскими. Хотя по видимому авторъ указываетъ на послѣднія только для того, чтобы яснѣе опредѣлить характеръ первыхъ, однако на дѣлѣ выходитъ обратное. Послѣднія выступаютъ своими положительными сторонами, и вы видите ясно, что въ нихъ есть, а первыя только оттѣняютъ ихъ, обозначаясь единственно тѣмъ, чего въ нихъ нѣтъ. Возьмемъ одинъ примѣръ. На страницахъ 30 и 31 книги объ учрежденіяхъ XVII вѣка проводится параллель между отношеніями землевладѣльцевъ къ поселянамъ на западѣ и въ Россіи. У насъ, какъ извѣстно, крестьяне селились, гдѣ хотѣли, по вольному ряду, обязывались исправлять опредѣленныя повинности на владѣльцевъ и въ извѣстный срокъ могли сходить съ его земли. На западѣ, они были лишены всѣхъ этихъ правъ. La gens taillable et corvéable à merci et à miséricorde, то есть обдираемыя до полусмерти, die Leibeigenen, то есть всѣмъ тѣломъ обращенные въ собственность, зависѣли безусловно отъ произвола владѣльцевъ; отпечатокъ насилія и принудительности лежалъ на самыхъ терминахъ обозначившихъ ихъ повинности: Servitudes, Zwangleistungen (1). Здѣсь повидимому ясно про-

(1) Въ этомъ случаѣ, отрицательная критика могла бы замѣтить крайнюю скудость нашего юридическаго языка. Гдѣ намъ найти у себя такую опредѣлительность? Замѣтимъ мимоходомъ, что изображеніе отношеній поселянъ къ землевладѣльцамъ у автора не совсѣмъ вѣрно и скорѣе относится къ особеннымъ, мѣстнымъ явленіямъ, чѣмъ къ общему порядку вещей, господствовавшему на Западѣ въ XVII вѣкѣ. Не поземельная зависимость превратилась тамъ въ личную, а на оборотъ. Гдѣ было завоеваніе, то есть почти повсемѣстно, начиналось съ того, что побѣдитель налагалъ руку на побѣжденнаго, на его жену, на его дѣтей, и обязывалъ ихъ къ исправленію личныхъ повинностей? Въ послѣдствіи, завоеватель превратился въ вотчинника — хозяина; земля полу-

является у насъ положительное право, а на Западѣ насильственное его отрицаніе. Но и въ этомъ случаѣ, мысль, пріобыкшая подмѣчать въ явленіяхъ нашей исторіи только одно отрицаніе западныхъ, не измѣнила себѣ. Въ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ на Западѣ г. Чичеринъ выдвигаетъ, какъ существенный моментъ, ихъ прочность, крѣпость и наслѣдственность, а у насъ: отсутствіе этой прочности, недостатокъ крѣпости, шаткость и привременность. Въ представленіи автора, при сближеніи древней Руси съ романо-германскимъ міромъ, явленія тамошней жизни отпечатались своими рѣзкими выпуклостями на нашей жизни и обозначили на ней *изъяны*, по которымъ опредѣляется ея образъ.

Этотъ примѣръ, мы надѣемся, убѣдитъ читателя въ томъ, что отрицательное воззрѣніе на Русскую исторію имѣетъ основаніе совершенно независимое отъ намѣреннаго порицанія, но вытекаетъ прямо изъ характера нашего умственнаго воспитанія, изъ разобщенія нашей мысли съ народною средою, въ которой мы живемъ, изъ привычки прилагать къ ея явленіямъ понятія и категоріи, не ею самою выработанныя, но внесенныя въ нее изъ чуждой сей среды, изъ которой мы приняли на вѣру готовое умственное просвѣщеніе.

Въ сущности, отрицательность выводовъ есть выраженіе неспособности угадать причину своеобразности народной жизни и уловить въ ней тѣ духовныя побужденія, въ которыхъ сперва безсознательно обнаруживаются предрасположенія народа къ его историческому призванію и которымъ поздиѣе, въ эпоху зрѣлости, предназначено развиться въ стройную систему понятій и найти для себя идеальные образы.

чила въ его глазахъ хозяйственную цѣнность, онъ началъ подбираться къ ней ближе и ближе, тогда какъ на оборотъ право его на личность земледѣльца постепенно ограничивалось. У насъ же было на оборотъ. Оттого на Западѣ послѣднимъ моментомъ въ развитіи крѣпостнаго права явилось das Einziehen der Bauernhöfe, то есть упраздненіе крестьянскихъ участковъ для присоединенія ихъ къ господскимъ полямъ. Это послѣднее право почти повсемѣстно подвергалось разнымъ ограниченіямъ, отнюдь не изобрѣтеннымъ представителями верховной власти, но восходившимъ въ глубокую древность. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что поселяне, утративъ право располагать собою, долго еще сохраняли, если не положительное право на землю, то по крайней мѣрѣ обезпеченное обычаемъ пользованіе землею. Далѣе, слово Hörigkeit, далеко не исчерпываетъ характера средневѣковыхъ отношеній земледѣльцевъ къ крестьянамъ. Выраженія: *Leibeigenschaft* и *Erbunterthänigkeit* опредѣляютъ его гораздо точнѣе и ближе. Наконецъ *Hofrecht* вовсе не значитъ дворовое крестьянское право въ томъ смыслѣ, какое имѣло *Stadtrecht* для городскихъ обывателей и *Landrecht* для земскаго сословія. *Hofrecht* значитъ не право крестьянъ, а право помѣщика надъ крестьянами, тоже самое, что впослѣдствіи *Patrimonial-Gerichtsbarkeit*, *jurisdictio patrimonialis*.

Но пока не наступило это время, чтобы постигнуть въ явленіяхъ человѣческой жизни, личной или народной, еще недостаточно, не вполнѣ проявленную ихъ сущность, кромѣ способности нанизывать факты и связывать понятія по правиламъ логики, нужно сочувственное настроеніе мысли допрашивающей эти явленія къ мысли въ ней проявившейся. Въ этомъ заключается очевидная разница между процессомъ постиженія законовъ свободнаго духа и постиженіемъ законовъ вещественной необходимости, которыми управляется природа, и потому неумѣстны были въ вопросѣ о народности въ наукѣ ссылки на ботанику, зоологію и физику.

Дѣло въ томъ, что независимо отъ общихъ категорій, каковы на примѣръ умозрѣніе и опытъ, категорій, опредѣляющихъ отношеніе *отвлеченной мыслительной способности къ ея объекту, постиженіе* имѣетъ свои степени, которымъ соотвѣтствуютъ особенныя условія въ отношеніяхъ живаго *мыслителя* къ предмету изученія.

Прежде чѣмъ произнести приговоръ надъ человѣкомъ или надъ цѣлымъ народомъ, прежде чѣмъ опредѣлить отношеніе жизни къ закону и сказать, что въ ней недоставало того и другаго, мы должны не только установить ея внѣшніе признаки, но *выразумѣть* ее, какъ явленіе естественно возникшее изъ внутреннихъ свободныхъ побужденій, мы должны пережить ее въ себѣ и, такъ сказать, провѣрить ее своимъ личнымъ опытомъ. Жизнь, усвоенная такимъ образомъ, не однимъ разсудкомъ, не въ одной ея логической возможности, но всѣмъ существомъ мыслителя или художника (ибо и въ основаніи художества, какъ справедливо сказалъ г. Катковъ въ своей статьѣ о Пушкинѣ, лежитъ постиженіе), какъ живое живымъ, черезъ его посредство дѣлается общепонятнымъ и проводится въ сознаніе цѣлаго человѣчества.

Для насъ, раздѣленныхъ съ древнею Элладою пензмѣримымъ пространствомъ пережитыхъ человѣчествомъ вѣковъ и понятій, доступно теперь все богатство ея внутренней жизни, потому что художники, ораторы, историки и философы, проникнутые ею на-сквозь, Еллины по убѣжденіямъ, по образу мыслей, по сочувствіямъ и привычкамъ, раскрыли передъ нами ея тайны. Но мы стоимъ еще безконечно выше ея по нашей христіанской точкѣ зрѣнія, и потому мы видимъ въ ней то, чего не видѣли ни Эсхилъ, ни Геродотъ, ни Аристотель; нашъ взглядъ, переступая за предѣлы греческаго міра, видитъ

ограниченность его созерцанія и опредѣляетъ его отношенія не только къ прошедшему, но и къ дальнѣйшему развитію человѣчества, въ чемъ и состоитъ историческій судъ. Подобно Еллинамъ, и всякій народъ обязанъ истолковать себя, оставить свою исповѣдь и передать данныя для будущей его оцѣнки тому народу, который вступитъ въ его наслѣдство. Этой обязанности нельзя возложить на другаго; ибо задача состоитъ въ обнаруженіи того, что знаетъ про себя только самъ народъ, чего другой не знаетъ и не узнаетъ никогда безъ его посредства. Если по чему-либо самъ народъ не выполнитъ этой задачи, или если пропадутъ памятники его слова, въ которыхъ выразилось его представленіе о самомъ себѣ, все существованіе его останется для исторіи навсегда неразгаданною тайною. Таково отчасти наше отношеніе къ древнему Востоку.

И такъ, народность, какъ опредѣленіе испытующей мысли, составляетъ необходимое условіе для того, чтобы выразумѣть смыслъ жизни и добыть его для науки; а для того, чтобы произнести надъ нею историческій приговоръ, иными словами, для опредѣленія ея отношенія къ будущему, нужно, чтобы мысль перешагнула за ея предѣлы и вознеслась на высшую точку зрѣнія, на которую поднимется ея другая народность.

Теперь понятно, отъ чего русская жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ представляется отрицательной школѣ одними внѣшними своими признаками, какимъ-то нестройнымъ, загадочнымъ хаосомъ. Эта школа стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея.

Ю. Самаринъ.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Полтораста лѣтъ тому назадъ, когда въ Россіи тяжелый трудъ самобытнаго дѣла замѣнялся легкимъ и веселымъ трудомъ подражанія, тогда и литтература возникла у насъ на тѣхъ же условіяхъ, то есть, на покорномъ перенесеніи на Русскую почву, безъ вопроса и критики, иностранной литтературной дѣятельности. Подражать легко, но для самостоятельнаго духа тяжело отказаться отъ самостоятельности и осудить себя на эту легкость, тяжело обречь всѣ свои силы и таланты на наиболѣе удачное перениманіе чужой наружности, чужихъ нравовъ и обычаевъ. Не смотря на то, дѣло, хотя и не вполнѣ, удалось. Вольность нравовъ европейскаго запада, новыя средства къ удовлетворенію личнаго эгоизма, наконецъ блестящая сторона европейскаго просвѣщенія, и уже готовая, чужими руками изготовленная, умственная пища, которую, казалось, оставалось только глотать,— все это подѣйствовало, и отъ самостоятельности въ Россіи отказались, впрочемъ, только верхніе классы. У нихъ-то явилась и новая наша Литтература.

Возникшая въ эпоху западно-европейскаго классицизма, заемная Литтература наша служила ему вѣрнымъ отраженіемъ. Европейскій классицизмъ былъ въ свою очередь безжизненное поклоненіе древнему міру, который Европа поняла по своему, и который мы поняли по Европейски. Эта классическая Литтература Европы, подражая древнему міру, уже лишенному жизни, была неподвижна; перемѣнялись только авторы, различіе являлось только въ ихъ личныхъ талантахъ. Наша послушная Литтература, вдвойнѣ подражательная, была въ ту эпоху тоже неподвижна. Въ такомъ положеніи остава-

лось дѣло до Карамзина. Между тѣмъ въ Европейской Литературѣ произошелъ переворотъ; призракъ классицизма, хранимый преимущественно во Франціи, разлетѣлся, Литература Европейская двинулась своимъ путемъ. Въ это время въ Русской Литературѣ явился Карамзинъ. Карамзинъ уничтожилъ это двойственное подражаніе и предложилъ лучше подражать самой Европѣ. Тяжесть двойныхъ оковъ была крайне неудобна, и съ радостію вняла наша Литература гласу новаго дѣятеля, новаго подражателя. Съ этой эпохи, съ Карамзина, Литература наша, на оборотъ, сдѣлалась подвижна въ высшей степени, ибо элементъ подражанія былъ не классицизмъ Европейскій, а сама западная Европа, въ совокупности всѣхъ своихъ народовъ. Подражать было здѣсь гораздо легче, пріятнѣе и интереснѣе,— и вотъ дѣло пошло живѣе. Переимчивость составила съ этихъ поръ характеристику нашей Литературы. Достаточно этой быстроты перемѣнъ для того, чтобъ оцѣнить и понять смыслъ и достоинство нашей словесной дѣятельности. Мы знаемъ, что серьезный и самобытный ходъ иначе движется, что, при глубинѣ общаго основанія, не легко отдѣлываются отъ одного убѣжденія и принимаютъ другое. Но Литература наша — собраніе чужихъ формъ, разныхъ отголосковъ, и только. Вотъ почему такъ быстро мѣняются формы, не утвержденныя на прочной мысли; вотъ почему безпрестанно переливаются отсвѣты и отблески, лишенные собственнаго свѣта и блеска. Таланты, разумѣется, у насъ есть; но мы говоримъ не объ отдѣльныхъ талантахъ, а объ общемъ ходѣ Литературы, котораго не измѣняютъ и таланты.

Много перемѣнилась наша Литература въ послѣднее двадцатипятилѣтіе съ той поры, когда еще издавался Телеграфъ, Телескопъ, Московскій Вѣстникъ и др. Въ теченіе 10—12 послѣднихъ лѣтъ, она перепробовала нѣсколько направленій. Невольно съ улыбкою смотришь на всѣ эти кратковременные восторги. Давно ли гордо возвышалась «натуральная школа»? Но скоро она затихла и примирѣла, какъ будто ей стало совѣстно,—и всѣмъ стало ясно, что она призракъ. Почти не стоитъ нападать на произведенія того или другаго литературнаго направленія или школы: не имѣя поддержки внутри, они падаютъ собственнымъ безсиліемъ, собственнымъ истощеніемъ. Наконецъ, Литература наша пришла къ современному состоянію. Думаемъ, что и современная ложь ея не замедлитъ обнаружиться и исчезнуть, и если погодить критиковать, то какъ разъ и

критиковать опоздаешь, ибо все падетъ само собою. Но дѣло, освѣщенное мыслію, получаетъ свой смыслъ, и самое освобожденіе отъ лжи становится полезнымъ тогда, когда сопровождается сознаніемъ. И такъ, вполнѣ увѣренные въ хилости и недолговѣчности современнаго состоянія нашей Литтературы, не нуждающейся для своего паденія въ посторонней помощи, мы считаемъ въ тоже время нужнымъ сказать о ней наше мнѣніе и опредѣлить, какъ мы понимаемъ, ея значеніе. Просимъ не забывать, что статья наша не есть критика литтературныхъ произведеній и ихъ авторовъ, а только обозрѣніе современной Литтературы (1).

Теперь скажемъ прежде о томъ отдѣлѣ Литтературы, въ которомъ самое слово, по формѣ своей, уже принадлежитъ поэзіи, т. е. о стихахъ, о *языкѣ боговъ*, какъ называли ихъ въ старину.

Для поэта необходима полнота жизни, гармонія въ немъ самомъ, нѣкоторое, такъ сказать, *самодовольство*. Это не значитъ, чтобы поэтъ не гремѣлъ иногда проклятіями на цѣлый міръ, чтобъ самъ онъ не мучился разными внутренними муками; напротивъ, поэтъ часто страдаетъ и терзается, плачетъ и проклинаетъ; но въ немъ есть полное наслажденіе художественностью своего проклятія и своихъ слезъ. Стихъ гармонически разрѣшаетъ его муку; передъ нимъ не стоитъ неразрѣшенный вопросъ, неотступный, не дающій ему покоя, мѣшающій писать стихи. Поэтъ вѣритъ въ искусство, поэтъ знаетъ, что ему сказать, будетъ ли это слово утвержденія, сомнѣнія или отрицанія: вездѣ для него находится неизмѣнная художественная красота и наслажденіе поэзіи. Все это можно назвать внутреннимъ чувствомъ гармоніи, проходящей тайно сквозь всякой разладъ, или чувствомъ самодовольства, если не дико покажется это слово.

Такова по своему была прежде и Русская поэзія. Поэты вѣрили въ поэзію, благопріобрѣтенную ими отъ западной Европы, писали искренно на чужой ладъ, и стихи писались звучно, весело, а публика съ наслажденіемъ слушала и повторяла ихъ. Всѣ эти условія

(1) Сочиненія С. Т. Аксакова стоятъ совершеннымъ особнякомъ въ Литтературѣ нашей. Мы не говоримъ о нихъ, по очень понятной причинѣ. Все, что высказываемъ мы въ статьѣ нашей о Литтературѣ, не имѣетъ никакого отношенія къ сочиненіямъ С. Т. Аксакова, которыя требуютъ особаго опредѣленія, особой оцѣнки, и имѣютъ свое особое значеніе среди нашей Литтературы.

необходимы для того, чтобъ писать было можно. Общая отвлеченность и неправда всей заемной жизни, не была понимаема, а развѣ только смутно чувствовалась немногими; напротивъ того, все казалось ясно; такъ было весело, и сладко, и легко служить постояннымъ и достойнымъ отзывомъ великимъ поэтамъ Европы: Байрону, Шиллеру, Гёте. Долго неумолчная гармонія стиховъ не переставала раздаваться въ Россіи.

Но въ настоящее время зашевелились вопросы. Появилось сомнѣніе, хорошо ли то подражательное направленіе, которому такъ долго и беззаботно мы слѣдовали? Отвлеченность, неестественность всего строя общественной, иностранно поставленной, жизни нашей, болѣе или менѣе почувствовалась; пробудилась мысль о Русской самостоятельности, и все, что́ мыслить въ Россіи, задумалось. Съ нашихъ глазъ стала спадать одна пелена за другою. Мы стали замѣчать, что вся умственная и литературная дѣятельность наша есть только повтореніе дѣятельности чуждой, лишена самобытности и.... безплодна. Мы стали понимать, что намъ необходимо конечно принимать отъ сосѣдей нашихъ дѣльныя свѣдѣнія и науки, какъ необходимо пріобрѣтать всѣ новѣйшія открытія и изобрѣтенія (такъ было и встарь на Руси), но что это заимствованіе можетъ быть полезно только при своей самостоятельной умственной жизни; а догадливое перенимание чужихъ мыслей не есть еще самобытная дѣятельность ума. Мы замѣтили, что мы все перенимали, даже то, чего не слѣдуетъ, чего нельзя перенимать безъ совершенной утраты самостоятельности: перенимали мы образъ мыслей, восторги, негодованія, самую жизнь. Мы замѣтили, что жили чужимъ заемнымъ умомъ, и догадались, что это не жизнь.

Гдѣ же жизнь?

Этотъ вопросъ, эта потребность, а слѣдовательно и возможность жизни, жизни настоящей, самобытной, въ насъ пробудилась. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ, вниманіе наше обратилось ко всѣмъ самобытнымъ проявленіямъ Русской жизни, къ древней исторіи, къ обычаямъ народнымъ, къ устройству народной общественности, къ языку, ко всему, въ чемъ высказывается Русь. Хотя и здѣсь различны точки зрѣнія, хотя подражательный взглядъ и здѣсь еще думаетъ удержаться, но уже образовалось цѣлое направленіе, въ сущности очень простое, направленіе, основанное на томъ, что Русскимъ надо быть Русскими, другими словами, что

безъ самостоятельности умственной и жизненной — все ложно. Если самостоятельности въ насъ нѣтъ и быть не можетъ, то подобная истина для насъ безполезна и насъ не возстановитъ духовно. Если же у насъ есть самостоятельность и только лишь подавлена или спитъ, то достаточно сознанія въ ея необходимости, чтобъ она пробудилась сама. Поднятъ огромный вопросъ для Русскихъ людей, вопросъ: *быть или не быть?* Быть же не собою — для человѣка не значитъ быть.

При такомъ огромномъ, поднятомъ, но еще не рѣшенномъ вопросѣ, могутъ ли имѣть мѣсто стихи и другія поэтическія произведенія? Мы сказали, что для поэтическаго творчества необходима извѣстная степень самодовольства, внутренняя гармонія. Но есть ли ей теперь мѣсто въ человѣкѣ, означенномъ высокимъ талантомъ, слѣдовательно высокой степенью пониманія? Изчезла прежняя вѣра въ свое поэтическое направленіе, изчезла прежняя авторская беззаботность. Самая почва Литературы колеблется подъ нами. Недоумѣніе или разрѣшеніе вопроса, вотъ что занимаетъ мысль и душу Русскаго человѣка. Послѣдній Русской поэтъ отвлеченной подражательной эпохи, Лермонтовъ, уже касался раздумья, но онъ нашелъ убѣжище въ странномъ самодовольствѣ, въ самодовольствѣ сухаго, холоднаго эгоизма, въ которомъ окончательно выступило наружу все сокровенное зло прежняго отвлеченнаго направленія. Намъ скажутъ, пожалуй, что и теперь можно найдти самодовольство въ свѣтскомъ обществѣ, но это не то самодовольство, которое мы разумѣемъ въ настоящемъ случаѣ; мы выражаемъ здѣсь этимъ словомъ личное чувство внутренней душевной гармоніи, удовлетворяющееся собою, чувство возвышенное, въ которомъ въ тоже время есть нѣкоторый свой утонченный эгоизмъ. Тупое свѣтское самодовольство, бывающее именно тогда, когда въ душѣ пусто, не имѣетъ съ этой гармоніей ничего общаго; о тѣхъ, кто удовлетворяется свѣтскою жизнію, конечно говорить не стоитъ; на почвѣ свѣтской жизни, на этой безплодной почвѣ, ничто не родится. — Кромѣ состоянія, которое испытываетъ человѣкъ передъ лицемъ еще рѣшаемыхъ великихъ жизненныхъ вопросовъ, состоянія, недопускающаго самодовольства и гармоніи, является теперь сомнѣніе въ самой основѣ поэзіи нашей и въ способахъ ея выраженія. При такихъ условіяхъ, поэзія, какъ живая современная сфера, какъ законное, соразмѣрное явленіе мысли, жизни, — невозможна.

И точно, мы видимъ мало поэтовъ (говоримъ теперь собственно о стихахъ, какъ о полнѣйшемъ выраженіи поэзіи). Сочувствія они почти не возбуждаютъ и кажутся какими-то анахронизмами. Стихотворенія служатъ теперь скорѣе развлеченіемъ, не захватывая внутренняго существа человѣка. Прошедшая эпоха стихотворства также одиноко и уныло напоминаетъ о себѣ. Лира Жуковскаго еще недавно звучала гармонически съ береговъ Рейна; иногда раздадутся замысловатые, и подъ часъ полные чувства, стихи Вяземскаго, умные и колкіе стихи М. Дмитріева, или по своему нѣкогда мелодическіе стихи Ѳ. Глинки. Грустно-пріятное впечатлѣніе былой, простодушно-счастливой эпохи производятъ эти стихотворенія.— Но какъ ни обѣднѣло наше стихотворство, какъ ни ослабѣло къ нему сочувствіе, тѣмъ не менѣе есть поэты, о которыхъ сказать необходимо, какъ по личному дарованію, такъ и по содержанію.

Принадлежа по времени къ прошедшей эпохѣ стихотворства, г. Тютчевъ не теряетъ нисколько современности, по крайней мѣрѣ въ иныхъ стихахъ своихъ. Недавно вышло собраніе его стихотвореній, изъ которыхъ многія написаны давно, но вновь изданныя и перечтенныя, онѣ доставили новое наслажденіе. Г. Тютчевъ, это поэтъ, имѣющій свою особенность. Въ его стихахъ замѣчаемъ мы нѣсколько главныхъ мотивовъ, которымъ подчиняются всѣ или почти всѣ его стихотворенія, по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, который имѣютъ положительное достоинство.— Съ одной стороны, сочувствіе поэта направлено къ природѣ, къ этому вѣчно стройному міру, къ его прекраснымъ явленіямъ, исполненнымъ такого безконечнаго спокойствія, какъ бы ни были они бурны и грозны; въ особенности, весна отражается съ своею вѣчною прелестью въ стихотвореніяхъ нашего поэта. Съ другой стороны, сочувствіе поэта направлено къ внутреннему міру человѣка, къ тѣмъ таинственнымъ глубинамъ и безднамъ души, гдѣ возникаютъ призраки, гдѣ родятся мечты, гдѣ носятся видѣнія, откуда изходитъ безуміе, къ міру, не мысли ясной и не фантазіи головы, но къ міру сновъ, ощущеній, предчувствій, какого-то таинственнаго осязанія безконечности, какого-то смутнаго чуянія безпредѣльности, невмѣстимости, чуянія, граничащаго съ безуміемъ, предощущающаго хаосъ. Таковы прекрасныя стихотворенія: *О, чемъ ты воешь вѣтръ ночной* (стр. 28), *День и ночь* (45), *Сонъ на морѣ*, *Вечеръ мглистый и непастный* (50) и др. Выпишемъ первое стихотвореніе:

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значитъ странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумной?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И поешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!

О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимой,
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О, бурь заснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!...

Никто, сколько мы знаемъ, не касался такъ выразительно, этой психической стороны человѣка. Понятно, что поэтъ, для котораго доступна эта тревожная сторона души, этотъ страшный разладъ, этотъ внутренній ужасъ безконечнаго, понятно, что такой поэтъ съ увлеченіемъ бросается къ природѣ и отдыхаетъ на ея стройномъ, вѣчно неизмѣнномъ и вѣчно разнообразномъ просторѣ. Ничто такъ неспособно устроить возмущенную душу, какъ природа; въ ней бьется ровный и мѣрный кадансъ, вносящій ладъ въ тревожный личный міръ, распутывающій путаницу ощущеній. Но кромѣ этихъ двухъ стремленій нашего поэта, указанныхъ нами, въ немъ есть иное. Онъ сочувствуетъ историческому ходу человѣчества, онъ сочувствуетъ народу, своему народу, его современнымъ и грядущимъ судьбамъ, его назначенію и призванію. Г. Тютчевъ понимаетъ, что Россія должна быть Россіею, т. е. землею Славянскою, по своему происхожденію и по своимъ духовнымъ началамъ, понимаетъ, что высшее неотъемлемое духовное начало Россіи есть Православная вѣра, что, въ качествѣ земли Славянской, въ качествѣ единой независимой Славянской и Православной державы, Россія составляетъ опору всего Православнаго и Славянскаго міра, и соединена неразрывнымъ сочувствіемъ со всѣми единовѣрцами и со всѣми своими Славян-

скими братьями, что это сочувствіе есть жизненное условіе ея бытія. Съ полнымъ убѣжденіемъ пишемъ мы эти строки, зная, что въ исполненіи Православнаго и Славянскаго призванія Россіи лежитъ для нея вопросъ ея собственной самостоятельности.

Вотъ наше мнѣніе о г. Тютчевѣ, какъ о поэтѣ. Мы распространились болѣе, нежели нужно это въ общемъ обозрѣніи, но г. Тютчевъ вполнѣ этого заслуживаетъ.

Есть еще поэтъ, принадлежащій по времени также къ прошедшей эпохѣ, но поэтъ, для котораго нѣтъ того или другаго времени, котораго духъ и дѣятельность выше преходящихъ опредѣленій. Это Хомяковъ. Отношенія г. Хомякова къ Бесѣдѣ не позволяютъ намъ объ немъ распространяться и отдать полную ему справедливость. Но пусть говорятъ сами за себя его вдохновенные стихи, которые, кажется, наконецъ начинаетъ общество цѣнить по достоинству.

Впрочемъ нѣтъ причины не сказать намъ о характерѣ стихотвореній Хомякова. Содержаніе, мысль, у Хомякова, большею частію, не укладывается въ стихотвореніе, переходитъ его предѣлы; содержаніе такъ широко, такъ стремится воплотиться въ жизни, въ дѣйствительности, въ дѣлѣ, что часто, послѣ прочтенія стиховъ Хомякова, бываешь преимущественно полонъ мыслію, въ нихъ высказанною.

Теперь переходимъ къ современнымъ поэтамъ.

Здѣсь опять отношенія, весьма понятныя, удерживаютъ насъ высказать наше мнѣніе объ одномъ изъ современныхъ поэтовъ, отличающемся въ стихотвореніяхъ своихъ строгостью содержанія и особенно скорбью о дряпности современнаго человѣка. Мы говоримъ объ П. Аксаковѣ.

Современные поэты, наиболѣе замѣчательные: это Некрасовъ, Полонскій, Фетъ, Майковъ, Щербина, Стаховичъ, гр. Толстой.

Стихотворенія Некрасова означены какою-то сдержанною силою выраженія, какимъ-то своеобразнымъ стихомъ. Нѣкоторыя изъ прежнихъ его стихотвореній пропитаны ѣдкимъ цинизмомъ картинъ и чувствъ, цинизмомъ, принимаемымъ иными, въ ихъ простодушіи, за энергію. Но справедливость требуетъ сказать, что въ послѣднихъ его стихотвореніяхъ онъ имѣлъ силу освободиться отъ этой, вовсе немудреной, грязи, которая въѣдается глубоко въ того, кто ею не

брезгуетъ, и отъ которой трудно освободиться. Въ стихотвореніи его: Саша, и другихъ, является также сила выраженія и сила чувства, но очищенная и движимая иными, лучшими стремленіями.

Г. Полонскій обладаетъ рѣдкимъ достоинствомъ: стихомъ оригинальнымъ и свѣжимъ; этотъ стихъ не всегда встрѣчается въ его стихотвореніяхъ, но тамъ, гдѣ онъ встрѣчается, онъ исполненъ благоухэнія жизни, онъ исполненъ такой простой выразительности, что передаваемое имъ явленіе, всею тайною, всею правдою и поэзіею своей жизни дышетъ передъ вами; и иногда, это два-три-четыре стиха, и содержаніе ихъ не важно само по себѣ; но важно здѣсь это поэтическое изображеніе, это передаваніе непередаваемаго. Трудно опредѣлить именно, въ чемъ достоинство такого стиха, но онъ есть у г. Полонскаго и, изъ пишущихъ, только у него одного; это, если можемъ сколько-нибудь такъ объяснить, это *поэтическая простота*. Возмемъ для примѣра его Аспазію; вотъ два стиха:

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозныхъ галлерей.

Явленіе передано вполнѣ со всею поэзіею и простотою; вы видите, вы чувствуете эту тѣнь, лежащую на площади, и въ тоже время вы наслаждаетесь ею не въ дѣйствительности (тогда бы надо было просто, ничего не говоря, привести васъ на эту площадь), а въ поэзіи, въ новой дѣйствительности, даруемой словомъ человѣческимъ. Такихъ стиховъ довольно у г. Полонскаго, и они всегда даютъ истинно поэтическое наслажденіе. Мы сожалѣемъ, что онъ выкинулъ изъ собранія своихъ стихотвореній одну небольшую вещицу, помѣщенную въ Гаммахъ, въ которой именно встрѣчается тотъ стихъ, о которомъ мы сей-часъ говорили. У насъ пѣть Гаммъ, но мы, если не ошибаемся, помнимъ слѣдующіе стихи; описывается ночь:

Лишь только вѣтеръ, подъ окномъ
Листы крапивы шевеля,
Густое облако съ дождемъ
Несетъ на сонныя поля.

Желаемъ, чтобъ г. Полонскій въ новомъ изданіи своихъ стихотвореній помѣстилъ всѣ, какія ни писалъ онъ, безъ выбора, предоставляя читателямъ судить о нихъ. Желаемъ также, чтобы онъ

воздержался отъ поправокъ. Въ новомъ изданіи стихотвореній Беда исправленъ, — и хуже !

Г. Фетъ и г. Майковъ, имѣющіе оба безспорное дарованіе, не отличаются глубиною содержанія. Хотя г. Майковъ затрогиваетъ иногда глубокую тему, но тема, и послѣ написаннаго на нее стихотворенія, остается у него все только темою для стихотворенія. Г. Фетъ и не касается глубокаго содержанія; любовь, любовь, любовь; милая, милая и милая : вотъ что на всѣ лады, не уставая, воспѣваетъ г. Фетъ. Кромѣ этого воспѣваетъ онъ и природу. Говоря собственно о стихѣ того и другаго поэта, мы должны сказать, что онъ очень хорошъ, очень звученъ, и у г. Майкова подъ-часъ силенъ ; но такіе стихи не новость и не диковинка, и очень большой цѣны не имѣютъ. Простоты нѣтъ ни у того, ни у другаго ; у г. Фета есть искусственная простота, которая впрочемъ не обманетъ вѣрнаго эстетическаго чувства, какъ напр.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать , что солнце встало ,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало и пр.

Или наконецъ стихи , гдѣ искусственная вѣрность доходитъ до крайности :

Стоитъ красавица степная
Съ румянцемъ *сизымъ* на щекахъ.

Но г. Фету, и его средствами, удается иногда удачно схватить картину природы, напр. въ стихотвореніяхъ: *Уснуло озеро* (стр. 111), *Еще весны душистой нѣга* (160), *Жди яснаго на завтра дня* (162); это стихотвореніе стоитъ выписать :

Жди яснаго на завтра дня...
Стрижи мелькаютъ и звенятъ ,
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озаренъ закатъ.
Въ заливѣ дремлютъ корабли ,
Едва трепещутъ вымпела ,
Далеко небеса ушли —
И къ нимъ морская даль ушла.

Такъ робко набѣгаетъ тѣнь,
Такъ тайно свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь: минулъ день,
Не говоришь: настала ночь.

Стихотворенія г. Жемчужникова, при очень свободномъ легкомъ стихѣ, исполнены подъ часъ значенія, и даже мысли вѣрной и благой, останавливающей вниманіе читателя.

Звучный прекрасный стихъ, лишенный впрочемъ всякой особенности и показывающій только, до какой степени выработалось у насъ стихотворное искусство,— вотъ все, что можно сказать о г. Меѣ.

Стихотворенія Щербины—это тоже прекрасные стихи, сдѣлавшіеся доступнымъ достояніемъ для многихъ. Сочувствіе его преимущественно, и кажется до излишества, устремлено къ древнему міру. Больше не имѣемъ мы ничего сказать о г. Щербинѣ.

Стихотворенія г. Стаховича имѣютъ свою особенность. Стихъ его запечатлѣнъ чистосердечностью и задушевностью; онъ вырывается у него, какъ пѣсня,—и какъ все искреннее, онъ пробуждаетъ живое сочувствіе въ читателѣ, запоминается и не разъ повторяется потомъ охотно.

Въ заключеніе скажемъ еще объ одномъ поэтѣ, который недавно довольно рѣзко отдѣлился отъ другихъ; это гр. А. К. Толстой. Еще и прежде въ прекрасныхъ стихахъ его слышна была Русская струна и Русское сочувствіе; но въ прошломъ году было напечатано нѣсколько его стихотвореній, чрезвычайно замѣчательныхъ. Всего замѣчательнѣе по своему, особому какому-то, строю стиха, баллада *Волки*, также: *Ой кабы Волга матушка да вспять побыжала*, и *Колоколъ*. Хороши и стихи: *Дождя отшумѣвшаго капли*; въ нихъ слышно раздумье о прошлыхъ годахъ, и какою-то искренностію звучатъ слова:

Не знаю, была ли въ то время
Душа непорочна моя, —
Но многому бъ я не повѣрилъ,
Не сдѣлалъ бы многаго я.

Все это прекрасныя стихотворенія, полныя мысли, мысли, которая рвется за предѣлы стиха, а въ наше переходное время только такія стихотворенія и могутъ имѣть настоящее живое достоинство. Но особенно хорошо стихотвореніе, или лучше Русская пѣсня: *Спѣсь*.

Она такъ хороша, что уже кажется не подражаніемъ пѣснѣ народной, но самою этою народною пѣснію. Чувствуешь, что вдохновеніе поэта само облеклось въ эту народную форму, которая одѣла его, какъ собственная одежда, а не какъ заемный костюмъ. Одна эта возможность, чуть ли не впервые явившаяся, есть уже чрезвычайно важная заслуга; въ этой пѣснѣ уже не слышенъ авторъ: ее какъ будто народъ спѣлъ. Хотя слишкомъ дерзко отдѣльному лицу рѣшать дѣло за народъ, но осмѣливаемся сказать, что кажется самъ народъ принялъ бы пѣсню: *Спѣсь*, за свою. Приведемъ эту пѣсню:

Ходитъ Спѣсь надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень.
Пузо-то у него все въ жемчугѣ;
Сзади-то у него раззолочено.
Зашелъ бы Спѣсь къ отцу, къ матери:
Да ворота некрашены;
Помолился бы Спѣсь въ церкви Божіей:
Да полъ не метенъ.
Идетъ Спѣсь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь въ другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися.

Вотъ что́ думаемъ мы о наиболѣе замѣчательныхъ современныхъ стихотворцахъ. Вообще же должно сознаться, что стихотворство современное потеряло прежнюю вѣру само въ себя: стихи пишутся вяло, пишутъ ихъ безъ убѣжденія, по какому-то преданію.

Эта эпоха упадка стихотворной поэзіи обозначилась появленіемъ женщинъ-поэтовъ. Но и тѣ пишутъ рѣже, однако пишутъ. Одна изъ нихъ одарена истиннымъ поэтическимъ талантомъ: это К. К. Павлова.

Кромѣ поэтовъ-стихотворцевъ, которыхъ число, какъ и число ихъ произведеній, очень ограниченно, есть писатели прозаики, тоже поэты, ибо сочиняютъ изящныя произведенія. Скажемъ здѣсь вообще объ этой современной литературѣ, предоставляя себѣ ниже сказать особо о писателяхъ, значительныхъ по таланту.

Повѣсти, романы и комедіи въ прозѣ, читаются больше стихотвореній, ибо тутъ есть описаніе вседневной жизни, да еще анекдотиче-

скій интересъ, который такъ любезенъ праздному любопытству. Эта лукавая изящная проза продержится долѣе, чѣмъ откровенный стихъ. Впрочемъ, дурныхъ повѣстей не найдешь теперь ни за какія деньги; всѣ повѣсти не дурны: въ томъ-то и бѣда. Читаешь: есть какъ-будто и занимательность, и какъ будто что-то въ родѣ характеровъ, и слогъ не дуренъ, и даже какъ будто есть мысль; но все это одни призраки. Прочтешь: никакого впечатлѣнія не осталось; повѣсть или комедія забывается, какъ ничего не принесшая: ни мысли, ни образа, достойнаго утвердиться въ душѣ послѣ чтенія; если же и встрѣчаются кой-какія исключенія, то онѣ рѣдки и отличаются отъ прочихъ повѣстей тѣмъ, что впечатлѣніе остается нѣсколько дольше. Эти *недурныя* повѣсти не могутъ занять ни мысли, ни чувства. Представьте себѣ человѣка, который и не глупъ и не уменъ, который обо всемъ имѣетъ поверхностное понятіе, говоритъ гладко — ничего не скажетъ, кажется умнымъ по наружности, не будучи такимъ на самомъ дѣлѣ, между тѣмъ имѣетъ весь лоскъ приличія, такъ что даже никакимъ нечаяннымъ оригинальнымъ движеніемъ не выкажетъ себя самого и не отличится отъ другихъ: согласитесь, что такой господинъ невыносимо скученъ; всякая положительная глупость интереснѣе. Наши современныя *недурныя* повѣсти, романы и комедіи сильно похожи на означеннаго господина. Одинъ изъ современныхъ писателей (г. Авдѣевъ) задалъ себѣ какъ-то очень искренній вопросъ, на который онъ самъ не нашелъ, что́ отвѣчать: «*Для чего мы всѣ пишемъ?*» Въ самомъ дѣлѣ, господа, для чего вы пишете? Для чего пишутъ многочисленные авторы недурныхъ повѣстей и романовъ? Немолчной потребности творческой въ нихъ не видно. Мысли, которой въ жертву приносится вся жизнь и которая стремится высказаться вездѣ, повѣсть ли это или драма, или другое сочиненіе,—такой мысли въ нихъ непримѣтно. Что́ заставляетъ ихъ писать? А Богъ ихъ знаетъ. Настоящей побудительной причины, кажется, нѣтъ. Мы не спросили бы, конечно, Гоголя, для чего онъ пишетъ. Великій художественный геній, попавшій въ наше нехудожественное время и болѣзненно несшій тяжесть его бремени, онъ, окруженный толпой микроскопическихъ послѣдователей, все свое литтературное поприще проживающихъ одной какой-нибудь его фразой, однимъ оборотомъ его рѣчи,—онъ стремился сказать намъ многое, что́ нужно въ это время вопросовъ и сомнѣній. Мы не спросимъ людей ученыхъ, за чѣмъ они пишутъ? Они трудятся надъ рѣшеніемъ

великаго вопроса Русской жизни, какъ бы ни рѣшали его розно. Но не можемъ не повторить вопроса многимъ, выступившимъ наружу, современнымъ литераторамъ: для чего они пишутъ?

Какъ бы то ни было, какъ бы ни хлопотали г-да писатели, они безспѣмъ своимъ создать что-нибудь—доказываютъ, что миновала ихъ эпоха. Чаша прежней поэзіи выпита; на днѣ теперь остается одинъ отсѣдъ. Будемъ же имѣть мужество правды и скажемъ: да, минула эпоха отвлеченной литературы, во всемъ обширномъ смыслѣ этого слова; минула она еще ощутительнѣе въ смыслѣ болѣе частномъ, въ смыслѣ литературы изящной, и минула она всего явственнѣе въ томъ отдѣлѣ изящной литературы (какъ и должно быть), который наиболѣе, самою формою своею, принадлежитъ художественнымъ произведеніямъ: то есть, въ отдѣлѣ, собственно такъ называемой, поэзіи, въ отдѣлѣ стиховъ. Что касается до произведеній изящныхъ въ прозѣ, то здѣсь кишитъ еще цѣлый рой немощныхъ писателей, набѣжавшихъ со всѣхъ сторонъ на опустѣвшее поприще. Въ области же стихотворства, даже и во внѣшнемъ смыслѣ, становится пусто; стихотворенія рѣдки; въ нихъ нѣтъ поэтической искренней вѣры; бываютъ въ нихъ и мысль высока и стихъ силенъ, но стихъ и мысль не сливаются въ одно цѣльное звучное созданье, и они не останавливаютъ на себѣ общаго вниманія, по крайней мѣрѣ, надолго. Хоть и жестка правда, а сказать ее надо. Отвлеченный стихотворный періодъ, начавшійся съ Кантемира и въ особенности съ Ломоносова, давшій много прекрасныхъ, поэтическихъ, хотя отвлеченныхъ, не народныхъ созданій и продолжавшійся до сихъ поръ, — стихотворный періодъ въ Россіи окончился.

Богъ съ нимъ, съ этимъ временемъ, временемъ отвлеченной и заемной умственной дѣятельности! Хорошо, что мы уже понимаемъ его ложность. Лучше былыхъ самообольщеній, лучше заемной неискренней, чуждой родной почвѣ, поэзіи — наше строгое не поэтическое время. Когда и какъ явится опять поэзія, какой образъ приметъ она, будетъ ли она чѣмъ-то невиданнымъ, вновь ли поэтическое произведеніе будетъ принадлежать, какъ пѣсня, всему народу: это связано съ жизнію, и этого рѣшить мы пока не беремся. Во всякомъ случаѣ, прежняя отвлеченная поэзія, прошла; новой, дѣйствительной и народной,— еще нѣтъ.

Въ наше время, поэтическое произведеніе, хотя написанное съ талантомъ (ибо таланты всегда возможны) можетъ быть только сред-

ствомъ, однимъ изъ способовъ для выраженія той или другой мысли. Извѣстенъ анекдотъ объ математикѣ, который, выслушавъ изящное произведеніе, спросилъ: *что этимъ доказывается?* Какъ ни странепъ этотъ вопросъ въ приведенномъ случаѣ, но есть эпохи въ жизни народной, когда при всякомъ, даже поэтическомъ, произведеніи, является вопросъ: что этимъ доказывается? Таковы эпохи исканій, изслѣдованій, трудовыя эпохи постиженія и рѣшенія общихъ вопросовъ. Такова наша эпоха.

Всѣ ли понимаютъ великій вопросъ, предстоящій теперь Русскому человѣку? Не всѣ его понимаютъ, но всѣ испытываютъ его присутствіе; одни сознательно идутъ къ разрѣшенію вопроса или стоятъ передъ нимъ въ недоумѣніи; на другихъ отразился онъ отсутствіемъ прежней дѣятельности, скукою, апатіею.

Въ области науки именно замѣтно у насъ много полезной дѣятельности, которая должна дать богатые и живые плоды. Наука первая пробуетъ свои силы и старается выдти изъ отвлеченности и подражательности, старается встать на свои ноги. Всего болѣе чести въ наше время ученымъ занятіямъ, предметъ которыхъ Россія со всѣхъ сторонъ. Изысканія, изслѣдованія, преимущественно по части Русской Исторіи и Русскаго быта, должны по настоящему быть дѣломъ всякаго Русскаго, неравнодушнаго къ вопросу мысленной и жизненной самобытности въ Россіи; это личный вопросъ каждаго изъ насъ. Общее дѣло Россіи должно быть частнымъ дѣломъ каждаго Русскаго.

Мы уже сказали о стихахъ, и выразились вообще о прозаической изящной Словесности. Но теперь надобно поговорить подробнѣе о тѣхъ писателяхъ-прозаикахъ, которые выдаются изъ толпы. На поприщѣ Литтературы имѣется у насъ много писателей съ талантомъ, которые пишутъ, дѣйствуютъ, какъ будто защищая права Литтературы въ современной эпохѣ, но которые не въ силахъ остановить хода исторіи и, всею массою, вмѣстѣ съ самою ареною, увлекаются потокомъ времени. Кромѣ того, въ нихъ самихъ, какъ въ писателяхъ (мы говоримъ о писателяхъ съ талантомъ), въ ихъ произведеніяхъ обозначается однако ходъ, направленіе времени, историческая задача.

Просимъ не забывать, что мы пишемъ обозрѣніе современной Литтературы, а не критику современныхъ ея писателей; поэтому въ нашей статьѣ мы не намѣрены ни давать подробнаго отчета во

всѣхъ отдѣльныхъ произведеніяхъ того или другаго писателя, ни составлять полной его литтературной характеристики.

Находясь подъ вліяніемъ чуждымъ, долго Литтература наша въ повѣстяхъ своихъ занималась преимущественно обществомъ, такъ называемымъ высшимъ или образованнымъ, именно тѣмъ обществомъ, которое отдѣлясь отъ народа и лишась живительныхъ корней родной почвы, всплыло на поверхность, отражая на своей плоскости всѣ иностранныя направленія и интересы. Долго балы съ соотвѣтственными княжнами и графами изображались перомъ нашихъ писателей. Потомъ, послѣ того, какъ геніяльный художникъ указалъ съ горькимъ смѣхомъ на дѣйствительность Русской жизни, возникла такъ называемая натуральная школа, задавшая себѣ задачею быть естественною, натуральною, и оттого принявшая это наименованіе. Иные говорятъ, что она создана Гоголемъ; нѣтъ, она возникла вслѣдствіе ложнаго пониманія художественнаго генія, вслѣдствіе усвоенія себѣ внѣшнихъ его пріемовъ, но не идеи и конечно не таланта великаго художника. Искусственность и неестественность отношенія къ жизни еще болѣе здѣсь выразились; ибо здѣсь было притязаніе на жизнь, и притязаніе совершенно отвлеченное. Механическое отраженіе жизни, со всѣми ея мелочами, но безъ ея смысла, производило обратное впечатлѣніе, и вся эта наружная вѣрность жизни была клеветою на жизнь. Но всякое явленіе, не имѣющее состоятельности внутренней, не долго держится и падаетъ само собою: такъ пала и натуральная школа, и названіе ея перестало употребляться. Недолговѣчна наша Литтература въ своихъ явленіяхъ! Натуральная школа, ища натуральной пищи, спускалась въ такъ называемые, низменные слои общества, и въ силу этого доходила и до крестьянъ. Но и здѣсь она брала сперва лишь то, что́ ярче бросалось въ глаза ея мелочному взгляду, лишь тѣ случайныя рѣзкости, которыя окружаютъ жизнь, лишь одни родинки и бородавки. И какъ доволенъ былъ натуральный писатель, когда подслушивалъ у народа оборотъ или слово или даже произношеніе особенное; съ какою гордостію писалъ онъ: *тоись* вмѣсто: *то есть!* Но такъ какъ эти подвиги были не трудны, то вскорѣ появилось множество писателей, безъ труда усвоившихъ себѣ натуральные пріемы, и образовалась цѣлая фабрика повѣстей и романовъ: ея

издѣлія скоро наполнили всѣ журналы. Повѣсти писались вдвоемъ и чуть ли не втроемъ. Но люди съ талантомъ не могли долго удовлетворяться этой сухой, дешевой фабричной дѣятельностію. Прикосновеніе къ крестьянину и, въ лицѣ его, къ землѣ Русской, подѣйствовало освѣжительно на писателей съ талантомъ,— и крестьянинъ, взятый сперва какъ *самый натуральный субъектъ*, невольно представился имъ, хотя далеко еще не вполнѣ, съ другой, высшей своей стороны. Эта честь прежде всего принадлежитъ г. Тургеневу, за нимъ г. Григоровичу (въ его «Деревнѣ» крестьянинъ выставленъ еще въ духѣ натуральной школы,) а за нимъ и другимъ болѣе или менѣе талантливымъ писателямъ. Цѣль и самое названіе натуральной школы изчезли сами собою; но пріемы ея остались; остался ея мелкій взглядъ, ея пустое щеголянье ненужными подробностями: отъ всего этого доселѣ не могутъ избавиться почти всѣ, даже наиболѣе даровитые, наши писатели. Какъ бы то ни было, писатели наши догадались или смутно почувствовали, что для Литтературы есть поважнѣе задачи и вопросы, чѣмъ удачное списываніе того, что̀ видитъ глазъ и слышитъ ухо, и что достоинство ихъ произведеній есть дѣло, пріобрѣтаемое довольно легко, лишь только надо вооружиться терпѣньемъ и откинуть отъ себя всѣ серьезныя требованія мысли и искусства. И вотъ произведенія писателей приняли иной болѣе степенный видъ, но съ прежними натуральными пріемами и прежнею мелкостью взгляда. Справедливо замѣтилъ А. С. Хомяковъ, что въ Литтературѣ нашей, хотя и заемной и искусственной, но все же производящейся въ Россіи, составляетъ главную задачу — вопросъ общественный. Въ особенности видимъ мы это въ комедіи. Въ самомъ дѣлѣ предметъ Русской комедіи — не отдѣльная личность, но общество, общественное зло, общественная ложь; таковы: Недоросль и Бригадиръ, Ябеда, Горе отъ ума, Ревизоръ, Игроки. Это — чисто аристофановское свойство комедіи. То же стремленіе къ общественному значенію видимъ мы теперь и въ изящной Литтературѣ нашей. Но это направленіе получило особенный видъ. Предметомъ повѣстей нашихъ и драмъ стали сословія. Сперва сословіе крестьянское, которое глубокимъ содержаніемъ и значеніемъ своимъ, все-таки непонятымъ, смутило беззаботныхъ нашихъ писателей, и столкнуло ихъ съ пошлой дороги натуральной школы на болѣе важную дорогу. Крестьяне стали предметомъ повѣстей, романовъ, даже драмъ. Потомъ явились купцы, сдѣлавшіеся

предметомъ преимущественно драматической Литтературы, но за то какъ-то особенно показавшіеся замапчивыми для нашихъ комиковъ. Мы надѣемся имѣть случай сказать подробнѣе объ этой Литтературѣ, когда будемъ говорить о сочинителяхъ, почти исключительно посвятившихъ себя крестьянамъ или купцамъ. Обозначивъ общее значеніе нашей Литтературы, переходимъ къ нашимъ писателямъ.

Прежде всего скажемъ о г. Тургеневѣ. Дѣятельность этого писателя съ несомнѣннымъ талантомъ, перешла много измѣненій и представляетъ сама въ себѣ ходъ нашей современной Литтературы, вполнѣ ему соотвѣтствуя. Г. Тургеневъ началъ со стиховъ. Въ первыхъ его стихотворныхъ произведеніяхъ сильно отзывалось лермонтовское неправленіе, это странное хвастовство бездушнаго эгоизма, эта самодовольная насмѣшка надо всѣмъ, обличающая пустоту внутреннюю. Недавно вышли повѣсти и разсказы г. Тургенева; въ нихъ не вошли Записки Охотника, ни стихотворныя его пьесы, ни драматическія сочиненія. Тѣмъ не менѣе въ нихъ, благодаря хронологическому (самому лучшему) порядку изданія, виденъ весь ходъ нашего автора, а вмѣстѣ и Литтературы нашей, которой онъ былъ и есть однимъ изъ соотвѣтственныхъ представителей. Повѣсти перваго тома до того слабы, до того лишены всякаго достоинства, что о нихъ не слѣдовало бы вовсе и упоминать. Но въ нихъ выражается то ложное настроеніе, которое довольно явственно выступило въ нашей Литтературѣ, и потому скажемъ нѣсколько словъ и о нихъ. «Андрей Колосовъ» еще весь проникнутъ тѣмъ лермонтовскимъ направленіемъ, которое подъ ложнымъ видомъ будто бы силы скрываетъ только совершенное бездушіе, самый сухой эгоизмъ и крайнее безстыдство; эта сила — вещь весьма дешевая, какъ скоро бороться не съ чѣмъ. Повѣсть: «Три Портрета», самымъ возмутительнымъ и оскорбительнымъ образомъ выражаетъ тоже направленіе. Изъ уваженія къ г. Тургеневу, мы бы не желали видѣть этой повѣсти въ печати. Въ своей повѣсти: «Андрей Колосовъ», авторъ называетъ *мелкими хорошими чувствами* раскаянье и сожалѣнье!... Кажется тоже самое авторъ сказалъ какъ-то стихами:

Но, слабыхъ душъ мученья,
Не зналъ раскаянья и сожалѣнья.

Это отголосокъ извѣстныхъ стиховъ Лермонтова:

Я понялъ, что душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно;
Для мукъ и счастья, для добра и зла,
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность,— *безъ раскаянья, упрековъ*
И жалобы; имъ въ жизни нѣтъ уроковъ.

Была же возможность такъ думать и говорить! Могли же до такой степени искажаться понятія. Раскаянье, сожалѣнье: это лучшее достояніе души человѣческой. Лучшее, неотъемлемое свойство человѣка — возможность сознать свою ошибку, откинуть ложный путь, осудить самаго себя; только бездушная природа не знаетъ раскаянья, и вѣчно готова; но человѣкъ вѣчно не готовъ; человѣкъ есть постоянный зиждитель самаго себя. И вдругъ является воззрѣніе, гдѣ проповѣдуется постоянное себя оправданіе, отсутствіе суда надъ собою, отсутствіе сожалѣнья и раскаянья... Что̀ это, какъ не бездушный эгоизмъ? Но зачѣмъ тревожить прахъ отжившаго ученія! Оно превосходно заключило себя Тамаринымъ, и изчезло. Воспоминаніе объ немъ вызываетъ сожалѣніе и смѣхъ.

И такъ, вотъ съ чего началъ нашъ авторъ. Скоро остался онъ безъ опоры, ибо направленіе лермонтовское онъ бросилъ, а куда идти— еще не зналъ. Такую совершенно безцвѣтную дѣятельность, такое состояніе автора, не знающаго, куда преклонить голову, выражаютъ его повѣсти: *Жидъ*, *Бретёръ*. Смысла ихъ, и понять нельзя.—Но вотъ наконецъ, сквозь самодовольную толпу разновидныхъ господъ съ бритыми подбородками въ нѣмецкихъ костюмахъ, протѣснился и сталъ передъ авторомъ образъ Русскаго крестьянина, и авторъ изобразилъ его съ сочувствіемъ. Въ 1847 году появились впервые Записки Охотника. Они начинались съ разсказа: Хорь и Калинычь. Московскій Сборникъ, написавшій рѣзкую статью о г. Тургеневѣ, поспѣшилъ изъявить сочувствіе новому виду его авторской дѣятельности, признать замѣчательное достоинство Записокъ Охотника, и отъ души пожелать успѣховъ автору на новомъ пути; это доброе желаніе было не даромъ. Г. Тургеневъ точно пошелъ по новому пути; появился рядъ разсказовъ, подъ общимъ названіемъ: «Записки Охотника», изъ которыхъ многіе истинно прекрасны; та живая струя Россіи, струя народная, до которой коснулся г. Тургеневъ въ пер-

вомъ разсказѣ, не разъ блещетъ въ нихъ и освѣжительно дѣйствуетъ на читателя, приближая его къ той великой тайнѣ жизни, которая лежитъ въ Русскомъ народѣ, и давая ему ее предчувствовать: это уже заслуга. Замѣчательно, что разсказы изъ другаго быта, въ Запискахъ Охотника, а также и отдѣльно написанные въ то время, тоже получили достоинство, котораго они не имѣли прежде, и выразили собою направленіе, совершенно противуположное прежнему. Нѣтъ, уже не хвастовство эгоизма явилось въ нихъ, а напротивъ, сознаніе дрянности человѣческой! Въ нихъ выражается большею частію то безсиліе, та мелкая ложь, которыя у насъ сопровождаютъ и проникаютъ часто и умъ и чувство, и составляютъ болѣзнь нашего вѣка. Какая перемѣна, какая разница, и разница спасительная, съ предыдущимъ содержаніемъ повѣстей и разсказовъ. Долой маску и геройскій костюмъ! Вотъ оно, изнуренное лицо современнаго человѣка, не отмѣченное ни властительною мыслію, ни глубокою любовію братскою. Это направленіе выражается даже въ «Пѣтушковѣ», особенно «въ Дневникѣ лишняго человѣка», также «въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда» (въ этой повѣсти сверхъ того еще затронута важная мысль о деспотическомъ, страшномъ значеніи кружка), и наконецъ въ «Перепискѣ». Мы должны однако сказать, что въ Запискахъ Охотника, у г. Тургенева, собственно въ разсказахъ, не касающихся крестьянскаго быта, развилась чрезмѣрная подробность въ описаніяхъ: такъ и видно, какъ авторъ не прямо смотритъ на предметъ и на человѣка, а *наблюдаетъ* и *списываетъ;* онъ чуть не сосчитываетъ жилки на щекахъ, волоски на бровяхъ. Если авторъ думаетъ этимъ средствомъ схватить физіономію и жизнь явленія, то это очень ошибочно; подобная подробность налагается, какъ рамка, на представленіе читателя, ибо ему ничего не остается дополнять, ибо свобода его собственнаго представленія, которую необходимо должно возбуждать въ немъ чтеніе изящнаго произведенія, стѣснена, и явленіе утрачиваетъ свою живость. Напротивъ того, схватите основныя черты предмета и оставьте все остальное дополнить самому читателю; не связывайте свободы его представленія. Въ каждомъ произведеніи дѣятельно участвуетъ и читатель; породите въ немъ цѣлый рядъ такихъ ощущеній, о которыхъ вы не говорите, но которыя возникаютъ, ибо вы съумѣли тронуть то, что̀ ихъ производитъ. Въ истинно изящныхъ произведеніяхъ сказано много того, о чемъ и не говоритъ авторъ; а наши авторы-статистики кажется

добиваются, чтобъ читателю ничего не оставалось желать и думать болѣе. Они очень ошибаются, ибо они *ограничиваютъ* впечатлѣніе и вмѣсто полноты даютъ неполное (ибо ограниченное) представленіе, вмѣсто богатства даютъ бѣдность, вмѣсто силы слабость. Въ такихъ мелкихъ ничтожныхъ описаніяхъ замѣтно усиліе, а *усиліе всегда отнимаетъ силу*. Жажда быть вѣрнымъ дѣйствительности доходитъ часто до цинизма у г. Тургенева.—Но нашъ авторъ снова коснулся народа въ двухъ превосходныхъ своихъ разсказахъ: Муму и Постоялый дворъ. Это рѣшительный шагъ впередъ. Эти повѣсти выше Записокъ Охотника, какъ по болѣе трезвому, болѣе зрѣлому и болѣе полновѣсному слову, такъ и по глубинѣ содержанія особенно вторая. Здѣсь г. Тургеневъ относится къ народу несравненно съ бо̀льшимъ сочувствіемъ и пониманіемъ, чѣмъ прежде; глубже зачерпнулъ сочинитель этой живой воды народной. Лицо Герасима въ «Муму», лицо Акима «въ Постояломъ дворѣ»: это уже типическія, глубоко значительныя лица, въ особенности второе. Мы не пишемъ здѣсь критики сочиненій г. Тургенева, не даемъ полнаго отчета о каждомъ авторѣ, а пишемъ только обозрѣніе современной Литтературы, потому и не распространяемся объ этихъ двухъ прекрасныхъ повѣстяхъ, которыя сами по себѣ заслуживаютъ полнаго разбора. Кромѣ повѣстей изъ народнаго быта г. Тургеневъ написалъ еще и другія повѣсти, изъ которыхъ также видно, что онъ не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а идетъ впередъ. Повѣсть «Два пріятеля» показываетъ, что г. Тургеневъ не останавливается на картинѣ одного безсилія прекрасной души, но ищетъ выхода. Этотъ выходъ находитъ онъ здѣсь въ цѣльности и простотѣ жизни, которую выражаютъ Вѣрочка и Петръ Васильевичъ. Весь разсказъ простъ и выразителенъ и уже изъятъ отъ подробной описи выводимыхъ лицъ. Справедливость требуетъ сказать, что этой литтературной статистики, если можно такъ выразиться, вообще меньше теперь у г. Тургенева. То же побужденіе (стремленіе къ простотѣ и искренности) видимъ, отчасти, и въ «Яковѣ Пасынковѣ», гдѣ съ сочувствіемъ выставленъ человѣкъ, вовсе не разочарованный, вовсе не гордый, а напротивъ кроткій и любящій. Недавно было у насъ въ модѣ смѣяться надъ такими лицами; эта недостойная насмѣшка выходила изъ собственной бѣдности душевной насмѣхающихся, и потому тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ встрѣтили мы сочувствіе автора къ такому лицу, какъ Пасынковъ,—сочувствіе, къ какому способна лишь добросовѣстная, любящая душа.

Намъ остается сказать о двухъ повѣстяхъ: Рудинъ и Фаустъ. Рудинъ—едва ли не самое обработанное и глубоко задуманное сочиненіе г. Тургенева; здѣсь выставленъ человѣкъ замѣчательный: съ умомъ сильнымъ, интересомъ высокимъ, но отвлеченный и путающійся въ жизни, вслѣдствіе желанія строить ее отвлеченно, вслѣдствіе попытки все опредѣлять, объяснять, возводить въ теорію. Лицо Рудина, изображенное авторомъ, не смотря на недостатки свои, возбуждаетъ въ тоже время сочувствіе. Фаустъ есть послѣднее произведеніе г. Тургенева. Здѣсь противополагаетъ онъ дрянности человѣческой уже не только простую цѣльную естественную природу души, но цѣльность духовнаго начала, нравственную истину, вѣчную и крѣпкую,—опору, прибѣжище и силу человѣка. Эта повѣсть есть новой шагъ впередъ, есть уже вѣрное и высокое созерцаніе; дай Богъ г. Тургеневу продолжать по этому пути.

Мы сказали о г. Тургеневѣ гораздо подробнѣе, нежели сколько допускали это предѣлы литтературнаго обозрѣнія; но г. Тургеневъ имѣетъ понятное право на такое вниманіе, какъ писатель, дѣятельность котораго представляетъ переходы самой Литтературы нашей, какъ писатель, не каменѣющій въ ошибочно избранной формѣ, но имѣющій силы отдѣлаться отъ ложнаго опредѣленія, постоянно идущій впередъ въ созерцаніи жизни, и наконецъ зрѣющій и мужающій въ самомъ талантѣ своемъ.

Г. Григоровичъ не примыкаетъ къ лермонтовской эпохѣ Литтературы. Онъ прямо начинаетъ съ крестьянскаго быта. Описаніе крестьянскаго быта составляетъ его спеціальность, такъ сказать. Описаніе это очень вѣрно (рѣчь крестьянская изумительно подслушана въ ея оттѣнкахъ), но это достоинство было бы еще не велико. Нѣтъ, у г. Григоровича есть уваженіе къ крестьянину, есть любовь, и вотъ почему его талантъ передаетъ иногда живо образъ крестьянина, иногда угадываетъ внутренній смыслъ его жизни, т. е. Русской жизни. «Антонъ Горемыка, четыре времени года, мать и дочь, Смѣдовская долина» — все это прекрасные, живые разсказы. Рыбаки—есть уже цѣлый романъ изъ крестьянскаго быта; вѣрности описанія здѣсь очень много, даже слишкомъ много, какъ и во всемъ, что̀ пишетъ г. Григоровичъ; но талантъ выбивается даже изъ-подъ этой наружной вѣрности описаній; видно подъ часъ одушевленіе и теплое чувство. Съ повѣстей г. Григоровича возникъ у насъ особый отдѣлъ Литтературы, предметомъ

которой—простой народъ. Это направленіе утѣшительно, хотя изображеніе крестьянина почти всегда поверхностно и постоянно является ниже подлинника. Скажемъ нѣсколько словъ вообще объ этомъ народномъ отдѣлѣ нашей Литературы.

Не такъ давно еще время, когда наша Литература была собраніемъ блѣдныхъ копій съ западнаго общества, изображеніемъ доморощенныхъ героевъ и героинь à la Balzac, à la George Sand, надѣленныхъ столь богато подражательными страданіями и страстями. Вся эта область жизни, согрѣтая искусственнымъ жаромъ теплицы, можетъ быть предметомъ для созерцанія художника только съ точки зрѣнія высоко-комической, только въ силу обличенія ея лжи, элемента ея существованія. Юмористическій разсказъ, комедія: вотъ гдѣ настоящее мѣсто для Печоринныхъ, для свѣтскихъ страстей и страданій. Попытки такого изображенія этой сферы были, но попытки эти не были вполнѣ искренни и падали только на нѣкоторыхъ представителей этой сферы, а не на самую сферу. Между тѣмъ, мысль уже давно указывала на ложь всей этой области жизни, оторванной отъ жизни народной, указывала на простой народъ, какъ на хранителя Русскихъ началъ, указывала на его бытъ, какъ на бытъ самостоятельно Русской, въ которомъ лежитъ для насъ опора, наставленіе и надежда, изъ котораго, какъ изъ зерна, разовьется самостоятельная жизнь для Россіи, обогащенная опытомъ, укрѣпленная сознательною мыслію, прошедшая сквозь соблазнъ подражательности, сквозь искушеніе отрицанія. Литература наша, относившись доселѣ съ чувствомъ какой-то гордости къ крестьянамъ и вообще ко всему своебытному, привѣтствуя народъ насмѣшкою, наконецъ иначе обратилась къ Русской народности, сперва съ нѣкоторымъ почтеніемъ, котораго какъ будто стыдилась; какъ будто совѣстилась, что съ русскимъ мужикомъ она входитъ въ сношенія серьезныя; но мало по малу сила правды подѣйствовала на нашихъ писателей, и въ нихъ заговорило, можетъ быть, родное чувство и родилось желаніе изобразить русскаго крестьянина во всемъ его великомъ человѣческомъ достоинствѣ. Такимъ путемъ образовалось цѣлое направленіе Литературы, имѣющее цѣлію изображеніе простаго народа, преимущественнаго крестьянина. Самые замѣчательные на этомъ поприщѣ писатели: гг. Григоровичъ, Писемскій, Потѣхинъ и Стаховичъ.

Стремленіе прекрасное и за доброе желаніе нельзя не благодарить; но осуществляется ли оно на дѣлѣ?

Предметъ нашихъ авторовъ другой: это правда; но произошла ли нужная перемѣна въ нихъ самихъ? Они изображаютъ народность, но пробудилась ли она въ самихъ писателяхъ, поняли ли они Русской народъ, исполнились ли хотя отвлеченно, хотя въ разумѣніи, его духа? Однимъ словомъ, писатели наши, обратившись къ народу, перестали ли сами быть иностранцами? Вотъ важные вопросы. На нихъ отвѣтъ даютъ произведенія писателей, и отвѣтъ этотъ не совсѣмъ благопріятенъ. Правда, мы должны сказать, что есть искреннее стремленіе понять народъ и быть народнымъ, а искреннее стремленіе не бываетъ безплоднымъ, что писатели смутно чуятъ народъ и тайну его жизни, что они угадываютъ кой-что и сколько нибудь приближаются къ нему. Но столѣтнее вѣрованіе не изчезаетъ вдругъ, и отдѣлаться отъ него легко нельзя. Въ произведеніяхъ писателей нашихъ мы это видимъ. Когда писатель обращается къ такому народу, которому онъ чуждъ внутренно, и хочетъ изобразить его, то на что прежде всего обратитъ онъ вниманіе? Разумѣется на наружность: на то, что поразитъ его зрѣніе, слухъ; онъ старается наблюдать и подмѣчать, онъ въ народѣ видитъ ухватки: ихъ можетъ онъ уловить вѣрно; точно также съ внѣшней стороны схватывается и рѣчь народа. Такое явленіе представляетъ намъ наша литература въ своихъ народныхъ повѣстяхъ и разсказахъ. Писатели наши жадно кидаются на всѣ внѣшніе признаки народности, на родинки, бородавки и пятнышки народнаго образа, народной рѣчи, и не видятъ, что истинная народность и быта и слова ускользаетъ отъ нихъ за этими внѣшними признаками, которые въ жизни незамѣтны, а перенесенные въ искусство становятся ярки и значатъ болѣе, чѣмъ на дѣлѣ. Все, что переносится на бумагу, получаетъ особое значеніе, особенную выпуклость; всѣ эти мелочи наружности и рѣчей, поглощаемыя въ жизни общимъ значеніемъ,—записанныя на бумагу, закрѣпляются, такъ сказать, получаютъ выпуклость и значительность, какой они не могутъ имѣть въ жизни, и такимъ образомъ эта вѣрность становится невѣрностью. Уловить такъ, по примѣтамъ, народный бытъ—не трудно. Доказательствомъ тому служитъ изобиліе нашихъ изобразителей народнаго быта. А между тѣмъ народный бытъ точно можетъ быть изображенъ. Долженъ быть схваченъ общій тонъ жизни, все существенное, а не одни наружныя примѣты; они выразятся сами собою, во сколько это нужно. Народная рѣчь не заключается въ *евто*, *тоись* и т. п. Народная рѣчь есть такая же

общая человѣческая рѣчь и отличается внутреннимъ складомъ, оборотомъ слова. Наша же Русская народная рѣчь отличается отъ нашей отвлеченной тѣмъ, что она богаче, сильнѣе; слова употребляетъ въ живомъ и точномъ значеніи; обороты ея живы и сильны; самая послѣдовательность словъ разнообразнѣе и гибче, однимъ словомъ: это настоящая живая Русская рѣчь.

Чисто внѣшнихъ признаковъ однихъ, не существуетъ, а по этому писатель, хотя и употребляетъ талантъ свой и вниманіе на изображеніе этихъ однихъ внѣшностей, не можетъ при нихъ остаться. Тутъ наблюденіе идетъ далѣе и старается подмѣтить выраженіе физіономіи; подмѣченное передается, и портретъ становится похожимъ наружно, или во столько, во сколько наружность, принятая за основаніе, передаетъ внутреннее.

Кромѣ г. Григоровича пишетъ народныя повѣсти и разсказы г. Писемскій. У г. Писемскаго есть безспорно наблюдательность, также наружная, но мастерская. Замѣчательно, что желчное расположеніе, которое проникаетъ всѣ другія сочиненія г. Писемскаго, изчезаетъ, когда говоритъ онъ о крестьянинѣ; но, однако, въ его повѣстяхъ менѣе, чѣмъ у другихъ писателей, затронута душа народная. У него преобладаетъ наружное сходство. Но о г. Писемскомъ мы намѣрены сказать особо, какъ о писателѣ непародныхъ повѣстей.—Г. Стаховичъ во всѣхъ народныхъ произведеніяхъ обладаетъ тоже вѣрностью, но вѣрностью живою, и если онъ не схватилъ глубины духа народнаго, то часто схвачена у него его нравственная природа; въ его произведеніяхъ много жизни и веселости.—Г. Потѣхинъ, тоже писатель съ талантомъ, нѣсколько иначе относится къ предмету своихъ произведеній, по крайней мѣрѣ онъ хочетъ относиться иначе, поглубже. Съ одной стороны, мелкая копировка, въ особенности въ рѣчи народа, доходитъ у него до крайности, до непріятнаго списыванья и совершенно закрываетъ народную рѣчь. Съ другой, онъ идетъ дальше и старается вывести русскаго крестьянина со стороны нравственной въ важныхъ событіяхъ жизни; но по нашему мнѣнію это ему рѣшительно не удается: съ одной стороны, наружной,—тутъ и одежда и ухватки крестьянина, но съ другой стороны, со стороны духовной,—крестьянина нѣтъ; вся эта сторона навязана ему авторомъ. Свои собственныя понятія, съ заданною мыслію, авторъ вложилъ въ крестьянина, и понятія; вовсе не сродныя крестьянину; окончательная цѣль была, кажется, представить крестьянина въ выгодномъ свѣтѣ,

кажется, сочувствіе водило перомъ автора; но надобно было найти въ самомъ крестьянинѣ его высокое, важное значеніе, а не навязывать ему разныхъ страстей и подвиговъ, или отвлеченно общихъ, или ему чуждыхъ. Крестьянскій костюмъ, сдѣланный г. Потѣхинымъ, безспорно отличный; но все же это костюмъ, и въ него наряженъ не крестьянинъ.

Г. Писемскій весьма замѣчателенъ въ своихъ непародныхъ произведеніяхъ; талантъ его имѣетъ особую оригинальность. Въ немъ видно постоянно какое-то желчное отношеніе къ лицамъ, имъ изображаемымъ. Съ удивительною вѣрностью и цѣпкостью, такъ сказать, схватываетъ онъ характеръ изображаемаго лица, заставляетъ читателя устремлять на него вниманіе и ждать раскрытія полнаго; но вдругъ останавливается; характеръ не раскрытъ, не изчерпанъ до глубины, писатель остается при одномъ началѣ, ѣдко издѣваясь надъ выставляемымъ лицомъ,—и только; характеры, выводимые г. Писемскимъ, скорѣе одни мѣткія заглавія характеровъ. Читателемъ, при дальнѣйшемъ чтеніи его произведеній, овладѣваетъ непріятная скука. — Вѣрность тоже доходитъ у него до самой непріятной точности. Эта непріятная точность и эта странная желчность къ людямъ въ особенности выразились въ комедіи г. Писемскаго: Ипохондрикъ, о которой такъ много говорили до напечатанія. Разберемъ ее подробно.

Ипохондрія! Страшный бичь нравственный! Страна призраковъ, примыкающая къ ужаснымъ вратамъ сумашествія! Конечно, странно выводить болѣзнь на сцену; но много здѣсь можно было затронуть важнаго и таинственнаго; можно было заглянуть въ глубины и пропасти духа, могли быть освѣщены темныя бездны души, откуда выходятъ призраки, можно было проникнуть въ жилище того безграничнаго ужаса, объемлющаго порою все существо человѣка. Художественность бы, можетъ быть, потерпѣла, но сама мысль произведенія была бы важна. Впечатлѣніе могло быть тяжело и въ свою очередь произвести ипохондрію.

Съ такимъ опасеніемъ принялись мы за чтеніе комедіи: Ипохондрикъ; но опасеніе наше было напрасно: ни до чего до этого дѣло не дошло. Предметъ затронутъ ужъ вовсе не глубоко.

Передъ нами, въ комедіи г. Писемскаго, не ипохондрикъ, а то, что называется мнительный человѣкъ, въ родѣ malade imaginaire, который безпрестанно воображаетъ, что у него то и то болитъ — вотъ

и вся ипохондрія. Но сила не въ ней. Самъ ипохондрикъ, Дурнопечинъ,—лицо безцвѣтное, не по своей винѣ, а по винѣ автора; но онъ окруженъ другими лицами, которыхъ колоритъ довольно прокъ: это отвратительное собраніе нравственныхъ уродовъ, одинъ безобразнѣе и гаже другаго. Главная пружина, заставляющая ходить всѣ эти лица около такъ называемаго ипохондрика — корысть, желаніе отъ него поживиться деньгами. Самое нравственное лицо изъ всѣхъ — тетка Дурнопечина, Соломонида Платоновна, колотящая по щекамъ своего родственника и тянущая водку и вино! Что это за необыкновенное собраніе и гадкихъ лицъ и гадкихъ дѣлъ! Какой интересъ можетъ связывать съ такимъ обществомъ? Почему послѣ этого не вывести на сцену и кабакъ со всѣмъ его пьянствомъ и развратомъ? Впрочемъ, это сравненіе для кабака оскорбительно; кабакъ много бы выигралъ передъ этимъ обществомъ.

« Какъ, спросятъ насъ, а сочиненія, а лица Гоголя? Вы конечно восхищаетесь его произведеніями; а развѣ хороши нравственно выставленныя имъ лица?» Конечно, милостивые государи, мы восхищаемся геніальными произведеніями Гоголя, величайшаго русскаго художника, — и по этому случаю считаемъ нужнымъ теперь объясниться.

Предметомъ искусства часто бываютъ и низкіе и страшные характеры, и грязныя и оледѣняющія ужасомъ сцены; однимъ словомъ, лица и дѣла такого рода, что, въ дѣйствительной жизни, вы бы отвернулись отъ нихъ или съ презрѣніемъ или съ ужасомъ, а можетъ быть приняли бы и дѣятельное участіе, чтобы воспрепятствовать ужаснымъ или гадкимъ явленіямъ: такъ въ дѣйствительности, условія которой налагаютъ на васъ обязанности, какъ на человѣка, ей же принадлежащаго, въ ней же живущаго и дѣйствующаго. Не такъ въ искусствѣ: событія и лица, возмутительныя въ жизни, — въ искусствѣ теряютъ грубую правду, теперь происходящаго или тогда-то бывшаго, факта; искусство, лишая ихъ этой правды факта, очищаетъ ихъ и отрѣшаетъ отъ случайности и, въ тоже время, открывая въ нихъ какое-нибудь общее значеніе, какой-нибудь внутренній смыслъ, оно связуетъ ихъ съ духовной общей истиной, къ которой постоянно обращенъ духъ человѣческій.— Отсюда источникъ чистаго высокаго наслажденія, даруемаго произведеніями искусства, даже когда бы предметомъ ихъ было ужасное или низкое. Искусство есть истина, не въ силлогизмѣ, не въ логическомъ выводѣ, а въ

образѣ.—Въ жизни вы бы и часа не пробыли съ лицами Ревизора, еслибъ ваше положеніе не открыло вамъ между ними полезной дѣятельности. Въ жизни васъ бы обняло отвращеніе ужаса при видѣ Ричарда III-го; вы бы бросились можетъ быть спасать несчастную Дездемону изъ рукъ Африканца, еслибъ находились при страшномъ убійствѣ. Но отчего въ мірѣ искусства Хлестаковъ и Городничій даютъ вамъ наслажденіе? Отчего еще выше чувствуете вы человѣка и достоинство его назначенія, среди этого міра мелочей, дрянностей и низостей? Отчего наслажденіе же не покидаетъ васъ при видѣ ужасовъ Ричарда III, при судьбѣ Дездемоны? Оттого, что въ области искусства, съ этихъ явленій снята правда частнаго случайно-дѣйствительнаго грубаго факта, и открывается въ нихъ общая истина, общее значеніе, а вмѣстѣ, при *изображеніи*, тайна красоты. Все это совершается высокимъ дѣйствомъ художественнаго творчества. Человѣкъ, созерцающій художественное созданіе, видитъ яснѣе и становится лучше. Но если явленія жизни, лица и событія остаются въ произведеніи писателя со всею своею наглою, такъ сказать, дѣйствительностью, то они дѣйствуютъ на васъ также, какъ они дѣйствуютъ въ жизни, т. е., возбуждаютъ тоже отвращеніе или ужасъ, съ тою разницею, что чувство отвращенія и ужаса не имѣетъ у васъ дѣйствительнаго живаго своего назначенія, ибо передъ вами не дѣйствительная жизнь, а *сочиненіе*; вѣрно списанныя, скопированныя съ дѣйствительности, такія произведенія, сохраняя всю случайность факта, не имѣютъ, съ одной стороны, общаго значенія (какъ въ художественномъ произведеніи), дающаго имъ цѣну истины и изящества,— съ другой стороны не имѣютъ и правды факта, дѣйствительно, живо предъ вами стоящаго (ибо они не фактъ, а списокъ), правды, дающей частное, случайное, но дѣйствительное значеніе. — Такого рода произведеніе—сочиненіе г. Писемскаго: Ипохондрикъ; художественнаго значенія въ немъ нѣтъ и тѣни. Грязныя лица, въ комедіи, являются со всею грязью дѣйствительности и случайности, не проникнутыя художественнымъ смысломъ произведенія, оправдывающимъ ихъ появленіе, — и потому отвратительны до высшей степени: слѣдовательно вся комедія, какъ сочиненіе, не имѣетъ никакого достоинства и даже никакого интереса. « Но все это вѣрно », скажутъ. Но эта вѣрность, отвѣчаемъ мы, вовсе не достоинство и не заслуга. Кто и что выигрываетъ отъ этой вѣрности? Явленіе самое, жизнь сама? — Въ копіи жизнь не нуждается, да и копія всегда блѣднѣе

оригинала. — Искусство? Копія съ искусствомъ не имѣетъ ничего общаго; она занимаетъ лишь по внѣшности, такъ сказать насильно, мѣсто въ его области, — мѣсто ворвавшейся грубой дѣйствительности въ снискѣ, дѣйствительности, которая еще могла бы только быть предметомъ искусства; сверхъ того, въ настоящемъ случаѣ,— это копія отвратительной дѣйствительности: восковая, крашеная, да еще безобразная фигура въ художнической мастерской ваятеля. Припомнимъ здѣсь кстати многозначущія слова Шиллера, который такъ глубоко понималъ искусство. Нападая на натянутость французскихъ произведеній, онъ, въ тоже время, говоритъ:

Der Shein soll nie die Wirklichkeit erreichen,
Und siegt Natur—so muss die Kunst entweichen (*).

Да, если бы вѣрность была художественнымъ достоинствомъ, то первымъ художникомъ былъ бы дагерротиперъ или стенографъ. Задача и интересъ искусства понятны, но ихъ не отыщешь въ копіи. Поэтому, читая комедію г. Писемскаго, чувствуешь не художественное наслажденіе, а напротивъ отвращеніе, когда передъ вами, одинъ за однимъ, являются безобразные нравственные уроды, точно какъ будто вы входите въ ихъ дѣйствительное общество, чего конечно не желали бы и отвращеніе не оставляетъ васъ во все время чтенія комедіи. Еще если бъ какая-нибудь задача, мысль пьесы выходила наружу, — но этой мысли нѣтъ, и спрашиваешь себя, за чѣмъ стоитъ передъ вами это отвратительное собраніе будто бы людей? Отношенія ваши къ произведенію, ихъ изображающему, еще хуже, противнѣе, чѣмъ къ самой дѣйствительности, чѣмъ если бъ всѣ эти уроды были живыя лица, вамъ встрѣтившіяся въ жизни: тамъ по крайней мѣрѣ вы сами лицо дѣйствительное, для васъ разрѣшена возможность дѣйствовать, а здѣсь и этого нѣтъ. Чѣмъ потрясетъ, чѣмъ подвигнетъ такое произведеніе вашу душу! Глубокою думою, негодованіемъ или грустію? Но эти благородныя ощущенія даются только такими произведеніями, которыя художественны, или въ которыхъ есть мысль, выдвигающаяся впередъ. Желаніемъ, порывомъ получить возможность потрясти эту мерзость?.. Но это даст-

(*) Призракъ никогда не долженъ достигать дѣйствительности; и какъ скоро побѣждаетъ природа, то искусство должно удалиться.

ся дѣйствительностью. Въ копіи отвратительной дѣйствительности нѣтъ ни того, ни другаго,—никаго благаго впушенія, ничего, кромѣ отвращенія и скуки. Таково произведеніе г. Писемскаго, таково впечатлѣніе его комедіи. Мы не понимаемъ, не можемъ разрѣшить себѣ, какой интересъ могъ имѣть авторъ, выводя свои отвратительныя лица, тогда какъ между нимъ и этими лицами нѣтъ связи искусства, нѣтъ художественнаго отношенія Если бъ авторъ написалъ психологическій трактатъ о мелочности и безобразіи нравственномъ, до которыхъ можетъ дойти человѣкъ, и приводилъ бы примѣры: здѣсь интересъ (уже безъ всякаго притязанія на художественное созданіе) былъ бы понятенъ, имѣлъ бы общее значеніе. Если бы авторъ собиралъ анекдотическія данныя, если бы писалъ хоть статистическія замѣтки о томъ, сколько такихъ-то или такихъ-то людей на свѣтѣ—во всемъ этомъ мы видѣли бы общій какой-нибудь интересъ, какую-нибудь общую цѣль; но здѣсь—никакого, никакой; между тѣмъ, передъ нами притязаніе на сферу искусства: комедія... и выходитъ вѣрная (въ стенографскомъ смыслѣ) копія, не имѣющая ни достоинства искусства, ни достоинства дѣйствительности, слѣдовательно никакого.

Особенность таланта г. Писемскаго, указанная нами, выражается больше или меньше во всѣхъ его произведеніяхъ. Въ Тюфякѣ, въ Батмановѣ, въ Богатомъ женихѣ. Есть что-то особенно странное въ этомъ романѣ: *Богатый женихъ*; не поймешь никакъ отношенія писателя къ своему произведенію, и оттого никакъ не дашь себѣ отчета въ лицахъ, или въ томъ свѣтѣ, въ которомъ они выставлены. Романъ, въ первыхъ главахъ, еще не дуренъ, но далѣе идетъ вяло: лица повторяютъ себя съ измѣненіями, и кажется какъ будто всѣмъ имъ очень скучно въ романѣ. Шамиловъ по нашему мнѣнію не выдержанъ; онъ сперва является просто пустоголовымъ человѣкомъ, даже дрянью, и только; между тѣмъ онъ тутъ же обнаруживаетъ подлость, которая едва ли въ его характерѣ, подлость и низость первой степени: онъ строитъ свои надежды и мечтаетъ съ удовольствіемъ о томъ (хотя мечты имѣютъ основаніе только въ его головѣ), что дѣвушка, имъ любимая,—побочная дочь богатаго князя. Дѣвушка не виновата, если бъ это было такъ, и препятствіемъ для замужества это быть не должно; но строить свои *надежды* на ея незаконномъ рожденіи, на позорѣ ея отца и матери, но помышлять объ этомъ съ удовольствіемъ — кто можетъ, кромѣ самаго низкаго и подлаго человѣка? Среди харак-

теровъ и лицъ незавидныхъ, въ романѣ г. Писемскаго, является покровительственный геній,

Съ лучезарною звѣздой,

на фракѣ: это старый князь Сецкій. Съ такою же звѣздой и такой же покровительственный геній, Томскій, въ романѣ: Силуэтъ г. Вонлярлярскаго,—«Томскій, добродѣтельный и благородный Томскій», посылающій (пусть и для доброй цѣли) своего чиновника хлопотать и шпіонить по своимъ частнымъ дѣламъ, т. е. дѣламъ друзей своихъ, а это все равно. Аристократическія особы, Томскій, князья Сецкій, Чельскій, Гремовицкій, начинали попадаться въ нашихъ романахъ и повѣстяхъ, грозя замѣнить собою нѣкогда славное поколѣніе Греминыхъ, Славиныхъ и Броминыхъ Марлинскаго, но, кажется, опять спрятались и хорошо сдѣлали. Впрочемъ нѣтъ. Въ О. З. явилась повѣсть г. Данковскаго, достойнаго преемника Марлинскаго и г. Вонлярлярскаго; повѣсть, въ которой является аристократъ графъ Карелинъ, который словечка въ простотѣ не скажетъ, все съ ужимкой, но не mauvais genre, а comme il faut. Вѣдь свѣтское comme il faut—тоже ужимка, какъ простота кокетки есть высшая искуственность.

Самое замѣчательное произведеніе г. Писемскаго, которое содержаніемъ своимъ и формою (это разсказъ) пришлось по его таланту, и въ которомъ талантъ его по этому могъ выразиться и выразился сильно—это «Фанфаронъ».

Не такъ еще давно появился новый драматическій писатель, произведшій сильное впечатлѣніе. Первая пьеса его, которая имѣла такой успѣхъ была. Свои люди—сочтемся. Съ тѣхъ поръ онъ продолжалъ писать драматическія сочиненія Необыкновенная мѣткость глаза, устремленная однако черезъ чуръ на мелкіе признаки рѣчи, вѣрный взглядъ на современный вопросъ русскаго общества, ставятъ всякое произведеніе этого писателя явленіемъ замѣчательнымъ. Согласно съ характерною чертою русской комедіи, г. Островскій беретъ содержаніемъ своихъ сочиненій вопросъ общественный. Преимущественно онъ изображаетъ цѣлое сословіе общественное, купечество. И въ самомъ дѣлѣ на этомъ сословіи, современный вопросъ русскаго общества обозначается съ особенною яркостью и особеннымъ своимъ складомъ. Купечество одною стороною примыкаетъ къ преданіямъ быта народнаго, но впрочемъ представителемъ этого быта оно быть не можетъ; лишенное полнаго единства быта со всею Рос-

сію,—ибо бытъ верхнихъ классовъ и примыкающаго къ нимъ чиновничества, уже не тотъ, — отдѣленное своимъ положеніемъ, какъ особое сословіе съ правами, отъ простаго народа, купечество является, въ этомъ смыслѣ, сословіемъ замкнутымъ; древній русской бытъ становится въ немъ неподвиженъ, каменѣетъ, и уже по этому самому перестаетъ быть вѣренъ самому себѣ. Бытъ купечества столько же похожъ на древній русской бытъ, сколько замерзшая рѣка на текущую рѣку. Сверхъ того, внутри той стѣны, которою купечество ограждаетъ свой бытъ отъ торжества иностраннаго общественнаго быта, — очень понятно, что оно старалось найдти единство, кодексъ приличій для своего быта, выработало себѣ его условія, также неподвижныя. Купечество отъ нововведеній спасалось — въ оцѣпеніи. Одинъ простой народъ удержалъ бытъ древней Руси въ его жизни, въ его живыхъ великихъ началахъ, но о крестьянствѣ говорить здѣсь не мѣсто. Не смотря однако на эту недвижность быта, на искаженіе его внѣшней формы, высокія нравственныя преданія простоты, братства, христіанской любви, семейнаго чувства, живутъ въ купечествѣ, но лишь скованныя, лишь носящія на себѣ тяжесть внѣшнихъ условій. На этотъ купеческій бытъ налетаютъ соблазны иностранной, отрѣшенной отъ народа цивилизаціи, являющейся здѣсь въ видѣ трактирныхъ и театральныхъ подвиговъ, въ видѣ модныхъ галстуковъ и шляпокъ, а главное—въ видѣ понятія *образованности*, соединенной съ этими гнилыми признаками образованности (разумѣется ложной); выражающейся въ презрѣніи къ своему и въ перениманіи *благородныхъ манеръ*. Вмѣстѣ съ этими благородными манерами является извиненіе всякаго порока; вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ своему является презрѣніе всѣхъ нравственныхъ началъ, лежащихъ въ своемъ бытѣ. Въ простомъ народѣ, вторженіе всѣхъ этихъ чуждыхъ началъ не такъ сильно: ибо имъ противопоставляется бытъ живой, хотя и отброшенный далеко отъ правъ и привилегій другихъ классовъ, хотя и держимый въ черномъ тѣлѣ,—не такъ рѣзко: ибо здѣсь нѣтъ той неподвижности, которая вызываетъ отторженіе и придаетъ ему рѣзкость. Въ купечествѣ же эта борьба русскаго быта въ его неподвижности (проспмъ не забывать, что настоящаго русскаго быта мы въ купечествѣ не видимъ) съ иностраннымъ бытомъ въ его распущенности, — имѣетъ свою яркую опредѣленность и важный смыслъ. Такое явленіе есть общественное, и стоитъ изображенія. На такое явленіе обратилъ вниманіе г. Островскій, изобразилъ его сильно и

вѣрно.—Съ одной стороны видимъ мы у него этихъ старыхъ купцовъ, старыхъ по началамъ своимъ, хотя и ходящихъ въ ограниченности быта, но берегущихъ въ немъ свои высокія нравственныя начала; откинувъ неподвижность (но лишь одну неподвижность, не переставая быть собою), они дадутъ добрый плодъ, творя теперь, и въ ограниченной своей сферѣ, много истинно добрыхъ дѣлъ: подобно тому, какъ золото, лежащее въ замкнутомъ сундукѣ, можетъ когда-нибудь выдти на свѣтъ и приложить къ добру свою вещественную силу. Съ другой, является цивилизованное купечество, видящее цивилизацію лишь въ жалкомъ презрѣніи къ старому быту и въ усвоеніи себѣ трактирнаго благородства: при такомъ настроеніи, это души опустошенныя, явленія безплодныя, отпертые сундуки, изъ которыхъ выброшены сокровища. Намъ скажутъ, что истинное просвѣщеніе не таково. Это совершенно справедливо, истинное просвѣщеніе не таково. Но вѣдь цивилизацію, о которой мы говоримъ, мы не называемъ истиннымъ просвѣщеніемъ. Истинное общечеловѣческое просвѣщеніе народа—всегда народно, т. е. самостоятельно.

Кромѣ сочиненій, въ которыхъ изображается купеческій бытъ, г. Островскій написалъ нѣсколько такихъ, въ которыхъ изображенъ бытъ чиновничій. Такова «Бѣдная невѣста», произведеніе не менѣе замѣчательное. Мы уже не говоримъ о вѣрности рѣчи (даже излишней), о мастерскомъ изображеніи лицъ, — все это не составляетъ большой диковинки въ наше время,—мы укажемъ на нравственный смыслъ комедіи, выражающійся въ лицѣ бѣдной невѣсты, дѣвушки, въ которой слышится достоинство женщины, и поставленной среди грубаго общества, среди тупой и пошлой жизни; но дѣвушка не выставлена лицомъ идеальнымъ, она изображена безъ всякаго излишества, съ чрезвычайно тонкимъ чувствомъ мѣры, съ полною истиною. Эта пьеса, какъ намъ кажется, далеко не оцѣнена по своему достоинству.

Талантъ г. Островскаго, его вѣрный взглядъ на общественную жизнь, даютъ намъ право надѣяться отъ него дальнѣйшаго хода впередъ.

Въ числѣ писателей самыхъ молодыхъ по времени выступленія своего на литературное поприще находится графъ Толстой (Л. Н. Т.). Но уже первыми своими произведеніями гр. Толстой сейчасъ сталъ замѣтенъ между другими писателями. Произведенія его: Набѣгъ, Рубка лѣсу, Севастополь, отличаются наглядностью живою, прямымъ отношеніемъ къ предмету, уваженіемъ жизни и стремленіемъ возстановить ее въ искусствѣ во всей правдѣ. Его сочиненія

раздѣляются на два рода: въ однихъ первое мѣсто занимаетъ окружающій міръ природы, люди, событія; въ другихъ напротивъ на первомъ мѣстѣ личный міръ человѣка, внутренняя область его души. Изъ разсказовъ перваго рода мы уже назвали лучшія. Слабѣе прочихъ: записки Маркера и два Гусара. Вообще разсказы гр. Толстаго изобилуютъ излишними подробностями: глазъ автора разбираетъ по частямъ, ему представляющійся предметъ, такъ что теряется общая линія, ихъ связующая въ одно цѣлое; описаніе, освѣщая ярко какой-нибудь волосокъ на бородѣ, производитъ разладъ въ цѣломъ образѣ, и въ воображеніи читателя непріятно торчитъ какая-нибудь частица, которую авторъ облилъ яркимъ свѣтомъ.—Разсказы другаго рода, разсказы личные, имѣютъ особое значеніе, больше психологическое. Здѣсь идетъ разсказъ о самомъ себѣ; это не значитъ, чтобы авторъ разсказывалъ именно о себѣ; мы это предполагать не имѣемъ права, и не въ этомъ дѣло; довольно того, что здѣсь *я* говоритъ о самомъ себѣ, что здѣсь идетъ личный разсказъ. Къ этимъ личнымъ разсказамъ относятся Дѣтство, Отрочество и Юность Здѣсь, съ самаго начала, кромѣ прекрасныхъ картинъ окружающей жизни,—впрочемъ описаніе окружающей жизни доходитъ иногда до невыносимой, до приторной мелочности и подробности, — видимъ мы анализъ самого себя. Въ Дѣтствѣ и Отрочествѣ анализъ имѣетъ нѣсколько объективный характеръ, ибо авторъ разсматриваетъ еще не совершеннаго человѣка, но въ Юности этотъ анализъ принимаетъ характеръ исповѣди, безпощаднаго обличенія всего, что копошится въ душѣ человѣка. Это самообличеніе является бодрымъ и рѣшительнымъ, въ немъ нѣтъ ни колебанія, ни невольной попытки извинить свои внутреніе движенія. Нѣтъ, авторъ строго относится къ внутреннему міру души, обращается съ собой безпощадно и твердо, и видишь, что онъ хочетъ одного — *правды*. Внутренній анализъ г. Тургенева имѣетъ въ себѣ нѣчто болѣзненное и слабое, неопредѣленное, тогда какъ анализъ гр. Толстаго бодръ и неумолимъ. — Много вѣрнаго подмѣтилъ онъ въ изгибахъ души человѣческой, и это твердое желаніе обличенія себя во имя правды, само по себѣ уже есть заслуга и оставляетъ благое впечатлѣніе. Но мы однако сдѣлаемъ здѣсь нѣкоторыя замѣчанія. Анализъ гр. Толстаго часто подмѣчаетъ мелочи, которыя не стоятъ вниманія, которыя проносятся по душѣ, какъ легкое облако, безъ слѣда; замѣченныя, удержанныя анализомъ, они получаютъ большее значеніе нежели ка-

кое имѣютъ на самомъ дѣлѣ, и отъ этого становятся невѣрны. Анализъ въ этомъ случаѣ становится микроскопомъ. Микроскопическія явленія въ душѣ существуютъ, но если вы увеличите ихъ въ микроскопъ и такъ оставите, а все остальное останется въ своемъ естественномъ видѣ, то нарушится мѣра отношенія ихъ ко всему окружающему, и, будучи вѣрно увеличены, они дѣлаются рѣшительно невѣрны, ибо имъ приданъ невѣрный объемъ, ибо нарушена общая мѣра жизни, ея взаимное отношеніе, а эта мѣра и составляетъ дѣйствительную правду. Передъ вами стаканъ чистой воды; вы увеличиваете ее въ микроскопъ; передъ вами море, наполненное инфузоріями, цѣлый особый міръ; но если вы усвоите себѣ это созерцаніе, то впадете въ совершенную ошибку, и передъ вами изчезнетъ видъ настоящій воды, тотъ видъ, который имѣетъ всю дѣйствительность и всѣ права на нее и находится въ мирѣ со всѣмъ міромъ: т. е. стаканъ чистой воды. И такъ вотъ опасность анализа; онъ, увеличивая микроскопомъ, со всею вѣрностью, мелочи душевнаго міра, представляетъ ихъ, по тому самому, въ ложномъ видѣ, ибо въ *несоразмѣрной* величинѣ. — Кромѣ того: ощущеніямъ минутнымъ, проходящимъ по душѣ какъ дымъ, иногда вслѣдствіе того, что они-то именно совершенно несогласны съ характеромъ человѣка, — можетъ придать онъ состоятельность, которой они не имѣютъ. Наконецъ, анализъ можетъ найти и то въ человѣкѣ, чего въ немъ вовсе нѣтъ; устремленный тревожно, взоръ въ самаго себя часто видитъ призраки и искажаетъ свою собственную душу. Надо меньше заниматься собою, обратиться къ Божьему міру, яркому и свѣтлому, думать о братьяхъ и любить ихъ,— и тогда не теряя самосознанія, станешь и себя видѣть и чувствовать въ настоящей мѣрѣ и настоящемъ свѣтѣ. Вотъ опасности душевнаго анализа, и въ разсказахъ г. Толстаго, которые мы высоко цѣнимъ, есть многіе признаки этихъ свойствъ анализа. Талантъ его очевиденъ, и мы надѣемся, что онъ освободится отъ этой мелочности и, можемъ сказать, микроскопичности взгляда, и талантъ его окрѣпнетъ и созрѣетъ.

Не давно, явился на литтературное поприще одинъ молодой писатель, Щедринъ. Онъ привлекъ всеобщее вниманіе своими Губернскими Очерками. Сочиненія его имѣютъ общественный интересъ,—и вотъ главная причина ихъ успѣха; мы говорили уже, какъ важенъ общественный элементъ въ Россіи, и что это существенный элементъ Литтературы нашей. Законное негодованіе, съ которымъ представлены

всѣ общественныя искаженія, слышное даже тамъ, гдѣ авторъ повидимому въ сторонѣ, не можетъ не находить сочувствія во всѣхъ хорошихъ людяхъ и въ цѣломъ обществѣ, и успѣхъ Губернскихъ Очерковъ есть утѣшительное явленіе. Но, сколько намъ кажется, не смотря на драматическія и другія формы изящной литературы, которыя принимаютъ эти Очерки,—это не произведеніе искусства, а ораторская рѣчь,—и въ часъ добрый! намъ нужны такія рѣчи. Но мы сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія почтенному автору. 1.) Въ его разсказѣ есть карикатурность, а она вредитъ дѣлу, ибо даетъ неправдѣ возможность сказать: это каррикатура. 2.) Въ его разсказахъ есть ненужный цинизмъ, который тоже вредитъ дѣлу, ибо производитъ самъ по себѣ отталкивающее впечатлѣніе и тѣмъ нарушаетъ цѣльность вниманія читателя. Кромѣ того, его разсказъ—иногда уже чистый списокъ дѣйствительности случайной, и потому ничего не дающій человѣку, какъ анекдотъ. Интересъ чисто анекдотическій—не художественный, не гражданскій, не общій. Вообще тамъ, гдѣ разсказъ его теряетъ общественный интересъ, онъ теряетъ большею частію и достоинство: такова «Княжна».—Наконецъ, въ Очеркахъ есть эта подробность, которою страдаютъ почти всѣ наши писатели. У г. Щедрина не все впрочемъ разсказы отрицательные, есть и положительные. Лучше всего въ Очеркахъ: это: Старецъ, потомъ: Скука, Христово Воскресенье, Озорники. Будемъ ждать новыхъ произведеній г. Щедрина, бодрому таланту котораго отъ всей души желаемъ успѣха.

Было бы крайне несправедливо не упомянуть о г. Крестовскомъ (псевдонимъ). *Еще годъ*, это кажется первая его повѣсть она; была помѣщена нѣсколько лѣтъ назадъ въ О. З. Съ удовольствіемъ и удивленіемъ прочли мы тогда эту повѣсть. Правда, уже прошло время Печорина, этого героя безстыдства и гнилаго эгоизма; прошло время и маленькихъ Печориныхъ, заключившихся Тамаринымъ, отъ котораго самъ авторъ поспѣшилъ отказаться; но все оставался въ произведеніяхъ нашей изящной Литературы пошлый стыдъ искреннихъ, душевныхъ движеній, совершенно противоположный мужеству: быть тѣмъ, что есть. Поэтому повѣсть Крестовскаго странно и пріятно порадовала насъ среди обширной вялой скуки, налегшей на всю нашу Литературу. Чистое, свѣжее и нѣжное чувство проникаетъ всю повѣсть; оно не побоялось выдти въ нашъ печатный свѣтъ, гдѣ рѣдко оно цѣнится, гдѣ скалозубство давно занимаетъ почетное мѣсто, скрывая подъ собою нравственное безсиліе. Послѣ того появилось

довольно повѣстей г. Крестовскаго; онѣ имѣютъ уже совершенно иной характеръ; онѣ представляютъ намъ обыденную жизнь съ разными ея неправильными уклоненіями отъ правды. Не всегда выдержана въ нихъ идея; но идея въ нихъ всегда есть. Есть много ума и вѣрности въ самомъ задуманіи характеровъ и положеній; въ особенности не разъ схваченъ хорошо типъ любезныхъ и сладкихъ женщинъ-мучительницъ. Въ одной повѣсти удачно обрисована женщина, вѣчно играющая сама въ себя, въ представленіе самой себя, въ которой и ненависть и сочувствіе, Богъ знаетъ почему, возникаютъ, развиваются, слабѣютъ и опять крѣпнутъ. Говоря о г. Крестовскомъ, мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о значеніи художественномъ; да на него въ повѣстяхъ нѣтъ, кажется, ни малѣйшаго притязанія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ кромѣ произведеній творчески художественныхъ не можетъ, не должно быть, никакихъ другихъ? Конечно могутъ быть произведенія нехудожественныя, безъ всякаго притязанія на художественное значеніе, безъ творческихъ замашекъ, произведенія, полныя искренности, полныя мысли, истиннаго чувства, душевной красоты, и потому благотворныя. Пусть пишутся такія произведенія; они не измѣнятъ состоянія нашей Литературы, не оживятъ ея прежняго, не внесутъ новаго, но пока, до новой Литературной эпохи, онѣ не даромъ занимаютъ наше вниманіе; много добраго будетъ отъ нихъ.

Въ этомъ родѣ большая часть произведеній англійской Литературы, произведеній истинно прекрасныхъ; въ каждомъ изъ нихъ краеугольнымъ камнемъ — чувство Вѣры, семейное и вообще нравственное чувство; въ каждомъ изъ нихъ сохранено человѣческое достоинство и вмѣстѣ необходимая трезвость души. Слава Богу! Литература наша теперь полна переводами произведеній Литературы англійской, столько отличныхъ отъ опьянѣлыхъ произведеній французской Литературы, въ особенности отъ произведеній Ж. Зандъ, въ которыхъ нѣтъ ни внѣшней, ни внутренней правды, въ которыхъ развратное смѣшеніе нравственныхъ понятій, въ которыхъ самое добро злотворно и является какимъ-то соблазномъ, въ которыхъ дышетъ и дѣйствуетъ какая-то *чувственная душа*.

Мы упомянули о переводахъ съ англійскаго, и должны прибавить, что переводы наши часто невѣрны: теперь кажется стали они лучше. Скажемъ общее замѣчаніе о переводахъ. Въ каждомъ народѣ и въ каждомъ языкѣ есть общее человѣческое достояніе и есть

оттѣнокъ собственной національности. Не будь перваго — не было бы взаимнаго пониманія народовъ, не будь втораго — не было бы жизни и дѣйствительности, и общее оставалось бы отвлеченнымъ. При переводахъ общая сторона передается въ томъ же духѣ и на другой языкъ; но національность никогда не можетъ и не должна передаваться національностью. Національностями различаются народы между собою. Что же выдетъ, если эти разницы смѣшаются, если передавая особенность народа, вы уничтожите ее, замѣнивъ особенностью другаго народа? Выдетъ совершенная безсмыслица; это будетъ ужъ не переводъ, а беззаконная и безсмысленная замѣна одной особенности другою; все равно, какъ если бы вы вздумали одѣть Джонъ-буля Русскимъ крестьяниномъ, или Русскаго крестьянина Джонъ-буллемъ. Сходясь въ общечеловѣческомъ значеніи, они расходятся въ образѣ національномъ.

Въ нашей Литературѣ переводы занимаютъ такое важное мѣсто, что мы сочли не лишнимъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ.

Что же скажемъ мы въ заключеніе нашего обозрѣнія современной Литературы? У насъ рѣчь идетъ о Литературѣ вообще, о направленіи Литературы.—Что же скажемъ мы о ней?

Она многоплодна, это не подлежитъ сомнѣнію. Передъ нами множество писателей, и множество произведеній; но нѣтъ основной мысли, которая бы двигала эту массу повѣстей, романовъ, комедій и пр. Въ самомъ этомъ отсутствіи общей мысли есть свой смыслъ. Это отсутствіе общей мысли, эта безполезность талантовъ, выражаютъ, по нашему мнѣнію, прекращеніе Литературы, начавшейся съ Кантемира, духъ которой въ основаніи былъ — подражательность. Эта Литература давала намъ поэтическія произведенія, болѣе или менѣе отвлеченныя, произведенія истинныхъ талантовъ, попавшихъ на общій ложный путь; она давала намъ ихъ, пока не замкнула своего круга, пока не истощила своихъ силъ, пока не поколебалась вѣра въ ея направленіе. Но теперь наступила эта минута, и прежняя Литература, послѣ полутораста лѣтъ своей дѣятельности, впала въ совершенное безсиліе. На рубежѣ ея стоитъ Гоголь, величайшій писатель Русской, не договорившій своего слова, которое рвалось уже въ новую область. Когда рѣшится задача, чѣмъ станетъ Русская мысль и поэзія — это дѣло будущаго. Въ настоящее время передъ нами толпа писателей, покинутыхъ духомъ прежней эпохи, свидѣтельствующихъ собою о прекращеніи цѣлаго направленія. У насъ

есть нѣсколько авторовъ съ замѣчательнымъ талантомъ, которые, хотя ничего не измѣняютъ въ общемъ состояніи нашей Литературы, не даютъ иного направленія ея ходу, но въ нихъ свѣтится какая-то, чуть видная, заря литературнаго будущаго дня; она изчезнетъ, какъ скоро появится солнце.

Такова наша современная Литература. Но унывать мы не будемъ. Пусть темнѣетъ ночь прожитаго наконецъ нами дня, пока не займется заря желаннаго утра! Мы знаемъ, что жизнь жива: не станемъ же жалѣть о ея выраженіи, ею брошенномъ и потерявшемъ свой смыслъ, выраженіи, въ которомъ было столько ложнаго.

Дѣла намъ много, и конечно первое мѣсто, въ наше время, принадлежитъ мысли и ея справедливой и свѣтлой дѣятельности; ученыя занятія, изслѣдованія имѣютъ въ наше время важное значеніе. Самобытное мышленіе, сознаніе самихъ себя, сознаніе Русскаго начала жизни, выразившейся въ народности, въ общественности, въ исторіи, въ языкѣ и т. д., сознаніе, достигаемое изученіемъ нашего прошедшаго вообще и настоящаго въ простомъ народѣ — вотъ наше дѣло; оно пробуждаетъ въ насъ вновь Русскаго человѣка, такъ долго спавшаго.

К. Аксаковъ.

НОВѢЙШАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ВЪ ЧЕШСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ.

СТАТЬЯ Г. РИТТЕРСБЕРГА (1).

(писана въ Прагѣ, въ Августѣ 1856).

Неблагопріятно для литтературы нашей нынѣшнее время, но, при всемъ томъ, дѣятельность въ разныхъ вѣтвяхъ ея не совсѣмъ прекратилась. Особенно по части лирической поэзіи, драмы, повѣстей, исторіи и археологіи появляются отъ времени до времени новые плоды чешскаго слова.

Лирика наша, лѣтъ десять тому назадъ достигшая значительнаго развитія и обѣщавшая тогда, по видимому, еще большее процвѣтаніе въ будущемъ, упала съ тѣхъ поръ до такой степени, что каждое новое явленіе должно быть теперь принято съ особенною радостью. Между послѣдними явленіями нашей поэзіи заслуживаютъ вниманія *Эрбенова* «Вѣнокъ изъ народныхъ сказаній» (*Kytice z národních povìstí*) и «Пѣсни» *В. Пицка* (4-ая книжка его стихотвореній). Кромѣ того готовятся къ изданію собраніе стихотвореній *Кубка* и литтературныя произведенія покойнаго *Махи*.

Первое мѣсто принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, *Карлу Яромиру Эрбену*, архиварію города Праги. Какъ въ литтературѣ, такъ и въ жизни, сохранилъ онъ свѣжесть, твердость, чистоту своего мужественнаго, истинно-славянскаго духа. Имя его произносится у насъ съ такимъ полнымъ и общимъ уваженіемъ, какъ не

(1) Статья эта написана Чехомъ, г. Риттерсбергомъ, на нѣмецкомъ языкѣ, собственно для Русской Бесѣды, а переведена и прислана А. Ѳ. Тильфердингомъ. *Изд.*

многія другія. Въ своемъ *Вѣнкѣ* онъ подарилъ намъ собраніе балладъ, глубоко проникнутыхъ народнымъ духомъ. Глубокій знатокъ народной поэзіи всеславянской, Эрбенъ не только умѣлъ вѣрно подражать ей и удачно черпать изъ древнихъ сокровищъ народныхъ, но и одушевлялъ ихъ самобытнымъ творчествомъ. Нерѣдко упрекали его въ томъ, что онъ слишкомъ мало издаетъ своихъ прекрасныхъ произведеній. Но нужно знать, что Эрбенъ хранитъ до сихъ поръ въ рукописи самыя лучшія сочиненія свои, потому только, что не считаетъ настоящее время благопріятнымъ для ихъ обнародованія.

Пѣсни *В. Пицка* отличаются гладкимъ, плавнымъ складомъ рѣчи. Онъ хорошо знакомъ съ бытомъ поселянъ и умѣетъ цѣнить красоты природы: потому наиболѣе удаются ему произведенія идиллическія. Изящество округленныхъ формъ дѣлаетъ пѣсни его прекрасными для музыки; но рѣдко можно найти въ нихъ глубокую мысль или силу выраженія.

Янъ Православъ Кубекъ, сочиненія котораго выйдутъ скоро полнымъ собраніемъ (въ 3 частяхъ), былъ профессоромъ чешскаго языка и словесности въ пражскомъ университетѣ, гдѣ великія заслуги его останутся незабвенными. Онъ обладалъ обширнымъ знаніемъ славянскихъ и чужихъ, древнихъ и новыхъ, языковъ. Почти съ одинаковою легкостью писалъ онъ стихи ново-чешскіе и старочешскіе, нѣмецкіе и латинскіе. Латынь его удивительно чиста и изящна. Его образованіе, литтературное и общественное, было необыкновенно разнообразно, почему онъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ занималъ, во время оно, мѣсто представителя на Сеймѣ. Это же самое достоинство отличаетъ стихотворенія Кубка. Разнообразіе предметовъ, живое плодовитое воображеніе, богатство прекрасныхъ картинъ и быстрота мысли; все это, одушевленное чувствомъ вѣрнаго Славянина, — даетъ его твореніямъ великую и постоянную цѣну. Собраніе его сочиненій, теперь печатающееся, заключаетъ въ себѣ все то, что при жизни его было издано въ разныхъ временникахъ, или отдѣльно; но оно будетъ отчасти и новостью у насъ — и одною изъ замѣчательнѣйшихъ — потому что обогатитъ насъ многими произведеніями Кубка, остававшимися доселѣ въ рукописи. Изъ нихъ нѣкоторыя принадлежатъ къ числу самыхъ характеристическихъ, глубокомысленныхъ его твореній. Обращаемъ вниманіе на его «Гробы славянскихъ поэтовъ». Какъ достойно здѣсь воспѣты Пушкинъ, Лермонтовъ, Коларъ, Маха, Челаковскій, Хмелевскій! Осо-

бенною красотою отличается также его голосъ по смерти нѣмецкаго поэта, Ленау (Niembsch von Strehlenau). Большое сатирическое стихотвореніе Кубка, отличающееся остроуміемъ и юморомъ: «Путь поэта въ адъ» (*Цеста баснйка до пекла*), составитъ вторую часть собранія, къ которой приложена будетъ біографія автора, принадлежащая одному изъ даровитыхъ нашихъ писателей.

Карлъ Гынекъ Маха и его сочиненія (въ особенности стихотвореніе «Май») были и остаются отчасти до сихъ поръ яблокомъ раздора въ нашей литературѣ. Нѣкоторые восторженные чтители чуть не боготворили его, другіе преслѣдовали его незаслуженными упреками и бранью. Нападенія были тѣмъ болѣе несправедливы, что въ то время, когда Маха выступилъ на литературное поприще (онъ скончался, къ сожалѣнію, уже въ 1838 году, въ Литомѣрицахъ), поэзія чешская была еще крайне бѣдна. Сила воображенія, глубокомысліе и привлекательная поэтическая рѣчь, вотъ качества, которыя всякій, кто судитъ безпристрастно, долженъ признать за Махою. За то въ его поэзіи видна какая-то отрывочность (которая, впрочемъ, была въ то время въ модѣ) и сильное вліяніе чужихъ, особливо нѣмецкихъ, образцовъ. Къ сожалѣнію, этому великому таланту не дано было развиться; онъ рано умеръ. По характеру своей поэзіи, Маха приближается къ польскому стихотворцу, Мальчевскому; но Мальчевскій стоитъ выше его своею глубокою самобытностью, своимъ яснымъ, мастерскимъ изображеніемъ геніальныхъ идей и своею свободою отъ всякаго посторонняго вліянія. Но нельзя забыть и того, что Мальчевскій творилъ на богатой уже почвѣ литературы польской, которую надобно было лишь очистить отъ нѣкоторыхъ чуждыхъ формъ, а не создавать изъ ничтожества, тогда какъ нашъ Маха выступилъ еще въ такое время, когда нерѣшенъ былъ вопросъ: будетъ ли существовать вообще какая нибудь ново-чешская литература, или нѣтъ?

Когда, при всемъ скудномъ и жалкомъ положеніи чешскаго театра (о судьбахъ его я намѣренъ поговорить въ особой статьѣ), находятся, однако, еще даровитые писатели, которыхъ никакія невыгоды не въ состояніи удалить отъ ихъ поприща, то, по истинѣ, можемъ принять это за знакъ, что литературной дѣятельности у насъ уже силою задавить нельзя. Для развитія драматической поэзіи нашей важно предпріятіе «Чешской Матицы», которая мало по малу издаетъ переводы шекспировыхъ твореній. Пять человѣкъ трудятся

у насъ теперь надъ великимъ англійскимъ поэтомъ: Іосифъ Юрій *Коларъ*, О. Францъ *Духа*, Ладиславъ *Челаковскій*, д-ръ *Чейка* и Яковъ Будиславъ *Малый* (замѣчу мимоходомъ, что уже въ 1823 г. нашъ заслуженный Антонинъ Марекъ, подъ именемъ Болемира Изборскаго, издалъ вольный переводъ шекспировой *Comedy of Errors*, подъ заглавіемъ « Омыловѣ » т. е. Ошибки). Можно сказать, что въ отношеніи къ достоинствамъ поэтическаго языка, эти переводы геніальныхъ драмъ Шекспира вообще довольно хороши, и хотя они иногда уступаютъ польскимъ переводамъ (на прим. Каминьскаго), однако въ общей сложности стоятъ гораздо выше нѣмецкихъ. Одно изъ главныхъ затрудненій въ переводѣ нѣкоторыхъ драмъ проистекаетъ отъ шекспировой манеры влагать въ уста дѣйствующимъ лицамъ изысканныя и натянутыя выраженія. Въ подлинникѣ, впрочемъ, даже и въ этихъ случаяхъ, рѣчь не совсѣмъ теряетъ естественный ходъ, но въ переводѣ на другой языкъ тотчасъ является натяжка. И наши чешскіе переводчики должны были сдѣлать несчастный опытъ слишкомъ вѣрнаго переложенія шекспировыхъ остротъ, въ чемъ, впрочемъ, ихъ извиняетъ уваженіе къ подлиннику. Весьма оригинальный способъ придумалъ Малый, чтобы выйти изъ затрудненія: лицамъ, которыя говорятъ у Шекспира испорченнымъ языкомъ, онъ влагаетъ въ уста нарѣчіе Тренчанскихъ Словаковъ. Смѣлая затѣя!

Между пятью писателями, занимающимися у насъ Шекспиромъ, Колару принадлежатъ переводы, наиболѣе годные для сцены. Будучи самъ актеромъ (онъ и достойная супруга его остаются главными представителями чешской сцены), Коларъ умѣетъ придавать своей драматической рѣчи такой складъ, что каждое выразительное слово должно выходить внятно и полнозвучно изъ устъ актеровъ, и имѣть полное дѣйствіе на слушателей. Онъ болѣе другихъ одаренъ сценическимъ талантомъ. Духа работаетъ съ великимъ тщаніемъ и любовью, хорошо знаетъ дѣло, но не всегда свободенъ отъ педантства. Молодой Челаковскій, сынъ знаменитаго нашего писателя, отличается превосходнымъ знаніемъ своего языка, смѣлыми оборотами и глубокомысленнымъ складомъ рѣчи. Вѣрный школѣ своего отца, поэта и языкоиспытателя, онъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы иногда филологической точности не пожертвовать драматическимъ смысломъ. У Чейки замѣчательна плавность и легкость округленной рѣчи. Малый пишетъ ловко и плавно, но съ преобладаніемъ прозаизма. —

Когда « Выборъ » (Ausschüss, т. е. комитетъ) « Чешской Матицы» обсуждалъ изданіе шекспировыхъ драмъ, то дѣло обошлось не безъ упорнаго сопротивленія, особливо со стороны проф. Я. Э. Воцела, который настаивалъ на томъ, будто эти драмы не довольно « деликатны » для чешской публики. Изъ произведеній Шекспира у насъ теперь переведены: Челаковскимъ — Король Лиръ, Буря и обѣ части Генриха IV; Чейкою — Цимбелинъ, Титъ Андроникъ, Тимонъ Аѳинскій, Антоній и Клеопатра, Король Генрихъ V ; Дуxою — Ромео и Джульета, Ричардъ III, Крещенская ночь (As you like it), Сонъ лѣтней ночи (« Сенъ ноци Сватоянскè », Midsummernightsdream), Юлій Цезарь, Ричардъ II, Коріоланъ и Кара злой жены (Faming of the screw); Коларомъ — Гамлетъ, Макбетъ и Венеціанскій купецъ; Малымъ— Отелло, Генрихъ VI, Веселыя жены Виндзорскія, Конецъ все исправитъ (All' swell that ends well) и Много крику изъ ничего (Much ado about nothing).

Изъ новыхъ оригинальныхъ произведеній чешской драмы заслуживаютъ вниманія прежде всего « Димитрій Ивановичъ » (т. е. Самозванецъ), трагедія въ шести дѣйствіяхъ *Фердинанда Миковца*. Она была принята на театрѣ нашемъ весьма благосклонно, и вполнѣ этого заслуживаетъ. Теперь она печатается иждивеніемъ книгопродавца Поспишила. Трагедія эта, также какъ и первое произведеніе Миковца, « Гибель рода Премыслова », составляетъ важное явленіе на нашей народной сценѣ. Обѣ отличаются сочетаніемъ основныхъ драматическихъ достоинствъ: предметъ выбранъ великій, историческій, полный трагизма, проведенъ живо, проникнутъ поэзіею, счастливо соблюдено равновѣсіе между идеальностью и историческою точностью, наконецъ сохранены условія сценическаго впечатлѣнія.

Для своего « Димитрія » Миковецъ положилъ въ основаніе планъ недоконченной драмы Шиллера. Шиллеръ, какъ извѣстно, передъ смертію своею задумалъ самымъ великолѣпнымъ произведеніемъ увѣнчать драматическую поэзію нѣмецкую и свою собственную дѣятельность. Онъ избралъ Димитрія. Смерть помѣшала ему исполнить великую мысль. Потомъ Гёте намѣревался докончить шиллерова « Димитрія », и онъ могъ совершить это тѣмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, что, при постоянномъ общеніи и размѣнѣ мыслей между нимъ и Шиллеромъ, планъ, задуманный симъ послѣднимъ, былъ ему, конечно, извѣстенъ. Но онъ почему-то отказался отъ своего предположенія, и начатое твореніе Шиллера лежало нетронутымъ, пока, наконецъ, чеш-

скій поэтъ не отважился докончить его. Не могу не признаться, для меня было бы пріятнѣе, еслибы какой-нибудь славянскій поэтъ старался самобытно постигнуть и обдѣлать такой огромный великолѣпный, чисто-народный предметъ, какой представляется въ Лжедимитріи (какъ сдѣлалъ у Поляковъ геніальный Карлъ Шейноха въ своей « Маринѣ », почерпнутой изъ того же круга событій); это было бы лучше, чѣмъ идти за урокомъ въ нѣмецкую школу. Миковецъ принадлежитъ у насъ, впрочемъ, къ той литтературной партіи, которая до сихъ поръ держится западно-европейскихъ началъ болѣе, нежели бы, можетъ быть, слѣдовало для сохраненія славянской самобытности. При всемъ томъ, его « Димитрій » составляетъ одно изъ радостныхъ явленій въ нашей поэзіи. Конечно, онъ не имѣлъ средствъ такъ подробно и полно знать замыслъ шиллеровъ, какъ Гёте, который его не передалъ потомству. Онъ долженъ былъ опереться на силу собственной поэтической мысли, и нелегко было сохранить единство при исполненіи начатаго другимъ драматическаго плана. Къ чести своей, онъ умѣлъ это сдѣлать.

Почтенный и многозаслуженный ветеранъ драматургіи и бельлетристики нашей, *Вячеславъ Климентъ Клицпера* (род. въ 1792 г.), отличается и нынѣ, какъ въ болѣе молодыхъ лѣтахъ, плодовитостью, свѣжестью и самобытностью своего бодраго ума. Недавно еще, для репертуара чешской сцены, многочисленныя и всѣми любимыя произведенія клицперовы были какъ хлѣбъ насущный, и онъ, можно сказать, долгое время одинъ держалъ на своихъ плечахъ бѣдный нашъ театръ. Нѣтъ сомнѣнія, что его литературная дѣятельность, при дарованіяхъ его, развилась бы еще блистательнѣе, если бы судьба не привязала его къ учительской должности въ Королевиномъ Градцѣ; онъ принужденъ былъ жить уединенно, вдалекѣ отъ общества, которое столь важно и необходимо для драматическаго писателя. Не смотря, однако, на невыгодную сферу, въ которой былъ поставленъ, Клицпера умѣлъ неутомимою дѣятельностью образовать свой талантъ, на сколько было возможно. Лишь подъ старость посчастливилось ему найти случай переѣхать въ Прагу. Въ самомъ началѣ своего управленія, нашъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, графъ Левъ Тунъ, учредилъ въ Чехіи извѣстное число *чешскихъ* гимназій, т. е. такихъ, въ которыхъ науки преподавались отчасти на чешскомъ языкѣ. Въ пражской «Старомѣстской» гимназіи, въ которой съ тѣхъ поръ чешскій языкъ терпимъ былъ нѣсколько до-

лѣе, чѣмъ въ другихъ. Клицпера получилъ мѣсто префекта (директора); онъ исполнялъ эту должность съ особеннымъ отличіемъ, и занималъ ее года полтора, пока, наконецъ, и эта послѣдняя «чешская» гимназія была уничтожена и обращена въ нѣмецкую. Чешскіе профессоры разошлись въ разныя стороны; Клицпера отставленъ былъ съ пансіономъ. Не смотря на эту неожиданную перемѣну обстоятельствъ, закрывавшую передъ нимъ гражданское поприще, Клицпера не упалъ духомъ; онъ принялся работать съ новымъ жаромъ для чешской литтературы. Понятно, съ какою радостью наше общество встрѣтило извѣстіе, что всѣми уважаемый и пріобрѣтшій новое право на сочувствіе писатель готовитъ историческую драму для пражскаго театра. Героинею онъ избралъ Елишку (Елисавету), супругу чешскаго короля, Яна (Люксенбургскаго), и послѣднюю отрасль родной древней династіи Премысловичей. Первое представленіе назначено было къ одному изъ предстоявшихъ бенефисовъ; его ожидали съ нетерпѣніемъ. Тѣмъ болѣе изумила всю нашу публику вѣсть, что клицперова драма, при всей невинности ея содержанія, подверглась запрещенію. Нашъ Клицпера—олицетворенное миролюбіе, олицетворенная кротость и мягкость. Не зная причинъ, лишающихъ чешскую сцену новаго, желаннаго произведенія, мы принуждены ограничиваться догадками. Нѣкоторые изъ насъ съ глубокимъ огорченіемъ думаютъ, что ударъ, постигшій Клицперу, имѣлъ единственнымъ поводомъ нѣсколько такихъ мѣстъ въ его драмѣ, гдѣ чешское сердце поэта не могло удержаться отъ того, чтобы не говорить съ чувствомъ и жаромъ о чешской землѣ, о чешскомъ народѣ и его старинной славѣ. Дѣло въ томъ, что когда жила королева Елишка, Чехи не принадлежали къ тому, что̀ теперь называютъ «общимъ отечествомъ» (Gesammtvaterland), австрійскимъ, и что всѣ тогдашнія патріотическія чувства ихъ должны были имѣть исключительно предметомъ свою собственную чешскую родину. Какъ мы сейчасъ узнали, Клицпера принужденъ приняться за передѣлку своей «Елишки». Что̀ изъ нея будетъ, не можемъ сказать.

Археологіею занимаются у насъ уже много лѣтъ съ особеннымъ прилежаніемъ и не безъ успѣха. Желая содѣйствовать развитію этой, столь полезной для насъ, науки, *Музей королевства Чешскаго* (таковъ нынѣ его оффиціальный титулъ, вмѣсто прежняго «Народный Чешскій Музей») издаетъ «Археологическіе памятники» чешскіе, въ трехмѣсячныхъ выпускахъ, подъ редакціею, весьма дѣятель-

наго писателя и археолога, *Карла Владислава Запа*. Этихъ памятниковъ вышло уже двѣ годичныя части (за 1854 и 1855 г.), составляющія первый томъ изданія. Онѣ заключаютъ въ себѣ значительное число рисунковъ древностей, монетъ, зодческихъ памятниковъ и т. п. Уже теперь изданіе имѣетъ великую цѣну, содержа въ себѣ обильный запасъ важныхъ, подлинныхъ матеріаловъ, объясняющихъ многое въ чешской старинѣ, особливо въ исторіи чешскихъ городовъ. Главная, общая мысль «Памятниковъ», связать нынѣшнее поколѣніе чехославянское съ его славною старіною въ одно духовное, нравственное цѣлое. Жаль только, что строгоученый характеръ изданія дѣлаетъ его доступнымъ лишь ограниченному кругу читателей. Наибольшія заслуги въ отношеніи къ «Археологическимъ Памятникамъ» принадлежатъ неутомимому ихъ редактору (1); кромѣ его, содѣйствуютъ изданію разными статьями: Вячеславъ Ганка, профессоръ Янъ Эразмъ Воцелъ, К. Я. Эрбенъ, профессоръ Владивой Томекъ, священникъ Антонинъ Власакъ, Антонинъ Рыбичка и др.

Говоря о чешской археологіи, нельзя не упомянуть подробнѣе о трудахъ одного изъ приведенныхъ писателей, именно Я. Э. *Воцела*. Прежнія произведенія его, значительныя эпическія стихотворенія, «Премысловичи», «Мечь и Чаша», «Лабиринтъ Славы», пріобрѣли ему право стоять въ первомъ ряду между нашими поэтами. Въ послѣдствіи, однако, онъ страстно предался изученію древностей, и по этой каѳедрѣ сдѣланъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ пражскаго университета. Онъ первый рѣшился построить опредѣленную, основанную на научныхъ выводахъ, систему чешской археологіи; онъ представилъ ее по чешски въ «Часописи Чешскаго Музея», для нѣмецкой публики въ книгѣ «Grundzüge der böhmischen Alterthumskunde» (1845). Въ эту пору онъ много содѣйствовалъ къ возбужденію у насъ вкуса и уваженія къ древностямъ, много способствовалъ къ ихъ отысканію и сохраненію. Но въ послѣдствіи совершилось надъ нимъ изреченіе, что никто не бываетъ пророкомъ въ сво-

(1) Запъ занимаетъ должность учителя въ высшей реальной чешской школѣ въ Прагѣ. Между прочими полезными трудами, онъ составилъ «Всеобщую Землепись» (географію), изданную Чешскою Матицею. Ему мы, между прочимъ, обязаны отчасти распространеніемъ въ чешскойну бликѣ болѣе вѣрныхъ и полныхъ понятій объ Россіи и Польшѣ и тамошней литературной дѣятельности.

емъ отечествѣ. Въ Германіи его ученыя сочиненія пользуются гораздо бо̀льшею извѣстностью и уваженіемъ, чѣмъ у насъ. Много тому причинъ,—и литтературныя сплетни, и несправедливость критики, которая, не цѣня по достоинству настоящихъ ученыхъ заслугъ Воцела, исключительно нападала на нѣкоторыя натяжки и увлеченія его, наконецъ незаслуженное подозрѣніе, будто онъ въ своихъ статьяхъ пользуется преимущественно чужими изысканіями и мыслями. Но, конечно, со временемъ отдана будетъ должная справедливость его заслугамъ, весьма значительнымъ въ избранной имъ наукѣ.

Неутомимымъ странствованіемъ по всему чешскому краю съ цѣлію отысканія древнихъ памятниковъ и изданія рисунковъ ихъ, отличается молодой, полный надежды, археологъ нашъ, *Антонинъ Шмидтъ*, принимающій на себя этотъ трудъ изъ любви къ дѣлу, на собственное иждивеніе. Недавно издалъ онъ *археологическую карту* королевства чешскаго, съ чешскимъ и нѣмецкимъ текстами, весьма важное пособіе для нашихъ ученыхъ.

Не могу не упомянуть здѣсь о другомъ трудолюбивомъ изыскателѣ, старомъ, почтенномъ священникѣ *Вячеславѣ Крольмусѣ*. Онъ усердно заботится объ открытіи и выкапываніи подземныхъ остатковъ языческой эпохи въ Чехіи. Имя его должно стоять въ ряду самымъ ревностныхъ распространителей народной мысли, народнаго стремленія въ нашемъ краѣ; кромѣ многихъ другихъ трудовъ, ему принадлежитъ весьма занимательное, прекрасное «Собраніе Старочешскихъ сказаній» (издалъ онъ его подъ обращеннымъ именемъ *Сумлорка*, потому что ему, какъ священнику, запрещено было выставить свое настоящее имя на заглавіи такой книги). Отличаясь самыми полными и живыми свѣдѣніями во всемъ, что̀ касается народной старины чешской, онъ имѣлъ случай, при многолѣтнихъ трудахъ и розысканіяхъ, пріобрѣсти удивительно вѣрное знакомство съ древними городищами, курганами, могилами и др. остатками языческихъ временъ, и по его указаніямъ выкапывается множество важныхъ памятниковъ доисторическихъ вѣковъ, которые обогащаютъ собою собраніе Пражскаго Музея.

(Продолженіе будетъ).

БИБЛІОТЕКИ
Историко-Литературныхъ и Юридическихъ
Н. П. Раева.

ЗАМѢТКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ПО СЛАВЯНСКИМЪ СТРАНАМЪ.

Много говорили мы о Славянахъ; цѣлый кружокъ писателей и неписателей зовутъ у насъ Славянофилами; а много ли мы знаемъ о Славянахъ, и есть ли у насъ средства съ ними знакомиться?

Причинъ и побужденій для знакомства съ ними очень довольно. Загорѣлась у насъ война съ полу-Европою, и что же? Однѣ изъ славянскихъ племенъ, прямо ею задѣтыя, показывали къ намъ явное и дѣйствительное сочувствіе, — это *Болгары*. Другія по единоплеменству и единовѣрію не рѣшились вступить въ ряды нашихъ враговъ,—это *Сербы*. До третьихъ, то есть, до австрійскихъ Славянъ, дѣло не дошло; но единоплеменство, а съ нимъ и сочувствіе ихъ къ намъ, съ давнихъ лѣтъ питаетъ и раздуваетъ враждебныя къ намъ чувства монархіи, для которой страшно всякое сочувствіе, къ кому бы то ни было, каждаго изъ ея подданныхъ. Страшно именно потому, что на сочувствіе ихъ къ ней самой она не пріобрѣла никакого права ни историческимъ развитіемъ, ни единствомъ вѣры, ни одинаковостію жизни, то есть, языка, преданій и обычаевъ, ни, наконецъ, тождествомъ выгодъ вещественныхъ.

Какъ, безъ знакомства съ тѣми, другими и третьими, узнаемъ мы степень ихъ связи съ нами, а безъ нея какъ прояснимъ весьма многія подробности вопроса, положеннаго въ основаніе прошедшей войны? Каждый изъ насъ дѣлаетъ заключенія произвольно, смотря потому, какимъ путемъ пріобрѣлъ онъ отрывчатыя свѣдѣнія о Славянахъ

Только подробное съ ними знакомство избавитъ насъ отъ такихъ крайностей сужденія, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительности ничто

не является такъ рѣзко обозначеннымъ, какъ является оно въ понятіяхъ, составленныхъ по личному сердечному настроенію каждаго.

Намъ Русскимъ не быть на виду у славянскихъ племенъ невозможно. Всѣ онѣ подъ прямымъ или непрямымъ игомъ. У всѣхъ ихъ тягость ига увеличивается именно тѣмъ, что онѣ связаны съ нами единоплеменностію, близкимъ родствомъ языка, а многія и единовѣріемъ. Этого мало. Каждое право ихъ на наше сочувствіе прибавляетъ или лишнюю тягость къ ихъ оковамъ, или лишнихъ стражей къ ихъ охраненію. Для Турка-магометанина всѣ Христіане одинаково гяуры, всѣ безъ исключенія—христіанскія собаки, а между тѣмъ никто столько не терпитъ, сколько терпѣли и терпятъ Славяне нашего восточнаго исповѣданія. Съ презрѣніемъ къ гяуру соединяется еще какой-то неопредѣленный страхъ къ «Москову», имя, которымъ они часто въ обиходномъ быту называютъ нашихъ православныхъ братій, Славянъ Сербіи, Босны, Герцоговины, Албаніи и Черногорья.

Не знаю, такъ ли это продолжается теперь, послѣ недавней войны, не знаю, увеличилась или уменьшилась вражда Турковъ къ Сербамъ, Боснякамъ, Албанцамъ и Черногорцамъ; но знаю положительно, что Болгарамъ теперь далеко хуже прежняго. Каждое письмо изъ Болгаріи приноситъ одѣ и тѣ же вѣсти, что тамъ притѣсненія Христіанъ, особенно православныхъ, сдѣлались еще сильнѣе и невыносимѣе. Изъ частныхъ писемъ я знаю, что во многихъ городахъ, можетъ быть такъ и во всѣхъ, днемъ Болгары едва смѣютъ выходить на улицу, о Болгаркахъ и говорить уже нечего. На ночь всѣ запираются въ домахъ, какъ въ укрѣпленіяхъ, ожидая безпрестанно нападенія какой нибудь буйной толпы полуразбойниковъ, людей не защищаемыхъ прямо правительствомъ, но противъ которыхъ напрасны всѣ просьбы и ни къ чему не ведутъ никакія жалобы. Если доходитъ до того, что буйство и насиліе ни въ чемъ не могутъ найти себѣ оправданія, теперь есть одинъ самый законный путь къ помилованію всякаго разбойника-мусульманина: стоитъ только ему сказать, что ограбленный имъ держалъ сторону Русскихъ, что онъ и теперь имѣетъ съ ними сношенія, и онъ навѣрное не наказанъ.

Впрочемъ Туркамъ мы какъ-то привыкли прощать всякое безчинство; въ настоящую минуту еще болѣе готовы прощать, принимая въ расчетъ ихъ безвыходное положеніе. Но Европа—защитница правъ угнетеннаго?

Не будь Сербы нашими единоплеменниками и единовѣрцами; не будь народъ сербскій такъ близокъ нашему, и на оборотъ, давно Европа поняла бы уродливое состояніе Сербіи и толковала бы о немъ во всеуслышаніе, не смотря на то, что оно очень нравится сосѣдкѣ Сербовъ—Австріи. Гражданская независимость и политическое подданство, свое войско и турецкій гарнизонъ въ крѣпостяхъ,—это все такія несообразности, при которыхъ нѣтъ ни одного шагу, не вызывающаго взаимныхъ столкновеній и взаимныхъ враждебностей.

Не будь Черногорцы родные братья Русскимъ, тоже давнымъ давно оцѣнили бы въ Европѣ доблести народа, въ продолженіи четырехъ вѣковъ отстаивающаго свою независимость. Вошли бы въ положеніе страны, такъ стѣсненной Вѣнскимъ конгрессомъ, что не обычаи, не нравы, а простая необходимость заставляетъ ихъ быть подъ часъ и грабителями. Земля во многихъ мѣстахъ не дастъ ничего, кромѣ голаго камня, отъ моря Черногорцы отрѣзаны, слѣдовательно лишены промышленности;—что же остается имъ, кромѣ грабежа и нападеній? Западная Европа знаетъ все это очень хорошо; но въ этомъ народѣ есть живое, братское сочувствіе къ Россіи, и всякое къ нимъ сочувствіе Европы уничтожено. Тотъ же высоко-христіанскій рыцарь-народъ, который грозилъ Неаполю во имя правды и во имя любви къ человѣчеству, спокойно смотритъ (если еще не способствуетъ притѣснителямъ), какъ Черногорцу высокими распоряженіями священнаго союза предоставленъ свободный выборъ между грабежемъ и голодною смертію.

Не будь австрійскіе Славяне намъ единоплеменниками, они были бы можетъ быть и тѣснимы, и гнетомы, какъ Италіанцы, хотя и тутъ отечески попечительное австрійское правительство по неволѣ было бы къ нимъ снисходительнѣе, потому что ихъ много; но по крайней мѣрѣ не было бы такого страшнаго шпіонства, подсматривающаго за каждымъ движеніемъ, не преслѣдовался бы такъ языкъ, которому приходится завоевывать каждый шагъ сколько нибудь привольнаго печатнаго своего существованія и безпрестанно бояться, что, того и смотри, въ одинъ день потеряются годы завоеваній. Трудно и передать, сколько было хлопотъ Хорватамъ, Словакамъ и другимъ славянскимъ племенамъ, чтобъ выпросить позволеніе издавать газеты на своемъ народномъ языкѣ. На книгахъ постоянно были два заглавія—славянское и нѣмецкое. А въ Галиціи? За что приходилось и при-

ходится терпѣть природному языку Галиціи — южнорусскому, и нашей религіи, всѣми путями втѣсняемой въ предѣлы уніатства?

Какъ же, хотя бы изъ любопытства, не спросить: что мы для нихъ въ дѣйствительной ихъ жизни, и что онѣ для насъ? Какъ же не оказать сочувствія цѣлымъ племенамъ, которыя должны много терпѣть почти только за одно къ намъ сочувствіе?

Было у нихъ и другое явленіе жизни, которымъ въ настоящую минуту пренебречь мы не можемъ, и не должны пренебрегать имъ, а обязаны обратить на него полное наше вниманіе и вникнуть въ его основы и слѣдствія.

Нѣсколькими годами прежде общихъ смутъ Западной Европы 1848 года, и слѣдовательно далеко раньше мысли о только что кончившейся войнѣ, весьма много съ ними соединенной, однимъ словомъ, прежде обоихъ этихъ событій, раздѣлившихъ современный намъ ходъ вещей на прошедшее и настоящее, было чрезвычайно сильное движеніе народностей. Между ними, далеко болѣе самостоятельное, нежели всѣ другія—было движеніе племенъ славянскихъ. Потому болѣе самостоятельное, что оно было почти совершенно независимо отъ временныхъ соціальныхъ и практическихъ вопросовъ и находило основу и содержаніе въ самой своей народности.

Всеславянство (панславизмъ) было однимъ изъ современныхъ вопросовъ, слышимыхъ повсюду. Объ немъ толковали на лекціяхъ въ Парижѣ, писали и говорили и въ Берлинѣ, еще болѣе въ Лейпцигѣ; онъ былъ предметомъ толковъ и намековъ въ парижскихъ и лондонскихъ палатахъ; порождалъ ссоры въ разныхъ уголкахъ обширнаго мѣстожительства славянскихъ племенъ, доходившія до воинственныхъ стычекъ; вызывалъ появленіе многихъ литературныхъ талантовъ у Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ, Сербовъ, Словаковъ и Лужичанъ; наполнялъ типографіи множествомъ новопечатаемыхъ книгъ и новоиздаваемыхъ газетъ и журналовъ, списки запрещенныхъ въ Австріи книгъ длинными перечнями безпрестанно вновь запрещаемыхъ, а пограничные австрійскіе города поименными указаніями подозрительныхъ лицъ,—сомнительныхъ перечесть было невозможно, потому что всякій сколько нибудь сочувствовавшій славянскому вопросу былъ уже болѣе, чѣмъ сомнителенъ въ глазахъ старой, лукавой, пронырливой Вѣны.

Въ самомъ этомъ движеніи и въ его литературныхъ отголоскахъ, молча, мимоходомъ, подразумѣвая или прямо говоря, вездѣ дружески

или враждебно касались Россіи, и не могли ея не касаться, и не могли даже не обращаться къ ней безпрестанно, какъ къ единственному славянскому государству, живущему самостоятельно, единственному, говорящему во всѣхъ областяхъ жизни своимъ роднымъ языкомъ,—однимъ изъ многихъ нарѣчій славянскихъ.

Еще причина, по которой, казалось бы, нельзя намъ не обратить вниманія на племена славянскія.

Положимъ, что большинство нашихъ судящихъ и толкующихъ о современности не придавало этому движенію особенной важности. Но можно ли оставаться совершенно равнодушнымъ тамъ, гдѣ въ сочувствіи однихъ изъ единоплеменныхъ намъ народовъ, въ оттѣнкахъ недоброжелательства другихъ изъ нихъ, въ ихъ надеждахъ, въ опасеніяхъ *мы* занимали первое мѣсто? Какъ не изучить источниковъ явленія такихъ вопросовъ? Страннымъ, хотя и удобообъяснимымъ, равнодушіемъ съ нашей стороны было не спросить и не постараться узнать: міровое ли это явленіе? Вызывается ли оно общечеловѣческимъ ходомъ исторіи и занимаетъ въ ней важное мѣсто, или оно есть порожденіе той или другой мѣстности, вызванное временнымъ стеченіемъ обстоятельствъ? Разумѣется, спросить дѣльно, изучить основательно, а не съ самомнительною легкостію рѣшать дѣло первою явившеюся на ту минуту мыслію и подписать приговоръ по первому случайному впечатлѣнію.

Казалось бы, такъ, а вышло на дѣлѣ иначе. Большинство нашихъ пишущихъ и судящихъ, кромѣ весьма немногихъ, или осмѣянныхъ, или обруганныхъ писателей, осталось совершенно равнодушно къ общеславянскому вопросу. Этого мало. Тѣхъ изъ насъ, которые приняли его къ душѣ и отозвались на него, заклеймили именемъ *Славянофиловъ*, начали придавать этому названію разныя значенія, которыми можно было бы унизить его въ глазахъ читающихъ и навлечь негодованіе отъ тѣхъ, которые и безъ того на все новое смотрятъ недоброжелательно. Одни пустились подсмѣиваться надъ названными ими Славянофилами, другіе перевирать ихъ слова и приписывать имъ уродливыя убѣжденія, третьи нападать на нихъ съ страшнымъ ожесточеніемъ.

Объяснить это не трудно. Для руководителей и умонастроителей нашего общественнаго слоя, пишущаго и словесно произносящаго приговоры въ дѣлѣ мысли, то есть, для Французовъ, Англичанъ и Германцевъ, этотъ вопросъ былъ посторонній. У нихъ были свои за-

боты, тѣснѣе соединенныя съ ихъ жизнію, свои вопросы, требовавшіе неотлагательнаго рѣшенія. Какъ же тѣмъ мыслителямъ думать о своемъ и себѣ близкомъ, которые задали себѣ задачею подчинять свою мысль западно-европейской, только европейскую считать своею и уважать свою только тогда, когда она является или отголоскомъ той, или рабскимъ ея повтореніемъ?

Какимъ является теперь вопросъ о славянскомъ движеніи въ умахъ и въ жизни нашихъ соплеменниковъ, этого я не знаю; но думаю, что для яснаго пониманія настоящаго непремѣнно надобно узнать прошедшее, именно время его появленія. Тогда изъ людей сочувствовавшихъ у насъ Славянамъ первый началъ писать о нихъ самихъ, о необходимости внутренняго съ ними единенія, объ ихъ литературѣ и ихъ народности *М. П. Погодинъ*. Не смотря ни на нападки, ни на насмѣшки, онъ постоянно и неослабно проводилъ свою мысль въ своихъ и чужихъ статьяхъ, помѣщаемыхъ имъ въ Москвитянинѣ и въ извѣстіяхъ о живыхъ его сношеніяхъ съ славянскими писателями. Домъ его былъ пріютомъ пріѣзжавшихъ въ Москву Славянъ; на лекціяхъ и въ запискахъ, получившихъ большую извѣстность, особенно въ началѣ послѣдней войны, онъ развивалъ мысль о племенномъ нашемъ съ ними единствѣ и о необходимости литературнаго единенія. Можетъ быть частные его взгляды не всегда были примѣнимы къ дѣйствительности, можетъ быть со многими подробностями нельзя было соглашаться, но честь и хвала ему за то, что онъ, не смотря на сильно непріязненный взглядъ большинства пишущихъ, постоянно и неизмѣнно служилъ своему славянскому убѣжденію. По несчастію, при небольшомъ числѣ самостоятельныхъ убѣжденій, онѣ у насъ, въ глазахъ многихъ читающихъ, сливаются съ личными ихъ понятіями объ авторѣ, и нелюбовь къ нему отзывается враждою къ проповѣдуемой имъ истинѣ. Сколько бы ни нападали на г. Погодина, а никакъ нельзя отнять у него того, что онъ первый, на перекоръ всеобщему равнодушію, горячо вступался за Славянъ и познакомилъ съ ними многихъ, до него только мимоходомъ знавшихъ изъ географіи и статистики, что есть въ Европѣ племена славянскія.

О. М. Бодянскій усвоилъ нашей литературѣ многое весьма замѣчательное изъ новославянской письменности, и собственными своими трудами прояснилъ многіе вопросы славянской жизни. Его прекрасное сочиненіе «*О народной поэзіи славянскихъ племенъ*», его переводы съ Чешскаго: *Славянскихъ древностей Шафарика*,

съ Польскаго: *Критика – исторической повѣсти временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси, Зубрицкаго*; послѣ того, много напечатаннаго имъ въ *чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и древностей россійскихъ*; все это такіе труды и такія заслуги въ области письменности, за которые онъ былъ бы восхваленъ и тамъ, гдѣ книги изысканій считаютъ тысячами и гдѣ труженичество вошло уже въ необходимую обязанность писателя. Грустно сознаваться, что едва г. Бодянскій сведенъ былъ обстоятельствами съ поприща неутомимой дѣятельности, то есть, едва прекратились «Чтенія», ему болѣе всѣхъ обязанныя своимъ существованіемъ и, что еще важнѣе, своимъ высокимъ достоинствомъ, какъ мы только что не позабыли его имя. Не явись онъ снова профессоромъ на каѳедрѣ московскаго университета самымъ ревностнымъ руководителемъ молодыхъ людей въ изученіи славянскихъ нарѣчій и ученымъ изслѣдователемъ славянскихъ племенъ, никто и не вспомнилъ бы о нѣсколькихъ годахъ, едва ли не безпримѣрныхъ трудовъ въ нашей ученой литературѣ. На самые труды его смотрѣли холодно; не замѣчали того, что̀ доставилъ онъ нашей исторической литературѣ многими годами едва вообразимой усидчивости, поддерживаемой искреннею, пламенною и безкорыстною любовію къ предмету, всѣмъ намъ близкому,—нашей собственной исторіи и исторіи нашихъ единоплеменниковъ; все сужденіе объ немъ составляли по однимъ недостаткамъ изложенія, особенно не нравившимся тогдашнимъ критикамъ нашихъ судовъ литературныхъ.

Г. Срезневскій, съ давнихъ поръ много трудившійся для южнорусской литературы, передавалъ намъ живыя свѣдѣнія во время своего путешествія по славянскимъ странамъ, и въ послѣднее время, въ листкахъ академическихъ извѣстій, сообщаетъ намъ о ходѣ славянской письменности.

Это были главные дѣятели въ распространеніи сочувствія къ славянскому народному движенію. Вслѣдъ за ними появились небольшія частныя описанія той или другой изъ славянскихъ странъ, отрывки изъ путешествій, и тому подобное. Ихъ всѣхъ было очень немного.

Г. Ковалевскій познакомилъ насъ съ Черногоріею, *г. Поповъ* написалъ *Путешествіе въ Черногорію*; *Пановъ* издалъ небольшую книжку о поѣздкѣ къ южнымъ Славянамъ; *Валуевъ* писалъ объ нихъ въ изданномъ имъ Сборникѣ; *г. Ригельманъ* передалъ объ нихъ

въ письмахъ своихъ, помѣщенныхъ въ Московскомъ Сборникѣ, изданномъ *Пановымъ*, сильно сочуствовавшимъ нашимъ единоплеменникамъ; потомъ писалъ не одинъ разъ объ нихъ *Григоровичь*. *Г. Безсоновъ* составилъ превосходное собраніе южно-славянскихъ пѣсенъ, помѣщенное во Временникѣ. Наконецъ, въ недавнее время началъ писать о Славянахъ *г. Гильфердингъ* и *г. Бартеневъ* издалъ переводъ книги Ранке подъ названіемъ *Исторія Сербіи*.

Вотъ едва ли не все, писанное у насъ о Славянахъ.

На французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, особенно на нѣмецкомъ, писано было много. Нисколько не имѣя въ виду писать ученое разсужденіе, я не поименовываю ни одного изъ этихъ сочиненій (изъ нихъ многія весьма замѣчательны), потому что могу пропустить многое истинно замѣчательное и, что еще того хуже, могу представить неточную оцѣнку этихъ сочиненій, тѣмъ болѣе, что ни исторія славянскихъ племенъ, ни ихъ литература, ни самыя ихъ нарѣчія, не были предметомъ моего исключительнаго занятія.

У самихъ Славянъ передано много свѣдѣній въ отдѣльныхъ книгахъ и въ повременныхъ изданіяхъ. О многихъ придется мнѣ упоминать и знакомить съ ними моихъ читателей послѣ, когда я буду на нихъ ссылаться.

Но самое лучшее знакомство—встрѣча съ самими Славянами. Я постараюсь передать, какъ я съ ними сошелся, какъ былъ ими принятъ; при этомъ само собою передастся ихъ житье, неразрывно соединенное съ ихъ политическимъ и, весьма много зависящемъ отъ этого послѣдняго, ихъ нравственнымъ существованіемъ.

Во многихъ изъ славянскихъ странъ я бывалъ по нѣскольку разъ, но, не имѣвши въ виду изученія страны, не запасшись свѣдѣніями для такого изученія, поѣхавши за границу для поправленія здоровья и потомъ занявшись тамъ изученіемъ искусствъ, я не заботился о собраніи подробныхъ свѣдѣній: иногда я велъ дневникъ, иногда же дѣлалъ только общія замѣтки. По этому я буду также и передавать узнанное мною о Славянахъ, иногда въ видѣ общихъ описаній страны, иногда въ видѣ непрерывнаго путешествія. Напередъ долженъ предупредить, что не только не могу дать полнаго изображенія ихъ жизни, но и сколько нибудь правильнаго, научнаго ея описанія. Не-

редамъ то, что знаю, съ чѣмъ встрѣчался, или что особенно обратило на себя мое вниманіе въ такихъ сочиненіяхъ, которыя сдѣлались довольно рѣдкими и вообще мало извѣстны у насъ большинству читающихъ.

Меня побуждаетъ писать всего болѣе простое желаніе познакомить читателей Русской Бесѣды съ нашими единоплеменными братьями. Дожидаться, пока кто-нибудь передастъ ихъ бытъ и ихъ положеніе со всею полнотою, значитъ откладывать знакомство съ ними въ дальній ящикъ. А у насъ бѣда именно въ томъ, что всѣ мы, бывшіе и жившіе въ славянскихъ странахъ, желали изображать ихъ въ возможной полнотѣ, и потому оставляли исполненіе нашихъ желаній до будущаго времени. Время проходило, обстоятельства измѣнялись, съ ними измѣнялись понятія, и то, что было живымъ, занимавшимъ умы всѣхъ, что составляло средоточіе всѣхъ стремленій, чрезъ нѣсколько лѣтъ дѣлалось прошедшимъ, писать о немъ, какъ о настоящемъ, вызывающемъ всю полноту сочувствія, было уже поздно. Это самое случилось и со мною. Знакомство мое съ славянскими племенами началось съ 1840 года, болѣе съ 1843. Я былъ мимоѣздомъ въ Галиціи и Богеміи въ 1840, потомъ въ Истріи, Далмаціи и Черногоріи въ 1843; послѣ, въ 1844, снова ѣздилъ въ Истрію, и въ 1845 жилъ нѣсколько мѣсяцевъ между Хорватами (Кроатами) и проѣхалъ половину Сербіи. Обстоятельства, отъ меня не зависѣвшія, не позволили мнѣ написать и моихъ путевыхъ замѣтокъ. Правда, что теперь, чрезъ 12 лѣтъ, все, бывшее тогда въ славянскихъ странахъ живымъ и движущимъ, сдѣлалось давно прошедшимъ; но въ немъ высказывалась жизнь народовъ, только что обратившихся къ своей самостоятельности; не знавши его, мы на теперешнее состояніе умовъ, состояніе внутренней и внѣшней дѣятельности Славянъ, будемъ смотрѣть не такъ, какъ слѣдуетъ. Мы можемъ его принять за такое, которое прямо вытекаетъ изъ характера страны и народа, и по немъ ошибочно опредѣлять самый этотъ характеръ, тогда какъ часто оно есть явленіе преходящаго движенія. Для уясненія взгляда много поможетъ простой разсказъ о прошедшемъ; его-то и предлагаю я въ настоящихъ моихъ замѣткахъ, безъ малѣйшаго притязанія на полноту и ученость.

I. ИСТРІЯ.

Въ 1843 году я отправился въ Истрію, чисто съ художественною цѣлію, осмотрѣть амфитеатръ города *Пола* (Pola), лежащаго на южномъ краю истрійскаго полуострова. Послѣ уже ѣздилъ по другимъ причинамъ, и всегда путь мой въ Истрію бывалъ изъ Венеціи чрезъ Тріестъ, главный городъ всего полуострова. Тріестъ такой городъ, что въ немъ недолго освоиться. Тутъ не безпокоитъ васъ ни ваше собственное любопытство, какъ бы скорѣе все увидѣть, ни сочувствіе къ полнотѣ городской жизни, потому что ничто о ней не напоминаетъ, ни исторія города, которой нѣтъ никакихъ слѣдовъ, ни, наконецъ, желаніе познакомиться съ красотами его. Весь городъ—одинъ огромный магазинъ, рядъ лавокъ, если хотите, и ничего больше.

Когда я пріѣхалъ въ Тріестъ въ третій разъ, для меня тутъ было уже много замѣчательнаго и даже близкаго, — это наша восточная иллирійская церковь и наши единовѣрные братья, Славяне. Но они столько же принадлежатъ городу, сколько человѣкъ своей квартирѣ; ни церковь, ни православные ея молельщики рѣшительно ни сколько не соединены съ Тріестомъ.

Странно: кажется, только семь или много восемь часовъ пароходной ѣзды отдѣляютъ истрійскій полуостровъ отъ Венеціи, а выйдите на берегъ въ Тріестѣ, вамъ покажется, будто бы вы переѣхали въ далекую землю. Нельзя понять, какъ можетъ произойти такая быстрая перемѣна и какъ, почти при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, и климатѣ и жизни, вмѣсто прекрасной, обворожительной Венеціи, является Тріестъ, врагъ красоты, гонитель всего прекраснаго. Здѣсь одинъ изъ сотни примѣровъ такихъ, въ которыхъ, начиная объяснять, невольно бываешь принужденъ оставить одни мѣстныя, непосредственныя причины и переступить шагомъ далѣе, принять необходимость исторической цѣлости, согласиться съ тѣмъ, что все человѣчество непремѣнно имѣетъ всю полноту жизненнаго состава, въ каждомъ періодѣ являетъ ее такъ же, какъ каждый отдѣльный живой организмъ, въ каждомъ возрастѣ, на каждой ступени своего развитія. Этого мало; для каждаго особаго явленія, или особаго періода назначаетъ представителемъ особый народъ, даетъ ему отдѣльный уголокъ зем-

ли, избирая его такъ, что и климатъ и мѣстность, и самыя стихіи, все какъ будто бы участвуетъ въ единствѣ жизни и общими соединенными силами старается исполнить державное велѣніе природы. Но объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ и въ свое время.

Нѣсколько миль разстоянія, и послѣ того города, который прослылъ *Красавицею* (la Bella), въ тѣ времена, когда умѣли оцѣнивать красоту и любить ее, вдругъ вы въ Тріестѣ. Кто бывалъ въ немъ, тому не надобно говорить ничего больше: съ однимъ этимъ именемъ какъ-то неразлучно соединено небо, покрытое вѣчными облаками, полгода, если не болѣе, не умолкающихъ бурь и вѣтровъ, городъ—собраніе улицъ безъ памятниковъ и воспоминаній; дома—самой безвкусной постройки; простой народъ, изнуренный работою, и наконецъ—въ добавокъ ко всему, искаженіе всѣхъ языковъ, на которыхъ ведется обиходный разговоръ въ Тріестѣ. Вы слышите на улицахъ родные славянскіе звуки, но они сдѣлались до того грубыми, что ихъ не узнаешь. Слышите слова италіанскія, но онѣ потеряли все свое сладкозвучіе, и нѣжное венеціанское нарѣчіе превратили въ грубое, отрывистое нарѣчіе тріестинское. Наконецъ самый нѣмецкій языкъ, который, правду сказать, нигдѣ не ласкаетъ и не нѣжитъ уха, здѣсь, благодаря грубому австрійскому произношенію, дѣлается отвратительнымъ.

Кромѣ такаго рѣзкаго различія во внѣшности, не менѣе поражаетъ здѣсь и односторонность жизни. Въ Тріестѣ путешественникъ видитъ всю ее въ одномъ торговомъ движеніи; не говоря уже о частныхъ занятіяхъ, въ немъ вся общественность, то есть, все, что ее составляетъ: политика, умственная дѣятельность, жизнь художническая, все рѣшительно или превращается въ торговлю, или допускается по необходимости и изъ приличія. Даже кажется, что умственную и художническую дѣятельность можно было бы вовсе исключить изъ росписаній тріестинской жизни, а политику допустить не болѣе, какъ обстановкою торговли. Правда, что здѣсь получаются журналы и газеты; но это, во первыхъ, потому что теперь оно сдѣлалось необходимымъ приличіемъ общественности, во вторыхъ, для торговыхъ извѣстій и соображеній; оставьте ихъ, и вы увидите, что никто не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ современномъ ходу происшествій, по крайней мѣрѣ въ австрійской части тріестинскаго народонаселенія, которое одно и доступно наблюденію путешественника.

Есть здѣсь слѣдъ искусства, но ему бѣдному дается такой небольшой участокъ и земли, и жизни, что едва ли можно его замѣтить, и то развѣ замѣтитъ тотъ, кто будетъ искать его. Во всемъ городѣ одинъ памятникъ, носящій на себѣ хотя какую нибудь печать художественности, именно гробница Винкельмана, да и тотъ, какъ будто бы нарочно, приводитъ на мысль самое непріятное событіе въ исторіи искусствъ, несчастную смерть великаго цхъ историка. Болѣе пятидесяти лѣтъ занимался онъ въ Италіи, и надобно же было случиться, чтобы непремѣнно въ Тріестѣ нашелся ему убійца. Разумѣется, это просто случайность, а все таки ничего не могло быть болѣе кстати, какъ то, чтобы такой отъявленный врагъ прекраснаго, каковъ Тріестъ, ознаменовалъ себя злодѣяніемъ въ мірѣ искусства

Гробница Винкельмана поставлена въ саду, подлѣ церкви, построенной на основахъ древняго храма, и тутъ валяются разбросанные обломки столбовъ, надстолбниковъ (капителей) и разныхъ мраморныхъ отколковъ. Гробница поставлена подъ навѣсомъ; подъ нимъ, кругомъ надгробнаго камня, устроено небольшое собраніе остатковъ древностей: послѣднее сдѣлалось благодаря совершенной невнимательности къ нимъ Австрійцевъ, которые никакъ не позаботятся дать имъ мѣсто въ особомъ музеумѣ. Но здѣсь такая невнимательность была очень умѣстна: ничего нельзя было придумать лучше, какъ пріютить разбросанные куски древнихъ мраморовъ у праха Винкельмана. Всю жизнь свою онъ посвятилъ на то, чтобъ возвать міръ древняго искусства изъ забвенія и стараться найдти ему пріютъ въ сердцахъ своихъ современниковъ. Тріестъ и вся Австрія не отозвались на его взыванія; но вотъ онъ умеръ, и тамъ, гдѣ живой голосъ его раздавался, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, теперь могила его собираетъ около себя безпріютные остатки древности. Безъ него они навѣрное погибли бы, то есть, пошли бы на постройку новыхъ домовъ, какъ пошли и всѣ древнія зданія, которыхъ вѣроятно много было въ Тріестѣ, потому что городъ этотъ подъ именамъ Тергеста (Tergestum) извѣстенъ былъ еще древнимъ Римлянамъ, и слѣдовательно существуетъ многія сотни лѣтъ. Теперь въ немъ нѣтъ ни одного остатка древней архитектуры, кромѣ почти совершенно разрушеннаго храма; что отъ него уцѣлѣло, то составляетъ часть церкви Св. Джусты,—но это уцѣлѣвшее имѣетъ цѣну только потому, что стоитъ тысячи лѣтъ; въ настоящемъ видѣ не видно ни плана, ни

расположенія храма, и самые столбы до того обезображены, что вовсе нельзя судить ни объ ихъ размѣрахъ, ни объ украшеніяхъ.

Предметы современнаго искусства отвратительны въ высшей степени. Впрочемъ и такихъ жалкихъ новостей очень немного: всего одна церковь Св. Антотія, огромная по величинѣ и чрезвычайно безобразная по своей архитектурѣ. Не будь купола и креста, тогда это обширное зданіе можно было бы принять за сарай для складки товаровъ, да даже и въ томъ нельзя простить подобнаго безвкусія. Внутренность совершенно соотвѣтствуетъ наружности. Вы видите здѣсь шесть картинъ: Григолетти, двухъ Скіавони (сына и отца), Липарини и еще, не помню, двухъ какихъ-то живописцевъ, которыхъ именъ я никогда не слыхивалъ. Но все это самыя слабыя произведенія настоящихъ бѣдныхъ остатковъ венеціанскаго искусства. Тріестинцы, кажется, довольны и этимъ; они платятъ деньги, покупаютъ имена художниковъ, о самыхъ произведеніяхъ судить не могутъ, слѣдовательно по ихъ понятію они поступаютъ совершенно честно и въ тоже время угождаютъ требованіямъ искусства. Чего еще желать, не говорю уже отъ торговаго города, потому что и Франкфуртъ тоже городъ исключительно торговый, но отъ главнаго торговаго города всей Австріи? Чѣмъ вызовется чувство изящнаго въ странѣ, въ которой тысячами лѣтъ уничтожались всѣ источники внутренней жизни?

Во всемъ Тріестѣ считалось до 1,700 домовъ и до 55,000 жителей, не включая въ это число множества иностранцевъ, безпрестанно пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. Между пріѣзжающими кораблями всего больше турецкихъ, вообще съ Востока, и далматинскихъ, слѣдовательно и между пріѣзжими иностранцами больше всего Турковъ, Персовъ и южныхъ Славянъ, у которыхъ одежда очень близка къ одеждѣ Албанцевъ. Часто случается на биржѣ видѣть бѣлую чалму рядомъ съ албанскою красною фескою, прикрытою сверху синею кистью; длинный турецкій балахонъ, и тутъ же щегольскій сюртукъ; всего же чаще красную албанскую куртку, шитую золотомъ,—общее одѣяніе всѣхъ турецкихъ, и многихъ южно-австрійскихъ Славянъ, именно всѣхъ жителей такъ называемой Австрійской Албаніи, то есть, всего берега Адріатики, отъ Рагузы къ югу до Дураццо. — Такое различіе одеждъ придаетъ пестроту и разнообразіе биржѣ и очень оживляетъ ее.

Всѣ жители Тріеста могутъ быть раздѣлены на четыре разряда. Простой народъ чисто Славяне, но его мало живетъ въ самомъ го-

родѣ, болѣе всего въ окрестныхъ селеніяхъ, и онъ приходитъ сюда, только въ базарные дни; во всѣхъ же городскихъ работахъ большею частію все Нѣмцы. Къ простому народу можно причислить и моряковъ, они тоже почти всѣ Славяне, съ примѣсью немногихъ Венеціанцевъ. Это сословіе такъ же не можетъ входить въ составъ постоянныхъ жителей города, потому что оно въ безпрестанныхъ поѣздкахъ.

Собственно Тріестинцами могутъ назваться горожане или мѣщане, купцы и чиновники. Послѣдніе два рода жителей хотя и измѣняются, но привычки этихъ двухъ сословій такъ мало зависятъ отъ личности людей, или правильнѣе, выражая это другими словами, такъ много зависятъ отъ ихъ быта и ихъ положенія, что, не смотря на смѣняемость лицъ, эта часть тріестинскаго народонаселенія имѣетъ свой постоянно неизмѣнный характеръ. Еще въ добавокъ скажу вамъ то, что изъ купцовъ тріестинскихъ весьма мало было коренныхъ уроженцевъ и коренныхъ жителей города, все больше наѣзжіе, или остающіеся тутъ на два, много на три поколѣнія; изъ чиновниковъ врядъ ли найдется и пятидесятая доля туземцевъ.

Такой составъ города, большею частію изъ сбороднаго народа, самъ по себѣ даетъ уже довольно указаній, чтобъ вывести заключеніе о нравственномъ состояніи жителей. У горожанъ нѣтъ ничего взаимно общаго; вещественно они зависятъ отъ состоянія городской торговли, которая такъ же, въ свою очередь, не имѣетъ никакихъ прочныхъ основъ, кромѣ того, что теперь Тріестъ свободно торговый городъ (porto franco); завтра это уничтожается, и благодѣтельствіе его изчезнетъ. Все держится на его временной выгодѣ свободной торговли, не опираясь на удобства мѣстности и на требованія страны. Австрія и средоточіе ея, Вѣна, отдѣлены отъ Тріеста Альпами (*). Венгрія тоже; въ добавокъ къ этому, у нея нѣтъ никакихъ, сколько нибудь удобныхъ путей сообщенія, и она имѣетъ собственную свою приморскую пристань въ Фіумѣ (Рѣкѣ). Купцы, какъ я сказалъ, здѣсь больше птицы залетныя, слѣдовательно внѣ хода дѣлъ своихъ они мало дорожатъ общественнымъ мнѣніемъ, и потому житье ихъ проходитъ въ томъ, что они продаютъ, покупаютъ, а въ остальное вре-

(*) Желѣзная дорога, проложенная отъ Тріеста до Вѣны, можетъ быть разширитъ его торговлю и дастъ ему болѣе значенія въ австрійской монархіи. Тогда, когда я былъ въ Истріи, желѣзной дороги еще не было.

мя ведутъ жизнь разгульную. Чиновники здѣсь больше, нежели гдѣ нибудь, люди, не соединенные съ остальнымъ народонаселеніемъ: люди они заѣзжіе, совершенно другаго народа, не имѣютъ съ горожанами никакихъ общихъ воспоминаній, и уже потому, что они австрійскіе чиновники, то есть, служители правительства чуждаго народу и вообще не любимаго имъ, они сами по неволѣ должны отстраняться отъ туземцевъ, и слѣдовательно не имѣютъ (говоря вообще, а не бравъ исключенія), не могутъ имѣть никакихъ постоянныхъ, ни родственныхъ, ни свойственныхъ связей съ туземцами. Они служатъ, ѣдятъ, пьютъ по чиновному правилу и по чиновническимъ убѣжденіямъ, берутъ, гдѣ можно только брать, и слава Богу, ежели этимъ очерчиваютъ кругъ своей жизненной дѣятельности. При совершенномъ отсутствіи умственной жизни, о которой между ними нѣтъ понятія, потому что они не получаютъ къ ней ни малѣйшаго сочувствія въ молодости, весь чиновный людъ, въ остальное время отъ службы и насыщенія, изобрѣтаетъ всѣ средства услаждать плотскую жизнь свою. Мнѣ мало было возможности войти въ мелкія подробности ихъ жизни, но общественные и частные разговоры давали полное о ней понятіе. Зайдешь ли въ трактиръ, или подъ вечеръ въ кофейную, послушаешь, чѣмъ поддерживается разговоръ? Непремѣнно, или уличными похожденіями, или непристойными разсказами; такъ что, если увидишь австрійскій мундиръ, напередъ знаешь, о чемъ идетъ дѣло, и почти никогда не ошибешься.

Здѣсь опять невольно перенесешься мыслію въ Венецію, и тамъ заботятся всего болѣе о торговлѣ, также точно смотрятъ на нее, какъ на главнѣйшее средство къ жизни, и тамъ нравственность не на высокой степени, по крайней мѣрѣ такою передаютъ ее памъ и писатели послѣдняго времени старой *прекрасной Венеціи*, и такою является она теперь наблюдателю; и тамъ не мало австрійскихъ чиновниковъ, которые въ свою очередь сильно хлопочутъ о томъ, чтобы прошла память о нѣкогда бывшей царицѣ Адріатики, то есть, чтобы уничтожилось все, связующее городъ и жителей его въ одно неразъединимое цѣлое. Кажется, какъ много одинаковыхъ данныхъ, а при всемъ этомъ, много ли найдете вы Венеціанцевъ, которые не чувствовали бы, не говорили бы отъ сердца о всемъ, что относится къ исторіи нѣкогда славной ихъ отчизны, и не соболѣзновали бы о настоящемъ ея положеніи! Правда, что молодое поколѣніе примѣтно пустѣе и ничтожнѣе отживающаго, и нельзя винить его: трудно у-

стоять противу настоящей плотской жизни, развиваемой всѣми возможными путями и всѣми возможными средствами. Но воспоминанія старины на каждомъ шагу оживляютъ сердце, и при всѣмъ стараніи нововводителей, имъ никакъ не удается сдѣлать чувства сыновъ средневѣковой владычицы адріатическаго моря до такой степени огрубѣлыми, чтобъ имъ недоступно было ничто благородное, ничто безкорыстное. Нельзя не сказать, что въ австрійской части Тріеста эти два прилагательныя совершенно исключены изъ словаря общественной и частной жизни.

Испоконъ вѣка, въ исключительно торговомъ городѣ всегда понятіе объ общественной и частной нравственности бывало развито менѣе, потому что, кромѣ правильнаго платежа денегъ, никакія другія нравственныя отношенія не входятъ въ обиходный разрядъ жизни. Но дѣло въ томъ, что почти всѣ торговые города имѣютъ свое средоточіе жизни внѣ торговли. У нихъ есть своя исторія, свои преданія, своя народность, слѣдовательно полная своя цѣлость, которая только опирается на торговлѣ, какъ на главномъ основаніи вещественнаго быта. Тріестъ не имѣетъ и не имѣлъ никогда никакой своей самобытной жизни: въ немъ все составлено купечествомъ, и въ послѣднее время милостію Меттерниха, который даровалъ ему большія права въ предѣлахъ свободной торговли. Ему испоконъ вѣка суждено было быть небольшимъ приморскимъ городомъ, а его, на перекоръ природѣ, сдѣлали средоточіемъ торговли въ монархіи, въ свою очередь выросшей не отъ развитія силъ собственнаго народа, а отъ смѣски племенъ, совершенно разнородныхъ, чуждыхъ другъ другу, и всего болѣе чуждыхъ своимъ соединителямъ. Разумѣется, что вслѣдствіе такой неестественности, здѣсь именно не достаетъ того, что вездѣ противудѣйствуетъ неминуемымъ искаженіямъ жизни, вносимымъ вѣчно наѣзднымъ и вѣчно заѣзднымъ житьемъ безъ всякой осѣдлости. Ко всему этому прибавьте еще то, что австрійскихъ Тріестинцевъ, живущихъ внѣ торговли, не соединяетъ ничто, ни единство племени, слѣдовательно преданій, повѣрій, привычекъ и воспитанія, ни языкъ, ни религія, ни даже единство выгодъ. На чемъ же опираться тутъ единству началъ нравственныхъ?

И такъ вотъ какимъ является торговый Тріестъ свободному заѣзжему, и врядъ ли не таковъ онъ дѣйствительно во всей внѣшней его жизни, которая одна только и доступна путешественнику. Даже,

судя по разсказамъ самихъ жителей, можно полагать, что онъ таковъ точно и въ домашнемъ быту гражданъ.

Вездѣ я говорю: или австрійскій, или торговый Тріестъ, и не могу сказать иначе, потому что въ томъ же самомъ Тріестѣ, кромѣ австрійской и кромѣ торговой части города, есть небольшой уголокъ, живущій совершенно самъ по себѣ, не смотря на то, что онъ не занимаетъ отдѣльнаго участка земли. Этотъ уголокъ—общество южныхъ нашихъ братьевъ Славянъ, то есть, Сербовъ, Хорватовъ (Кроатовъ) и Далматинцевъ. На биржѣ Славяне—люди торговые, за то зайдите туда, гдѣ они отдыхаютъ отъ своихъ дневныхъ торговыхъ занятій, именно, загляните въ славянскую кофейню: тутъ они совершенно иные. Тамъ они производятъ и кончаютъ всѣ торговыя сдѣлки; здѣсь они принадлежатъ исключительно славянскому братству. Здѣсь, именно въ этой кофейнѣ, вы можете найти всѣ югославянскія газеты, слышать по цѣлымъ днямъ разговоры о ходѣ славянскихъ дѣлъ между турецкими Славянами; однимъ словомъ, здѣсь вы между извѣстнымъ, опредѣленнымъ народомъ, среди людей, соединенныхъ убѣжденіями и ихъ основою—сильною любовію ко всему славянскому. Это едва ли не единственное исключеніе изъ чисто торговаго и большею частію чисто торгашнаго направленія жителей австрійскаго Тріеста.

Вотъ ключъ къ тому, чтобъ понять, какъ эта горсть людей могла устоять противъ всеобщаго тріестинскаго растлѣнія и противъ общей тріестинской загрубѣлости. Всѣ они Славяне; непремѣнно уже самая большая ихъ часть въ постоянномъ столкновеніи съ прочими Тріестинцами, соединены съ ними всѣми внѣшними сторонами жизни; но при всемъ этомъ, сдѣлайте только шагъ за жизнь торговую, заговорите съ Австрійцемъ, потомъ заговорите съ Сербомъ, особенно если вы съ нимъ заговорите по славянски, вы не повѣрите, чтобы это были граждане одного и того же города.

У Австрійца вы не дойдете до сердца никакими путями, кромѣ пути личныхъ его выгодъ. Напрасно будете заводить съ нимъ какой бы то ни было разговоръ, если онъ не относится къ самой плотской жизни и въ самомъ грубомъ ея видѣ; однимъ словомъ, у него ни одна мысль, и по видимому ни одно чувство, не переходитъ за предѣлы тѣла и его потребностей.

Между Сербами всѣхъ возможныхъ названій, то есть, между собственно Сербами, Босняками, Герцеговинцами и Далматинцами, все живетъ однимъ чувствомъ, одною мыслію, въ которой сосредоточены

надежды всѣхъ, которая питаетъ мечты каждаго, и даже до того проникаетъ въ жизнь, что каждый старается слить съ нею и личныя свои выгоды; это мысль о внутреннемъ, душевномъ, славянскомъ братствѣ. Здѣсь я впервые познакомился съ тѣмъ, что слышалъ отъ другихъ, но чего не имѣлъ случая встрѣтить лицемъ къ лицу. Южнымъ Славянамъ все является, какъ орудіе святыхъ, заповѣдныхъ ихъ надеждъ и желаній; во всякой новости они видятъ шагъ къ жизни Славянства. Раздѣляете ли вы ихъ убѣжденія, или нѣтъ, это дѣло другое. Но путешественникъ долженъ смотрѣть на жизнь настоящую, какъ историкъ на прошедшую: входя въ извѣстный историческій отдѣлъ страны, историкъ въ немъ живетъ, принимаетъ его убѣжденія, сочувствуетъ его радостямъ и скорбямъ, дѣлится съ нимъ его понятіями; только тогда онъ можетъ и узнать его, когда точно будетъ въ немъ жить и имъ жить, хотя на короткое время. Таковы точно отношенія путешественника къ жизни современной. По этому, какъ путешественникъ, я не могъ не стараться узнать нравственнаго быта славянскаго братства; какъ человѣкъ, не могъ не принять къ душѣ того, въ чемъ я видѣлъ всю полноту убѣжденія и все благородство безкорыстнаго чувства; наконецъ, какъ Славянинъ, я не могъ не увлечься сочувствіемъ къ общимъ для всѣхъ Славянъ надеждамъ, что придетъ время, когда славянская жизнь явится во всей полнотѣ своего развитія.

Сначала я не зналъ, какъ съ ними сблизиться, тѣмъ болѣе, что многіе изъ европейскихъ путешественниковъ называли ихъ полудикими и весьма необщительными; но скоро я нашелъ самый легкій путь сближенія.

Мнѣ стоило только сказать, что я Славянинъ, и я былъ уже свой въ кругу славянскомъ. Потомъ, когда я говорилъ, что я Русскій, однимъ этимъ я пріобрѣталъ уже право на ихъ полное радушіе и гостепріимство. Даже мнѣ не разъ случалось видѣть, что Русскіе только потому, что говорятъ по русски и находятъ выгоднымъ называть себя Русскими, не соединенные съ Россіею ни преданіемъ старины, ни религіею, ни славяно-русскою кровью, ни простою, безрасчетною любовію къ Россіи, я тѣ находили въ Сербахъ полную готовность оказать имъ всякую услугу. Когда же Сербъ видѣлъ, что я Русскій душею и тѣломъ, я былъ ему истиннымъ братомъ со второй, съ третьей встрѣчи; ему не надобно было никакаго иного за меня ручательства. Домъ его, столъ, все, чѣмъ онъ

былъ въ состояніи подѣлиться, все предлагалось къ моимъ услугамъ, и все это съ тѣмъ же простымъ гостепріимствомъ, къ какому съ дѣтства привыкли мы, взросшіе внутри Россіи. Не думайте, чтобы это сужденіе составлено было по частному случаю; разумѣется, въ Тріестѣ это встрѣтится рѣже, но въ теченіе трехмѣсячнаго моего путешествія по Далмаціи въ 1843 году, и потомъ въ путешествіи моемъ по Кроаціи и Сербіи въ 1845, я безпрестанно встрѣчалъ примѣры такого задушевнаго пріема, и почти ни разу негостепріимнаго.

Совершенно другое впечатлѣніе производило имя Русскаго на коренаго Австрійца. Сколько мнѣ ни случалось встрѣчаться съ ними и въ самой Австріи, и въ Италіи, ни разу лично я не имѣлъ ни съ кѣмъ изъ нихъ никакой непріятности. Большая часть образованныхъ, молодыхъ людей, народъ очень порядочный, и молодые люди высшаго сословія были бы людьми весьма пристойными, если бы не были сильно наглы въ обхожденіи съ дамами. Съ ними можно завести рѣчь и о политикѣ, и о наукѣ, и объ искусствѣ; но отличительная черта въ ихъ разговорѣ та, что Австріецъ ни въ чемъ не принимаетъ душевнаго участія. О чемъ бы онъ ни заговорилъ, ничто не доходитъ ему до сердца. Въ области свѣдѣній онъ положителенъ, но положителенъ безъ всякой дѣятельности въ опытныхъ изысканіяхъ. Онъ ограничивается самыми близкими, самыми незначительными выводами, почти всегда изъ готовыхъ изслѣдованій. Заговорите съ нимъ о новыхъ открытіяхъ, онъ читаетъ объ нихъ; но только что нибудь переходитъ за предѣлы улучшеній вседневнаго быта и вообще вещественной стороны жизни, онъ начинаетъ съ вѣнскимъ тупоуміемъ подшучивать надъ новизною. Если случится зайти въ область идей, тутъ Австріецъ прикинется мягкимъ Французомъ и, подобно ему, начнетъ подшучивать надъ германскою мыслительностію. Въ Австріи есть, пожалуй, и изученіе философіи, но оно остановилось на средневѣковой схоластикѣ; законы нравственной философіи упрощены до нельзя и сведены на одинъ главный: что все благородно и похвально, что только способствуетъ плотскому благоденствію и не нарушаетъ личнаго спокойствія. Въ искусствѣ Австрійцы знаютъ имена; многіе имѣютъ большую наглядность, но я не встрѣчалъ рѣшительно ни одного природнаго Австрійца съ истинно образованнымъ вкусомъ и съ какою нибудь любовію къ искусству. Въ минуту самаго жаркаго разговора о художествѣ *Kalbsbraten*—жаре-

ная телятина, или что-нибудь подобное, можетъ прервать разсужденіе и окончить его какою-нибудь грубою шуткою, не обидною только потому, что она происходитъ больше отъ тупоумія, или загрубѣлости чувства приличія, а никакъ не отъ желанія оскорбить. И точно, надобно сказать правду, что Австріецъ всегда, всѣми возможными средствами, избѣгаетъ случая нанести оскорбленіе.

Но, не смотря на такое миролюбіе, у Австрійца не ищите ни къ кому не только любви, но и какого-нибудь влеченія: при всемъ своемъ природномъ добродушіи, при всемъ спокойствіи характера, онъ рѣшительно не любитъ никого, и потому всѣхъ терпитъ одинаково. Въ Италіи онъ очень нерасположенъ къ Французамъ; я никакъ не говорю здѣсь о правительствѣ: любовь его къ иностранцамъ, какъ и всякаго правительства вообще, всегда и вездѣ, непремѣнно соображается и должна соображаться съ его видами и цѣлями. Нѣтъ, лично Австріецъ въ Италіи не любитъ и очень не любитъ Француза, въ Далмаціи, Кроаціи, и вообще въ странахъ славянскихъ, очень не охотно смотритъ на Русскихъ; съ Германцами вообще сходится очень мало, я думаю, потому что и тѣ въ свою очередь весьма и весьма невысокаго объ немъ мнѣнія. Вообще же, не знаю, какъ у себя въ эрцгерцогствѣ австрійскомъ, а вездѣ въ другихъ мѣстахъ—онъ самый заклятый врагъ развитія народности. Мысль о ней кажется Австрійцамъ такою мелкою, такою недостойною образованнаго человѣка, что они, только зайдетъ о ней рѣчь, готовы нападать на нее всѣмъ, и силою діалектики, и грубыми насмѣшками. И то сказать, въ ихъ положеніи нельзя не оправдать ихъ въ этомъ случаѣ; и еще больше нельзя не пожалѣть, что судьба и обстоятельства лишила ихъ самаго живаго и благороднаго чувства, и по неволѣ сдѣлала врагомъ его, заставя вездѣ быть пришлецами, и пришлецами весьма неугодными жителямъ того мѣста, куда бросаетъ ихъ необходимость. Являются ли они въ видѣ офицеровъ австрійской службы, или въ видѣ чиновниковъ, въ видѣ купцевъ или мастеровыхъ, которые толпами переходятъ за Саву въ страны Славянъ, подвластныхъ Турціи, наконецъ, приходятъ ли они куда-нибудь наставниками, вышедшими изъ іезуитскихъ коллегій и университетовъ (которые тоже или въ прямомъ, или непрямомъ распоряженіи іезуитовъ)—вездѣ они чужіе и по языку, и по обычаямъ, и по характеру, и часто по религіи. Такова судьба самихъ пришельцевъ. Еще худшая доля достается ихъ дѣтямъ, второму ихъ поколѣнію. Рожденные въ странѣ, которую не могутъ назвать отече-

ствомъ, и слѣдовательно съ дѣтства осужденные на безродность, съ пеленокъ привыкши быть чуждыми всему окружающему, слышать въ своихъ семьяхъ совершенно иной языкъ, нежели какимъ говоритъ народъ и общество, назначенные вести большею частію бродяжническую жизнь, они, разумѣется, не имѣютъ возможности вполнѣ развить *любовь* въ своемъ сердцѣ, для которой единственная школа также самая любовь всего окружающаго: они любятъ свою семью—и только; переступая за предѣлы семейной привязанности, они не имѣютъ и не могутъ имѣть никакой сильной любви безкорыстной.— Такимъ-то полуразвитіемъ главной основы жизненнаго и, еще болѣе, нравственнаго состава начинается ихъ существованіе. Отсюда понятно, что съ дѣтства они пріучаются видѣть враждебность въ каждой народности, потому что именно эта народность и дѣлаетъ ихъ всѣмъ чуждыми. Сначала такое чувство враждебности не сознается и только обнаруживается нелюбовію къ тому или другому племени, между которыми приходится имъ жить посторонними; потомъ, когда начнетъ образовываться сознаніе, эта враждебность выказывается презрѣніемъ къ чувству, котораго лишила ихъ судьба и обстоятельства. Такимъ образомъ Австріецъ, не будучи направляемъ никакою іезуитскою политикою, по естественному ходу его жизни дѣлается врагомъ всякой народности.

Смотря со стороны, глазомъ человѣка, не имѣющаго съ жителями Австріи никакого отношенія, невольно соболѣзнуешь о такой уродливой неполнотѣ его природы, въ которой невозможно винить его. Но нельзя такаго взгляда требовать отъ западныхъ и южныхъ Славянъ, Итальянцевъ и Венгерцевъ. Для нихъ Австрійцы не сограждане; естественно, что всѣ они не терпятъ ни Австрійцевъ, ни Австріи.

Эта вражда не частное дѣло и не дѣло личностей; она прямое слѣдствіе настоящаго порядка вещей въ странѣ, составленной изъ множества разнородныхъ племенъ, въ государствѣ, гдѣ на 27 милліоновъ жителей, собственно Австрійцевъ, приходится не больше четырехъ, и гдѣ остальные 23 должны отказываться отъ своей народности, потому что она не нравится присужденнымъ Европою ихъ властителямъ.

Такъ можно объяснить всеобщую вражду во всѣхъ углахъ Австріи, подавляемую пока силою и хитростію.

Въ Тріестѣ общее сосредоточеніе на торговлѣ весьма смягчаетъ такую вражду; по крайней мѣрѣ она не бросается такъ въ глаза,

какъ въ Далмаціи, но и тутъ легко ее замѣтить. Мнѣ особенно было еще легче, потому что я изъѣздилъ большую часть австрійскихъ владѣній, и потому нельзя удивляться, что въ Тріестѣ я открылъ ее скоро и могъ наблюдать за всѣми ея оттѣнками. Но могутъ спросить меня, какимъ образомъ мнѣ удалось напасть на слѣдъ славянскаго братства, если оно неохотно, какъ я сказалъ, является въ общественномъ быту тріестинскомъ, весьма непріютномъ ни для какаго братства? Для западнаго путешественника такое открытіе было бы или дѣломъ случая, или признакомъ его проницательности. Правда, что славянское братство нисколько не скрывается и не навлекаетъ на себя прямаго гоненія со стороны правительства, а все таки Австрійцамъ очень хотѣлось бы, чтобы его не было. Прямо преслѣдовать его не за что; потому именно, что оно истинное братство и никакъ не общество, потому, что въ немъ всякій Славянинъ сочувствуетъ Славянину, не имѣя нужды ни въ какомъ внѣшнемъ соединеніи, точно также, какъ братъ любитъ брата, особенно между чужими, безъ всякаго объясненія. Прямо его и не преслѣдуютъ, но отечески заботятся о томъ, чтобы какъ можно умѣрить увлеченія братскаго сочувствія. Западному путешественнику надобно было бы искать его, какъ и дѣлалъ это умный, хотя легкій въ сужденіяхъ и весьма пристрастный въ приговорахъ, Кипріянъ Роберъ. Намъ Русскимъ нельзя не видать его, потому что средоточіе его—между Славянами первохристіанскаго восточнаго исповѣданія, съ которыми непремѣнно встрѣчаешься и знакомишься въ Православной церкви.

Въ Тріестѣ двѣ церкви нашего восточнаго исповѣданія; одна греческая, во имя св. Николая, другая иллирійская или сербская во имя св. Спиридона. Въ первый пріѣздъ мой, не зная, что здѣсь двѣ церкви, я попалъ въ греческую; но чуждый моему уху языкъ, однообразіе протяжнаго и вялаго напѣва, его особенность, все это вмѣстѣ произвело на меня какое-то не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Правда, что это мои единовѣрцы; это тоже служеніе, къ какому я привыкъ съ дѣтства и которое для меня сдѣлалось какъ-то уже неразлучнымъ съ понятіями о церкви, но тутъ не все мое, не все привычное, и я тутъ какъ бы посторонній. Во второй пріѣздъ прихожу я въ церковь иллирійскую: наша славянская служба, полное наше, безъ всякаго измѣненія, грекороссійское служеніе, даже наши печатанныя въ Кіевѣ церковныя книги. Книгъ, печатанныхъ въ Австріи, не принимаютъ наши единовѣрцы, потому что тамъ введены измѣненія даже

въ самыхъ главныхъ основахъ вѣрованія, приспособленныя къ вѣрованію католическому. Правда, что теперь Австрійцы увидѣли, какъ была неудачна ихъ попытка, и книги перепечатываютъ съ нашихъ, строго запрещая ввозъ церковныхъ книгъ, у насъ напечатанныхъ, для того, чтобъ ничто не напоминало народу о единствѣ вѣрованія съ Русскими. Но народъ, по старой памяти, отдаетъ преимущество книгамъ, напечатаннымъ въ Россіи. Здѣсь въ церкви, также, какъ у насъ, по старому обычаю, приходящіе, помолясь, кланяются на всѣ стороны, и какъ бы молча свидѣтельствуютъ тѣмъ, что церковь не только мѣсто молитвы, но и братски христіанскаго соединенія. Однимъ словомъ, здѣсь все тоже, что и въ нашей церкви; и вотъ я неожиданно у себя, послѣ почти трехлѣтней разлуки съ отечествомъ. И этого мало: знай я, что иду въ русскую церковь, найди я все Русскихъ, на меня это не произвело бы такаго впечатлѣнія. Но совсѣмъ не то, когда видишь, что, вдали отъ насъ, не только удержаны догматы нашей религіи, не только сохранено единство въ главныхъ основахъ служенія, а даже и въ мелкихъ обрядахъ. Замѣтьте, что такое совершенное единство въ богослуженіи, обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ, существуетъ у двухъ народовъ, правда единоплеменныхъ, но въ продолженіе больше, нежели десяти вѣковъ, никогда не сходившихся ни въ совѣтѣ и совѣщаніи о порядкѣ гражданскомъ или церковномъ, ни даже не встрѣчавшихся на бранномъ полѣ ни друзьями, ни врагами. Замѣтьте еще то, что за сохраненіемъ такаго единства не наблюдалъ ни одинъ земный глава Церкви, какъ это дѣлается въ мірѣ католическомъ, гдѣ при всемъ самомъ бдительномъ надзорѣ апостольскаго намѣстника, даже на небольшомъ пространствѣ аппенинскаго полуострова, не могутъ поддержать полнаго во всемъ согласія въ отношеніи къ обрядамъ богослуженія. Миланъ, въ той же Италіи, испоконъ вѣка составляетъ и составлялъ всегда нераздѣльную часть ея, и между тѣмъ богослуженіе его церквей, извѣстное подъ именемъ Амвросіева (Ambrosiana), имѣетъ свои особенности.

Привыкшіе благоговѣть предъ святынею нашей Церкви, не давая себѣ въ немъ отчета, и тоже, какъ бы по простому внутреннему влеченію, расположенные братски встрѣчаться съ нашими собратами Сербами, мы—русскіе путешественники, входя въ Христіанскую славянскую церковь, никогда не думаемъ, какъ объяснить такое наше единство, ничѣмъ внѣшне не блюдомое, и такую неизмѣнность жизни нашей Церкви: между тѣмъ какъ одна такая неизмѣнность состав-

ляетъ уже сильное доказательство святости и незыблемости не только основъ ея самой, но и всего того высокохудожественнаго зданія, которое зовемъ мы богослуженіемъ. Это въ отношеніи къ Церкви.

Въ отношеніи къ нашему православно-славянскому племени. Оно можетъ служить для насъ самихъ указаніемъ того, что въ нашу природу Творцу міровъ угодно было ввести такую покорность Провидѣнію, которая въ теченіи самыхъ бурныхъ вѣковъ жизни человѣчества спасла насъ отъ шаткости и лжемудрованія. Дѣйствительно ли введено это въ составъ самой природы нашего славянскаго племени, или воспитано ходомъ нашего развитія, это другое дѣло Мы знаемъ, что на пути развитія, при всѣхъ возможныхъ разностяхъ, у большей части славянскихъ народовъ есть одно общее: всѣ мы Славяне страдали долго и тяжко; каждое изъ племенъ славянскихъ безъ исключенія подолгу носило, а многія еще и несутъ, самыя тяжкія оковы чужеземнаго и иновѣрнаго ига. Кто знаетъ, можетъ быть это самое горькое страданіе, а съ нимъ вмѣстѣ сосредоточеніе жизненныхъ силъ въ самихъ себѣ и остановленіе ихъ отъ преждевременнаго, ранняго развитія, укрѣпило наши души и воспитало въ нихъ зрѣлость природы. Исторія еще говоритъ намъ, что въ тѣхъ изъ славянскихъ племенъ, въ которыхъ осталась наша первохристіанская Вѣра неизмѣненною, тамъ, рядомъ съ нею, неразлучно идетъ и крѣпость тѣлесная, цѣльность, независимость и сила племени.

Я буду имѣть случай обратиться къ этому вопросу послѣ, именно въ Сербіи, единственной изъ всѣхъ подвластныхъ Турціи славянскихъ областей, куда не зашла никакая примѣсь другихъ вѣроисповѣданій, и вмѣстѣ единственной изъ нихъ, получившей свою гражданскую независимость.

Теперь обращусь къ пребыванію моему въ Трiестѣ. Когда во второй пріѣздъ мой въ Трiестъ, я вошелъ въ иллирійскую церковь, обѣдня была уже окончена, народу было мало, служили молебенъ. Крестное знаменіе, по восточному обычаю, обратило на меня вниманіе; потому что здѣсь всѣ Православные на перечетъ, новое лице дѣлается тотчасъ же замѣтно. Одинъ изъ прихожанъ спросилъ меня, кто я. Я отвѣчалъ—Русскій. Это было шагомъ къ знакомству со всѣми. Всѣ оказывали мнѣ глубокое уваженіе. Здѣсь въ первый разъ въ жизни испыталъ я чувство, которое выше всякаго самолюбія: пользоваться уваженіемъ, пріобрѣтеннымъ не личнымъ достоинствомъ и

не общественнымъ значеніемъ, а однимъ именемъ Русскаго. Меня уважали только по тому, что я Русскій. Любили меня только по одному тому, что я Русскій. Оказывали мнѣ почетъ по тому же самому, что я Русскій.

Не думаю, чтобъ кто-нибудь изъ Русскихъ могъ оставаться равнодушнымъ, видя такое душевное къ намъ стремленіе и такую неподдѣльную, истинно братскую привязанность нашихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братьевъ. Эта была для меня вторая встрѣча съ славянскимъ сочувствіемъ къ своимъ единоплеменникамъ; первый разъ я нашелъ его въ Богеміи; тамъ оно было въ томъ разрядѣ людей, гдѣ многое невольно объяснялось заданною напередъ себѣ мыслію. Здѣсь оно являлось совершенно безсознательно, по этому самому было полное ручательство въ его простотѣ и искренности.

На меня въ ту минуту оно подѣйствовало еще сильнѣе, потому что не больше, какъ за часъ предъ тѣмъ, на меня смотрѣли очень неблагорасположенно только потому, что я Русскій. Съ самою сильною подозрительностію предлагали мнѣ тысячу вопросовъ въ полиціи о цѣли путешествія, о мѣстахъ, какія я намѣренъ посѣтить, о томъ, долго ли я тамъ пробуду, и все это тоже только потому, что я Русскій. Австрія какъ-то весьма нелюбовно встрѣчаетъ тѣхъ изъ насъ, которые путешествуютъ по славянскимъ странамъ.

Пускай защитники всемірнаго гражданства (космополитизма) посмотрѣли бы, съ какимъ радушіемъ мы подавали другъ другу руку; безъ предварительнаго сближенія и безъ всякихъ вещественныхъ отношеній; какъ одни общіе, родные тому и другому изъ насъ звуки, одно общее богослуженіе, близкое сердцу того и другаго, сроднило насъ между собою въ нѣсколько минутъ; не думаю, чтобъ они объяснили такое явленіе софизмами изъ прикупныхъ, вычитанныхъ понятій, и пожалуй еще вычитанныхъ у Австрійцевъ. Съ моей стороны тутъ могла еще участвовать благодарность за радушный пріемъ, неожиданный въ такомъ отдаленіи; но что я для нихъ?

Со мною былъ одинъ изъ моихъ русскихъ знакомыхъ, европеецъ въ полномъ смыслѣ слова, добрый и благодушный европеецъ, но, по образцу большей части нашихъ заклятыхъ европейцевъ, терпѣть не могшій даже имени Славянина. Онъ, подсмѣиваясь надъ мечтательнымъ, по его понятію, чувствомъ племеннаго братства, объяснялъ видимыя его явленія тѣмъ, что южные Славяне, не имѣя никакой

самостоятельности, цѣпляются за все, и за религію, и за славянское братство, чтобъ только породниться съ сильнымъ народомъ. Положимъ, что это могло бы еще быть въ болѣе развитыхъ слояхъ общества. Но простой народъ въ Сербіи австрійской и турецкой встрѣчаетъ Русскаго братски, право не совѣтуясь съ понятіями о силѣ народа русскаго. Нашъ народъ точно также принимаетъ Сербовъ просто за своихъ. Иногда онъ смѣется надъ ихъ выговоромъ точно такъ, какъ смѣется надъ всякимъ мѣстнымъ русскимъ нарѣчіемъ. Для Великоруса Сербъ и Малороссіянинъ суть—Русскіе разныхъ краевъ; для Малороссіянина Русскій, какъ зоветъ онъ Великоруса, и Сербъ тоже Русскіе разныхъ странъ.

Я долженъ былъ остановиться на славянскомъ сочувствіи; оно являлось вездѣ во время моихъ поѣздокъ въ славянскія страны и имъ тогда преисполнены были всѣ сословія народа, даже независимо отъ религіи. Не знаю я, такъ ли это теперь, но передаю, какъ было. Обращаюсь къ Тріесту. Въ Тріестѣ назначено мѣстопребываніе главному правителю всего полуострова Истріи; даже и свободная его торговля распространяется, хотя не вполнѣ, на весь полуостровъ. Преимущество Тріеста то, что онъ торгуетъ безпошлинно всѣми ввозимыми въ него товарами, тогда какъ въ прочія пристани Истріи можно привозить безъ пошлины и безъ таможеннаго осмотра товары, привозимые только изъ Тріеста. Разумѣется, и тамъ, и тутъ предметы правительственнаго откупа: вино, соль, табакъ и порохъ, не входятъ въ предметы свободной торговли.

Не смотря на то, что Тріестъ главный городъ всей Истріи, онъ нисколько не обрисовываетъ страны, можетъ быть даже и потому, что онъ съ нею не имѣетъ никакого общенія, кромѣ правительственнаго. Въ Истріи они никогда не соединялись въ одно цѣлое, а для торговли все равно, кто бы ни приносилъ на продажу свои товары, и кто бы ни покупалъ ихъ у продающаго.

Въ первую мою поѣздку въ Истрію желаніе узнать страну и совѣты доктора заставили меня пройти пѣшкомъ по всей длинѣ ея, начиная отъ Тріеста до самаго южнаго оконечія, именно до городка Пола, самаго древняго и самаго замѣчательнаго на всемъ полуостровѣ, цѣли тогдашняго моего путешествія. Во вторый разъ, я проѣхалъ Истрію въ дилижансѣ; въ третій, объѣхалъ кругомъ всю ее на пароходѣ. Трудно сказать, какой родъ путешествія избрать по этой странѣ; думаю, что въ Истріи едва ли не лучше всего пароходный,

хотя онъ и знакомитъ только съ одними берегами; но внутренность страны до того представляетъ мало занимательнаго для наблюдателя и такъ мало утѣшительна, что, не избравши исключительною цѣлію изученіе страны, кажется ничего не теряешь, не видавъ многихъ частей ея. Меня всего болѣе познакомило съ страною первое мое путешествіе, потому что точно, идя пѣшкомъ, всего болѣе сближаешься съ жителями и, не искавъ, находишь всѣ и удобства, и неудобства страны. Само собою, что если есть возможность пройти какую нибудь страну пѣшкомъ, или объѣхать верхомъ, то уже разсмотришь все и по неволѣ познакомишься со всемъ ея бытомъ.

Цѣль нашего путешествія былъ городъ Пола, отстоящій отъ Тріеста на 16 миль нѣмецкихъ, то есть на 112 верстъ. На дорогѣ, говорилъ намъ кто-то, есть тоже много замѣчательнаго, и вотъ мы, я и архитекторъ Д. П. Эпингеръ, не спрашивая, ни какъ итти, ни какимъ путемъ, ни чрезъ какіе города, послали наши чемоданы прямо въ городъ Пола, а сами, взявши самое необходимое для дороги и каждый по портфелю, собрались на утро отправиться въ путь безъ всякаго предварительнаго знакомства со страною. На наше счастье, Тріестъ въ два дня наскучилъ намъ сильно, и мы не знали, какъ провести остальный вечеръ. Славянской кофейни мы тогда еще не знали, въ другихъ все одно и тоже, что вчера, то и сегодня. Тутъ мы вздумали, что венеціанскій докторъ далъ намъ рекомендательное письмо къ тріестинскому доктору Біазолетто, человѣку, не столько извѣстному своими медицынскими, сколько ботаническими свѣдѣніями. Онъ сопутствовалъ королю саксонскому въ его первой ботанической прогулкѣ по славянскимъ землямъ, описалъ это путешествіе, въ ботаническомъ и геогностическомъ отношеніи, и составилъ геогностическія карты Истріи и Далмаціи. Для насъ знакомство его было важно въ другомъ отношеніи: мы, я, какъ любитель искусствъ, а товарищъ мой, какъ архитекторъ, хотѣли познакомиться съ древними архитектурными зданіями города Пола; объ нихъ писалъ нѣкто канонникъ *Станкевичъ*, задушевный пріятель почтеннаго доктора Біазолетто. Вотъ родъ отношеній, заставившихъ насъ искать знакомства съ истрійскимъ ботаникомъ. Онъ принялъ насъ, какъ нельзя лучше. Услышавъ, что мы отправляемся пѣшкомъ, онъ былъ въ восхищеніи, далъ намъ двѣ карты, одну почтовую, а другую, начерченную имъ самимъ, геогностическую, прочиталъ намъ предлинную лекцію о составѣ истрійской флоры, изъ которой главнымъ выводомъ для

насъ было то, что сѣверная часть Истріи скучна, южная совершенно другаго характера; что на всемъ полуостровѣ нѣтъ ни одной сколько нибудь значительной рѣки, есть пожалуй три: *Драига*, по италіански Ризzаро (Rizzaro), *Дугоберола*, по италіански *Квіето*, и *Раста*, по италіански *Арса* (Arsa), но и тѣ небольшія; а прочія, какъ на примѣръ Драгонна и другія, до того малы, что лѣтомъ пересыхаютъ; что во всей Истріи всего одно озеро *Чепикъ*, но что оно не будетъ на нашей дорогѣ; что на истрійскихъ островахъ нѣтъ вовсе ни рѣкъ, ни рѣчекъ, только есть небольшая на островѣ *Керко*, течетъ отъ средины его и тотчасъ же впадаетъ въ море. При разсказахъ доктора, я невольно обратилъ вниманіе на то, что большую часть рѣкъ онъ называлъ двумя именами, и просилъ объяснить мнѣ эту странность. Онъ сказалъ, что народъ ихъ зоветъ своими славянскими названіями, а въ географіи онѣ, какъ и многіе города, извѣстны подъ именами италіанскими, или буквальными переводами славянскихъ, какъ на примѣръ *Фіуме* (Fiume), называемое по славянски *Рѣка*, или объиталіаненнымъ славянскимъ именемъ, до того измѣнившимся отъ времени, что теперь съ трудомъ можно добраться до его происхожденія.

Почтенный докторъ удержалъ насъ у себя нѣсколько часовъ и все время говорилъ, почти не умолкая; латинскія названія растеній приплетались въ его разговорѣ ко всему, и къ наименованію рѣкъ, и къ обрисовкѣ горъ , и даже къ описанію развалинъ городка Пола. Еслибъ была охота и довольно памяти, мы могли бы ознакомиться тутъ со всею истрійскою флорою; но что было для насъ очень невыгодно—весь длинный разговоръ его не ознакомилъ насъ ни съ однимъ городомъ, чрезъ которые надобно было намъ проходить, а сами мы спросить объ этомъ не догадались. За то онъ просилъ насъ прямо обратиться въ Пола къ молодому археологу Каррарѣ, жителю этого города и задушевному его пріятелю, какъ онъ называлъ его. Во всемъ его разглагольствіи это было для насъ послѣ самымъ полезнымъ.

И такъ, напутствуемые картами Біазолетти, рано утромъ, часа въ четыре, вышли мы изъ Тріеста. Истрійскіе поселяне длинною вереницею тянулись по дорогѣ къ городу, всякій съ своими сельскими произведеніями. Одѣяніе ихъ просто, но довольно живописно. Мущины въ широкихъ шароварахъ, длинной куртки, больше впрочемъ похожей на полукафтанъ, или коротенькую малороссійскую свитку; жен-

щины въ однѣхъ юбкахъ и рубашкахъ. На головѣ у первыхъ большія черныя шляпы, съ округленною къ верху тульею и чрезвычайно широкими полями, какія носятъ у насъ большая часть священниковъ; у женщинъ головы повязаны платками, или убраны особою повязкою, сдѣланною тоже изъ платка съ кистями, и такъ приложенною, что она имѣетъ видъ нашей вострой кички. Ни тѣ, ни другія—не красивы. Взглядъ мущинъ угрюмъ и непривѣтливъ. Дорога отъ Трieста чрезвычайно живописна: съ права видно безконечное море, и на немъ бѣлѣетъ множество парусовъ рыбачьихъ лодокъ и кораблей, съ лѣва — горы, покрытыя отъ подошвы до вершины зеленью виноградниковъ и фруктовыми деревьями, которыхъ здѣсь большое обиліе.

Не прошли мы и четырехъ верстъ, какъ пустился проливной дождь; укрыться было не гдѣ, на дорогѣ ни жилья, ни дерева, и это было вступленіемъ въ наше путешествіе. Съ начала шли мы подъ дождемъ, насъ промочило до костей, и мы были рады, рады, что наконецъ могли найдти пріютъ въ *остеріи*,—это нѣчто среднее между нашими харчевнею и кабакомъ. Здѣсь по неволѣ должны мы были начать наше сближеніе съ страною; вотъ выгода пѣшеходнаго путешествія. Первый шагъ сближенія не обѣщалъ ничего утѣшительнаго. Народъ говоритъ по славянски, по такимъ искаженнымъ нарѣчіемъ, что мы не въ состояніи понимать его; множество введено въ него словъ италіанскихъ, какъ, напримѣръ, *ура*—часъ (отъ италіанскаго *ora*); да и самыя славянскія часто до того измѣнены, что едва доберешься до ихъ значенія.

Пристанище наше было бѣдно и непріютно; едва могли мы найти коморку, чтобъ раздѣться и развѣсить наше измокшее платье. Я, въ ожиданіи лучшей погоды, заснулъ; а товарищъ мой пошелъ толковать съ прохожими о предстоявшемъ намъ путп. Одинъ изъ нихъ увѣрялъ, что мы напрасно идемъ на Капо д'Истрію, что этотъ городъ совершенно въ сторонѣ отъ главной дороги въ Пола, и что намъ лучше идти на прямикъ, проселкомъ. Когда мой товарищъ передалъ мнѣ это извѣстіе, и еще больше, когда я самъ увидѣлъ нашего новаго совѣтника, я сильно усумнился въ вѣрности словъ его. Засаленный фракъ его, платье, не часто употребляемое при путешествіи, загорѣлое до черноты лице, военная австрійская фуражка,—все это составляло что-то страшное и мало внушающее довѣрія; къ тому же у меня была карта, и еще печатная, на которой только и показана

одна дорога черезъ Капо д'Пстрію. Я указалъ ему на карту, путникъ указалъ мнѣ на годъ ея; тутъ только я замѣтилъ, что она издана въ 1803 году, ровно за 40 лѣтъ до нашего путешествія. Это открытіе было для насъ очень неутѣшительно; въ добавокъ къ нему,—на другой картѣ, составленной самимъ докторомъ Біазолетти, указаны вездѣ всѣ разнородныя почвы земли, всѣ разнородные пласты ея, но не означено ни одной дороги. Надобно прибавить еще одно, что хотя мы и ничего не слыхали о неспокойствіи на истрійскихъ дорогахъ, но насъ предупредили, что почтовая карета всегда останавливается ночевать въ Пизино, что не совсѣмъ говорило въ пользу безопасности здѣшнихъ дорогъ.

Между тѣмъ нашъ новый спутникъ сильно настаивалъ, чтобы мы не измѣнили направленія и пошли бы проселкомъ, но настаивалъ, какъ намъ показалось, съ такимъ простодушіемъ, что мы рѣшились ему ввѣриться. Самъ онъ, какъ говорилъ, шелъ только до перваго селенія. Мы послѣдовали за нимъ проселочною дорогою и были очень довольны: этотъ путь оказался гораздо короче и по немъ безпрестанно встрѣчались прохожіе и проѣзжіе, на ослахъ и небольшихъ истрійскихъ лошаденкахъ, тогда какъ по шоссе можно встрѣтить путниковъ только близъ города, а далѣе оно совершенно пусто. Проѣдетъ развѣ какой либо смѣненный чиновникъ, или одноколка съ письменною почтою, и та предпочитаетъ просселокъ, потому что для двухъ колесъ ея вязкая дорога одинаково удобна. Все оживленіе шоссе состоитъ въ томъ, что по мѣстамъ на немъ мужики и бабы выщипываютъ траву, иначе оно могло бы зарости ею, — лучшее доказательство того, какъ неумѣстно здѣсь шоссе, длинными извилинами огибающее горы. Употребляй проѣзжіе другой родъ путешествія, кромѣ муловъ,ословъ, верховыхъ лошадей, иногда одноколокъ и пѣшеходства, разумѣется, оно было бы превосходно. А то разъ въ недѣлю проѣдетъ почтовая карета съ почтою, и рѣдко съ полнымъ числомъ, т. е. четырмя пассажирами. При настоящемъ бытѣ туземцевъ, каменистая почва доставляетъ имъ столь же удобныя дороги, только гораздо прямѣе. Самые богатые обитатели живутъ въ городахъ приморскихъ; они, разумѣется, предпочитаютъ ѣздить въ Тріестъ моремъ: и скорѣе, и дешевле, и удобнѣе для перевозки ихъ товаровъ; а бѣднымъ жителямъ внутреннихъ частей полуострова не до жиру, быть бы живу, имъ далеко не до шоссе. Каменистая почва земли и сильные налоги вовсе не такія средства, какими можно

было бы дойти до удобствъ жизни. Разумѣется, здѣсь никакъ не виновато шоссе, проводи его, гдѣ хочешь, да только тамъ, гдѣ устроваешь удобство для себя, позаботься же сколько нибудь о народѣ,— иначе въ самыхъ удобствахъ слышится сильный укоръ и часто горькая жалоба притѣсняемыхъ.

Впрочемъ, во всякой другой странѣ, за такое явное пренебреженіе къ выгодамъ жителей, можно было бы обвинять *правительство;* въ Истріи оно нисколько въ этомъ не виновато. Вы спросите, почему? Посмотрите на отношенія его къ народу. Вездѣ обыватели и правительство составляютъ двѣ нераздѣльныя, самыя законныя части одного цѣлаго,— народа. Отъ этого выгоды правительства суть выгоды народа, хотя иногда временно онѣ какъ будто бы и разногласятъ. Въ Истріи правительство съ народомъ не имѣютъ ничего общаго. Начиная отъ языка, до преданій, религіи, обычаевъ, образа жизни, они ничѣмъ рѣшительно не соединены между собою. Австріецъ для жителя Истріи сборщикъ податей и только; истрійскій Славянинъ для Австрійца рабочій волъ—и ничего болѣе.

Благодаря нашему провожатому, мы довольно сократили путь и, что еще важнѣе, имѣли много случаевъ, во время остановокъ, сближаться съ народомъ. Въ этихъ сближеніяхъ всего болѣе поражало насъ разногласіе между безнуждным удовлетвореніемъ первымъ потребностямъ жизни и унынiемъ жителей. Вездѣ мы находили довольно порядочный хлѣбъ, плоды, именно вишни, сливы, иногда абрикосы и даже фиги, мясо, нигдѣ не видали множества нищихъ, они попадались намъ въ городкахъ, и то рѣдко. Кажется, есть всѣ условія для довольства, а между тѣмъ о довольствѣ нѣтъ и помину.

Около полудня нашъ спутникъ сказалъ намъ, что ему приходится съ нами разстаться, потому что деревня его совсѣмъ въ другой сторонѣ; мы предложили было ему плату за труды, но онъ отъ нея отказался, и едва только согласился выпить стаканъ вина, которое здѣсь, кажется, лучше обыкновеннаго ломбардскаго, почти исключительно красное и тоже очень кислое. Онъ былъ истрійскій Славянинъ и возвращался къ себѣ на родину.

Оставленные нашимъ проводникомъ, мы шли уже все время по шоссе, и въ продолженіе больше нежели десятичасоваго нашего пѣшествія едва ли встрѣтили десять человѣкъ, и то только близъ селеній. Къ вечеру пришли мы въ небольшой городокъ *Портоло*. Съ

виду это совершенно городокъ италіанскій; но еще больше похожъ на италіанскій — городокъ *Монтана*; также онъ гнѣздится на высотѣ довольно крутой горы, стѣсняется около церкви, которая высится надъ всѣми домами своею тонкою колокольнею и своимъ куполомъ, потомъ отъ нея дома идутъ уступами по скатамъ горъ, во всѣ стороны, особенно на южную. Горожане въ обоихъ этихъ городахъ, также какъ и въ Трiестѣ, больше говорятъ по италіански, потому что имѣютъ съ Трiестомъ частыя сношенія, а можетъ быть также и потому, что между ними много Венеціанцевъ, которыхъ предки поселились здѣсь еще въ былыя времена венеціанской республики.

На другой день мы отправились изъ Портоло и, проѣздомъ городокъ Монтану, о которомъ я только что упомянулъ, пустились въ Пизино. Это порядочный очень городокъ съ 1800 жителей. Прежде онъ принадлежалъ, да кажется и теперь принадлежитъ, *графу Монтекукули*. Онъ помѣщенъ въ долинѣ между горами, и былъ бы очень пріютенъ, если бы была въ немъ какая нибудь собственная жизнь. Въ *казино*, или клубъ, сходятся почти исключительно австрійскіе офицеры и чиновники. Есть здѣсь и гимназія; въ ней преподаватели и начальники — *Францискане*, тотъ изъ латинскихъ монашескихъ орденовъ, который, едва ли не преимущественно предъ всѣми прочими, отличается своимъ невѣжествомъ въ наукѣ. Таковъ источникъ просвѣщенія во внутренности Истріи! И то сказать, теперь трудно рѣшить, не что лучше, а что хуже: учиться у Францисканцевъ, или у Іезуитовъ?

Скучно было бы передавать все наше пѣшествіе; къ тому же однообразіе встрѣчъ и всего нами видимаго гораздо, я думаю, будетъ занимательнѣе въ общемъ выводѣ, нежели въ ничтожныхъ частностяхъ. Общій же выводъ коротокъ: вся внутренняя часть Истріи грустна для путешественника. Простота жизни, удаленность отъ сношеній съ чужеземцами, давнишнее, почти, можно сказать, всегдашнее спокойствіе въ политическомъ отношеніи, все заставляетъ ожидать патріархальности и довольства, и между тѣмъ въ жителяхъ вы не встрѣчаете ни привѣтливости, ни открытаго вида, никакой веселости. Всѣ какъ-то дичатся. Какъ ни стараетесь обращаться съ ними ласково, все они ни какъ не сближаются съ вами. Сначала мнѣ это показалось странно, но потомъ причина сдѣлалась намъ ясна: по нашей одеждѣ, они принимали насъ за Австрійцевъ, то есть, просто за чиновниковъ—это одно,

а второе—на какомъ языкѣ было намъ говорить съ жителями? Прибрежные жители, собственно горожане, всѣ говорятъ по италіански, и они всѣ обходительны. Обитатели средины Истріи понимаютъ италіанскій языкъ, но говорятъ на немъ самымъ исковерканнымъ образомъ, а женщины часто и совсѣмъ не говорятъ. Языка правительства, то есть, нѣмецкаго не понимаютъ ни народъ, ни горожане. Въ разговорѣ народа между собою слышны славянскіе звуки; но сліяніе различныхъ языковъ имъ посторонніхъ, удаленіе отъ тѣхъ странъ, гдѣ бы могла поддерживаться чистота его, и еще то, что во всей Истріи природный языкъ остается только разговорнымъ и не достигаетъ даже просто первоначальнаго грамотнаго его изученія, все вмѣстѣ сдѣлало то, что нарѣчіе истрійское наполнилось словами иноязычными и мѣстными, можно сказать, условными выраженіями, такъ что едва можно понять только кое-что изъ ихъ разговора. Еслибъ это оставалось въ одномъ языкѣ, можно было бы еще помириться; но отдѣльность языка во всѣхъ сословіяхъ есть только внѣшнее выраженіе совершеннаго раздѣленія жителей не на слои, а на разнородную сборщину. — Каждое сословіе живетъ себѣ отдѣльно, взаимности нѣтъ и быть не можетъ. Съ перваго взгляду странно такой нравственный составъ страны, но только просмотрите весь ходъ жизни, онъ явится весьма естественнымъ.

Испоконъ вѣка, то есть, съ тѣхъ временъ, какъ мы знаемъ Истрію, коренное ея народонаселеніе было славянское. Славяне были здѣсь еще за долго до Рождества Христова, перешли ли они сюда съ далматскаго берега, или разселились съ Сѣвера отъ прежде бывшей Иллиріи, нынѣшней Хорваціи, Штиріи и Хорутаніи, это неизвѣстно. Мы знаемъ только изъ сказаній Тита Ливія, что въ 567 году, римскаго лѣтосчисленія, то есть, за 174 года до Р. Х., посланъ былъ противъ Истріанъ римскій военачальникъ Маркъ Клавдій Марцеллъ, и что потомъ, чрезъ 6 лѣтъ, Истрія была покорена Римлянами. Съ того времени и по настоящее они исключительно населяютъ всю внутреннюю часть полуострова, весь восточный берегъ его, и остаются, по числу жителей, господствующимъ народомъ, даже и на западномъ берегу, гдѣ впрочемъ весьма много венеціанскихъ переселенцевъ. Отъ древнихъ временъ осталось нѣсколько памятниковъ, по которымъ можно видѣть, что во времена римскаго владычества очень ухаживали за Славянами и болѣе привлекали ихъ къ себѣ ласкою, нежели правили силою. Я видѣлъ два надгробные

камня, одинъ на такъ называемомъ Оливковомъ островкѣ, въ небольшомъ заливѣ, при городѣ Пола, другой въ сѣверной части Истріи, помнится мнѣ, въ городкѣ *Буѣ*. Изъ надписей видно, что тутъ погребены сарматскіе старѣйшины, причисленные къ числу почетныхъ римскихъ гражданъ. Вѣроятно собственно для привлеченія славянскихъ народовъ игрищами, построены были на южной оконечности полуострова, именно въ городѣ *Пола*, театръ и амфитеатръ, особенно послѣдній. Еще во времена Римлянъ этотъ городъ соединялся большою дорогою съ Аквилеею, отъ которой шла такая же дорога къ средоточію имперіи. Кромѣ древностей города Пола, развалинъ храма въ Тріестѣ, и еще небольшихъ остатковъ древнихъ воротъ въ небольшемъ городкѣ Альбона, лежащемъ на восточномъ берегу полуострова, нѣтъ никакихъ слѣдовъ римскаго владычества. Все это собрано въ приморскихъ городахъ и весьма вѣроятно, что народонаселеніе Истріи было тогда весьма слабо, и теперь на всемъ полуостровѣ, включая сюда и Тріестъ, то есть, на пространствѣ во 100 съ небольшимъ верстъ наибольшей длины, и около 60 верстъ наибольшей ширины считается до 265,000, (съ островами 295,000), слѣдовательно безъ Тріеста 240 тысячъ (1). Тогда же вся Истрія была прокрыта непроходимыми лѣсами, и сами Славяне вѣрно жили только по странамъ прибрежнымъ.

---

(1) По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ Истріи, народонаселеніе ея въ 1843 году было:

	кв. миль	жителей.
Въ городѣ и округѣ Тріеста. . . .	$1\frac{5}{10}$	76586
Въ округѣ Каподистріи.	$5\frac{3}{10}$	26895
— — Пирано.	$1\frac{9}{10}$	13703
— — Буя.	$4\frac{5}{10}$	13376
— — Пингвенье.	$5\frac{7}{10}$	12518
— — Кастельнове.	$9\frac{4}{10}$	17484
— — Монтана.	$5\frac{4}{10}$	13981
— — Паренцо.	$3\frac{8}{10}$	7633
— — Пизино.	$7\frac{2}{10}$	19033
Въ округѣ Ровинье	$2\frac{8}{10}$	12623
— — Дењяно.	$6\frac{8}{10}$	12891
— — Пола..	$3\frac{9}{10}$	5429
— — Альбона.	$4\frac{3}{10}$	8213
— — Волоска.	$3\frac{5}{10}$	17852
— — Бѣлячъ.	$4\frac{9}{10}$	8188
	$71\frac{9}{10}$	265808

Дѣло въ томъ, что коренное народонаселеніе Славяне, а слѣдовательно и коренный языкъ—славянскій. И до сихъ поръ въ срединѣ Истріи народъ говоритъ по славянски и даже часто, какъ я сказалъ, женщины не понимаютъ никакого иного языка, кромѣ славянскаго. На восточномъ берегу онъ дѣлается общимъ языкомъ не только поселянъ, но и горожанъ; и здѣсь отъ сосѣдства съ Хорваціею и Морлаками, населяющими горы Сѣверной Далмаціи, онъ дѣлается чище, и потому для насъ гораздо понятнѣе. Въ Хорваціи и Далмаціи чистота его сохраняется и поддерживается двумя путями: грамотнымъ изученіемъ и еще болѣе книгами Священнаго Писанія и вообще богослужебными, особенно въ части народа православнаго исповѣданія.

На западныхъ берегахъ во всѣхъ городахъ господствующій языкъ италіанскій, или собственно венеціанское его нарѣчіе. Оно введено сюда въ средніе вѣки, именно начиная съ XII столѣтія, то есть, съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый дожъ венеціанскій Генрихъ Дондоло первый, частію силою оружія, а еще больше умѣньемъ привлекать къ себѣ, покорилъ весь западный истрійскій берегъ венеціанской республикѣ. Съ этой поры Истрійцы вошли въ постоянныя торговыя сношенія съ Венеціею, — это было первымъ шагомъ къ введенію въ Истрію италіанскаго языка вмѣстѣ съ торговлею. Вторымъ было образованіе зажиточныхъ Истрійцевъ въ знаменитомъ нѣкогда падуанскомъ университетѣ, или въ венеціанскихъ школахъ, особенно морской, что продолжается и по сіе время, потому что на всемъ полуостровѣ, кромѣ первоначальныхъ школъ и двухъ гимназій, нѣтъ никакого высшаго училища. Наконецъ самое народонаселеніе городовъ западнаго берега Истріи едва ли не болѣе венеціанское, нежели славянское, потому что древняя венеціанская республика выселяла туда цѣлыя колоніи, потомъ частехонько отправляла людей, подозрѣваемыхъ правительствомъ, самымъ подозрительнымъ изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ правительствъ,—и еще въ добавокъ къ этимъ двумъ родамъ населенія, сами промышленники поселялись охотно на югозападномъ берегу для добыванія вина, оливковаго масла и для рыб-

На островахъ:		
Въ округѣ Веліа.	$7\frac{6}{10}$	13342
— — Керсо.	$7\frac{0}{10}$	7830
— — Луссино.	1	8078
Всего	$87\frac{7}{10}$	205058

ной ловли, а на сѣверозападномъ—соли, произведеній, которыя получались тутъ въ большомъ количествѣ еще во времена Ѳеодорика. Между письмами Кассіодора, любимаго министра этого монарха, есть одно, въ которомъ онъ проситъ, или требуетъ, какъ хотите, чтобъ Венеціанцы дали барокъ для перевозенія соли, вина и масла изъ Истріи въ Равенну, столицу тогдашняго властителя Италіи.

И такъ исторія ввела другой народъ на берега Истріи, вышедшій на нихъ по праву побѣдителя, впослѣдствіи укоренившійся и пріобрѣтшій всю полноту правъ туземства, потому что съ собою принесъ оживленіе страны торговлею и сдѣлалъ ее какъ бы соучастницею въ средневѣковой жизни царицы среднихъ вѣковъ Италіи.

Третій народъ, а съ нимъ и третій языкъ, вошелъ сюда при послѣднихъ переворотахъ Европы, именно послѣ минутнаго владычества наполеоновской арміи. Правда, что сѣверная часть Истріи никогда постоянно не принадлежала Венеціи, она переходила изъ рукъ въ руки, то къ венгерскому королю, то къ бывшему римскому императору, потомъ сдѣлавшемуся германскимъ, и въ послѣднія столѣтія была неизмѣнно подъ владычествомъ послѣдняго. Вся южная оставалась у Венеціи до паденія самой республики, то есть, до 1797 года, потомъ была захвачена Французами, и послѣ нихъ, безъ битвы, безъ добровольной покорности, по одному общему приговору европейскихъ властителей отошла въ австрійское владѣніе. Вмѣстѣ съ властію Австрійцы внесли туда и языкъ свой, не смотря на то, что вѣнскіе договоры ограждали неприкосновенность каждой народности. Договорное огражденіе существовало на бумагѣ, а на дѣлѣ выходило иное: нѣмецкій языкъ сдѣлался языкомъ всѣхъ высшихъ и даже второстепенныхъ судилищъ, и сколько-нибудь значительные чиновники, въ самыхъ даже маленькихъ городахъ, по нашему бы назвать ихъ уѣздными, опредѣляются не иначе, какъ когда они знаютъ хорошо по нѣмецки, потому что они должны относиться въ средоточіе правительственной власти — Вѣну не иначе, какъ на этомъ языкѣ.

Замѣтьте: три языка, не имѣющіе между собою никакого сродства ни по звукамъ, ни по составу, между тѣмъ какъ каждый узаконеннымъ образомъ, а не злоупотребленіемъ, занимаетъ свое мѣсто въ настоящемъ быту Истріи, и звуки каждаго имѣютъ, можно сказать, свои тоны въ жизни обитателей.

Старѣйшій изъ языковъ истрійскаго населенія теперь сдѣлался голосомъ однихъ бѣдныхъ тружениковъ, и едва только не превратился въ жалобы и стоны однихъ угнетенныхъ. Когда слышишь этотъ языкъ въ Истріи, кажется, что будто ему недоступно ни выраженіе радости, ни спокойнаго изображенія простаго довольства. Врядъ ли есть другое мѣсто, которое бы такъ буквально подходило подъ слова Божественной Комедіи Данта: (Пѣснь V. Ст. 25—27.)

Ora incomimian le dolente note
A farmi si sentire, or son venuto
La, dove molto pianto mi percuoti.

«Теперь начинаютъ слышаться мнѣ жалобные звуки; теперь я вступаю туда, гдѣ поражаетъ меня множество стенаній.»

Намъ Русскимъ страшно какъ-то встрѣчать страну, въ которой нашъ славянскій языкъ, точно также туземный, какъ и у насъ въ Россіи, сдѣлался языкомъ плотовъ, терпимыхъ только по необходимости.

Языкъ италіанскій—голосъ торговли и горожанства.

Языкъ нѣмецкій—голосъ распорядителей, гроза плотовъ.

Но исторія страны здѣсь только усиливаетъ то грустное впечатлѣніе, какое производятъ на путешественника ея географическое положеніе, ея земля и даже климатъ, особенно въ сѣверной части Истріи.

Ѳ. Чижовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

УКРАИНСКІЯ ПИСЬМА

КЪ П. А. КУЛИШУ ОТЪ М. А. МАКСИМОВИЧА.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

О СОТНИКѢ ХАРЬКѢ И ЗАПОРОЖЦѢ ЧУПРИНѢ.

Получилъ вашъ новый гостинецъ, «Записки о Южной Руси,» и сердечно благодарю за прекрасный подарокъ. Я читаю съ наслажденіемъ ваши Записки, встрѣчая въ нихъ то старыхъ знакомцевъ своихъ, то новыя новины, добытыя вами изъ старой памяти народа. Хвала вамъ и сотрудникамъ вашимъ, Шпшацкому-Иличу, Нѣговскому и всѣмъ новымъ дѣлателямъ на этомъ поприщѣ Южно-Русской народности, также богатомъ и неистощимомъ, какъ и земля Южно-Русская. Не нарадуюсь довольно, въ моей Наддиѣпровской глуши, видя непрестанное приращеніе нашего роднаго *збо́жья* въ литературномъ и ученомъ мірѣ.

Какъ все живо и свѣжо въ вашихъ «Запискахъ», и эти стародавнія думы бандуристовъ, и болтовня вашихъ разскащиковъ, и ваши собственныя исторпко-поэтическія мысли и мечты. Любуясь вашею книгою, я поучаюсь многому изъ нея, чего не зналъ прежде; но во многомъ съ нею не соглашаюсь; и если бы у меня было побольше писательной силы, я написалъ бы вамъ подробный отчетъ о моемъ чтеніи. Не могу, однако же, совсѣмъ отказать себѣ въ удовольствіи бесѣдовать съ вами объ этомъ; и потому буду иногда писать вамъ мой критическій комментарій хоть на нѣкоторыя мѣста вашихъ «Записокъ». Начну съ тѣхъ двухъ мѣстъ, гдѣ вы прямо объявили свое несогласіе со мною, и захотѣли передѣлать мою старую погудку на новый ладъ. И во первыхъ — о *сотникѣ Харькѣ*. За что вы обратили его изъ историческаго лица въ *загадочное?*...

Вы говорите: «Сотникъ Харько представляетъ загадочное явленіе въ исторіи Польской Украины. Н. А. Маркевичъ, въ своей Исторіи Малороссіи, упоминаетъ о его возстаніи подъ 1765 годомъ, а о его смерти подъ 1766 годомъ, ссылаясь на непзданную статью М. А. Максимовича «О Коліивщинѣ....» и т. д. Что же? Историкъ Малороссіи, имѣвшій право извлечь изъ моего рукописнаго «Сказанія» все, что ему было угодно, не ошибся въ означеніи смерти Харька 1766 годомъ, т. е., за два года до Коліивщины. Но (продолжаете вы) въ мѣстечкѣ Смѣлой я встрѣтилъ старика, *Кондрата Тарануху*, который зналъ его *(Харька)* лично, и по разсказу котораго онъ предводилъ Жаботинскою сотнею, спустя лѣтъ *десять* послѣ Коліивщины» (стр. 96). Однако же, приведя разсказъ Таранухи, вы сами находите, что онъ приписалъ себѣ личное знакомство съ Харькомъ, будучи подъ хмѣлькомъ, и только «для бо́льшаго эффекта»! что онъ отъ своего лица передалъ вамъ разсказъ какого нибудь старожила; и вы сами полагаете, что Харько «долженъ былъ процвѣтать въ Жаботинѣ никакъ не послѣ разрушенія Сѣчи» (стр. 99). Такимъ образомъ вы отъ разсказа Таранухы возвращаетесь почти къ моему сказанью, на которое сослался историкъ Малороссіи. Въ моемъ «Сказаньи» написано такъ: «Свѣжа была еще память о возстаніи сотника Харька, и трогательная пѣсня объ немъ и его *молодой вдовѣ* была любимою пѣснею въ народѣ». Эту пѣсню въ первый разъ я узналъ въ Москвѣ, отъ *М. С. Щепкина*, когда онъ, своимъ задушевнымъ голосомъ, пропѣлъ мнѣ, у себя въ саду:

«Ѣхавъ сотникъ черезъ Уланикъ,
На вьечко похплився:
«Ой чомъ же ты, пане сотнику,
Ой чомъ зажурився?»
— «Якъ же мепѣ, паны-мо́лодци,
Ой якъ не журиться,
Колп по́до мною булапый коню
Прже й становиться....» и т. д.

Вскорѣ послѣ того, я пріобрѣлъ у вдовы Ходаковской рукописное собраніе пѣсенъ, доставшееся послѣ ея достопамятнаго мужа; тамъ нашелъ я туже пѣсню про сотника Харька, съ слѣдующимъ концемъ:

«Ой летить крячокъ черезъ байрачокъ
Да й жалобненько кряче:
Стоить сотничка зъ полковникомъ,
Да й жалобненько плаче:
— «Ой бодай же ты, полковнику,
Наложивъ головою,
Що ты мене *молоденькую*
Нарядивъ удовою!»

Пополнивъ списокъ Ходаковскаго куплетами, слышанными отъ Щепкина, я напечаталъ эту пѣсню во второмъ изданіи моемъ «Украинскихъ Народныхъ Пѣсенъ», 1834 года. Любя издавать пѣсни съ поясненіями и примѣчаніями, я искалъ извѣстія: когда и гдѣ убитъ сотникъ Харько? И я нашелъ это — въ книгѣ достопамятнаго трудолюбца, Н. Н. Бантыша-Каменскаго, «Историческое извѣстіе объ Уніи» (1805 г.), и, въ поясненіи къ пѣсни, я сказалъ, что сотникъ Харько убитъ 1766 года въ *Жаботинѣ*, по приказанію реймептаря, и сослался на книгу Бантыша-Каменскаго. Вы сами указываете, въ «Запискахъ», на 121 страницу моихъ «Украинскихъ Пѣсенъ», гдѣ напечатана пѣсня и ссылка на книгу Бантыша. И такъ, если вамъ угодно было усомниться въ достовѣрности извѣстія о годѣ смерти Харьковой, то слѣдовало бы опровергать оное не въ «Исторіи Маркевича,» а въ самой книгѣ историка Уніи, на которую моя ссылка была предъ вами на 121 страницѣ. Но Н. Н. Бантышъ-Каменскій (отецъ историка Малороссіи) писалъ на основаніи подлинныхъ актовъ, которыхъ и былъ онъ блюстителемъ; опровергать его извѣстія можно только на основаніи подлинныхъ актовъ того времени, а не на разсказѣ современнаго намъ селянина. Всякій подобный разсказъ имѣетъ свое достоинство; но какъ источникъ историческаго свѣдѣнія, онъ занимаетъ послѣднее мѣсто, и рѣдко обойдется безъ ошибки, всегда требуетъ повѣрки строгой. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ у васъ разсказовъ о Коліивщинѣ, разсказъ *Ивана Бурдуна*, «О вербовкѣ въ Гайдамаки и развязкѣ Уманской трагедіи 1768 года» (стр. 293): первая половина его (о вербовкѣ) отмѣнно занимательна и правдоподобна; но вторая половина, гдѣ онъ говоритъ о разстрѣляніи *Шелеста*, *Лусконога* и *Гнилы* за Монастырищемъ, рѣшительно небылица. Изъ множества читанныхъ мною показаній, снятыхъ съ Гайдамаковъ въ Кіевѣ и Переяславѣ, и въ

судилищѣ Коденскомъ 1770 года, я достовѣрно знаю, что *Осипъ Шелестъ*, бывшій *атаманомъ* табора, сбиравшагося подъ Мотренинскимъ монастыремъ, въ Холодномъ оврагѣ, весною 1768 года, тамъ же и умеръ своею смертью, и въ дальнѣйшемъ дѣлѣ не участвовалъ; а на его мѣсто тогда сталъ старшимъ Запорожецъ *Максимъ Жельзнякъ*, провозглашенный тамъ отъ козаковъ *полковникомъ*.

Но отъ чего вы не обратили вниманія на другое показаніе о годѣ смерти Харьковой, отходящее отъ вашего предположенія болѣе, чѣмъ принятое мною свидѣтельство историка Уніи? Въ изданіи пѣсенъ г. Метлинскаго, при новыхъ варіантахъ пѣсни о смерти сотника Харька, означенъ 1750-й годъ! Тутъ розницы даже больше, чѣмъ въ разсказѣ Таранухи! Вы ссылаетесь на тѣ пѣсни, предпочитаете ихъ старшему списку Ходаковскаго, а не обратили вниманія на показаніе 1750-го года.

На основаніи тѣхъ варіантовъ пѣсни о Харькѣ, записанныхъ вами и черноморцемъ Варенникомъ, и на основаніи разсказа Таранухи, вы говорите, что Харько убитъ въ *Паволочи*. А я, не довѣряя и старшему списку пѣсни (Ходаковскаго), гдѣ означена *Морозовка*, принялъ свидѣтельство Бантыша-Каменскаго, что сотникъ Харько убитъ въ *Жаботинѣ*. Пѣсня, какъ вы знаете, не рѣдко принимаетъ въ себя тѣ мѣста, гдѣ ее поютъ. Такъ, въ пѣснѣ о *Бондарóвнѣ*, поютъ: въ славнóмъ мѣстѣ *Немировѣ*, и въ *Уманѣ*, и въ *Каневѣ*, а вѣрно только послѣднее. Такъ въ пѣснѣ о рыцарѣ *Байдѣ*, по изданному мною списку—*въ Берестечку*, а по списку Лукашевича — *въ Кіевѣ*, а ни то, ни другое невѣрно, если подъ именемъ *Байды* воспѣвается дѣйствительно нашъ знаменитый козацкій вождь, князь *Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій*. Имя *Байда* встрѣчалось мнѣ какъ фамильное имя у Южной Руси: по книгѣ реестровъ войска Запорожскаго, 1649 года, значится козакъ *Байда;* по книгѣ Коденскаго Судилища значится дьякъ изъ Дубровицы *Омелько Байда*, sciçty 1770 г., 1 Октября, по поводу Коліивщины. Народная пѣсня, при первомъ своемъ сложеніи, опредѣляетъ *мѣсто* событія вѣрно; но если произволомъ позднѣйшихъ пѣвцевъ произошло уже разногласіе въ варіантахъ пѣсни, и если при этомъ есть указаніе документальное, то это послѣднее должно предпочесть; потому-то я и признаю мѣстомъ смерти Харьковой, не *Паволочь*, а *Жаботинъ*.

Но вотъ еще одна, очень важная, подробность, которой нѣтъ въ позднѣйшихъ варіантахъ пѣсни, записанныхъ вами и черноморцемъ Варенкомъ, но которою начинается у меня списокъ этой пѣсни, записанный Ходаковскимъ:

«Ѣхавъ сотникъ черезъ Уланикъ,
Горѣлкы напився;
За нимъ, за нимъ — *сѣмсотъ мо́лодцёвъ....*»

Этимъ числомъ, за неимѣніемъ другихъ показаній, я и воспользовался въ моемъ «Сказаніи», для означенія, съ какою силою Харько предпринималъ свое дѣло, за два года до Коліивщины, т. е., въ 1764 году. Вы, въ своихъ «Запискахъ» (стр. 95), привели весьма любопытный и новый для меня разсказъ Звенигородскаго сотника *Погорѣлаго*, что Ляхи могли умертвить Харька не иначе, какъ только его же саблею, и приковавъ коня его по всѣмъ четыремъ ногамъ. Но такимъ представленіемъ народа о сотникѣ Харькѣ и подтверждается, что его предпріятіе и впечатлѣніе на народъ было немаловажное,— какъ и подвигъ Желѣзняка; и потому-то насильственная смерть Харька тотчасъ облеклась въ баснословное сказанье о его саблѣ и конѣ, подобно тому, какъ сложилось баснословіе о Желѣзнякѣ, подвизавшемся по горячему слѣду Харька,— что привязавъ Желѣзняка за руки и за ноги къ каменному столпу, двое сутокъ въ него изъ ружьевъ стрѣляютъ, да только казну теряютъ; а какъ привели его подъ царскія палаты, и онъ топнулъ ногою, махнулъ рукою, такъ и посыпались пули изъ него, какъ горохъ.... Сотникъ Харько для меня такое же историческое лицо, какъ и Желѣзнякъ, исполнившій, въ 1768 году, то, что предпринималъ Харько въ 1764-мъ; кончина его, означенная въ «Извѣстіи объ Уніи,» *1766 года въ Жаботинѣ*, для меня есть свѣдѣніе *положительное*, какого я не доискался еще объ Желѣзнякѣ; ибо послѣднее, какое имѣю о немъ документальное свѣдѣніе, есть то, что онъ, взятый подъ Уманемъ, Каргопольскимъ полковникомъ, *Гурьевымъ*, привезенъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ атаманомъ, *Павломъ Тараномъ*, и другими 72-мя гайдамаками, *8-го Іюля*, 1768 года, и сданъ въ Печерскую крѣпость плацъ-маіору, *Василію Лбову*. Тамъ представляетъ его и пѣсня:

«Ступай, ступай, Залѣзняку!
Годѣ вже гуляти;

Пôйдемъ въ Кіевъ въ Печерськее
Богу роботати!»
И говоритъ Максимъ козакъ,
Сидючи въ неволи:
«Не будуть мать вражи Ляхи
На Вкраинѣ воли!»
Течуть рѣчкы зъ всёго свѣту
До Чорного моря:
Минулася на Вкраинѣ
Жидôвська́я воля!»

(*Укр. Пѣсн.*, стр. 124.)

Отбившись добровольно отъ *положительнаго* извѣстія о сотникѣ Харькѣ, предшедшемъ Желѣзняку, вы не могли уже сладить съ нимъ. То вы его слишкомъ поднимаете, говоря (на стр. XVI.), что «онъ обнаружилъ въ своихъ поступкахъ *нѣчто*, напоминавшее Полякамъ *Хмельницкаго*» (развѣ по пословицѣ: «Ляхъ мудрый по шкодѣ!»); то вы слишкомъ понижаете сотника Харька, ставя его чуть ли не ниже *Чуприны* и *Чортоуса*, такихъ гайдамаковъ, которыхъ промыслы и молодечество не относятся къ Колівщинѣ, и которые здѣсь, на Восточной Украинѣ, назывались въ народѣ *сучаками*. На этой степени можно будетъ съ сотникомъ Харькомъ смѣшать и того загадочнаго запорожца, «*Харька Макогоненка*, що бувъ сёмъ лѣтъ вовкулакою», и объ которомъ еще въ дѣтствѣ моемъ я слышалъ скороговорку: «Харько Макогоненко-Калюбаренко-Демкò, що матери око выколовъ.» Вы говорите, что, кромѣ Желѣзняка и Гонты, «остальные, извѣстные намъ по преданіямъ, какъ, напримѣръ, *Чуприна* и *Чортоусъ*, оставлены во мракѣ забвенія, и кровавая судьба ихъ не почтена отъ народа ни однимъ риомованнымъ двустишіемъ. За то нѣкоторыя лица, не вписанныя въ исторію, воспѣты бандуристами съ особенною любовью. Это ужъ капризъ популярной славы, которая не всегда избираетъ въ свои любимцы достойнѣйшихъ. Такъ, *сотникъ Жаботинскій, Харько*, о котораго подвигахъ *мы не знаемъ ровно ничего*, воспѣтъ не хуже самаго *Зализняка*»... (94 стр.)

Но вотъ это-то и свидѣтельствуетъ, что Харько, также какъ и Желѣзнякъ, выше толпы, которую они подвинули и подняли на дѣло общественное, и возбудили къ себѣ сочувствіе народа, означившееся нѣснотворческимъ одушевленіемъ. Тоже должно сказать и объ Умац-

скомъ сотникѣ, *Иванъ Гонта*, лицѣ весьма трагическомъ, какъ по тому стеченію обстоятельствъ, при которомъ онъ, вышедшій противъ Желѣзняка, перекинулся на его сторону, такъ и по той мучительной казни, какою покаралъ его свирѣпый Польскій регементарь, *Стемпковскій*. И въ народной пѣсни (записанной Ходаковскимъ, см. *Укр. Пѣсн.* стр. 125), восиѣтой подъ впечатлѣніемъ той казни Гонты, высказалось задушевное чувство народа тогдашней Польской Украины:

«О Боже мой нескончены!
Дивитися горе,
Що тепера на сѣмъ свѣтѣ
Вѣра вѣру боре!»

Историческое значеніе *Коліивщины* 1768 года, въ моемъ *Сказаніи* (написанномъ въ Сентябрѣ 1839 года), было означено такъ: «Кровавый подвигъ Желѣзняка былъ не простой гайдамацкій разбой, и не случайное нападеніе Запорожцевъ на Польскія владѣнія для грабежа и добычи. Нѣтъ, то было огнедышащее изверженіе народной мести и вражды, цѣлый вѣкъ копившееся подъ гнетомъ *Уніи;* то была предсмертная, судорожная схватка двухъ враждебныхъ стихій, въ государственномъ тѣлѣ (Польши), которое уже близилось къ своему концу. *Коліивщина* была послѣднимъ отзывомъ тѣхъ возстаній, которыми нѣкогда цѣлая Украина ополчалась на Польшу, для спасенія своей вѣры и своего народа, обреченнаго тогда на гоненіе; послѣднимъ отзывомъ и тѣхъ мучительныхъ казней, которыми Судилище Варшавское думало обуздать козаковъ и задушить ихъ непреклонную, широкую волю.»

Что же касается до тѣхъ гайдамаковъ, которые въ прошломъ столѣтіи промышляли разбоемъ и въ Польской или Западной, и въ Русской или Восточной, Украинѣ, къ которымъ принадлежали и *Чуприна*, и *Чортоусъ*, и, всѣмъ имъ верхъ совершенства,—Запорожецъ *Горкуша* (1), то они и не могли внушить собою, и не

(1) *Горкуша* посѣщалъ и здѣшнее наше Побережье Днѣпровское, именно, онъ заѣхалъ однажды въ *Лыпляве* на ночь къ старому сотнику, *Львицкому*, въ видѣ генерала ...., ѣдущаго за Днѣпръ. Сотникъ очень былъ радъ важному гостю; но его превосходительство изъявилъ ему вскорости свое совершенное неудовольствіе, отпотчивалъ его кѣлепомъ, и, уѣзжая до свѣту, сказалъ: «Я бы къ тебѣ такому и въ дворъ не заглянулъ.» Это случилось по тому обстоятельству, что у стараго сотника была страстишка про-

стопли пѣсенъ народныхъ, развѣ кто самъ про себя воспѣлъ бы, подобно Кармелюку. Но за то эти *гайдамаки-сучаки* остались гораздо памятнѣе въ народныхъ разсказахъ и въ повѣстяхъ литераторовъ, чѣмъ гайдамаки Жалѣзняковы, названные *коліями*. *Иванъ Чуприна* должно быть былъ не послѣдній изъ гайдамаковъ-сучаковъ, когда и теперь, тамъ, за Тясминомъ, есть большой дубъ, который такъ и называется,—*Чуприною*, и въ которомъ, говорятъ, задѣланы червонцы его, да страшно доставать ихъ! А между тѣмъ Запорожцы: *Трохимъ Чуприна*, доставленный изъ-подъ Умани въ Кіевъ, вмѣстѣ съ Жалѣзнякомъ, и *Власъ Чуприна*, доставленный въ Кіевъ изъ-подъ Гранова, вспоминаются вотъ теперь только, подъ моимъ перомъ, и то для того только, чтобы показать, изъ-за какого богатства хлопоталъ, на примѣръ, Запорожецъ *Власъ*, который пришелъ еще къ *Шелесту*, послышавъ, что собираются козаки подъ Мотренинскій монастырь,—«для защиты оного, и прочихъ благочестивыхъ монастырей» (Такъ прописано въ дѣлѣ, съ его словъ). Между тѣмъ, какъ Иванъ Чуприна задѣлалъ, или нѣтъ, свои *червонцы* въ дубѣ, на долгую молву о себѣ въ народѣ, Власъ Чуприна, на допросѣ, Ноября 1-го, показалъ вотъ что: «По прибытіи къ мѣстечку Умани, намѣрены были оное мѣстечко разграбить; но за чинимою изъ того мѣстечка Умани изъ пушекъ и изъ мѣлкаго ружья по нихъ стрѣльбою, отъ того мѣстечка отступя, стояли таборомъ; и тѣмъ же днемъ, пришедшій къ намъ, въ таборъ Уманскій, сотникъ Гонта съ старшиною и до пятисотъ козаковъ присталъ въ сообщество къ оному Жалѣзняку; а на другой день, сообщась съ оными Польскими козаками, и учиня къ Умани сильный приступъ, оное мѣстечко Умань отбили, и бывшихъ въ немъ Поляковъ и жидовъ множественное число до смерти побили и покололи, а имѣніе ихъ разграбили; при чемъ и онъ, Чуприна, по входѣ въ Умань одного Жида застрѣлилъ. По разореніи Умани, все награбленное имѣніе Польское: разное платье и вещи, и въ поставахъ сукна, тожъ и деньги мѣдныя и серебреныя, копъ было многое число, а подлинно всего показать не упомнитъ, сносили въ имѣвшійся неподалеку

слыть въ сосѣдствѣ за богача; навязываетъ бывало мѣшечки мѣдныхъ денегъ, давая видъ, будто бы то серебряныя, да и складываетъ въ большую скрыню. А между тѣмъ слуга его..... бѣжалъ въ Гайдамаки, и объявилъ атаману, что у пана его полная скрыня карбованцѣвъ. Горкуша немедленно явился къ сотнику, но ошибся въ своемъ ожиданіи, найдя въ скрынѣ мѣдяки, вмѣсто сребренниковъ.

отъ Умани таборъ, и складывали кучами, и чинили между собою дѣлежъ, при чемъ и ему, Чупринѣ, досталось: *кафтанъ суконный блакитный, семъ локотъ васильковаго сукна, да денегъ четыре рубли пятдесятъ копѣекъ.* Послѣ чего, погодя съ недѣлю, по приказу оного Желѣзняка, ѣздилъ онъ, Чуприна, съ Польскимъ Уманскимъ сотникомъ, прозываемымъ Тиликомъ, и съ Запорожскими и Польскими козаками, человѣковъ до восмидесяти, до Польскаго мѣстечка Гранова, для защищенія отъ Польскаго нападенія бывшого тамъ для закупки хлѣбного вина Новороссійской губерніи капитана и комисара Тройницкого; и по прибытіи въ Грановъ на другой день забраны Донскими козаками подъ караулъ, и при томъ забраніи все вышеписанное, доставшееся ему по раздѣлу,—кафтанъ, сукно и деньги, да *собственное его ружье и копье*, оными Донскими козаками у него отобрано. И отвезены до Польского мѣстечка Тулчина, гдѣ, по разобраніи ихъ Запорожцовъ особо, Польскихъ особо жъ, отведены одни они, Запорожцы, четырнадцать человѣкъ до Польского мѣстечка Трепбовля, а изъ оного до Польского города Острога, а оттуда до мѣстечка Полонного, а изъ оного присланы въ Кіевъ...» (А родомъ онъ былъ изъ села Стаекъ; отъ роду было ему тогда 30 лѣтъ; а потомъ онъ жилъ и работалъ въ Нерчинскѣ, получивъ *пятдесятъ*, за Уманскаго Жида).

Что грабежемъ сопровождалась Коліивщина, какъ и войны Хмельницкаго, и другія войны козацкія, это такое обыкновенное явленіе, безъ котораго не обходится никакая война. Волынская лѣтопись особенно указываетъ на обычай грабежа подъ 1281 годомъ, говоря о междоусобной войнѣ Болеслава съ братомъ Кондратомъ, когда Болеславъ бралъ городъ Ездовъ. «Кондратови же не бывшу тогда въ городѣ, и тако приступльше, взяша городъ. Законъ же бяше въ Ляхохъ таковъ: Челяди не имати, ни бити, но *лупяхуть*. Городу же взяту, и поимаша въ немъ товара много и людій *полупиша;* и ятровь свою *облупи* княгиню Кондратовую; и сыновицю свою *облупи;* и учини соромоту велику брату своему Кондратови» (см. *Полн. Собр. Рус. Лѣт.* II. 209.).

Тоже говорится и въ слѣдующей Украинской пѣснѣ, которою я полакомлю васъ, какъ свѣжими *полуницами* (клубникою) съ Уманской степи:

«Ой вродили полуници,
Ажъ степу незнати:

Намножила вражихъ Ляхôвъ
Нечистая мати.
Ой шли Ляхи на три шляхи,
Да й стали гадати:
«Ой ходимо мы, панове,
Умань грабовати!»
Ой и входять вражи Ляхи
Увъ Умань у мѣсто,
Да й зачали дивитися,
Що й тутъ добре вôйсько.
Ой якъ скочивъ сотникъ Юзько
На коня рябого:
«Бувай же ты здоровѐнька,
Юзчнхо небого!»
Ой поѣхавъ сотникъ Юзько
На рѣчку Синюху,
Подавъ, подавъ Запорозцямъ
На тамъ-той бôкъ руку.
«Гей на кони, паны-братья,
На кони, на кони!
Гей поросли на тѣхъ Ляхахъ
Золотыи роги!
Гей треба жъ намъ, паны-братья,
На кони сѣдати,
Гей треба жъ намъ отъ тѣмъ Ляхамъ
Роги позбивати!»
Ой заѣхавъ сотникъ Юзько
Въ глыбоку долину:
«Сюды, сюды, вражи Ляхи,
Я тутъ не загину!
Ой не такъ-то, паны Ляхи,
Вамъ було гадати:
Скоро въѣхали у мѣсто —
Заразъ Юзька брати.» —
«Ой якъ же намъ Юзька брати,
Що вôнъ стережеться;
А якъ выйде въ чисте поле,
По козацьки бьеться!»

Ой насыпали могилу,
Трохи не до неба:
«Отъ тутъ же вамъ, вражи Ляхи,
Погибати треба!»

Вѣдь это пѣсня отъ временъ Хмельницкаго, отъ весны 1648 года, и сотникъ Уманскій, *Юзько*, кажется, не кто другой, какъ извѣстный *Іосифъ Глухъ*, бывшій полковникомъ Уманскимъ, съ конца того же года, послѣ полковника *Ганжи*, убитаго подъ Пилявою (тамъ и теперь есть двѣ могилы *Ганжовки*, съ мѣстнымъ преданіемъ объ удаломъ Ганжѣ; см. мое «Извѣстіе о Лѣтописи Грабянкиной»). Примите ее въ ваше собраніе пѣсенъ!

1856 г., 7 Ноября.
Михайлова Гора.

Припи́ска. Развязавъ для *Чуприны* давно несмотрѣнную связку бумагъ монхъ, относящихся къ Гайдамаччинѣ, я выпишу вамъ кстати слѣдующій *отрывокъ* изъ автобіографіи Запорожца *Алексѣя Нагайца*, которую надиктовалъ онъ въ Кіевской губернской канцеляріи, 23 Октября, 1768 года, и въ концѣ которой означено такъ: «Показалъ сущую правду, въ чемъ *своеручно* и подписался».

«Подлинно Алексѣемъ его зовутъ, по крестному отцу Фотіевъ сынъ, по прозванію Нагаецъ; отъ роду ему тридцать пять лѣтъ; родомъ онъ изъ Кубанскихъ Татаръ; назадъ тому двадцать два года вышелъ онъ, Нагаецъ, съ Татарской стороны въ Запорожскую Сѣчь, и присталъ къ жившему близъ урочища, называемаго Лиманъ, въ Зимовникѣ, Запорожскому козаку, Григорью Глынному, который ѣдучи въ Кіевскій Межигорскій монастырь для богомолья, и его, Нагайца, съ собою взялъ, и въ томъ Межигорскомъ монастырѣ онъ, Нагаецъ, въ православную Греческаго исповѣданія вѣру приведенъ, а при крещеніи воспріемникомъ ему былъ того жъ монастыря іеромонахъ Фотій. По прибытіи жъ обратно въ Запорожскую Сѣчь, записанъ онъ, Нагаецъ, въ Дядьковскій курень въ козаки, и былъ въ разныхъ дачахъ войска Запорожскаго для рыбнаго промыслу. А сего году, передъ Спасовымъ постомъ, увидѣвъ онъ, что многіе Запорожскіе козаки шли за границу въ Польшу, объявляя, что, яко бы по Указу велѣно Запорожцамъ собраться къ находящимся въ Польшѣ Россійскимъ войскамъ противъ Поляковъ, для защищенія живущихъ въ

Польшѣ Греческаго исповѣданія людей, то и онъ, Нагасцъ, съ шедшими тогда за границу двумя Запорожскими козаками, Константиномъ Шерстюкомъ да Кузмою, а прозванія его не знаетъ, безъ вѣдома Кошеваго атамана и Войсковой старшины, пошелъ въ Польшу»... и т. д.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

ОБЪЯСНЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

Обаятельный разскащикъ вашъ, Тарануха, пропѣлъ вамъ пѣсню про Гайдамацкаго атамана, *Швачку*, да, вмѣсто настоящаго ея конца, припѣлъ къ ней передѣлку другой позднѣйшей пѣсни о *Запорожцахъ* (которая мною издана 1834 года подъ заглавіемъ «*Галка*»). Это пѣніе Таранухи, состоящее изъ двухъ пѣсенъ, вы приняли въ «Запискахъ» за одну цѣльную пѣсню про атамана Швачку, да къ тому припечатали слѣдующее примѣчаніе (стр. 136): «*Отрывокъ* этой пѣсни, напечатанный во второмъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 128, ошибочно отнесенъ къ разрушенію Сѣчи. Издатель былъ введенъ въ заблужденіе, вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь упоминается Кошевой. Но откуда и куда Запорожцы посылали галку?... Здѣсь эта посылка имѣетъ важное значеніе: она показываетъ тѣсную связь между Гайдамацкими набѣгами и Кошемъ.»

Что Гайдамацкіе набѣги на Польскую Украину, какъ и *Коліивщина* 1768 года, имѣли тѣсную связь съ Запорожьемъ, объ томъ я напечаталъ, въ «Москвитянинѣ» 1845 года, нарочитую статью «*О Гайдамакахъ*», написанную мною противъ книги г. Скальковскаго: «Наѣзды Гайдамакъ на Западную Украину», 1845 г. Всѣ Запорожцы, выходившіе 1768 года въ Польскую Украину ратовать за Украинскій православный народъ, единогласно показывали на допросахъ, что они вышли изъ Запорожья, безъ вѣдома Кошеваго атамана, и это не подлежитъ сомнѣнію; ибо хотя у Запорожскаго Коша и было замышленіе на Западную Украину, чтобы присоединить ее къ Запорожью изъ-подъ власти Польской, но во время Колівщины Кошевой атаманъ (Кальнишъ) и вся войсковая старшина держала себя совершенно въ сторонѣ и отъ Запорожцевъ, и отъ козаковъ Западной Украины, которые тамъ подвизались. Тамъ, независимо отъ Коша, верховодою былъ Запорожецъ *Желѣзнякъ*, который, послѣ Уманской удачи, распоряжался самовластно на всю Западную

Украину, посылалъ въ разныя мѣста отряды съ эсауломъ своимъ, *Ѳомою Буркою*, и разными другими атаманами, давалъ пособіе Россійскимъ чинамъ, пашпорты проѣзжимъ, словомъ, дѣйствовалъ въ Западной Украинѣ, какъ въ странѣ, уже отвоеванной имъ у Поляковъ. Если бы пѣсня о посылкѣ *галки* относилась къ атаману *Швачкѣ*, тогда галка была бы послана за вѣстями въ Умань къ Желѣзняку, котораго называли они *Козацкимъ батькомъ* своимъ, а не къ Кошевому, который и знать ихъ не хотѣлъ, и отпирался отъ нихъ, что называется руками и ногами, такъ, что и въ самой Сѣчи было противъ него возмущеніе. А потому посылка галки къ Кошевому, отъ пойманнаго атамана, Швачки, не только не имѣетъ *важнаго значенія*, какъ вы говорите, но, по моему, она и совсѣмъ не имѣетъ значенія, и показываетъ, что пѣсня «*Галка*» сложена была не про Швачку, а *притулена* къ нему уже въ позднѣйшее время пѣвцами Заднѣпровской Украины. Здѣсь, на Восточной Украинѣ, именно, на Супоѣ и на Сулѣ, я слышалъ эту Галку всегда какъ особую, самостоятельную пѣсню, въ какомъ видѣ она и была мною издана. Да и какъ можно было назвать *отрывкомъ* пѣсню цѣльную, полную и докончепную! Вотъ она на лицо:

«Ой полети, полети, да чорная галко,
Да на Дóнъ рыбы ѣсти!
Ой принеси, принеси, да чорная галко
Одъ Кошового вѣсти!» —
«—Да вже жъ менѣ не лѣтати
На Дóнъ рыбы ѣсти!
Да вже жъ менѣ не носити
Одъ Кошового вѣсти!» —
«Ой вы Запорозьци, ой вы Запорозьци,
Ой вы молодыи!
Повдавались днiъ въ одного
Якъ братья рóдныи.
Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши кони?» —
«—Наши кони въ пана на припонѣ,
Сами жъ мы въ неволѣ!» —
«Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши узды?» —

«—Наши узды въ коней на запуздѣ,
Сами жъ мы у пуждѣ!» —
«Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши списы?» —
«—Наши списы у пана у стрѣсѣ,
Сами жъ мы у лѣсѣ!» —
«Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши ручницы?» —
«—Наши ручници у пана въ свѣтлицѣ,
Сами жъ мы въ темницѣ!» —
«Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши луки?» —
«—Наши лукы побрали Гайдукы,
Сами жъ мы въ розлукѣ!» —
«Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши жупаны?» —
«—Наши жупаны поносили паны,
Сами жъ мы пропали!»....
Ой полети, полети, да чорная галко,
Да на Дѣнъ рыбы ѣсти!
«Ой принеси, принеси, да чорная галко,
Одъ Кошового вѣсти!» —
«—Да вже жъ менѣ не лѣтати
На Дѣнъ рыбы ѣсти!
Да вже жъ менѣ не носити
Одъ Кошового вѣсти!» —

Я и теперь полагаю по прежнему, что эта пѣсня сложена *на разрушеніе Сѣчи*, слѣдственно, никакъ не ранѣе 1775 года. Вы говорите, что я «былъ введенъ въ заблужденіе, вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь упоминается *Кошевой*.» Конечно, и *Кошевой* служилъ мнѣ примѣтою, что пѣсня относится къ разрушенію Сѣчи. Но не одинъ Кошевой, и *Запорожцы* подтверждаютъ мнѣ тоже. Весь этотъ перечень имущества, доставшагося въ чужія руки: и воронихъ коней, и серебряныхъ уздъ, и тугихъ луковъ, и громкихъ ручницъ, и голубыхъ жупановъ (беру эпитеты изъ вашего варіанта), ясно показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о владѣльцахъ *своего* добра, о *богатыряхъ Запорожскихъ*, а не объ той Гайдамацкой

Голотѣ, которая не надолго пожившилась *чужимъ* добромъ, во время Коліивщины. «*Наши жупаны* поносили паны!» это говорятъ въ пѣснѣ, конечно, *Сѣчовики*, а не *Коліи*, которымъ, по словамъ нашего же разскащика, Желѣзнякъ въ Умани говорилъ: «А що, хлопци! бачте, паны у якихъ хорошихъ жупанахъ ходятъ; а вы— *бидà*, часомъ и сорочки не маете!» (стр. 286.).

На слова пѣсни: «сами жъ мы *пропали*»,—я приведу, въ комментарій, слѣдующій анекдотъ, слышанный мною съ дѣтства не одинъ разъ По разрушеніи Сѣчи нѣсколько Запорожцевъ явилось къ Потемкину: «*Пропали мы* съ тобою, пане *Грицьку*, — и *ты пропавъ!*»—«Якъ я пропавъ?»—«А вже жъ пропавъ; бо й ты Запорожець!»

Вы говорите мнѣ въ возраженіе: «Но откуда и куда Запорожцы посылали галку?...»

«*Куда* посылали?» объ этомъ ясно сказано въ пѣснѣ: «*На Дóнъ* рыбы ѣсти!»— куда и козачество ходило чумаковать и бурлаковать: «Ой ходивъ чумакъ сѣмъ рóкъ по Дону...» — «Да й шовъ козакъ зъ Дóну, да й зъ Дону до дому...» Но эту посылку галки *на Донъ* не слѣдуетъ принимать въ буквальномъ смыслѣ, какъ поступилъ историкъ послѣдняго Запорожскаго Коша, заключивъ ошибочно, по этой пѣснѣ, будто послѣдній Кошевой (Кальнишъ) скрылся *на Дону!* Эта посылка галки не то, что анстъ, пущенный нѣкогда на зиму изъ Польши съ привязанною къ нему на мѣдной бляшкѣ надписью: «Haec ciconia de Polonia»; а весною воротился тотъ анстъ съ золотою бляхою, на которой была надпись: «India cum donis remittit ciconiam Polonis»! Тутъ посылка галки *на Донъ* не болѣе, какъ привычный народно-поэтическій образъ, тоже, что въ женскихъ пѣсняхъ — *на Дунай*:

«Ой гиля, гиля, вы сѣрыи гуси,
А на тихій Дунай!
Ой завязала свою головоньку,
Сиди да й думай!»

Такъ и въ Игоревой пѣсни, Ярославна, тоскующая по своемъ князѣ на высотахъ *Путивля*, говоритъ: «Полечю зегзицею *по Дунаеви*, омочю бебрянъ рукавъ въ *Каялѣ* рѣцѣ». *Галка*, въ народно-Украинскомъ пѣснопѣніи, есть символъ *разлуки* (какъ я замѣчалъ въ лекціяхъ моихъ объ Игоревой пѣсни, 1835 года):

«Ой галочкы-чорнявочкы
Круту гору вкрыли:
Молодыи козаченькы
Жалю наробили.
Ой галочкы-чорнявочкы,
Подымайтесь вгору!
Молодыи козаченькы
Вертайтесь до дому!» и т. д.

Или:

«Ой полети, галко, де мой рідный батько,
Нехай мене одвѣдае, коли мене жалко!
Галочкы немае, батенька не буде,
Ой десь мене, нещасную, на вѣки забули.»...

(*Малор. пѣсн.* стр. 53.)

Для исторіи полета галки на Донъ въ нашей поэзіи я привелъ бы Бояново двустишіе:

«Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая:
Галици стады бѣжать къ Дону великому.»

Но у Бояна, какъ мнѣ кажется, означенъ дѣйствительный побѣгъ галокъ-Половцевъ къ Дону, гдѣ они побиты были нашими соколами-князьями, *Мономахомъ* и другими, 1111-го года. Въ нашей пѣснѣ галка посылается на Донъ для того только, чтобы сказать за нее, что уже не летать ей на Донъ и не носить уже вѣстей отъ Кошеваго, и тѣмъ выразить разлуку Запорожскаго товарищества съ Кошевымъ навѣки.

Вы спрашиваете у меня: «*Откуда* Запорожцы посылали галку?» Она могла быть послана отовсюда — съ береговъ Днѣпра, Буга, Дуная, Кубани, Иртыша, Бѣлаго моря. Вы знаете, что Запорожцы, по разрушеніи Сѣчи, разошлись во всѣ стороны, какъ разлетаются пчелы изъ улья, потерявшаго матку:

«Ой буде васъ, дѣткы, по горахъ, долинахъ;
Ой буде васъ, дѣткы, по всѣхъ укращахъ!»

Когда вы будете въ Батуринѣ, зайдите тамъ въ церковь, и посмотрите на одно изъ евангелій, на то, на которомъ надписано, что

оно надано отъ *козака Запорожской Сѣчи, Павла Флоровича Головатаго, 1775 года, 1 Сентября.* Откуда оно, спрошу васъ, послано въ Батурпнскую церковь *1-го Сентября?* Запорожскій судья, Павелъ Головатый, взятъ былъ Текелліемъ *5-го Іюня*, вмѣстѣ съ Кошевымъ, Петромъ Кальнишемъ, и писаремъ, Иваномъ Глобою, и «отправлены, Кошевой атаманъ въ Соловецкій, судья въ Тобольскій, писарь въ Бѣлозерскій монастыри» (см. *Описаніе о Мал. Росс.*, С. Зарульскаго, въ «*Чтеніяхъ*,» 1848 г. стр. 24).

Другой *Головатый (Антонъ)*, бывшій тогда депутатомъ отъ Запорожской Сѣчи, впослѣдствіи со славою подвизался, вмѣстѣ съ собранными остатками Сѣчевиковъ, и въ Турецкую войну Потемкинскую, и потомъ въ Черноморьи, гдѣ онъ былъ Кошевымъ, послѣ перваго Черноморскаго Кошеваго, *Харька Чепѣги.* Украшенный Георгіевскимъ крестомъ за Березинское дѣло, этотъ Головатый прославился и какъ сочинитель пѣсенъ о Запорожцахъ: не онъ ли сложилъ и «Галку?» Но ее могъ сложить и самъ Кошевой Кальнишъ, строитель Петропавловской церкви въ Межигорьи: была же молва о сочиненіи имъ народной пѣсни, переданная историку Малой Россіи, Бантышу-Каменскому, отъ знаменитаго стихотворца нашего, Котляревскаго. Впрочемъ, народныхъ пѣсенъ на разрушеніе Сѣчи такъ много было сложено, что и *Галка* могла быть произведеніемъ одного изъ безъименныхъ пѣвцевъ козацкихъ:

«Похилилися всѣ до купочкы
Калиновы вѣты:
Ой заплакали славни Запорозьци,
Якъ по матери дѣты.»

Обращаюсь теперь къ пѣснямъ про атамана *Шевчку.* Я знаю ихъ двѣ. Первая, представляющая этого атамана дѣйствующимъ въ г. Хвастовѣ, начинается запѣвомъ изъ пѣсни, относящейся ко времени побѣды Зборовской (1649 г.). Этотъ стародавній запѣвъ очень могъ прильнуть къ пѣснѣ 1768 года, когда мгновенный успѣхъ Желѣзняка напомнилъ Западной Украинѣ времена Богдановы, и особенно прильнуть къ пѣснѣ про того атамана, который такъ строго и буквально исполнялъ слова Зборовскаго напѣва, и вѣроятно пѣлъ его не одинъ разъ:

Да не буде краще, да не буде лѣпше,
Якъ на тій Украинѣ,

Що не буде Жидо́въ, що не буде Ляхо́въ,
А третёй Уніи! —
Ой не звить мене да Швачкою,
А зовить мене Кійло!
Позаганявъ Жидо́въ, позаганявъ Ляхо́въ
Въ Бѣлу Церкву на сто́йло.
Ой вже жъ тая да Бѣлая Церква,
Да обитая китайка́ми;
Ой теперъ вона да завоёвана
Да славными козаками!» —
Ой хвалився батько Швачка,
Да до Хва̀стова идучи:
«Ой будемо дра́ти, панове-моло̀дци,
Изъ китайкы онучи!»
Да хо̀дить Швачка да по Хвастови,
Да у жо́втыхъ чобо̀тяхъ;
Ой вывѣшавъ Жидо́въ, ой вывѣшавъ Ляхо́въ,
Да на панськихъ воро́тахъ.
Да ходить Швачка да по Хвастови,
Да й ставъ собѣ въ кутку:
«Ой немае Жидо́въ, ой немае Ляхо́въ,
Охъ мо́й тяжкій смутку!...»
Да по́шли старци-торбишники,
Да стали Ляшко́въ би́ти:
«Ой не подобае, панове-моло̀дци,
Зъ неживого глумити!»

Но такіе подвиги Швачки прекратились скоро: онъ былъ разбитъ и пойманъ посланнымъ за Днѣпръ отъ графа Румянцева полковникомъ *Московскаго* карабинернаго полка, *Протасьевымъ*. И вотъ объ этомъ другая пѣсня, которую пѣлъ вамъ Смѣлянскій разскащикъ, Тарапуха, но *не всю*, а, вмѣсто ея настоящаго конца, притачалъ (разумѣется, не онъ первый) передѣлку изъ пѣсни «Галки», приноровленную къ Гайдамакамъ. Пѣсню на взятіе Швачки я знаю въ такомъ видѣ:

«Ой на *козаченько́въ* на молодѐнькихъ
Пригодонька стала,

Що у середу да увъ обѣдѣ
Ихъ Москва забрала.
Ой якъ крикнувъ батько Швачка :
«Гей, изъ коней до долу !
Гей не даймося, панове-молодци,
Да у тяжкую неволю !»
А Москалики да недурныи,
Да розуму добрали :
На самперед батька Швачку
И зъ осаулою звязали.
Ой извязали да попаровали,
Да на возы поклали,
Изъ Богуслава до Бѣлои-Церквы
Ихъ у неволю забрали.
Ой извязали да попаровали,
Ой якъ голубци въ парцѣ !
Ой засмутилась уся Украина,
А якъ сонечко въ хмарцѣ.
Ой повезли да батька Швачку
Да густыми лозами ;
Ой огляпувся батько Швачка,
Да й умывся слёзами.
Ой вывезли да батька Швачку
Да у чистее поле ;
Ой оглянувся батько Швачка :
«Отъ тутъ менѣ горе !»

Послѣдніе три куплета, пропущенные вашимъ пѣвцомъ, и составляютъ настоящій *конецъ* этой пѣсни. Видите ли изъ этого, что Тарануха пропѣлъ вамъ только ея *отрывокъ*, и что варіантъ, вами записанный отъ него, есть позднѣйшая амальгама изъ *двухъ* разновременныхъ пѣсенъ. Рѣшайте же сами, кто изъ насъ правъ, и чья тутъ *ошибка*. Передѣлка изъ пѣсни «Галки», приставленная, вмѣсто конца, къ пѣснѣ о Швачкѣ, очень интересна ; но все же это передѣлка изъ пѣсни особой и самостоятельной, сложенной не ранѣе, какъ черезъ семь лѣтъ послѣ Колівщины, на разрушеніе Сѣчи. Я знаю тоже, что Задніпровцы, не довольствуясь настоящимъ, вышеприведеннымъ, *концемъ* пѣсни о Швачкѣ, *притуляютъ* къ нему еще начальные стихи изъ «*Галки*», въ такой передѣлкѣ :

«Ой летить галка, ой летить чорна,
Да *на Дóнъ* рыбы ѣсти:
Ой пише, пише, да батько Швачка
До Кошового листы.»

Но тутъ нѣтъ уже никакого вѣроятія, чтобы связанный подъ стражею атаманъ писалъ листы до Кошеваго! Между тѣмъ замѣчу вамъ, что въ разсказѣ Тарапухи есть *противурѣчіе* съ собственнымъ его пѣніемъ: въ пѣснѣ онъ пѣлъ, что Швачку повезли *изъ Богуслава*, и это вѣрно; а въ собственномъ разсказѣ онъ говорилъ (конечно, тоже «для большаго эффекта!»): «тогдѣ стойчикы, що замку стерегли, и застукали ихъ *оттутъ у лозахъ*... Швачка ими *довóдивъ*. Есть про ёго й пѣсня...» (стр. 135.) и вы пояснили, что «тѣ гайдамаки, предводимые Швачкою, пойманы *въ болотѣ близъ Смылой*» (стр. 16.). А въ книгѣ г. Скальковскаго совсѣмъ неопредѣленно сказано: «Желѣзнякъ и Швачка схвачены первые» (стр. 119). Гдѣ же и кѣмъ? Я окончательно рѣшу вамъ это обстоятельство слѣдующею выпискою изъ реляціи графа Румянцева, отъ *15-го Іюля*, 1768 года: «Отъ *9-го* числа текущаго мѣсяца, тотъ полковникъ *Протасьевъ* прислалъ ко мнѣ репортъ, что онъ, вступя въ Польшу, развѣдавши, что собранія таковыхъ разбойниковъ, одно въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, въ селѣ Блощицахъ, въ разстояніи отъ Бѣлой Церкви въ пятнадцати верстахъ, а другое вблизи мѣстечка Богуславля, также въ нѣсколькихъ стахъ человѣкъ, и руководствуютъ оными атаманы, въ первомъ *Журба*, во второмъ *Швачка*,— учинилъ на ихъ нападеніе въ обоихъ мѣстечкахъ и разбилъ сіи обѣ партіи. Въ помянутомъ селѣ Блощицахъ, хотя сіи разбойники покусились было воспротивляться оборонительно, однако жъ не имѣли въ томъ успѣха и ни одного не повредили человѣка; на мѣстѣ ихъ убито до 30-ти, да поймано 64 человѣка, прочіе же разбѣжались; при чемъ взято четыре знамя, двѣ мѣдныхъ пушки и одну чугунную, да гаковницъ желѣзныхъ пять. Тоже, не доѣзжая мѣстечка Богуславля, настигнутыхъ другой партіи злодѣевъ взято 68 человѣкъ съ двумя знаменами, при упомянутомъ атаманѣ Швачкѣ, который, послѣ допросовъ, показалъ, что они будто отъ Запорожскаго полковника, Максима Желѣзняка, съ атаманомъ *Неживымъ*, посланы по всей Польской Украинѣ для истребленія Поляковъ и Жидовъ, которыхъ они во многихъ мѣстахъ и истребили; а Желѣзнякъ сію посылку

якобы чинилъ по Указу; въ ватагу же ихъ приставали Польскіе разнаго званія люди и козаки; третья же партія, по показанію сего пойманнаго атамана, съ атаманомъ Неживымъ, нынѣ находится въ Чигиринщинѣ, а самъ полковникъ съ большою партіею въ Уманѣ, куда реченный полковникъ, Протасьевъ, съ отправленіемъ ко мнѣ репорта, и взялъ походъ.»

Представивъ вамъ подробный отчетъ о вышеприведенныхъ пѣсняхъ, я обращу вниманіе ваше еще на одну, относящуюся къ разрушенію Сѣчи, которой начало особенно показываетъ, какъ произвольно иногда перемѣняется въ народѣ одна и таже пѣсня,— точно, какъ одна и таже тема превращается во многія варіаціи композиторами. Эта пѣсня о «*Васюринскомъ*», по варіанту, вами записанному и помѣщенному на стр. 321:

«Да встань, батьку, съ того свѣту,
Великій Гетьмане,
Якъ поѣдемъ до Царици —
По прежнёму стане!» и т. д.

Вы говорите въ примѣчаніи: «Не помню, гдѣ-то замѣчено, что этотъ стихъ относится къ Потемкину. Но Потемкинъ умеръ, спустя много лѣтъ по разореніи Сѣчи, которое, по свойству народнаго вдохновенія, не могло быть воспѣто такъ поздно. Здѣсь разумѣется Богданъ Хмельницкій.» Я съ вами въ этомъ не согласенъ. Я нахожу, что вашъ варіантъ есть пѣсня, сложенная 1775 года, но первая половина ея передѣлана по смерти Потемкина, которому 1790 года данъ былъ титулъ *Великаго Гетмана* Козацкихъ войскъ; прежде того ни одинъ изъ козацкихъ Малороссійскихъ гетмановъ, отъ Ланцкоронскаго и до графа Разумовскаго, не именовался *Великимъ*, ни оффиціально, ни простословесно. Совершенно не въ тонѣ козацкой пѣсни 1775 года было бы назвать Богдана «*Великимъ Гетманомъ*»,— титуломъ гетмановъ Литовскихъ и Польскихъ. Напротивъ въ козацкой пѣснѣ, названной *Пугачемъ*, Богданъ Хмельницкій зовется запросто — уменьшительнымъ именемъ:

«*Хмельниченька* уже не згадаемъ!» —

и въ этомъ простосердечномъ выраженіи отозвалась великая любовь козацкая къ приснопамятному Гетману. Во второй половинѣ вашего варіанта уцѣлѣла пѣсня 1775 года; но первая половина

передѣлана черезъ 16 лѣтъ, т. е., послѣ смерти Потемкина, съ воззваніемъ къ нему, какъ *Великому Гетману* Черноморскаго войска, «собраннаго имъ изъ вѣрныхъ козаковъ бывшей Сѣчи Запорожской» (выраженіе Указа 1792 г., 30 Іюня). Это очевидно изъ самаго содержанія первой половины пѣсни, гдѣ говорится о разрушеніи Сѣчи, какъ уже о прошедшемъ дѣлѣ. Передѣлка эта относится къ тому же времени, въ которое сложена и извѣстная пѣсня Антона Головатаго: «О Боже жъ, нашъ Боже, Боже милостивый!» т. е., передъ переводомъ Черноморцевъ на Тамань. Что воззваніе къ Великому Гетману именно значитъ здѣсь Потемкина, то ясно видно изъ другихъ, не менѣе извѣстныхъ, варіантовъ этой пѣсни:

«Да встань, *Грицьку*, да встань, батьку,
Просять тебе люде» и т. д.

Въ моемъ изданіи (1834 г., стр. 127.) напечатана эта пѣсня въ томъ видѣ, въ какомъ она сложена была первоначально, съ упоминаніемъ о томъ посольствѣ къ Царицѣ Запорожскихъ депутатовъ, которое было еще до разрушенія Сѣчи:

«Да встань, *Харьку*, да встань, батьку,
Годѣ вже намъ спати;
Ой ходѣмо до Царици
Милости прохати.
Ой Царице, наша Мати,
Змилуйся надъ нами:
Ой оддай намъ Црежни степы
Съ темными лугами!» и т. д.

Но что за имя тутъ *Харько*?—Сказать бы это *Харько Чепѣга;* но онъ тогда не былъ еще такъ значителенъ, какъ былъ послѣ. Я полагаю, что здѣсь имя Жаботинскаго сотника, *Харька*, вставленное въ пѣсню Задѣпровскими пѣвцами, для которыхъ это имя было такъ памятно и любимо. (Подобныя произвольныя замѣны собственныхъ личныхъ именъ встрѣчаются очень часто, какъ видно, на примѣръ, изъ пѣсни о Данилѣ Нечаѣ, изъ думы о Хвеськѣ Дейдеберѣ или Лидыберѣ и другихъ). Подлинное имя и тутъ въ пѣснѣ было, конечно, *Грицько*, т. е., Потемкинъ, еще живой, на котораго такъ

много уповалъ Запорожскій Кошъ въ своемъ дѣлѣ о земляхъ. Приписавшійся къ Запорожскому товариству великолѣпный Потемкинъ, писался *Сиромахою Грицькомъ*; но въ своихъ видахъ о Новороссійскомъ краѣ онъ вертѣлъ, какъ хотѣлъ, своимъ Сѣчевымъ товариствомъ; наконецъ и самъ—*пропавъ Грицько*, въ бездомной степи, какъ сиромаха Запорожскій... Что пѣсня, относящаяся своимъ содержаніемъ къ разрушенію Сѣчи, можетъ вмѣщать въ себѣ подробности позднѣйшія, то можно видѣть и на другой пѣснѣ, гдѣ воспѣты обложеніе Сѣчи Текелліемъ и побѣгъ Сѣчевиковъ на Дунай, слѣдственно, событіе 1775 года; между тѣмъ въ ней говорится:

«Не встерѣгся Кальнишенько
Одъ Чорного моря;
Да вже жъ ёму на столицѣ
Шестый годъ неволя!
Не встерѣгся Кальнишенько
Одъ Чистого Ставу;
Да вже втерявъ Запороже
Й козацькую славу!»

Ясно, что это или сложено вновь 1781 года, или передѣлано на этотъ годъ изъ пѣсни, сложенной пятью или шестью годами ранѣе. Вообще я не могу согласиться на ваше теоретическое положеніе, будто народная Украинская пѣсня воспѣвала только современное ей событіе и неспособна была воодушевляться прошедшимъ. Я того мнѣнія, что какъ Великороссійская, такъ и Малороссійская, народная поэзія способны были воодушевляться творчески не только современностью, но и воспоминаніемъ *прошедшей* жизни—какъ въ *общемъ* ея объемѣ, такъ и въ событіяхъ *частныхъ*. Въ примѣръ перваго приведу запѣвъ извѣстной думы на побѣду Чигиринскую 1596 года,—запѣвъ, стоющій цѣлой пѣсни:

«Ой у нашій у славній Украинѣ
Бували колись престрашныи злыгодни, бездольни годины,
Бували й моры,
Й войськовы чвары;
Нихто Украинцѣвъ не рятовавъ,
Нихто за ихъ Богови молитвъ не посылавъ;
Тольки Богъ Святый нашихъ не забувавъ:
На велики зусилья, на одновѣдья державъ!

Тôльки Богъ Святый знавъ,
Що вôнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украиньску землю посылавъ!...
Отъ же пройшли, изыйшли злыи незгодины:
Немае никого, щобъ насъ подолѣли!
Тôльки Богъ Святый знавъ,
Що вôнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ!»

А въ примѣръ пѣснотворческаго воодушевленія давнопрошедшими событіями частными, я припомню вамъ пѣсню о *Лободинскомъ Чурѣ*, вспоминающемъ такъ подробно о подвигахъ своего храбраго пана, уже при походѣ Сулимы. Мольба стараго Чуры объ отмщеніи за его пана обращена къ сподвижникамъ Сулимы, и пѣсня сложена, безъ сомнѣнія, въ тотъ походъ; а между тѣмъ въ ней воспѣты, по живому воспоминанію, Лободинскіе подвиги, бывшіе лѣтъ за *сорокъ*.

Хочу сказать вамъ теперь нѣчто объ изданіи «Народныхъ Южно-Русскихъ пѣсенъ» г. профессоромъ Метлинскимъ. Что это за мистификація тамъ? На стр. 437 напечатана пѣсня «про Волыночку», и поставлено подъ нею: «Записалъ П. К. въ *Кіевской* г.» А вы хорошо знаете, что П. К. выписалъ эту пѣсню изъ принадлежащей мнѣ рукописи *Ходаковскаго*, который записалъ «*про Волыночку*» не въ *Кіевской* губерніи, а въ *Клевани*. Да и зачѣмъ поставлена она у г. Метлинскаго въ разрядъ пѣсенъ историческихъ «неизвѣстныхъ временъ»? Она принадлежитъ къ разряду *свадебныхъ*:

«Татарове ѣдуть, Волыночку везуть...»

Здѣсь *Татарами* названы свадебные поѣзжане, увозящіе молодую изъ дому отцевскаго, названы также, какъ о братѣ молодой, когда онъ беретъ за нее выкупъ, поютъ:

«*Татаринъ* братикъ, *Татаринъ*,
Продавъ сестрицю за таляръ.»

А вотъ *Волыночка* потому тутъ, что пѣсня Волынская; у народа Кіевской стороны была бы скорѣе тутъ *Кіяночка*. Очевидно, какъ необходимы поясненія къ пѣснямъ; но г. Метлинскій, объясняясь о недостачѣ въ его изданіи примѣчаній и поясненій,

говоритъ: «Иные, правда, любятъ *умничанья* о поэзіи болѣе самой поэзіи; но о такихъ народъ выразился бы своею пословицею: «Глухому пѣсню спѣвати!» (стр. XIII.). Но отъ кого же бы читателю и услышать умное слово о народныхъ пѣсняхъ, если не отъ профессора Русской Словесности, издающаго «Народныя Южнорусскія пѣсни»!

На стр. 374 напечатанъ отрывокъ «про Венцеслава», а подъ нимъ означено: «*Львой* стороны Днѣпра; записано до 1845 года». Конечно, записано до 1845 г., когда было уже напечатано 1834 года, на 82-й страницѣ «Украинскихъ народныхъ пѣсенъ». А записано было не на *львой*, а на *правой* сторонѣ Днѣпра, на Волыни, тоже Ходаковскимъ! У меня тамъ было сказано «*можетъ быть*, относится къ Венцеславу Хмельницкому»; а у г. Метлинскаго сказано уже: «*безъ сомнѣнія* — къ Венцеславу Хмельницкому» (стр. 432). А сомнѣніе-то здѣсь большое: Заднѣпровскіе знатоки литературы говорятъ, что здѣсь имя *Венцеслава* принадлежитъ герою нынѣшняго вѣка «*Золотой-Бородѣ!*»

На стр. 122, подъ пѣснею «Пани моя, пани влюбленая», не означено, откуда она? А мы съ вами хорошо знаемъ, что она слово въ слово изъ тетради, писанной для меня рукою незабвеннаго Гоголя (тоже самое вступленіе и тоже окончаніе этой пѣсни, куплетами о воронѣ и галкѣ!).

Мое собраніе пѣсенъ, нѣкогда принимавшее въ себя вклады отъ столькихъ лицъ (въ томъ числѣ и отъ васъ), было всегда открыто для всѣхъ любителей и собирателей пѣсенъ; народныя пѣсни—общее достояніе. Г. Метлинскій, незнакомый мнѣ ни лично, ни письменно, имѣлъ полное право брать изъ моихъ изданій все, что угодно, въ свое изданіе, какъ это сдѣлалъ и Жегота Паули, 1839 года, но онъ могъ бы, по примѣру Паули, и упомянуть о своемъ заимствованіи, хоть разъ, хоть бы, на примѣръ, при Зажинной пѣснѣ про Коваленка (стр. 324), переписанной слово въ слово съ моего *Волынскаго* списка этой пѣсни, напечатаннаго въ *Кіевлянинѣ* кн. 2. стр. 180 (въ письмѣ моемъ къ Основьяненку «О правописаніи Малороссійскаго языка»).—На стр. 79 напечатанная пѣсня «Въ огородѣ Хмелинонька» взята слово въ слово изъ «Малороссійскихъ пѣсенъ» (со стр. 50), и подъ нею поставлено «*Глуховъ*»; но въ 1827 году я получилъ эту пѣсню отъ князя Н. А. Цертелева, совсѣмъ не изъ Глухова! Такъ же точно нѣсколько прекраснѣйшихъ пѣсенъ, записан-

ныхъ мною самимъ здѣсь, *при Днѣпрѣ*, на Михайловой Горѣ (вамъ первому я читалъ ихъ въ Кіевѣ, до 1840 года), очутились въ изданіи г. Метлинскаго, подъ тою же фирмою: «*Глухóвъ!*»... Какъ хозяйка познаетъ и отлучаетъ своихъ овечекъ, приблудившихся къ чужой ватагѣ, такъ и я тотчасъ узнаю всѣ пѣсни изъ моего собранія, зашедшія, безъ моего вѣдома, въ изданіе г. Метлинскаго. Я и радъ бы тому былъ, что онѣ поспѣшили явиться въ свѣтъ изъ моего деревенскаго затвора; но я не радъ только потому, что онѣ явились теперь въ свѣтъ, какъ бѣглецы, съ фальшивыми пашпортами. По моему, лучше бы совсѣмъ не означать подъ пѣснями *мѣстъ*, чѣмъ означать невѣрно: это можетъ будущаго изслѣдователя приводить къ ошибочнымъ соображеніямъ и выводамъ.

Приписка.— Мнѣ вспомянулось, что въ 1852 году, когда мы съ вами ѣхали до Переяслава, вамъ очень понравилась косовицкая пѣсня, пѣтая моимъ погаяйломъ, и вы желали имѣть ее. Препровождаю вамъ эту пѣсню, для вашего собранія, жалѣя очень, что я не музыкантъ и не могу переложить ея прекраснаго напѣва; а народная пѣсня, которая и родится и живетъ въ словахъ и напѣвѣ, совмѣстно и неразлучно, неудовлетворительна вполнѣ одними своими словами безъ напѣва:

«Ой ко́сить хазяинъ да на луцѣ сѣно,
Ажъ изъ ёго по́тъ пльется;
Ой сидить чумакъ да по́дъ своимъ возомъ,
Да зъ хазяина смѣється.
«Ой смѣйся, смѣйся, чумаче-бурлаче,
А за смѣхъ тобѣ буде!
Ой прійде зима, лихая година,
Въ тебе сѣна не буде!» —
Ой прійшла зима, лихая година, —
Нѣчѣмъ воло́въ зимовати...
Бере чумакъ пугу й налыгачъ у руки,
Да йде сѣна куповати.
Ой иде чумакъ вподовжъ слободою,
Ажъ и устѣлка волочѣться;
Сидить хозяинъ кра́й свого во́коньця,
Да зъ чумака смѣється.

«Ой здоровъ, здоровъ, пане хазяину,
А продай вязку сѣна!
Охъ и невелику худобоньку маю,
Да либóнь теперъ сѣла!» —
— «Ой здоровъ, здоровъ, чумаче-бурлаче!
Не продамъ же я сѣна;
Ой навяжи ты да вязку соломы,
Да принеси пóвнуда соли! —

1856 г., 14 Ноября.
Михайлова Гора.

ВОСПОМИНАНІЕ

О

БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

Въ нынѣшнемъ 1857 году, 15 Августа, будетъ уже *двѣсти* лѣтъ, какъ скончался славный Малороссійскій гетманъ, Богданъ Хмельницкій.

Въ царствованіе Александра Благословеннаго, когда достопамятный 1812 годъ живо напомнилъ собою 1612 й, «Благодарная Россія» воздвигла, на Красной площади Московской, памятникъ «гражданину Мининну и князю Пожарскому», и народъ Великороссійскій, любуясь дивнымъ памятникомъ, повседневно поминаетъ славныхъ освободителей Москвы отъ Поляковъ. Но въ Малороссіи нѣтъ еще памятника ея славному подвижнику и освободителю отъ Поляковъ, Гетману Хмельницкому.

Не разъ обходилъ я весь городъ Переяславъ и его окрестности, припоминая разныя здѣшнія событія, отъ того древняго времени, когда Переяславскій богатырь-Швецъ потѣшилъ тутъ князя Владиміра единоборствомъ съ Печенѣжиномъ, до позднѣйшаго времени, когда «защитникъ Петрова Града» (Витгенштейнъ) со слезами обнялъ здѣсь Переяславскую старушку, бывшую его нянею. Много исторической десятивѣковой жизни улеглось въ этой землѣ «славнаго города Переяслава», нѣкогда бывшаго *третьимъ* городомъ Русскимъ, въ которомъ была и первопачальная митрополія Руси, Святымъ Владиміромъ учрежденная!... Вотъ деревянная Успенская соборная церковь, при въѣздѣ въ Верхній городъ, называемый, по старой памяти, «Замкомъ». Съ одной стороны, къ ней подошли разрытые остатки крѣпостнаго вала, да Жидовскія лачуги; съ другой стороны—

пустырь, которымъ смотритъ и весь этотъ «Замокъ»; да и на самомъ зданіи церкви уже нестройно поднимается средній верхъ, оставшійся безъ четырехъ окружныхъ, давно скинутыхъ за ветхостью. А нѣкогда на этомъ мѣстѣ былъ «Княжь дворъ», и красовалась на немъ каменная церковь «Святой Богородицы», заложенная 1098 года Владиміромъ Мономахомъ, «добрымъ страдальцемъ за Русскую землю», который и выросталъ здѣсь, въ Переяславѣ, и здѣсь же окончилъ славную жизнь свою, на завѣтномъ берегу Плъстицы, освященномъ кровью святаго князя, Бориса. Мономахову Успенскую церковь возобновилъ потомокъ его, святопамятный князь, Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода Кіевскій, около 1585 года. И въ той соборной церкви, *8 Генваря, 1654 года*, совершилось достопамятное присоединеніе всей Малороссіи къ Русской державѣ, присягою гетмана Хмельницкаго и Войсковой старшины. И когда я останавливался возлѣ Успенской церкви, мнѣ всегда приходило на мысль, какъ хорошо было бы воздвигнуть въ Переяславѣ памятникъ Богдану Хмельницкому, тамъ, на городовой площади, противъ Вознесенскаго храма, гдѣ почиваютъ мощи святаго современника его, архимандрита Макарія, замученнаго Татарами въ Каневѣ, 1678 года. Тамъ каждое лѣто, изъ близкихъ, изъ далекихъ странъ Русскаго царства, переходятъ тысячи народа на богомолье въ Кіевъ; и глядя на памятникъ, онѣ помнили бы славнаго освободителя Кіева и всей Малороссіи отъ Поляковъ. Тамъ былъ и его гетманскій дворецъ, въ которомъ проживалъ онъ, въ началѣ 1649 года, увѣнчанный въ Кіевѣ благословеніями народа своего, и обвѣнчанный здѣсь съ бывшею женою главнаго ворога своего, съ Чаплинскою, которую называлъ Богданъ «благоразумною и дарма погибающихъ людей жалѣющею Эсопрью». Тогда у него въ Переяславѣ были посланники московскій и венгерскій, а 9 Февраля, въ сильный морозъ, прибыли коммиссары польскіе отъ новаго короля, во главѣ которыхъ былъ старый воевода браславскій, Адамъ Кисель. На другой день коммиссары шли широкою улицею ко дворцу Хмельницкаго; передъ ними ловчій (Крентковскій) несъ булаву, а Кіевскій скарбникъ (Кельтинскій) знамя; на встрѣчу имъ звучали трубы и литавры гетманскія; а Хмельницкій ждалъ ихъ, стоя подъ бунчукомъ, въ кругу своихъ полковниковъ и другихъ старшинъ, одѣтый въ краснопарчевую соболью шубу. Воевода вручилъ ему королевскіе листы и кредитивную коммиссарскую грамоту, а потомъ булаву, осыпанную

бирюзою, а воеводскій братъ, хорунжій Новогрудскій, поднесъ красное знамя съ бѣлымъ орломъ и надписью «Joannes Casimirus Rex». Велико было торжество для побѣдителя Поляковъ; но полновластному любимцу Малороссійскаго народа были не по мысли ни та булава, осыпанная бирюзою, ни королевское красное знамя съ бѣлымъ орломъ. У него на мысли тогда было другое, начатое имъ, дѣло: освободить Малороссійскій народъ изъ Польской неволи, и привести его подъ державу Русскую. Но для исполненія сего двойственнаго дѣла, Хмельницкому предлежало еще пять лѣтъ бороться съ Польшею, напрягавшею всѣ силы и всяческіе способы, чтобъ удержать въ своихъ рукахъ отрывавшуюся отъ нея козацкую Украину, бороться то въ торжествѣ побѣды Зборовской, то въ тяготѣ пораженія Берестецкаго, и во все время той многотрудной борьбы томиться ожиданіемъ, пока, на его многократныя обращенія къ Москвѣ, состоится, наконецъ, въ Грановитой Палатѣ, 1 Октября, 1653 года, соборный приговоръ: «Гетмана Богдана Хмельницкаго, со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, съ городами и землями принять въ Россійское подданство». Тогда отправленъ былъ въ Малороссію изъ Москвы, 9-го Ноября, ближній бояринъ, Бутурлинъ, со многочисленною свитою, при которой находился и стрѣлецкій голова, Артемонъ Матвѣевъ, съ двумя стами стрѣльцевъ. Хмельницкій между тѣмъ подвизался надъ Днѣстромъ, подъ Жванцемъ, гдѣ онъ уже въ третій разъ сошелся на бой съ Яномъ-Казиміромъ; а оттуда воротился въ свой Чигиринъ, чтобы оплакать гробъ любимаго сына своего, Тимоша, привезенный изъ Сочавы, и похороненный въ Суботовѣ, 27 Декабря. Наканунѣ Новаго, *1654* года, въ Переяславѣ, встрѣчали торжественно Московское посольство; къ вечеру, на Крещеніе, прибылъ туда и Гетманъ Хмельницкій; на другой день онъ видѣлся съ боярином, и собралъ народную Раду, для окончанія дѣла; а на третій день совершилось достопамятное дѣло. Въ «Статейномъ спискѣ» Московскихъ пословъ сохранились историческія подробности тѣхъ знаменитыхъ дней въ Переяславѣ. Вотъ описаніе Переяславской Рады: «И по тайной Радѣ, которую Гетманъ имѣлъ съ полковники своими съ утра того жъ дни, во вторый часъ дни бито въ барабанъ съ часъ времяни, на собраніе всего народа, слышать совѣтъ о дѣлѣ, хотящемъ совершиться. И какъ собралося великое множество всякихъ чиновъ людей, учинили кругъ пространный про Гетмана и про полковниковъ, а потомъ и самъ Гетманъ вышелъ подъ бунчюкомъ, а

съ нимъ судьи и ясаулы, писарь и всѣ полковники; и сталъ Гетманъ посреди круга, а ясаулъ войсковой велѣлъ всѣмъ молчать; потомъ, какъ всѣ умолкли, началъ рѣчь Гетманъ ко всему народу говорить:

— «Панове полковники, ясаулы, сотники и все Войско Запорожское, и вси Православніи Христіяне! Вѣдомо то вамъ всѣмъ, какъ насъ Богъ свободилъ изъ рукъ враговъ, гонящихъ Церковь Божію и озлобляющихъ все Христіянство нашего Православія Восточнаго, что уже шесть лѣтъ живемъ безъ Государя въ нашей землѣ, въ безпрестанныхъ бранѣхъ и кровопролитіяхъ съ гонители и враги нашими, хотящими искоренити Церковь Божію, дабы имя Руское не помянулось въ земли нашей, что уже велми намъ всѣмъ докучило; и видимъ, что нелзя намъ жити болѣ безъ Царя. Для того нынѣ собрали есми Раду явную всему народу, чтобъ есте себѣ съ нами обрали Государя, изъ четырехъ, котораго вы хощете. Первый Царь есть Турскій, который многажды чрезъ пословъ своихъ призывалъ насъ подъ свою область; вторый—Ханъ Крымскій; третій—Король Польскій, который, будетъ сами похочемъ, и теперь насъ еще въ прежнюю ласку принять можетъ; четвертый есть Православный Великія Россіи Государь, Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи Самодержецъ Восточный, котораго мы уже шесть лѣтъ безпрестанными моленіи нашими себѣ просимъ. Тутъ, котораго хотите, избирайте! Царь Турскій есть бусурманъ; всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ братіи наши, Православніи Христіяне, Греки, бѣду терпятъ, и въ какомъ суть отъ безбожныхъ утѣсненіи. Крымскій Ханъ тоже бусурманъ, котораго мы по нужди и въ дружбу принявши, каковыя нестерпимыя бѣды приняли есми! Какое плѣненіе, какое нещадное пролитіе крови христіянскія, отъ Польскихъ отъ пановъ утѣсненія, никому вамъ сказывать не надобетъ; сами вы всѣ вѣдаете, что лучше Жида и пса, нежели Христіянина брата нашего почитали! А Православный Христіянскій великій Государь, Царь Восточный, есть съ нами единаго Благочестія Греческаго закона, единаго Исповѣданія, едино есми тѣло Церкви Православіемъ Великія Россіи главу имуще Іисуса Христа; той великій Государь Царь Христіянскій, сжалившися надъ нестерпимымъ озлобленіемъ Православныя Церкви въ нашей Малой Россіи, шестьлѣтныхъ нашихъ моленій не презривши, теперь милостивое свое Царское сердце къ намъ склонивши, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ Царскою милостью своею при-

слати изволилъ; котораго, если со усердіемъ возлюбимъ, кромѣ его Царскія высокія руки благотишнѣйшаго пристанища, не обрящемъ. А будетъ кто съ нами не согласуетъ теперь, куды хочетъ,— вольная дорога!»

Къ симъ словамъ весь народъ возопилъ: «Волимъ подъ Царя Восточнаго Православнаго, крѣпкою рукою въ нашей благочестивой Вѣрѣ умирати, нежели ненавистнику Христову, погавшу, достати!» Потомъ полковникъ Переяславскій, Тетеря, ходячи въ кругу, на всѣ стороны спрашивалъ: «Вси ли тако соизволяете?» Рекли весь народъ: «Вси единодушно!» Потомъ Гетманъ молылъ (молвилъ): «Буди тако! Да Господь Богъ нашъ сукрѣпитъ подъ его Царскою крѣпкою рукою!» А народъ по немъ вси единогласно возопили: «Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобъ есми во вѣки вси едино были!»

Генваря 8-го, передъ присягою, когда Гетманъ и вся старшина были на посольскомъ дворѣ, и прочтена была во всеуслышаніе царская грамота, боярин Бутурлинъ, послѣ обряднаго спроса «о здоровьѣ», произнесъ привѣтственную историческую рѣчь объ отношеніи Малой и Великой Россіи къ Польшѣ. А, когда послѣ присяги прибыли всѣ опять на посольскій дворъ, боярин вручилъ Гетману присланныя отъ Царя: знамья, булаву, ферезею, шапку и соболи, говоря при каждомъ дарѣ красовитыя рѣчи; и Гетманъ Хмельницкій возвратился въ свой дворъ, держа царскую булаву; а передъ нимъ несено было распущенное царское знамя, съ изображеніями Спаса Всемилостиваго, Богоматери, Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и Великомученицы Варвары. Изъ помянутыхъ рѣчей боярина, сказанныхъ по повелѣнію царскому, прочтемъ двѣ кратчайшія. Отдавая булаву, онъ говорилъ: «Иное паки державы своея Царскія знаменіе, булаву сію, благовѣрный и христолюбивый Государь нашъ, Царь и Великій князь, Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи Самодержецъ, тебя жалуя, тебѣ посылаетъ, да тою благополучно благочестивому воинству и всѣмъ людемъ начальствуеши, гордящихся на Православіе и непокорныхъ да тою тебѣ смириши; воинство же твое благочестивое, яко же донынѣ добрѣ устроевалъ еси, сице да и прочее время симъ Пресвѣтлыя Его Царскія державы знаменіемъ, булавою, тако смотрѣлнѣе управляти возможеши, яко да самое видѣніе стройнѣ управляемаго отъ тебе воинства, вся враги, на вы возстающія и на благочестіе, устрашаетъ и отъ васъ прогоняетъ». А отдавая шапку, онъ говорилъ: «Главѣ твоей, отъ Бога высокимъ умомъ вразум-

ленной, и промыслъ благородный о Православіи защищеніи смышляющей, сію шапку Пресвѣтлое Царское Величество въ покрытіе даруетъ, да Богъ, здраву главу твою соблюдая, всяцѣмъ разумомъ ко благому воинства преславнаго строенію вразумляетъ, яко да тя, Гетмана, имуще вѣрніи и тобою смысленно управляеми, враговъ погами попирати и безуміе гордыхъ умной главѣ твоей покорати возмогутъ. Сіе убо своего Царскаго Величества жалованье благовѣрный Государь нашъ, Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи Самодержецъ, тебѣ даруя нами, и всякаго благоиспѣшія и на враги одолѣнія благопривѣтствуя, хощетъ, да, въ своемъ обѣщаніи къ Царской Его державѣ и вѣрѣ непремѣннѣй пребывающе, ту умную свою главу къ Его Царской милости подкланяя, твердую и нерушимую вѣрность свою со всѣмъ воинствомъ своимъ и всѣми Христіаны соблюдеши, яко да и Царское Его Величество, вашимъ раченьемъ возбуждаемъ, большую къ тебѣ и всѣмъ твоимъ милость свою Царскую простирати возможетъ.»

Два года подвизался еще Хмельницкій противъ Поляковъ, въ *Царской* войнѣ съ Польшею, того же года начатой и усиленной полками козацко-украинскими, но на третій годъ уже изнемогъ побѣдоносный Гетманъ, и скончался въ Чигиринѣ, 15 Августа. Вотъ народная дума украинскихъ слѣпцевъ-бандуристовъ на смерть Богдана:

«Зажурилася Хмельницького сѣдая голова,
Що при ёму ни сотникôвъ ни полковникôвъ нема;
Часъ приходить умирати,
Нѣкому порады (1) дати.
Покликне вôнъ на Ивана Выговського,
Писаря вôйськового:
«Иване Выговській,
Писарю вôйськовый!
Скорѣйше бѣжи,
Да листы (2) пиши,
Щобъ сотники, полковники до мене прибували,
Хоть мало пораду давали!»
То Иванъ Выговській,
Писарь вôйськовый,

(1) Совѣта: (2) письма, грамоты.

Листы писавъ,
До всѣхъ розсылавъ.
То сотники, полковники, якъ ихъ прочитали,
Усе покидали,
До Гетьмана Хмельницького скорѣйшъ прибували.
То Гетьманъ добре ихъ пріймае,
Словами промовляе:
«Панове молодци! добре вы дбайте,
Собѣ гетьмана наставляйте;
Бо я старъ, болѣю,
Бôльше гетьманомъ не здолѣю!
Коли хочете, панове, Антона Волочая Кіевського,
Або Грицька Костыря Миргородського,
Або Хвилона Джеджеля Кропивянського,
Або Мартына Пушкаря Полтавського.»
То козаки тее зачували,
Смутно себе мали,
Тяжко вздыхали,
Словами промовляли:
«Не треба намъ Антона Волочая Кіевського,
Ни Грицька Костыря Миргородського,
Ни Хвилона Джеджеля Кропивянського,
Ни Мартына Пушкаря Полтавського;
А хочемъ мы сына твого, Юруся, молодого,
Козака лейстрового!» —
«—Винъ, панове молодци, молодый розумъ мае,
Звычаѣвъ Козацькихъ не знае!» —
«—Будемъ мы старыхъ людей биля (3) его держати,
Будуть воны его научати,
Будемъ его добре поважати,
Тебе, батька нашого, гетьмана, спомнпати!»...
То Хмельницькій тее зачувавъ,
Великую радôсть мавъ,
Слёзы проливавъ,
Сѣдою головою поклôнъ оддававъ.

---

(3) Возлѣ, подлѣ.

Скоро пôсьля того ще й гôрше Хмельницькій знемогавъ,
Опрощенье зо всѣми пріймавъ,
Милосердному Богу душу оддавъ. —
То не чорны хмары (*) ясне сонце заступали,
Не буйны вѣтры въ темнôмъ лузѣ бушували —
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали....»

Онъ погребенъ 30 Августа, въ знаменитомъ селѣ своемъ, *Суботовѣ*, въ поставленной имъ каменной церкви, и донынѣ уцѣлѣвшей. Обрядъ погребенія совершалъ Лазарь Барановичъ, «великій столпъ церковный». Старый секретарь Хмельницкаго, Самойло Зорка, въ надгробномъ словѣ ему, на Польскомъ языкѣ, говорилъ: «Къ тебѣ обращаюсь съ молящимъ словомъ моимъ, о вождь нашъ возлюбленный, древній Русскій Одонацеръ, славный Скандербекъ, Гетманъ всего славнаго Войска Запорожскаго и всей Козацко-Руской Украины, Хмельницкій Богдане! Взываю къ тебѣ, нынѣ въ четырехъ доскахъ лежащему и безмолвному, котораго слову и повелѣнію такъ недавно еще внимало насъ с т о т ы с я ч ь, и было готово на каждое твое мановеніе.... Проговори къ намъ, братьи своей, и научи насъ, какъ жить намъ безъ тебя и обращаться съ друзьями и недругами, насъ окружающими!...»

Много постонала вся Украина послѣ своего Богдана, когда настали въ ней междоусобицы козацкія, и стала она распадаться надвое, между Россіею и Польшею.... На седьмомъ году послѣ Богдана, когда Янъ-Казиміръ, обманувшій царя Алексѣя договоромъ Виленскимъ, проходилъ войною отъ Днѣпра вверхъ по Десенѣ; воевода его, Чернецкій, опустошая Чигиринское староство, не пощадилъ и костей Богдановыхъ въ гробницѣ церковной.... «А Чернецкій, (говоритъ Черниговская лѣтопись), Бужинъ и Суботовъ спалилъ, и тамъ, въ Суботовѣ, тѣло стараго Хмельницкого, и Тимоша, сына его, забитого подъ Сочавою, казалъ зъ гробовъ (зъ церкви, що въ рынку) выкинути на попелище. Суботовъ тогда былъ пустъ. А псовъ зъ Чигирина, зъ Суботова и отъ инпихъ пустыхъ мѣстъ Украинскихъ, великое множество было, которые чередами ходячи не толко мертвыхъ трупы ѣли, але и живымъ людямъ шкодили. А Чернецкій, набравши скарбу и гарматъ, вышолъ зъ Чигирина, для того же

(*) Облака.

БИБЛІОТЕКИ
Историко-Литературныхъ и Юридическихъ Курсовъ
Н. П. Раева.

и самъ Тетеря Гетманъ до Полщи выряжался; тилко Хлопицкій зъ Ляхами въ Чигиринѣ зостался.»

Вотъ какую «колонизацію» зачали тогда Поляки въ тяготѣвшей къ нимъ задѣпровской Украинѣ! Черпецкій предварялъ турецкое нашествіе на Чигиринъ, 1678 года, когда уже въ концъ погибла цвѣтущая столица Богданова, и отъ ея развалинъ несчастный Хмельниченко прошелъ съ Татарами, какъ Черная смерть, по Задѣпровью.... А черезъ тридцать лѣтъ, и на Восточную Украину настигло нашествіе Шведское, такое же тяжкое и переломное для всей козацкой Украины, какимъ было нашествіе Батыево для Украины княжеской.

Въ царствованіе юнаго Петра Втораго повеселѣла Восточная Украина гетманствомъ заслуженнаго старца своего, Данила Апостола. Тогда, въ 1728 году, доканчивалось обновленіе Великой Печерской церкви (послѣ лаврскаго пожара 1718 года), и въ ней, на сѣверной стѣнѣ, былъ написанъ тогда портретъ Богдана Хмельницкаго во весь ростъ; и болѣе ста лѣтъ глядѣлъ на него народъ, притекающій въ Печерскую Лавру со всѣхъ концевъ Русскаго царства. Тамъ и я видѣлъ его въ 1834 году и поскорбѣлъ, когда того же года онъ закрашенъ былъ дикою краскою. Благолѣпный лаврскій портретъ Хмельницкаго для многихъ былъ живымъ напоминателемъ, какъ нѣкогда побѣдоносный *Богданъ*, шедшій въ Кіевъ отъ Замостья, встрѣченъ былъ на кіевскомъ полѣ многочисленнымъ народомъ, и митрополитомъ кіевскимъ, и патріархомъ іерусалимскимъ, и величаемъ былъ, въ привѣтственныхъ рѣчахъ Академіи, *Богоданнымъ* избавителемъ народа своего отъ Лядскаго-Египетскаго ига, подобно древнему Моисею; и какъ тогда на него, молившагося въ Печерской церкви, «всѣ глядѣли съ благоговѣніемъ». Черезъ восемдесятъ лѣтъ послѣ того, когда и Кіевъ и вся Восточная Украина повеселѣли вновь гетманствомъ Данила Апостола, и было окончено обновленіе Великой Печерской церкви, православный народъ Задѣпровской Украины, снова доставшейся Польшѣ, застонялъ опять въ прежнихъ бѣдахъ вѣрогоненія, подъ гнетомъ возобновившейся Уніи; и терпѣлъ онъ еще сорокъ лѣтъ, до 1768 года, когда его долготерпѣніе лопнуло наконецъ грознымъ взрывомъ, «Коліивщиною».

Между тѣмъ въ Кіевѣ, того 1728 года, и Академія Кіево-Могилянская помянула своего славнаго питомца и благотворителя Богдана, стихотворною драмою: «Милость Божая». Кіевъ любилъ дра-

матическія представленія, которыя, со времени Петра Могилы, почти ежегодно были даваемы питомцами Кіевской Академіи. Одно изъ нихъ, по желанію князя Юрія Петровича Трубецкаго, воеводы кіевскаго, было и напечатано въ лаврской типографіи, 1674 года (въ 4-ку, на 6 лист.): «*Алексій Человѣкъ Божій*», на честь Царю Алексѣю Михайловичу, чрезъ шляхетну молодь, на публичномъ діалогу *явленный*». Но славнѣе всѣхъ была Ѳеофанова *трагедокомедія* въ пяти дѣйствіяхъ: «*Владимеръ*, всѣхъ Славенороссійскихъ странъ князь и повелитель.... въ Православной академіи Могилянской Кіевской, на позоръ Россійскому роду, отъ благородныхъ Россійскихъ сыновъ, добрѣ зде воспитуемыхъ.... лѣта Господня 1705, Іюля 3 дня, *показанный*». Въ томъ же родѣ, и тоже въ 5 дѣйствіяхъ, но вдвое меньшихъ, была вышепомянутая драма, «*Милость Божая*, Украину отъ неудобъ-носимыхъ обидъ Лядскихъ, чрезъ Богдана Зѣновія Хмелницкого, преславныхъ Войскъ Запорозкихъ Гетмана, *свободившая*, и дарованными ему надъ Ляхами побѣдами *возвеличившая*, на незабвенную толикихъ его щедротъ память *репрезентованная* въ школахъ Кіевскихъ, 1728 лѣта.»

Вотъ начало этой драмы, кажется, еще непзвѣстной въ исторіи Южнорусской Словесности:

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Богданъ Хмелницкій долю козацкую оплакуетъ, и новые совѣты въ умъ пріемлетъ.

Егей, славы нашея упадокъ послѣдній!
Чого въ свѣтѣ живучи дождалъ козакъ бѣдный!
Докозаковалися и мы подъ Ляхами;
Чого намъ не дѣлаютъ Ляхи изъ Жидами!
Честь и славу въ нивочто нашу обращаютъ,
Козацкое потребить имя помышляютъ.
Сея ли мы отъ тебе, Ляше, ожидали
Платы, егда вѣрности нашей показали
На земли и на морѣ знаменія многа,
Бодуща тя враговъ сн сокрушая рога?
Се ли достойная мзда? Сія ли заплата

За службу нашу? Се ли зыскъ нашъ и интрата
За неисчислимые пріятые раны,
За смерти различные на различной брани,
За толикіе и толь славные побѣды,
Терпѣти толикіе, толь тяжкіе бѣды:
Грабленія, наспіства, утиски, досады,
Узы и прочая, безъ всякой отрады?
О, и вспоминати, то во истинну студно;
А якъ самимъ дѣломъ намъ терпѣти не трудно!
Что такъ безумни есмы, что такъ омраченни,
Что спимъ, аки летаргомъ якимъ омраченни?
О, жалю мой незносный: болше ли чекати?
Крайней ли погибели выглядати
Будемъ? Не видимъ, что ся грядетъ? Окаянни,
Егда степая молчимъ, тако поруганни
Суще. О, нечувствія нашего! Страдати
Кая нужда есть, аще честь за честь воздати
Можемъ! Татаре, Турки и Нѣмцы бували
Не страшни: и Ляхи ли ужасни намъ стали!
Сверѣпые львы, тигры, вепри побѣждати
Удобъ было: отъ зайцивъ ли станемъ втѣкати?
Когда шабля при насъ есть: не совсѣмъ пропала
Многоименитая оная похвала
Наша; доказовала чуждой славы много
Она: студа жъ своего не отмстить такого?
Не отобрали еще Ляхи намъ остатка:
Живъ Богъ, и не умерла Козацкая Матка!

ХОРЪ.

Муза и Апо̀лло грядущую Ляхомъ погибель предвозвѣщаютъ.

Не видишъ, Поляче,
Кто на тебе плаче,
Кого обиждаешъ,
Кому досаждаешъ?
Славу ти сотворшихъ,
Побѣды порождшихъ,
Тщишся погубити,
Славу испразднити.
Где жъ услуга тая?
Егда вся благая
Своя оставляли,
Тебѣ воевали;
Крови не жалѣли,
Головъ не щадѣли,

Тебе заступая,
Тебе прославляя!
О, что жъ ожидаетъ,
Кая месть чекаетъ,
Яко за благое
Воздаеши злое!
Коль лютое время,
Коль тяжкое бремя,
Пошлетъ на тя вскорѣ
Судяй правду горѣ!
Се, твоя предѣлы
Пройдутъ сквозѣ стрѣлы,
Слонце зайдетъ въ хмуры,
Вдарятъ на тя бури;
Шкуры тебѣ дерти,
Главы будутъ терти,
Шіи вытягати,
Въ ярмо закладати,
По лѣсахъ гонити,
По рѣкахъ топити;
Зъ склеповъ выдирати,
Ажъ за Вислу гнати.
Прійдутъ на тя злая
Непремѣнно сія:
Богъ бо тебѣ судитъ,
Судъ Его не зблудитъ!

Такъ «Аполло Кіевскій», переселенецъ изъ Латино-Западныхъ школъ, воспѣвалъ тогда козацкую месть, воздававшую Полякамъ тѣмъ же, что было отъ нихъ Украинцамъ, даже и на послѣдяхъ Королевства Польскаго, особенно 1768 года, когда, по усмиреніи Заднѣпровской «Коліивщины» русскимъ оружіемъ, явился на казнь украинскаго народа, регименгарь Стемпковскій, уполномоченный «*правомъ меча*», и началъ тѣмъ, что, въ продолженіе трехъ дней, сдиралъ кожу съ уманскаго козака Гонты, по подобію того древняго Аполлона, который содралъ кожу съ пѣвца Марсіаса. Было всего, съ обѣихъ сторонъ, въ той двухвѣковой борьбѣ Польско-Козацкой; и нелюбіе Поляковъ къ представителю козачества столь же понятно, какъ и любовь къ нему народа Малороссійскаго; и ни сколько неудивительно, если Хмельницкій, въ Польскихъ писаніяхъ, можно сказать, весь забрызганъ чернильными пятнами, даже съ классическаго пера Коховскаго, тогда какъ Малороссіяне готовы были своего Богдана расписать золотомъ и превознести его до небесъ. Такъ и въ заключеніе Кіевской драмы

ХОРЪ

поетъ похвалы Хмелницкому:

«Вѣчной похвалы отъ насъ достоинъ
Храбрый на земли и на морѣ воинъ,
Войскъ Запорозкихъ Хмелницкій старѣйшій,
Вождь изрядиѣйшій.

Отчество надъ вся паче возлюбивый,
И его ради въ нивочто вмѣнивый
Роскоши, покой, корысти и интраты,
И всѣ приваты.
Православныя Церкви супостатомъ,
Найпаче мерзкимъ трепетъ Унѣятомъ,
Отческихъ догматъ усердный хранитель
И защититель.
Дѣлъ предковъ своихъ теплый подражатель,
Древней козацкой славы соблюдатель,
Свою на брани положити главу
Готовъ за славу.
Добродѣтелми сими украшѐнный,
Божія къ тому Духа исполненный,
Горесть обратить нашу хотя въ сладость,
Печаль на радость:
Первіе началъ предлагать совѣты,
Како вражія прогнати навѣты,
А по совѣтѣхъ принялся за дѣло
Поспѣшно зѣло.
Сразився съ врагомъ своимъ доблестве́нно,
Прогналъ за Вислу даже немедленно;
Свышше бо ему помощь прибывала
И укрѣпляла.
Тѣмъ Ляховъ викторъ преславный явися,
Побѣдамъ его ввесь міръ удивися;
Пребысть студъ, печаль, пагуба зъ Ляхами,
Торжество съ нами.
О, кто тя лѣпо восхвалить, Богдане?
Кто толикихъ дѣлъ высоты достане?
Мы, иже похвалъ достойна тя знаемъ,
Не увѣнчаемъ.
Въ похвалахъ твоихъ языкъ нашъ бездѣленъ,
Ублажить бо тя достойно не спленъ;
Будешъ развѣ ты возвелпченъ въ небѣ,
Яко есть требѣ!»

Для Поляковъ, всѣ козацкія войны съ ними, и Хмельницкаго и прежнихъ гетмановъ, были «бунты козацкіе»; а для насъ, Мало-

россіянъ, то были *Крестовые походы* за вѣру и свободу Святорусской Кіевской Земли, которая дожила свое княжество, будучи въ составѣ Великаго Княжества Литовскаго, а въ Іюнѣ, 1569 года, приняла соединеніе или Гражданскую унію съ Короною Польскою, на условіи вольныхъ съ вольными и равныхъ съ равными. Но Польское стремленіе поработить себѣ равныхъ, и жестокое насиліе Православной Вѣры въ Кіевской Землѣ отъ Польскаго Католичества и отъ изобрѣтенной Церковной Уніи, произвели ту двухвѣковую междоусобицу Польско-Козацкую, которая прекратилась только съ концемъ Запорожья (1775), Козацкой Украины (1782), и королевства Польскаго (1795). «Що буде, то буде; а буде те, що Богъ дасть», говорилъ Богданъ. И въ историческомъ ходу всей *Русской жизни*, то заслуга и слава нашего *Южно-Русскаго Козачества*, Украинскаго и Запорожскаго, что оно, борясь такъ долго и крѣпко съ Турецкою и Татарскою силою, въ отпоръ ее отъ Русской земли, такъ мужественно отстояло у себя Православную Восточную Церковь отъ Католичества Западнаго, и свою Русскую народность отъ Поляческа; а въ Гетманство *Богдана* освободило свою многострадальную *Матерь-Украину* отъ Польскаго ига, и добровольно примкнуло съ нею въ общій составъ Русскаго міра.

Но кто же помянулъ Гетмана Богдана въ 1728 году академическою драмою? Она извѣстна мнѣ по двумъ рукописнымъ сборникамъ (5) сочиненій *Ѳеофана Прокоповича*, написанная въ обоихъ вслѣдъ за драмою «Владиміръ». И нельзя не признать, что обѣ драмы одного автора, что въ нихъ одинъ и тотъ же художественный пріемъ, съ тою развѣ отмѣною, что во «Владимірѣ» примѣтенъ еще молодой академическій учитель поэзіи, а въ «Милости Божой» виденъ уже многоопытный витія, взявшійся за свое прежнее стихотворное перо, которымъ и послѣ, въ привѣтъ молодому поэту, Кантемиру, написалъ онъ первыя Русскія *октавы*:

«Объемлетъ тебя Аполлонъ великій;
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
О тебѣ поютъ парнасскіе лики;
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки...» и т. д.

(5) Одинъ изъ нихъ, который у меня теперь подъ рукою, принадлежитъ библіотекѣ М. О. Судіенка.

(По рпомамъ всѣхъ стихотвореній Ѳеофана, видно, что онъ до смерти не покидалъ своего Кіевскаго произношенья буквы *Ѣ* какъ *И*.)

Достопамятный пѣснопѣвецъ, и проповѣдникъ, и историкъ Петра Великаго, былъ первенствующимъ духовнымъ дѣятелемъ и при Петрѣ Второмъ, и столько разъ привѣтствовалъ его златымъ словомъ своимъ, особливо въ торжественный годъ его коронаціи. Тогда въ Москвѣ находился и новоизбранный Гетманъ Малороссійскій, такъ ласково и почестно принятый юнымъ Царемъ; архіепископъ Ѳеофанъ оказывалъ всяческое вниманіе маститому и доблестному вождю Козацкому ([6]); и конечно, тогда въ Москвѣ, помянувъ свои прежніе годы и свою родину, Кіевъ, онъ написалъ, для возлюбленной академіи своей, новую драму, представленіе которой было приготовлено, вѣроятно, къ пріѣзду гетманскому.

И такъ многочисленный кругъ сочиненій Ѳеофановыхъ пополняется еще однимъ замѣчательнымъ произведеніемъ. Прочтемъ же еще одинъ *Хоръ*, положенный въ конецъ *третьяго* дѣйствія, въ первомъ явленіи котораго «*Украина* о помощь и пособіе Божіе Хмельницкому во брани той проситъ»; а во второмъ явленіи «*Вѣсть* приходитъ, повѣдая преславные Козаковъ надъ Ляхами побѣды, и студное ихъ за Вислу прогнаніе, и торжественное вскорѣ Хмельницкого на Украину возвращеніе»; послѣ чего *Украина* говоритъ къ *Вѣсти*:

«Словеса твоя дивне мене утѣшаютъ,
Егда толикіе мнѣ побѣды глашаютъ;
Убо по словеси твоему да будетъ:
Богданъ мой, побѣдитель толикъ, да прибудетъ!

ХОРЪ.

Богъ скорбящихъ утѣшаетъ.

Иже Самъ въ Себѣ отъ вѣкъ почиваяй,
Иже предъ Ангелъ лики пребываяй,
Всесиленъ, премудръ, красенъ и богатый,
Святъ и всякоя полный благодати,
Чистъ, непороченъ, во всемъ совершенный,

(6) См. *Краткій Журналъ* о поѣздѣ въ Москву Ясневелможнаго его милости пана «Данила Апостола», во 2 томѣ «*Матеріаловъ* для Отечественной Исторіи», изданныхъ 1853 г. въ Кіевѣ, М. О. Судіенкомъ.

Славою вѣчнѣ въ Себѣ прославленный,
Всяческая всѣмъ обильно дарствуяй,
Но Самъ ничесо отнюдь не требуяй,
Той на престолѣ сидяй превысокомъ,
Дольняя зряще всевидящимъ окомъ,
За безмѣрную милости пучину,
Призрѣвъ на бѣдну свышше спротину,
Ухо абіе свое приклоняетъ,
Гласу молитвы милосердъ бываетъ;
И аще бури возмущаютъ море,
Ведя зъ собою великое горе;
Аще и волны до небесъ возносятъ,
И видимую пагубу наносятъ;
Но Онъ не даетъ лютѣ погибати,
Ибо Его есть таковыхъ спасати,
Иже во бѣдахъ къ Нему прибѣгаютъ,
Въ Немъ всю надежду свою полагаютъ;
Сынъ наче забвенъ у матери будетъ,
А нежели Онъ таковыхъ забудетъ;
Блаженніи суть убо таковіи,
Ибо скорбь въ радость премѣнити тіи,
Аще и страждутъ, чаютъ непремѣнно;
Упованіе опыхъ несумнѣнно;
Богъ бо есть щедрый, въ Немъ же уповаютъ,
Яко на Нь свою печаль возвергаютъ!»

Михаилъ Максимовичъ.

8 Генваря, 1857 г.
Михайлова Гора.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ

А. И. КОШЕЛЕВУ.

Милостивый Государь,

Александръ Ивановичь!

Въ Русской Бесѣдѣ и Современникѣ, между вами и г. Журавскимъ, идетъ весьма занимательный споръ о *желѣзныхъ дорогахъ*. Лучше сказать, споръ идетъ не о желѣзныхъ дорогахъ, и даже не о направленіи ихъ съ тѣхъ поръ, какъ г. Журавскій пересталъ настаивать на Саратово-Орловскомъ трактѣ, а только о направленіи одной дороги именно Центро-Бальтійской. Положимъ, естественный ея конецъ Либава портъ всегда открытый, но гдѣ же быть центру, отъ котораго ей отправляться? Г. Журавскій стоитъ за Орелъ, вы за Москву. Но и тутъ еще споръ смягчается. И вы согласны на дорогу изъ Орла, соединяющуюся съ Московско-Либавскою, и онъ могъ бы согласиться на дорогу изъ Москвы, примыкающую къ Орловско-Либавской; но и вы, и вашъ противникъ справедливо признаете, что не всѣ дороги одинаково нужны и что въ порядкѣ построенія нужнѣйшія, главныя должны быть приведены въ исполненіе прежде другихъ. Которое же сообщеніе нужнѣе? Съ котораго начать? Вотъ вопросъ. Дѣло изучили вы оба; вы вѣроятно съ торговой, онъ по преимуществу съ технической стороны (что, разумѣется, не мѣшаетъ и знанію торговыхъ соображеній): ученымъ и книги въ руки. Съ чего бы мнѣ мѣшаться въ это дѣло? А вотъ видите: я Тулякъ; мой тоже интересъ связанъ съ постройкою Центро-Бальтійской дороги: выходитъ, какъ говорится по латынѣ: Nostra res agitur. Какъ же не сказать словца?

А впрочемъ, какъ подумаю, опять мнѣ едва ли не все равно, что изъ Орла, что изъ Москвы. Я вѣдь отъ нихъ въ равномъ разстояніи. Ну что же? тѣмъ лучше: я буду безпристрастенъ. А все-таки дѣло занимательно и нельзя не сказать словечка, хоть и неученаго.

Гдѣ данныя для сравненія этихъ двухъ центровъ, Москвы и Орла? Какое собственно значеніе каждаго, и какъ относятся они оба къ землѣ, которую они должны представлять на рынкѣ всемірной торговли?

Самый дебаркадеръ или складочное мѣсто не значитъ ничего. Значеніе имѣетъ только область, которая снабжаетъ его товарами. Сравнимъ въ этомъ отношеніи Москву съ Орломъ.

Для этого сравненія сначала надобно отстранить нѣкоторыя предубѣжденія; во первыхъ то, что въ хлѣбной торговлѣ пшеница одна заслуживаетъ вниманія; во вторыхъ то, что будто бы область на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Орла сама не богата хлѣбомъ, и слѣдовательно въ торговлѣ хлѣбной не важна. И въ томъ, и въ другомъ есть доля правды, но только доля. Бальтійское море торгуетъ разными хлѣбами столько же, сколько и пшеницею, отчасти рожью, весьма много овсомъ, и по всей вѣроятности со временемъ потребуетъ не мало ячменя. Пшеничный же торгъ преимущественный есть и будетъ всегда Черноморскій. Что же касается до бѣдности хлѣбомъ области на сѣверо-востокъ отъ Орла, то намъ Тулякамъ извѣстно одно: Харьковъ никогда насъ не кормилъ, а мы (на мою память) его кормили не разъ, а въ 1833 году спасли его отъ настоящаго голода.

1) Возмемъ же московскій и орловскій дебаркадеръ (по русски, по моему, просто пристань) и очертимъ около нихъ круги одинаковаго радіуса: для радіуса возмемъ самое разстояніе этихъ городовъ, которое почти равняется мѣрѣ возможнаго гужеваго извоза (нашихъ обозовъ). Сѣверное полукружіе орловское и южное московское будутъ почти тожественны; и во сколько они совпадутъ, интересы ихъ будутъ отчасти клонить къ Москвѣ, отчасти къ Орлу, такъ что разница будетъ крайне незначительна. За тѣмъ останутся небольшія части полукруговъ, которыя будутъ или рѣшительно въ пользу Орла, или рѣшительно въ пользу Москвы: они другъ друга почти уравновѣшиваютъ, и едва ли не уравновѣсятъ вполнѣ при существованіи неизбѣжной Саратовско-Московской дороги. За всѣмъ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи Орелъ представляетъ нѣкоторое

преимущество. По далѣе: все или почти все южное полукружіе орловское не нуждается въ Балтикѣ, ибо оно получаетъ превосходный сбытъ на ближайшее къ нему Черное море, а все сѣверное полукружіе московское находитъ въ Балтійскомъ сбытѣ незамѣнимыя ничѣмъ выгоды. И такъ общее сравненіе или даетъ преимущество Москвѣ, или по крайней мѣрѣ оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ.

2) Тотъ только складочный пунктъ выгоденъ, который представляетъ не одинъ сбытъ, а множество разныхъ сбытовъ. Москва не возитъ хлѣба за границу, а ея торговля хлѣбная и теперь превосходитъ орловскую со всѣми его заграничными оборотами. Москва не знаетъ ни Чернаго моря, ни Балтики, а ея хлѣбные капиталы (значитъ, и сбытъ) огромны, а Орелъ городъ весьма не сильный торговыми капиталами. Торговля хлѣбная, единственно заграничная, не вполнѣ благонадежна. Хлѣба дома держать нельзя, а если Англія хлѣба не требуетъ или даетъ дешево, то Орелъ остается вовсе безъ сбыта и огромное потрясеніе происходитъ во всей извозной промышленности и во всей торговлѣ. Москва, какъ самостоятельный хлѣбный рынокъ, даетъ еще ходъ товару. Тутъ выгода огромная въ пользу Москвы.

3) Тотъ только путь истинно выгоденъ, который, кромѣ конечныхъ пунктовъ, представляетъ еще надорожные пункты, имѣющіе самостоятельное значеніе. Отъ Орла до Балтики ни одного такаго пункта назвать нельзя; ибо для торговли внутренней путь Московскій ничѣмъ не уступаетъ Орловскому; но на Московской дорогѣ или весьма близко къ ней лежитъ главная Двинская пристань — Бѣлой (вѣрнѣе — Бѣлая, какъ ее мѣстные жители называютъ), и при пониженіи цѣнъ заграничныхъ еще остается возможною водяная доставка по теченію весною, правда, менѣе вѣрная и не соотвѣтствующая всѣмъ требованіямъ торговли, но за то гораздо болѣе дешевая. Такое соединеніе водянаго сообщенія съ сухопутнымъ, дешеваго съ быстрымъ, представляетъ выгоды неисчислимыя: опять въ пользу Москвы.

4) Наконецъ, то мѣсто по преимуществу можно назвать центромъ, которое наиболѣе обезпечено самимъ товаромъ. Въ этомъ отношеніи Москва при неурожаѣ на юго-востокѣ и востокѣ (въ Тульской, Рязанской и части Томбовской губерніи) представляетъ по видимому столько же невыгодъ, сколько и Орелъ въ случаѣ неурожая въ прилежащей къ нему

сѣверо-восточной и восточной полосѣ (въ Орловской, въ части Курской и Воронежской губерніи, ибо южнѣе земля тянетъ къ Черному морю), но это совсѣмъ не такъ. Съ небольшимъ въ трехъ стахъ верстахъ отъ Москвы лежатъ самыя огромныя хлѣбные запасы во всей Россіи, и по первому востребованію они могутъ явиться на Европейскій рынокъ, уничтожая всякое соперничество и удовлетворяя всякой нуждѣ. Эти же запасы, которымъ равныхъ конечно Орелъ никогда имѣть не можетъ, представляютъ еще ту выгоду, что они, въ случаѣ нужды, скорѣе поспѣютъ на пристань, (даже прежде уборки новыхъ хлѣбовъ) и что, будучи заготовлены для разнообразныхъ требованій внутреннѣй, а не для одной внѣшней торговли, они будутъ всегда собраны въ огромныхъ размѣрахъ. Одно это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, рѣшаетъ уже окончательно вопросъ въ пользу Москвы и долженъ убѣдить вашего умнаго и просвѣщеннаго противника.

И такъ: сперва Московско-Либавскую, а потомъ уже вспомогательную Орловскую.

Я кончилъ. Объ самомъ дѣлѣ кончилъ, но не могу не сдѣлать маленькаго замѣчанія на нѣсколько словъ г. Журавскаго, которыя и вы приводите: «только въ Москвѣ не хотятъ обращать вниманія на быстрое развитіе городовъ въ южной Россіи, на соединеніе въ одной странѣ богатствъ ископаемаго, растительнаго и животнаго царствъ». Да изъ чего же видно, «что вниманія обращать не хотятъ»? Вотъ я, напримѣръ, Тулякъ (слѣдовательно тоже Москвичъ) давно всему этому радуюсь и знаю многихъ, которые раздѣляютъ со мною это чувство. Изъ чего же видна ваша Московская слѣпота, вольная или невольная? Кажется, у васъ даже Общество Сельскаго Хозяйства хлопотало и хлопочетъ объ усовершенствованіи нѣкоторыхъ отраслей промышленности на Югѣ, даже на Кавказѣ. Доказательство сочувствія и зоркости на лицо, гдѣ же признаки слѣпоты? Далѣе: «въ Москвѣ не хотятъ замѣчать, что съ населеніемъ и разработкою естественныхъ произведеній южной полосы, центръ Россіи все болѣе и болѣе передвигается къ Югу». Этого точно не замѣчаютъ, да и не хотятъ, да и не могутъ замѣтить. Процвѣтаетъ при-каспійскій край? Подвигай туда центръ! Процвѣтаетъ Сибирь? Туда! Бѣдный центръ, осужденный на шатаніе со всякимъ шагомъ Россіи впередъ! Созидаются, правда, новые центры торговли и общительности на Югѣ; будутъ созидаться и на дальнемъ Востокѣ, и слава Богу. Это совсѣмъ еще не шатаніе и не перекочевка центра

Россіи. Далѣе: «или лучше сказать, тамъ все это видятъ, но подъ вліяніемъ идеи, что Москва есть сердце Россіи, готовы интересы всей массы народа принести въ жертву этому сердцу.» Какіе же вы всѣ въ Москвѣ странные эгоисты! Вы же и Славянофилы, и всѣхъ Славянъ любите чуть-чуть не зловредною любовью; а теперь только начинаетъ расти Южный край вашего же отечества, васъ сей часъ зависть точитъ. Сколько на васъ грѣховъ. Харьковъ отобьетъ у васъ шерстяную торговлю, Бахмутъ каменноугольную, Кіевъ пшеницу или что нибудь другое, а ужъ Бердянскъ, Эйскъ и Ѳеодосія совершенно отрѣжутъ отъ васъ Черное море, которое безъ нихъ было бы къ вамъ ближе. Полноте! какъ не стыдно вамъ такъ думать! А, пожалуй, вы совсѣмъ такъ и не думаете; пожалуй, вы совершенно разумны и сочувственны, и радуетесь всякому добру и преуспѣянію на Югѣ точно такъ же, какъ радовались съ восторгомъ славѣ Гоголя, никакъ не думая, чтобы его Мало-Россійская слава роняла честь сѣвернаго художества. Да васъ и за это по головкѣ не гладили. Видно Москвѣ никогда правою не быть; а мы все-таки скажемъ: «дай Богъ здоровья старушкѣ»!

Жаль мнѣ было прочесть у г. Журавскаго строки, которыя вы привели. Онѣ ничего не доказываютъ кромѣ того, что въ какихъ-то мѣстахъ и какимъ-то людямъ Москва не мила. Но не слѣдовало такому просвѣщенному человѣку и полезному дѣятелю давать выраженіе чувствамъ, которыхъ самъ онъ вѣроятно совершенно чуждъ.

Примите, м. г. увѣреніе, и проч.

Тула.
Декабря 20 дня, 1856 года.

ЗАМѢТКА

ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Въ № 3. Русской Бесѣды помѣщено Обозрѣніе свеклосахарнаго производства, статья весьма дѣльная, обратившая на себя вниманіе многихъ, въ томъ числѣ и мое. Дѣйствительно, въ ней изложены совершенно справедливые выводы по этой богатой отрасли сельскохозяйственной промышленности; но, при историческомъ изложеніи распространенія ея въ таможенномъ союзѣ Германіи сказано на страницѣ 22, что съ 1844 года акцизъ на свекловичный сахаръ уравненъ во всемъ союзѣ на слѣдующихъ основаніяхъ:

«Акцизъ на сахаръ внутренняго приготовленія въ союзѣ опредѣляется ниже противъ пошлины на привозный сахаръ такъ, чтобы оказывалось соразмѣрное покровительство внутреннимъ заводамъ, безъ стѣсненія однако же выгодъ союза и потребителей конкурренціею привознаго сахара: ни въ какомъ случаѣ акцизъ на свекловичный сахаръ не долженъ быть *ниже 20%* противъ пошлины на привозный изъ-за границы.»

Но, перелистывая нѣмецкое сочиненіе г. Германа *Практическое руководство къ свеклосахарному производству* (Practisches Handbuch der Runkelrübenzucker-Fabrication. F. W. Hermann. 1852), на стр. 91 и 92 прочолъ я положеніе объ акцизѣ на свекловичный сахаръ въ таможенномъ союзѣ, тамъ сказано:

а) Ввозная пошлина на иностранный сахаръ и патоку и акцизъ на производимый въ союзѣ свекловичный, вмѣстѣ взятые, должны представлять на каждаго жителя торговаго союза по его народонаселенію извѣстный валовой доходъ, равняющійся доходу отъ пош-

лины на привозный сахаръ и патоку на каждаго жителя союза, среднимъ числомъ трехъ лѣтъ $18\frac{38}{40}$.

b) Количество акциза на свекловичный сахаръ опредѣляется на три года съ 1 Сентября, и объявляется по крайней мѣрѣ за восемь недѣль до этого срока. Въ тоже время, съ измѣненіемъ акциза на сахаръ внутренняго приготовленія, устанавливается и пошлина на привозный сахаръ.

c) Акцизъ на внутренній сахаръ опредѣляется всегда столько ниже противъ пошлины на привозный сахаръ, сколько необходимо для покровительства внутреннихъ фабрикъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не стѣснять конкурренціею заграничнаго сахара выгодъ самаго союза и потребителей.

d) Ни въ какомъ случаѣ, хотя бы доходъ отъ пошлины на привозный сахаръ и не былъ ниже средняго дохода годовъ $18\frac{38}{40}$, акцизъ на свекловичный сахаръ долженъ быть всегда *ниже 20%* пошлины съ сахара привозимаго изъ-за границы для рафинированія.

Изъ сего видна ошибка (1), и довольно важная: вмѣсто того, чтобы акцизъ на свекловичный сахаръ *не былъ ниже 20%*, какъ сказано въ Бесѣдѣ, пошлины, онъ постоянно долженъ *быть ниже 20%* пошлины.

Тамъ же въ обозрѣніи внутренняго законодательства, стр. 7., Князь Черкасскій, говоря объ измѣненіи пошлины на привозный къ намъ сахаръ, весьма справедливо замѣчаетъ, «что пониженіе ввозной пошлины удешевитъ нѣсколько сахаръ для потребителей, и это пониженіе цѣны естественно должно будетъ совершиться на счетъ отечественныхъ свеклосахарныхъ заводчиковъ, и что съ пониженіемъ пошлины съ сахара сырца ниже 3 р. с. съ пуда, должно неминуемо начаться постепенное закрытіе огневыхъ свеклосахарныхъ заводовъ, и т. д.»

Число огневыхъ заводовъ далеко превосходитъ число паровыхъ, хотя первые устроены и въ меньшемъ масштабѣ; но они-то болѣе всего приносятъ пользы хозяйству, добывая свекловицу на своихъ поляхъ, вводятъ улучшенныя орудія, могутъ употребить болѣе средствъ къ удобренію земли и совершенствованія всего хозяйства.

---

(1) Просимъ извиненія у почтеннаго автора статьи, помѣщенной въ 3-й книгѣ Бесѣды: эта ошибка не его, а наша типографская.

Такіе заводы, не имѣя средствъ вводить паровые и другіе усовершенствованные снаряды, какъ видно изъ Обозрѣнія, далеко менѣе добываютъ сахара, и потому при низкихъ на него цѣнахъ уже не будутъ въ состояніи выдержать совмѣстничества паровыхъ заводовъ, должны будутъ лишиться положеннаго на устройства ихъ капитала, а рабочій классъ лишиться зароботковъ у себя дома и въ самое свободное время.

Пониженіе пошлины сверхъ того уменьшитъ сильно доходъ казны, и въ рядъ ли оный вознаградится большимъ привозомъ; притомъ понизится ли для потребителей цѣна сахара соразмѣрно пониженію пошлины?

Однимъ словомъ, несоразмѣрное уменьшеніе пошлины на привозный сахаръ и увеличеніе на туземный, не принеся пользы казнѣ, нанесетъ ударъ заводчикамъ и лишитъ бѣднѣйшій классъ народа средствъ заработывать деньги, не удаляясь отъ своихъ семействъ. Вся же выгода останется на сторонѣ однихъ только торговцевъ, выписывающихъ сахаръ изъ-за границы.

П. Шишковъ.

ПИСЬМО ИЗЪ БѢЛГРАДА.

(къ Е. П. Ковалевскому.)

Бѣлградъ $\frac{21\ Января}{2\ Февраля}$ *1857.*

Пользуясь милостивымъ разрѣшеніемъ вашего превосходительства, я употребилъ значительную часть минувшаго года на поѣздку по западнымъ Славянскимъ странамъ, занимательнымъ для меня въ ученомъ отношеніи. Я успѣлъ ознакомиться, на сколько нужно было для моихъ литературныхъ трудовъ и на сколько позволяло время, почти со всѣми Славянскими землями, отъ восточной Померанiи и окрестностей Данцига до полу-Австрійскаго, полу-Турецкаго города, носящаго наименованіе столицы Сербіи. Буду просить благосклоннаго позволенія поднести вашему превосходительству общій отчетъ о наблюденіяхъ моихъ при этомъ путешествіи; но предварительно осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе ваше нѣкоторыя подробности о поискахъ моихъ между Сербами и дальнѣйшихъ моихъ предположеніяхъ для археологическаго изученія ихъ края, занимающаго меня особенно по причинѣ предпринятой мною разработки древней сербской исторіи.

При первомъ шагу на Сербской землѣ я былъ съ особенною благосклонностью принятъ святѣйшимъ патріархомъ Карловецкимъ, Іосифомъ Раячичемъ. Узнавъ о цѣли моего пріѣзда, почтенный святитель велѣлъ открыть мнѣ библіотеку Карловецкой митрополіи, позволилъ мнѣ поселиться въ прилегающей къ книгохранилищу комнатѣ, и въ разговорахъ своихъ оказывалъ мнѣ самое лестное расположеніе и снисходительное вниманіе. Я провелъ нѣсколько дней въ Карловцахъ, черпая преимущественно изъ рукописной Сербской исторіи,

составленной въ началѣ прошлаго столѣтія (пред)послѣднимъ Сербскимъ воеводою, Юріемъ Бранковичемъ, во время его 20-лѣтняго заключенія въ Австрійской крѣпости. Кромѣ того я списалъ въ Карловцахъ нѣсколько грамотъ прежнихъ Сербскихъ королей, и въ одной рукописи XVI столѣтія нашелъ странное изліяніе древняго патріотизма Сербскаго, надпись, сочиненную для фантастическаго памятника на Косовомъ полѣ. Но не столько по этимъ книжнымъ пріобрѣтеніямъ, сколько по личности Патріарха, дорого мнѣ воспоминаніе о Карловцахъ; время, проведенное у старца, который оставитъ по себѣ имя на долго памятное въ исторіи Сербскаго народа, было однимъ изъ самыхъ пріятныхъ эпизодовъ моего путешествія.

Изъ Карловцевъ я поѣхалъ осмотрѣть Фрушкогорскіе монастыри, Аоонъ Сербскаго Православія. Эти 12 монастырей весьма замѣчательны, не только по хранящимся въ нихъ древностямъ, но и по своему прекрасному положенію и въ особенности по историческому своему значенію. Всѣ они возникли въ XV и XVI вѣкѣ, т. е., во время самаго жестокаго разгара Турецкаго насилія въ Сербскихъ областяхъ. Когда разорена была Христіанская святыня въ коренныхъ Сербскихъ земляхъ, то Сербскіе вожди, чтимые теперь потомствомъ, какъ святые (Стефанъ Лазаревичъ, Іоаннъ и Максимъ Бранковичи съ матерью своею Ангелиною, Стефанъ Шиляповичъ и др.) употребили послѣднія силы своего изнемогающаго народа на то, чтобы создать новый пріютъ Христіанству въ гористомъ, живописномъ уголкѣ между Савою и Дунаемъ. Сюда перенесены были мощи св. князя Лазаря, павшаго на Косовомъ полѣ, на поклоненіе которымъ и нынѣ еще Сербы собираются тысячами въ роковой день Косовскаго боя (15 Іюня). Здѣсь долго сосредоточивалась вся православная жизнь и вся умственная дѣятельность Сербовъ, и въ этомъ отношеніи Фрушкогорскіе монастыри вполнѣ достойны того уваженія, которымъ они пользуются. Я встрѣченъ былъ иноками съ величайшимъ радушіемъ, и осмотрѣлъ рукописи и старинные документы въ каждомъ изъ монастырей. Не смѣю утомлять ваше вниманіе исчисленіемъ матеріаловъ, которые я тамъ собралъ; приведу только, въ доказательство предупредительности ко мнѣ тамошняго духовенства, что игуменъ Шишатовецкаго монастыря, видя любопытство, возбужденное во мнѣ однимъ сборникомъ Болгарскаго письма, важнымъ по многимъ древнимъ особенностямъ языка, и замѣтивъ, что въ бытность мою на Фрушкой горѣ я не былъ бы въ состояніи воспользо-

ваться этою рукописью, весьма пространною, позволилъ мнѣ взять ее съ собою и удержать на болѣе продолжительное время.

Бѣлградскія библіотеки не оправдали моихъ ожиданій. Нельзя не удивляться равнодушію здѣшнихъ Сербовъ къ памятникамъ ихъ собственной исторіи. По видимому они цѣнятъ эту науку: я могу судить о томъ по вниманію, съ какимъ принята была здѣсь книжка, изданная мною о первомъ періодѣ Сербской и Болгарской исторіи. Ее перевели по Сербски, и не смотря на бережливость здѣшняго правительства, особенно въ отношеніи къ ученымъ предпріятіямъ, опредѣлили переводчику казенное пособіе, хотя число собранныхъ имъ подписчиковъ достаточно для покрытія его издержекъ. Но никто въ Сербіи не подумалъ еще о необходимости собрать и сохранить рукописи, которыхъ вѣроятно не мало разбросано по церквамъ и монастырямъ княжества и гніетъ въ неизвѣстности. Единственные важные историческіе матеріалы, какіе я нашелъ въ Бѣлградѣ, получены случайно отъ одного школьнаго учителя въ Турецкомъ городѣ Скоплѣ (Умкюпъ), занимающагося по охотѣ собираніемъ древностей. Замѣчательно, что эти матеріалы относятся не къ Сербской, а къ Болгарской исторіи. Я не замедлилъ войти въ сношеніе съ упомянутымъ собирателемъ и надѣюсь получить отъ него какія-нибудь любопытныя рукописи.

Нынѣ открывается передо мною обширное поле ученой дѣятельности. Край, въ который мнѣ назначено ѣхать (въ Боснію), еще почти не изслѣдованъ; рѣдкіе путешественники, бывавшіе тамъ, занимались преимущественно наблюденіями топографическими и естествоиспытательными; никто, сколько мнѣ извѣстно, не посѣщалъ этой страны съ мыслію объ изысканіяхъ по части Славянской исторіи и этнографіи. Потому я имѣю право надѣяться тамъ на обильную жатву свѣдѣній и матеріаловъ. Употреблю возможныя старанія для собранія въ Босніи древнихъ рукописей и документовъ, зная, что этимъ не только буду обогащать себя лично новыми данными, но что каждый пріобрѣтенный мною памятникъ будетъ, такъ сказать, вырванъ изъ рукъ невѣжества, спасенъ отъ истребленія Турками и даже самими Христіанами. Конечно, не могу ручаться въ томъ, будутъ ли мои пріобрѣтенія многочисленны и важны; это будетъ зависѣть, сколько отъ простой удачи, столько и отъ того, въ какой мѣрѣ я буду имѣть возможность пользоваться временемъ своего пребыванія въ Босніи для обозрѣнія края и посѣщенія древнихъ церквей и мона-

стырей. Опытъ показалъ мнѣ, какъ рѣдко удается пріобрѣтать ученыя свѣдѣнія и матеріалы чрезъ посредство другихъ лицъ; въ Босніи, при общемъ невѣжествѣ, еще труднѣе будетъ употреблять чужое посредство для такихъ поисковъ: необходимо будетъ самому осматривать и допытываться.

Я надѣюсь притомъ, если Богъ дастъ, не ограничиться однимъ матеріальнымъ собираніемъ старинныхъ книгъ. Страна, которая издавна привлекала мое любопытство, представляетъ, вмѣстѣ съ сопредѣльною ей Старою Сербіею, важный вопросъ этнографическій, еще никѣмъ нетронутый. Отъ рѣшенія его зависитъ, по моему мнѣнію, разгадка многаго, до сихъ поръ непонятнаго въ исторіи южныхъ Славянъ; важный въ отношеніи къ прошедшему вопросъ, о которомъ я говорю, не останется, можетъ быть, безъ значенія и въ будущемъ. Останавливая вниманіе на исторіи Задунайскихъ Славянъ, нельзя не быть пораженнымъ шаткостію государствъ, которыя они созидали. Приведу только въ примѣръ второе Болгарское царство, основанное въ XI вѣкѣ въ Охридѣ Самуиломъ, и Сербское царство Неманичей, средоточіемъ котораго былъ Призренъ. И то, и другое владѣло временно почти цѣлымъ Балканскимъ полуостровомъ. Недавно случилось мнѣ получить для списанія предложеніе Сербскаго царя Душана Венеціанской республикѣ о заключеніи трактата для завоеванія Константинополя. Едва проходило двадцать или тридцать лѣтъ съ поры полнаго блеска и могущества, и царства эти лежали въ развалинахъ. Такая слабость и неспособность къ оборонѣ можетъ быть объяснена, какъ мнѣ кажется, только разнородностью стихій, входившихъ въ составъ южно-Славянскихъ государствъ; иначе было бы въ нихъ болѣе внутренней связи и крѣпости. Въ скудныхъ историческихъ извѣстіяхъ мы не находимъ положительныхъ данныхъ объ этомъ предметѣ; но и теперь такая разнородность существуетъ, и конечно она произошла не въ новыя времена. Въ Босніи мы видимъ многочисленное народонаселеніе Римско-Католическаго исповѣданія; мы знаемъ, что въ Босніи, было, въ XII и XIII вѣк., гнѣздо богомильской ереси, и что Богомилы потомъ, въ слѣдствіе гоненій, перешли большею частію въ католицизмъ: но были-ли богомилы разсѣяны по цѣлой Босніи, или жили отдѣльными поселеніями, принадлежавшими, быть можетъ, къ особому племени? Въ Старой Сербіи, въ центрѣ прежняго Сербскаго могущества, мы видимъ смѣсь Славянъ съ Албанцами и Романами (Цинцарами), и эта смѣсь еще зна-

чительнѣе въ Охридскомъ краѣ, гдѣ процвѣтала нѣкогда держава Болгарская; объ Албанцахъ и Цинцарахъ историческихъ извѣстій въ старинныя времена почти нѣтъ, но очевидно, что они туземцы въ этой странѣ: не составляли ли они народонаселенія порабощеннаго пришедшими изъ-за Дуная Славянами, и не въ этомъ ли причина, почему Охридское царство Самуила и Призренское царство Немапичей распалось при первомъ ударѣ извнѣ? Вотъ вопросы живые и важные, которые могутъ быть разрѣшены только изученіемъ современной этнографіи означенной страны, и на которые я предположилъ себѣ обращать по возможности вниманіе.

Если будетъ у меня нѣсколько свободнаго времени въ Рагузѣ и въ Скутари, то я желалъ бы воспользоваться имъ для начатія изысканій, цѣль которыхъ я позволилъ себѣ изложить вашему превосходительству. Изъ Рагузы было бы любопытно для меня предпринять поѣздку черезъ край Никшичей въ монастырь Пиву, о которомъ я слышалъ отзывъ знаменитаго Шафарика, полагающаго, что въ немъ могутъ быть сдѣланы важныя находки. За тѣмъ, если возможно мнѣ будетъ, я полагаю совершить занимательное путешествіе въ ближайшія мѣста Старой Сербіи, именно въ Призренъ (политическій центръ древняго государства Сербскаго), въ Ипекъ (центръ древней Сербской церкви), и въ лежащій подлѣ Ипека Дечанскій монастырь (главное нынѣ средоточіе Православія у Турецкихъ Сербовъ). Я познакомился въ Бѣлградѣ съ Дечанскимъ архимандритомъ, пришедшимъ сюда для собиранія милостыни, и узналъ отъ него, что этотъ путь считается самымъ легкимъ и удобнымъ для посѣщенія его монастыря.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и отличною преданностью имѣю честь быть, и пр.

А. Гильфердингъ.

О

ВСЕСЛАВЯНСКОМЪ СЛОВАРѢ Г. ШУМАВСКАГО.

(Письмо къ А. С. Хомякову.)

Вы не посмѣетесь надо мною, Алексѣй Степановичъ, если я скажу, что изданіе словаря въ извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ быть важнымъ проявленіемъ народной мысли. Это не относится, конечно, къ тѣмъ безчисленнымъ лексиконамъ, карманнымъ или полнымъ, которые порождаетъ ежегодно по всей Европѣ спекуляція и растущій запросъ публики. Но иногда въ словарѣ можетъ выразиться общая жизненная потребность той среды, въ которой онъ возникаетъ, и тогда онъ выходитъ изъ числа произведеній техническихъ, онъ становится въ рядъ трудовъ умственныхъ.

Таковъ Всеславянскій Словарь г. Шумавскаго. Это не параллельный списокъ словъ каждаго изъ Славянскихъ нарѣчій, въ родѣ извѣстныхъ у насъ параллельныхъ лексиконовъ Рейфа. Нѣтъ, г. Шумавскій видитъ въ Славянской рѣчи органическое цѣлое, и онъ старается возстановить это цѣлое, на сколько возможно въ предѣлахъ простаго лексикона, назначеннаго для сподручнаго употребленія. И въ этомъ дѣлѣ, стало быть, первая мысль о Славянской всеобщности принадлежитъ Чеху. Чехъ, г. Шумавскій предпринимаетъ въ лексикографіи тоже самое, что совершили въ древней исторіи и этнографіи знаменитый Шафарикъ, въ поэзіи Колларъ, въ обработкѣ народной пѣсни Челяковскій и Штуръ, тотъ же Челяковскій въ грамматикѣ, В. В. Ганка въ дѣятельности ученаго наставника. Вы знаете Чеховъ, и вамъ это явленіе понятно: они болѣе всѣхъ другихъ Славянскихъ народовъ стѣснены наплывомъ Германіи, и за то болѣе всѣхъ проникнуты также Германскимъ духомъ любви къ наукѣ. Ясно, что они первые должны были ощутить потребность въ какой нибудь нравственной опорѣ противъ чужаго наплыва, и первые обратились къ наукѣ, которая могла имъ указать ее.

Но вы вѣроятно ожидаете отъ меня не общихъ взглядовъ и разсужденій, а извѣстія объ изданіи г. Шумавскаго. Вы спрашиваете:

какимъ образомъ устроилъ г. Шумавскій свой невиданный еще Всеславянскій Словарь?

Онъ принялъ за основаніе, что большая часть словъ въ каждомъ изъ Славянскихъ языковъ одна и таже, и что разница состоитъ главнымъ образомъ только въ особенностяхъ произношенія, вытекающихъ изъ постоянныхъ фонетическихъ законовъ. Онъ избралъ одно правописаніе, въ которомъ совмѣщаются всѣ звуки Славянской рѣчи, и старался приложить къ нему, по найденнымъ общимъ законамъ звуковыхъ измѣненій, постоянныя правила произношенія для каждаго отдѣльнаго нарѣчія. За общую Славянскую азбуку г. Шумавскій принялъ Русскую, усиливъ ее нѣкоторыми знаками Кириллицы, вышедшими у насъ изъ употребленія. Слово, изображенное такимъ правописаніемъ на основаніи свидѣтельства древнѣйшихъ Кирилловскихъ рукописей, или по аналогіи съ ними, должно совмѣстить въ себѣ, по методѣ г. Шумавскаго, всѣ видоизмѣненія, которыя оно могло принять въ устахъ Русскаго, Болгарина, Серба, Хорутанца, Чеха и Поляка. Большею частію, произношеніе даннаго Славянскаго слова въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій разумѣется само собою, по извѣстнымъ законамъ фонетики, указаннымъ г. Шумавскимъ въ его предисловіи; но часто также одному и тому коренному звуку, представляющемуся въ Кирилловскомъ способѣ писанія, можетъ, въ томъ или другомъ нарѣчіи, соотвѣтствовать нѣсколько разныхъ звуковъ, по прихоти выговора. Это заставило г. Шумавскаго прибѣгнуть къ нѣкоторымъ подстрочнымъ звукамъ, показывающимъ разные оттѣнки произношенія въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ.

Я увѣренъ, что мысль г. Шумавскаго занимаетъ васъ, и что вы желаете знать, какъ онъ ее выполнилъ. Передо мною первые четыре листа его книги, только что отпечатанные.

Посредствомъ нѣкоторыхъ общихъ фонетическихъ правилъ и немногихъ вспомогательныхъ знаковъ, г. Шумавскій съумѣлъ изобразить въ любомъ словѣ, написанномъ согласно съ древнею Кирилловскою ороографіею, всѣ нормальныя измѣненія, какія оно могло принять въ каждомъ изъ шести главныхъ новыхъ Славянскихъ нарѣчій. Я не говорю, чтобы его правописаніе и его словарь были совершенствомъ въ своемъ родѣ. Конечно, нельзя поставить ему въ упрекъ того, что правописаніе его, по разнообразію условныхъ знаковъ и черточекъ, не годится для практическаго употребленія: этого г. Шумавскій не имѣлъ въ виду, да и никогда не нужно будетъ

писать вдругъ на всѣхъ шести Славянскихъ языкахъ, вмѣстѣ взятыхъ; а практическое неудобство это вышло только изъ того, что г. Шумавскому нужно было, какъ я сказалъ, совмѣстить въ каждомъ словѣ звуковые оттѣнки этихъ шести языковъ. Многое конечно можно было бы упростить и сдѣлать понятнѣе для тѣхъ, которые будутъ пользоваться Всеславянскимъ Словаремъ. Также не мало, кажется, внесено въ Словарь г. Шумавскаго лишнихъ выраженій, насильственно составленныхъ и никогда не употребляющихся у тѣхъ народовъ, которымъ они приписываются лексикографами, и много за то коренныхъ, народныхъ словъ пропущено. Вообще видно, что г. Шумавскій имѣлъ для каждаго парѣчія только одинъ какой нибудь лексиконъ, которому онъ слѣдовалъ, какъ главному своему источнику, пользуясь имъ безъ особенной критики и не обращая вниманіе на множество частныхъ трудовъ, которые могли бы служить ему для дополненія и повѣрки обработываемаго матеріала. Это отсутствіе ученой критики составляетъ важнѣйшій недостатокъ Словаря г. Шумавскаго. Но будемъ ему благодарны и за то, что онъ теперь издаетъ. Лѣтъ черезъ двадцать, кто нибудь на основаніи его труда совершитъ нѣчто болѣе, полное и съ большею критикою провѣренное. Если бы теперь г. Шумавскому захотѣлось удовлетворить всѣмъ требованіямъ строгой критической разработки въ отношеніи къ такому огромному матеріалу, каковъ Всеславянскій лексиконъ, то мы ждали бы его еще, Богъ знаетъ, сколько времени; а этотъ трудъ намъ нуженъ теперь же, нуженъ поскорѣе; онъ будетъ намъ полезенъ.

Онъ покажетъ, какъ сходенъ лексическій матеріалъ во всѣхъ Славянскихъ языкахъ, и какъ близки они другъ къ другу во всемъ своемъ строѣ и составѣ.

Онъ покажетъ, какъ удобно всѣ ихъ звуки ложатся въ Русскую азбуку, наслѣдованную отъ Всеславянскихъ учителей, Кирилла и Меѳодія.

Не правъ ли я былъ, Алексѣй Степановичъ, когда сказалъ въ началѣ своего письма, что и Словарь можетъ иногда быть плодомъ жизненной мысли? Не правда ли, вы съ удовольствіемъ возьмете въ руки первую тетрадь труда г. Шумавскаго, которая выйдетъ къ Новому году?

А. Гильфердингъ.

Прага.
4 Ноября 1856.

И. И. ШУВАЛОВЪ.

«Мы забудемъ со временемъ однофамильца Шувалова, который писалъ остроумные стихи на французскомъ языкѣ, который удивлялъ Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученыхъ и неученыхъ Парижанъ любезностью, веселостью и учтивостью, достойною временъ Людовика XIV; но того Шувалова, который покровительствовалъ Ломоносова, никогда не забудемъ. Имя его навсегда останется драгоцѣнно музамъ отечественнымъ.»

Батюшковъ.

Едва ли гдѣ нибудь исторія образованности, изложенная надлежащимъ образомъ, можетъ представить столько важныхъ и для всякаго мыслящаго человѣка поучительныхъ явленій, какъ въ нашемъ отечествѣ. Разнообразіе путей, которыми переходила къ намъ наука, борьба возникавшихъ понятій, участіе въ этомъ дѣлѣ самаго общества, которое то жадно устремлялось къ свѣту, то снова предавалось губительному равнодушію; — все здѣсь привлекаетъ вниманіе наблюдателя. Такая исторія еще не писана; едва указаны главныя черты ея. Нѣтъ сомнѣнія однакожъ, что въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія, въ Россіи, какъ и вездѣ, на ряду съ благодѣтельными мѣрами правительства, не малую пользу приносили труды и заботы частныхъ людей, самостоятельныхъ его помощниковъ. Въ прошломъ столѣтіи, въ краткомъ спискѣ такихъ людей особенно ярко блистаютъ имена академика Ломоносова, вельможи Шувалова и типографщика Новикова. Мы увѣрены, что обстоятельныя жизнеописанія ихъ послужатъ важнѣйшимъ матеріаломъ будущему историку русскаго просвѣщенія.

Въ этой увѣренности передадимъ дошедшія до насъ свѣдѣнія о знаменитомъ *предстатель музъ*, *русскомъ меценатъ*, Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ. Кажется, что именно въ настоящее время будетъ

кстати возобновить память объ этомъ человѣкѣ: Московскій Университетъ, учрежденіе котораго составляетъ главное право Шувалова на признательность общественную, еще такъ недавно праздновалъ свое столѣтіе.

Имени Шуваловыхъ мы не найдемъ ни въ Исторіи Государства Россійскаго, ни въ старинныхъ грамотахъ, ни въ другихъ письменныхъ памятникахъ древней Россіи (1). Ихъ извѣстность начинается не раньше первой четверти прошлаго вѣка, и ею, кажется, они обязаны долговременной и усердной службѣ генералъ-маіора Ивана Максимовича Шувалова, обратившаго на себя вниманіе Петра Великаго, который поручилъ ему важную должность коменданта въ новозавоеванномъ городѣ Выборгѣ. Онъ былъ человѣкъ свѣдущій, занимался съемкою карты морскихъ и рѣчныхъ береговъ, опредѣлялъ границу между Россіею и Швеціею, производилъ уплату денегъ шведскимъ коммиссарамъ на основаніи Ништадтскаго мира, содѣйствовавъ къ выгоднѣйшему заключенію сего послѣдняго, и умеръ при Аннѣ Іоановнѣ губернаторомъ въ Архангельскѣ (2). По всему видно,

(1) См. Россійск. Родословную книгу, изд. кн. П. Долгоруковымъ. Спб. 1855. ч. II. стр. 148. Андрей и Николай Шуваловы упоминаются въ Запискахъ Пашокина, стр. 249.

(2) Продолжительность мирныхъ переговоровъ съ Швеціею выводила изъ терпѣнія Петра Великаго. Онъ наконецъ отправилъ въ Ништадтъ Ягужинскаго, съ повелѣніемъ поскорѣе окончить дѣло. Ягужинскій долженъ былъ ѣхать черезъ Выборгъ, и тамошній оберкомендантъ Ив. Макс. Шуваловъ, по просьбѣ Остермана, задержалъ Ягужинскаго разными угощеніями и пирами. Между тѣмъ наши уполномоченные выиграли время и заключили миръ безъ дальнѣйшихъ уступокъ. См. объ этомъ рукописное сочиненіе покойнаго Малиновскаго: *Біографическія свѣдѣнія о управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министрахъ*, въ статьѣ объ Остерманѣ.—Бантышъ Каменскій, въ своемъ Словарѣ (1836, ч. V. стр. 345) называетъ Ивана Максимовича отцемъ нашего мецената; но въ Родословной книгѣ кн. Долгорукова показано, что этотъ Иванъ Максимовичъ былъ его дядею, а отцемъ Ивана Ивановича былъ другой Иванъ Максимовичъ, *меньшой*, братъ перваго. (Въ старину, какъ и теперь у крестьянъ, не рѣдко два родные брата носили одно имя, различаясь прозвищами *большой* и *меньшой*.) Изъ этихъ разнорѣчащихъ показаній мы признаемъ второе болѣе достовѣрнымъ, ибо кн. Долгоруковъ очевидно пользовался бумагами, какихъ не было у Бантыша-Каменскаго. Къ сожалѣнію оба они не указываютъ своихъ источниковъ. Кн. Долгоруковъ письменно извѣщалъ насъ, что свѣдѣнія и бумаги о Шуваловыхъ были получены имъ отъ покойнаго знатока старины, Карабанова.—Рѣшить дѣло предстоитъ тому, кто получитъ доступъ къ семейному Шуваловскому архиву. Но если вѣрно показаніе Бантыша-Каменскаго, то возникаетъ любопытное предположеніе, не сблизился ли Ломоносовъ первоначально съ Шуваловымъ между прочимъ и потому, что отецъ сего послѣдняго управлялъ Архангельскою губерніею. Просимъ извиненія у читателей за это длинное примѣчаніе, вызванное неопредѣленностію біографическихъ данныхъ.

что онъ былъ добрый служака, не пользовавшійся впрочемъ большимъ значеніемъ. Однако онъ успѣлъ помѣстить двухъ сыновей своихъ, Александра (1710—1771) и Петра (1711—1762) (3), въ пажи къ царскому двору, гдѣ еще при Петрѣ Великомъ оба они, а особливо старшій (4), заслужили особенное благоволеніе великой княжны Елизаветы Петровны,—обстоятельство, какъ увидимъ, опредѣлившее судьбу всѣхъ Шуваловыхъ. Вообще же Шуваловы принадлежали къ числу людей *новыхъ*, вызванныхъ къ дѣятельности петровымъ преобразованіемъ.

Иванъ Ивановичъ родился 1-го Ноября 1727 года въ Москвѣ (5). О первоначальномъ возрастѣ его не сохранилось почти никакихъ извѣстій. Объ отцѣ его, Иванѣ Максимовичѣ *младшемъ*, знаемъ только, что онъ служилъ въ гвардіи капитаномъ, подъ начальствомъ Миниха, лично извѣстенъ былъ Петру Великому, получилъ тяжелую рану на приступѣ къ Очакову (1737) и умеръ въ глубокой старости, не дождавшись совершеннолѣтія сына; о матери же—что она происходила изъ роду (вѣроятно польскаго) Ратиславскихъ, что ее звали Татьяною, и что она была еще въ живыхъ, когда счастіе осыпало дарами своими ея сына (6). Маленькій Шуваловъ росъ конечно подъ ея надзоромъ, живя изрѣдка въ Москвѣ, но большей же

(3) См. ихъ біографіи у Б. Кам. Т. V. стр. 341—345; оттуда же взяты и дальнѣйшія о нихъ свѣдѣнія.

(4) См. тамъ же стр. 342. Впрочемъ Б. К. сообщаетъ это свѣдѣніе въ видѣ дошедшаго до него преданія.

(5) Что Шуваловъ родился въ Москвѣ, узнаемъ изъ статьи П. М. Снегирева: *Иванъ Ивановичъ Шуваловъ* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1837, часть 15-я, Августъ, стр. 396—405). Откуда взято это свѣдѣніе, неизвѣстно. Годъ рожденія Шувалова опредѣляется надгробнымъ словомъ преосвященнаго Анастасія Братановскаго, который между прочимъ говоритъ, что Шуваловъ *прожилъ 70 лѣтъ*, а скончался онъ въ Ноябрѣ 1797 г.—Бантышъ-Каменскій также назначаетъ годомъ рожденія 1727 годъ. Кажется, эти показанія неоспоримы. Вольтеръ писалъ къ Шувалову отъ 1-го Авг. 1758 года: «Узнавъ, что вамъ всего двадцать пять лѣтъ, не могу надивиться глубинѣ и разнообразію вашихъ познаній»; но онъ зналъ о годахъ Шувалова по слухамъ, и можетъ быть, по обычаю, нарочно сократилъ года, чтобы еще больше польстить корреспонденту своему. Что Шуваловъ родился 1 Ноября, видно изъ многихъ указаній, между прочимъ изъ Разсужденія Ломоносова о размноженіи россійскаго народа. Ломоносовъ, поднося Шувалову это разсужденіе, 1 Ноября 1761 года, говоритъ: «Прошу о вашемъ безпрерывномъ здравіи и во всемъ удовольствіи Всевышняго Строителя и Правителя всѣхъ народовъ и языковъ, произведшаго васъ въ сей день.» (См. Москвит. 1842 г. N. 1, стр. 143).

(6) См. Родосл. книгу кн. Долгорукаго, Ч. II. стр. 150.—П. М. Снегиревъ сообщаетъ, что Шуваловъ остался послѣ отца 10-лѣтнимъ ребенкомъ.

части въ деревнѣ дѣда своего (не извѣстно по отцу или по матери), кажется, въ Смоленской губерніи (7).

Ничто не предвѣщало Шувалову блестящей будущности. Въ небогатой семьѣ своей онъ получалъ воспитаніе самое простое (8). Тогда преобразованіе Россіи еще только совершалось; прошло лишь нѣсколько лѣтъ послѣ кончины преобразователя. Въ деревенскую глушь не успѣла еще проникнуть новизна. Хотя родители Шувалова, имѣя родственниковъ при царскомъ дворѣ, болѣе или менѣе уже знакомы были съ новыми требованіями, но въ домѣ ихъ безъ сомнѣнія еще господствовала старина во всей своей силѣ, со всѣми хорошими и дурными сторонами своими. Старикъ дѣдъ былъ живымъ памятникомъ временъ царя Алексѣя Михайловича. Шувалова вспоили и вскормили деревенскія мамушки; съ первыхъ дней своихъ онъ слышалъ одну только родную рѣчь, русскія сказки, русскія пѣсни; словомъ, провелъ дѣтство въ неразрывномъ общеніи съ народомъ, не отчуждаясь отъ него, не привыкая смотрѣть на него съ высока. Тогдашнее воспитаніе, какъ ни много представляетъ оно недостатковъ, имѣло однако свою выгоду, и именно въ этомъ ближайшемъ знакомствѣ съ родною страною и съ окружающею природою. Мы знаемъ о томъ, между прочимъ, по запискамъ Болотова, который также, какъ и Шуваловъ, сынъ небогатаго дворянина, первые годы провелъ въ деревенскомъ захолустьи (9). Такое сближеніе дѣйствовало живительно: ребенокъ выросталъ настоящимъ сыномъ земли своей.

---

(7) См. Записки П. Ѳ. Тимковскаго, подъ заглавіемъ: *Мое опредѣленіе въ службу, ч. 5-я, Шуваловъ* (Москвит., 1852, N 20. стр. 59.). «Сколько я могъ замѣтить—говоритъ Тимковскій о Шуваловѣ—кажется, онъ имѣлъ особыя отношенія въ Смоленской губерніи. Я видалъ у него и у княгини (Голицыной, сестры его) бывшаго тамъ губернатора съ семействомъ и другихъ оттуда пріѣзжихъ. Оттуда же онъ имѣлъ секретарями изъ университетскихъ, Можайскаго, переводчика Сельскихъ ночей (Сельскія ночи, въ 10 пѣсняхъ: соч. Де-ла-во, перев. Т. М. Два изданія, оба въ Петербургѣ, 1786 и 1792), и потомъ Людоговскаго, бывшаго тамъ послѣ директоромъ училищъ».

(8) *См. Жизнь оберъ-камергера И. И. Шувалова*, написанную племянникомъ и воспитанникомъ его, кн. Ѳедоромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Она была напечатана нѣсколько разъ (между прочимъ во 2-й мартовской книгѣ Москвитянина за 1853 годъ), но всегда съ пропусками. Мы пользовались полнымъ рукописнымъ экземпляромъ, находящимся въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго. При всей краткости своей эта біографическая записка представляетъ самыя достовѣрныя данныя, и потому принята въ основаніе нашего труда. Изъ нея заимствованы всѣ главныя свѣдѣнія, при сообщеніи которыхъ считаемъ излишнимъ дѣлать выноски.

(9). См. Отечеств. Записки 1849 года. Нельзя не пожалѣть, что изъ 39 частей этихъ записокъ напечатаны только первыя девять, и то съ пропусками.

Вообще Шуваловъ, подобно многимъ другимъ славнымъ людямъ прошлаго вѣка, первоначальными основами своего характера обязанъ былъ тому быту, который обыкновенно называютъ до-петровскою стариною. Изъ родительскаго дома вынесъ онъ безусловную покорность уставамъ Церкви, благоразумное, далеко не похожее на раболѣпство, уваженіе власти, горячую любовь къ родинѣ и то желаніе быть ей полезнымъ, которое увѣковѣчиваетъ его имя въ исторіи. Оттого европейское образованіе, усвоенное имъ впослѣдствіи, принесло такіе прекрасные общественные плоды. Шувалова никогда не покидала мысль о родинѣ и о сообщеніи своимъ соотечественникамъ новыхъ благъ образованности. Письма его изъ-за границы, которыя читатель встрѣтитъ ниже, показываютъ, что, по складу ума и рѣчи, онъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ.

Первыми учебными книгами Шувалова, безъ сомнѣнія, были церковная азбука и часословъ. Къ сожалѣнію не сохранилось никакихъ подробностей объ его ученіи, которое конечно происходило очень просто. Живя въ Москвѣ, онъ учился у одного учителя съ другимъ московскимъ уроженцемъ, славнымъ Суворовымъ, который, по всему вѣроятію, жилъ тогда въ домѣ своего дѣда, кремлевскаго придворнаго протоіерея (10). Шуваловъ помнилъ объ этомъ товариществѣ, и самъ разсказывалъ о немъ впослѣдствіи. Надо думать, что учитель былъ хорошій и умѣлъ заохотить къ ученію: оба ученика вышли просвѣщеннѣйшими людьми своего вѣка. Молодой Шуваловъ еще въ Москвѣ понималъ и даже говорилъ по-французски и по-нѣмецки, также пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ математикѣ.

Его воспитывали по просту, пользуясь при обученіи средствами, какія можно было тогда имѣть въ Москвѣ, и конечно не думая вовсе приготовлять его къ извѣстности. Какъ и всѣ тогдашніе дворяне, онъ со временемъ вѣроятно поступилъ бы рядовымъ въ какой нибудь полкъ, если только не былъ записанъ въ военную службу съ младенчества. Петербургское родство не могло обѣщать родителямъ Шувалова никакихъ особенныхъ надеждъ относительно будущности ихъ сына. Правда, двоюродные его братья служили уже камеръ-юнкера-

(10). См. Родослов. книгу. ч. II. стр. 66. Къ сожалѣнію кн. Долгоруковъ не показываетъ, откуда заимствовалъ онъ это любопытное извѣстіе, которое объясняетъ привычку великаго полководца пѣть въ церкви на клиросѣ, и свидѣтельствуетъ о томъ, что въ старину и велико-русскіе дворяне поступали въ бѣлое духовенство.

ми, но при дворѣ цесаревны Елизаветы Петровны, которая, въ царствованіе Анны Ивановны, сама не рѣдко искала покровительства и жила какъ бы въ опалѣ, иногда даже терпѣла нужду (11).

Но наступилъ памятный въ русской исторіи Ноябрь мѣсяцъ 1741 года. Оба братья Шуваловы показали особенную дѣятельность въ ночь на 25-е число этого мѣсяца, когда дочь Петра Великаго поѣхала изъ дворца своего (нынѣшнее зданіе пажескаго корпуса) въ Преображенскія казармы принимать присягу на вѣрноподданство. Усердіе Шуваловыхъ много помогло счастливому окончанію этого переворота, совершившагося къ радости цѣлой Россіи, измученной правленіемъ Бирона. Государыня, разумѣется, не забыла услуги. Оба брата немедленно получили по нѣскольку наградъ, были пожалованы чинами и удержаны при дворѣ, уже съ званіемъ дѣйствительныхъ камергеровъ. Жена младшаго изъ нихъ, Петра Ивановича, Мавра Егоровна (урожд. Шепелева), сдѣлалась статсъ-дамою и пріобрѣла большую силу во дворцѣ.

Почти весь слѣдующій годъ (съ Февраля по Декабрь) Елизавета Петровна прожила въ любимой своей Москвѣ, гдѣ въ Апрѣлѣ происходили торжества вѣнчанія на царство. Тутъ братья Шуваловы конечно видались съ своими родственниками и, по всему вѣроятію, въ это время замѣтили между ними 15-лѣтняго мальчика прекрасной наружности, тихаго, добронравнаго, прилежнаго къ ученью. Намъ неизвѣстно умственное развитіе Александра Ивановича Шувалова, но о братѣ его, Петрѣ, современники единогласно отзываются, какъ о человѣкѣ съ обширнымъ умомъ и съ большими свѣдѣніями, особливо въ наукахъ математическихъ. По всему вѣроятію онъ обратилъ вниманіе на двоюроднаго брата своего, и рѣшился взять его къ себѣ въ Петербургъ, чтобы образовать его и вывести въ люди. Молодой Шуваловъ былъ опредѣленъ въ пажи къ царскому двору, т. е. поставленъ на ту самую дорогу, по которой съ такимъ успѣхомъ шли его родственники.

(11) Вотъ между прочимъ любопытное о томъ свидѣтельство. Елизавета Петровна въ царствованіе Анны Ивановны была дружна съ принцессою Анною Леопольдовною. Когда у сей послѣдней родился сынъ (будущій императоръ Іоаннъ), цесаревнѣ необходимо было чѣмъ нибудь подарить родильницу. Она нѣсколько разъ посылала въ Гостиный дворъ торговать какую-то вазу; но не могла дать дорогой цѣны, которую за нее просили. Вдругъ гостиподворцы по чему-то узнали, что ваза нужна дочери Петра Великаго, и немедленно уступили ее даромъ. Какъ извѣстно, Елизавета Петровна въ ту пору считалась представительницею русской стороны. Этотъ разсказъ сообщенъ по преданію покойнымъ Ф. Ф. Вигелемъ.

Въ исходѣ 1742 г. государыня и дворъ уѣхали изъ Москвы, и съ этихъ поръ, по всему вѣроятію, началась для Шувалова петербургская придворная жизнь его (12).

Сохранилось много свидѣтельствъ о томъ, что въ это время первые люди въ государствѣ живо чувствовали необходимость образованія. Ближайшее лице къ государынѣ, оберъ-егермейстеръ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій тотчасъ воспользовался своимъ возвышеніемъ, чтобы вызвать изъ Украйны 14 лѣтняго брата, Кирилу Григорьевича, и немедленно, по возвращеніи изъ Москвы, отправилъ его за границу учиться подъ надзоромъ адъюнкта Теплова (13). М. П. Воронцовъ (мужъ императрицыной двоюродной сестры, Анны Карловны Скавронской) не щадилъ издержекъ на воспитаніе дѣтей и племянницы (впослѣдствіи знаменитой кн. Дашковой) (14). Государственный канцлеръ, графъ Бестужевъ-Рюминъ посвящалъ свои досуги наукамъ и въ послѣдствіи даже печаталъ книги (15). Такіе примѣры не могли оставаться безъ подражанія. Не мудрено, что Шуваловы также позаботились объ учителяхъ для брата своего. Но положительныхъ извѣстій о томъ не сохранилось: знаемъ только, что, будучи пажемъ, молодой Шуваловъ продолжалъ начатое въ Москвѣ ученіе. Можетъ быть для преподаванія наукъ приглашались петербургскіе академики; но ни предметы, ни объемъ преподаванія намъ неизвѣстны. Въ послѣдствіи, Шуваловъ не обнаруживалъ особенной склонности къ какой-либо отдѣльной отрасли знанія: его образованіе было общее, энциклопедическое, хотя изящная словес-

(12). Мы говоримъ *по всему вѣроятію*, не утверждая навѣрное. С. Н. Глинка сообщаетъ (Русское Чтеніе, ч. II. стр 281), что Шуваловъ находился уже въ Петербургѣ въ 1742 г., передъ возвращеніемъ туда императрицы, и что онъ спрашивалъ Ломоносова, будетъ ли ода на высочайшее прибытіе. Тотъ отвѣчалъ, что ему надоѣли оды послѣ того, какъ Тредьяковскій написалъ оду Бирону, и потомъ по его приказу накропалъ другую на восшествіе Іоанна Антоновича, которую и приписалъ Ломоносову, чтобъ придать ей ходъ.—Стало быть вы не любите Елизаветы? — возразилъ Шуваловъ. Въ отвѣтъ на это Ломоносовъ принялся за оду:

Какой пріятный зефиръ вѣетъ.

Все это Глинка слышалъ по преданію отъ умирающаго Хераскова, и точности тутъ искать нечего. Кромѣ того Шуваловъ могъ уѣхать изъ Москвы впередъ, прежде двора.

(13). См. въ Москвитянинѣ (1852, № 12. стр. 5—8) *Инструкцію, какимъ образомъ Разумовскому поступать, будучи въ чужестранныхъ государствахъ*, подписанную въ Мартѣ 1743 г.

(14). Записки кн. Дашковой, въ отрывкахъ переведенныя съ англійскаго, въ Москвит. 1842. № 1. стр. 100.

(15). См. его біографію у Бант. Кам. 1836. ч. I. стр. 138—9.

ность наиболѣе занимала его. Это объясняется съ одной стороны потребностями того времени, съ другой необыкновенною способностью Шувалова къ иностраннымъ языкамъ. Онъ рано познакомился съ языками итальянскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ. Послѣднему легко было научиться, находясь при дворѣ Елизаветы Петровны, особливо въ первые годы ея царствованія, когда еще не было устранено вліяніе Лестока; языкъ итальянскій постоянно слышался со сцены придворнаго театра, который славился тогда во всей Европѣ итальянскою оперою; наконецъ уроки учителей, которые, по всему вѣроятію, были преимущественно Нѣмцы, могли познакомить Шувалова съ нѣмецкимъ и латинскимъ языками.

Знаніе языковъ не только обогащало Шувалова разнородными свѣдѣніями, но и помогло служебнымъ его успѣхамъ. Оно было особенно полезно въ должности пажа. Государыня и вельможи не рѣдко посылали Ивана Ивановича къ иностраннымъ министрамъ съ разными посылками, вопросами и порученіями, такъ что онъ былъ постоянно на виду. Его скромность, добронравіе, любознательность, а вѣроятно болѣе всего красота—родовое преимущество Шуваловыхъ, выдвигали его изъ ряда товарищей. Братья Шуваловы не теряли его изъ виду, «имѣя—какъ отзывается племянникъ и жизнеописатель его, Кн. Ѳ. Н. Голицынъ—можетъ быть какія-нибудь дальнѣйшія соображенія». Нѣтъ сомнѣнія, что статсъ-дама, Мавра Егоровна, женщина умная, ловкая и дальновидная, жившая постоянно во дворцѣ (16), пользовалась разными случаями, чтобы обратить на красавца-пажа благосклонное вниманіе государыни Елизаветы Петровны: онъ получилъ первый знакъ милости ея величества—золотые часы, и назначенъ камеръ-пажемъ. Впрочемъ въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны Шуваловы еще не пользовались особеннымъ значеніемъ: тогда наибольшую силу имѣлъ графъ А. Г. Разумовскій. Сохранилось любопытное преданіе, что Мавра Егоровна Шувалова служила молебны по возвращеніи мужа своего съ охоты, на которую онъ ѣзжалъ съ Разумовскимъ, такъ какъ иногда случалось, что сей послѣдній обращался съ ея мужемъ не очень вѣжливо, и по просту сѣкъ его батогами (17). Мало по малу сила

(16). Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. 1821. г., ч. I. стр. 179. и Данилова, стр. 102.

(17). Это разсказывалъ гр. И. Г. Чернышевъ, и записалъ Порошинъ. См. его записки, Спб. 1844. стр. 72.

Разумовскаго ослабѣвала, хотя онъ до конца пользовался почестями и милостями; Шуваловы же умѣли упрочить свое значеніе. Старшій изъ нихъ, Александръ, получилъ въ свое вѣдѣніе тайную канцелярію; Петръ Ивановичъ сосредоточилъ въ рукахъ своихъ разныя отрасли управленія, главнымъ же образомъ тѣ, которыя нынѣ входятъ въ составъ министерствъ военнаго и финансовъ; оба они въ 1746 году получили графскій титулъ русской имперіи. Они дѣйствовали однако весьма осторожно, и для возвышенія двоюроднаго своего брата сочли нужнымъ обратиться къ покровительству двухъ друзей графа Разумовскаго, къ Апраксину и графу Бестужеву-Рюмину. Александръ Ивановичъ Шуваловъ нарочно ѣздилъ къ нимъ просить, чтобъ они «фамиліи ихъ сдѣлали одолженіе и ея величеству въ удобное время доложили» о дальнѣйшемъ производствѣ Ивана Ивановича (18). Очевидно, это было сдѣлано только для прикрытія: на самомъ дѣлѣ милость императрицы къ Шуваловымъ уже не подлежала сомнѣнію.

Сказанное происходило въ 1749 году. Тогда императрица жила круглый годъ въ Москвѣ, по временамъ уѣзжая въ окрестныя села и монастыри. Свои имянины, 5 Сентября, она праздновала въ Воскресенскомъ монастырѣ, и наканунѣ этого дня пожаловала Ивана Ивановича Шувалова, которому тогда еще не исполнилось 22 лѣтъ, своимъ камеръ-юнкеромъ, о чемъ напечатано было слѣдующее извѣстіе въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: «Прошлаго Сентября 4 «дня въ Воскресенскомъ монастырѣ ея императорское величество «всемилостивѣйше пожаловала своего камеръ-пажа Ивана Ивано«вича Шувалова въ свои камеръ-юнкеры съ жалованіемъ, по чему «прочіе ея величества камеръ-юнкеры получаютъ» (19).

Съ этихъ поръ начинается придворное значеніе П. И. Шувалова или, какъ тогда говорили, *случай* его (20). Хотя, по возвращеніи государыни въ Петербургъ, въ 1751 году, явился было ему весьма опасный совмѣстникъ въ лицѣ молодаго подпоручика гвардіи Никиты Аѳанасьевича Бекетова, но его скоро отстранили, съ помощью какого-то притиранья, которое ему далъ графъ П. И. Шуваловъ и

(18). Тамъ же.

(19). См. Спб. Вѣдомости, 1749 г. № 85. стр. 678. извѣстіе изъ Москвы, отъ 15 Октября.

(20). Отсюда обыкновенное выраженіе про людей, внезапно возвысившихся: *онъ человѣкъ случайный*. Этому выраженію соотвѣтствуетъ другое: *быть во времени, временщикъ;* какъ, напр., говорятъ человѣку, который получаетъ выгодное мѣсто: «будешь во времени, меня помяни».

которое обезобразило его наружность ([21]). Неусыпная дѣятельность графини Мавры Егоровны Шуваловой увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: Ивану Ивановичу было отведено особенное помѣщеніе во дворцѣ, остававшееся за нимъ до самой кончины императрицы. Онъ внезапно очутился на высотѣ почестей: его назначили дѣйствительнымъ камергеромъ, дали ему ордена Александра Невскаго и Польскій Бѣлаго Орла (1754), чины генералъ-поручика (21 Сент. 1757) и генералъ-адъютанта (4 Іюня 1760), наконецъ онъ сдѣлался членомъ Конференціи или тогдашняго Государственнаго Совѣта ([22]). Однимъ словомъ, въ продолженіе слишкомъ 10 лѣтъ онъ пользовался неизмѣнною, постоянно возраставшею милостью государыни, которая, какъ видно изъ современныхъ отмѣтокъ, нѣсколько разъ въ году обѣдывала и ужинала у него, оставаясь не рѣдко по долгу въ его домѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны всѣ важныя дѣла проходили чрезъ руки П. И. Шувалова: онъ не рѣдко объявлялъ Сенату и высшимъ чиновникамъ именныя повелѣнія ([23]); къ нему обращались въ затруднительныхъ случаяхъ, когда нужно бывало особенное распоряженіе императрицы; черезъ него подавались просьбы и доклады на высочайшее имя, и особенно часто въ концѣ царствованія, когда Елизавета Петровна по нездоровью почти не выходила изъ внутреннихъ покоевъ дворца ([24]).

Нравы и понятія того времени не дозволяютъ произносить строгихъ приговоровъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя не сказать въ похвалу Шувалову, что счастіе не измѣнило и не испортило его, быть можетъ, потому, что онъ не добивался его, а оно пришло къ нему само, неожиданно. Его предшественникъ графъ Разумовскій, не знавъ его еще коротко, сначала ожидалъ себѣ непріятностей и боялся удаленія отъ двора; но вскорѣ убѣдился, что Иванъ Ивановичъ нисколько не

---

(21) См. его біографію у Бант. Кам. изд. 1836. ч. I. стр. 115.

(22). См. тамъ же, ч. V. стр. 348. Эти повышенія означены также и въ современныхъ вѣдомостяхъ. Бант. Каменскій имѣлъ въ рукахъ, какъ видно, формулярный списокъ Шувалова. У него обозначены дипломатическія бумаги, подъ которыми подписался Шуваловъ, а именно: 7 Марта 1760 г., подъ актомъ приступленія Россіи къ трактату между вѣнскимъ и парижскимъ дворами, о продолженіи войны съ Пруссіею; 10 Марта 1760 г., подъ актомъ приступленія Россіи къ договору между Франціею и Даніею, постановленному въ Копенгагенѣ (о чемъ, не сказано), и 21 Марта того же года, подъ конвенціею о взаимной дружбѣ Россіи съ Австріею.

(23). Записки Шаховскаго. ч. II. стр. 100—101.

(24). См., между прочимъ, Порошина. стр. 462.

думалъ интригами упрочивать свое положеніе, и доброе согласіе между ними никогда не нарушалось. Вообще мы не видимъ у Шувалова соперниковъ; безкорыстными поступками, мягкимъ и всегда ровнымъ характеромъ своимъ онъ никого не могъ вооружать противъ себя. Всѣ знали въ немъ человѣка добродушнаго, не имѣющаго никакихъ личныхъ замысловъ; его благонамѣренности нельзя было не вѣрить, ибо всякое доброе дѣло, всякая истинная заслуга не только находили въ немъ цѣнителя, но онъ самъ любилъ ихъ отыскивать, и обращать на нихъ милостивое вниманіе императрицы. Извѣстно, что душевныя качества всего лучше раскрываются въ тѣхъ случаяхъ, когда судьба предоставляетъ человѣку обширный кругъ дѣйствій и даетъ ему власть надъ другими людьми, которая, по выраженію Екатерины II, подобно вину, обнаруживаетъ душу и сердце. Между тѣмъ какъ вельможи и министры искали покровительства Шувалова, и отъ него не рѣдко зависѣло рѣшеніе въ государственныхъ дѣлахъ первой важности, самъ онъ оставался все тотъ же, тихій и скромный, любитель небольшаго кружка друзей, врагъ ссоръ и шума, доброжелательный и снисходительный. Никакія тревоги не возмущали душевной его ясности; онъ не пристрастился ни къ богатству, ни къ почестямъ. Онъ не имѣлъ и ни за что не хотѣлъ принять графскаго титула, который пріобрѣли двоюродные его братья; отказывался не только отъ медали, которую было вздумали выбить въ честь его, но и отъ большихъ помѣстій, не разъ предлагаемыхъ ему императрицею ([25]).

Нельзя не замѣтить однако, что тутъ была и дурная сторона. По своей добродушной и нѣсколько лѣнивой природѣ, Шуваловъ не могъ въ дѣлахъ государственныхъ выдти изъ-подъ вліянія двоюроднаго своего брата, графа Петра Ивановича, который чрезъ его возвышеніе вполнѣ достигъ своей цѣли и всегда имѣлъ въ немъ покорное себѣ орудіе. Всѣ современники обвиняютъ графа Шувалова въ неумѣренномъ корыстолюбіи, которое омрачало славу и возмущало счастливое спокойствіе Елизаветина царствованія. Опираясь на значеніе брата, онъ первенствовалъ въ Конференціи и Сенатѣ и дѣлалъ, что хотѣлъ. Иванъ Ивановичъ не въ силахъ былъ преодолѣть свой уступчивый характеръ и не рѣдко покорялся брату, вопреки своему убѣж-

(25) См. о медали въ вышеуказанной статьѣ Снегирева, стр. 399. Въ иностранныхъ сочиненіяхъ часто смѣшиваютъ Шувалова съ двоюродными его братьями и называютъ его графомъ. Эта ошибка публично повторялась и у насъ, даже недавно.

денію. Петръ Ивановичъ всегда умѣлъ разжалобить его, надоѣдалъ ему своими просьбами, выставлялъ передъ нимъ свою правоту, и достигалъ цѣли. Не имѣя опытности въ дѣлахъ, П. И. Шуваловъ судилъ о другихъ по себѣ и можетъ быть почиталъ обязанностью слушаться старшаго брата, который вывелъ его въ люди и былъ ему вмѣсто отца. Въ то время уваженіе къ старшинству, особливо въ родствѣ, было очень сильно. Сохранилось на пр. преданіе, что Григорій и Алексѣй Орловы, на высотѣ почестей и славы, никогда не смѣли садиться въ присутствіи малочиновнаго старшаго брата своего, Ивана Григорьевича. Не рѣдко Шуваловъ находился въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ передаетъ кн. Я. П. Шаховской въ драгоцѣнныхъ запискахъ своихъ. Шуваловъ давно и коротко зналъ кн. Шаховскаго и оказывалъ ему покровительство, безъ сомнѣнія цѣня его рѣдкое прямодушіе и усердіе къ службѣ. Но кн. Шаховской постоянно не ладилъ съ графомъ Шуваловымъ. Уже давно между ними были разныя непріятности, особенно усилившіяся съ тѣхъ поръ, какъ кн. Шаховской сталъ засѣдать въ Конференціи, получивъ, не безъ содѣйствія Ивана Ивановича, одну изъ важнѣйшихъ въ то время должностей — генералъ-прокурора въ Сенатѣ. Графу Шувалову нужно было доставить выгодное мѣсто одному изъ своихъ кліентовъ; Шаховской воспротивился, находя такое назначеніе незаконнымъ. Послѣ жаркаго спора гр. Шуваловъ ушелъ изъ Конференціи, собиравшейся обыкновенно во дворцѣ, къ Ивану Ивановичу, и со слезами жаловался ему на упрямство генералъ-прокурора. На другой день явился къ Ивану Ивановичу и сей послѣдній и скоро убѣдилъ его въ своей справедливости. Такимъ образомъ Шуваловъ очутился между двухъ огней. Положено было свести противниковъ на очную ставку.

«Чрезъ нѣсколько дней—разсказываетъ Шаховской — когда его «сіятельство графъ Петръ Ивановичъ по чину генералъ-адъютанта «во дворѣ дежурнымъ былъ, дано мнѣ было знать отъ Ивана Ива«новича, чтобы я по полудни, въ пятомъ часу, пріѣхалъ во дворецъ «и былъ въ покой къ нему, что я исполнить и не преминулъ. Онъ «тотчасъ брата своего Петра Ивановича чрезъ посланнаго отъ себя «увѣдомилъ; а потомъ вскорѣ позвалъ меня къ нему въ дежурную. «Мы, пришедъ, нашли его одного, ходящаго по камерѣ, столикъ не«большой четвероугольной и три стула вокругъ онаго уже были го«товы. Мы поклонясь и учтивыми словами и видами, какъ обыкно-

«венно при такихъ случаяхъ бываетъ, обласкавъ, сѣли за оной сто-«ликъ: Иванъ Ивановичь на одномъ концѣ, а мы по сторонамъ, «одинъ противъ другаго. Иванъ Ивановичь, кликнувъ графскаго ка-«мердинера, послалъ его въ прихожую камеру, чтобъ онъ всѣмъ «приходящимъ къ графу отказывалъ, и началъ, яко ректоръ, пред-«лагать задачу, объявя, во первыхъ, брату своему нѣсколько словъ «изъ моихъ представленій о безпристрастномъ желаніи моемъ быть «съ ними въ согласіи и дружбѣ.» Тутъ начался долгій и жаркій споръ, въ продолженіи котораго Иванъ Ивановичь большею частію молчалъ, изрѣдка останавливая брата своего въ горячности. Шаховской напомнилъ графу многія его продѣлки, доказывалъ, что они могутъ имѣть дурныя послѣдствія и дружески совѣтывалъ вести себя осторожнѣе. «Вотъ братецъ—замѣтилъ Иванъ Ивановичь—мнѣ кажется, его «сіятельство, какъ справедливость любящій человѣкъ, прямо дружбы «вашей желаетъ на честныхъ основаніяхъ.» Но разговоръ, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, кончился ничѣмъ. Миролюбивое вмѣшательство Шувалова не имѣло успѣха, и противники разстались непримиренные. Однако послѣ этого Шаховской замѣтилъ, что «Иванъ Ивановичь болѣе видовъ ласковости, а менѣе прибли-«женія къ искренней откровенности ему оказывалъ ([26]).» Вообще вліяніе брата тяготѣло надъ Шуваловымъ. Вотъ еще примѣръ того. Изъ всѣхъ царедворцевъ Шуваловъ особенно былъ друженъ съ камергеромъ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, братомъ славнаго Захара Григорьевича. Ихъ звали Орестомъ и Пладомъ, и они подписывались такъ въ письмахъ другъ къ другу. Сходство характеровъ, откровенность, добродушіе и любовь къ просвѣщенію сближали ихъ. Но графъ Шуваловъ узналъ, что Чернышевъ передаетъ Ивану Ивановичу объ разныхъ его поступкахъ, и тотчасъ же успѣлъ сбыть съ рукъ такого, какъ выражается кн. Шаховской, Аргуса: Чернышевъ былъ отправленъ въ Вѣну товарищемъ къ тамошнему русскому посланнику, графу Кейзерлингу. ([27]).

И такъ, не смотря на всю силу свою при дворѣ, Шуваловъ въ дѣлахъ государственныхъ былъ покорнымъ орудіемъ другихъ.

---

(26) Записки Шаховскаго. ч. II. стр. 50—64.

(27) Тамъ же. стр. 66—67. и Москвит. 1843, № 11, гдѣ напечатаны письма гр. Чернышова къ Шувалову.

Между тѣмъ нельзя было сказать, чтобъ этотъ человѣкъ не имѣлъ характера; трудно упрекнуть его въ вялости душевной. Что же занимало его, въ какой сферѣ дѣйствовалъ онъ энергически и былъ вполнѣ самостоятеленъ? На высоту почестей, къ блестящему и пышному двору Елизаветы принесъ онъ чувство благотворительности и горячую юношескую любознательность, и тѣмъ оказалъ, можетъ быть, гораздо болѣе истинной пользы отечеству, нежели другіе тогдашніе вельможи.

«Я увѣренъ, говоритъ кн. Ѳ. Н. Голицынъ про дядю своего, «что рѣдко встрѣчался у двора человѣкъ столь добродѣтельный. «Каждаго просителя допущалъ онъ до себя почти безъ доклалу, вы«слушивалъ терпѣливо, отбиралъ бумаги; отвѣтъ они получали безъ «всякой проволочки. Если же онъ хоть мало, между прибѣгающими «къ нему, примѣтить могъ недостаточнаго, то, даже и не спрашивая «объ его состояніи, тотчасъ ему помогалъ. Мало кто, я думаю, вп«дѣлъ въ свою жизнь столь щедраго человѣка.»

Скромность Шувалова конечно утаивала эти подвиги благотворительности. Но до насъ дошли они, какъ по общему преданію, такъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Тотъ же князь Шаховской, о которомъ говорено выше, передаетъ слѣдующій случай. Находясь въ должности генералъ-кригсъ-коммиссара, и живя въ Москвѣ, Шаховской случайно узналъ, что больные солдаты очень дурно помѣщались въ гошпиталѣ, и не подавая никому о томъ рапорта, чтобы поскорѣе помочь, рѣшился перевести ихъ на время въ старое и давно оставленное зданіе дворцовыхъ пивоварень. Петербургскіе враги его, въ томъ числѣ графъ П. И. Шуваловъ, не замедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ, и чрезъ графиню Мавру Егоровну представили этотъ поступокъ, какъ примѣръ необыкновенной дерзости и самовольства. Они увѣрили государыню, что Шаховской помѣстилъ солдатъ съ прилипчивыми болѣзнями въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ разливаются напитки для ея величества. Немедленно поскакалъ въ Москву нарочный съ указомъ перевести больныхъ солдатъ въ домъ Шаховскаго и размѣстить по всѣмъ комнатамъ, не обходя и спальни. Бѣдный Шаховской обратился съ просьбою о заступленіи къ Ивану Ивановичу, который тотчасъ же разсказалъ государынѣ настоящее дѣло и, выпросивъ ему полное прощеніе, поспѣшилъ успокоить его письмомъ своимъ. «Я оному письму господина Шувалова—говоритъ Шаховской—обрадовался, яко бы съ небеси присланной, охранитель-

ной отъ всякихъ мнѣ злоключеній грамотѣ.... своимъ благосклонным ко мнѣ писаніемъ онъ весьма похвалялъ учиненный мой въ призрѣніи больныхъ поступокъ и обнадеживалъ меня своимъ защищеніемъ.... Онъ отъ имени ея величества въ томъ увѣрялъ меня, что ея величество, увидя мое оправданіе, сожалѣетъ, что такъ скоро и неосмотрительно со мною было учинено» ([28]).

Вотъ еще другой примѣръ благотворительности Шувалова. Извѣстный медикъ Лестокъ, оказавшій Елизаветѣ Петровнѣ большія услуги при восшествіи ея на престолъ, былъ оклеветанъ передъ императрицею, лишенъ чиновъ, имѣнія и посаженъ, вмѣстѣ съ молодою женою, въ Петропавловскую крѣпость (1748). Черезъ четыре года ихъ перевели на житье въ Вологодскую губернію, въ Устюгъ Великій (1753). Оттуда Лестокъ писалъ къ Шувалову, прося заступленія. Хотя Лестокъ былъ личный врагъ двухъ самыхъ значительныхъ людей того времени, канцлера Бестужева и фельдмаршала Апраксина, однако Шуваловъ успѣлъ нѣсколько облегчить его участь, исходатайствовалъ ему бо́льшую свободу въ заключеніи, и посылалъ ему разнаго рода вспоможенія, что̀ видно изъ слѣдующаго письма къ нему самаго Лестока ([29]).

«Высокородный графъ, высочайшая милость и сожалѣніе ея имп. величества приводитъ насъ до высочайшей степени радости, что мы въ крайней нашей печали и бѣдности не совсѣмъ позабыты; мы все по реэстру получили, что ваше сіятельство переслать къ намъ изволили. Ваше сіятельство можете разсудить, какъ пріятно и нужно намъ это быть можетъ, что здѣсь ни фунта хорошева чаю, ниже хорошева вина ни за что достать не сыщемъ. Ваше жъ сіятельство, изъ природнаго вашего добросердечія, насъ спросить приказали, нѣтъ ли намъ въ мѣхахъ нужды: намъ крайняя въ томъ нужда, потому что здѣсь опое не продается; хотя бъ старая, пошеная женская епанча, мы очень обрадуемся и съ благодареніемъ примемъ, что̀ намъ присылается. Еще прошу о 40-ка фунтахъ хлопчатой бумаги. Мы принуждены чай пить изъ мѣдныхъ чашекъ, ибо фарфороваго какъ чайника, такъ и чашекъ не имѣемъ. Можно бъ мнѣ осмѣлиться просить ваше сіятельство объ одномъ ружьѣ, и чтобъ мнѣ позволено

([28]) Записки кн. Шаховскаго. ч. 1, стр. 151—180.

([29]) См. Москвит. 1845, № 11, стр. 35. Подробности о Лестокѣ въ его біографіи у Бант. Каменскаго и въ книгѣ Вейдемейра: *Царствованіе Елизаветы Петровны*, стр. 63—66. Лестокъ называетъ Шувалова графомъ, по незнанію.

было стрѣлять, здѣсь много сурковъ, однакожь не продаются. Жена моя покорнѣйше благодаритъ за присланное платье. Впротчемъ съ покорностію пребуду покорной слуга *Г. Лештокъ*. 2 февраля. Еще прошу о $1^1/_2$ фунтѣ рад: валеріа магно. Я предъ симъ имѣлъ смѣлость писать къ вашему сіятельству 9 Окт. 10 Ноября и 10 Генваря. »

По всему вѣроятію Шуваловъ же обратилъ вниманіе государыни на бывшаго императора Ивана Антоновича: есть извѣстіе, что его привозили въ Петербургъ въ домъ Ивана Ивановича (1756), и что Елизавета Петровна видѣлась съ несчастнымъ своимъ предшественникомъ. Мы не говоримъ уже о такъ называемой отмѣнѣ смертной казни, хотя изданіе этого узаконенія тоже приписывается благимъ внушеніямъ и напоминаніямъ молодаго царедворца ([30]).

Но главная заслуга Шувалова передъ потомствомъ заключается въ покровительствѣ, которое онъ оказывалъ наукамъ и вообще образованію. Если даже предположить, что славолюбіе руководило имъ на этомъ поприщѣ, что ему просто хотѣлось прослыть меценатомъ, какъ отзывается о немъ княгиня Дашкова ([31]), то и въ этомъ случаѣ подобное желаніе, и особливо въ то время, заслуживаетъ полнаго уваженія. Только въ высокой душѣ возникаетъ такого рода честолюбіе. Но Шуваловъ любилъ науки со всею искренностію прекрасной души своей. Притворяться цѣлой вѣкъ невозможно, а онъ всегда, до конца жизни, посвящалъ свои досуги чтенію, окружалъ себя книгами, картинами, статуями, бесѣдовалъ съ учеными и художниками, радовался успѣхамъ Русскихъ въ дѣлѣ словесности и наукъ. Отъ великолѣпныхъ пировъ Елизаветина времени, отъ придворныхъ дежурствъ, отъ политическихъ преній и засѣданій въ министерской конференціи, молодой царедворецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, осыпанный дарами природы и счастія, любилъ отдыхать за книгами, въ бесѣдахъ съ академиками, съ великимъ Ломоносовымъ.

Извѣстность Ломоносова была уже упрочена, когда Шуваловъ получилъ силу при дворѣ. Тогда Ломоносовъ уже славился своею «Риторикою» (1748), «Похвальнымъ словомъ императрицѣ Елизаветѣ» (1749) и многими одами. Написаны были ода, начинающаяся словами: «*Царей и царствъ земныхъ отрада*» (1747), и другая «*Заря*

([30]) См. Бант. Каменскаго въ біографіи гр. П. И. Шувалова и объясненія на соч. Державина. стр. 47.

([31]) См. Москвит. 1841. № 1, стр. 102.

багряною рукою», приводившія въ восторгъ нашихъ дѣдовъ и отцевъ. Образованнѣйшіе люди того времени заучивали наизусть строфы Ломоносова, любуясь доселѣ неслыханнымъ сочетаніемъ звуковъ роднаго слова. Мы имѣемъ любопытное о томъ свидѣтельство, правда, относящееся ко времени, нѣсколько позднѣйшему, но вполнѣ характеристическое. Учитель великаго князя Павла Петровича, Порошинъ разсказываетъ, что однажды онъ читалъ наизусть ученику своему заключительныя строфы пятой оды Ломоносова (на бракосочетаніе в. к. Петра Ѳедоровича и в. к. Екатерины Алексѣевны, 1745 года). Великій князь—замѣчаетъ Порошинъ—очень внимательно изволилъ слушать и сказалъ мнѣ: «Ужесть какъ хорошо, это нашъ Вольтеръ.» Великому князю было тогда 11 лѣтъ; этотъ отзывъ конечно слышалъ онъ отъ графа Панина, своего воспитателя, и другихъ окружавшихъ его лицъ. Въ другомъ мѣстѣ записокъ Порошина читаемъ: «Разговорились мы о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, и потомъ вообще о людяхъ ученыхъ. Говорилъ я его высочеству, какъ принимать ихъ и какое почтеніе отдавать имъ должно, для ободренія наукъ и покровительства» ([32]). Такъ вообще тогда думали. Образованность шла впередъ; сцена Третьяковскаго съ Волынскимъ уже не могла повториться. Первые люди въ государствѣ, графы Воронцовы, графъ П. И. Шуваловъ, графъ К. Г. Разумовскій, покровительствовали или считали приличнымъ и нужнымъ покровительствовать Ломоносову. Они принимали его къ себѣ, уважая его таланты и труды; но покровительство ихъ было болѣе или менѣе оффиціальное, безъ внимательной оцѣнки, безъ искренняго участія. Въ одномъ И. И. Шуваловѣ Ломоносовъ нашелъ себѣ истиннаго цѣнителя, истиннаго, какъ тогда говорили, патрона, и это отъ того, что Шуваловъ самъ занимался науками и могъ вполнѣ постигать заслуги великаго человѣка; онъ не только радовался новымъ пріобрѣтеніямъ науки и русскаго слова, но внимательно слѣдилъ за трудами Ломоносова, вникалъ въ нихъ подробно, поощрялъ къ дальнѣйшему, оказывалъ всякую помощь, постоянно ободряя, поддерживая и въ тоже время требуя отчета. Разумѣется, Ломоносовъ это чувствовалъ. Въ одномъ письмѣ къ Шувалову, жалуясь на собратій своихъ, онъ говоритъ, что они воспользовались ученіемъ для того только, «чтобы отворить себѣ путь ко счастію, а науки почти со-

(32) Записки Порошина, стр. 469 и 195.

всѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или ничего не спрашиваютъ, и не какъ ваше превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете» ([33]). Или, въ посвященіи Шувалову поэмы «Петръ Великій», Ломоносовъ такъ выражается:

И многи, и сія дана тебѣ доброта,
Къ словеснымъ знаніямъ прехвальная охота.
Природный видитъ твой и просвѣщенный умъ,
Гдѣ мысли важныя, и гдѣ пустыхъ словъ шумъ.
Мнѣ нуженъ твоего разсудокъ тонкой слуха,
Чтобъ слабость своего возмогъ признать я духа.
Когда подъ бременемъ поникну утомленъ,
Вниманіемъ твоимъ возстану ободренъ.

Шуваловъ познакомился лично съ Ломоносовымъ, вѣроятно, еще будучи пажемъ, когда онъ продолжалъ начатое въ Москвѣ ученіе; можетъ быть и учился онъ по его Реторикѣ (1748). Близкія сношенія ихъ, сколько извѣстно по печатнымъ указаніямъ, начинаются съ 1750 года, т. е. именно съ тѣхъ поръ, когда Шуваловъ получилъ значеніе при дворѣ: ему тогда было 23, Ломоносову 39 лѣтъ. Молодой царедворецъ немедленно воспользовался своимъ возвышеніемъ для того, чтобъ обратить милостивое вниманіе государыни на геніальнаго человѣка. Въ концѣ лѣта 1750 года, Елизавета Петровна отправлялась изъ Петербурга въ Царское село. Шуваловъ поѣхалъ туда же. Еще до отъѣзда его Ломоносовъ послалъ къ нему (18 Августа) письмо въ стихахъ, гдѣ между прочимъ говорилъ:

Чертоги свѣтлые, блистаніе металловъ
Оставивъ, на поля спѣшитъ Елизаветъ;
Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ,
Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ сѣверѣ цвѣтетъ,
Гдѣ хитрость мастерства, преодолѣвъ природу,
Осеннимъ днямъ даетъ весны прекрасной видъ,
И принуждаетъ вверхъ скакать высоко воду,
Хотя ей тягость въ низъ и жидкость течь велитъ.
Толь многи радости, толь разныя утѣхи
Не могутъ отъ тебя парнасскихъ горъ закрыть.
Тебѣ пріятны коль россійскихъ музъ успѣхи,
То можно изъ твоей любви къ нимъ заключить.

(33.) Письмо отъ 31 Мая 1753 года.

Ты, будучи въ мѣстахъ, гдѣ нѣжность обитаетъ,
Какъ взглянешь на поля, какъ взглянешь на плоды,
Воспомяни, что мой покоя духъ не знаетъ,
Воспомяни мое раченье и труды.
Межь стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаніи ищу.

«Чтобы ободрить Ломоносова — разсказывалъ впослѣдствіи Шуваловъ — я взялъ его съ собою въ Царское Село» ([34]). Вслѣдъ за этимъ Ломоносовъ написалъ оду, «въ которой ея величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость въ Царскомъ Селѣ, Августа 27 дня, 1750 года.» Въ этой одѣ описана рѣка Славянка, охота императрицы по царскосельскимъ лѣсамъ, тамошнія сооруженія и проч. Въ чемъ именно заключалась высочайшая милость, неизвѣстно. Кажется, что Шуваловъ представлялъ Ломоносова государынѣ. Если не ошибаемся, въ это время поставлена была на сцену придворнаго театра трагедія Ломоносова въ стихахъ: *Тамира и Селимъ* или, какъ тогда говорили, *траженія о Мамаѣ* (Мамай—одно изъ главныхъ лицъ въ этой трагедіи). «Поздравляю васъ — писалъ Ломоносовъ къ Шувалову — съ пріѣздомъ въ прекрасное Сарское село, въ которое я отсюда какъ въ рай мыслію взираю, и завидую Тамирѣ, что она щастливѣе своего сочинителя, за тѣмъ, что предстанетъ безъ него предъ очи великія монархини, въ томъ пріятнѣйшемъ мѣстѣ, которое отъ него усердными похвалами возвышено» ([35]).

Съ этихъ поръ сношенія Ломоносова съ Шуваловымъ не прекращались. Ломоносовъ представлялъ ему на судъ свои сочиненія, безпрестанно былъ приглашаемъ къ нему, переписывался съ нимъ во время его отлучекъ на дачу, которую онъ имѣлъ по Петергофской дорогѣ (гдѣ императрица не рѣдко у него ужинала), въ Петергофъ, Царское село и другія окрестности Петербурга, такъ часто посѣщаемыя Елизаветою Петровною. Къ сожалѣнію, отвѣтныхъ писемъ Шувалова мы не имѣемъ. Изъ уцѣлѣвшихъ писемъ Ломоносова видно, что лѣтомъ слѣдующаго 1751 года онъ посылалъ Шувалову эклогу подъ названіемъ *Зима*, сочиненіе ученика своего Поповскаго, которому онъ

([34]) Записки Тимковскаго, стр. 60.
([35]) Полн. Собр. Соч. Ломоносова, Спб. 1803 г. ч. I, стр. 342—343.

давалъ на дому у себя уроки въ россійскомъ стихотвореніе; въ Сентябрѣ того же года онъ посылаетъ Шувалову свое стихотвореніе на спускъ корабля Златоуста, увѣдомляетъ объ окончаніи трагедіи Демофонтъ, и о составленіи плана Россійской Исторіи. Живя въ Петербургѣ, Шуваловъ очень часто видался съ Ломоносовымъ. Вельможа и ученый скоро сблизились другъ съ другомъ. Изъ роскошныхъ покоевъ своихъ во дворцѣ (на Невскомъ проспектѣ, близь Полицейскаго моста) Шуваловъ не рѣдко ѣзжалъ къ Ломоносову въ его скромный домикъ на берегу Мойки (нынѣ принадлежащій Почтамту). «Дай Богъ царство небесное этому доброму боярину—говорила въ 1828 году Свиньину племянница Ломоносова, Матрена Евсеевна Лопатина, нѣкогда жившая въ Петербургѣ съ дядею—мы такъ привыкли къ его звѣздамъ и лентамъ, къ его раззолоченой каретѣ и шестеркѣ вороныхъ, что, бывало, и не боимся, какъ подъѣдетъ онъ къ крыльцу, и только укажешь ему, гдѣ сидитъ Михайло Васильевичь,—а гайдуковъ своихъ оставлялъ онъ у приворотни» ([36]). Шуваловъ приглашалъ Ломоносова къ своему столу, и иногда посылалъ къ нему на домъ кушанья и напитки, какъ видно изъ одного шуточнаго стихотворенія Ломоносова:

Спасибо за грибы, челомъ за ананасъ,
За вина сладкія; я радъ, что не былъ квасъ; *и проч.*

Разсказываютъ, что на одинъ изъ шуваловскихъ обѣдовъ Ломоносовъ явился во французскомъ кафтанѣ съ большими стеклянными пуговицами, какія тогда нашивали. Кто-то изъ гостей замѣтилъ, что стеклянныя пуговицы давно уже вышли изъ моды. Ломоносовъ съ обыкновенною своею горячностью и нѣкоторымъ педантствомъ, которое теперь кажется страннымъ, но тогда было въ большомъ ходу, сталъ возражать, что стеклянныя пуговицы лучше металлическихъ, что онъ не перестанетъ носить ихъ изъ уваженія къ стеклу, что сіе послѣднее гораздо лучше металловъ, приноситъ великую пользу и проч. Хозяинъ тотчасъ воспользовался случаемъ и попросилъ Ломоносова изложить все сказанное въ стихахъ ([37]). Такъ произошло извѣстное письмо о пользѣ стекла:

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ, *и проч.*

([36]) См. статью Свиньина: Потомки и современники Ломоносова, въ Библ. для Чтенія 1834 г. т. II. стр. 214.

([37]) См. Москвит. 1843 № I, стр. 17—18.

Исчисливъ разнообразную пользу оптическихъ стеколъ, Ломоносовъ переходитъ къ любимому предмету своему, распространенію наукъ въ Россіи, къ покровительству, которое оказываетъ имъ Елизавета, и заключаетъ письмо слѣдующимъ обращеніемъ къ Шувалову:

А ты, о меценатъ, предстательствомъ предъ нею,
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрной быть...
Мои поспѣльные и малые труды
Коль часто передъ ней воспоминаешь ты!...

Это писано въ 1752 году, въ концѣ котораго императрица со всѣмъ дворомъ снова переселилась на житье въ Москву, гдѣ и пробыла полтора года, до весны 1754 года. Шуваловъ, разумѣется, жилъ также въ Москвѣ (38).

Къ этому времени относится большая часть уцѣлѣвшихъ писемъ Ломоносова къ Шувалову. Изъ нихъ видно, что переписка шла очень дѣятельно, что Шуваловъ писалъ къ Ломоносову немедленно по пріѣздѣ въ Москву (отъ 28 Дек. 1752 г.), и торопилъ его составлять Россійскую Исторію, за которую Ломоносовъ въ то время и принялся. Но отъ исторіи постоянно отвлекали его занятія химіею, физикою и проч. Особенно занимали его тогда мозаичныя работы. Ему хотѣлось непремѣнно завести фабрику, чтобы въ большихъ размѣрахъ производить свои химическія розысканія, и, конечно благодаря ходатайству Шувалова, дана ему была, высочайшимъ указомъ 14 Дек. 1752 г., 30-лѣтняя привиллегія на заведеніе фабрики для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, бисеру и стеклярусу. Въ Москвѣ Шуваловъ оказалъ Ломоносову еще другую услугу: онъ выпросилъ ему у государыни деревню въ 40 душъ, Коровалдай или Усть-рудицы, недалеко отъ Ораніенбаума (39). Извѣщая его объ этомъ,

(38) Тогда славился въ Москвѣ молодой проповѣдникъ Гедеонъ Криповскій, благодаря Шувалову, переведенный потомъ въ Петербургъ въ придворную церковь (см. Исторію Московской Академіи, соч. С. Смирнова, стр. 126). Вѣроятно черезъ Гедеона Шуваловъ узналъ еще въ Москвѣ будущаго митрополита Платона; онъ покровительствовалъ ему и намѣревался послать его въ Парижъ на свой счетъ, для усовершенствованія въ наукахъ (см. Снегирева, стр. 403).

(39) Любопытно было бы знать, кому именно принадлежитъ эта деревня, въ которой Ломоносовъ устроилъ свой бисерный заводъ, и въ которой проводилъ съ тѣхъ поръ большую часть времени. Не осталось ли тамъ слѣдовъ великаго дѣятеля? «Я выпросилъ у императрицы ему деревушку въ 40 душъ за Ораніембаумомъ. Но какъ засѣлъ онъ тамъ, такъ и пропалъ» — разсказывалъ впослѣдствіи Шуваловъ. См. Записки Тимковскаго, стр. 61.

Шуваловъ предостерегаетъ, чтобъ достатокъ и обезпеченное состояніе не отвлекли его отъ наукъ. « Высочайшая щедрота несравненныя монархини нашея, которую я вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю—отвѣчалъ Ломоносовъ—можетъ ли меня отвести отъ люблѣнія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла.» И въ самомъ дѣлѣ въ одно и тоже время Ломоносовъ приготовлялъ мозаическую картину Полтавскаго сраженія и такой же портретъ императрицы для московскаго университета, на что Шуваловъ отпускалъ ему деньги ([40]); занимался и электричествомъ, и русскою грамматикою; писалъ похвальное слово Петру Великому, собиралъ матеріалы для русской исторіи. Все это составляетъ главное содержаніе его писемъ къ Шувалову въ Москву; ссоры съ академиками, разумѣется, также были предметомъ переписки. Къ этому же времени относится и прекрасное письмо о смерти Рихмана; къ сожалѣнію неизвѣстно, успѣлъ ли Шуваловъ выхлопотать пенсію семейству убитаго громомъ профессора. Видно, что и Ломоносовъ оказывалъ своему покровителю нѣкоторыя услуги: такъ онъ собиралъ для него въ Петербургѣ примѣчанія къ академическимъ Вѣдомостямъ прежнихъ годовъ, которыя за чѣмъ-то понадобились Шувалову, и которыхъ онъ не могъ отыскать въ Москвѣ ([41]). Въ письмѣ отъ 31 Мая 1753 года читаемъ: « Въ домѣ вашего превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолоковъ, ни лѣсницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опаспостью. Електрическіе шарики по вашему желанію пришлю вамъ не умедливъ, какъ возможно. Я могу увѣрить ваше превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость: такъ что я для дѣла-

---

(40) Кончены ли были эти работы и гдѣ онѣ теперь, неизвѣстно. Въ московскомъ университетѣ сохранилась мозаическая работа Ломоносова, но не портретъ Елизаветы, а образъ Бога Саваоѳа, находящійся въ актовой залѣ. Что Шуваловъ давалъ Ломоносову деньги на покупку матеріаловъ для императрицына портрета, видно изъ неизданныхъ бумагъ его, которыя намъ случилось видѣть въ копіяхъ у академика Погодина. Тамъ между прочимъ находятся 5 весьма любопытныхъ писемъ Ломоносова къ И. И. Шувалову (въ періодъ времени отъ 1 Ноября 1753 г. по 17 Апрѣля 1760); изъ нихъ видно такъ же, что Ломоносову хотѣлось, чтобъ въ Академіи была учреждена и поручена ему должность вицепрезидента. Въ этихъ же бумагахъ находится краткая записка Ломоносова о нашемъ духовенствѣ.

(41) См. письмо отъ 3 Янв. 1754 г. изъ Устьрудицъ.

нія себѣ електрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать.» *и проч.*

Домъ Шувалова, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, находился на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малой Садовой. Въ немъ впослѣдствіи давалъ онъ блестящіе балы. Императрица не разъ ѣзжала туда на обѣды и поздніе ужины (*42). Онъ былъ совершенно отдѣланъ въ 1754 г. къ пріѣзду хозяина изъ Москвы, и 24 Октября Шуваловъ открылъ его для публики великолѣпнымъ маскерадомъ, который описанъ въ стихахъ Ломоносова:

Европа что родитъ, что протчи части свѣта,
Что осень, что зима, весна и кротость лѣта,
Что воздухъ и земля, что море и лѣса:
Все было у тебя, довольство и краса.
Вчера я видѣлъ все, и нынѣ вижу духомъ,
Музыку, громъ и трескъ еще внимаю слухомъ, *и проч.*

Въ то время былъ у насъ другой стихотворецъ, какъ теперь мы знаемъ, далеко во всемъ уступавшій Ломоносову, но тогда пользовавшійся общею извѣстностью и славою. Дворянское происхожденіе, родство и связи при дворѣ, острота и живость ума открывали ему доступъ въ лучшіе петербургскіе дома и даже во дворецъ. Мы говоримъ о Сумароковѣ, который также весьма часто посѣщалъ Шувалова. Иванъ Ивановичъ любилъ сводить его съ Ломоносовымъ и слушать ихъ споры, не рѣдко слишкомъ запальчивые. Вотъ разсказъ о томъ самого Шувалова: « Отъ споровъ и криковъ о языкѣ они доходили до преимуществъ съ одной стороны лирическаго и эпическаго, съ другой драматическаго рода, а собственно каждый своего, и такія распри опирались иногда на приносимыя книги съ текстами. Въ спорахъ же, чѣмъ болѣе Сумароковъ злился, тѣмъ болѣе Ломоносовъ язвилъ его; и если оба не совсѣмъ были трезвы, то оканчивали ссору запальчивою бранью, такъ что я бывалъ принужденъ высылать ихъ или обоихъ, или чаще Сумарокова.

---

(42) Такъ на пр. въ 1756 году государыня ужинала у Шувалова 21 Февраля и 27 Мая; 11 Сент. обѣдала; въ 1757 году 7 Февр. ужинала, 31 Іюля провела вечеръ на дачѣ его по петергофской дорогѣ; въ 1758 г. 24 Сент. обѣдала; въ 1759 г. 4 Генв. оставалась у него до 3-го часу по полуночи, 28 Янв. до 6-го часу утра, 17 Іюля ѣздила къ нему на дачу, 1 Ноября, въ день его рожденія, пробыла у него въ домѣ до 5-го часу ночи, и проч.

Если же Ломоносовъ занесется въ своихъ жалобахъ, то я посылаю за Сумароковымъ, а съ тѣмъ, ожидая, заведу рѣчь объ немъ. Сумароковъ, услышавъ у дверей, что Ломоносовъ здѣсь, или уходитъ, или подслушавъ, вбѣгаетъ съ крикомъ: « Не вѣрьте ему, ваше превосходительство, онъ все лжетъ; удивляюсь, какъ вы даете у себя мѣсто такому пьяницѣ, негодяю. — Самъ ты подлецъ, пьяница, неучь, подъ школой учился, сцены твои краденыя! » — « Но иногда, замѣчаетъ Шуваловъ, мнѣ удавалось примирять ихъ, и тогда оба были очень пріятны » ([43]).

Примиреніе однако не легко удавалось. Свидѣтельствомъ служитъ слѣд. письмо Ломоносова къ своему меценату: « Никто въ жизни меня больше не изобидилъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т. е. сдѣлай смѣхъ и позоръ... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, не смотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, Который мнѣ былъ въ жизнь защитникъ, и никогда не оставилъ, когда я пролилъ предъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству споможествованіемъ въ наукахъ, можете лутчіе дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ.—Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самаго Господа Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ... Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи, ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти, постарайтесь о скоромъ исполненіи въ моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеніяхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мѣлочномъ дѣлѣ, позабудьте » ([44]).

Вообще съ Ломоносовымъ иногда трудно было ладить. Разъ, раздосадованный его безпрестанными ссорами съ академиками, Шуваловъ сказалъ ему сердито: « Мы отставимъ тебя отъ Академіи. »

([43]) См. Записки Тимковскаго, стр. 60.

([44]) Письмо отъ 19 Генв. 1761 г., впервыя обнародовано Погодинымъ въ Альманахѣ *Урапія*, 1826 года.

—«Нѣтъ, возразилъ тотъ, развѣ Академію отставите отъ меня». Конечно все это было непріятно Шувалову, особливо потому что, заступаясь за Ломоносова, онъ могъ входить въ столкновеніе съ непосредственнымъ начальникомъ Академіи, графомъ К. Г. Разумовскимъ, на котораго искусно дѣйствовалъ недоброжелатель Ломоносова Тепловъ. Но къ чести Шувалова надо сказать, что подобныя рѣчи его не раздражали, ибо онъ не только покровительствовалъ Ломоносову, но и глубоко уважалъ его ([45]).

Сношенія между ними не прерывались. Въ 1760 году Ломоносовъ окончилъ двѣ пѣсни поэмы «Петръ Великій», начатой по вызову Шувалова и для показанія императрицѣ ([46]). Сочинитель поднесъ ихъ своему меценату въ день его рожденія, 1 Ноября, съ предисловіемъ въ стихахъ:

Начало моего великаго труда
Прими, предстатель музъ, какъ принималъ всегда
Сложенія мои, любя россійско слово,
И тѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ мнѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья...
И если въ полѣ семъ, прекрасномъ и широкомъ,
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ;
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россія,
Лишь были бъ завсегда защитники такіе,
Каковъ ты промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ...

Ноября 1-го слѣдующаго 1761 года Ломоносовъ подарилъ Шувалова на день рожденія «*Разсужденіемъ о размноженіи и сохраненіи*

([45]) Гораздо позднѣе, въ 1779 году, Шуваловъ писалъ къ Хераскову, по полученіи отъ него экземпляра Россіяды: «Съ удовольствіемъ и съ жадностью прочиталъ я Россіяду. Чѣмъ васъ за нее благодарить? Препровождаю къ вамъ начало первой оды въ царствованіе Елизаветы, собственной руки Ломоносова. Этой драгоцѣнности приличнѣе всего быть въ вашихъ рукахъ. Я люблю музъ, а музы васъ любятъ.» См. Русское Чтеніе Глинки. ч. II, стр. 282. По всему вѣроятію, Глинка передалъ здѣсь письмо Шувалова собственными словами.—Выше приведенный отвѣтъ Ломоносова сообщенъ по преданію, въ 8 № Лит. Газеты 1830 года.

([46]) См. Тимковскаго, стр. 60.

россійскаго народа». Разсужденіе изложено въ формѣ письма, и изъ начала его видно, что великій ученый намѣревался представить Шувалову (а можетъ быть и представилъ позднѣе) мысли и соображенія свои о важнѣйшихъ государственныхъ и народныхъ вопросахъ, какъ напр. объ истребленіи праздности въ Россіи, о исправленіи нравовъ и о бо́льшемъ народа просвѣщеніи, о сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира, и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти вопросы обсуждались и въ частныхъ разговорахъ академика съ вельможею ([47]).

Но любимѣйшимъ предметомъ ихъ бесѣдъ конечно было распространеніе наукъ въ Россіи. Этимъ бесѣдамъ Россія обязана основаніемъ Московскаго университета, къ которому теперь и обратимся.

Мысль объ университетѣ въ Москвѣ принадлежала къ обширному плану народнаго просвѣщенія, который Шуваловымъ только отчасти приведенъ въ исполненіе. Сколько извѣстно, кромѣ университета, Шуваловъ считалъ нужнымъ, и впослѣдствіи даже предлагалъ правительству, учредить по главнымъ городамъ Россіи гимназіи, въ которыхъ преподавались бы первыя основанія наукъ и *нужные* европейскіе языки, а по маленькимъ городамъ завести школы для обученія русской грамотѣ, ариѳметикѣ и пр. ([48]). Эта мысль о распространеніи образованности во всѣ концы государства конечно занимала позднѣе и князя Потемкина, когда онъ собирался открывать университеты въ Екатеринославлѣ, Псковѣ и проч. Заведеніемъ народныхъ училищъ въ 1786 г. она осуществлялась отчасти, и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ приведена была въ исполненіе уже въ настоящемъ столѣтіи. Но Шувалову принадлежитъ честь начинателя. Онъ первый возымѣлъ счастливую мысль начать дѣло народнаго просвѣщенія съ сердца государства, съ Москвы. Въ самомъ дѣлѣ, ни Академія Наукъ, ни оба существовавшіе въ Петербургѣ Кадетскіе корпуса, Сухопутный (1732) и Морской (1752), не

---

(47) Упомянутое разсужденіе было напечатано нѣсколько разъ, но съ пропусками; всего же полнѣе въ Москвит. 1842 г. № I, стр. 126 — 143. Это лишь одно изъ 8 разсужденій, которыя Ломоносовъ называлъ *мыслями, простирающимися къ приращенію общей пользы*. Остальные 7, можетъ быть, хранятся въ бумагахъ Шувалова, если сіи послѣднія уцѣлѣли у его наслѣдниковъ.

(48) См. Исторію Моск. Университета, соч. пр. Шевыревымъ, стр. 54, и также Москвит. 1856, № 7, стр. 313, въ матеріалахъ для исторіи русскаго образованія.

могли удовлетворять требованіямъ времени уже по одному отдаленію столицы отъ внутреннихъ областей: принявъ къ соображенію тогдашніе пути сообщенія, легко представить, какъ тяжело было ѣздить въ Петербургъ. Къ тому же Академія Наукъ состояла преимущественно изъ иностранцевъ, и какъ ни боролся съ нею Ломоносовъ, мало приносила существенной пользы народному просвѣщенію; а оба корпуса были *шляхетные*, т. е. воспитывали только дѣтей изъ дворянскаго сословія. Надлежало воздвигнуть храмъ наукъ во первыхъ внутри Россіи, во вторыхъ для всѣхъ сословій.

Пребываніе въ Москвѣ, вмѣстѣ съ дворомъ, въ теченіи полутора года (съ половины Декабря 1752 г. до половины Мая 1754 г.), по всей вѣроятности, побудило Шувалова ускорить исполненіемъ своего плана, а можетъ быть и самая мысль объ университетѣ пришла ему въ голову въ Москвѣ. Если не ошибаемся, были къ тому два главныя, ближайшія и настоятельныя побужденія. Съ одной стороны, безграмотность въ судахъ и дѣлопроизводствѣ, съ другой, полное отсутствіе необходимыхъ средствъ для обученія молодыхъ людей. О первомъ сохранилось множество свидѣтельствъ въ сатирическихъ произведеніяхъ тогдашней словесности, а проистекавшее отъ того зло громко высказано въ указахъ, которыми императрица Екатерина начинала свое царствованіе. Не менѣе свидѣтельствъ о недостаткѣ средствъ для обученія. Порошинъ разсказываетъ, что въ Москвѣ къ одному московскому дворянину напялся въ учители какой-то Чухонецъ, выдававшій себя за Француза, и выучилъ всѣхъ дѣтей по чухонски ([49]). Для Пажескаго Корпуса Шуваловъ выписалъ изъ-за границы 8 человѣкъ Французовъ-лакеевъ; черезъ нѣсколько времени всѣ они разошлись учителями по частнымъ домамъ. Тогдашній французскій посланникъ при нашемъ дворѣ, Маркизъ де Лопиталь принужденъ былъ, для чести Франціи, высылать изъ Россіи толпы французскихъ бродягъ обоего пола, пріѣзжавшихъ обучать своему языку россійское юношество. ([50]) Все это зло Шуваловъ могъ видѣть во всей наготѣ его во время своего пребыванія въ Москвѣ, которая конечно можетъ почитать первую половину XVIII вѣка своею злополучнѣйшею годиною. Молодой царедворецъ, еще не достигшій 27 лѣтняго возраста, рѣшился воспользоваться своимъ высокимъ положе-

(49) См. Записки Порошина, стр. 256.

(50) См. Ист. Моск. Унив., стр. 38 и др. такъ же Тимков. стр. 62.

ніемъ и поспѣшилъ исполнить на дѣлѣ то, что въ бесѣдахъ и перепискѣ его съ Ломоносовымъ являлось въ видѣ смѣлаго плана или прекрасной мечты.

14 Мая, 1754 г., государыня, а за нею и Шуваловъ съ остальнымъ дворомъ, оставили Москву, и прежде чѣмъ переѣхать на житье въ Петербургъ, поселились въ Царскомъ Селѣ. Тутъ началась дѣятельная работа Шувалова. Онъ сочинялъ записку о необходимости завести въ Москвѣ университетъ и двѣ гимназіи, съ тѣмъ, чтобы въ видѣ донесенія представить ее Правительствующему Сенату; и написавъ ее вчернѣ, послалъ въ Петербургъ, на прочтеніе Ломоносову. Какъ обрадовался сей послѣдній, видно изъ отвѣтнаго его письма къ Шувалову. « Полученнымъ отъ вашего превосходительства черновымъ доношеніемъ Правит. Сенату къ великой моей радости я увѣрился, что объявленное мнѣ словесно предпріятіе подлинно въ дѣйство произвести намѣрились къ приращенію наукъ, слѣдовательно къ истинной пользѣ и славѣ отечества. При семъ случаѣ довольно я вѣдаю, сколь много природное ваше несравненное дарованіе служить можетъ, и многихъ книгъ чтеніе способствовать. Однако и тѣхъ совѣтъ в. прев-у небезполезенъ будетъ, которые сверхъ того университеты не токмо видали, но и въ нихъ нѣсколько лѣтъ обучались, такъ что ихъ учрежденіе, узаконенія, обряды и обыкновенія въ умѣ ихъ ясно и живо, какъ на картинѣ, представляются. Того ради, ежели Московскій Университетъ по примѣру иностранныхъ учредить намѣряетесь, что весьма справедливо, то желалъ бы я видѣть планъ вами сочиненной.» Вслѣдъ за этимъ Ломоносовъ предлагаетъ свое мнѣніе о необходимости основать университетъ въ широкихъ размѣрахъ, учредить при немъ гимназію, и о числѣ профессоровъ. Касательно послѣдняго Шуваловъ вполнѣ принялъ списокъ, предложенный Ломоносовымъ, съ тою только разницею, что для преподаванія краснорѣчія и поэзіи, также исторіи и древностей назначено было только два профессора, тогда какъ Ломоносову хотѣлось, чтобы каждый изъ этихъ предметовъ былъ преподаваемъ особымъ лицомъ. Въ спискѣ Ломоносова профессоръ древностей преподаетъ также и критику: Шуваловъ отмѣнилъ сію послѣднюю и поставилъ на мѣсто ея геральдику, которой кажется онъ придавалъ особенное значеніе. (51) Надо думать, что самый про-

(51) См. Москов. Телегр. 1825 г., № 18.

эктъ или планъ университета, помѣщенный въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, есть произведеніе столько же Шувалова, сколько и Ломоносова, что они сообща трудились надъ нимъ; но нѣтъ никакихъ основаній приписывать его одному Ломоносову, какъ вообще у насъ думаютъ. Мы знаемъ, что по этому предмету у нихъ происходили горячіе споры, подробности которыхъ къ сожалѣнію не сохранились. Извѣстно только главное, именно, что Ломоносову хотѣлось, чтобы новое учебное заведеніе учреждено было по образцу знаменитаго Лейденскаго Университета, *съ несовмѣстными*, какъ выражался Шуваловъ, *вольностями*. Разсуждали также о томъ, у Красныхъ ли воротъ, въ концѣ города, помѣстить университетъ, или въ центрѣ города, у Воскресенскихъ воротъ; содержать ли гимназіи при университетѣ, или учредить ихъ отдѣльно ([52]). Въ короткое время все было рѣшено; ибо того же 1754 года, 19 Іюля, въ собраніи Правительствующаго Сената Шуваловъ читалъ свои донесеніе и проэктъ учрежденія въ Москвѣ университета. Тутъ было сказано, что «всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется, что слѣд-о нужда необходимая о томъ стараться, чтобы способомъ пристойныхъ наукъ возрасло въ пространной нашей имперіи всякое полезное знаніе.» — Шуваловъ утверждалъ, что съ учрежденіемъ университета всѣ «недостатки въ ученіяхъ исправлены будутъ, и желаемая польза надежно чрезъ скорое время плоды свои произведетъ, паче когда довольно будетъ *національныхъ* достойныхъ людей въ наукахъ, которыхъ требуетъ пространная ея имп. величества имперія къ разнымъ изобрѣтеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей и ко исполненію начатыхъ предпріятій и ко учрежденію впредь по знатнымъ россійскимъ городамъ россійскими профессорами училищъ, отъ которыхъ во отдаленномъ простомъ народѣ суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси истребятся.» Въ проэктѣ съ точностью изложены всѣ подробности учрежденія. Шуваловъ просилъ отъ правительства на университетъ и на двѣ гимназіи всего 10,000 рублей. Съ такими, даже и по тогдашней цѣнѣ денегъ, ничтожными средствами возникало учебное заведеніе, принесшее столько существенной пользы отечеству! Въ Сенатѣ, разумѣется, не встрѣтилось никакихъ затрудненій. Дѣло пошло обыкновеннымъ порядкомъ на вы-

(52) См. Тимковскаго, стр. 59—60.

сочайшее утвержденіе, и 12 Генваря, 1755 года, государыня подписала проэктъ Шувалова. Сказываютъ, что Шуваловъ нарочно выбралъ этотъ день для поднесенія государынѣ проэкта; 12 Генваря, на память св. великомученицы Татьяны, была имянинница мать его: онъ хотѣлъ обрадовать ее новымъ назначеніемъ своимъ въ должность куратора перваго русскаго университета.

24 Генваря выданъ былъ именной указъ объ учрежденіи университета. Начались приготовленія: въ Москвѣ, у Воскресенскихъ воротъ, очистили бывшій домъ австеріи или трактирнаго заведенія, (нынѣ Губернское Правленіе); изъ Статсъ-конторы выданы деньги, 20,000 руб.; по указанію Ломоносова назначены двое первыхъ русскихъ профессоровъ, Поповскій и Барсовъ; за границу посланы, чрезъ посредство академика Миллера, письма къ иностраннымъ ученымъ съ приглашеніемъ занять профессорскія должности въ новомъ университетѣ. Наконецъ въ Москву поѣхалъ открывать заведеніе второй его кураторъ, старикъ д. ст. сов. Лаврентій Блументростъ. Открытіе послѣдовало 26 Апрѣля 1755 года, на другой день праздника коронаціи.

Замѣчательно, что Шуваловъ, названный въ именномъ указѣ *изобрѣтателемъ этого полезнаго дѣла*, не ѣздилъ въ Москву и не видалъ университета до самаго 1778 года. Конечно его удерживали въ Петербургѣ придворныя обязанности и постоянное нездоровье государыни. Но это не помѣшало ему исполнять обязанностей куратора. Можно сказать, что до самой смерти Елизаветы Петровны, въ теченіе 7 лѣтъ, Шуваловъ былъ хозяиномъ новаго учрежденія въ полномъ смыслѣ слова. Во все это время онъ занимался университетомъ съ неусыпнымъ попеченіемъ. Переписка его съ Москвою приняла самые обширные размѣры. Ничто не происходило въ университетѣ и гимназіяхъ безъ его вѣдома: такъ называемые ассессоры университетской конференціи еженедѣльно посылали къ нему подробные отчеты, и безпрестанно получали отъ него разныя распоряженія: въ университетскомъ архивѣ сохранилась книга этихъ распоряженій или, какъ тогда называли, ордеровъ. Дѣло, за которое принялся Шуваловъ, представляло множество затрудненій. Не говоря уже о томъ, что онъ долженъ былъ заочно слѣдить за своимъ учрежденіемъ, вспомнимъ, какихъ трудовъ стоило внести порядокъ въ преподаваніе, когда большая часть преподавателей были иностранцы, не знавшіе по русски, а поступавшіе въ университетъ

студенты едва ли имѣли познанія нынѣшнихъ школьниковъ изъ приходскихъ училищъ. Не рѣдко бывало такъ, что Нѣмецъ-профессоръ читалъ лекцію, а кто нибудь изъ студентовъ, знавшій по нѣмецки, переводилъ слова его на русскій языкъ, для своихъ товарищей. Вспомнимъ признаніе одного изъ первыхъ студентовъ университета, Фонъ-Визина: онъ чистосердечно разсказываетъ, что на экзаменахъ изъ латинскаго языка ученики не знали ни склоненій, ни спряженій, и отвѣчали на вопросы, смотря по тому, за какую пуговицу своего платья брался профессоръ. Ректоръ, учителя, профессоры и чиновники конференціи безпрестанно ссорились, и Шуваловъ долженъ былъ разбирать ихъ неудовольствія. Часть хозяйственная представляла, можетъ быть, еще болѣе безпорядковъ. На другой же годъ по основаніи университета расхищены были скудныя суммы, опредѣленныя на его содержаніе и нѣсколько увеличенныя щедростью тогдашняго благотворителя Демидова: концы были спрятаны, и взыскивать было не съ кого, потому что директоръ университета, Аргамаковъ—умеръ. Денегъ безпрестанно не доставало; завели страшный обычай—отдавать ихъ взаймы подъ проценты частнымъ лицамъ, которые иногда оказывались несостоятельными должниками: университетъ заводилъ тяжбы. Между тѣмъ казенные воспитанники въ гимназіяхъ терпѣли нужду. Все это очень озабочивало Шувалова, къ которому приходило изъ Москвы много жалобъ. Приведемъ здѣсь для образца отрывки изъ ордеровъ его по этому предмету къ директору университета, Мелессино. «Я съ великимъ сожалѣніемъ увидѣлъ изъ присланнаго вами отъ 9 Октября (1757) репорта, что бѣдные ученики столь много претерпѣваютъ нужды, и я о томъ уже къ вашему высокородію писалъ, чтобы сдѣлать распоряженіе, сколько надлежитъ для каждаго ученика въ годъ платья и обуви; ибо вы сами, очевидно нужды ихъ видя, свободнѣе расположить можете, и мнѣ прислать на разсмотрѣніе.» Въ ордерѣ отъ 3 Ноября Шуваловъ настаивалъ на томъ же: «Я слышалъ, что не токмо разночинцы, но и благородные ученики (какъ сказываютъ, къ сожалѣнію достойно) великую нужду терпятъ въ платьѣ, обуви и пищи. Избѣгая такихъ отъ посторонихъ нареканій, изволите потрудиться сдѣлать для всѣхъ учениковъ, какъ благородныхъ, такъ и разночинцевъ, смѣту во всемъ вышеписанномъ содержаніи, не выключая самой малѣйшей къ ихъ нуждамъ принадлежащей мелочи, и что для издержки на нихъ будетъ годовой всей суммы, прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе.»—Есть из-

вѣстіе, что онъ посылалъ въ университетъ собственныя деньги и, чтобъ обезпечить хозяйственную часть, хлопоталъ о пожалованіи университету деревни.

Но постояннымъ и самымъ любимымъ предметомъ заботъ Шувалова было преподаваніе наукъ въ университетѣ и гимназіяхъ и распространеніе умственной отъ того пользы. Тутъ онъ вникалъ во всѣ подробности и трудился неутомимо. Онъ велъ дѣятельную переписку съ иностранными учеными, приглашая ихъ въ Россію для занятія профессорскихъ каоедръ въ Москвѣ: такъ приглашены были профессора, Ростъ изъ Геттингена, Дильтей изъ Вѣны, Рейхель и Келлнеръ, ученики знаменитаго въ то время Готшеда, изъ Лейпцига; Шаденъ, будущій наставникъ Карамзина, изъ Тюбингена и проч. Молодыхъ русскихъ людей, окончившихъ ученіе въ университетѣ, онъ посылалъ для усовершенствованія за границу: такъ напр. студенты Зыбелинъ и Веніаминовъ отправлены были въ Кенигсбергъ, въ то время занятый русскими войсками; Третьяковъ и Десницкій въ Шотландію, въ Глазговскій университетъ: всѣ четверо запяли впослѣдствіи профессорскія каоедры въ Москвѣ. Шуваловъ старался исподоволь приготовлять для университета русскихъ профессоровъ, и вообще мысль о томъ, чтобы преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, не покидала его; онъ твердо былъ убѣжденъ, что только при этомъ условіи достигалась главная цѣль—успѣшное распространеніе знаній.—Для достиженія этой же цѣли Шуваловъ особенно заботился объ университетской типографіи, которая, если не ошибаемся, была вторая въ Россіи, по времени, изъ гражданскихъ типографій. Мысль объ изданіи Московскихъ Вѣдомостей также принадлежитъ Шувалову. Для нихъ онъ присылалъ нарочно иностранныя книги и газеты, выписывалъ буквы изъ Англіи, хлопоталъ о заведеніи книжной лавки. Заботливость его простиралась до того, что онъ самъ просматривалъ корректурные листы, которые посылались къ нему на первыхъ порахъ учрежденія типографіи ([53]).

Нужно ли прибавлять, что вся эта обширная дѣятельность носитъ характеръ необыкновенной снисходительности и доброжелательства? Мягкій нравъ Шувалова никогда не измѣнялся. Онъ дѣйствовалъ не столько властью, сколько постоянствомъ и неутомимостью, держась любимой своей поговорки: *тихонько, мало по малу*. Одинъ толь-

(53) См. подробности въ исторіи Моск. Унив-та.

ко разъ видимъ примѣръ строгости: студенты, записанные на службу, не занимались ученіемъ, не ходили на лекціи и въ тоже время не хотѣли служить, отзываясь лекціями. Шуваловъ потребовалъ себѣ списка ихъ и грозилъ разослать ихъ по мѣстамъ службы. Но и тутъ неизвѣстно, исполнилъ ли онъ эту угрозу. Вообще его больше любили, нежели боялись. Конечно бывали отъ того дурныя послѣдствія, но его выручало высокое положеніе при дворѣ: трудно было не слушаться человѣка, покровительствомъ котораго дорожили первые люди въ государствѣ.

Однимъ словомъ, Шувалову принадлежитъ не столько слава основателя московскаго университета (ибо эту славу онъ раздѣляетъ отчасти съ Ломоносовымъ), сколько слава истиннаго его попечителя. Исторія университета, написанная къ столѣтнему его юбилею С. П. Шевыревымъ, вполнѣ раскрываетъ намъ благотворную его дѣятельность и убѣждаетъ въ той мысли, что безъ Шувалова московскій университетъ не могъ бы существовать. Семь лѣтъ постояннаго и дѣятельнаго надзора были такъ полезны, что впослѣдствіи, когда Шуваловъ уѣхалъ за границу, учрежденіе уже не остановилось на пути преуспѣянія.

За то университетъ постоянно питалъ къ своему куратору чувство особенной признательности, которая была выражена въ самый день открытія его: устроенная по этому случаю иллюминація представляла Парнассъ, на которомъ Минерва ставила обелискъ въ честь императрицы Елизаветы Петровны; обелискъ окружало множество дѣтей, занимавшихся ученіемъ, и одинъ изъ нихъ чертилъ имя Шувалова. Дни рожденія и именинъ Шувалова, 1-е и 12-е Ноября, праздновались въ университетѣ: за него молились въ эти дни въ церкви. Было намѣреніе, отклоненное конечно самимъ Шуваловымъ, поставить на дворѣ университетскомъ колоссальную статую его на глыбѣ темнаго гранита. (54) Личное обращеніе куратора съ пріѣзжавшими въ Петербургъ воспитанниками университета внушало къ нему уваженіе и привязанность. Онъ нарочно выписывалъ иногда къ себѣ изъ Москвы студентовъ и гимназистовъ, и, какъ извѣстно, въ

(54) См. Записки Тимковскаго, Москв. 1851, № 9 и 10, стр. 5. «Хорошо и достойно Москвы—прибавляетъ Тимковскій—когда онъ въ лицѣ изваянномъ, объ руку съ геніемъ, предстанетъ взорамъ, и указывая на учрежденіе свое, скажетъ ему: Tua dona ferentes. Тысяча голосовъ, отъ всѣхъ странъ Россіи, могутъ тоже сказать Шувалову.»

числѣ сихъ послѣднихъ были Потемкинъ и Ф. Визинъ. (53) Вообще, до самой кончины Шувалова, всякій, принадлежавшій къ университету, могъ разсчитывать на покровительство его, пользовался въ его домѣ гостепріимствомъ и назывался своимъ.

Чтобы оцѣнить вполнѣ заслуги Шувалова русскому просвѣщенію, любопытно было бы сравнить его дѣятельность и труды по управленію московскимъ университетомъ съ дѣятельностью другаго, тоже взысканнаго счастіемъ царедворца, тоже молодаго человѣка, которому ввѣрено было управленіе высшимъ ученымъ заведеніемъ государства — графа К. Г. Разумовскаго, президента императорской академіи наукъ. Вообще же вспоминая прошедшее, убѣждаемся, что только горячая любовь къ просвѣщенію и истинное желаніе принести пользу отечеству могли заставить заниматься университетомъ и всѣми частностями его управленія, человѣка, въ цвѣтѣ силъ и здоровья, имѣвшаго столь важное значеніе при дворѣ Елизаветы, гдѣ такъ много было всякаго рода развлеченій и удовольствій.

Болѣе подробное изложеніе трудовъ Шувалова по управленію московскимъ университетомъ читатели найдутъ въ названной выше книгѣ С. П. Шевырева. Мы упомянемъ еще только о томъ, что университетъ скоро началъ приносить общественную пользу: въ 1758 году изъ него возникла казанская гимназія, а за годъ передъ тѣмъ, въ 1757 г., академія художествъ. Та и другая были вполнѣ дѣломъ Шувалова, и основаны, какъ сказано въ указахъ, по донесеніямъ о необходимости ихъ, поступившимъ въ Правительствующій Сенатъ изъ московскаго университета.

Весьма любопытенъ указъ объ учрежденіи академіи художествъ, Ноября 6-го 1757 г. Въ немъ такъ выражена необходимость этой академіи: « Необходимо должно установить Академію Художествъ, которой плоды, когда приведутся въ состояніе, не только будутъ славою здѣшней имперіи, но и великою пользою казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранные посредственнаго званія, получая великія деньги, обогатясь, возвращаются, не оставя

(53) Сочиненія Ф. Визина изд. 1830. ч. III. стр. 90—91. «Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя мое почтительное вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ! Онъ спросилъ у меня: чему я учился? « По латынѣ », отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латынскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ.»

по сіе время ни одного Русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать... Сія академія будетъ учреждена здѣсь въ С. Петербургѣ, по причинѣ, что лучшіе мастера не хотятъ въ Москву ѣхать, какъ въ надеждѣ имѣть отъ двора работы, такъ и для лучшаго довольствія иностранныхъ здѣшней жизни. Для чего онъ дѣйств. камергеръ и кавалеръ и онаго университета кураторъ, надѣясь на милостивое уваженіе сей пользы Правител. Сената, съ однимъ живописцемъ Клеро и рѣзчикомъ Жилетомъ (оба Французской Академіи члены) контрактъ заключитъ. На содержаніе учителей и учениковъ, такъ и для нанятаго дома, потребно на первые годы 6000 рублей» ([56]).

Академія возникла изъ учениковъ, которые, по распоряженію Шувалова, нарочно готовились для художествъ въ московской гимназіи. Подробностей объ учрежденіи академіи мы не имѣемъ. Знаемъ только, что она находилась въ вѣдѣніи Шувалова до самаго 1763 года. Впослѣдствіи Шуваловъ постоянно оказывалъ покровительство свое воспитанникамъ ея, первымъ русскимъ художникамъ, архитекторамъ Баженову и Старову; живописцамъ и скульпторамъ, Шубину, Скородумову, Лосенкову, Рокотову, Самотоцкому и пр. ([57]). Настоящимъ же устроеніемъ своимъ академія художествъ обязана императрицѣ Екатеринѣ II, которая въ 1763 году совершенно преобразовала ее, и попеченіямъ И. И. Бецкаго; но честь перваго основанія принадлежитъ Шувалову. — Племянникъ его, кн. Ѳ. Н. Голицынъ разсказываетъ, что онъ старался поддерживать дружественныя сношенія между Россіею и Франціею, между прочимъ чтобы свободнѣе приглашать изъ Парижа художниковъ для академіи, что по всему вѣроятію, и вовлекло его въ сношенія съ французскими писателями. Отъ этихъ сношеній сохранились переписка его съ Гельвеціемъ и письма къ нему Вольтера.

Извѣстный философъ Гельвецій (1715—1771), служившій при дворѣ королевы Маріи Лещинской, особенно славился въ то время своею книгою *Объ умѣ*, которая произвела много шуму: Готшедъ перевелъ ее на нѣмецкій языкъ; немедленно появились переводы англійскій и итальянскій; сорбонская академія и папа предали ее проклятію. Въ Петербургѣ много толковали о ней, какъ извѣщалъ о томъ автора

([56]) Полное Собраніе Законовъ.

([57]) Снегиревъ (стр. 440.) говоритъ, что Шуваловъ самъ вырѣзывалъ на мѣди свой портретъ.

французскій посланникъ при нашемъ дворѣ. Шуваловъ раздѣлялъ общее увлеченіе и завелъ съ Гельвеціемъ, жившимъ тогда въ деревнѣ своей Ворѐ, переписку, любопытную во многихъ отношеніяхъ.

«Вы пріобрѣли столь справедливо всеобщее уваженіе — писалъ Шуваловъ къ Гельвецію — что не должны удивляться, получая изъ странъ самыхъ отдаленныхъ знаки заслуженнаго вами почтенія. Вашъ превосходный геній, производя въ другихъ впечатлѣнія, кажется, хочетъ раздѣлить съ нами тѣ преимущества, которыми природа васъ одарила. Развивая ваши познанія, она также развернула и наши. Вы стяжали право, м. г., на всеобщую признательность. Я не имѣю чести быть знакомъ съ вами; но почиталъ бы себя неблагодарнымъ, если бъ, прочитавъ ваше безсмертное сочиненіе *Объ умѣ*, не благодарилъ знаменитаго сочинителя, какъ своего наставника, за ту пользу, которую извлекъ я изъ онаго. Я призналъ бы себя счастливымъ, когда бы мое уваженіе къ вашимъ познаніямъ предупредило васъ въ пользу народа, къ несчастію, прослывшаго у многихъ варварскимъ. Самое сильное доказательство, м. г., вашихъ благопріятныхъ для меня мыслей было бы доставленіе мнѣ случая, хотя нѣсколько быть для васъ полезнымъ въ моемъ отечествѣ, и тѣмъ доказать отличное къ вамъ почтеніе, съ коимъ и проч.»

Въ Вѣстникѣ Европы (1826, № 7), откуда мы заимствуемъ это и слѣдующія письма, прибавлено отъ редактора: «Послѣдствія показали, что къ людямъ, каковъ Гельвецій, не слѣдовало имѣть ни довѣренности, ни вниманія.» До какой степени справедливъ этотъ приговоръ, предоставляемъ рѣшить другимъ; намъ кажется, что нельзя обвинять Шувалова за такое уваженіе къ знаменитому философу и его собратіямъ, которые были, или по крайней мѣрѣ казались, передовыми людьми вѣка. Стоитъ вспомнить, что нѣсколько лѣтъ спустя, одного изъ нихъ императрица Екатерина приглашала въ наставники къ своему сыну.

Въ то время, когда слава русскаго оружія гремѣла въ Европѣ, когда войска наши завоевали всю восточную Пруссію, одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ первымъ полководцемъ вѣка, особенно лестно было получить такое предупредительное письмо изъ дворца Елизаветы, отъ перваго русскаго вельможи. Послушаемъ, что отвѣчалъ Гельвеціи Шувалову, котораго онъ, по незнанію, называетъ предсѣдателемъ С. петербургской академіи.

«Не останавливаясь, м. г., на лестныхъ для моего самолюбія

выраженіяхъ въ письмѣ вашемъ, я поздравляю васъ, поздравляю вашихъ соотечественниковъ съ тою просвѣщенною ревностью, которую вы оказываете къ успѣхамъ наукъ и дарованій. Есть люди, которыхъ Небо производитъ для возвышенія духа и характера народнаго и для основанія будущей его славы. Царь началъ то, что вы теперь довершаете. И такъ, чтобы привести въ движеніе цѣлую массу великаго народа; надобно многимъ великимъ мужамъ послѣдовать однимъ за другими. Государь безъ сомнѣнія имѣетъ болѣе средствъ возбудить соревнованіе, нежели вельможа самый могущественный. Но превосходный умъ въ такомъ человѣкѣ, какъ вы, дополняетъ недостатокъ въ средствахъ. Вы соединяете въ себѣ всѣ дары судьбы, раздѣляя со множествомъ другихъ вельможъ преимущества происхожденія, почестей и богатствъ; одна только любовь къ славѣ можетъ васъ отъ нихъ отличить. Вотъ одно благо, котораго вамъ желать остается: оно есть достойнѣйшая награда души возвышенной; потому что сія награда всегда бываетъ залогомъ всеобщей признательности. Слава многихъ могущественнѣйшихъ народовъ погребена подъ развалинами ихъ столицъ. Можетъ статься, русскій Римъ будетъ вамъ обязанъ своимъ существованіемъ и тогда, когда время разрушитъ его могущество. Еслибъ Греки только покорили Азію, имя ихъ было бы теперь забытымъ. Данью нашего удивленія и признательности къ нимъ они обязаны памятникамъ, которые воздвигали наукамъ и искусствамъ. Мы еще раздѣляемъ почести, воздаваемыя изящными геніями Рима благотворительности Мецената и Августа. Ей-то одолжены мы безсмертными твореніями Горація и Виргилія. По слѣдамъ ихъ пойдете вы, ободряя въ своемъ отечествѣ ученыхъ. Да не остановитъ генія въ его полетѣ суевѣріе! Что опаснаго въ наукахъ? Самыя заблужденія не рѣдко извлекали свѣтъ изъ нѣдръ мрака. Однѣ заблужденія, освящаемыя суевѣріемъ, посѣвали раздоры и крамолы.

Изъ письма, которымъ ваше превосходительство меня удостоили, я замѣтилъ, что вы нѣсколько сомнѣваетесь въ успѣхѣ своихъ стараній; и это сомнѣніе, можетъ быть, основывается на трудности даровать нѣкоторую свободу вашимъ писателямъ. Она необходима. Съ ногами скованными не ходятъ скоро, но пресмыкаются.

Деньгами не всегда можно произвести великихъ людей въ наукахъ и искусствахъ. Часто въ изобиліи цѣненѣетъ геній; богачь гаситъ въ наслажденіяхъ любовь къ славѣ. Ученыя заслуги должно

награждать почестями и отличіями. Тщеславіе, обращенное въ средство, приводитъ въ дѣйствіе пружины ума: приманка корысти унижаетъ его до подлости. Заслужилъ ли бы Аполлонъ славу и похвалы поэтовъ, еслибъ онъ былъ только божествомъ, и не сходилъ къ Адмету пасти стада и пѣть въ лицѣ музъ?...

Почести въ рукахъ государей походятъ на талисманы, которые въ нашихъ сказкахъ Феи дарили своимъ любимцамъ. Сіи талисманы теряли свою силу, когда изъ нихъ дѣлали дурное употребленіе.

Еще средство есть тѣснѣе связать русскихъ ученыхъ съ другими просвѣщенными мужами въ Европѣ и возбудить въ нихъ соревнованіе, по примѣру Людовика XIV дѣлая иностранцевъ участниками въ почестяхъ, какія вы предоставляете своимъ соотечественникамъ. Русскій, во Франціи будучи товарищемъ Вольтера, въ Англіи сочленомъ Гюма, полюбопытствуетъ читать ихъ творенія и вскорѣ самъ захочетъ сочинять подобныя. Такимъ-то образомъ распространяется просвѣщеніе и воспламеняется соревнованіе.

Вы видите, ваше превосходительство, что живѣйшее участіе, принимаемое вами въ наукахъ, искусствахъ и вообще въ успѣхахъ ума человѣческаго, перешло и въ мою душу, заставивъ меня говорить объ истинахъ, вамъ не безызвѣстныхъ; но послѣдняя, въ которой я бы искренно желалъ васъ убѣдить, — это есть уваженіе и глубокое почитаніе, съ коимъ и проч.»

Мы привели письмо это вполнѣ, думая, что читателямъ любопытно узнать, какія наставленія за сто лѣтъ тому назадъ европейскій философъ преподавалъ русскому вельможѣ-меценату. Послѣднее средство, предлагаемое имъ для распространенія въ Россіи просвѣщенія и бывшее нѣсколько позднѣе въ большомъ ходу, дастъ поводъ догадываться о честолюбіи Гельвеція; можетъ быть онъ отвѣчалъ этимъ на предупредительный вызовъ Шувалова быть для него полезнымъ. Но Шуваловъ видно не могъ или не хотѣлъ доставить ему почестей отъ нашего двора и, кажется, притворился недогадливымъ. Это видно изъ окончанія слѣдующаго, весьма любопытнаго письма его, которое онъ послалъ въ отвѣтъ къ Гельвецію.

«Я получилъ письмо, которымъ вы меня почтили: моя признательность равняется моему къ вамъ уваженію; я былъ бы имъ еще болѣе доволенъ, еслибъ не нашелъ въ немъ похвалъ, не заслуженныхъ мною. Можетъ быть, м. г., кто нибудь, мало меня знающій, представилъ вамъ меня совсѣмъ въ другомъ видѣ; можетъ быть,

почиталъ онъ меня сильнѣе и способнѣе къ совершенію того, чего вы отъ меня ожидаете. Я хочу вамъ изобразить себя въ настоящемъ видѣ, и сперва дать вамъ понятіе о состояніи нашего государства въ отношеніи къ наукамъ и искусствамъ. Петръ I, сотворивъ или преобразовавши все, не имѣлъ послѣ смерти своей послѣдователей въ бо̀льшей части своихъ предначертаній и мудрыхъ заведеній. Науки и искусства въ государствѣ нашемъ получили свое начало со временъ сего великаго мужа: мы имѣли искусныхъ людей во всѣхъ родахъ. Художники, учившіеся въ Италіи, могли стать на ряду съ хорошими мастерами и дѣлали честь нашему отечеству. Невниманіе къ ихъ талантамъ и небреженіе о воспитаніи новыхъ художниковъ подавили ростокъ того, что̀ прозябло, уничтоживъ столь лестныя ожиданія. Въ послѣдствіи времени первыя мѣста въ государствѣ были заняты иностранцами, которые оставались въ совершенномъ бездѣйствіи касательно сего предмета,—вѣроятно отъ того, что не радѣли о распространеніи наукъ и искусствъ въ странѣ, имъ чуждой, или потому, что ихъ намѣренія не позволяли имъ мыслить и дѣйствовать съ ревностью патріотовъ. Такая небрежность о просвѣщеніи юношества (исключая военную школу, или *кадетскій корпусъ*, основанный въ 1750 году для шести сотъ дворянъ и приготовившій столько хорошихъ офицеровъ) нѣкоторымъ образомъ остановила успѣхи просвѣщенія. Вотъ почему благородная ревность къ ученію совершенно была погашена во многихъ изъ моихъ соотечественниковъ. Столь непріятный для насъ промежутокъ далъ поводъ нѣкоторымъ иностранцамъ несправедливо думать, что отечество наше неспособно производить такихъ людей, какими бы они должны быть: сей предразсудокъ можетъ истребиться однимъ временемъ. Ея императорское величество, слѣдуя по стопамъ великаго Петра, основала московскій университетъ и академію въ С. Петербургѣ, надъ коими я имѣю честь быть начальникомъ. Вотъ, м. г., двѣ только части, въ которыхъ бы я могъ быть полезнымъ своему отечеству, еслибъ мои познанія соотвѣтствовали моей ревности. Я чувствую себя ободреннымъ вашими совѣтами: еще болѣе буду ободренъ, если вы станете ихъ продолжать. Ваше письмо есть для меня собраніе наставленій; не умѣю выразить, сколь лестна для меня честь и польза вашего знакомства, и еще многихъ другихъ ученыхъ, въ особенности г-на Вольтера, который не перестаетъ изъявлять мнѣ знаки своей дружбы! Какъ бы я почиталъ себя

счастливымъ, м. г., еслибъ могъ заслужить ваше уваженіе! Ободреніе такого человѣка, какъ вы, для меня гораздо драгоцѣннѣе, нежели то, что̀ получаемъ мы отъ прихотей счастія. Я постараюсь употреблять въ пользу ваши мудрые совѣты. Для меня во всѣхъ отношеніяхъ полезно ваше знакомство; вы же ничего не извлечете изъ моего, кромѣ безпредѣльной признательности и почтенія, съ коими и проч. С. Петербургъ 27 Іюля 1761 года.»

Этимъ, кажется, и заключилась переписка. Сухой умъ Гельвеція и его, если не ошибаемся, нѣсколько педантическій характеръ, видно не пришлись Шувалову по сердцу.

Иное дѣло было съ Вольтеромъ, который умѣлъ въ теченіи долгаго времени занимать Шувалова своими письмами. Ихъ сношенія шли дѣятельно и непрерывно. Шуваловъ принадлежалъ къ числу почитателей знаменитаго фернейскаго отшельника; даже въ послѣдніе годы своей жизни, когда время, обстоятельства и болѣе близкое знакомство съ личностью Вольтера, значительно умалили это почитаніе, онъ не переставалъ цѣнить его блистательный талантъ и не рѣдко зачитывался надъ его сочиненіями. Тимковскій въ запискахъ своихъ разсказываетъ, что однажды (это было въ царствованіе Павла Петровича) онъ вошелъ въ кабинетъ Шувалова и засталъ его за чтеніемъ. «Вотъ какъ не люблю его, бестію, сказалъ Шуваловъ, положа книгу, а пріятно пишетъ.» Тимковскій подошедъ взглянуть на книгу и увидѣлъ: *Essai sur les mœurs* etc. ([58]). Съ другой стороны и Вольтеру очень пріятно было находиться въ близкихъ сношеніяхъ съ Шуваловымъ. Тогда шла семилѣтняя война, и вниманіе Европы устремлено было на Россію, въ рукахъ которой находился жребій Пруссіи. Испытавъ около этого времени неудачу при дворѣ Станислава Лещинскаго, Вольтеръ съ свойственною ему цыпкостію спѣшилъ войдти въ новыя связи съ кѣмъ нибудь изъ значительныхъ лицъ. Такимъ образомъ обѣ стороны готовы были на всякаго рода изъявленія, и переписка завязалась очень скоро. Къ сожалѣнію отъ нея сохранились только письма Вольтера, отвѣтныхъ же писемъ Шувалова мы не имѣемъ: они хранятся, можетъ быть, у наслѣдниковъ Вольтера, если не совсѣмъ пропали. За то Шуваловъ очень цѣнилъ и берегъ письма философа; уѣзжая за границу, онъ нарочно просилъ сестру свою переслать къ нему *письма Вольтеровы и прочихъ ученыхъ людей*; въ 1797

([58]) Зап. Тим. стр. 62.

году, ихъ видали у него въ кабинетѣ переплетенными въ особую книгу, in-4°, ([59]) и еще при жизни Шувалова, эти письма, а вѣроятнѣе часть ихъ, были напечатаны въ сочиненіяхъ Вольтера (изданіе 1792 года). Но и Вольтеровы письма къ Шувалову сохранились не всѣ; самое полное собраніе ихъ, по свидѣтельству извѣстнаго библіографа С. Д. Полторацкаго, которому считаемъ долгомъ изъявить признательность за нѣкоторыя указанія въ настоящемъ трудѣ, находится въ изданіи Вольтеровыхъ сочиненій извѣстнаго бельгійскаго библіографа *Бёшо* (Beuchot, 72 тома in-8°, 1829—1841).

Вольтеру давно хотѣлось войти въ ближайшія сношенія съ кѣмъ нибудь изъ значительныхъ лицъ при русскомъ дворѣ. Въ своей исторіи Карла XII, изданной въ 1731 году, онъ долженъ былъ часто касаться Россіи: лице Петра Великаго занимало его воображеніе, и онъ тогда же имѣлъ намѣреніе написать его исторію. Для этой цѣли онъ записывалъ разсказы бывшаго польскаго короля, Станислава Лещинскаго и другихъ лицъ, находившихся по чему либо въ сношеніяхъ съ Россіею, читалъ о ней книги, доставалъ записки. Но хорошо зная, что для настоящей исторіи мало имѣть подъ руками одни иностранные источники, и невозможно полагаться на разнаго рода записки, памфлеты, безыменныя брошюры о Россіи, какія тогда уже появлялись во множествѣ, онъ еще въ 1737 году посылалъ къ Фридриху II, бывшему тогда наслѣднымъ принцемъ, нѣсколько запросовъ, съ тѣмъ, чтобы получить на нихъ отвѣты изъ Россіи черезъ одного прусскаго агента, жившаго въ Петербургѣ. Позднѣе, около 1745 года, Вольтеръ обратился къ французскому послу при нашемъ дворѣ, графу Даліону, съ просьбою доставить ему званіе члена С. петербургской академіи наукъ и доложить русской императрицѣ о его глубокомъ уваженіи къ ея отцу и о намѣреніи написать его исторію, для которой онъ нуждается въ достовѣрныхъ матеріалахъ. Эта попытка, кажется, также не удалась. Однако въ 1748 году, Вольтеръ напечаталъ особою книжкою *Анекдоты о царѣ Петрѣ Великомъ*.

Все это конечно было извѣстно П. И. Шувалову, который и рѣшился воспользоваться столь ревностнымъ желаніемъ Вольтера быть русскимъ исторіографомъ. По всей вѣроятности Шуваловъ доложилъ государынѣ, что русское правительство весьма много вы-

([59]) Тамъ же и Москвит. 1845, № 10, стр. 31.

играетъ въ общественномъ мнѣніи, когда лучшій писатель, любимецъ коронованныхъ главъ, славный на всѣхъ концахъ Европы, передастъ свѣту подвиги ея родителя, которыми сама она такъ гордилась. Это особенно было нужно въ то время, ибо у насъ начиналась война съ Пруссіею; заносчивые отзывы Фридриха II объ Елизаветѣ Петровнѣ разнеслись тогда по всей Европѣ. Можетъ быть по этому поводу и вспомнили у насъ о давнишнемъ предложеніи Вольтера. Вообще написанная имъ исторія Петра Великаго должна была служить опроверженіемъ всякаго рода пасквилей на Россію, которыми издавна изобилуютъ европейскія литературы. Получивъ согласіе государыни, Шуваловъ принялъ на себя трудъ доставлять Вольтеру нужныя свѣдѣнія и матеріалы и увѣдомилъ его объ этомъ черезъ русскаго посланника при французскомъ дворѣ, графа М. П. Бестужева-Рюмина. Для удобства въ занятіяхъ, Бестужеву приказано было пригласить Вольтера на житье въ Петербургъ; но понятно, что фернейскому философу не захотѣлось промѣнять свой теплый швейцарскій уголокъ на петербургскіе туманы и болоты. Онъ отозвался на лестное предложеніе старостью (ему было тогда 63 года), и потому рѣшили, чтобъ Шуваловъ посылалъ къ нему матеріалы въ мѣсто его жительства.

Вольтеръ принялся за дѣло съ обыкновенною своею энергіею и горячностію. Получивъ приглашеніе писать исторію въ Февралѣ 1757 года, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Августѣ, уже посылаетъ къ Шувалову 8 главъ своего труда. Это былъ небольшой очеркъ, составленный по иноземнымъ источникамъ. Онъ нарочно написалъ его для того, чтобы Шуваловъ указалъ ему ошибки, дополнилъ и исправилъ. Такимъ образомъ съ самаго начала переписки Вольтеръ отыскалъ поводъ наговорить Шувалову множество любезностей, въ которыхъ по преимуществу и состоятъ всѣ его письма. Такъ онъ величаетъ его архитекторомъ зданія, воздвигаемаго во славу Петра Великаго и его дочери, а себѣ предоставляетъ честь занимать при этомъ должность каменщика, проситъ, чтобы Шуваловъ изъ дворца Елизаветы диктовалъ ему исторію Петра Великаго, называетъ себя секретаремъ его, однимъ словомъ щедро расточаетъ передъ нимъ свое необыкновенное искусство лести, которою такъ дорожили въ то время. Къ Шувалову можно примѣнить слова Пушкина о Кн. Юсуповѣ, по поводу сношеній съ Вольтеромъ:

Ты лесть его вкусилъ земныхъ боговъ напитокъ.

Однако Вольтеръ, по крайней мѣрѣ сначала, не совсѣмъ былъ доволенъ новымъ своимъ корреспондентомъ. Онъ принужденъ былъ въ каждомъ письмѣ, и почти цѣлый годъ, повторять свои просьбы о присылкѣ матеріаловъ для исторіи и вообще разнаго рода свѣдѣній. Чтобы ускорить доставленіе сихъ послѣднихъ, онъ приводитъ всѣ возможные доводы, и между прочимъ настаиваетъ на той мысли, что одною изъ существенныхъ силъ государства всегда было доброе мнѣніе, распространенное о немъ между другими народами ([60]).

Шуваловъ не могъ скоро удовлетворить желанію Вольтера, и по весьма простой причинѣ. Прошло еще очень не много времени со смерти Петра Великаго; вскрывать государственные архивы и допустить къ нимъ иностранца было еще слишкомъ рано, собираніемъ же общедоступныхъ матеріаловъ тогда никто не занимался. Надо было отыскивать ихъ; но и тутъ требовалось много времени на переводы ихъ съ русскаго языка на французскій. Пока приготовлялись эти переводы, Шуваловъ долженъ былъ ограничиться просмотромъ тетрадей Вольтера: онъ сдѣлалъ къ нимъ свои замѣтки, дополненія и показалъ ошибки иностранныхъ источниковъ. Вольтеръ немедленно воспользовался этимъ и прислалъ новую черновую тетрадь съ новыми запросами, на которые Шуваловъ не замедлилъ отвѣтомъ. Но не прежде 1759 года онъ могъ послать Вольтеру настоящіе матеріалы, которые, сколько извѣстно, на первый разъ состояли изъ журнала Петра Великаго, похвальнаго слова ему Ломоносова, краткаго изложенія камчатской исторіи, сдѣланнаго по вышедшему тогда сочиненію Крашенинникова и нѣкоторыхъ другихъ бумагъ: все это переводилось на французскій языкъ подъ непосредственнымъ надзоромъ Шувалова и при содѣйствіи Ломоносова; такъ, по указанію сего послѣдняго, занимался переводами профессоръ академіи Модрахъ, переписывали на бѣло студенты ([61]). Такого рода переводы и извлеченія постоянно посылались къ Вольтеру. Въ началѣ 1759 года ихъ повезъ къ нему Борисъ Михайловичъ Салтыковъ, воспитанникъ московскаго университета: Шуваловъ послалъ его вмѣстѣ съ другими на житье въ Женеву для усовершенствованія въ наукахъ. Съ

---

(60) Письмо отъ 24 Іюня 1756 г. «Les médailles sont de trop,» прибавляетъ Вольтеръ.

(61) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 8 Іюня 1759 г.

имъ же отправлены были и подарки Вольтеру отъ Шувалова: русскіе мѣха и чай ([62]). Въ отвѣтѣ Вольтера, отъ 29 Мая 1759 года изъ Делисъ, читаемъ: «На берегахъ Невы и Москвы говорятъ и пишутъ по французски ничѣмъ не хуже Версаля. Я никогда не могу надивиться этому. Но мое удивленіе и вмѣстѣ удовольствіе удвоились, когда я прочиталъ письмо вашего превосходительства и вступилъ въ бесѣду съ подателемъ онаго, г. Солтыковымъ. Не могу не выразить вамъ моей признательности за прекрасные мѣха и за напитокъ его китайскаго величества. Теперь, по вашей милости, конечно никто изъ властителей Европы не пьетъ лучшаго чаю и не защищенъ лучше меня отъ холоду. Бумаги и указанія, въ послѣдній разъ вами присланныя, довершаютъ вашу щедрость. Онѣ простираются до 1721 г., но я льщу себя надеждою, что вы почтите меня дальнѣйшими присылками. Употреблю всѣ старанія, чтобы соотвѣтствовать вашимъ заботамъ и намѣреніямъ. Къ зимѣ, если не обманываетъ меня надежда, буду имѣть честь представить вамъ все сочиненіе».

Дѣйствительно, осенью того же года была написана и даже отпечатана въ Женевѣ первая часть исторіи, до прутскаго похода. Но Вольтеръ не рѣшался пустить ее въ продажу, не узнавъ напередъ, довольны ли ею будутъ въ Петербургѣ, и послалъ ее къ Шувалову, прося въ случаѣ нужды сдѣлать новыя поправки и обѣщаясь перепечатать исправленные листы ([63]). Шуваловъ отдавалъ ее на разсмотрѣніе Миллеру и Ломоносову, которые, кажется, одни и занимались тогда ученымъ образомъ русскою исторіею. Оба они написали разборы вольтеровой книги, къ сожалѣнію не дошедшіе до насъ, кромѣ немногихъ и незначительныхъ замѣтокъ Ломоносова ([64]). Безъ сомнѣнія замѣчанія ихъ вмѣстѣ съ шуваловскими были посланы въ Ферней для поправокъ: Вольтеръ особенно досадовалъ на Миллера за указаніе ошибокъ въ правописаніи собственныхъ именъ.

([62]) Этотъ Солтыковъ нѣсколько лѣтъ былъ литературнымъ агентомъ Шувалова. У Поротова (стр 292) такъ о немъ записано: «Сказывалъ Григорій Николаевичъ (Тепловъ) о Солтыковѣ, который прежде отъ И. И. Шувалова посыланъ былъ къ Вольтеру, а потомъ былъ у Григорья Николаевича. О Солтыковѣ сказывалъ онъ, что нынѣ отъ себя его отбросилъ за дурнымъ его поведеніемъ».—См. также письма Вольтера отъ 29 Мая, 11 и 22 Ноября 1759 г., отъ 21 Мая (объ отъѣздѣ Солтыкова въ Англію) и 4 Іюня 1762 года.

([63]) Письмо отъ 14 Мая 1760 г.

([64]) См. Москов. Телегр. 1828, № 6.

Если вѣрить письмамъ Вольтера, то надо признаться, что вообще онъ имѣлъ нѣкоторое право быть недовольнымъ: книга его пробыла въ Петербургѣ около года, а между тѣмъ кто-то успѣлъ похитить его рукопись и напечатать ее: въ Гамбургѣ, Франкфуртѣ и Гагѣ вышли объявленія о выходѣ въ свѣтъ новаго сочиненія Вольтера; пришлось жаловаться и останавливать незаконную продажу (65). Наконецъ изъ Петербурга возвратилась настоящая книга, и Вольтеръ выдалъ ее подъ заглавіемъ: *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'auteur de l'Histoire de Charles XII.* По словамъ сочинителя она имѣла въ два мѣсяца три изданія. Есть извѣстіе, что на заглавномъ листкѣ ея была оттиснута медаль, выбитая въ память основанія московскаго университета, что служило знакомъ новой любезности Шувалову (66). Разумѣется, сей послѣдній не оставался въ долгу: нѣсколько разъ посыланы были къ Вольтеру разные подарки, а по выходѣ въ свѣтъ перваго тома исторіи 2 тысячи червонцевъ. «Мои издержки слишкомъ ничтожны,—отвѣчалъ по этому случаю Вольтеръ, не задолго передъ тѣмъ написавшій еще хвалебные стихи Петру Великому—мои труды вполнѣ искупаются достоинствомъ предмета, которымъ былъ я занятъ. Мнѣ было бы наилучшею наградою-имѣть портреты вашъ и вашей августѣйшей государыни» (67). Ему особенно хотѣлось узнать, какъ приняла его книгу Елизавета Петровна. Онъ безпрестанно намекалъ о томъ Шувалову и видимо думалъ, какъ можно, болѣе угодить ему, расточалъ передъ нимъ льстивыя выраженія, сравнивалъ его съ кардиналомъ Пассіонеи, посылалъ книги и рукописи въ его библіотеку, какую-то особенную воду для его стола и проч. (68). Приводимъ для образца отрывокъ изъ письма, въ которомъ Вольтеръ извѣщалъ Шувалова объ отправленіи этихъ посылокъ: «Надѣюсь, милостивый государь, что вы получили теперь

(65) См. письма его къ Шувалову отъ 1, 22 Апрѣля, 7 Іюня, 2 Авг. и др. 1760 года.

(66) См. статью Снегирева въ Ж. М. Н. Пр. Перваго изданія Вольтеровой исторіи намъ не удалось видѣть. Въ томъ же 1762 г. извѣстный Бюшингъ издалъ въ Гамбургѣ нѣмецкій переводъ ея съ поправками и замѣчаніями, которыя, можетъ быть, принадлежатъ нашему академику Миллеру. Тутъ на оборотѣ перваго листка дѣйствительно оттиснута медаль московскаго университета. Эта книжка (въ малую 8) находятся въ здѣшней университетской библіотекѣ.

(67) См. письма его къ Шувалову отъ 30 Марта 1761 г.

(68) Письма отъ 26 Августа и 14 Ноября 1761 г.

посланное къ вамъ съ вашего позволенія, а именно, первую часть исторіи Петра Великаго, довольно толстую связку книгъ и рукописей и ящикъ съ колладонскою водою, которая составляетъ одно изъ лучшихъ средствъ противъ несваренія желудка и на вкусъ не уступаетъ барбадской водѣ; она пригодится въ случаѣ нужды вашимъ пріятелямъ, ибо относительно васъ, я увѣренъ, что въ число вашихъ добродѣтелей входитъ и воздержность. Ваше превосходительство почтили меня подарками, вполнѣ достойными васъ и двора русскаго. Съ тѣхъ поръ, какъ получилъ я прекрасные мѣха ваши, мнѣ ни по чемъ альпійскіе снѣга, которые стоятъ русскихъ. Но дороже всего ваши рукописи; онѣ мнѣ очень будутъ полезны, когда приступлю ко второму тому. Терять времени не слѣдуетъ; лѣта и здоровье понуждаютъ меня торопиться. Хотя Петръ Великій и не довершилъ великихъ предпріятій своихъ, но историкъ его намѣренъ окончить малое дѣло свое.»

Елизавета Петровна въ это время уже была почти постоянно нездорова, и вѣроятно Шуваловъ не находилъ удобнаго случая доложить ей о книгѣ Вольтера. Не получая долго отвѣта, сей послѣдній писалъ къ Шувалову (отъ 10 Янв. 1761 г.): «Я старѣю, здоровье мое плохо, и можетъ статься, что я умру, не докончивъ воздвигаемаго вами зданія. Но мнѣ тяжело будетъ умереть, не узнавъ, почтила ли достойная дщерь Петра Великаго благосклоннымъ вниманіемъ своимъ трудъ, совершенный во славу ея родителя. Я льщу себя надеждою, что, благоговѣя передъ его памятью, она низойдетъ хотя на мгновеніе съ высоты, на которую возвело ее Небо, и поручитъ вашему превосходительству извѣстить меня, довольна ли она сколько нибудь моею работою. По крайней мѣрѣ такъ благоволятъ обыкновенно поступать наши государи, даже относительно собственныхъ подданныхъ.»

Безъ сомнѣнія императрица милостиво одобрила книгу Вольтера. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль, которую имѣли въ виду, приглашая Вольтера писать исторію Петра Великаго, достигнута была вполнѣ: сочиненіе его разошлось по Европѣ, и на модномъ языкѣ того времени расточены были похвалы русской имперіи.

Намъ нечего говорить объ настоящихъ достоинствахъ Вольтерова сочиненія. Мы ограничиваемся только указаніемъ тѣхъ сношеній, которыя имѣлъ авторъ исторіи Петра Великаго съ Шуваловымъ и того участія, которое принималъ Шуваловъ въ трудѣ Вольтера. Не можемъ пропустить здѣсь одного замѣчанія Екатерины II. Уже всту-

пивъ на престолъ, въ одномъ письмѣ своемъ къ Вольтеру, она говоритъ, что, если бы ему пришлось, писать исторію Петра Великаго въ ея царствованіе, она доставила бы ему гораздо больше матеріаловъ. Конечно это сказано не въ упрекъ Шувалову, ибо чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе открывалось новыхъ свѣдѣній, тѣмъ многочисленнѣе становились матеріалы. Изъ писемъ Вольтера видно, что Шуваловъ много работалъ надъ просмотромъ его труда, что сей послѣдній во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ проходилъ чрезъ его цензуру; не говоримъ уже о томъ, что онъ постоянно высылалъ Вольтеру разнаго рода матеріалы, письма Петра Великаго, письма Станислава Лещинскаго, бумаги о Персидскомъ походѣ и проч. ([69]).

Второй томъ исторіи, точно также какъ и первый, былъ просмотрѣнъ и дополненъ Шуваловымъ въ черновомъ видѣ. Вольтеръ писалъ его впрочемъ гораздо медленнѣе, нежели первый, будучи отвлекаемъ другою большою работою, изданіемъ сочиненій Корнеля, которыя онъ печаталъ въ Женевѣ съ своими примѣчаніями, въ пользу дочери знаменитаго трагика. Это было великолѣпное изданіе, съ гравюрами. Вольтеръ открылъ на него подписку, и по просьбѣ его императрица Елизавета Петровна и Шуваловъ подписались на нѣсколько экземпляровъ. Въ концѣ 1761 года Вольтеръ съ прежнею ревностью принялся за оставленный трудъ. Въ теченіи осени онъ писалъ къ Шувалову почти каждую недѣлю, испрашивая совѣтовъ, указаній, разрѣшенія своихъ сомнѣній (его особенно затрудняло дѣло царевича Алексѣя Петровича), возражая на замѣчанія и требуя скорѣйшихъ отвѣтовъ.

Но въ это время Шувалову было уже не до Вольтера. Въ жизни и судьбѣ его готовилась рѣшительная перемѣна. Весь конецъ 1761 года болѣзнь императрицы постоянно усиливалась, такъ что не оставалось болѣе надежды на выздоровленіе. Наконецъ совершилось событіе, такъ долго грозившее петербургскому двору рѣшительнымъ переворотомъ: въ день Рождества Христова, послѣ тяжкихъ и мучительныхъ страданій, Елизавета Петровна скончалась на

([69]) Подробности заключаются въ письмахъ Вольтера. Любопытно, что въ письмѣ отъ 17 Іюля 1758, передавая Шувалову разныя свои соображенія о Россіи, Вольтеръ останавливается на старинной русской одеждѣ, рисунки которой ему повстрѣчались въ путешествіи Олеарія. О кафтанѣ онъ говоритъ: «Je ne peux m'empêcher de regarder cet habillement ancien comme très noble »

53 году отъ роду. Во дворцѣ, въ городѣ, и въ цѣломъ государствѣ произошла рѣшительная перемѣна.

Нечего говорить, какъ тяжело было Шувалову оплакивать кончину государыни, которой онъ всѣмъ былъ обязанъ. Къ этому несчастію присоединилась новая семейная утрата: черезъ нѣсколько дней послѣ императрицы (4 Янв. 1762 г.) скончались двоюродный братъ его, графъ Петръ Ивановичъ, главный виновникъ его возвышенія, главный руководитель его въ дѣлахъ государственныхъ и вторая супруга его (ур. кн. Одоевская). Шувалову почти въ одно время пришлось хоронить самыхъ близкихъ людей. Тревоги всякаго рода, неизбѣжныя для царедворца при перемѣнѣ царствованія, хлопоты по случаю переселенія изъ дворца, гдѣ уже не за чѣмъ ему было жить, наконецъ неизвѣстность будущаго, все это волновало Шувалова. Конечно во все продолженіе его жизни не было для него времени, болѣе тяжкаго.

Князь Θ. Н. Голицынъ передастъ намъ слѣдующую, во всѣ времена достойную уваженія черту душевнаго благородства своего дяди. «Императрица—говоритъ онъ—примѣтивъ, что Иванъ Ивановичъ никогда ничего у нея не проситъ, и что даже отъ жалуемой волости, состоящей изъ 6000 душъ, съ благодарностью отказался, изволила ему приготовить у себя въ почивальной въ сундукѣ премножество золота какъ слитками, такъ и монетою. За нѣсколько времени до кончины, она ему объ ономъ сказала, и приказала перенесть сундукъ въ его покои, гдѣ онъ и стоялъ до самой ея кончины. Какъ же скоро государь Петръ III воцарился, Шуваловъ, ему объ томъ объявя, поднесъ ему ключъ, и просилъ, чтобъ его взять. Сей рѣдкій поступокъ тѣмъ паче достоинъ великой похвалы, что Шуваловъ имѣлъ самое посредственное состояніе. Послѣ кончины своей августѣйшей благодѣтельницы, у него осталось нѣсколько денегъ, а деревень ни одной не прибавилъ во время своего двѣнадцатилѣтняго случая. На сіи деньги онъ купилъ двѣ тысячи душъ.»

Уже одинъ этотъ поступокъ долженъ былъ расположить новаго императора въ пользу Шувалова. Но и безъ того Иванъ Ивановичъ имѣлъ полное право надѣяться на милостивое вниманіе государя. Какъ извѣстно, въ предыдущее царствованіе между императрицею и ея наслѣдникомъ не всегда сохранялось доброе согласіе. «Обстоятельства представлялись иногда самыя трудныя—разсказываетъ кн. Θ. Н. Голицынъ—и Иванъ Ивановичъ часто мнѣ самъ говаривалъ, что онъ удивляется теперь, какъ онъ могъ иногда смяг-

чать и прекращать нѣкоторымъ образомъ встрѣчающіяся неудовольствія между обоими дворами. Таковое посредничество требовало не токмо отмѣнной ловкости, но и при самомъ чистосердечномъ усердіи могло бы навлечь нѣкоторое на него подозрѣніе; но сіи высокія особы столь увѣрены были въ его безпристрастіи и правдивости, что ни мало въ немъ не сумнѣвались.» Петръ Ѳедоровичъ, будучи великимъ княземъ, не рѣдко посѣщалъ Шувалова въ его дворцовыхъ покояхъ и оставался у него подолгу. Есть извѣстіе, что однажды онъ обращался къ Шувалову съ просьбою ходатайствовать передъ императрицею объ уплатѣ его долговъ. Отъ природы милостивый, онъ вспомнилъ объ этомъ по вступленіи своемъ на престолъ, назначилъ Шувалова своимъ преемникомъ въ почетномъ званіи директора Сухопутнаго кадетскаго корпуса, и захотѣлъ публично выразить ему благоволеніе свое. Приказавъ Шувалову пріѣхать въ назначенный часъ въ корпусъ, самъ онъ нарочно прибылъ туда ранѣе, поставилъ всѣхъ кадетъ въ строй, и держа въ рукѣ списокъ, дожидался Шувалова. Какъ скоро пріѣхалъ сей послѣдній, государь взялъ эспантонъ, всѣмъ фрунтомъ отдалъ ему честь и поднесъ рапортъ. Это было великою почестью, особливо въ то время.

Но Шуваловъ понималъ, что случай его прошелъ безвозвратно. Ему тяжело было оставаться при дворѣ, посреди новыхъ лицъ, при новыхъ, весьма ненадежныхъ, отношеніяхъ. Онъ не имѣлъ довольно честолюбія, чтобы стараться о поддержаніи своего значенія, и тотчасъ же по смерти Елизаветы Петровны рѣшился отстать отъ двора, чтобы вполнѣ предаться спокойной, независимой жизни и любимымъ своимъ занятіямъ науками, искусствами и словесностью. Безъ сомнѣнія давно ему хотѣлось побывать въ чужихъ краяхъ. Теперь представлялось для того свободное время. «Ваше намѣреніе исключительно посвятить себя наукамъ — писалъ къ нему Вольтеръ отъ 15 Марта 1762 г.—вполнѣ достойно философа. Вы будете новымъ Анахарсисомъ. Но возымѣвъ столь благородное и мудрое намѣреніе, отчего не хотите вы поступить, какъ поступилъ Анахарсисъ? Отчего вы не путешествуете? Впрочемъ я говорю эгоистически: въ этомъ случаѣ можетъ быть придется мнѣ увидать васъ, и я буду имѣть счастіе бесѣдовать съ человѣкомъ, котораго письма доставили мнѣ столько удовольствія... Старость не дозволяетъ мнѣ ѣхать къ вамъ; вы же молоды, и благорастворенный климатъ укрѣпитъ ваше здоровье, если оно сколько нибудь ослабѣло... Вы такъ хвалите

царствующаго императора; я желаю ему многихъ лѣтъ, какъ желалъ покойной государынѣ, смерть которой оплакиваю. Онъ и супруга его должны жить долго, потому что живутъ для блага людей. Безъ сомнѣнія они удерживаютъ васъ въ Петербургѣ.» Не переставая напоминать Шувалову о поѣздкѣ въ чужіе краи, Вольтеръ писалъ (отъ 21 Мая того же года): «Вамъ слѣдуетъ подражать Петру Великому и отправиться въ путешествіе. Конечно вы не сомнѣваетесь въ отличномъ пріемѣ, который всюду ожидаетъ васъ, и котораго вы достойны. Ваше путешествіе будетъ постояннымъ торжествомъ, и еще болѣе возвеличитъ вашу родину, ибо Европа увидитъ человѣка, отличныхъ свойствъ, украшеннаго познаніями, и какъ бы созданнаго для того, чтобы блистать при всѣхъ дворахъ. Я былъ бы очень радъ, если бы вы опредѣлились куда нибудь посланникомъ: это сократило бы находящееся между нами пространство, и не смотря на всѣ болѣзни мои, я поспѣшилъ бы доставить себѣ утѣшеніе личной бесѣды съ вашимъ превосходительствомъ.»

Должности посланника конечно Шуваловъ никогда бы не взялъ, хотя вѣроятно легко могъ бы получить ее. Ему просто хотѣлось отдохнуть отъ прежней жизни, пожить на свободѣ, въ полной независимости, полюбоваться красотами природы и искусствъ, увидѣть вблизи хваленыя мѣста. Онъ принялъ твердое намѣреніе путешествовать, и конечно желалъ поскорѣе уѣхать, чтобы не быть свидѣтелемъ переворота, который тогда готовился въ Россіи. Хотя приверженцы императрицы Екатерины не обращались къ нему ни съ какими предложеніями, но легко можно было угадывать ихъ намѣренія. Вообще первая половина 1762 года представляетъ собою одну изъ тѣхъ тяжелыхъ эпохъ, когда всякій, любящій спокойную жизнь, человѣкъ долженъ былъ мучиться неизвѣстностью будущаго. По характеру своему Шуваловъ не желалъ принимать никакого участія въ приближавшейся развязкѣ великаго дѣла. Онъ намѣревался оставить Петербургъ вмѣстѣ съ молодымъ племянникомъ своимъ, графомъ Андреемъ, сыномъ покойнаго Петра Ивановича, уѣзжавшимъ тогда въ чужіе края ([70]). Но придворная служба задержала Ивана Ивановича. Государь, собиравшійся тогда въ походъ противъ Даніи, которой объявлена была война за голстинскія владѣнія, въ знакъ своей милости, изъявилъ желаніе, чтобъ Шуваловъ ему сопутствовалъ.

(70) Письмо Вольтера отъ 25 Іюня 1762 года.

Такимъ образомъ Шуваловъ не успѣлъ освободиться отъ придворной службы, и конечно не весело было ему отправляться въ Данію. Но надлежало покориться судьбѣ. Въ началѣ Іюля назначено было выступленіе въ походъ, и Шуваловъ на время уѣхалъ отъ двора, изъ Петергофа въ Петербургъ, чтобы приготовить все нужное въ дальную дорогу.

Въ этихъ сборахъ засталъ его знаменитый переворотъ 28 Іюня. Въ этотъ день, рано утромъ, изъ оконъ дома своего на Невскомъ Проспектѣ, Шуваловъ увидѣлъ торжественное шествіе Екатерины, направлявшееся отъ Измайловскихъ казармъ къ Казанскому Собору. Раздумывать не было времени, и повинуясь общему, почти единодушному влеченію, Шуваловъ немедленно перешелъ улицу и явился въ соборѣ у присяжнаго листа. Молодая государыня замѣтила его и тутъ же, подозвавъ къ себѣ, сказала: «Иванъ Ивановичъ, я рада, что и ты съ нами.»

Но Шувалову и безъ того не слѣдовало сомнѣваться въ благоволеніи Екатерины. Хотя, въ предшествовавшія царствованія, онъ не принадлежалъ къ числу ревностныхъ ея приверженцевъ, однако имѣлъ случай оказывать ей услуги, и даже, по миролюбію своему, успѣвалъ въ послѣднее время устранять недоразумѣнія, возникавшія между Елизаветою Петровною и ея племянницей ([71]). Вообще Екатерина цѣнила благородный образъ мыслей Шувалова и ту пользу, которую принесъ онъ отечеству. Немедленно по воцареніи ея возобновились сношенія Шувалова съ Вольтеромъ, и вскорѣ исторія Петра Великаго была издана вновь. Черезъ Шувалова послано было къ Дидероту приглашеніе Екатерины доканчивать въ Россіи запрещенную во Франціи Энциклопедію; Шуваловъ же входилъ въ сношенія съ Даламбертомъ и сообщалъ ему предложеніе принять должность наставника при наслѣдникѣ русскаго престола ([72]).

Но довѣріе и милостивое вниманіе Екатерины не могли отклонить Шувалова отъ давно желанной поѣздки въ чужіе краи, къ которой теперь не представлялось препятствій, и въ необходимости которой

(71) Вольтеръ въ письмѣ къ Аржанталю отъ 8 мая 1762: «Je savais bien qu'Ivan Schowalow, mon favori et celui d'Elisabeth, avait raccommodé la princesse impériale avec la mouranie.»

(72) См. примѣчаніе при письмѣ Вольтера къ Даламберту отъ 25 Сент. 1762 г; а о печатаніи Энциклопедіи, которую предполагали издавать въ Ригѣ, см. письмо его же къ Дидероту отъ 25 того же мѣсяца и года. Шуваловъ самъ писалъ о томъ къ Дидероту, но письма этого мы не могли найти.

онъ вполнѣ убѣдился. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины русскій дворъ принялъ совсѣмъ новый видъ: прекратились ужины за полночь, рѣже праздновались маскерады, всюду введены точность и строгая бережливость (особливо во времени). Вообще царедворцамъ Елизаветы надлежало совершенно перемѣнять свои привычки; имъ было неловко посреди новыхъ людей; Шуваловъ же не имѣлъ довольно честолюбія, чтобы преодолѣвать эту неловкость и приноравливаться къ новымъ обычаямъ. Онъ рѣшился, по крайней мѣрѣ на время, оставить дворъ.

Необыкновенныя событія того времени, имѣвшія такое сильное вліяніе на судьбу Шувалова, потрясли и физическій организмъ его. Лѣтомъ 1762 года онъ слегъ въ постелю, какъ видно изъ письма къ нему Вольтера отъ 13 Августа этого года, и по всему вѣроятію, не принималъ участія въ торжествѣ коронованія Екатерины и въ тогдашнихъ московскихъ праздникахъ. Впрочемъ болѣзнь, кажется, продолжалась не долго. Въ Мартѣ слѣдующаго года онъ уже собирался въ дорогу. Любопытно, что въ это самое время, въ Москвѣ, къ нему явился молодой солдатъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, съ просьбою взять его за границу. То былъ воспитанникъ казанской гимназіи Державинъ. Шуваловъ, еще прежде знавшій о его способностяхъ, изъявилъ согласіе; но одна изъ тетушекъ написала Державину строгое письмо, въ которомъ объявлено было, что мать лишитъ его своего благословенія, если онъ отправится за море съ *фармазономъ*. Видно подъ этимъ именемъ слыли тогда въ глухихъ углахъ Россіи люди, посвящавшіе себя наукамъ, въ томъ числѣ и Шуваловъ (73).

Въ то время, послѣ славнаго указа Петра III, предоставлявшаго всѣмъ Русскимъ полную свободу въ избраніи мѣста жительства, не представлялось особенныхъ затрудненій къ путешествію въ чужіе край. Получивъ временное увольненіе отъ должностей своихъ, въ половинѣ Апрѣля 1763 года, Шуваловъ отправился въ дорогу, конечно не предполагая, что ему придется прожить внѣ Россіи слишкомъ 14 лѣтъ (74).

(73) См. Остолопова Ключь къ соч. Державина, стр. 7. Объ этомъ сообщалъ намъ также родственникъ Державина гр. Д. И. Б — Франкмасонство, занесенное офицерами изъ Пруссіи, (молодой Суворовъ посѣщалъ въ Кенигсбергѣ масонскія ложи), уже тогда было въ ходу у насъ; Петръ III ему покровительствовалъ.

(74) Въ С. Пет. Вѣдомостяхъ 1763 года, № 31, отъ 18 Апрѣля, означено: «Генералъ-поручикъ и Шефъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, Иванъ Ивановичъ

О путешествіяхъ Шувалова и его жизни въ чужихъ краяхъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ извѣстій въ собственныхъ письмахъ его къ сестрѣ, княгинѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Голицыной (1734—1802). Письма эти писаны незатѣйливо, съ откровенностью братской дружбы, и лучше всего изображаютъ простой и безхитростный характеръ Шувалова. Нельзя не пожалѣть, что они сохранились не вполнѣ, и обнародованы лишь въ отрывкахъ ([75]).

Разумѣется, Шувалова всюду принимали съ великими почестями и предупредительностью. Вотъ письмо его изъ Митавы, отъ 24 Апрѣля 1763 года: «Вчерашній день, матушка, выѣхалъ изъ Риги и пріѣхалъ въ Митаву; стою на квартирѣ принца Карла Курляндскаго. Герцогъ ([76]) присылалъ звать меня обѣдать, и туда ѣду. Послѣ обѣда отправлюсь въ путь. Послѣ сего письма долго писемъ не будете имѣть; чаю, что до самаго Мемеля постамтовъ нѣтъ, и въ разсужденіи дурной дороги чаю не скоро пріѣду. Ѣду же на наемныхъ русскихъ тульскихъ ямщикахъ, которые меня скорѣй привезутъ, нежели дурная здѣшняя почта. Могу сказать, что такихъ веселыхъ людей, какъ мои ямщики, и хорошихъ лошадей мало видать.

Шуваловъ, получилъ дозволеніе отъѣхать на нѣкоторое время въ чужіе краи, указомъ 4 Марта 1763 г.» (Тогда дворъ еще находился въ Москвѣ).

(75) Подлинники этихъ писемъ находятся у графини Прасковьи Николаевны Фредро, которая, по матери своей графинѣ Головиной, приходится родной внукой сестры Шувалова, княгини Голицыной. Въ 1844 году въ Парижѣ гр. Фредро дозволила снять съ нихъ копіи кандидату нашего университета, Ѳ. И. Бѣляеву, отъ котораго и получилъ ихъ М. П. Погодинъ, и въ 1845 году письма эти, въ числѣ 22-хъ, были напечатаны въ октябрьской книгѣ Москвитянина, съ правописаніемъ подлинниковъ, которое у насъ не удержано, и для показанія котораго приводимъ здѣсь и ниже въ примѣчаніи 79-мъ отрывки. «18 Сего месеца было здѣсь трясеніе земли ночью въ шесть часовъ; многіе чувствовали, а болѣе того людей спали; Императрица отъ сего пробудилась, и видѣла, что завѣсы трогались, и протчіе вкомнате убранство. только 23 мили отсюдова ввенгріи городъ Комернъ инако сие приключеніе имѣлъ: несколько домовъ, церквей развалилось и людей погибло. Обстоятельнаго извѣстія ждутъ; только оное правда. вчерась я обѣдалъ у Кауница, и первое описаніе читали: сколько время дозволило, обстоятельства тому, —отъ котораго полученъ репортъ, узнали. Сей городъ стоялъ взалиже Дуная, окруженъ водою, въ іныхъ мѣстахъ земля провалилась.—еду обѣдать кприпесе Любомирской.» (Вѣна, 21 Іюня 1763). Тогда же г. Бѣляевъ списалъ у граф. Фредро 8 писемъ отъ разныхъ лицъ къ Шувалову; они напечатаны въ ноябрьской книгѣ Москвитянина 1845 года.— Г. Бѣляевъ сообщалъ намъ, что за недостаткомъ времени, онъ не могъ списать всѣхъ писемъ, а списалъ только замѣчательнѣйшія, а изъ нѣкоторыхъ лишь отрывки.

(76) Знаменитый Бирономъ, которому Екатерина возвратила Курляндію и который незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ въ Митаву изъ Ярославля. Ниже упомянутые принцы Карлъ и Петръ сыновья Бирона.

Какая разница наша Русь отъ здѣшнихъ обитателей! Принцъ Карлъ, другой герцогъ, нѣсколько дней отсюдова уѣхалъ, и послѣ тотчасъ дворецъ наши солдаты заняли.—Дописываю мое письмо, возвратясь къ себѣ. Обѣдалъ у герцога, которой меня весьма ласково и учтиво принялъ. Въ первый разъ видѣлъ дворъ нѣмецкаго маленькаго владѣтеля, въ которомъ гофмаршалъ, кавалеръ, фрелины, пажи, все въ миніатюрѣ предъ большимъ дворомъ. Герцогъ самъ ко мнѣ хотѣлъ ѣхать, только я сказалъ, чтобъ не трудился, ибо я скоро поѣду. Принцъ Петеръ однакожъ былъ. Кушанья намъ наслали въ Ригѣ столько, что дѣвать было некуда на дорогу. Дороги здѣсь очень дурны. Митава городокъ какъ нѣмецкой.... клинъ ([77]). Въ первый разъ видѣлъ здѣсь Жидовъ, которыхъ множество здѣсь. Здѣсь вамъ, матушка, принялъ учителя князю Ф. Н. ([78]), которому далъ письмо явиться къ вамъ. Чаю, черезъ мѣсяцъ пріѣдетъ. Человѣкъ изрядной; я чаю, что его знаніемъ, особливо поведеніемъ, довольны будете. Впрочемъ, матушка, прощай, Богъ съ тобою.»

Въ Пруссіи вниманіе Шувалова остановилось на внутреннихъ распоряженіяхъ Фридриха Великаго послѣ семилѣтней войны. «Его величество всѣ силы свои употребляетъ къ возстановленію внутренняго благосостоянія,» разсказываетъ Шуваловъ въ письмѣ отъ 20 Мая изъ Бреславля. «Одной Шлезіи далъ 17,000 лошадей мужикамъ, взявъ изъ драгунскихъ легкихъ войскъ, артиллерійскихъ и прочихъ, которыхъ мирное состояніе нужды не требуетъ; и прочія дѣлаетъ касательно сей пользы учрежденія. Разумныя его повелѣнія. Строгое и скорое по нимъ исполненіе въ краткое время приведутъ его земли въ желаемое цвѣтущее состояніе, исправя приключенныя войною разоренія. Истинно надивиться довольно не можно, съ какимъ прилежаніемъ и усердіемъ всѣ по деревнямъ, гдѣ ѣхалъ, приказы исполняютъ; правители же всѣ имѣютъ самое малое жалованье. Мужики знающіе, разумные изстари: доволенъ каждый своимъ состояніемъ, и главное удовольствіе въ исполненіи своей должности почитаетъ. Сіе пріобрѣтается долгимъ временемъ добраго воспитанія. Вездѣ по деревнямъ мальчики и дѣвочки учатся грамотѣ и божескому закону. Всякой получаетъ пропитаніе своими трудами. Молодые, видя примѣръ въ старыхъ, привыкаютъ къ трудолюбію съ возрастомъ.

(77) Это мѣсто вѣроятно было не разобрано въ подлинникѣ

(78) Кн. Ѳ. П. Голицынъ, сынъ сестры Шувалова и жизнеописатель сего послѣдняго. Ему было 12 лѣтъ.—Тогда Жиды были изгнаны изъ Россіи.

Вчерась я обѣдалъ на дорогѣ у одного изъ сихъ управителей, которому порученъ весь Глоговскій уѣздъ, и онъ дворянинъ; съ какою ласкою онъ обходится! Много сказывалъ, что его паши войска разорили; только все то съ терпѣніемъ сноситъ и болѣе жалуется на обстоятельства военныя, нежели на людей, которыми, сказываетъ, что былъ доволенъ. То нужда ихъ лишила его многаго. Жена у него старушка сказывала, что могла сыскать ласку отъ козаковъ, выучась нѣсколько по русски, и стараясь ихъ кормить и поить, и за то ее звали *гуте-мачка*. Письма мои къ вамъ наполнены и дѣломъ и вздоромъ: удовольствіе, матушка, долѣе съ вами говорить всегда въ нихъ произведетъ сей непорядокъ.»

Въ исходѣ Мая Шуваловъ прибылъ въ Вѣну. Тамошній посолъ нашъ кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ принялъ его очень дружелюбно и немедленно ввелъ его въ высшій кругъ вѣнскаго общества, который конечно давно знакомъ ему былъ по слухамъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній петербургскаго двора съ вѣнскимъ. Шуваловъ въ нѣсколькихъ письмахъ съ мелочными подробностями разсказываетъ сестрѣ о своемъ представленіи императрицѣ и императору (Маріи Терезіи и супругу ея), о знакомствахъ своихъ съ послами, министрами и вѣнскою знатью, о разныхъ увеселеніяхъ, о домашнемъ бытѣ тамошнихъ вельможъ, о поѣздкахъ за городъ: однимъ словомъ передаетъ все, что показалось ему замѣчательнымъ (79). Въ этихъ письмахъ вполнѣ виденъ вельможа тѣхъ временъ. Замѣчательно, что онъ прожилъ въ Вѣнѣ около полугода, между прочимъ по той причинѣ, что тамъ было дешево жить. Послѣ роскошной петербургской жизни у него оставалось всего 8 т. р. доходу,—

(79) Напр. въ письмѣ отъ 16 авг. 1763 г. изъ Вѣны: «Вѣне нетъ такого мотовства, какъ у насъ: здѣсь дамы почти все домашнія дѣла правятъ; сами овесъ и сено покупаютъ, мнѣ сами знатные сказывали, многие здѣсь домы даютъ обѣдъ вдва мѣсеца одинъ разъ великимъ огромствомъ; а протчие дни ѣдятъ на тарелачкахъ трехъ или четырехъ. Не по нашему, какъ я помню, во днемъ домѣ, званъ былъ уженать, где столъ былъ, помнитца, на двенатцать человѣкъ, а пріехало сорокъ, между темъ иные впервой разъ отроду вдомъ кужину. Я часто здесь разсказываю къ великому удивленію образъ нашей жизни всамомъ деле хорошо. Только сколько неудобно хозяину! здѣсь обычай, что после супу ѣдятъ дыни! вотъ вамъ новая мода.... Государю моему Александру Григорьевичу моя дружба, любовь і почтение, которая пребудетъ на вѣки! другъ мой естлибъ здѣсь изволилъ быть, статую бы поставили за постоянное сидѣние вломберъ; другой игры нетъ; только такъ скоро играютъ, что я смоею поспѣшностію на успѣваю: одинъ разъ у графини Гарахъ просилъ, чтобъ потише играть, или я весь столъ отъ скорости моей опрокину» и пр. *(sic)*.

сумма, сравнительно ничтожная ([80]). «Не повѣрите, какой сталъ экономъ», пишетъ онъ къ сестрѣ. «Хочу вамъ описать мой домъ: 2 камердинера, поваръ, 2 скорохода, 3 лакея, кучеръ, квартира, столъ, ѣстьли дома обѣдаю, на 4 персоны—все оное стоитъ 150 червонцевъ на мѣсяцъ, кромѣ платья, что принужденъ былъ дѣлать, и ливрею и другіе мелочные расходы. Если такъ вездѣ будетъ, то могу съ благопристойностью жить. Только сказываютъ, въ Парижѣ несравненно все дороже, особливо нынѣ. И такъ, выключая другихъ удовольствій, экономія требуетъ, чтобъ здѣсь долѣ жить. Думаю въ половинѣ Ноября отсюда конечно выѣхать, можетъ быть и прежде, въ Италію или во Францію, еще не знаю. Причина ѣхать въ Италію: 1) Что нынѣ удобное къ тому время, 2) что близко оной земли; во Францію: 1) Докуда еще не такъ старъ, могу присовокупить знаніе, по причинѣ многихъ ученыхъ людей; 2) мое платье и прочія нужныя потребности посланы во Францію на кораблѣ».

Конечно Шуваловъ не долго колебался въ выборѣ: его манилъ къ себѣ Парижъ, тогда еще болѣе, нежели теперь, считавшійся безусловнымъ законодателемъ вкуса, столицею европейскаго просвѣщенія. Въ началѣ 1764 года онъ пріѣхалъ туда, если не ошибаемся, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ государственнымъ канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, который также нашелъ нужнымъ на время удалиться изъ Петербурга ([81]). Нельзя не пожалѣть, что не сохранилось писемъ его изъ Парижа; въ нихъ вѣроятно заключалось много любопытнаго о парижскомъ дворѣ и обществѣ, въ которыхъ именно въ ту пору произошли значительныя перемѣны вслѣдствіе кончины двухъ первенствовавшихъ лицъ, маркизы Помпадуръ и Дофина (отца Людовика XVI). Еще любопытнѣе было бы знать о непосредственныхъ сношеніяхъ Шувалова съ французскими учеными, философами и художниками. Но все это остается неизвѣстнымъ. Знаемъ только, что въ Парижѣ, какъ и въ Вѣнѣ, Шуваловъ велъ свѣтскую жизнь, что онъ представлялся Людовику XV, свелъ знакомство

(80) См. письмо отъ 27 Сент. 1763 г. изъ Вѣны. Впослѣдствіи онъ получалъ больше и его дѣлами завѣдывалъ вышеупомянутый Александръ Григорьевичъ (фамильи не знаемъ). По письмамъ видно, что онъ едва сводилъ концы съ концами. Въ письмѣ отъ 8 Окт. 1763 изъ Вѣны, читаемъ: «Пишетъ ко мнѣ, матушка, Андрей, что мужики новогородской деревни приходили, даютъ охотно оброку 1500 рублевъ,- только бъ ихъ не продавать, сие предаю въ вашу волю. Естли можно цѣну взять хорошую, то продать, непритчине, что много хлапотъ отъ сосѣдей будетъ».

(81) См. письмо отъ 27 Сент. 1763 и Записки Поронина, стр. 108.

со всею знатью и особенно подружился съ извѣстнымъ своею благотворительностію герцогомъ Орлеанскимъ и старою вдовою фельдмаршала Люксамбургъ, пріятельницею Ж. Жака Руссо: первый передалъ ему на память передъ отъѣздомъ его изъ Парижа табакерку Петра Великаго съ его финифтянымъ портретомъ, ту самую, которую государь въ бытность въ Парижѣ подарилъ дѣду его, знаменитому регенту Франціи ([82]);—а герцогиня Люксамбургъ, между прочими любезностями, прислала къ нему въ видѣ подарка на новый годъ золотую записную книжку съ слѣдующими стихами, нарочно для того написанными Мармонтелемъ и показывающими, что̀ именно цѣнили въ Шуваловѣ его современники:

Le souvenir est doux à l'homme heureux et sage,
Qui sût jouir de tout, et n'abuser de rien,
Et qui de la faveur fit un si bon usage,
Que même les rivaux n'en ont dit que du bien ([83]).

Въ это самое время посланъ былъ за границу для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ славный впослѣдствіи Дмитревскій; въ Парижѣ Шуваловъ оказывалъ ему всякаго рода пособія, и между прочимъ познакомилъ его съ знаменитымъ комическимъ актеромъ Лекенемъ и актрисою Дюменіль ([84]).

Нѣтъ сомнѣнія, что, отправляясь путешествовать, Шуваловъ вовсе не думалъ оставаться въ чужихъ краяхъ долгое время. Онъ намѣревался жить постоянно въ Москвѣ и даже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы продали одинъ изъ петербургскихъ домовъ его, вмѣсто котораго хотѣлъ пріобрѣсти себѣ домъ въ Москвѣ, «дабы, возвратясь, если Богъ изволитъ, вмѣстѣ съ вами жить»—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ сестрѣ (отъ 27 Сентября 1763 г.). «Довольно—пишетъ онъ далѣе—жилъ въ большомъ свѣтѣ; все видѣлъ, все могъ знать, дабы еще меня счастіе суетное льстило. Прямое благополучіе въ спокойствіи духа, котораго найтить иначе не можно, какъ

(82) Эта табакерка доселѣ хранится у кн. Мих. Ѳед. Голицына, внучатнаго племянника Шувалова. См. подробности въ статьѣ Иванчина-Писарева: *Двѣ значительныя миніатюры* (Москвит. 1844. № 4, стр. 391—394).

(83) Т. е. Какъ сладко вспоминать о прошедшемъ человѣку, одаренному счастіемъ и благоразуміемъ, который умѣлъ всѣмъ наслаждаться и ничего не употреблять во зло, и который такъ пользовался счастливымъ случаемъ, что сами соперники воздавали ему похвалу.—Все предыдущее отнесено нами къ *первому* пребыванію Шувалова въ Парижѣ, но только по соображеніямъ, за вѣрность которыхъ не стоимъ.

(84) См. Дневникъ Чиновника въ Отечест. Запискахъ 1855 года.

удалиться отъ всѣхъ непзвѣстныхъ обстоятельствъ и жить съ кровными и друзьями, умѣривъ свои желанія, и довольствоваться простымъ житьемъ, никому зависти и досады не причиняющимъ. Часто обстоятельства виноваты нашему поведенію. Одинъ человѣкъ можетъ быть не любимъ и любимъ по разности состоянія. Мнѣ же, мой свѣтъ, скоро будетъ столько лѣтъ, что въ числѣ стариковъ почитаться должно. Благодарю моего Бога, что далъ мнѣ умѣренность; въ младомъ моемъ возрастѣ не былъ никогда ослѣпленъ честьми и богатствомъ: и такъ, въ совершеннѣйшихъ лѣтахъ, еще меньше быть могу. Скажу и то, что въ моемъ пути долгу, можетъ быть, не сдѣлаю, и, возвратясь, съ умѣреннымъ доходомъ, могу жить съ благопристойностью. Жалѣю только то, что вы не воспользовались моимъ счастіемъ, и ничего полезнаго для васъ не сдѣлалъ, сколько бъ сдѣлать могъ. Меня утѣшаетъ ваша безкорыстность. Вы лучше любите справедливость всего. Естьли есть люди, которые вымышляютъ мое богатство, то вѣрьте, есть и тѣ, которые правду знаютъ. Осталось мнѣ во утѣшеніе, что рано или поздно отъ всѣхъ опая извѣстна будетъ. Въ отсутствіи моемъ главное утѣшеніе: пріобрѣсти знакомство достойныхъ людей, утѣшеніе, мнѣ до сего времени непзвѣстное. Всѣ друзья мои, или большею частью, были только—моего благополучія. Теперь собственно мои».—Въ Парижѣ Шуваловъ прожилъ около года. Чувство патріотизма, а всего болѣе нѣжная привязанность къ родственникамъ, изъ которыхъ особенно любилъ онъ сестру, кн. Голицыну, звали его на родину. Въ Ноябрѣ 1764 года въ Петербургѣ ожидали его возвращенія ([85]).

Обстоятельство, которое можно назвать случайнымъ, неожиданно задержало его въ чужихъ краяхъ. Онъ узналъ, что Екатерина неблагосклонно отозвалась о немъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ иностранныхъ корреспондентовъ. Дѣло въ томъ, что государынѣ доложили, будто Шуваловъ гдѣ-то въ большомъ свѣтѣ очень хвалилъ княгиню Дашкову и приписывалъ ей почти исключительно весь успѣхъ событій 28 Іюня 1762 года. Не знаемъ, на сколько тутъ было правды; но этотъ слухъ раздосадовалъ Екатерину, въ то время еще не успѣвшую утвердить свою славу и забыть недавнія неудовольствія съ самою кн. Дашковой, которая, какъ извѣстно, не отличалась скромностью въ оцѣнкѣ собственныхъ заслугъ. Екатерина не была

(85) См. Записки Порошина, стр. 161.

равнодушна къ тому, что говорили о ней за границей, въ высшихъ кружкахъ парижскаго общества, и особенно въ первые годы своего царствованія. Шуваловъ долженъ былъ раздѣлить участь кн. Дашковой: рѣзкій, вырвавшійся въ пылу досады, отзывъ государыни, сдѣлался извѣстенъ въ Петербургѣ, и не оставлялъ Шувалову никакого сомнѣнія, что ему не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени, являться ко двору ([86]). Вслѣдъ за тѣмъ онъ испросилъ себѣ дозволеніе продолжать путешествіе. Одинъ изъ его знакомыхъ писалъ къ нему по этому случаю: «Ваше превосходительство, получа дозволеніе продолжать вашъ вояжъ, спѣшить возвращеніемъ въ отечество нужды уже большой не имѣете, хотя бъ оное съ прибылью отечеству было, когда бы вы опредѣлиться къ дѣламъ намѣреніе приняли. Не причтите моей мысли, касающейся до васъ и вашихъ отличныхъ достоинствъ, за привѣтствіе. Я и нужды льстить вамъ не имѣю, и такъ бы миновать могъ комплиментъ написать. Si on veut, on fera très bien, Monsieur, je le répète encore, de vous rappeler en employant v. e. selon vos désirs.» Впрочемъ, прибавляетъ осторожный корреспондентъ, покорно прошу наблюдать при перепискѣ моей съ вами: письма мои огню предавать; я тоже со всѣми чиню» ([87]).

Чуждый честолюбія, Шуваловъ покорился судьбѣ. Онъ еще прежде писалъ сестрѣ своей (отъ 2 Авг. 1763 г. изъ Вѣны): «Письмо ваше, матушка, писанное изъ Петровскаго (подмосковная деревня Голицыныхъ), получилъ. Радуюсь, что вы лучше въ своемъ здоровьѣ, и васъ сельская жизнь веселитъ. Совершенно, что можетъ лучше способствовать къ спокойствію нашего духа, отъ котораго много тѣло наше зависитъ, чтобъ быть въ свободѣ, въ здоровомъ воздухѣ и съ людьми, которыхъ поведеніе не принуждено обстоятельствами дѣлать притворство? Сія жизнь, которая меня льститъ. Дай Господи Боже, чтобъ я могъ симъ утѣшеніемъ пользоваться. Если Богъ изволитъ, буду живъ, и возвратясь въ мое отечество, ни о чемъ иномъ помышлять не буду, какъ весть тихую и безпечную

(86) Это любопытное извѣстіе, которымъ совершенно объясняется 15-лѣтнее отсутствіе Шувалова, сообщено по достовѣрному преданію графомъ Д. Н. Б. Къ сожалѣнію мы не могли доискаться, къ кому именно писала Екатерина о своемъ неудовольствіи противъ Шувалова.

(87) См. Москв. 1845. № 7, стр. 33. Письмо изъ Варшавы, по всему вѣроятію отъ кн. Н. В. Рѣпнина.

жизнь; удалюсь отъ большаго свѣта, который довольно знаю. Конечно не въ немъ совершенное благополучіе почитать надобно; но собственно въ себѣ и въ маломъ числѣ людей, родствомъ или дружбою со мною соединенныхъ. Прошу Бога только о томъ; вѣрьте, что ни чести, ни богатства веселить меня не могутъ.» Побывавъ въ Лондонѣ ([88]), онъ отправился въ Италію и поселился на постоянное житье въ Римѣ.

Шуваловъ прожилъ въ Римѣ около 8 лѣтъ сряду, за исключеніемъ короткихъ отлучекъ въ Неаполь, куда онъ ѣзжалъ на богомолье говѣть въ тамошней греческой церкви. Римская жизнь тихая и безпечная, вполнѣ пришлась ему по сердцу. «Дни, мой свѣтъ, такъ хороши, пишетъ онъ сестрѣ отъ 22 Декабря 1770 г. — что у меня теперь окошки открыты; представьте, какой климатъ! Я, благодаря Бога, весь годъ безъ малаго припадку. Домъ у меня прекрасной положеніемъ и уборами. Одинъ чувствительный недостатокъ, что разлученъ съ вами. Сіе только лишаетъ исполненія моего желанія, которое въ спокойной состоитъ жизни.» Или въ другомъ письмѣ (отъ 20 Окт. 1770 года): «Здѣсь въ Римѣ веселіевъ, забавъ нѣтъ; но жизнь весьма спокойная. Моя охота къ художествамъ и обхожденіе съ иностранными и съ малою частію здѣшнихъ господъ—все мое удовольствіе». Говорятъ, что въ Римѣ онъ постоянно окруженъ былъ художниками, которые очень уважали его. Онъ самъ любилъ заниматься рѣзьбою на мѣди, и выгравировалъ собственный портретъ свой.

Ближайшее знакомство съ памятниками искусствъ и безпрестанное обращеніе съ римскими художниками внушили Шувалову мысль основать въ Римѣ особую академію для Русскихъ. Онъ написалъ о томъ въ Петербургъ и указывалъ на примѣръ французскаго двора, который учредилъ въ Римѣ подобное заведеніе. Но тогдашній начальникъ петербургской академіи художествъ, И. П. Бецкій по чему-то не согласился на это. Однако Шуваловъ успѣлъ оказать распространенію вкуса въ Россіи существенную пользу. Онъ выпросилъ у папы дозволеніе снять формы съ лучшихъ римскихъ статуй и послалъ ихъ вмѣстѣ съ формами, снятыми по его же распоряженію во Флоренціи и Неаполѣ, въ петербургскую академію художествъ: формы для прочности вылиты были изъ чугуна ([89]). Бецкій на этотъ разъ не противорѣчилъ.

---

(88) См. Порошина, стр. 267.

(89) Къ сожалѣнію эти формы впослѣдствіи были утрачены См. Кратк. истор. свѣдѣніе о состояніи имп. академіи художествъ, Спб. 1829.

Дозволеніе снять формы со статуй было весьма лестнымъ знакомъ уваженія, какъ къ Россіи вообще, такъ и въ частности къ Шувалову, ибо не задолго передъ тѣмъ одинъ изъ вѣнценосцевъ не могъ добиться этого (90). Вообще Шуваловъ имѣлъ въ Римѣ много связей, особливо между иностранными министрами. Щедрость привлекала къ его дому низшее народонаселеніе; свѣдѣнія въ искусствахъ и гостепріимство сближали его съ художниками, а любезность и то, что называютъ пріятнымъ обращеніемъ, располагали въ его пользу высшее общество. Императоръ Іосифъ II, жившій нѣсколько времени въ Римѣ, оказывалъ Шувалову особенное расположеніе и всюду возилъ его съ собою, что впрочемъ легко объяснить и тогдашнимъ сближеніемъ Австріи съ Россіею (91).

Римскія связи дали возможность Шувалову принести пользу отечеству и въ политическомъ отношеніи. Онъ помогалъ графамъ Орловымъ, когда они изъ Италіи подготовляли возстаніе Грековъ и обезпечивали свои успѣхи въ предѣлахъ турецкаго царства. Въ другой разъ, Шуваловъ успѣлъ исполнить личное порученіе Екатерины, которое сообщилъ ему присланный отъ графа Панина курьеръ. Дурини, папскій нунцій въ Варшавѣ, дѣйствовалъ вопреки русскимъ интересамъ; императрица поручила Шувалову исходатайствовать у папы (Климента XIV) удаленіе Дурини изъ Варшавы. Папа не только исполнилъ желаніе Екатерины, но даже предоставилъ Шувалову самому выбрать новаго нунція, изъ людей, лично ему извѣстныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ мѣсто Дурини занялъ нѣкто Грамини, человѣкъ самый миролюбивый и смиренный.

Императрица благодарила за это Шувалова письмомъ, которое очень обрадовало его. «Не знаю, мой свѣтъ—пишетъ онъ сестрѣ отъ 12 Мая 1770 г.—получили ли вы копію съ письма ко мнѣ ея величества, въ которомъ всеисполнѣйше оказываетъ свое удовольствіе о исполненіи порученныхъ мнѣ комиссіевъ? Еще нынѣ имѣю свидѣтельство новое отъ П. П. Бецкаго о ея ко мнѣ благоволеніи». Нѣсколько позднѣе (1773 г.) онъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

---

(90) См. Кн. Голицына: *Жизнь об. камерг. Шувалова.* стр. 94. «Незадолго передъ симъ подобное отказано было нѣкоторому государю». Кому именно, не знаемъ, можетъ быть Густаву III, который слылъ любителемъ художествъ и жилъ въ Римѣ.

(91) Тамъ же стр. 94. Это было въ 1769 г. Іосифъ пріѣзжалъ въ Римъ на выборы новаго Папы Климента XIV.

Послѣ этого Шуваловъ могъ спокойно возвратиться въ Петербургъ; но теперь, если не ошибаемся, его удерживало за границею родственное обязательство, которое онъ принялъ изъ дружбы къ сестрѣ своей. Сынъ сей послѣдней, молодой князь Ѳ. Н. Голицынъ (1751—1827) путешествовалъ по Европѣ для усовершенствованія себя въ наукахъ; холостой Шуваловъ рѣшился руководить его воспитаніемъ. «Мнѣ хотѣлось — пишетъ онъ къ его матери, отъ 9 Іюня 1770 г. изъ Рима, — чтобы онъ со мною Францію, также и Англію видѣлъ, гдѣ надобно конечно такой человѣкъ, который бы молодаго поведенія надзиралъ, и гдѣ столько разныхъ забавъ,—раздѣлялъ бы его время на пріятное и полезное. Кажется, не за чѣмъ ѣздить, естьли только знать театры и наизусть имена танцевъ и комедіантовъ, и не зная прямо націи, давать о ней иное понятіе. Въ таковомъ обстоятельствѣ многіе молодые люди, которые ѣздятъ смотрѣть свѣтъ, и которые, вмѣсто пользы, возможный вредъ пріобрѣтаютъ. Я не знаю опаснѣйшихъ мѣстъ, какъ Лондонъ и Парижъ, для молодости; видѣлъ жалостныя слѣдствія со многими; и для того мнѣ весьма хотѣлось, чтобъ племянникъ со мною вмѣстѣ въ обоихъ оныхъ мѣстахъ былъ. Италія наскучила обоимъ: кромѣ климата, художествъ, ничего нѣтъ; и естли бъ не домы иностранныхъ министровъ, то бъ не знали, что дѣлать. Здѣсь всѣ иностранные министры мои пріятели, по чему сынъ вашъ часто въ сихъ домахъ обѣдаетъ и пр.»

Но это намѣреніе по чему-то не исполнилось. Князь Голицынъ уѣхалъ учиться въ Женеву ([92]), а Шуваловъ оставался въ Италіи еще около трехъ лѣтъ.

Въ исходѣ 1773 г. онъ рѣшился наконецъ отправиться въ путь, и, проѣздомъ черезъ Швейцарію, посѣтилъ Вольтера въ богатомъ помѣстьѣ его близъ Женевы.

Сношенія Шувалова съ Вольтеромъ, начавшіяся по поводу исторіи Петра Великаго, послѣ изданія сей послѣдней, почти совсѣмъ прекратились. По крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ они писали другъ къ другу очень рѣдко. Настоящаго сближенія, разумѣется, не могло между ними возникнуть; ибо для этого мало было вольтеровой любезности и блестящаго литературнаго таланта. Къ тому же Шуваловъ конечно успѣлъ наслышаться о личныхъ свойствахъ философа. Не

(92) См. письмо Вольтера къ Шувалову отъ 7 Іюня 1772.

задолго до того времени, о которомъ теперь идетъ рѣчь, племянникъ его кн. Голицынъ, заѣзжалъ къ Вольтеру въ Ферней. Онъ былъ принятъ, какъ нельзя лучше; но по чему-то Вольтеръ заставилъ его нѣсколько дней дожидаться письма къ Шувалову. Въ одно утро слуга принесъ князю тетрадку для прочтенія. Это была знаменитая сказка о Бѣломъ Быкѣ. Вольтеръ дарилъ экземпляръ ея своему гостю. Но сей послѣдній не захотѣлъ взять ее съ собою, и по отъѣздѣ его тетрадь нашли на столѣ въ комнатѣ, которую онъ занималъ ([93]). По этому поступку 22-лѣтняго племянника Вольтеръ могъ заключать о мысляхъ его дяди и воспитателя. При всемъ уваженіи къ талантамъ Вольтера, при всей мягкости своего характера, благочестивый Шуваловъ не могъ мириться съ его мнѣніями и долженъ былъ чувствовалъ отвращеніе къ его цинизму и кощунству.

Но понятно, что, проѣзжая Швейцарію, Шуваловъ не захотѣлъ пропустить удобнаго случая и отправился въ Ферней посмотрѣть вблизи на европейскую славу. Кромѣ того ему слѣдовало побывать у Вольтера, который столько разъ приглашалъ его къ себѣ, слѣдовало соблюсти правила вѣжливости, поблагодарить за его любезности и за ласковый пріемъ, который находили въ его замкахъ кн. Голицынъ и молодой графъ Андрей Шуваловъ. Наконецъ надо замѣтить, что въ эту пору поѣздки въ Ферней сдѣлались модою тогдашнихъ знатныхъ путешественниковъ. Путешествовать по Европѣ и не заѣхать въ Ферней значило быть въ Римѣ и не видать папы.

Проѣзжая по Швейцаріи, Шуваловъ наконецъ посѣтилъ Вольтера, именно въ второй половинѣ Ноября 1773 года, и прожилъ въ Фернеѣ около двухъ недѣль. Подробности о свиданіи русскаго вельможи съ дряхлымъ, но все еще остроумнымъ философомъ (которому тогда было 79 лѣтъ) намъ неизвѣстны; но Вольтеръ въ письмахъ къ друзьямъ отзывался о гостѣ своемъ съ великою похвалою. « У насъ теперь въ Фернеѣ Шуваловъ, писалъ онъ къ Даламберту отъ 19 Ноября 1773 года; это одинъ изъ образованнѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей, какихъ я когда либо видѣлъ. Встрѣча съ Русскими постоянно убѣждаетъ меня, что Аттила былъ человѣкъ пріятный и что сестра императора Гонорія поступила благоразумно, рѣшившись быть его супругою.» Въ половинѣ Марта слѣдующаго года снова

---

(93) См. Сергѣевскаго: *Записки о родѣ князей Голицыныхъ*. Спб. 1853. стр. 12. Тутъ также сообщено (стр. 163) странное извѣстіе, будто княгиня Прасковья Ива-

видимъ Шувалова въ Фернеѣ ([94]). Въ это самое время Вольтеръ получилъ изъ Петербурга отъ графа Андрея Петровича Шувалова знаменитые французскіе стихи его, *Посланіе къ Нинонъ* (Epître à Ninon l'Enclos) ([95]). Эта присылка безъ сомнѣнія оживила фернейское общество, ибо стихи такъ хороши, что въ послѣдствіи ихъ приписывали самому Вольтеру, и кромѣ того въ нихъ восхвалялась славная своею красотою, любезностью и легкимъ поведеніемъ Нинона (1616—1706), которая, какъ извѣстно, была первою покровительницею Вольтера, и въ дѣтствѣ его подарила ему библіотеку. И. И. Шуваловъ немедленно отправилъ литературную новинку въ Женеву и приказалъ напечатать ее въ числѣ около 40 экземпляровъ. Кто читалъ посланіе къ Нинонѣ, тому конечно покажется страннымъ, что благочестивый Шуваловъ рѣшился быть издателемъ произведенія, которое самъ Вольтеръ называетъ *un peu licencieux et un peu téméraire* (нѣсколько вольнымъ и дерзкимъ). Но Шуваловъ не могъ стать выше слабостей своего вѣка. Ему пріятно и лестно было, что Русскій, и при томъ его племянникъ, не уступаетъ въ знаніи французскаго языка лучшимъ писателямъ Франціи. Съ другой стороны, напечатавъ посланіе къ Нинонѣ, Шуваловъ вѣроятно желалъ взаимно оказать любезность своему хозяину, о которомъ авторъ посланія такъ выражается при описаніи общества и образа жизни Ниноны:

«C'est ainsi qu'à Ferney j'ai vu ton légataire,
Socrate le matin, et le soir Sainte-Aulaire,
N'offrir à nos regards qu'un mortel enchanteur
Qui tour à tour sait peindre et goûter le bonheur.
Un ton délicieux, la légère saillie,
Amoncelaient des fleurs sur l'hiver de sa vie.
Quel convive jamais put s'égaler à lui?
Entouré des beaux-arts, dont il fut seul l'appui,

новна Голицына была внучкою какого-то графа Ивана Ѳедоровича Шувалова, воспитателя Петра III-го.

(94) О времени, когда именно Шуваловъ заѣзжалъ къ Вольтеру, есть подробное изслѣдованіе въ статьѣ С. Д. Полторацкаго: *Les deux Chouvalof* (см. Bulletin du bibliophile belge. 1849, № 3, стр. 130—134).

(95) См тамъ же, стр. 126—130 и письма Вольтера къ барону Констанъ де Ребекъ отъ 11 Апрѣля 1774 г. и къ Делилю отъ 18 Апрѣля того же года. Во Франціи всѣ были увѣрены, что стихи къ Нинонѣ принадлежатъ Вольтеру. Кто-то напечаталъ даже *Отвѣтъ Ниноны Вольтеру*. Посланіе къ Нинонѣ между прочимъ было напечатано въ перепискѣ Гримма съ Дидеротомъ, Paris 1829—1831, T. VIII. стр. 292—296.

Il penche sur leur sein sa tête octogénaire;
Sa Muse, en cheveux gris, paraît toujours légère ([96]).

Къ сожалѣнію не имѣемъ извѣстій о бесѣдахъ Шувалова съ Вольтеромъ. Сохранился только, по преданію, отвѣтъ его на замѣчаніе Вольтера, что Петръ и Екатерина сблизили Россію съ Европою. «Нѣтъ, сказалъ Шуваловъ, они Европу приблизили къ Россіи.»

Годъ спустя, Вольтеръ вспоминалъ Шувалову о свиданіи съ нимъ (въ письмѣ отъ 28 Мая 1775): «У насъ въ Фернеѣ постоянно сожалѣютъ о вашемъ отъѣздѣ. Мы не знаемъ, вѣроятно также какъ и вы, когда вы поѣдете назадъ въ вашу страну чудесъ. Я непремѣнно отправился бы повидаться съ вами на пути, если бъ дозволило то мое здоровье... Утѣшаюсь мыслью о вашемъ добромъ расположеніи. Г-жа Денисъ проситъ передать вамъ чувства, которыя вы привыкли всѣмъ внушать. Молодая монахиня ([97]) безпрестанно занята вами; она обожаетъ васъ, и увѣрена, что климатъ въ Россіи даже лучше, чѣмъ въ Неаполѣ.»

Безъ сомнѣнія Шуваловъ успѣлъ узнать настоящую цѣну подобныхъ изъявленій. Хотя впослѣдствіи онъ и отзывался Екатеринѣ, что старой философъ обворожилъ его ([98]), но конечно слова эти относятся лишь ко внѣшнимъ пріемамъ общежитія и свѣтской любезности. Болѣе правды въ словахъ Шувалова, которыя позднѣе слыхали отъ него въ откровенной и простой бесѣдѣ: я прожилъ въ Фернеѣ до двухъ недѣль, говорилъ онъ, и съ тѣхъ поръ много убыло моего уваженія къ Вольтеру ([99]).

([96]) Т. е. «Въ своемъ завѣщаніи ты не забыла фернейскаго обитателя. Я его тамъ видѣлъ, этаго чародѣя, Сократа по утру и Сентъ-Олера ввечеру, равно умѣющаго описывать счастіе и пользоваться имъ. Нѣжный вкусъ, веселое остроуміе украсили цвѣтами зиму лѣтъ его. Кто могъ сравняться съ нимъ въ застольныхъ бесѣдахъ? онъ одинъ защищалъ изящныя искусства, и теперь, окруженный ими, покоитъ на ихъ лонѣ свою восьмидесятилѣтнюю голову. Его сѣдовласая муза, кажется, никогда не теряетъ своей живости.»—С.Олеръ, французскій генералъ, отличный собесѣдникъ, на 60-мъ году жизни прославившійся однимъ анакреонтическимъ стихотвореніемъ.

([97]) Дѣвица Де Варикуръ, вышедшая потомъ за Де Виллета.—Примѣч. Бѣло, издателя вольтеровыхъ сочиненій.

([98]) Письмо Екатерины къ Вольтеру отъ 23 Ноября 1777 г.

([99]) Записки Тимковскаго, стр. 61. Тутъ же записано со словъ Шувалова: «Временные посѣтители очень часто бывали у Вольтера, напередъ запасаясь, чѣмъ занять его. Явился одинъ нѣмецкій графъ, и на вопросъ, какая его часть, похвалился, что онъ знаетъ пять языковъ, Это, сказалъ Вольтеръ, имѣть много ключей къ одному замку. C'est avoir plusieurs clefs pour une même serrure. Какое же употребленіе даете вы

Переѣзды по Швейцаріи остались памятны Шувалову и въ другомъ отношеніи. Въ одномъ мѣстѣ въ горахъ карета его повисла надъ глубокою пропастью. Шувалова спасъ огромный русскій гайдукъ его, успѣвшій поддержать плечами скользившую въ пропасть карету. Этотъ случай впослѣдствіи послужилъ содержаніемъ одной картинѣ, которую видали въ петербургскомъ домѣ Шувалова. Гайдукъ съ тѣхъ поръ получалъ пенсію.

Изъ Швейцаріи Шуваловъ съ кн. Голицынымъ пріѣхалъ въ Парижъ весною 1774 г., въ самое тревожное время. Людовикъ XV умиралъ, и вмѣстѣ съ нимъ кончалось позорное владычество графини Дюбари, къ которой наши путешественники еще должны были съѣздить на поклонъ, повинуясь общему обычаю, раздѣляя и въ этомъ отношеніи неразборчивость большаго свѣта. Высшее общество, посреди котораго они поселились, постоянно находилось въ безпокойномъ ожиданіи новаго царствованія. Изъ оконъ квартиры своей противъ дворца, Шуваловъ узнавалъ о здоровьи короля по числу экипажей, которые стѣснялись то у большаго подъѣзда королевскаго, то близъ покоевъ дофина. Дядя и племянникъ были свидѣтелями произшедшей перемѣны (Людовикъ XV умеръ 10 Мая 1774). Они принимали участіе въ погребальныхъ церемоніяхъ, равно и въ празднествахъ новаго царствованія. Привычка къ утонченнымъ пріемамъ общежитія, образованность, необыкновенная свѣтская любезность, и самая слава бывшаго временщика, открывали Шувалову входъ въ лучшіе парижскіе кружки. Но подробностей о тамошнемъ образѣ его жизни сохранилось мало (100). Знаемъ только, что Шуваловъ бывалъ у г жи Дю-Деффанъ, въ то время уже слѣпой старухи, которая извѣстна была своею перепискою съ философами и дружбою съ Горасомъ Вальполемъ, все еще собирала въ своей гостиной ученыхъ и писателей, и сама сочиняла стихи (101).

вашимъ языкамъ?—Я говорю на всѣхъ, и проч.—Случалось, что онъ середи разговора посѣтителей останавливался. Голова у меня болитъ, говорилъ онъ, пойду стихи писать, и съ тѣмъ уходилъ.»

(100) Впослѣдствіи Шуваловъ разсказывалъ, вспоминая жизнь свою въ Парижѣ: «Тамъ такая стихія чванства высокаго и мелочнаго, важнаго и пустаго, что не розойдешься съ нимъ. Нанятой поваръ, Флёре, или Форле, когда пріятели мои, званые къ обѣду, просили показать имъ русскія блюда, отказался подать на столъ жаренаго гуся. —Весь свѣтъ знаетъ, что у мосье Шуваловъ поваръ Флёре, и подалъ на столъ жареного гуся,—Флёре пропалъ.—Да я хочу!—Извините меня или отпустите.—Мой поваръ между тѣмъ, дѣлая кислощи, какія у меня, нажилъ хорошія деньги.» См. Зап. Тимк.

(101) Письмо Вольтера къ Делилю отъ 18 Апрѣля 1774 г. и переписка Гримма

Новый король и Марія Антуанета принимали его въ своемъ избранномъ обществѣ, на такъ называемыхъ маленькихъ суботнихъ вечерахъ, которые завела королева, особенно ласкавшая молодаго князя Голицына (102). Однимъ словомъ къ Шувалову по справедливости можно отнести стихи Пушкина:

Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Развилась, вѣтреннымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы.
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты; за твой суровый пиръ
То чтитель промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аоею иль деисту,
Какъ любопытный Скиѳъ аѳинскому софисту.

Наконецъ послѣ долгаго отсутствія, въ Сентябрѣ 1777 года, Шуваловъ возвратился на родину (103). Хотя уже давно онъ утратилъ всякое вліяніе, но еще много было людей, которые пользовались его покровительствомъ и благодѣяніями. Слава мецената и благотворителя всюду его сопровождала, и возвращеніе его въ Россію носитъ какой-то торжественный характеръ. Нѣсколько стихотвореній явилось въ печати по этому случаю, въ Москвѣ и Петербургѣ (104). Изъ нихъ особенно замѣчательно по благородству тона и смѣлости мыслей стихотвореніе Державина, въ то время еще вовсе неизвѣстнаго

въ Дидеротомъ т. VIII, стр. 364, гдѣ приведена эпиграмма г-жи Дю-Деффанъ на герцога Шуазеля.

(102) См. обо всемъ этомъ вышеуказанную статью И. Писарева: *Двѣ знач. миніатюры*, стр. 392.

(103) Въ Воскресенье, 17 Сент., какъ обозначено въ современныхъ вѣдомостяхъ.

(104) См. у Сопикова, NN 11371, 11420, 11421, 7327 (Кострова), 3743, 11419 и проч.

чиновника, только что вступавшаго на литературное поприще. Державинъ напечаталъ безъименное посланіе къ Шувалову, въ которомъ отъ имени Россіи говоритъ ему:

«Я сколько лѣтъ тебя, любезный сынъ, не зрѣла!
«И видѣть ужь тебя надежды не имѣла;
«Проспла небеса, чтобъ ты во здравьи жилъ;
«Но днесь ты возвращенъ, ты радость въ душу влилъ...
«Но коль ты сердцемъ чуждъ отъ чуждыхъ странъ пришелъ,
«Не стоишь ласкъ моихъ, которыя нашелъ!»
Нѣтъ, прежнюю въ тебѣ мы узримъ добродѣтель,
Шуваловъ! коей всякъ изъ Россовъ былъ свидѣтель;
Во дни минервины, въ екатерининъ вѣкъ,
Еще полезнѣе полезной человѣкъ ([105]).

При дворѣ его приняли отлично. Время давно сгладило бывшія неудовольствія. Императрицѣ пріятно было увидать давнишняго своего знакомца: она знала, какъ уважали его въ чужихъ краяхъ. Его образованность, близкое знакомство съ первыми людьми Европы, знаніе иностранныхъ дворовъ и политическихъ отношеній, все давало ему право на вниманіе и отличіе. Въ самый день пріѣзда государыня послала князя Орлова звать его на завтра во дворецъ и поспѣшила сдѣлать ему пріятное, назначивъ возвратившагося съ нимъ молодаго кн. Голицына своимъ камеръ-юнкеромъ. Орловъ и Потемкинъ спорили между собою, кому изъ нихъ представлять Шувалова императрицѣ. Нарочно было назначено вечернее собраніе или такъ называемый эрмитажъ *для такого дорогаго гостя*, какъ выразилась Екатерина. Въ теченіи нѣкотораго времени она безпрестанно съ нимъ видалась, разспрашивая его о чужихъ краяхъ, разсказывая ему о новыхъ учрежденіяхъ въ Россіи, требуя отъ него мнѣній и замѣчаній. По всему видно, что Екатерина любовалась трудами своими, видя, какъ изумлялся Шуваловъ перемѣнамъ, происшедшимъ въ Россіи въ 15 лѣтъ ея правленія.—Въ первые же дни по пріѣздѣ, разговаривая съ нимъ, Екатерина вдругъ сказала: «Иванъ Ивановичъ, я знаю, что ты не богатъ».—«Слова эти уже дѣлаютъ меня богатымъ», отвѣчалъ съ поклономъ Шуваловъ.

([105]) Эта во многихъ отношеніяхъ замѣчательная *Эпистола* была напечатана особою тетрадкою, и не попала въ собраніе сочиненій Державина, кромѣ перваго, весьма рѣдкаго (Москва 1798 г.). Авторъ въ концѣ намекаетъ Шувалову, что онъ учился въ Казани, и ему обязанъ своимъ образованіемъ.

Позднѣе, нечаянно узнавъ чрезъ графа Строганова, что денежныя обстоятельства Шувалова плохи, и что онъ даже продавалъ нѣкоторыя вещи, Екатерина поспѣшила выдать ему единовременно 10,000 р. и назначила 6000 р. такъ называемыхъ столовыхъ. Разумѣется, и этого не доставало щедрому другу бѣдныхъ и плохому хозяину. Съ деревень своихъ онъ не могъ получить многаго. Разъ, нуждаясь въ деньгахъ, вздумалъ онъ продать одну изъ нихъ: крестьяне явились со взносомъ, прося, чтобъ онъ оставилъ ихъ за собою, и говоря, что имъ не нажить такого добраго барина. Въ другой разъ ему понадобилось вдругъ около 10 тысячъ. Желая скорѣе получить ихъ, онъ настаивалъ, чтобъ у него купили за эту сумму подмосковное село его Знаменское, тогда какъ оно стоило несравненно дороже.

Милости государыни не прекращались до конца. Онъ назначенъ былъ оберъ-камергеромъ, получилъ ордена андреевскій и владимірскій 1-й степени, и продолжалъ считаться кураторомъ Московскаго Университета. Важнаго значенія при дворѣ, разумѣется, онъ уже не имѣлъ, оставаясь представителемъ временъ прошедшихъ и будучи просто однимъ изъ любимыхъ собесѣдниковъ государыни, которая всегда приглашала его къ себѣ на вечера и игрывала съ нимъ въ ломберъ. Шуваловъ въ числѣ немногихъ приближенныхъ лицъ ѣздилъ съ Екатериною въ Крымъ. Разъ только государыня разгнѣвалась на него, когда ей донесли, будто профессора и студенты Московскаго Университета участвуютъ въ обществѣ Мартинистовъ. Выслушавъ строгіе упреки, Шуваловъ сталъ на колѣни, клятвенно увѣрялъ въ несправедливости обвиненія, и защищалъ благонамѣренность своихъ подчиненныхъ. Государыня успокоилась, и отпустила отъ себя Шувалова, прибавивъ, что полагается въ этомъ случаѣ на него (106).

Доселѣ обстоятельства мѣшали Шувалову осмотрѣть Московскій

---

(106) Любопытно было бы знать, находился ли Шуваловъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ Новиковымъ. Къ сожалѣнію доселѣ не обнародованы бумаги, относящіяся до управленія Московскимъ Университетомъ въ то время. Изъ того, что удавалось намъ видѣть въ рукописяхъ, заключаемъ, что и тутъ Шуваловъ дѣйствовалъ преимущественно какъ посредникъ и примиритель: такъ напр. онъ старался прекратить неудовольствія, возникшія между кураторомъ Мелиссино и типографскимъ дружескимъ обществомъ. Наклонности къ мистицизму Шуваловъ не имѣлъ, и впослѣдствіи доказывалъ его безполезность, ссылаясь на мнѣніе князя Н. В. Репнина, который, долго покровительствуя мартинистамъ, передъ смертью взялъ обѣщаніе съ своего внука не приступать къ ихъ обществу.—Позднѣе Шувалову поручено было переговорить съ Невзоровымъ, задержаннымъ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ. См. Русскую Бесѣду 1856, кн. 3-я, стр. 91.

Университетъ. Онъ не присутствовалъ при его учрежденіи и не былъ въ немъ до самаго 1778 года. По возвращеніи изъ-за границы онъ поспѣшилъ отправиться въ Москву, гдѣ строился тогда большой его домъ на Покровкѣ, для котораго онъ присылалъ планы еще изъ Италіи, и который принадлежитъ теперь кн. М. Ѳ. Голицыну. Въ 1779 году 3 Іюня въ первый разъ видимъ его въ Университетѣ: онъ присутствовалъ на актѣ и самъ раздавалъ медали и шпаги студентамъ. Въ Іюнѣ слѣдующаго года онъ показывалъ Университетъ императору Іосифу и князю Потемкину. 17 Іюля 1783 года онъ во второй разъ былъ на университетскомъ актѣ, и по этому случаю далъ большой обѣдъ въ новомъ своемъ домѣ. Въ эти посѣщенія онъ особенно заботился о построеніи теперешняго университетскаго дома на Моховой, и благодаря его стараніямъ извѣстный богачъ П. А. Демидовъ пожертвовалъ для этой цѣли большія суммы (107). Тогда же Шуваловъ замѣтилъ дарованіе Кострова, который читалъ одну изъ торжественныхъ одъ своихъ на актѣ Университета. Онъ вывелъ бѣднаго поэта изъ неизвѣстности, обратилъ на него вниманіе императрицы и оказывалъ ему всякаго рода помощь: Костровъ трудился надъ переводомъ Иліады, живя въ домѣ Шувалова (108).

Въ послѣдніе годы своей жизни Шуваловъ, сколько знаемъ, уже не принималъ непосредственнаго участія въ управленіи Университетомъ: къ нему относились только въ самыхъ важныхъ дѣлахъ.— Однажды, въ присутствіи государыни, зашла рѣчь о просвѣщеніи. Потемкинъ сталъ говорить о необходимости учредить еще нѣсколько университетовъ; Завадовскій, который завѣдывалъ въ то время народными училищами, возразилъ ему, что изъ Московскаго Университета все еще не вышло ни одного славнаго ученаго. Тогда Потемкинъ, обратившись къ Шувалову сказалъ: « Даромъ, ваше превосхо-

(107) Обо всемъ этомъ подробнѣе въ Исторіи Университета, стр. 113, 247 и 251. *Въ Благонамѣренномъ* (1825, № 5, стр. 88-191) напечатано письмо Демидова къ Шувалову, исполненное разныхъ намековъ и странностей. Кажется, онъ не зналъ, кому первому ѣхать съ визитомъ. Знаменитый чудакъ писалъ: « Батюшка мой! вы меня давно знаете, что я глупъ: на что со мною такія тонкости, которыхъ я не разумѣю? Все догадывайся, обо всемъ мучься; что за житье! Вѣдь все равно и безъ догадокъ, а лучше по человѣколюбію изъяснитеся » и пр.

(108) См. Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитріева, стр. 11; также соч. Пушкина, т. V, стр. 52. Костровъ написалъ нѣсколько одъ въ честь Шувалова, и кромѣ того Иліаду Каллидоръ, на день его именинъ 13 Ноября 1781 г.

дительство, что вы меня за наказаніе выгнали изъ Университета, а я не перестану быть ему благодарнымъ и своимъ Поповымъ изъ него весьма доволенъ» (В. С. Поповъ управлялъ канцеляріею Потемкина).—Какъ, князь, спросила Екатерина, васъ выгнали?—Точно такъ, отвѣчалъ Потемкинъ, изъ его гимназіи.—Шуваловъ смѣшался, и сталъ говорить, что не помнитъ этого. Но Екатерина поспѣшила ободрить его. «Ученость сама себя знаетъ, когда и какъ происходитъ, сказала она, но для меня и то уже много, что съ тѣхъ поръ, какъ изъ Университета люди вошли въ дѣла, я стала понимать приходящія бумаги» (109).

Съ 1787 г., по возвращеніи изъ Крыма, Шуваловъ жилъ почти безвыѣздно въ Петербургѣ вмѣстѣ съ сестрою своей кн. Голицыной и ея семействомъ, въ богатомъ домѣ на Невскомъ Проспектѣ, окруженный книгами, статуями, картинами. У него постоянно собирались образованнѣйшіе люди того времени, кн. Дашкова, Завадовскій, Храповицкій, Козодавлевъ, Сербъ Янкевичъ, устроитель народныхъ училищъ, Дмитріевъ, А. С. Шишковъ, Олениныъ, Державинъ. Съ кн. Дашковой раздѣлялъ отъ труды по изданію Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова (110); онъ одинъ изъ первыхъ восхищался стихами Державина и содѣйствовалъ его извѣстности, распространивъ между знакомыми своими оду Фелицѣ (111). Державинъ любилъ вспоминать объ его покровительствѣ и увѣковѣчилъ имя его въ стихахъ своихъ. Въ 1781 онъ написалъ оду на выздоровленіе Шувалова, въ которой среди громкихъ фразъ слышенъ голосъ искренняго чувства:

И ты, другъ музъ, другъ смертныхъ роду,
Фаросъ младыхъ вельможъ и мой!

---

(109) См. Зап. Тимк., стр. 63.

(110) Русское чтеніе Глинки, ч. II, стр. 303.

(111) Вотъ какъ разсказано объ этомъ въ объясненіяхъ на сочиненія Державина, ч. 2-я стр. 7. «И. И. Шуваловъ присылаетъ къ автору человѣка съ убѣдительною просьбою, чтобы авторъ пришелъ къ нему. Авторъ, пріѣхавъ къ Шувалову, находитъ почтеннѣйшаго его человѣка въ большой заботѣ. Съ прискорбнымъ видомъ спросилъ онъ автора, что ему дѣлать, отсылать ли стихи къ кн. Потемкину, который ихъ требовалъ, или нѣтъ?—«Какіе стихи?» возразилъ авторъ.—«Мурзы къ Фелицѣ», отвѣчалъ Шуваловъ.—«Какъ вы ихъ знаете? Какъ они могли быть у васъ?»—«Г. Козодавлевъ по дружеству далъ мнѣ ихъ.» — «Но какъ же кн. Потемкинъ узналъ о томъ?»—«Вчера обѣдали у меня графъ Безбородко, графъ Завадовскій, Стрекаловъ и другіе любители литературы; при разговорѣ, что у насъ еще нѣтъ легкаго и пріятнаго стихотворства, я прочелъ имъ стихи ваши, а С. изъ поделуги кн. Потемкину разсказалъ

И ты Коцита зрѣлъ ужъ воду...
« Живи, наукамъ благодѣтель!
Твоя жизнь въ вѣкъ цвѣсти должна!
Не умираетъ добродѣтель:
Безсмертна музами она » (112).

Но кромѣ Державина, Кострова, Фонъ-Визина, Богдановича, Хераскова, много другихъ, менѣе извѣстныхъ людей, одолжены были Шувалову содѣйствіемъ въ трудахъ, указаніемъ помощи, ободреніемъ. Отыскивать людей съ талантами и съ охотою къ ученію, и помогать имъ, было любимымъ его дѣломъ. Такъ въ 1784 г. открылъ онъ крестьянина-самоучку Свѣшникова, который изумлялъ потомъ петербургское общество отличнымъ знаніемъ многихъ языковъ и необыкновенно свѣтлымъ умомъ своимъ. Для Шувалова было счастіемъ узнать этого человѣка; онъ занимался имъ не изъ праздпаго желанія толковать съ ученымъ крестьяниномъ и не изъ суетнаго честолюбія, не изъ того только, чтобы слыть меценатомъ; онъ любилъ и цѣнилъ его: портретъ тверскаго крестьянина висѣлъ у него на ряду съ портретами знаменитыхъ людей.

Знакомство Шувалова съ Свѣшниковымъ весьма замѣчательно, и мы считаемъ нужнымъ разсказать о немъ подробнѣе. Шуваловъ имѣлъ обыкновеніе гулять пѣшкомъ по городу, въ самой простой одеждѣ, такъ, чтобъ не быть замѣчену. Толки народа всегда его занимали. Видѣнное поутру служило потомъ предметомъ вечернихъ разговоровъ, и доходило до дворца (113). Въ одну изъ такихъ утрен-

---

ему все, что тамъ на счетъ его сказано. Не переписать ли и выбросить тѣ куплеты, которые къ нему относятся?» — Державинъ успокоилъ Шувалова, рѣшившись не скрывать стиховъ.

(112) См. сочиненія Державина, изд. Штукина, стр. 123: *На выздоровленіе Мецената.* По этому же случаю Костровъ сочинилъ *Дифирамбъ на выздоровленіе покровителя наукъ* (у Сопикова, № 3178). Державинъ же написалъ Шувалову одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: *Приглашеніе къ обѣду* (1795).

«Приди мой благодѣтель давній,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра».

Многіе писали въ честь Шувалова; такъ напр. А. Фрязиновскій (у Сопик. № 3743), П. Майковъ (№ 7316), Морозовъ (№ 423), князь П. М. Долгорукій (Бытіе сердца моего, стр. 33-37) и пр. Рѣчи и стихи, читанные въ разныя времена на актахъ Университета, въ воспоминаніе о немъ, собраны въ одну книгу (у Сопикова, № 9968).

(113) Такъ напр. онъ разсказывалъ Тимковскому (стр. 63): «Однажды утромъ ѣдучи во дворецъ, обошелъ я гостинный дворъ, и видя въ продажѣ по лавкамъ много

ихъ прогулокъ замѣтилъ онъ на Щукиномъ дворѣ, въ одной изъ лавочекъ, гдѣ продается разное старье, молодаго крестьянина, который очень прилежно разсматривалъ какія-то разложенныя на рогожкахъ книги. Вскорѣ онъ услышалъ, что крестьянинъ торгуетъ себѣ книги. Это подстрекнуло любопытство Шувалова: завѣтная мысль о народномъ образованіи, о распространеніи грамотности въ низшихъ сословіяхъ, тотчасъ мелькнула въ головѣ его. Онъ подходитъ къ лавочкѣ и замѣчаетъ въ рукахъ крестьянина латинскихъ классиковъ, Ливія, Курція, Тацита, въ подлинникахъ. Шуваловъ непремѣнно хотѣлъ объяснить загадку. Догнавъ крестьянина въ переулкѣ, онъ заводитъ съ нимъ разговоръ, убѣждается въ его познаніяхъ, узнаётъ, что онъ экономическій крестьянинъ Тверской губерніи, торгуетъ хлѣбомъ, содержитъ цѣлую семью, въ Петербургъ пріѣхалъ по торговымъ дѣламъ, а книги читаетъ между дѣлъ, научившись первымъ основаніямъ наукъ у священника и у одного бѣднаго студента, и потомъ сдѣлавши самоучкою огромные успѣхи въ языкахъ французскомъ, латинскомъ, греческомъ и математикѣ. Все лучшее на русскомъ языкѣ было ему коротко извѣстно. Скрывая радостное изумленіе свое, Шуваловъ предлагаетъ Свѣшникову купить у него книги, оставшіяся будто послѣ отца его, школьнаго учителя, и непримѣтнымъ образомъ доводитъ его до своего дому. Тутъ, разумѣется, роли перемѣнились: смущенный крестьянинъ не могъ опомниться посреди богатыхъ палатъ; но ласковость и простота въ обращеніи побѣдили его неловкость и застѣнчивость. Кончилось тѣмъ, что Свѣшниковъ поселился въ домѣ у Шувалова, и весь предался чтенію книгъ изъ его библіотеки. Шуваловъ предлагалъ ему мѣсто при Московскомъ Университетѣ, но Свѣшниковъ не соглашался принять его, желая оставаться въ прежнемъ быту. Онъ не хотѣлъ также занять хорошей комнаты, а помѣстился въ тѣсной каморкѣ и спалъ на простомъ войлокѣ. Камердинеръ, котораго Шуваловъ за нимъ посылывалъ, всегда заставалъ его сидящаго на полу на разостланномъ кафтанѣ и обкладеннаго книгами. Многіе изъ знакомыхъ Шувалова не хотѣли вѣрить такому открытію. Шуваловъ долженъ былъ

портретовъ государыни, страшно безобразныхъ, нарочно купилъ одинъ и взялъ съ собою. —Что это у васъ, Иванъ Ивановичъ? спросила государыня.—Узнавайте, ваше величество. —Ахъ боже мой! это я? и тотчасъ велѣла оберъ-полицмейстеру, какіе въ лавкахъ есть безобразные портреты ея, всѣ искупить и сжечь, а впредь за тѣмъ наблюдать »

показывать имъ Свѣшникова. Ему дѣлали вопросы, на которые онъ давалъ изумительные отвѣты. Такъ кн. Дашкова экзаменовала его во французскомъ языкѣ: оказалось, что онъ коротко знакомъ былъ съ твореніями Руссо и составилъ о нихъ самостоятельное сужденіе. Шувалову очень хотѣлось, чтобъ Свѣшниковъ попытался писать стихи; два мѣсяца продолжался опытъ, и окончился неудачно: онъ не имѣлъ вовсе стихотворческаго таланта. За то нашлась въ немъ еще новая способность: онъ составлялъ цѣлыя картины изъ соломы и цвѣтныхъ мховъ. Двѣ такія картины, представляющія перспективные виды, были пріобрѣтены Шуваловомъ. — Позднѣе Потемкинъ переманилъ къ себѣ Свѣшникова обѣщаніемъ обезпечить существованіе его семейства, и увезъ съ собою въ Новороссійскій край, гдѣ онъ скоро умеръ въ Херсонѣ ([114]).

Образъ жизни Шувалова, домашній бытъ его въ то время, когда онъ спокойно доживалъ вѣкъ свой въ кругу любезнаго ему семейства Голицыныхъ, описанъ однимъ изъ воспитанниковъ Московскаго Университета, Ильею Ѳедоровичемъ Тимковскимъ (впослѣдствіи директоромъ Новгородъ-Сѣверской Гимназіи). Тимковскій, небогатый студентъ изъ Малороссіянъ, только что окончившій ученіе свое, былъ вызванъ на службу въ канцелярію тогдашняго генералъ-прокурора кн. Куракина. Университетомъ въ то время управляли кромѣ Шувалова еще двое другихъ кураторовъ, жившіе въ Москвѣ, Херасковъ и столько разъ упоминаемый нами кн. Ѳ. Н. Голицынъ, достойный воспитанникъ своего дяди. Онъ узналъ Тимковскаго по стихамъ, которые тотъ написалъ на новый годъ (1797), и далъ ему письмо въ Петербургъ, къ матери своей, сказавъ, чтобы онъ остановился въ домѣ его дяди. Это было великимъ поощреніемъ молодому человѣку. Но ласковость Шувалова превзошла его ожиданія. По слѣдующимъ разсказамъ мы можемъ судить, какъ вообще принималъ Шуваловъ молодыхъ талантливыхъ людей; единственное право Тимковскаго на вниманіе Шувалова

---

(114) Любопытное извѣстіе объ Иванѣ Евстратьевичѣ Свѣшниковѣ записано было Ѳ. Н. Глинкою со словъ очевидца, шуваловскаго секретаря Л. Ѳ. Людоговскаго, и напечатано въ 3-й части *Писемъ Русскаго Офицера* (М. 1815, стр. 88–111). Заспоривъ у Потемкина съ однимъ равиномъ о легкости еврейскаго языка, Свѣшниковъ въ короткое время выучился этому языку. Тоже самое сообщаетъ А. С. Пушкинъ въ разсказахъ, записанныхъ имъ со словъ П. К. Загряжской (соч. Пушкина, т. V, стр. 48-49). Но тамъ необыкновенный крестьянинъ названъ Ветошкинымъ. Вѣроятно память измѣнила на этотъ разъ знаменитой старушкѣ.

заключалось въ томъ, что будучи студентомъ, онъ отлично учился и писалъ стихи ([115]).

«Кибитка остановилась у дому (на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой). Швейцаръ изъ сѣней отворилъ мнѣ дверь. Я взошелъ по лѣстницѣ, какъ ѣхалъ дорогой, въ большую переднюю съ оффиціантами. Старшій понесъ мое письмо, и вышедъ проводилъ меня, черезъ средній чистый дворъ; отвелъ мнѣ двѣ готовыя комнаты во второмъ этажѣ длинной постройки, окнами въ Садовую, и привелъ ко мнѣ слугу. Кладь моя внесена. Я спѣшилъ одѣться, чтобъ явиться у княгини (Голицыной). Скоро за тѣмъ видный оффиціантъ пришелъ объявить мнѣ, что его высокопревосходительство меня ожидаетъ, и проводилъ меня въ комнаты на его половину.—А княгиня?— Она тамъ. — Входя по лѣстницѣ въ мундирной моей формѣ и парадной шубѣ, я почувствовалъ гармоническое движеніе въ груди моей. Предстатель музъ, твердимый изъ дѣтства! Вѣковой вельможа, извѣстный свѣту! Я его увижу.— Въ аванзалѣ, окнами на проспектъ, одѣтой по стѣнамъ сверху до низу портретами, два камерлакея, а къ дверямъ гостиной еще огромный старый камерлакей и низенькой сухой старичокъ въ черномъ кафтанѣ. Они указали дверь гостиной ([116]).

«Впечатлѣніе всего такъ слилось во мнѣ, что и здѣсь сладки для меня его подробности. Свѣтлая угловая комната, на востокъ и полдень, о 6 или 7 окнахъ; тамъ на лѣво, въ большихъ креслахъ у столика, окруженный лицами, сидѣлъ маститый, бѣлый старикъ, сухощавый, среднебольшаго росту, въ свѣтлосѣромъ кафтанѣ и бѣломъ камзолѣ. Разсыпанные при входѣ глаза я вперилъ въ него, подойдя мѣрно съ поклономъ, произнесъ только свое имя и нѣсколько отступилъ, съ чувствомъ какой-то радости.—Я васъ знаю, сказалъ онъ съ кроткою важностію, и перемѣня видъ: вы обидѣли мой Университетъ. — Я смѣшался, потупивъ глаза. — Вы забрали у меня столько медалей, сказалъ онъ умильно звонкосребреною рѣчью. — Сердце мое вздрогнуло, и взоръ освѣжился.—Все ли хорошо у васъ?— Мы... всѣ... благодаримъ ваше высокопревосходительство. — Это

(115) См. Записки Тимковскаго во Москвитянинѣ 1851 г. № 20. Онѣ составлены въ преклонной старости, въ 1850 году.

(116) Это были гайдукъ, спасшій Шувалова въ швейцарскихъ горахъ и бывшій камердинеръ его французъ Бернаръ. «Оба на пенсіи, за столикомъ у дверей гостиной, вѣчное ихъ мѣсто, играли свой пикетъ», замѣчаетъ Тимк.

вырвалось у меня со всею силою чувствъ; и онъ, казалось, замѣтилъ.»

Тимковскаго оставили обѣдать и пригласили всегда являться къ обѣду. На другой же день Шуваловъ далъ ему письмо къ кн. Куракину, который немедленно опредѣлилъ его къ себѣ въ секретари. «Вотъ мой питомецъ, сказалъ Шуваловъ Козодавлеву, препоручая ему съѣздить вмѣстѣ съ Тимковскимъ къ генералъ-прокурору — это мои дѣти; вамъ его поручаю.»—Черезъ нѣсколько времени молодой человѣкъ и старый вельможа сблизились: Шуваловъ открылъ ему свою библіотеку, подарилъ ему на память нѣсколько книгъ, эстамповъ, статуй и проч. (117). «Не нужно говорить — продолжаетъ Тимковскій — сколько я принесъ Шувалову моей чувствительности. Допустимъ здѣсь съ обѣихъ сторонъ что́ нибудь изъ того, что́ лежитъ глубже въ сердцѣ человѣческомъ. Я прожилъ въ домѣ его 7 или 8 дней; въ нихъ пятымъ былъ воскресный день. Изъ угловой гостиной ведетъ на лѣво боковой выходъ въ кабинетъ, оттуда жилыя его комнаты, окнами на дворъ, а прямо вдоль Садовой улицы длинная галлерея съ библіотекою. За нею своя домовая церковь. Общій ходъ въ церковь по особой лѣстницѣ со двора, откуда приходятъ сторонніе. Для нея свой сановитый дьячекъ поетъ и читаетъ малороссійскою рѣчью. Шуваловъ у правой стороны церкви большею частью сидѣлъ въ креслахъ съ подосланнымъ ковромъ. Я замѣтилъ уже съ первыхъ дней, что онъ у себя, съ кѣмъ бы что́ ни говорилъ, по временамъ, какъ будто остановясь на какой мысли, крестился у груди малымъ тройственнымъ крестомъ; тоже было и въ церкви очень часто. Говорили, что это давняя его привычка; другіе прибавляли, что онъ принялъ ее, вышедъ изъ вѣка вольдумства.»

Были однако случаи, когда этотъ добродушный старикъ выходилъ изъ себя и горячился. Такъ однажды нѣкто эмигрантъ Пикаръ сталъ подсмѣиваться въ присутствіи Шувалова надъ какимъ-то русскимъ княземъ, Н. Б. Шуваловъ замѣтилъ ему неприличіе его шутокъ;

(117) Свивтову сказку о бочкѣ (le Conte du Tonneau) съ сатирическими картинами о трехъ западныхъ неповѣданіяхъ, 2 тома, in-12. въ Гагѣ 1741 г. съ гербомъ и вензелемъ Шувалова; эстампъ вандиковой картины: Время въ видѣ крылатаго Сатурна; и два вывезенные изъ Рима антика: Марсъ и Минерва. Все это Тимковскій хранилъ, какъ святыню.

Книги, картины и все имѣніе Шувалова достались по послѣдству и завѣщанію двумъ дѣтямъ сестры его кн. Голицыной, князю Ѳедору Николаевичу и графинѣ Варварѣ Николаевнѣ Головиной.

въ другой разъ просто приказалъ ему не говорить больше о князѣ; но когда Пикаръ началъ оправдываться, Шуваловъ вспылилъ и грозно закричалъ: «Бродяга! смѣлъ ты передо мною поносить вельможу, въ обществѣ, которое пригрѣло тебя! Вонъ изъ моего дому, вонъ!» Тихо, съ извиненіями, отступалъ Пикаръ къ дверямъ, и долженъ былъ удалиться. «Jacobin! продолжалъ Шуваловъ, онъ можетъ похвалиться, что говорилъ это у меня!» Сестра, племянница и гости стали упрашивать Шувалова, чтобъ онъ не сердился. Пикаръ получилъ позволеніе возвратиться, при чемъ Шуваловъ, какъ замѣчаетъ свидѣтель этой сцены, «перекрестясь, далъ ему вразумительную гонку.»

«Но я всегда бывалъ болѣе доволенъ, говоритъ Тимковскій, когда находилъ Шувалова однимъ, или почти однимъ. Тогда онъ охотно раскрывалъ, кажется, самъ передъ собою картины своей жизни. Мнѣ оставалось придавать связи, и какъ бы подкладывать дрова...»-«Въ разговорѣ и разсказахъ онъ имѣлъ рѣчь свѣтлую, быструю, безъ всякихъ приголосковъ. Русскій языкъ его съ красивою обдѣлкою въ тонкостяхъ и тонахъ. Французскій онъ употреблялъ, гдѣ его вводили, и когда, по предмету, хотѣлъ что сильнѣе выразить. Лице его всегда было спокойно поднятое, обращеніе со всѣми упредительное, веселовидное, добродушное.»—«Случалось, что мы до обѣда, но чаще послѣ обѣда выходили въ большую гостиную, съ вывезеннымъ изъ Неаполя мраморнымъ каминомъ. На каминѣ стояли двѣ древнія статуйки бѣлаго мрамора, величиною до двухъ футовъ. Разъ я заглядѣлся на нихъ.—«Эти статуйки дорого мнѣ стоятъ», сказалъ онъ. На ожидающій мой видъ онъ продолжалъ: «Послѣ моего возвращенія, въ первые годы, съѣздилъ я въ свою новую деревню. Тамъ передъ окнами дому, мало наискось, открывался прекрасный видъ за рѣкою. Пологостью къ ней спускается широкій лугъ, и на немъ косятъ. Все утро я любовался видомъ, и потомъ спросилъ у своего интенданта, какъ великъ этотъ лугъ?—Онъ большой, говоритъ, указывая въ окно, по тотъ лѣсъ и за тѣ кусты.—Сколько тутъ собирается сѣна? — Не могу доложить; онъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, такъ подходитъ къ намъ. — Чужое въ глазахъ такъ близко, подумалъ я; и лугъ остался на мысляхъ. Я выбралъ время, послалъ къ графу съ предложеніемъ, неуступитъ ли мнѣ, и какую назначитъ цѣну? — Скажите Ивану Ивановичу, отвѣчалъ графъ, что я имѣнія моего не продаю, ни

большаго, ни малаго; а если онъ дастъ мнѣ тѣ двѣ статуйки, что́ у него на каминѣ, то я съ нимъ помѣняюсь. — Я подумалъ: лугъ такъ хорошъ, и подъ глазами; но будуль я когда въ деревнѣ, — а къ этимъ привыкъ, отдавши испорчу каминъ, и мысль свою оставилъ.»

Подобныя бесѣды, которымъ мы обязаны многими изложенными въ настоящемъ трудѣ свѣдѣніями, продолжались болѣе полугода. Молодой чиновникъ почти каждое воскресеніе приходилъ молиться въ домовую церковь Шувалова, и потомъ оставался у него обѣдать.

Тимковскій узналъ Шувалова на семидесятомъ году его жизни. Онъ былъ уже слабъ здоровьемъ, что и помѣшало ему съѣздить въ Москву на коронованіе Павла Петровича. Онъ привѣтствовалъ государя письмомъ, въ которомъ вспоминалъ объ его младенчествѣ, и получилъ въ отвѣтъ милостивый рескриптъ вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ, что ему пожалованы деревни съ тремя тысячами душъ (118). Не долго впрочемъ пользовался онъ умноженіемъ своего достатка. Осенью, возвратившись изъ Павловскаго, куда приглашала его на обѣдъ къ себѣ императрица Марія Ѳедоровна, онъ вдругъ ослабѣлъ, занемогъ и послѣ кратковременной болѣзни скончался, 14 Ноября 1797 года (119). Его похоронили съ великими почестями, въ Невской лаврѣ, въ малой Благовѣщенской церкви. По приказанію государя камеръ-пажи дежурили у тѣла, и весь дворъ принималъ участіе въ погребальномъ шествіи. «При всемъ непостоствѣ сѣверной осени, петербургской погоды, холода и грязи—замѣчаетъ Тимковскій—умилительно было видѣть на похоронахъ, кромѣ великаго церемоніала, съѣзда и многолюдства, стеченіе всего, что было тогда въ Петербургѣ изъ Московскаго Университета, всѣхъ временъ, чиновъ и возрастовъ, и все то были, какъ онъ почиталъ, его дѣти. Памятникъ Ломоносова видѣлъ провозимый гробъ мецената.» Отпѣвалъ тѣло петербургскій митрополитъ Гавріилъ, а надгробное слово говорилъ славный въ то время проповѣдникъ бѣлорусскій епископъ Анастасій Братановскій (120).

(118) См. въ біографической запискѣ о Шуваловѣ кн. Голицына, стр 98, гдѣ напечатаны рескриптъ государя (отъ 9 апр. 1797 г.) и два письма Шувалова, поздравительное и благодарственное послѣ пожалованія деревень. Въ послѣднемъ читаемъ: «Сія милость перемѣнила недостаточное мое состояніе въ довольное на всю мою жизнь.» Въ рескриптѣ государь писалъ: «Съ благодарностью воспоминать буду попеченія ваши обо мнѣ во время моего младенчества.»

(119) Такъ обозначено на его надгробномъ камнѣ.

(120) Слово это отпечатано отдѣльною брошюрою. «Онъ счастливымъ себя почиталъ въ

На другой день его кончины государь, ѣдучи верхомъ по Невскому Проспекту, остановился противъ его дому, снялъ шляпу и, поглядѣвъ на окна, низко поклонился. . . . .

Мы изложили дошедшія до насъ извѣстія о Шуваловѣ, и конечно насъ можно было бы упрекнуть въ пристрастіи, если бы мы стали называть его человѣкомъ необыкновеннымъ. Напротивъ, онъ скорѣе принадлежалъ къ числу людей простыхъ. Онъ не имѣлъ ни особенно сильнаго характера, ни отличныхъ талантовъ, и бо́льшую часть жизни провелъ на покоѣ. Его литературныя занятія ничтожны: они ограничивались переводами и кое какими стихами (121), Но онъ пользовался высокимъ своимъ положеніемъ, богатыми средствами, которыя посылала ему судьба,—для блага другихъ; онъ собиралъ книги, окружалъ себя картинами и произведеніями изящ-

---

тотъ день—говоритъ проповѣдникъ—въ которой имѣлъ случай удалить несчастіе, и споспѣшествовать счастію другихъ... Свидѣтели достоинства его державы, приносившія ему почести, отъ коихъ онъ, дабы не затмили его усердіе къ отечеству, отрекся.... Въ обоихъ престольныхъ градахъ питомцы свободныхъ и художественныхъ наукъ соблюдутъ нестарѣющуюся память той его ревности, съ какою онъ тщался не меньше о украшеніи науками умовъ, какъ и поступковъ благороднымъ учтивствомъ.»

(121) Ему приписываютъ (Ж. М. П. 1837, Августъ, стр. 403) переводы двухъ книгъ: *Энциклопедія или краткое начертаніе наукъ*, съ нѣм. М. 1781. и *Сокращеніе стихотворческой исторіи или введеніе въ миѳологію*, съ фр. 1784. Но мы имѣли случай видѣть обѣ книги; оказалось, что переводы эти принадлежатъ одному изъ воспитанниковъ москов. университетскаго пансіона, который назывался тоже Иваномъ Шуваловымъ.—Кромѣ того обыкновенно считаютъ его сочинителемъ слѣдующей надписи къ портрету Ломоносова:

Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ;
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Евгеній въ Словарѣ своемъ говоритъ, что Шуваловъ выдалъ эту надпись за сочиненіе Поповскаго, и что вообще свои мелкія стихотворенія, писанныя въ молодыхъ годахъ, онъ помѣщалъ въ журналахъ либо безъименно, либо подъ чужими именами. Указать эти стихотворенія теперь уже нѣтъ возможности.—Кромѣ того, по словамъ Евгенія и Леклерка, онъ перевелъ *весьма удачно* изъ Шекспира монологъ Гамлета: этого перевода мы также не имѣли случая отыскать.

ныхъ искусствъ, не изъ утонченной роскоши, не для одного только собственнаго удовольствія; онъ постоянно имѣлъ въ виду распространеніе знаній и добра между стоявшими ниже его по общественному положенію соотечественниками. Оттого имя его въ Россіи дорого всякому просвѣщенному человѣку. Заключимъ словами Державина:

« Онъ жилъ для всенародной льготы
И покровительства наукъ. »

Петръ Бартеневъ.

Москва.
1855 г.

БИБЛІОТЕ...
Историко... ...ныхъ и юридическихъ...
Н. П. Раева.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы получили отъ М. А. Максимовича отвѣтъ на возраженія, сдѣланныя М. П. Погодинымъ въ IV книгѣ противъ его Филологическихъ писемъ (въ III книгѣ), но къ крайнему нашему сожалѣнію уже въ то время когда, настоящая книга, и безъ того содержащая въ себѣ до 38 листовъ, была почти вполнѣ отпечатана. Въ слѣдующей книгѣ помѣщена будетъ по важному вопросу, поднятому М. П. Погодинымъ, кромѣ отвѣтныхъ писемъ М. А. Максимовича, еще одна замѣчательная статья; такимъ образомъ все болѣе и болѣе уяснится и приблизится къ окончательному разрѣшенію споръ, возникшій между почтенными нашими учеными.

Сверхъ того, въ ближайшихъ книгахъ Р. Б. будутъ напечатаны между прочимъ слѣдующія сочиненія:

Новые отрывки изъ Воспоминаній *С. Т. Аксакова.*

Черная Рада, хроника 1663 г., соч. *П. А. Кулиша.*

Картины изъ русскаго быта, *В. И. Даля.*

Отрывки изъ сочиненія *Е. П. Новикова*: Гусъ и Лютеръ.

Окончаніе Исторіи возмущенія Стеньки Разина, по неизданнымъ матеріаламъ, соч. *А. Н. Попова.*

Замѣтки путешественника по славянскимъ землямъ, соч. *Ѳ. В. Чижова* (продолженіе).

Біографія барона Штейна, соч. *Ю. Ѳ Самарина.*

Разныя статьи, доставленныя изъ славянскихъ земель сотрудниками Русской Бесѣды:

О южныхъ Славянахъ, соч. *Д.-ра Клуна.*

О славянской Мѳологіи, соч. г. *Эрбена.*

О Литературѣ южныхъ Славянъ, соч. г. *Родоніевича.*

БИБЛОТЕКИ
Историко-Литературныхъ и Юридическихъ Курсовъ
Н. П. Раева.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія: По прочтеніи Псалма. *А. С. Хомякова.* . 1
Отвѣтъ *И. С. Аксакова.* 2
Доходное мѣсто. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ *А. Н. Островскаго.* 5

НАУКИ.

Отрывки, найденные въ бумагахъ *И. В. Кирѣевскаго.* . . 1
По поводу предыдущей статьи. *А. С. Хомякова.* . . . 25
Исторія возмущенія Стеньки Разина. *А. Н. Попова.* . . 47
Объ устройствѣ земледѣльческаго сословія въ Австріи. *Н. Р—па.* 105

КРИТИКА.

Очеркъ трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году. Соч. гр. Н. Орлова. *Ю. Ѳ. Самарина.* . 1
Критическія замѣчанія на сочиненіе г. Чичерина: Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. соч. *И. И. Крылова.* . . 25
Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина. *Ю. Ѳ. Самарина.* 103

ОБОЗРѢНІЯ.

Обозрѣніе современной Литературы. *К. С. Аксакова.* . . 1
Новѣйшая дѣятельность въ Чешской литературѣ. *Г. Риттерсберга.* 40

СМѢСЬ.

Замѣтки путешественника по Славянскимъ землямъ. *О. В. Чижова*. 1
Украинскія письма къ П. А. Кулишу отъ *М. А. Максимовича*. 38
Воспоминаніе о Богданѣ Хмельницкомъ. *Еюже*. 65
Письмо къ издателю А. Н. Кошелеву. 81
Замѣтка по свеклосахарной промышленности. *И. И. Шишкова*. 86
Письмо изъ Бѣлграда *А. Ѳ. Гильфердинга*. 88
О Всеславянскомъ Словарѣ г. Шумавскаго. *Еюже*. . . . 94

БІОГРАФІЯ.

Н. Н. Шуваловъ. *П. И. Бартенева*. 1

Отъ Редакціи. 1